

М.О. Осмавов

ТРАДИЦИОННЫЕ ТИПЫ
И СИСТЕМЫ ЗЕМЛЕДЕЛИЯ
ДАГЕСТАНА В XIX — НАЧАЛЕ
XX ВЕКА

М.О. Османов

ТРАДИЦИОННЫЕ ТИПЫ
И СИСТЕМЫ ЗЕМЛЕДЕЛИЯ
ДАГЕСТАНА В XIX – НАЧАЛЕ
XX ВЕКА

(С ПРИВЛЕЧЕНИЕМ МАТЕРИАЛОВ
ПО ВСЕМУ КАВКАЗУ).

Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского НЦ РАН

instituteofhistory.ru

Махачкала 2006

ББК 63.5 (2 Рос-Дар)
О-74

Ответственный редактор:
доктор исторических наук *Давудов О.М.*

Османов М.О.

Традиционные типы и системы земледелия Дагестана в XIX – начале XX века (с привлечением материалов по всему Кавказу). – Махачкала: Институт истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН, 2008. 482 с.

ISBN 978-5-905784-87-3

*Работа издана при финансовой поддержке РФФИ.
Проект № 07-06 – 97500.*

Монография посвящена характеристике традиционных типов и системы земледелия Дагестана XIX – нач. XX в. В ней раскрывается содержание понятия «тип земледелия», обосновывается правомочность и значение его выделения для структуры земледельческой культуры и ХКТ. Уточняется понятие «система земледелия», исходя из которого террасное земледелие исключается из системы и введено в понятие «тип». Земледельческая структура объявляется органической частью ХКТ, в рамках которого и развивается.

Книга рассчитана на этнографов, археологов, историков, преподавателей и студентов высших и средних учебных заведений, а также на широкий круг читателей, интересующихся традиционной экономикой горного края.

© Османов М.О., 2008
© ИИАЭ ДНЦ РАН, 2008

instituteofhistory.ru

ВВЕДЕНИЕ

Исследование хозяйственно-культурных типов (ХКТ) – ареалов Дагестана достаточно определенно показало¹, что основными образующими константами ХКТ являются пахотное угодье и орудие, объединенные нами в определении «тип земледелия», система земледелия и форма скотоводства, как определяющие лицо хозяйства местности (и образ жизни населения), являющегося структурно-конstituирующей основой (базой, фундаментом, скелетом) ХКТ.

Однако ни одна из этих составляющих (особенно тип земледелия, форма скотоводства) не были достаточно изучены (специально), и в частности, незавидное положение сложилось в отношении их определений, формулировок и понятийного аппарата. Это обстоятельство (наравне с другими) побудило нас в свое время попытаться исследовать формы скотоводства Дагестана, и разработать их определение (формулировку) и понятийный аппарат². Разумеется, мы не считаем эти разработки безупречными, или окончательными, однако опыт исследования форм скотоводства Дагестана и Северного Кавказа показал, что они более или менее сносны, и по крайней мере дают определенные возможности для исследования и классификации форм скотоводства определенного региона, особенно включающего в себя низменные и горные районы.

Но прежде чем приступить к существу исследуемой проблемы, остановимся предварительно на одном обстоятельстве методического

характера. Первоначально наша работа была задумана и исполнялась на материалах земледелия народов Дагестана. Но в процессе исследования и привлечения сравнительного материала, стало ясным, что эффективность и полнота исследования могут быть достигнуты на более широкой базе, как территориальной, так и этнической.

Теоретические выкладки или просто отдельные обобщения и интерпретации, базирующиеся на материале сравнительно небольшого региона или этнической общности всегда вызывают определенную долю скепсиса у специалистов, которые считают (полагаю, с должной долей оснований), что для подобных изысканий, затрагивающих неразработанные до этого проблемы, требуются более широкие и представительные материалы, включающие несколько главных сторон объекта исследования: его масштаб, охватывающий параметры как территориальные, так и демографические; представленность разных по происхождению и этнической истории народов (этнических групп, общностей); разнообразие природных условий, выраженное в наличии разных природно-географических зон и ландшафтов; наличие разных сочетаний этносов и их экологических ниш, подразумевая множественность их соотношений, включая следующие: один этнос – несколько различающихся ниш, одна зона, ландшафт, ниша – несколько разных этносов, разные этносы – разные ниши и т.д.; наличие и степень диффузности культурных феноменов, имея в виду диффузию между сходными зонами (этнос один, или этносы разные), между разными зонами (при тех же условиях) между разными этносами (занимающими сходные или различающиеся ниши) и т.д.

Думается такой подход во многом будет удовлетворять условиям широты и представительности (репрезентативности) материала: а) по охвату множества природно-географических зон, подзон, ландшафтов, которые во многом обуславливают выбор и преобладание типов и систем земледелия, их сочетания и соотношения; б) по охвату, включенности культурных и этнических традиций*, более множест-

* Ввиду определенного разброса, существующего в этнографической литературе, относительно понимания и практического применения терминологии, связанной с понятиями культурной и этнической традиции, мы считаем необходимым оговорить наше понимание и принятые нами номинации в этом отношении: мы будем называть надэтническую культурную традицию культурно-традиционной; в этнотрадициях же, культурную и этническую традицию, сложившуюся «внутри», в рамках этноса – бу-

венных и многообразных, что позволит с большей полнотой и аргументированностью рассматривать вопросы о роли взаимодействия и соотношении экологических, демографических, культурно-традиционных и этнотрадиционных факторов в сложении и бытовании, а также в соотношении, сочетании и преобладании типов и систем земледелия.

Не подлежит сомнению, что данные по более обширному и представительному региону, каким является весь Кавказ, добавят новый материал (конкретный видовой, типологический), который позволит обогатить сущностное и компонентное содержание типа и системы земледелия, уточнить их номинационную формулировку и перечень разновидностей.

Независимо от того, насколько наши попытки выявления и изучения некоторых элементов земледельческой культуры, особенно типа земледелия (понятие которого отсутствовало в агроэтнографии) будут удачными и плодотворными, увеличение масштабов исследуемой территории, совокупности регионов, природно-географических зон, этносов должно дать, по нашему мнению, положительный научный результат. В этом плане будет плодотворно, в частности прибавление в охвате новых и в большем количестве и разнообразии природных, экологических ниш, решающим образом влияющих с одной стороны на сложение типа земледелия, особенно первого его компонента – угодья, определяя его особенности, специфические черты (признаки), разнообразие и множественность видовых форм, и с другой стороны, на характер, особенности, структуру и бытование, перечень систем земледелия.

Не менее важна другая, аксиологическая сторона расширения территории объекта исследования, касающаяся культурной инерции и этнической традиции.

Множественность и многообразие проявлений этих традиций позволит более наполнено, на базе более обширного, а значит, и более убедительного материала, более аргументированно и доказательно осветить вопросы о взаимодействии, соотносительной роли, значении

дем называть культурно-этнической, а образовавшуюся в результате этноконтактов и взаимодействий, этнических заимствований и импортов, этнопроникновений – этнокультурной традицией.

и, в конечном счете, обуславливающей роли экологических, культурно-традиционных, этнотрадиционных, экономических и социальных факторов в сложении, бытовании, преобладании, сочетании и комбинировании как во внутривидовом, так и межвидовом аспекте типов и систем земледелия.

Еще один очень важный гносеологический и аксиологический аспект, касающийся роли культурного и этнического факторов в связи с рассмотрением типов и систем земледелия на материалах всего Кавказа заключается в том, что исследование этой роли приобретает большое значение и весомость по той причине, что проблема будет рассматриваться на материалах земледельческой культуры и таких высококультурных народов с древнейшей и высоко развитой земледельческой культурой, как например, армяне, грузины и др.

Имеются и другие аспекты, диктующие необходимость исследования типов и систем земледелия на более широком фоне. Уже говорилось, что проблема типа земледелия в науке вообще не поднималась, не говоря уже о специальных широких исследованиях, и поэтому разработка проблемы на расширенном фоне будет способствовать решению отдельных сложных и спорных вопросов, таких как о четком разделительном (водораздельном) критерии между типом и системой земледелия, об основном содержательном (и одновременно целевом) компоненте системы (сохранение, повышение и т.п. плодородия или производительности почвы), в определении места и видовой принадлежности террасостроительства и подсецкого земледелия (типы это или системы, что в них от типа и что от системы?).

Подытоживая вопрос о необходимости (и полезности) и научно-методологической актуальности исследования темы о типах (и системах) земледелия на более представительном материале, укажем, что выводы и заключения, основанные и выведенные на более многочисленных, разноплановых и разнообразных материалах, включающих множественность и многообразие в самых разных аспектах: экологическом (разные сочетания и комбинации различных природно-географических условий, образующих различающиеся зоны, подзоны, районы экологического порядка); традиционно-культурном (культурная инерция от экологии, хозяйственного опыта, самого развития элементов культуры); культурно-этническом (внутриэтнические, «самоэтнические» традиции); этнокультурном (традиции обу-

словленные межэтническими взаимодействиями, заимствованиями, импортами); хозяйственно-культурном (традиции, сложившиеся в рамках и пределах определенных хозяйственно-культурных ареалов); социально-экономическом (традиции политические, экономические и социально-стратифицированные, нередко обозначаемые понятием «двух культур» одного народа) и т.п., приобретают гораздо большую доказательную силу и научную ценность. Непесполезно будет в этом плане, учитывая, что все регионы и этносы Кавказа представляют единую историко-культурную провинцию, образуемую совокупностью историко-культурных регионов, областей и районов, провести исследование и в плане историко-культурных надэтнических и этнокультурных взаимодействий и взаимовлияний, имея в виду сложение и развитие исследуемых нами элементов в рамках и аспектах «этнической культуры» и «культуры этноса» разных народов Кавказа.

Следует, естественно, учитывать и другую, не менее важную сторону исследовательских аспектов типа (и системы) земледелия – объективно содержательную, поисковую и описательную, которая, независимо от наших намерений, классификационных и номинационных разработок и выкладок, должна дать объективную комплексную картину бытования на Кавказе компонентов земледельческой культуры, входящих в понятие типа и системы земледелия. Это тоже, при выяснении их перечня, соотношений, сочетаний, назначений, производственных и операциональных нацеленностей, с учетом обуславливающих все это факторов, должно способствовать решению вопроса о существовании, компонентном содержании, основных признаках и классификационных критериях установления и выделения типа и системы земледелия.

Однако мы сознаем, что наш материал по всему Кавказу далеко не достаточен (нет полевого этнографического материала, недоступна литература на национальных языках, особенно по Закавказью). Поэтому мы посчитали необходимым отразить эту неполноту в подготовке работы.

Возвращаясь к предмету исследования, начнем с типа земледелия, т.е. связки пахотное угодье – пахотное орудие, названной нами типом земледелия. Нам представляется совершенно необъяснимым тот факт, что в этнографической науке, в ее части обращенной на исследование хозяйства, и в частности земледелия, не возник вопрос о

таким компоненте земледелия, не сложилось научной категории и понятия, интерпретирующих этот компонент. Особенно удивительно, что проблема типа земледелия (определение, название могло быть и совершенно другим) не возникла после введения в отечественную этнографию понятия и концепции ХКТ, ведь тот феномен, который мы назвали типом земледелия прямо укладывается в концепции ХКТ, а его содержание представляет собой один из важнейших, определяющих компонентов ХКТ.

Как неоднократно указывалось в этнографической литературе сложение и размещение ХКТ находится в непосредственной связи (и зависимости) от поясных биоклиматических условий. Как известно, в уровнях взаимодействия человека и среды решающую роль играют биогеоценозы (экосистемы), которые базируются на понятиях, связанных с цепями питания, с трофическими связями в природе и уровнем (характером, степенью) этих связей. В экосистемах трансформируется солнечная энергия, которая аккумулируется в растительном покрове, потом потребляется в животном мире, и на конечной стадии потребляется человеком в виде биомассы³. В процессе реализации пищевых цепей и складываются ХКТ, соотносящиеся с особенностями поясных и зональных биоклиматических условий. А при учете этих условий первостепенная роль принадлежит ландшафту, рельефу. Вспомним, какие определения и характеристики применяются при наименовании и перечислении ХКТ: береговые собиратели, собиратели степей и полупустынь, ручные земледельцы горной зоны, мотыжные земледельцы степей и сухих предгорий, ручные земледельцы лесной зоны, пашенные земледельцы лесостепей и лесов, горные оседлые пашенные земледельцы и т.д. Все это на фоне климатических поясов и зон – холодный пояс, жаркий пояс, теплый пояс, умеренный пояс. Заметим также, что большую роль в характеристике земледельческого компонента ХКТ играет бытующее (господствующее) пахотное орудие, а до его появления – способ обработки земли (ручные, палочные, мотыжные и т.п. земледельцы). Таким образом, оказывается, что в описание основного содержания ХКТ входят характеристики климатических особенностей, ландшафта (рельефа), основного обрабатывающего орудия, этнографических параметров образа жизни (бродячий, кочевой, оседлый). В некоторых случаях к характеристике ХКТ добавляются элементы системы земледелия

(подсечное земледелие, поливное земледелие и т.п.). Для нас в данном случае важно то, что в характеристиках ХКТ содержатся элементы, имеющие отношение к земледелию, но в нем самом не получившие определенного места и оценки. Например, основное обрабатывающее орудие (мотыга, рало, соха, плуг) является важнейшим компонентом ХКТ, во многих случаях определяющим главную особенность ХКТ, его лицо. Не случайно Д. Григ, один из крупнейших зарубежных специалистов в области агрокультурного районирования, считает, что доминирующее пахотное орудие, привлеченное в качестве признака-критерия для хозяйственно-культурного районирования, дает наиболее положительный (и эффективный) результат⁴. С другой стороны, Н.И. Вавилов, выдающийся отечественный биолог, крупнейший специалист по истории земледельческой культуры указывал на разнообразие типов пахотных орудий и считал, что по ним можно различать отдельные земледельческие культуры⁵. Поскольку основоположники концепций ХКТ М.Г. Левин и Н.Н. Чебоксаров, считавшие хозяйство базовым компонентом ХКТ, обусловленного главным образом экосистемой, включили в характеристику ХКТ обрабатывающее орудие, причем как один из определяющих компонентов, постольку следует считать, что они придерживались мнения, что это орудие, его особенности складывались в первую очередь под воздействием факторов природно-географического характера (рельеф, климат, почвы), не исключая, разумеется, и влияния культурной и этнической традиций (и инерций). Один из отечественных специалистов в области земледельческих орудий Ю.Ф. Новиков пишет, что «разнообразие видов и форм пахотных орудий свидетельствуют исключительно о их приспособленности к различным условиям применения – как почвенно-климатического, так и общественно-экономического порядка», и, следовательно, они наименее пригодны для специальных этнографических исследований⁶. Сходной точки зрения придерживается и целый ряд других авторитетных отечественных исследователей (например А.А. Шенников, К.В. Чистов и др.).

Точно такое же положение сложилось и в отношении рельефа, ландшафта в земледелии. В ХКТ это важнейший компонент, иногда ему отводится даже первенствующая роль, но в категориях земледелия, основных, характеризующих его понятиях ему не нашлось места. Между тем, в зависимости от ландшафта, особенностей рельефа, вер-

тикальной зональности и т.п. в земледелии зависит очень многое. Ведь этот комплекс природных факторов определяет во многом и особенности используемого пахотного угодья и орудия, выбор определенных систем земледелия, и даже состав основных посевных культур.

Однако напрашивается вопрос, есть ли необходимость выделения типа земледелия, может быть его компоненты или не играют особой роли в общей характеристике земледелия, или достаточно представлены в других категориях (или определениях), например, в системе земледелия, или вообще не нуждаются в группировании и выделении в одну отдельную самостоятельную структуру. Решению вопроса тут способствуют, можно сказать, косвенные факторы – оба компонента земледелия, которые мы намерены включить в понятие типа земледелия, составляют неотъемлемую и важную, а во многих случаях и необходимую, определяющую часть содержания не только земледелия, но и ХКТ, составляя важнейший его компонент.

В то же время, имеющееся понятие системы земледелия не включает компоненты типа земледелия – ни угодье с определенным рельефом, ни пахотное орудие; большинство систем земледелия могут быть лишь обусловлены рельефными особенностями угодий, не входящих ни в признаки, ни в составные компоненты системы. Когда мы говорим горные пашенные земледельцы мы ни в коей мере не затрагиваем систему земледелия, однако мы даем уже определенную общую первоначальную характеристику земледелию определенной местности (района – области, региона), и в это общее определение входит характер ландшафта (рельефа), определяющий, в свою очередь особенности сельскохозяйственных (пахотных) угодий, которые, как известно, во многом определяют и систему (например, просторные равнинные пахотные угодья и почти неизменно сопутствующая им переложно-залежная система). Таким образом встает вопрос о соотношении типа и системы земледелия, о том, как соотносятся компоненты обоих понятий (определений), какие из них первенствуют, определяют другие, какие равно соотносительно взаимозависимы, какие представляют наиболее важные, воздействующие (определяющие) компоненты, какие отступают на задний план. Потому задача заключается в том, чтобы определить компонентный состав типа земледелия, вернее установить, какие из элементов земледелия, включая

его производительные силы, производственные средства, совокупность земледельческих действий и мероприятий можно отнести к той или иной категории земледелия, будь то тип земледелия или система земледелия⁷. В отношении системы задача не очень затруднительна, т.к. основное направление отбора признаков, особенностей, которые должны составить ее содержание более или менее определено, хотя есть еще неясности, нерешенные вопросы, но основной принцип ясен – все что является положительно воздействующим на плодородие почвы фактором, представляет собой объект или действие, способствующее этому повышению, содержит в себе хотя-бы намерение, цель осуществить подобную земледельческую акцию – все это, независимо от того имела-ли акция целенаправленный характер или же просто послужила повышению (восстановлению) плодородия почвы, может считаться элементом или компонентом системы.

Гораздо сложнее в отношении типа земледелия, поскольку такая категория в этнографической науке вообще не значилась и не рассматривалась. Однако опыт исследования ХКТ показывает, что идея введения в научный оборот этнографии земледелия понятия о типе земледелия давно назрела, и фактически объект, обнимаемый этим понятием уже существовал в содержании ХКТ, но был только безымянным. Трудность выделения типа земледелия вытекает из того, что в его содержании (сущности) нет определенной целевой направленности как в системе земледелия, которая служила дифференцирующим критерием, как бы проверочным индикатором на правильность, достоверность, истинность.

Но с другой стороны задача облегчается тем, что наметившиеся в ходе практики исследования ХКТ основные компоненты типа земледелия имеют одинаковый вещный характер, могут, следовательно, поддаваться однородным правилам классификации и номинации. Это два основных (основосодержащих) компонента типа земледелия, составляющие и его главное содержание и образующие его композиционную структуру – пахотное угодье и основное обрабатывающее орудие – пахотное. По сравнению с системой земледелия имеется существенная разница – там действия, направленные на разрешение определенной задачи, здесь (по преимуществу), объективно существующие в начале возделывательного цикла вещные компоненты. Задача заключается в том, чтобы как можно точнее обозначить характер,

природу этих компонентов, чтобы определить, разграничить вещный состав, предметное содержание и композиционную структуру типа земледелия.

В пахотных угодьях на первый план выступает их рельефный характер, форма поверхности, которая по существу предопределяет и распространенность и достаток угодий, их структурные особенности, которые имеют непосредственное взаимодействие на формы обрабатываемых орудий и даже систему земледелия. В характере угодий, их особенностях может просматриваться и генезис их образования, включая и отдельные виды подсеки и террасостроительстве. Террасное земледелие следует категорически исключить из системы земледелия и отнести (с полным основанием) к типу земледелия. Ведь мы даже в практике дагестанского земледелия сталкиваемся с обстоятельствами, когда на террасных полях даже в пределах одной округи практикуется несколько систем земледелия – пар, севооборот и даже перелог.

Таким образом, можно считать, что в одном из главных компонентов типа земледелия (пахотные угодья) преимущественное значение принадлежит рельефной и структурной характеристике самих угодий, которая обнимает такие структурно различающиеся угодья как равнинные ровные поля, предгорные и высокогорные косогорные, склоновые, горные террасные (естественные и искусственные) и др., которые (угодья), в свою очередь, являются главным фактором при выборе системы земледелия.

Другой основной компонент типа земледелия – главное обрабатываемое орудие, т.е. пахотное. Разумеется, этот элемент типа структурно и композиционно связан с первым, и во многих отношениях обуславливается им, поскольку функционирование пахотного орудия операционально связано с особенностями рельефа и структуры обрабатываемых угодий. Правда, при этом обусловленность имеет не конкретный прямой («сегодняшний») характер, а заключается в выборе специфических пахотных орудий, уже сложившихся в ходе и процессе приспособления к особенностям разных пахотных угодий. Естественно, на удобных полях применяются производительные тяжелые пахотные орудия (плуги), в лесостепных и лесных предгорьях преобладали крепко сколоченные, чаще цельноскоренные рала, на

каменистых маломощных и полуискусственных почвах горной зоны многокомпонентные, с легко заменяемыми деталями орудия и т.д.

Теперь нам остается сделать попытку дать предварительную характеристику типа земледелия с точки зрения его основного содержания, или назначения, структурной композиции, иными словами сформулировать определение (предварительное). Если в системе ее содержание определяется ее целенаправленностью (сохранение плодородия почвы), то в типе такой целевой установки не существует. Если там выступает на первый план целеустремленная деятельность человека, его действия по решению определенной задачи, то здесь главным оказывается (преимущественно) наличие у земледельца объективно данных (или прежде им созданных) компонентов, которые представляют собой практически главные производственные (и производительные) средства земледельца, без которых земледелие вообще невозможно. Следовательно, можно предварительно сформулировать положение, что тип земледелия предоставляет собой композицию главных средств производства земледельца – пахотные угодья (объект обработки, средства труда), и пахотные орудия (средства обработки – орудия производства).

Надо полагать, что поскольку в понятие «земледелие» (которое само входит и в более широкие понятия ХКТ и др., используемые в этнографической литературе), входят понятия и системы и типа земледелия, небесполезно выяснить их место в земледелии, соотношение (сопряженность, соотнесенность, соподчиненность), расположение в иерархии структуры земледелия, как понятия, так и самого феномена, являющегося объектом исследования. Что здесь выглядит важнее, что выступает на первый план, что первенствует в самой практике земледелия, и что выглядит предпочтительным первостепенным, первоочередным, требующим исследования в первую очередь в процессе изучения земледелия или ХКТ.

Ответ легко напрашивающийся и довольно простой: как первый в хронологии и основополагающий в самой практике земледелия, тип земледелия и в процессе научного изучения требует первоначального рассмотрения.

Именно его компоненты являются основой земледелия и как отрасли сельского хозяйства для получения продуктов и сырья, и как цикла сельскохозяйственных работ, долженствующих обеспечить по-

лучение продукции. Любой трудовой процесс, направленный на получение определенного конечного результата (чаще всего в виде продукции) должен иметь в первую очередь средства труда и орудия производства, без них невозможно начать никакой процесс, никакую трудовую акцию, ибо они представляют как «материал» для работы, так и «рабочий инструмент», два главных компонента любого производственного (трудового) процесса, цикла. Ведь так называемый земледельческий цикл целиком базируется на использовании земли, которая обработана пахотным орудием – без этого нет ни земледельческого цикла, ни вообще земледелия.

Соответственным образом и в процессе исследования первостепенность и очередность рассмотрения согласуется с практикой жизнедеятельности, так сказать с объективной действительностью, и поэтому и здесь очередность в исследовании будет такой же – не разобравшись с типом земледелия невозможно даже приступить к рассмотрению остальных компонентов земледелия, в том числе и системы земледелия и земледельческого цикла. Не случайно при формулировке ХКТ, характеристике основного содержания и перечне основных, определяющих ХКТ компонентов, на первом плане стоят элементы, составляющие основу типа земледелия. Что касается системы, то земледельческая практика с очевидностью свидетельствует, что и по содержанию компонентов и по целевым задачам она следует вслед за типом, и во многом обусловлена им.

Если тип земледелия дает средства труда и орудия производства, система земледелия намечает средства, пути и формы наилучшего использования этих компонентов типа земледелия, для обеспечения наилучших конечных результатов.

Система земледелия определяет какими способами использовать те или иные угодья, как извлечь из имеющихся угодий (средства труда), используя максимально продуктивно наличные земледельческие орудия, наибольший конечный результат, применяя при этом и разные комбинации использования угодий, и разные способы подготовки и обработки земли. При этом ставится и задача не испортить имеющиеся угодья, не истощить их, сохранить для использования и в будущем по своему назначению, т.е. для получения максимально возможного количества продукции и сырья.

После того как средства труда (угодья) определены, средства обработки (орудия труда) подготовлены, выбрана система земледелия, наиболее благоприятная и продуктивная в отношении конечного результата труда (получения урожая), наступает очередь практического осуществления всех мер по подготовке почвы, севу, обеспечению благоприятных условий для посевов и т.д., наступает очередь реализации задуманного, посредством разных действий и мероприятий, т.е. наступает очередь земледельческого цикла, включающего в себя пахоту, боронование, сев, прополку, культивацию (мотыжение), уборку, скирдование и обмолот. Тем самым заканчивается комплекс мероприятий, составляющих содержание процесса земледелия, комплекса агротехнических действий человека, направленных на получение продукции и сырья посредством обработки земли.

Но в нашу задачу не входит рассмотрение земледельческого цикла. С самого начала была задумана лишь постановка вопроса и исследование типа земледелия, который (его компоненты) в этнографической литературе фактически использовался при рассмотрении (исследовании) ХКТ, но как-то неопределенно, не пытаясь определить содержание, структуру, компонентный состав, место и назначение, номинацию в категории ХКТ. Именно это обстоятельство, замеченное нами при исследовании ХКТ, при том очевидном большом значении компонентов, составляющих тип земледелия как элемента земледелия и научной категории для ХКТ, заинтересовало нас и побудило попытаться определить имеется ли такая категория, не искусственна ли она, имеет ли существенное значение в земледельческой практике, какое место занимает в концепции и формулировке ХКТ. Первый, хотя и небольшой опыт задействования категории типа земледелия мы осуществили при исследовании ХКТ Дагестана, а затем и Северного Кавказа, и пришли к убеждению, что тип земледелия заслуживает того, чтобы быть введенным в научный оборот и требует исследования как в комплексе и на фоне ХКТ, так и отдельно, как самостоятельная и плодотворная научная категория⁸.

Что же касается системы земледелия, то положение с нею другое, она давно признана и в земледельческой практике и в науке, имеются разработки и работы, системы фигурируют в любой работе, посвященной земледелию, правда не всегда в достаточной для научной полноты и достоверности форме. Если в отношении определения и

изучения отдельных систем земледелия результаты и достижения вполне очевидны, то по части разработки понятия и определения, положение не столь определено и благополучно. А это приводит, в свою очередь, на фоне разнобоя во мнениях о сущности, понятия и содержания системы земледелия, к множественности и противоречивости мнений о структуре системы, ее определении как компонента земледельческой культуры, и соответственно к несогласованности и противоречиям в классификации (перечне) систем земледелия.

Наше обращение к системе было вызвано не тем, что о ней не вспоминают, не имеется формулировка, а тем, что имеются недоработанность и неясности в их характеристике, определении содержания, перечня компонентов и перечня самих существующих систем земледелия. А главное заключалось в том, что системы земледелия смыкаются с типами земледелия, нередко в описаниях перекрывают друг друга, причем, поскольку понятия типа не существовало, отдельные его компоненты оказывались причисленными к системе земледелия или вообще хозяйственному типу. Эти-то обстоятельства сделали необходимым рассмотрение систем земледелия, причем, исходя из вышесказанного, их исследование целесообразнее (с точки выяснения научной истины) проводить именно в соотношении с типами земледелия. Это дает дополнительные возможности для достаточно точной идентификации обеих земледельческих категорий и научно-обоснованной (в достаточно мотивированной степени) интерпретации их компонентов, особенно маргинальных, в какой-то степени спорных, тяготеющих к разным (тип или система земледелия) интерпретациям, или же притянутых к одной из них (собственно к системе земледелия) самими исследователями (вспомним например, террасное земледелие, которое нередко рассматривалось в контексте проблем системы земледелия). Разработкой определения в основном занималась сельскохозяйственная наука, представители которой даже проводили специальные конференции, посвященные проблемам изучения систем и их научной разработки, определению сущности, понятия и интерпретации как содержания элемента, так и состава его сущностных компонентов⁹. Однако в советское время проблема была излишне политизирована, вплоть до того, что в понятие системы земледелия пытались вложить, как в прокрустово ложе, и организующую роль органов советской власти. Все это втискивалось в правильное

положение о том, что система земледелия «является одновременно и агрономической и организационно-экономической категорией». Правда, в самом перечне важнейших признаков (критериуме) мнения имеют самый противоречивый характер, каждый из авторов выдвигает свое понимание важнейших признаков, особенностей системы. Так, В.М. Слободин выдвигает на первый план прогресс земледельческой техники, совершенствование материально-технической базы. С.А. Воробьев, напротив, считает наиболее важной степень интенсивности использования сельскохозяйственных угодий, а Н.П. Макаров полагает, что важнейшим ингредиентом и признаком системы земледелия являются ведущие полевые культуры¹⁰.

Во всех определениях наблюдается также бросающаяся в глаза тенденция (направленность, заданность) расширительного толкования системы земледелия, включения многих критериев и признаков, выдвигания громоздких, охватывающих немало социальных аспектов и сторон формулировок. Наиболее удачной из всех определений сельскохозяйственников нам представляется формулировка В.П. Нарциссова, по которой система земледелия представляет собой «комплекс агротехнических, мелиоративных и организационных мероприятий по наиболее продуктивному и рациональному сельскохозяйственному использованию земли, повышению ее плодородия и улучшению условий развития посевов»¹¹. Но даже в этом, далеко не самом всеохватном и громоздком определении проглядывает стремление охватить многие стороны, ничего не упустить.

Несколько иной подход демонстрируют в понимании системы земледелия этнографы. Так, В.М. Суринов считает более важным в структуре и компонентах системы соотношение «территориальных возможностей земледелия» и численности населения¹², т.е. на первый план поставлено демографическое давление.

Ближе других исследователей к правильному пониманию сущности и основного содержания системы земледелия подошел, на наш взгляд, А.А. Шенников, избравший, как нам представляется, наиболее удачный критерий для определения основного содержания системы и ее номинации: «совокупность мероприятий по восстановлению плодородия почвы земледельческих угодий»¹³.

Ниже мы остановимся подробнее на определении А.А. Шенникова и др., пока же отметим только плодотворность его идеи о глав-

ном аспекте в содержании системы земледелия – совокупность действий, содействующих поддержанию плодородия почвы.

Следует заметить, что в этнографической литературе, в том числе посвященной специально земледелию, нередко опускают вопрос о содержании в сущности системы, и сразу переходят к вопросу о перечне и распространенности разных систем, причем, поскольку предмет исследования четко не обозначен, перечни бытующих в том или ином регионе (районе, области) систем, и даже перечни вообще имеющихся в земледельческой практике систем земледелия, оказываются различающимися (неодинаковыми) у разных авторов.

Например, в капитальной работе Б.А. Калоева по земледелию народов Северного Кавказа в главе «Системы земледелия» автор сразу приступает к перечню бытующих в регионе систем земледелия (переложно-залежная, подсечная, паровая, чередование культур) и их описанию, не затрагивая вопрос о том, что входит в понятие системы и каково ее определение¹⁴.

В весьма обстоятельном разделе «Земледелие» известного кавказоведа В.К. Гарданова, написанного квалифицированно и с привлечением большого фактического материала, также не сделана попытка сформулировать свое понимание и определение системы земледелия, и нет даже их выделенного перечня¹⁵. Нет даже перечней систем земледелия и во многих других этнографических работах по Кавказу как специально посвященных земледелию, так и имеющих посвященные ему разделы¹⁶.

Так, например, в сводной истории народов Северного Кавказа, в разделе, посвященном земледелию в XVIII в., также нет общего перечня систем земледелия, а лишь упоминается переложно-залежная система, господствовавшая, по словам автора, у кабардинцев и других адыгских народов, трехпольная, иногда двухпольная система в Дагестане, перелог иногда в Кумыки, и разумеется, террасное земледелие в Чечне, Осетии, Ингушетии, и особенно в Дагестане. Других сведений мы здесь не находим¹⁷. Однако в разделе, описывающем земледелие XVI–XVII вв. имеется упоминание о «подсечной системе экстенсивного земледелия» в предгорьях и горных местностях, в частности у западных адыгов, о переложной системе и поливном земледелии в речных долинах. В Дагестане отмечено трехполье, чередование культур, и разумеется, террасостроительство (интересно отме-

тить, что даже в такой капитальной работе, для выполнения которой объединены лучшие научные силы народов Северного Кавказа и головных научных центров, пахотное орудие горцев названо «деревянной сохой»)¹⁸.

По поводу сказанного в этой фундаментальной работе хотелось бы сделать два предварительных замечания. Первое касается того, что в ней, как и во многих работах, касающихся земледелия, в котором бытует (практикуется) террасостроительство, о нем говорят в связи с системой земледелия. Более того, в отдельных работах мы находим словосочетания «террасная система земледелия» (например, у Б.А. Калоева – «эта система земледелия здесь, по сравнению с Дагестаном, не достигла большого развития», «о широком распространении этой системы земледелия в прошлом по всей нагорной полосе региона» – речь идет о Северном Кавказе; «этой системой земледелия «называется» агрикультурное террасирование в Дагестане» и М.А. Агларов)¹⁹. Полагаем, что подобные характеристики связаны с неразработанностью определения системы земледелия, а также отсутствием понятия «тип земледелия», которое во многом помогло бы более четкому осмыслению и упорядочению систематизации, классификации и типологии в вопросах земледелия, уточнению номинации, терминологии.

Второе замечание касается именованного поливного земледелия системой земледелия. Поскольку полив возможен почти во всех системах земледелия, включать его в качестве критерия, разделительно-определяющего номинацию признака системы земледелия было бы некорректно. В этом случае у нас появилась бы еще одна система – богарная. Мы подробнее остановимся на этих вопросах ниже, в главах о системах и типах земледелия.

Примерно такое же положение относительно определения системы и классификации ее разновидностей мы наблюдаем и в работах, затрагивающих земледелие Дагестана. Один из первых дагестанских этнографов Х.О. Хашаев, описывая земледелие Дагестана, говорит о залежной и двух–трехпольных системах земледелия на плоскости, а в земледелии горной части описывает только террасное земледелие²⁰.

Другой маститый этнограф – С.Ш. Гаджиева, в описании земледелия кумыков, жителей равнины, также дает только перечень систем – пар, переложная система, чередование культур²¹. С.С. Агаширинова

отмечает у лезгин паровую систему с двухпольным или трехпольным севооборотом, и разумеется террасное земледелие²², в земледелии аварцев М.М. Ихиллов констатирует двухпольный, и в меньшей степени – трехпольный и однопольный севооборот, без пара, и развитое террасное земледелие²³.

У лакцев А.Г. Булатова находит, как и все авторы, пишущие о народах горного Дагестана, террасное земледелие и трехпольную систему с паром. В поздних своих работах в числе систем она уже не упоминает о террасном земледелии, и в качестве основных систем называет трехпольную (из-за малоземелья, по ее мнению) и чередование культур. У рутульцев ею отмечено различие систем в среднегорье и высокогорье: в первом – трехполье для орошаемых полей и переложная для богарных, во втором – однополье и перелог (по описанию – годовой)²⁴. Очень кратко сказано о системах земледелия и в коллективной работе, посвященной истории и этнографии агулов (система земледелия «близка к трехпольной», пар, чередование культур)²⁵. Справедливости ради отметим, что и в нашем описании земледелия даргинцев имеется лишь перечень систем – пар, перелог, плодосмен, севооборот, интерпретации же понятия системы земледелия нет и здесь²⁶.

Возможно, такой подход вызывается убеждением, что положение о системах земледелия достаточно разработано, перечень систем известен и добавлять тут особенно нечего. В известной степени это верно, но приведенные примеры показывают, что система земледелия как научная категория и ее номинация нуждаются в дополнительных уточнениях и изысканиях. Одним из исключений в этом отношении является в кавказоведческой литературе монография Г.А. Джавадова, посвященная исследованию земледельческой техники Азербайджана. Он характеризует систему земледелия как «правила пользования почвой, агротехнические меры, применяемые для повышения производительности почвы с сохранением ее плодородия»²⁷. Как видим, в формулировке Г.А. Джавадова имеется существенное отличие от основного содержания определения А.А. Шенникова. Последний говорит о «восстановлении плодородия почвы», Г.А. Джавадов же добавляет «повышение производительности почвы», – при сохранении плодородия, гораздо более расширительное толкование. Однако не все известные общепринятые системы земледелия именно восстанавливают

плодородие (т.е. восполняют утраченное, утраченное, истощившееся), а просто поддерживают плодородие. Обо всем этом подробно в соответствующей главе, пока же мы пытаемся как бы предварительно выйти на исходные методологические и поисковые позиции.

Обратимся теперь к проблеме распространения, районирования типа и системы земледелия, причем, поскольку эти обе категории взаимно связаны и дополняют друг друга, вопрос их районирования требует совместного и соотносительного рассмотрения. При этом необходим учет как совпадения ареалов их бытования, так и тех обстоятельств, при которых они оказываются разорванными, и их парные соответствия, сложившиеся, например, в одной зоне, обнаруживают несовместимость в другой (других) зонах, и образуют новые пары-сочетания, более отвечающие особенностям местных условий. Из земледельческой практики известно, к примеру, что в тип земледелия равнины входят обширные ровные поля, подчас целинные или залежные, и что им в наибольшей степени подходит тяжелый отвальный плуг с колесом и многопарной упряжкой волов (или буйволов). Большие (в достаточном для наличного населения количестве) поля в результате многовекового опыта выработали у населения традиции и навыки экстенсивного переложно-залежного земледелия (скетемы), не требующего удобрения почвы, неорошаемого. Так на равнине стала традиционной эта земледельческая триада, особенностью которой являлась тесная пригнанность и взаимное соответствие всех трех компонентов, объединяющих тип земледелия (поля, орудие) и систему земледелия (перелог-залежь). Но стоит хоть одному из обусловивших эту триаду условий измениться, как она распадается, и компоненты ее или меняются радикально (видоизменяются), или заменяются другими компонентами. Так, например, уменьшение земельных наделов, вызванное изменением демографического давления, меняет характер системы, из переложно-залежной она превращается просто в переложную и обнаруживает явную тенденцию к превращению в паровую. Если же взять эту триаду и наложить, например, на кособорные, склоновые поля верхнего предгорья, то получается еще одно сочетание: на более крутых склонах, даже в пределах одного поселения, отвальный плуг заменяется ралом, хотя при достатке угодий сохраняется перелог с залежью, а на низменных более ровных и просторных полях используется отвальный плуг.

Встает вопрос, какой же из компонентов является как бы доминирующим, определяющим? Примеры свидетельствуют, что в большинстве случаев определяющей константой служит тип земледелия, или один из его компонентов, а система земледелия как-бы исходит из тех объективных обстоятельств, которые объединены типом земледелия. Например, несомненно, что характер пахотоспособных угодий во многом определяет не только форму обрабатывающего орудия, но и выбор системы. Горные поля, нередко террасные, имеющиеся в недостаточном количестве, уже не могут быть использованы для культивирования переложно-залежной системы (как основной), а характер их почв, величины участков, количество тяглого скота и др. исключают использование тяжелого громоздкого отвального плуга.

Таким образом, хотя сочетание тип земледелия и система земледелия остается, компонентный состав этого комплекса изменяется, причем полностью, а главным «виновником», определяющим эти изменения выступает тип земледелия, с его компонентом пахотные угодья (средства труда). Наравне с горными, в том числе террасными полями, мы видим здесь рало, а в системе земледелия обнаруживается даже несколько видов – пар, иногда перелог (кратковременный), севооборот, чередование культур, вкрапленные нередко в двухполье и трехполье.

Таким образом, в районировании типа и системы земледелия мы наблюдаем определенные, довольно строгие закономерные соответствия между ними, причем определяющей (ведущей) стороной выступает тип, к компонентам которого, его особенностям вынуждены, как правило, приспосабливаться, приравниваться элементы системы. Не случайно эти компоненты типа земледелия попали в основную, даже генеральную константу ХКТ, во многом определяя и характеризуя из названия и главные признаки.

В ведущем значении компонентов типа в районировании типов и систем земледелия играет роль, так сказать, первозданность типа земледелия и его компонентов и в этом отношении можно сказать, что тип земледелия охватывает «довозделывательный» этап земледельчества, он как-бы служит основой, которую уже целенаправленно, учитывая его особенности, использует земледelec, который сначала вы-

бирает систему земледелия и затем осуществляет земледельческий цикл, который должен обеспечить ему получение урожая.

В связи с земледельческим циклом всплывает и другой важный вопрос – о дополнительных компонентах типа и системы земледелия.

В типе земледелия к его объективным данностям можно, по-видимому, в качестве дополнительных признаков (компонентов) включить особенности климата, элемент природно-географической среды, которая является фоном, на котором разворачивается и осуществляется деятельность земледельца.

В системе земледелия, поскольку для плодородия почвы земледelec изыскивал все новые и новые средства, вполне возможны определенные дополнительные действия, долженствующие содействовать успешному решению задачи получения хорошего урожая, в том числе за счет повышения плодородия почвы. В этом плане, думается, правы те исследователи которые включают орошение (полив) и компонентную структуру системы земледелия. Орошение несет в себе не только воду (H_2O), в ней есть микроэлементы, соли, нередко ил, а в некоторых случаях оно сочетается с удобрением (орошающую воду пропускают через проникаемую преграду из навоза).

Заметим, что проблема выяснения компонентно-содержательного места орошения, отнесения его к типу или системе приобретает определенную ясность на более широком и представительном общекавказском материале. На базе дагестанского материала мы склонны были водный источник и оросительную систему (как в случае с террасами) отнести к типу земледелия, а сам полив (действие) к системе. Однако весьма затруднительным представляется в этом плане охарактеризовать феномен земледельческой культуры, который называется лиманной (чальной – азерб., груз.) системой земледелия. С одной стороны лиман (чал) это безусловно существующее от природы угодье, объективная данность, и действий земледельца с целью воздействия на плодородие здесь не обнаруживается. Но поскольку проводилась определенная работа по регулировке полива и предотвращению и уменьшению засоления почвы, эти меры можно считать, по-видимому, действиями по воздействию на плодородие, или скорее, производительность почвы. К тому же, в понятие (содержание) системы земледелия входит и аспект использования плодородия почвы, поэтому утилизация лиманов вполне входит в комплекс мероприятий

(элементов) системы земледелия. И то, что азербайджанский исследователь Г. Джавадов, добавил к содержанию системы земледелия «повышение производительности» в немалой степени обусловлено и особенностями лиманного (чального) земледелия.

Даже этот небольшой пример с лиманной системой азербайджанских и грузинских земледельцев показывает, что материалы по другим регионам Кавказа дают типологически и в видовом отношении неизвестный нам и содержательный материал, который создает новые, более богатые перспективы как для уточнения и дополнения перечня типов и систем земледелия, так и для формулирования более адекватных и четких критериев их характеристики и видового разграничения и разделения (размежевания).

Еще один аспект вопроса об орошении заключается в том, что земледелец предварительно создает оросительную сеть, нередко сложные гидротехнические сооружения в довозделывательный период, что подходит под определение «овеществленный труд человека». Однако, поскольку в компонентную структуру типа земледелия входят только угодье (обрабатываемое) и орудие (обрабатывающее), а оросительная сеть ни к одному из них не относится и служит только для полива, правильнее будет, наверное не разрывать органического единства ирригации, в которой главное – все таки действие и поэтому не включать (и частично) в содержание типа земледелия.

Но удобрение, прямо способствующее понятию плодородия, должно быть отнесено к системе земледелия без всяких сомнений. Вспомним, к каким только ухищрениям не прибегали земледельцы, чтобы найти средства и способы для максимального удобрения почвы.

Нам уже приходилось говорить (в связи с ХКТ)²⁸ о трудно разрешимой дилемме с делом удобрения в горных безлесных областях. С одной стороны – почвы слабые, нередко скелетные, каменистые, с тонким гумусным слоем и регулярная подкормка ее, удобрение представляло собой жизненно важную, даже суровую необходимость. С другой стороны, почти совершенное отсутствие лесов и соответственно отсутствие источника топлива, вынуждали большую часть навоза, главного источника удобрения, употреблять на топливо (кизьяк). В вечной борьбе над решением этой трудно разрешимой проблемы и бились горцы, ибо оба элемента жизни, зависящие от решения этой

проблемы были одинаково важны. Разумеется, хлеб важнее и нужнее, но его можно прикупить, если есть другие источники производства, могущие дать продукцию для обмена на хлеб. Далее, ведь хлеб надо или сварить (хинкал) или испечь (чурек), человек должен обогреться хотя-бы во время приема пищи, и время от времени в течение холодного дня*.

Еще одно замечание относительно типа земледелия.

Пахотное орудие тесно соприкасается с вопросом об условиях пахоты, соотносности, соответствия орудия имеющемуся в наличии (в данном месте) особенностям рельефа и почвы. Даже горские рала, выглядящие на первый взгляд однотипными (одной формы, одного облика, «на одно лицо»), на самом деле с большой степенью приспособленности варьируют свои структурные и технологические свойства своеобразно внешним условиям – как природно-географической среде в целом, так и составу почвы, ее структуре, технологическим особенностям. Известен печальный пример наших горе-реформаторов, которые, игнорируя местные природно-хозяйственные условия и вековой опыт земледельцев, посчитали, что современный тяжелый передковый отвальный плуг лучше будет обрабатывать почвы горных пахотных угодий. Исходя из таких же побуждений были разровнены и уничтожены во многих местах превосходные откосные террасы. Результат этого горереформаторства известен: ликвидация откосов, являющихся средством выравнивания угодий, создания террас и накопления (аккумуляции) влаги, привела к превращению откосных террас в косогорные и склоновые поля с отчасти нарушенной структурой почвы и склонностью к засушливости, беззащитности перед длительными периодами отсутствия осадков. Новые поля больше подвержены смыву почвы, неравномерности распределения выпадающих осадков и особенно воды полива.

Картина дополнилась другим новшеством: плуг вообще разрушил структуру легких скелетных почв, поднял «мертвый» слой, и в

* Мы начали было делать ссылки на полевой материал, но уже с первых попыток увидели, что это потребует такого большого количества сносок и так сильно технически перегрузит наш текст, что отказались от своего намерения (мы будем ссылаться на него лишь в самых необходимых случаях). Для тех, кто заинтересуется нашим полевым материалом, в конце будет приведен адресный перечень экспедиционных записей по исследуемой теме.

результате сильная деградация почвы, что в конечном счете привело к резкому падению урожайности и активизации эродировующих процессов.

В заключение мы считаем целесообразным коротко остановиться на главном «фоновом» факторе, в значительной степени обуславливающем как земледелие, так и компоненты земледельческой культуры – речь идет о природно-географических условиях (экологии). Вспомним, что человек отличается от животных в первую очередь «характером его деятельности», тем, что он «производит»²⁹, и соответственно и зарождение и стереотипизация культурных феноменов, его инноваций (и спонтанных и диффузированных) происходит, следовательно, прежде всего, в сфере производства, тесно связанного и во многом обусловленного природной средой.

Уже на заре своей истории, и после перехода к производящему хозяйству, человек должен был обращаться к природе, взаимодействовать с ней, и главным в этом взаимодействии были трофические связи, действия человека по добыванию и производству с помощью природы, ее ресурсов средств пропитания, пищевых продуктов. Таким образом, экосистемы (биогеоценозы) выступают в качестве базовой среды действий человека для этого добывания.

В связи с вопросом о взаимосвязях человека и среды можно вспомнить слова Ф. Броделя «об изначальной хрупкости человека пред лицом колоссальных сил природы». Календарь «будь то благосклонный или нет, господствует над людьми»³⁰.

Одним из наиболее последовательных приверженцев важной роли географической сферы в развитии человеческого общества, причем еще со времени существования жестких рамок «краткого курса», был Л.Н. Гумилев, который писал, что «географический ландшафт действует на организмы принудительно», заставляя их приспосабливаться, и что «это положение равным образом относится и к этносам, которые непосредственно и тесно связаны с природой через свою хозяйственную деятельность»³¹. Он утверждает, что «связь этноса с ландшафтом – это не теория географического детерминизма, а несомненный факт, фиксируемый исторической географией. Этноландшафтное равновесие является обязательным условием устойчивости геобиоценоза, в который люди входят как верхнее завершающее звено»³². Ему же принадлежит и своеобразное деление этноса по взаимо-

отношениям с ландшафтом на «приспосабливающихся», «поддерживающих» и «создающих новый ландшафт»³³, которые можно считать, по-видимому, в большей мере исторически стадийными.

Правда, Л.Н. Гумилев считался излишне приверженным упомянутому им «географическому детерминизму», однако многие исследователи солидарны с ним³⁴. Так, например Г.Г. Громов считает, что зависимость «между культурой человека и условиями данной географической зоны» особенно сильна «в сфере его производства»³⁵. Ведь и классики марксизма-ленинизма К. Маркс и Ф. Энгельс тоже считали, что «до тех пор, пока существуют люди, история природы и история людей взаимно обуславливают друг друга»³⁶.

В этой зависимости Р. Аренс находит три аспекта: ландшафтные условия могут быть побуждающими (для определенной формы хозяйства), нейтральными и мешающими. Заметим, что в качестве примеров он приводит пустынный ландшафт, горное расположение (!) Интересно отметить, что автор, указывая на постоянные усилия человека обрести независимость от ландшафта, в качестве убедительного примера приводит орошение³⁷. В продолжение мысли Р. Аренса о «горном расположении» приведем интересное суждение исследователя экономики горного Кавказа В.П. Христиановича. Он считает, что «история большинства сельскохозяйственных ландшафтов начинается с ландшафта естественно-исторического». Исследователь обратил внимание на существенную сторону этой зависимости, довольно важную, но о которой мало вспоминают. Он замечает, что географическое размещение разных хозяйственных типов, имеет «объяснение в приспособлении к естественным условиям, основанном на наименьших издержках производства»³⁸.

Очень решительное высказывание о соотношении экологии и культуры горных стран (и народов) имеется у известного отечественного этнографа С.А. Маретиной: «горный ландшафт принадлежит к числу тех видов географического окружения, воздействие которых на этносы является особенно ощутимым». И далее, еще более характерное замечание: «Даже у народов, во всех отношениях далеких друг от друга, наблюдаются общие явления и процессы, вызванные исключительно общностью горной среды»³⁹. Позднее она вновь подтвердила свою позицию по этой проблеме. например, в докладе на Гумилевской конференции о взаимосвязях этноса и ландшафта прозвучала

несколько более взвешенная формулировка: «экологическое окружение, как известно, включает две стороны – естественно-географическую и этносоциальную. На ранних этапах первая играла ведущую роль, но по мере активизации межэтнических контактов роль второй становится все более интенсивней». Тем не менее она полагает, что «взаимоотношение природы и этнических сообществ – одна из важнейших тем, не теряющих свою актуальность и при переходе на более высокие уровни общественного развития»⁴⁰.

Сходное мнение высказывает и Н.Ч. Таксами: этнос «создает свою культуру, необходимую для функционирования общества в соответствующих природно-экологических условиях», этнос – группа людей, «осваивающих определенную территорию, определенную природную среду, приспособляясь к этой среде»⁴¹. Однако другой исследователь – Н.В. Трубникова, ограничивает проявление этноса «через взаимодействие с кормящим ландшафтом», лишь обществом где оно «осуществляется непосредственно, а в экономике доминирует натуральное и простое товарное хозяйство»⁴². Истина находится, скорее всего, где-то посередине этих крайних точек зрения: природа не единственный обуславливающий фактор, но воздействие ее сохраняется во все времена. Аналогичное высказывание имеется у азербайджанского этнографа Г. Гулиева, который связывает многообразие систем земледелия с разнообразием и спецификой почвенных, топографических, климатических условий, с вертикальной зональностью и многовековой практикой и эмпирическими знаниями населения⁴³. Известный этнограф-кавказовед М. Кантария в перечне факторов, обусловивших сложение хозяйственно-культурных зон Северного Кавказа, на первое место ставит географический фактор. Она говорит о «эмпирически сложившихся этноэкологических системах, и сетует, что «взаимоотношения человека и природы» не всегда учитываются. В другой своей работе она высказывается еще определеннее: «ареал распространения этих компонентов (компонентов культуры земледелия – М.О.), как правило, не совпадает с синхронными изопрагмами аналогичных компонентов этнокультур, и детерминанты «национальный» и «этнический» не имеют определенного значения, поскольку характеризующая данный период специфика в них мало отражена»⁴⁴. Поскольку речь зашла о среде, считаем небесполезным привести замечание известного эколога П. Агесса о среде и экологической нише.

Каждый биологический вид «в среде, где он обитает, занимает определенное место, которое обусловлено его потребностью в пище, территории, связано с функцией воспроизводства. Такое место экологи называют экологической нишей данного организма... Среда это адрес, по которому проживает данный организм, тогда как ниша дополнительно указывает на его занятие, его профессию»⁴⁵. Это замечание вводит аспект, который придает понятию «экологическая ниша» несколько иное содержание, отличающееся от традиционных представлений, но на наш взгляд, оно верно и вполне справедливо, из чего следует, что им надо руководствоваться (особенно положением, что среда только место проживания, а ниша включает дополнительно занятия населения, хозяйство).

В последние десятилетия к роли экологии в развитии общества с большим вниманием и «уважением» относится и этнографическая наука. Отражением этого явилось, в частности появление работ, посвященных специально этой проблеме, следует даже говорить о зарождении нового направления в этнографии – этнической экологии⁴⁶. А известный культуролог Э.С. Маркарян даже считает важнейшей функцией культуры выработку «средств и механизмов для адаптации к среде и поддержания общественной жизни»⁴⁷.

О культуре, как «процессе адаптации к специфическим нишам, вначале только природным» и затем уже социальным, пишет и один из ведущих отечественных этнографов С.А. Арутюнов. В перечне феноменов предопределенных «природным условиями – климатом, рельефом, характером почв, растительности, наличием доступных материалов» и распространение которых «вовсе не обязательно следует этническим границам», он называет в первую очередь сельскохозяйственные орудия⁴⁸. В обобщающем труде отечественных и немецких этнографов также указывается, что при разной степени влияния окружающей среды («адаптации культуры» к ее условиям) на различные области культуры, «на орудия труда, особенно в сельском хозяйстве, окружающая среда влияет более всего, так что области распространения их типов нередко совпадают скорее с типами почв и зонами растительности, чем с этническими границами»⁴⁹.

Подобные взгляды высказываются в последние годы все чаще и чаще. Так, например, Е.П. Бусыгин и Г.Р. Столярова пишут о «большом влиянии на хозяйственную жизнь, культуру и быт населяющих

край народов» природно-географических условий, о сложении «общих черт» в культуре поволжских народов в результате контактов «в сходных природно-географических условиях»⁵⁰.

Интересную концепцию о природной среде и питании в обществе выдвигает А.В. Варенов: «Одна из предпосылок зарождения цивилизации» сезонность питания, «вынуждающая создавать запасы», транспортабельность которых «условие возникновения государства»⁵¹. «И то и другое жестко(!) зависит от окружающей среды». На «системную связь между этнической общностью ... и природной нашей, регионом обитания этой общности» указывает и К.Б. Серебровская⁵². Более категоричен в оценке роли окружающей среды в сложении и развитии элементов культуры известный отечественный этнограф Л.П. Потапов. Он считает, что «вся традиционная материальная культура ... саяно-алтайских народов, различных по языку и происхождению, сформировалась под влиянием географического фактора и была обусловлена стремлением приспособиться к местным условиям»⁵³.

Крупный специалист в вопросах о соотношении феноменов среда–культура–территория–этнос тоже известный этнограф В.И. Козлов первым среди географических факторов, имеющих этническое значение называет климат, «оказывающий существенное влияние на хозяйственную деятельность», затем почву, рельеф и гидрографию, также влияющих на трудовую деятельность, «особенно в сельскохозяйственной сфере». Позднее он стал даже более категоричен в своих суждениях, утверждая, «что основные формы материальной культуры определялись не столько границами этносов, сколько границами ХКТ, охватывавших группы людей, которые вели сходное хозяйство в аналогичных природных условиях». И далее: материальная культура обусловлена главным образом развитием производительных сил и особенностями природной среды»⁵⁴.

С ним солидарны не менее известные этнографы Н.Н. и И.А. Чебоксаровы, которые пишут о тесной связи хозяйственных и культурных форм «с особенностями географической среды»⁵⁵.

Сходных взглядов придерживаются и многие другие исследователи (Э.А. Паин, Б.В. Андрианов, А.Н. Ракитников и др.⁵⁶). В этом плане можно вспомнить в заключение меткое высказывание Ф. Энгельса о извечном «неравенстве в жизненных условиях» между раз-

ными частями ойкумены: «Обитатели Альп всегда будут иметь другие жизненные условия, чем жители равнины»⁵⁷.

Таким образом, роль экологического фактора сказывается на всем комплексе элементов земледелия, земледельческой культуры, и в первую очередь и самым непосредственным образом это определяющее воздействие экосистемы сказывается на угодьях, используемых человеком, в том числе пахотных. Поэтому сумма слагающих экологическую среду компонентов (рельеф, климат и др.) и особенности их сочетаний и взаимодействий различаются по разным показателям и в разной степени в отдельных провинциях, областях и районах, постольку эта разнохарактерность отражалась (сказывалась) соответствующим образом и на локальных особенностях угодий разных экологических ниш. Поскольку пахотные угодья заключали в себе не только признаки, обусловленные рельефом, но и целый комплекс особенностей, порожденных местными различиями биоклиматического и поверхностно-структурного характера (влажность, аридность, состав горных пород, наличие аллювия, периодичность затоплений, структура почв, растительность, ее характер, соотношенность с водными источниками и т.п.). Эти особенности определяют в свою очередь, характер и способы использования угодий, обработки земли и конструктивные, технологические и операциональные особенности пахотного орудия.

Однако приоритет воздействия природы и хозяйства на сложение и эволюцию элементов культуры, в первую очередь материальной, не означает отсутствия роли социально-экономических факторов, культурно-этнических и этнокультурных традиций. Определение «сильнее» лишь обозначает приоритет этой сферы, но не отрицание воздействия других факторов. Известный этнограф Я.В. Чеснов в работе с характерным (и программным) названием (о социально-экономических и природных условиях возникновения хозяйственно-культурных типов), объявив «природную среду предпосылкой любой человеческой деятельности, основным ее условием», добавляет что ее воздействие «зависит от собственной деятельности человека», которая «в конечном счете определяется уровнем социально-экономического развития общества»⁵⁸. Добавим к этому значение культурных (инерционных) и этнических традиций, роль культурного общения и взаимодействия, которые обогащали контактирующие

культурные комплексы, служили рычагом культурного прогресса, делали достоянием многих человеческих групп культурные инновации, рывки отдельных групп. В условиях экологической и этнической пестроты Кавказа были благоприятные условия как для сложения разных традиций и феноменов, и культурно-традиционных и культурно-этнических так и их диффузирования и взаимной интеграции. Интересное замечание по этому поводу мы встречаем у Ф. Броделя: «Ни одна из инноваций не оставалась на службе какой-то одной человеческой группы, одного государства, одной цивилизации, либо, требовалось, чтобы другие не испытывали в ней настоящей необходимости»⁵⁹. В том числе, добавили бы мы, потому, что определенный культурный феномен не мог быть использован (и внедрен) по причине неприменимости (непригодности) в данных географических условиях (рельеф, ландшафт, климат, почвы ит.п.). Материалы с очевидностью свидетельствуют, что интеграция (феноменов) через диффузию во многом зависит от сходства экологических ниш разных групп населения (диффузирующей феномен и воспринимающей его).

При отсутствии такого сходства интеграция феномена, как правило, не происходила, тут начинал действовать эффект пригодности, выгоды или применимости элемента в данных условиях (например, отвальный тяжелый плуг с многочисленными упряжками в горах).

Разумеется, в исторической практике культурные феномены реализуются, как правило, через этническую призму, но, тем не менее, положение о примате в хозяйстве и материальной сфере культуры (частично опосредованной через хозяйство) природных (и хозяйственных) предпосылок инноваций, следует считать справедливым.

Если попытаться выяснить степень надэтичности или «склонности» к ней названных элементов, то на первое место выйдет хозяйство с экологией, в среде которой оно функционирует. В самом хозяйстве и материальной культуре надэтичность тем выше, чем сильнее выражена механическая функциональность («механистичность») феномена. В этом плане вспомним А. Шенникова, который считает, что «форма средств труда определяется их функциональным назначением» и зависит «от физико-географической среды и от уровня развития производства. Для любых других влияний, в том числе этнических,

остается очень мало места»⁶⁰. Какое-то место остается, и это правомерно.

В целом можно, по-видимому, считать, что в сфере хозяйства и материальной культуры феномены, независимо от их спонтанности или заимствованности (диффузия), обнаруживают тем большую степень надэтичности, чем отчетливее выступает их функциональность, особенно механическая. Нефункциональные же элементы проявляют тенденцию к культурно-традиционной и через нее к культурно-этической самостоятельности, характерности и специфичности.

Таким образом можно считать, что особенности экологии и сельского хозяйства населения довольно существенно сказываются на выборе и бытовании типов и систем земледелия, их характере, особенностях, перечне.

Например, в совокупности компонентов типа – угодье–орудие, определяющим элементом является угодье. А последнее, в первую очередь, производное экологии, природно-географических условий. Лицо угодья определяют рельеф, ландшафт, почвы, климат, растительность и т.п., которые также весьма существенно обуславливают характер и перечень систем земледелия. Следовательно, для того, чтобы изучить важнейшие компоненты земледельческой культуры необходимо остановиться на характеристике природно-географических условий территории (вспомним – среда и ниша), с акцентом на изучение характера, особенностей перечней потенциальных возможностей целевого использования (пахотопригодности, пахотоспособности), возможности использования разных типов пахотных орудий, а также профильной благоприятности (сад, поле, огород, виноград и пр.) и избирательной выгоды для определения сельскохозяйственных культур (например, зерно или корнеплоды, пшеница или просо, кукуруза или ячмень и т.д.).

В заключении заметим, что научное понятие и категория «тип земледелия», в отличие от категории системы земледелия, вводится в научный оборот впервые, и потому трудности, порожденные этим обстоятельством, будут встречаться и затруднять наше исследование от начала и до конца.

1. Османов М.О. Некоторые вопросы изучения хозяйственно-культурных типов // СЭ, 1991. № 2; он же. Хозяйственно-культурные типы (ареалы) Дагестана (с древнейших времен до начала XXв.). Махачкала, 1996.
2. Османов М.О. Формы традиционного скотоводства народов Дагестана в XIX – начале XX в. М., 1990. С. 3–24 и др.
3. Андрианов Б.В. Закономерности географической среды и хозяйственно-культурная дифференциация народов мира // Этническая экология. Теория и практика. М., 1991. С. 163.
4. Grigg D. The agricultural regions of the World // Economic Yeography. Vol. 45, № 2. Worchester, 1969. P. 121.
5. Вавилов Н.И. Мировой опыт земледельческого освоения высокогорий // Природа, 1936. № 2. С. 81.
6. Новиков Ю.Ф. Генезис плуга и этнография // СЭ, 1963. № 2. С. 102.
7. Османов М.О. Аграрные традиции дагестанцев (теоретический и конкретно-этнографический аспекты) // Материальная культура народов России. Серия «Культуры народов России». Т. 1 Новосибирск, 1995; он же. Хозяйственно-культурные типы (ареалы) Дагестана (Разделы «Тип земледелия» «Система земледелия»); он же. Тип и система земледелия в структуре хозяйственно-культурных типов // Тезисы II Симпозиума Международного конгресса «Мир на Северном Кавказе через языки, образование, культуру». Пятигорск, 1998; он же. К определению типа земледелия и его места в земледельческой культуре и хозяйственно-культурном типе (постановка вопроса) // Вестник ДНЦ РАН. № 6. Махачкала, 2000; он же. (соавтор Ш.И. Омаров). Тип и система земледелия у даргинцев-цудухарцев (XIX – нач. XX в.) // Лавровские (Среднеазиатско-кавказские) чтения. Краткое содержание докладов. СПб., 2002; он же. О системе земледелия (К вопросу об уточнении целевого и компонентного содержания) // Там же. СПб., 2001; он же. О системе земледелия (понятие, сущность, компонентное содержание) // Вестник Ин-та ИАЭ ДНЦ РАН. 2005. № 2; он же. Некоторые вопросы традиционной земледельческой культуры Дагестана (и Кавказа) // Историческая наука Дагестана: сегодня и завтра. Тез. докладов научной сессии. Махачкала, 2003.
8. Османов М.О. Указ. работы.
9. Андрианов Б.В. Конференция по изучению систем земледелия (история и современная практика) // СЭ, 1973. № 4. С. 160–162.
10. Там же.
11. Там же. С. 160.
12. Суринов В.М. К определению этнических традиций в земледелии // СЭ, 1971. № 3. С. 52.
13. Шенников А.А. Крестьянские усадьбы Среднего Поволжья и Прикамья с XVI до начала XX в. // Этнография народов Восточной Европы. Л., 1977. С. 4.
14. Калоев Б.А. Земледелие народов Северного Кавказа. М., 1981. С. 53сл.
15. Гарданов В.К. Общественный строй адыгских народов. М., 1964. С. 61 сл.

16. См., например: Мамбетов Г.Х. Материальная культура сельского населения Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1971. С. 12 сл.; Калмыков И.Х. Черкесы. Историко-этнографический очерк. Черкесск, 1974. С. 79 сл.
17. История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. М., 1988. С. 376, 378–379.
18. Там же.
19. Калоев Б.А. Указ. раб. С. 63; Агларов М.А. Сельская община в Нагорном Дагестане в XVIII – начале XIX в. (Исследование взаимоотношения форм хозяйства, социальных структур и этноса). М., 1988. С. 47.
20. Хашаев Х.М. Общественный строй Дагестана в XIX в. М., 1961. С. 80 сл.
21. Гаджиева С.Ш. Кумыки. Историко-этнографическое исследование. М., 1961. С. 62–63.
22. Агаширинова С.С. Материальная культура лезгин. XIX – начало XX в. М., 1978. С. 30–31.
23. Материальная культура аварцев. Махачкала, 1967. С. 27.
24. Булатова А. Лакцы (XIX – нач. XX в.). Историко-этнографические очерки. Махачкала, 1971. С. 47–48; она же. Лакцы. Историко-этнографическое исследование (XIX – нач. XXв.). Махачкала, 2002. С. 126; она же. Рутульцы в XIX – нач. XX в. Историко-этнографическое исследование. М., 2003. С. 26–27.
25. Агулы (Сборник статей по истории, хозяйству и материальной культуре). Махачкала, 1975. С. 49.
26. Гаджиева С.Ш., Османов М.О., Пашаева А.Г. Материальная культура даргинцев. Махачкала, 1967. С. 22 сл.
27. Джавадов Г.Д. Народная земледельческая техника Азербайджана. Баку, 1989. С. 32–33.
28. Османов М.О. Хозяйственно-культурные типы (ареалы) Дагестана. С. 152–153.
29. Семенов Ю.И. Эволюция религии: смена общественно-экономических формаций и культурная преемственность // Этнографические исследования развития культуры. М., 1985. С. 205.
30. Бродель Фернан. Материальная цивилизация, экономика и капитализм. XV–XVIII вв. Структуры повседневности: возможное и невозможное. М., 1986. С. 82.
31. Гумилев Л.Н. Этногенез и этносфера // Природа, 1971. № 1. С. 51; он же. Этнос и ландшафт // Изв. ВГО. Т. 100. Вып. 3. Л., 1968. С. 196. Справедливости ради отметим, что хотя автор и откровенно от «географического детерминизма», многие его положения и мысли перекликаются с адептами антропогеографической школы, корни которой восходят к работам французского философа Ж. Бодена. Основатель школы Ф. Ратцель писал, что «на одинаковой почве, складываются сходные явления в жизни народов и государств, которые можно классифицировать по географическому признаку». Однако более взвешенной нам представляется положение другого представителя школы – Д. Стюарда,

который «допуская лишь в каждом случае локально ограниченные воздействия географической среды на развитие культуры» Примерно такова и точка зрения К. Уислера о том, что «существует неразрывная взаимосвязь между географической средой и развитием культуры» и потому «распространение культуры возможно лишь в той же или аналогичной среде». – *Ratzel F. Anthropogeographie.* Stuttgart. 1909. S. 57; он же *Земля и жизнь.* Т. 1, 2. СПб., 1903–1906; *Buckle H.T. History of civilization.* London, 1857–1861; *Huntington E. The human habitat.* London, 1928; *Stawer J. Theory of culture change.* Urbana, 1955; *Wissler C. The relation of nature to man in aboriginal America.* New-York, 1926; он же. *American Indian.* New-York, 1922; он же. *Man and culture.* New-York, 1923; Токарев С.А. История зарубежной этнографии. М., 1978. С. 134–137 и др.; Свод этнографических понятий и терминов. Этнография и смежные дисциплины. Этнографические субдисциплины. Школы и направления. Методы. М., 1988. С. 139–140, 142.

32. *Гумилев Л.Н. Тысячелетие вокруг Каспия.* Баку, 1991. С. 201.

33. *Гумилев Л.Н. Этнос и ландшафт.* С. 197.

34. Это достаточно убедительно показала и недавняя научная конференция, посвященная его юбилею: Л.Н. Гумилев. Теория этногенеза и исторические судьбы Евразии. Материалы конференции, посвященной 90-летию со дня рождения. Т. I, II. СПб., 2002.

35. *Громов Г.Г. География пахотных орудий русских крестьян в XIX в. // Географическое общество СССР. «Доклады по этнографии». Вып. 5. Л., 1967. С. 27.* В другом месте эта его мысль еще более конкретизирована: «Географические условия оказывают сильное воздействие на культуру человека, особенно на такую область его культуры как земледелие. Там же. С. 26. Сходных позиций придерживаются и кавказоведы. В частности М.В. Кантария считает, что материалы «в свете параллельных этнографических данных из других регионов горного Кавказа, доказывают безусловность общности полеводческой культуры этих регионов, детерминированным натуральным единством экосистемы и социального развития». – Кантария М.В. Агркультурные способы полеводства в Чечено-Ингушетии // КЭС. VI, Тбилиси, 1986. С. 66.

36. *Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 3. С. 16.*

37. *Ahrens R. Wirtschaftsformen und Landschaft Hamburg, 1927. S. 65–66.* О благоприятствующих аспектах природных условий, способствующих наибольшему развитию земледелия и скотоводства, особенно на начальных этапах развития этих отраслей, говорит и известный археолог *В.М. Массон* – Поселение Джейтун (Проблемы становления производящей экономики) // МИА. 180. Л., 1971. С. 136. Правда, затем он вполне резонно добавляет, что требуется благоприятствование и социальных факторов. С. 137–138.

38. *Христианович В.П. Горная Ингушия. К материалам по экономике альпийского ландшафта // Тр. СКАНИИ. Вып. 36. Ростов н/Д. 1928. С. 19–20.*

39. *Маретина С.А. Роль географического фактора в общественном развитии горных районов Индии // Роль географического фактора в истории докапиталистических обществ (по этнографическим данным). Л., 1984. С. 199.* В связи с

этим заметим, что известный географ А.Г. Исаченко считает общепризнанным положение о том, что ведущим фактором ландшафта, в ряду других, является на равнинах – смена пород, а в горах – рельеф. – Исаченко А.Г. Основные вопросы физической географии. Л., 1953. С. 253.

40. *Маретина С.А. Взаимосвязь этноса и ландшафта (на примере индийских племен) // Л.Н. Гумилев. Теория этногенеза и исторические судьбы Евразии. Материалы конференции. Т. II. С. 191, 187.*

41. *Таксами Н.Ч. Проблема взаимодействия этноса и ландшафта на примере малочисленных народов Севера Тихоокеанского региона // Там же. Т. II. С. 201, 202.*

42. *Трубникова Н.В. Воздействие этноса и ландшафта в ракурсе временных aberrаций // Там же. Т. I. С. 139.*

43. *Гулиев Г.А. О пахотных орудиях и системах земледелия в Азербайджане // Азерб. этнографический сборник. Вып. 2. Баку, 1966. С. 22; См. его же. Земледельческая культура Азербайджана. Автореф. докт. дис. Баку, 1968. С. 49–50.*

44. *Кантария М. Историческая динамика традиционно-бытовой культуры народов Северного Кавказа // Международная научная конференция. Археология и этнография Кавказа. Тбилиси, 2002. С. 250, 251; она же. Экологические аспекты традиционной хозяйственной культуры народов Северного Кавказа. Тбилиси, 1989. С. 244.*

45. *Пер Агесс. Ключи к экологии (перевод с франц.). Л., 1982. С. 5, 6.* Определения «среды» и «экологической ниши» он приводит по Виберту и Лаклеру (*Vibert R., Lagler K.E. Peches continentales Biologie et aménagement. Paris: Dunod, 1961, 720 p.*).

46. Ср. Сб. статей «Этническая экология. Теория и практика». Например, М. 1991. В сборнике природные условия рассматриваются как один из основных факторов развития народов. В качестве примера можно привести положение одного из авторов, считающего, что различия в природных условиях приводят к ускорению развития одних народов и замедлению других и благодаря этому уровень (ступень) развития может нередко восприниматься не как общая для всех народов черта, а как этнический признак, присущий какому-то определенному народу, отличающий его от других. Например, так земледельцы воспринимают соседних кочевников скотоводов. – *Ганжа А.Г. Инновации в системе «Этнос – окружающая среда» (с. 144–145 сборника).* Об этом же. См. *Кабо Р.М. Природа и человек в их взаимных отношениях как предмет социально-культурной географии // Вопр. географии. М., 1947. Сб-к. 5; Артановский С.Н. Общественно-культурные аспекты экологии человека // Вопр. философии. 1975, № 3; Арутюнов С.А. Культурологические исследования и глобальная экология // Вестник АН СССР, 1979, № 12; Козницыев А.Г. Переход к земледелию и экология человека // Ранние земледельцы. Л., 1980; Бромлей Ю.В. Культура и этнические аспекты экологии // Общество и природа. М., 1981; Проблемы взаимодействия общества и природы. М., 1983; Андрианов Б.В., Доскач А.Г. Хозяйственно-*

культурная дифференциация народов мира и географическая среда // Природа, 1983. № 4; *Козлов В.И.* Основные проблемы этнической экологии // СЭ, 1983. № 1; *Ганжа А.Г.* Природная среда и эволюция человеческой культуры // Культура средних веков и нового времени. М., 1987; *Маркорян Э.С.* Экология общества и культура // Экология человека. Основные проблемы. М., 1988; *Козлов В.И.* Этническая экология // Свод этнографических понятий и терминов. Этнография и смежные дисциплины. Этнографические субдисциплины. Школы и направления. Методы. М., 1988; *Крупник И.И.* Арктическая этноэкология. М., 1989; *Козлов В.И., Ямсков А.Н.* Этническая экология // Этнология в США и Канаде. М., 1989; *Алексеев В.П.* Очерки экологии человека. М., 1993; *Величко А.А.* Козволюция человека и окружающей среды // Изв. РАН. Серия географическая. Вып. 5. М., 1993; *Алексеева Т.И.* Адаптация человека в различных экологических нишах земли. М., 1998; *Добровольская М.В.* Человек и его пища. М., 2005.

47. *Маркорян Э.С.* О генезисе человеческой деятельности и культуры. Ереван, 1973. С. 37.

48. *Арутюнов С.А.* Адаптивное значение культурного полиморфизма // ЭО, 1993. № 4. С. 41, 43, 46.

49. Материальная культура. Серия «Свод этнографических понятий и терминов». М., 1989. С. 11.

50. *Бусыгин Е.П., Столярова Г.Р.* Природно-географическая среда и ее влияние на формирование традиционной культуры поволжских народов // Традиционная этническая культура и народные знания. Материалы международной конференции. М., 1994. С. 18–19.

51. *Варенов А.В.* Природная среда, обеспечение питания в традиционном обществе и условия возникновения цивилизации // Там же. С. 22–23.

52. *Серебровская К.Б.* Национальный менталитет и азбука питания (адаптивные ферменты и религиозное табу) // Там же. С. 109.

53. *Потанов Л.П.* Географический фактор в традиционной культуре и быте тюркоязычных народов Алтае-Саянского региона // Роль географического фактора в истории докапиталистических обществ (по этнографическим данным). Л., 1984. С. 137.

54. *Козлов В.И.* Этнос и территория // СЭ, 1971. № 6. С. 95; он же. Этнос и культура (К проблеме соотношения национального и интернационального в этнографическом изучении культуры // СЭ, 1978. № 3. С. 74.

55. *Чебоксарова И.А., Чебоксаров Н.Н.* Экология и типы основных элементов материальной культуры // Симпозиум по типологии явлений культуры // СЭ, 1979. № 2. С. 156.

56. *Андрианов Б.В.* Хозяйственно-культурные типы Средней Азии и Казахстана // Народы Средней Азии и Казахстана. Серия «Народы мира. Этнографические очерки». М., 1962. С. 32; *Ракитникова А.Н.* Некоторые особенности исторической географии земледелия и животноводства в Средней Азии // Вопросы географии. Вып. 50, М., 1960. С. 81.

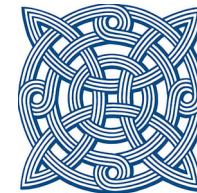
57. *Энгельс Ф.* Письмо А. Бебелю // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 19. С. 5–6.

58. *Чеснов Я.В.* О социально-экономических и природных условиях возникновения хозяйственно-культурных типов (в связи с работами М.Г. Левина) // СЭ, 1970. № 6. С. 23.

59. *Бродель Фернан.* Указ. раб. С. 410.

60. *Шенников А.А.* О понятии «этнографический комплекс» // Доклады ГО СССР. Вып. 3. Этнография. Л., 1967. С. 41.

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

ГЛАВА I.

ПОНЯТИЕ ТИПА ЗЕМЛЕДЕЛИЯ И ЕГО МЕСТО В ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ

Приступая к непосредственному рассмотрению типа земледелия вспомним, что потребность в подобной номинации возникла в связи с исследованием местных хозяйственно-культурных типов (ХКТ), т.е. хозяйственно-культурных ареалов. В процессе разработки вопроса о хозяйственных компонентах хозяйственно-культурных ареалов обнаружилось, что некоторые из них безусловно являясь необходимыми (обязательными) элементами ареалов, в то-же время имеют как-бы неясную первичную принадлежность, их трудно отнести к какой-либо отрасли хозяйства, культуры. При такой ситуации некоторые из них остаются как-бы неясными в своей генетической основе, а другие просто приписываются к уже известной, определенной подгруппе (роду) компонентов.

Вспомним, какие характеризующие моменты земледельческой отрасли, прежде всего, выдвигаются на первый план всеми исследователями, начиная с основоположников концепции ХКТ М.Г. Левина и Н.Н. Чебоксарова¹: ручные земледельцы горной зоны, плужные земледельцы разных зон, мотыжные земледельцы; перечисляются лесные, степные, горные, высокогорные, береговые земледельческие типы; в группе компонентов первой очереди называют орудия обработки земли – палка, мотыга, соха, рало, плуг и т.д.

Таким образом получается, что характер и особенности пахотного орудия, его характеристика, показывающая основное отличие способа обработки земли и ее соответствующие технологические особенности и т.п. имеют чуть-ли нерешающее значение при номинации ХКТ, отражающей его главное содержание и сущность. Мы уже упо-

минали, что Д. Григг, детально изучивший и систематизировавший все основные концепции и карты агрокультурного районирования мира и Н.И. Вавилов считают, что пахотное орудие является одним из наиболее результативных различительных показателей, определяющим особенности земледельческих культур, обуславливающим их своеобразие².

Вполне резонно считать, что если обрабатывающее (пахотное) орудие имеет столь важное значение в хозяйственно-культурном дифференцировании и районировании, то эта его роль вытекает из того несомненного факта, что оно занимает одно из важнейших мест в структуре и содержании земледелия как такового. Действительно, если суть земледелия как средства добывания (получения) определенных продуктов для удовлетворения насущных нужд человека, состоит в том, чтобы создать определенные условия для произрастания полезных растений путем соответствующей подготовки имеющейся земли (угодия), то ясно, что орудие, с помощью которого осуществляется это действие, приобретает особую важность и значение. При этом технические особенности этого орудия, конструкция, технология рабочей операции накладывают отпечаток на важнейшие черты (признаки) соответствующей земледельческой культуры, придавая ей особый колорит и своеобразие.

Однако, несмотря на то, что этот компонент (пахотное орудие) стоит на первом месте при определении земледельческого типа (мотыжные земледельцы, плужные земледельцы), следует признать, что имеется другой компонент земледелия, земледельческой культуры, который в земледелии стоит впереди пахотного орудия, ибо объективно он имеет более «первозданный» характер. В самом деле, любое, самое совершенное пахотное орудие абсолютно бесполезно, если этим орудием нечего обрабатывать. Ведь стартовый этап земледелия начался именно с угодий – с участков территории, на которых имелись заросли дикорастущих злаков (вспомним: по расчетам специалистов древнейшие земледельцы-собиратели Анатолии собирали на таких участках до 700 кг. зерна с одного гектара). По другим подсчетам дикий эммер и ячмень дают урожай 500–900 кг с одного га, а «семья из четырех человек за три недели могла собрать тонну зерна» (первобытными орудиями)³. Как известно, во взаимодействии человека и природы главным фактором для человека являются трофиче-

ские связи, реализация цепей питания, в которую включены все ресурсы природы, ее флора и фауна. даже в наше время, в век гигантских успехов промышленности, науки, когда научились синтезировать многие продукты природы, непосредственные трофические связи с природой являются первостепенными для человека, жизненно важными, необходимыми, без которых невозможно его существование как биологического (а, следовательно, и общественного) вида.

Экосистемы (биогеоценозы) являются той базовой средой, которой принадлежит решающая роль в ее взаимодействии с человеком, призванном обеспечить (удовлетворить) насущные потребности человека (в первую очередь трофические), т.е. в конечном счете, его существование. В процессе реализации этих связей складываются отрасли хозяйственной деятельности человека по обеспечению своего существования, элементы культуры, т.е. в конечном счете, образуются природно-хозяйственные группы, а затем и ХКТ. А их образование уже сопряжено с особенностями поясных и зональных биоклиматических условий, выступающих в качестве главного фактора (творца,демиурга), образующего (формирующего) ландшафт, рельеф местности, а, следовательно – соответственно поверхностную структуру угодий (в т.ч. пахотных), особенности почв и естественной растительности.

Таким образом, в пахотном угодье, выступающем как необходимый компонент ХКТ, в соответствии с его поясными и зональными особенностями (умеренный пояс, тропический пояс, равнинная или горная зона и т.п.) складываются предпосылки для образования (сложения) разнообразия биоклиматических и поверхностно-структурных характеристик, соответственным образом сказывающихся на формировании различающихся по своему земледельческому облику ХКТ. Пахотные угодья горных склонов или обширных равнин, лесных массивов или речных лиманов не только определяют способы использования земли, технические, технологические действия, круг мероприятий земледельческого цикла, но и форму (способ) первичной обработки земли (вспашки) и соответственно конструкцию и технологические особенности обрабатывающего (т.е. пахотного) орудия.

Эта тесно сопряженная пара – пахотное угодье и пахотное орудие образуют связку, выступающую на первый план, являющуюся главной константой земледелия, земледельческой культуры, ХКТ

земледельческого профиля. При этом, как это ни странно, связка эта не имеет ни своего определения, ни своего места в этих структурах. Способы или методы повышения качества угодья обозначены, само же оно, определяя параметры сложных структур (земледельческой культуры, ХКТ), своего собственного определения и места не имеет. Такое положение при наличии других поименованных структур (система земледелия, земледельческий цикл и др.) приводит к путанице, смещению элементов, например, системы земледелия и компонентов связки, которые ни по форме, ни по своей сущности и содержанию не могут входить в круг (перечень) компонентов, охватываемых комплексом мероприятий по воздействию на качество угодий, т.е. системой земледелия. Поскольку эти два элемента (угодье, пахотное орудие) выступают как основные определяющие категории хозяйственного типа (земледельческого) и соответственно ХКТ, напрашивалась мысль выделить их (связку) в самостоятельную земледельческую категорию.

Главной особенностью обеих категорий природы и хозяйства (пахотное угодье и пахотное орудие) является их четкая выделяемость, исходность, первоизданность, существование в форме объектов уже готовых, имеющихся для включения, использования в земледельческом производстве. Это как-бы объекты, которые существуют вне зависимости от планов и намерений земледельца, объекты, которые напротив, диктуют ему весь его производственный цикл. Поскольку они различаются в зависимости от своеобразия природно-климатических условий, особенностей ландшафта и рельефа, а также условий и обстоятельств предшествующей деятельности человека по изготовлению орудий, следует, по-видимому, произвести определенные действия по их классификации. И, поскольку, речь идет о много-сложном явлении, в котором разделение на различающиеся объекты включает не только сами предметы классификации, но и отношения (взаимодействия) между ними самими, а также между их свойствами, признаками, причем существенными⁴, предпочтительно провести типологическую классификацию. Для этого вспомним коротко основные условия (и требования) научной типологизации (типизации), «целью которой является выработка представления об органическом единстве набора существенных признаков, образующих сущность вещи»⁵. М.В. Крюков считает, что эти признаки, на основе которых

конструируются типы, должны быть «наиболее значимыми и фундаментальными»⁶. Одно из полных и удачных определений типа применительно к традиционно-бытовой культуре, предложил Я.В. Чеснов, охарактеризовавший тип как «устойчивый комплекс, обладающий особым ареалом, изофункционально соотнесенный» («противопоставленный») «с аналогичными комплексами и обнаруживающий общее направление варьирования формально-морфологических признаков»⁷. Важным условием адекватности конструируемой типологии объективно существующему кругу связей и отношений предметов (явлений), подвергающихся типизации, является, как выражаются исследователи, «сохранение единого принципа деления для решения каждой классификационной задачи»⁸, или, как формулирует это Л.Н. Гумилев, создание «определенной шкалы, градуированной любым условным способом, но в одном масштабе»⁹.

И, наконец, очень важное условие типологизации – «однозначность используемых терминов», при безусловном соблюдении принципа «единого основания» типологии¹⁰, которое может включать и один и несколько признаков¹¹, но их число обязательно должно быть конечным¹².

Поскольку речь в данном случае идет о классификации совокупности предметов применительно к отдельным зонам, регионам, районам, предполагающей выявление дифференцированных феноменов, с генерализацией дифференцирующих и в то же время интегрирующих свойств (признаков), постольку мы можем, по-видимому, воспользоваться методом генерализации, примененным нами при типологизации хозяйственно-культурных феноменов в работе по ХКТ Дагестана. Он заключается в первоначальном описании феноменов и создании их перечня, на базе которого составлялись классификационные ряды: горизонтальный и вертикальный. Последний, более сложный, подразумевает два способа – выявление разных районированных (специфически свойственных району, месту) феноменов (компонентов) и выявление в однотипных (сходных по виду, облику) феноменах свойств (признаков), характерных для отдельных районов. При этом были использованы три подхода, которые мы назвали предметно-объектным, функционально-предметным и конструктивно-технологическим. Заключительный этап операции – выявление специфичности (свойственности) феномена именно данному району (или

ХКА) и определение степени бытования (удельного веса) однофункциональных феноменов, но различающихся по конструкции и облику, в данном районе (ХКА), соотносительно с бытованием в других ХКА или районах¹³.

Нам остается теперь уточнить состав элементов (компонентов), которые составляют тот феномен, который мы назвали типом земледелия. Это название напрашивается по аналогии с другими хозяйственными категориями, обозначенными в научной литературе как «тип». Таковы, например, определения: земледельческий тип хозяйства, земледельческо-скотоводческий тип, скотоводческий тип и т.д. Определения носят общий характер и не подразумевают оценку какой-либо целенаправленной деятельности, мероприятий, которая несомненно содержится, например, в формулировке формы скотоводства («совокупность действий, призванных обеспечить наиболее благоприятные условия кормления и воспроизводства скота в разные времена года, с учетом сезонных изменений и возможностей заготовки кормов в зональных угодьях округа и края»)¹⁴ или системы земледелия («комплекс взаимосвязанных технологических, мелиоративных и организационно-экономических мероприятий, направленных на эффективное использование земли, восстановление и повышение плодородия почвы, получение высоких и устойчивых урожаев сельскохозяйственных культур»)¹⁵. Правда, мы не согласны с таким расширительным толкованием содержания системы земледелия, но об этом ниже, пока для нас важна констатация того обстоятельства, что система земледелия заключается в мероприятиях.

В определении «земледельческий тип» эти параметры не заложены, оно лишь констатирует преобладание земледельческой отрасли и земледельческой культуры, тем более не входят они в содержание понятия «система земледелия», подразумевающей, как мы видим, комплекс действий. Нам уже приходилось говорить, что система земледелия наравне с формой скотоводства входит в содержание ХКТ. Но тогда еще не ставился вопрос о том, куда же входят и как могут характеризоваться рельефная (и дополнительно структурная (почвенная) сторона пахотных угодий), как описать и как именовать феномен «пахотное орудие», в какую классификационную группу его отнести, какое место оно должно занять в иерархии земледельческого хозяйства и культуры.

Нет сомнения, что ландшафт, рельеф имеют определяющее значение в характере земледельческой отрасли (и культуры), ее масштабности, технологических особенностях земледельческого цикла, эффективности и результативности труда земледельца и др. Рельеф во многом определяет достаток или дефицит пахотных угодий, почвенную структуру и особенности естественной растительности, выбор конструкции пахотного орудия, а учитывая вертикальную зональность, которая обуславливает рельеф, то определяет и систему земледелия и даже выбор основной посевной земледельческой культуры. Разумеется, при этом не надо забывать и о других воздействующих факторах, в том числе очень важном в этом отношении – культурной традиции, результатом которой является «передача в диахронном плане» «устоявшихся форм... всего, что образует костяк культуры»¹⁶. Не забудем и о особом значении при этом инерции культурных феноменов, являющейся одним из главных средств трансмиссии культурных накоплений. В этом плане можно вспомнить бесспорное замечание Э.А. Паина о наличии комплекса продуцирующих факторов – «три группы факторов – средовые, коммуникативные, сигнификативные – лишь в совокупности формируют социально-культурное своеобразие территориальных общностей»¹⁷. В связи с группой коммуникативных факторов уместно вспомнить замечание известного культуролога Э.С. Маркаряна о трех источниках общности явлений культуры, в котором наряду с «действием идентичных законов функционирования и развития обществ» и «единством происхождения» приводится и «итог диффузии»¹⁸. Еще К. Маркс отмечал, что «всякая нация может и должна учиться у других. Это обстоятельство может сократить муки родов», тех самых, которые по его же (с Ф. Энгельсом) словам заключались в необходимости «изобретать ежедневно заново, и в каждой местности независимо от другой»¹⁹. Заметим только, что закономерность соответствия культурного феномена, особенно функционального, местной природной среде (принцип или закон пригодности, применимости) или производственно-технической (технологической и экономической) выгоды и целесообразности в известной мере ограничивает заимствование и распространение элементов культуры (например, передковый плуг или телега и скалистое высокогорье)²⁰. По этому поводу Ф. Бродель замечает, что между изобретением (invention) и его внедрением (usur-

ration) немалая дистанция и причины этого носят разный характер – экономический, социальный, психологический, технический²¹. Однако все таки заметим, что природная среда, особенно в доиндустриальный период была главным определяющим фактором в развитии культуры, особенно хозяйственной и материальной.

Другой феномен хозяйственной культуры – обрабатывающее, пахотное орудие. Оно занимает важнейшее место в ХКТ, хозяйственном типе, в любой классификации, имеющей отношение к хозяйству, особенно к земледельческой отрасли, культуре. Выше уже говорилось о сильном влиянии, оказываемом природной средой на сельскохозяйственные орудия. Мы уже ссылались на мнение Ю.Ф. Новикова, о обусловленности и форм пахотных орудий главным образом не этногенетическими а природными и общественно-политическими факторами²². Примерно такой же позиции относительно соотношения воздействия этнического и географического факторов на сельское хозяйство, орудия и др. придерживается и А.И. Робакидзе. Выделив в Грузии «районы, отличающиеся различными хозяйственно-культурными чертами» – Западная Грузия (Колхидская низменность), восточно-грузинская равнина, горная Грузия, он замечает, что «ни по уровню развития этих элементов культуры и быта, ни по разнообразию их форм, приведенная нами схема не укладывается в рамки племенного деления, она покоится на общностях принципиально иного типа»²³. Близки к этому высказывания К.В. Чистова, В.И. Козлова, А.А. Шенникова и других авторитетных исследователей. В частности, о привязанности пахотных орудий к ландшафту, рельефу местности, почве говорит Д.В. Найдич-Москаленко²⁴. Разумеется, имеются исследователи, придерживающиеся иных точек зрения, например, положения о «цепкости этнического в пахотных орудиях», однако справедливости ради отметим, что положение предлагается не всегда в категорической форме, с известной осторожностью. Так, например, М.А. Агларов обуславливает свое подобное высказывание предложением сохранения «общего принципа требований к конструкции»²⁵. Интересное соображение по этому поводу мы находим в одной статье Л.С. Клейна. Он констатирует, что ни одна из концепций этноса отечественной этнографии «не постулирует жесткой, регулярной связи между материальной культурой, языком и этническим самосознанием, отраженном в обладании этнонимом ... этнос категория социального

сознания ... нет резона ожидать прочных связей между первичными этническими показателями в сфере (самосознание, опознавание окружающих, этноним) с одной стороны и объективными параметрами (язык, вещественная культура, родовые особенности и т.п.) – с другой²⁶.

Таким образом получается, что из компонентов ХКТ, определяющих его сущность и входящих в его наименование, и оставшихся не включенными ни в одну из существующих хозяйственных категорий, на первый план выдвигается угодье, с его ландшафтом (рельефом), с комплексом биоклиматических параметров, образующих природную среду (экосистему), а также основное обрабатываемое (пахотное орудие). Ни один из них не охватывается ни системой земледелия, ни земледельческим циклом. В системе земледелия речь идет о мероприятиях подготовительного характера, имеющих вполне определенную цель, направленную на решение конкретной земледельческой задачи. А земледельческий цикл это вообще совокупность действий земледельца по обеспечению урожая, начиная с пахоты, сева и уборки (можно, наверное назвать его «земледельческим полевым циклом»).

Мы уже говорили, что по аналогии с другими хозяйственными категориями, эту группу, безымянную пока, лучше назвать «типом» («тип земледелия»).

Но каков же характер этих двух феноменов, какая общая черта их объединяет, которая позволяет объединить их в одну группу, тем более типологическую, т.е. соединенную не только общей целевой направленностью, но и сущностными взаимоотношениями. Видимо, главная черта, или сторона (свойство), которая их объединяет, может быть легче определена от противного – если система земледелия и земледельческий цикл имеют свои назначения, конкретные земледельческие задачи, то ни угодье в комплексе с экосистемой, ни пахотное орудие такой конкретизации не знают. Угодье может быть использовано под любую конкретную цель, форма использования зависит от характера и физико-структурных и биоклиматических особенностей, свойственных и сопутствующих имеющемуся угодью.

С другой стороны, обрабатываемое орудие, хотя оно и предназначено для вполне определенной земледельческой процедуры, но это его назначение является всеобщим, заложенным в нем, и оно конкре-

тизируется при выборе стратегии земледельца по получению от земли необходимой ему продукции, т.е. практически на этапе осуществления избранной системы земледелия. Из сказанного можно сделать вывод, что одной из особенностей описываемых феноменов (особенно угодья) является их «незаданность», отсутствие определенной конкретизированной земледельческой задачи, вроде изменения плодородия почвы или повышения урожая (например, орошением или прополкой).

С этой стороны связана другая особенность рассматриваемых компонентов земледельческой культуры – тоже от противного – в системе земледелия главное – действия, мероприятия, процесс обозначения и осуществления земледельческой задачи с помощью определенных активных, преобразовательных действий, в том же, что мы называем типом земледелия – наличие неких реальностей, феноменов, вещных компонентов, имеющих в распоряжении земледельца, и которыми он волен распорядиться, пустить в оборот, процесс, согласно своим планам и возможностям, но не больше. Это первозданные компоненты, статические на данный момент, содержащие определенный потенциал. Иначе говоря, это – данность, которая относится к довозделывательному периоду земледелия. И не имеет значения, в какой степени они являются природными данными (объектами), и в какой – в них заключен предшествующий труд земледельца (или человека вообще, например, изготовителя орудия).

Эти важные компоненты фактически являются средствами производства земледельца, с сопутствующими им и влияющими на их производственные характеристики внешними природными биоклиматическими (экологическими) условиями. Объективная сущность этих феноменов подкрепляется этим обстоятельством, так как природная среда не только влияет на них, но и является одной из сторон их земледельческо-производственной характеристики. Ибо пахотное угодье, например, его особенности, потенциал, продуктородящие возможности, удобства или неудобства обработки, структура почвы, ее плодородие и многое другое зависят и обуславливаются экосистемой, окружающей средой. Более того, природная среда сама как-бы является изначально заложенной, свойственной сущности (содержанию) и форме стороной, свойством пахотного угодья. И в этом плане для земледельческой практики наиболее важной стороной среды оказы-

вается рельеф, поскольку он во многом определяет и другие, влияющие на производственную характеристику угодья стороны (свойства), например, поверхность угодья, структура почвы, технические возможности обработки и т.д. Не случайно в характеристике ХКТ присутствует эта сторона оценки земледельческой отрасли (культуры) – горный, равнинный, прибрежный и др.

Таким образом, перед нами объединенные в некую совокупность средства производства (угодье и орудие), которые характеризуются, в отличие от системы земледелия, отсутствием конкретной земледельческой задачи, имеют первозданный характер, относясь к довозделывательному периоду отрасли. При этом в характере этих феноменов могут быть заложены как объективно существующие природные данные, так и овеществленный труд земледельца, ремесленника. Не имеет значения для их объединения в одну типологическую группу и то, что один из компонентов принадлежит к средствам труда, это объект обработки (угодье), другой – представляет собой орудие производства, средство, инструмент обработки.

В свете сказанного, можно, по-видимому, определить тип земледелия как совокупность основных (главных) взаимосвязанных средств производства земледельца (пахотное угодье и орудие обработки), заключающих в себе как объективные природные данные, так и предшествовавший овеществленный труд человека, с сопутствующей им (продуцирующей) экосистемой.

В ряду хозяйственных категорий (и их определений), он следует за ХКТ и хозяйственным типом (скотоводческий, земледельческо-скотоводческий, земледельческий и др.), и предшествует, как по естественному ходу событий земледельческой отрасли, так и по важности и удельному весу, занимаемому им в отрасли (земледельческой культуре), как системе земледелия, так и всему земледельческому циклу. Более того, тип земледелия во многом определяет выбор и формы осуществления определенной системы земледелия, количество, характер, очередность и многое другое в операциях земледельческого цикла. Например, равнинный тип земледелия, характеризующийся обширными ровными пахотными угодьями, во многом предопределяет экстенсивную переложно-залежную систему земледелия, при реализации которой вообще не принято удобрение почвы и орошение. Причем главенствующую роль в двуединой композиции угодье–

орудие, в данном случае играет первое, именно оно определяет и характер пахотного орудия (оно должно быть крепким, крупным, отвальным), приспособленным и задернованным мощным почвенным покровам перелогов, залежей и целины. Орудие предопределяет и отдельные операции земледельческого цикла (боронование, сев, прополка, мотыжение и др.).

Иными словами, любой производственный процесс, осуществляемый земледельцем, базируется на двух основных «китах» земледельческой отрасли, без которых само земледелие как совокупность действий человека по получению определенной растительной продукции (жизненно ему необходимой), не может вообще существовать. Тип земледелия объединяет в себе как главный (основной, исходный) материал для обработки, работы, направленной на получение конечного продукта так и главный рабочий инструмент, с помощью которого производится главная производственная операция, без осуществления которой невозможны все последующие действия земледельца и вообще вся затея с получением продукции посредством использования земли.

В этой особой роли типа земледелия заключается и его первостепенность, «первоважность» по сравнению с системой земледелия и земледельческим циклом. Но есть в этом вопросе два момента, которые нам следует проработать. Поскольку мы взяли на себя смелость продолжить новую категорию для земледельческой отрасли (и культуры), мы должны, по-видимому, четко отграничить ее от уже имеющихся категорий, которые хорошо или плохо, но сформулированы, определены в своем содержании, имеют свои определившиеся признаки, свойства, очертания объема содержания и маргиналии. Законы логики требуют от нас, чтобы новой категории было определено свое место, иначе оправданность ее введения будет поставлена под сомнение. Особенно необходима будет подобная операция, имея в виду категорию системы земледелия. И это вторая сторона вопроса – поскольку две остальные категории, и система земледелия, и земледельческий цикл имеют свою историю, практику номинации и применения в литературе, и определенное место, отведенное им как в науке, так и в земледельческой практике, и поэтому вполне могла сложиться ситуация, при которой определенные стороны, признаки, свойства, элементы типа земледелия могли быть включены в орбиту содержа-

ния и номинации системы и цикла. Происходило это ненамеренно, не в силу недостаточной компетентности авторов (или практиков), а в силу недостаточной маргинальной определенности этих существующих категорий и отсутствия обозначения феномена и номинации связки тех важнейших компонентов земледельческой отрасли (культуры), которые мы склонны объединить в категории (номинации) типа земледелия. В этом плане следует, прежде всего, остановиться на террасостроительстве, или террасном земледелии. Мы уже отмечали, что в кавказоведческой литературе террасное земледелие относилось к системам земледелия (Б.А. Калоев, М.А. Агларов, авторы «Народов Кавказа», – а также фундаментальных работ по земледелию таджиков И. Мухитдинов и др.)²⁷. Такое смещение понятия происходило по причине неразработанности определения системы земледелия, не говоря уже о том, что не существовало понятия о типе земледелия. Не случайно, что в большинстве работ, затрагивающих вопросы земледельческой культуры нет даже постановки вопроса о системе земледелия, понятия о ней, ее определения, что приводило к неопределенности, нечеткости вопроса о существующих в описываемом регионе (или у народа) системах земледелия, их перечне.

Напомним основную идею, главное содержание системы – улучшение состояния плодородия почвы посредством агротехнических мероприятий. Террасирование же производится вне конкретно поставленной задачи, связанной с плодородием или урожайностью, терраса создается чтобы увеличить обрабатываемую площадь, пахотные угодья, и при этом создать наиболее благоприятные условия для проведения всех трудовых операций на этой площади. Естественно, земледelec старается при этом заложить основу плодородия создаваемой террасы, «начинить» ее компонентами, которые обеспечили бы будущее плодородие почвы. Но это побочная задача, и любой человек, даже ребенок, в горах понимал, что терраса строится, чтобы сотворить новый участок пашни (иногда сенокоса), новые пяди полезной обрабатываемой земли. И лишь потом, когда терраса становится частью комплекса обрабатываемых угодий земледельца, она вырастает, включается в оборот этих угодий и становится составной частью задуманных на данный конкретный календарный период мероприятий земледельца по повышению плодородия почвы. Т.е. это то же пахотное угодье, на котором (которых) осуществляется как опре-

деленная система земледелия, так и весь земледельческий цикл, угодье вроде ровной залежной земли или косогора. Если вспомнить о основной особенности компонентов типа земледелия – о первозданности, вещности, о том, что они представляют вещный, материальный объект для последующего осуществления мероприятий по обеспечению плодородия и урожайности, то терраса несомненно должна быть отнесена к типу земледелия.

В этом плане следует, по-видимому, сказать несколько слов и о подсечной системе земледелия. Положение, разумеется, не аналогичное, подсечная система складывалась веками и она действительно существовала и развивалась как комплекс (совокупность) определенных мероприятий, действий земледельца, призванных способствовать повышению плодородящих возможностей земли. Однако, в практике подсечного земледелия, особенно в условиях малоземелья и отсутствия больших массивов целинных или залежных земель для освоения, значительных сплошных площадей лесов для их масштабного использования для подсечно-огневой обработки, при таких условиях встречаются случаи простой подсеки, которая производится для приращения, увеличения определенного участка, или заведения хуторского хозяйства в расположении леса. Этот вид подсеки содержит элементы типа земледелия и отличается от огневой подсеки, в которой изначальная идея заключается именно в том, чтобы посредством ряда целенаправленных действий повлиять на состояние плодородия почвы, повысить ее.

В этом же плане следует сказать несколько слов о ирригации. Нам уже приходилось говорить, что часть этнографов (например, Я.В. Чеснов) считает содержание понятия системы земледелия, предложенное А.А. Шенниковым («совокупность мероприятий по восстановлению плодородия почвы земледельческих угодий»)²⁸ неполным, суженным и в качестве одной из мер дополнения («наполнения»), предлагает включить в содержание системы земледелия и орошение. При этом указывается на то, что принятое определение и классификация систем отражают материал, опыт и эволюцию хозяйства в основном восточно-европейских стран, в земледелии которых орошение не играло сколь-нибудь заметной роли. Наш материал также не укладывается в прокрустовы рамки восточно-европейского земледелия, и поэтому мы должны согласиться с этим замечанием. Выше мы сдела-

ли попытку определить место орошения в содержании понятия типа земледелия, имея в виду, что вода для орошения представляет один из компонентов экосистемы, природную данность, которая существует независимо от конкретных целей земледельца, так же как угодье, климат, растительность, особенности рельефа. С другой стороны, оросительная сеть тоже овеществленный труд земледельца, инструмент труда, который несомненно относится к феномену довозделывательного периода.

Однако, это не угодье и не пахотное орудие, составляющие тип земледелия, и поэтому орошение, как действие, мероприятие, процедуру, способы реализации, целенаправленность, связь с другими способами воздействия на плодородие правильнее будет отнести к системе земледелия. При этом следует учитывать органическое, даже неразрывное единство обоих элементов ирригации (оросительная сеть и полив), которая в целом является действием, повышающим производительность угодья, т.е. элементом системы земледелия.

Вообще, рассматривая вопрос о соотношении типа земледелия с другими категориями земледельческой культуры и, особенно с системой земледелия, мы должны всегда иметь в виду два важных обстоятельства. Первое. Ввиду неразработанности вопроса о типе земледелия, необходимо тщательно продумать и логически обосновать компонентный состав типа земледелия. При этом следует учитывать, что отдельные компоненты типа земледелия включались в рамки системы земледелия, и из этого вытекает второе обстоятельство. Поскольку термины и понятия (и компонентный состав) системы земледелия имеют сложившуюся традицию номинации и научной (и практической) интерпретации, поскольку следует проявлять известную осторожность, оперируя понятиями и компонентным содержанием этих номинаций – системы земледелия, земледельческого цикла и типа земледелия, с тем чтобы не создавать путаницы и недопонимания при сопоставлении сложившихся традиций номинации и нашего определения содержания (компонентного состава). Во всяком случае, сложившиеся термины и понятия не следует трогать, возможна лишь новая терминология и уточнение компонентного содержания, с осторожным выключением из содержания других категорий земледельческой культуры, особенно системы земледелия, компонентов, несо-

мненно, подлежащих включению в круг (состав) элементов типа земледелия.

На этом, по-видимому, можно закончить разговор о постановке вопроса о категории типа земледелия земледельческой отрасли (культуры). Как уже говорилось, название это не строго обязательное или единственное, могут быть и иные варианты. Выбирая наименование «тип земледелия» мы исходим из того, что поскольку речь идет о совокупности компонентов, объединенных общим местом в культуре, соединенных сущностными, функциональными и операциональными взаимодействиями, постольку определение «тип» является наиболее отвечающим характеру именуемой категории и поэтому предпочтительней других.

Можно было подумать о применении определения «форма земледелия», по аналогии с «формой скотоводства», но именно эта аналогия служит смысловым препятствием для такого выбора, ибо прямым соответствием форме скотоводства в земледельческой отрасли (культуре) является система земледелия, т.к. в обеих них речь идет о совокупности действий (о процессе), призванных повлиять на продуктивность отрасли, путем создания соответствующих условий для обеспечения плодородия почвы, благоприятного содержания и воспроизводства скота. А определения (термины) эти являются традиционными, давно сложившимися в научной литературе и прочно занимающими свое место. Следовательно, их нельзя трогать, и соответственно нельзя вводить терминологию, которая могла бы вызвать сущностные противоречия, смешения, которые могли бы породить и терминологическую путаницу и неудобства. В этом отношении мы вполне солидарны с известным археологом В.М. Массоном, который по поводу попыток некоторых ученых заменить термин Г. Чайлда «неолитическая революция» заметил – «Далеко не всегда терминологические новшества способствуют подлинно глубокой разработке существа проблемы»²⁹.

Труднее было, разумеется, с выяснением сущностного содержания типа земледелия. И здесь нам в значительной степени помогло то обстоятельство, что компоненты земледельческой культуры, занимавшие важное, порою первостепенное место в характеристике ХКТ (в земледельческих ХКТ), и не нашедшие своего понятийного и терминологического места в земледельческой культуре, не подходили

(не входили, не соответствовали) ни сущностному содержанию, ни перечню компонентов, ни понятийному аппарату системы земледелия. Это позволило выделить эту совокупность компонентов в группу, характеризующуюся отсутствием целенаправленной задачи, выполнение которой связано с осуществлением конкретных действий по ее осуществлению – повышение плодородия почвы – в системе земледелия, обеспечение урожайности и высокого качества продукции – в земледельческом цикле.

Другой стороной компонентов данной группы оказалась объективная данность до начала земледельческих операций, их отнесенность к довозделывательному периоду, причем в одном случае это природный объект – пахотное угодье, в другом – материальный объект, представляющий собой овеществленный труд человека – земледельца (пахотное орудие, терраса).

Третья черта, объединяющая компоненты типа земледелия – это их производственный, вещный характер, они представляют средства производства земледельца, разделяясь на две группы – объект обработки, средства труда (угодье, терраса) и орудие производства, средство, инструмент обработки (пахотное орудие). Таким образом, тип земледелия характеризуется тремя чертами, признаками, свойственными только ему, как категории земледельческой культуры: 1. предметность, вещьность (не действие, мероприятие) компонентов (средство производства – угодье, инструмент (орудие) производства – пахотное орудие). 2. изначальная данность этих компонентов, относящаяся к довозделывательному этапу земледелия – до и системы земледелия и земледельческого цикла 3. функциональные параметры их носят потенциальный характер и реализуются с учетом ряда объективных обстоятельств из утилизации через (посредством) системы земледелия и земледельческого цикла.

Исходя из этих обстоятельств и соображений мы предложили определение и формулировку типа земледелия: совокупность основных взаимосвязанных средств производства (объект обработки – угодье и инструмент обработки – пахотное орудие), заключающие в себе как объективные природные данные так овеществленный труд человека с сопутствующей им (и продуцирующей) экосистемой.

Естественно, что особенности биоклиматических условий, специфичность экосистемы самым непосредственным образом сказыва-

ются на основных параметрах этой совокупности, вызывая (порождая) соответствующие особенности в свойствах (признаках, структуре, технологии) компонентов угодий и орудий.

Вводя понятие типа земледелия мы тем самым решаем задачу номинации не только важнейшего компонента земледельческой отрасли (и культуры), но и обозначения одного из главных элементов ХКТ, элемента, нередко являющегося и определяющим основное содержание и номинацию ХКТ.

Нам представляется, что категория «тип земледелия» не только облегчит номинацию ХКТ, но и уточнит его структурную формулу, дав возможность в определенной степени формализовать (структурировать) основное содержание ХКТ, то которое является не только типопредставляющим, но и типопределяющим (номинарующим) началом. Если мы говорим о плужных земледельцах равнин умеренного пояса, или высокогорных оседлых пашенных земледельцах и отгонных скотоводах, с ралом в качестве главного пахотного орудия, мы характеризуем ХКТ именно с помощью категорий типа земледельца и формы скотоводства. Поэтому будет вполне резонно (и справедливо), если предложить формулировку, определяющую хозяйственную (т.е. главную) основу ХКТ как композиту типа земледелия и формы скотоводства, с привлечением в необходимых случаях и элементов системы земледелия.

Являясь компонентом ХКТ тип земледелия развивается в рамках соответствующего хозяйственно-культурного ареала, и взаимосвязи типа и ареала многосложны и многоканальны, носят взаимообратный характер, осуществляясь на многих уровнях и в разных аспектах. Тип земледелия обуславливает параметры и особенности многих хозяйственных и культурных компонентов ареала, особенно земледельческих, нередко определяя и его номинацию. Со своей стороны тип земледелия подчиняется общим закономерностям развития хозяйственно-культурного ареала, преломляющимся в особенностях развития экосистемы, хозяйства, элементов культуры, социальной структуры.

Относительно факторных обусловленностей типа земледелия, можно, по-видимому, исходить из того, что основное его сущностное и компонентное содержание связано и обусловлено экологией, однако велика в них роль и экономического развития региона и культурной инерции, и этнической традиции. Отсюда следует, что тип земле-

деля нельзя относить к «технологическим» элементам земледельческой культуры. Хотя его компоненты во многом «экологичны», связаны с экологией и ее производными, во многом определяют и регулируются ими, одновременно в них существенное место занимают факторные элементы как аккумулированные, так и непосредственно воздействующие, культурно-традиционного, этнического (традиции, воздействия, контакты, импорты) хозяйственно-экономического порядка.

Однако, хотя тип земледелия и не «технологический» элемент, будем помнить о главной его особенности – вещности его составных компонентов – пахотоспособное (или пахотоприспособленное) земельное угодье и орудие вспашки угодья – пахотное орудие.

Отметим, что тип земледелия во многом определяется имеющимся резервом пахотоспособных земель – их «экзистенс минимумом» (по Н.И. Вавилову). Однако само существование земледелия, его удельный вес определяется не столько этим минимумом, сколько земледельческими традициями, политическими и социальными условиями, состоянием обменных связей, демографической ситуацией и т.п. В этом плане можно уверенно говорить о том, что земледелие, земледельческая культура были существенным и важным элементом хозяйства и особенно культуры Кавказа, населяющих его народов.

И хотя побывавшие в горах Кавказа наблюдатели единодушны в том, что здесь «пригодных для распашки земель почти нет», налицо лишь узкие долины, горные тущобы и крутые каменистые склоны, а в высокогорье к ним добавляются еще и холодное лето и ранние заморозки³⁰, это положение в равной мере относится и к малоземельным горным и высокогорным районам Дагестана, Чечни, Ингушетии, Осетии, Балкарии, Карачая, горных районов Закавказья, в которых пригодных для земледельческой обработки земель было меньше (или около) одного процента³¹, а на один двор приходится намного меньше одного гектара (например, в Северной Осетии – 0,54 дес., в отдельных селениях – 0,3 и 0,27 дес., в Сванетии 0,22, а в Карачае – 0,12; 0,11 и даже 0,09 на душу)³².

И, несмотря на все это, земледелие на Кавказе, включая и его горную часть, имело богатые традиции – агрикультурные, культурно-бытовые, производственно-технические, с аккумуляцией положительного опыта, идеологические, фольклорные и др. Точная оценка и

характеристика подобного положения принадлежит А.И. Робакидзе: «не будучи по своему удельному весу ведущей отраслью хозяйства, полеводство горцев Кавказа, традиционное по характеру агротехнических приемов, связанных с ним обрядов, тем не менее, по степени использования пахотной земли, сложившихся навыков человеческого труда и эмпирически найденных способов хозяйствования, было интенсивным»³³.

1. Левин М.Г., Чебоксаров Н.Н. Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области (к постановке вопроса) // СЭ, 1955. № 4; Андрианов Б.В. Хозяйственно-культурные типы и исторический процесс // СЭ, 1968. № 2; Андрианов Б.В., Чебоксаров Н.Н. Хозяйственно-культурные типы и проблемы их картографирования // СЭ, 1972. № 2; Чебоксаров Н.Н., Чебоксарова И.А. Народы, расы, культуры. М., 1971. С. 173–174, 188, 189, 214 и др.

2. Grigg D. The agricultural regions of World // Economic Geography. Vol. 45. № 2. Worchester, 1969. P. 121; Вавилов Н.И. Мировой опыт земледельческого освоения высокогорий // Природа, 1936. № 2. С. 81.

3. Мелларт Дж. Древнейшие цивилизации Ближнего Востока. М., 1982. С. 129 и др.

4. Вспомним «наиболее подходящее» (по словам акад. Алексеева В.П.) из всех определение системы А.Д. Холла и Р.Е. Фейджина – «Система – это множество объектов вместе с отношениями между объектами и между их атрибутами (свойствами)» – Определение понятия системы // Исследования по общей теории систем». М., 1969. С. 252. Сам В.П. Алексеев предлагает более лаконичное определение «множество элементов» (объектов) с отношениями свойств этих элементов (объектов)» – Алексеев В.П. Становление человечество. М., 1986. С. 27.

5. Тульчинский Г.Л., Светлов В.А. Логико-семантические основания классификации // Типы в культуре. Методологические проблемы классификации, систематики и типологии в социально-исторических и антропологических науках. Л., 1979. С. 26.

6. Крюков М.В. Еще раз об исторических типах этнических общностей // СЭ, 1986. № 3. С. 65.

7. Чеснов Я.В. О принципах типологии традиционно-бытовой культуры // Проблемы типологии в этнографии. М., 1979. С. 201; он же. К характеристике понятия типа в изучении народной культуры // Симпозиум по типологии явлений культуры. СЭ, 1979. № 2. С. 156.

8. Каган М.С. Классификация и систематизация // Типы в культуре. С. 9; Крюков М.В. Указ. раб. С. 63.

9. Гумилев Л.Н. Этнос и категория времени // Доклады отделений и комиссий Географического общества СССР. Вып. 15. Этнография. Л., 1970. С. 143.

10. Семенов Ю.И. О стадийной типологии общины // Проблемы типологии в этнографии. С. 89, 90.
11. Тульчинский Г.Л., Светлов В.А. Указ. раб. С. 22, 25.
12. Крюков М.В. О некоторых общих принципах типологического исследования явлений культур // Симпозиум по типологии явлений культуры. С. 155.
13. Османов М.О. Хозяйственно-культурные типы (ареалы) Дагестана (с древнейших времен до начала XX века). Махачкала, 1996. С. 122–125, 204.
14. Османов М.-З.О. Формы традиционного скотоводства народов Дагестана в XIX – начале XX в. М., 1990. С. 21.
15. Сельскохозяйственный энциклопедический словарь. М., 1989. С. 502.
16. Арутюнов С.А. Народы и культуры, развитие и взаимодействие. М., 1989. С. 160.
17. Паин Э.А. Система территориальных общностей и ее роль в формировании и воспроизводстве этнокультурных традиций в условиях урбанизации // СЭ, 1987. № 1. С. 13. Однако отметим, что и у него «средовые» факторы стоят на первом месте.
18. Маркарян Э.С. Узловые проблемы культурной традиции // СЭ, 1981. № 2. С. 85.
19. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 10; Т. 3. С. 54.
20. См.: Османов М.О. Хозяйственно-культурные типы (ареалы) Дагестана. С. 142–143, 190–191.
21. Бродель Фернан. Материальная цивилизация, экономика и капитализм. XV–XVIII вв. Т. I. Структуры повседневности: возможное и невозможное. М., 1986. С. 359.
22. Новиков Ю.Ф. Генезис плуга и этнография // СЭ, 1963. № 2. С. 102, 110.
23. Робакидзе А.И. Жилище и поселения горцев Грузии в прошлом и настоящем // КСИЭ. 36. М., 1962. С. 29.
24. Найдич-Москаленко Д.В. О принципах классификации русских пахотных орудий // СЭ, 1956. № 1. С. 41.
25. Агларов М.А. Очерк этнографии земледелия Южного Дагестана // Дагестанский этнографический сборник. Вып. I. Махачкала, 1974. С. 221.
26. Клейн Л.С. Стратегия синтеза в исследованиях по этногенезу (интеграция наук и синтез источников в решении проблем этногенеза) // СЭ, 1988. № 4. С. 15.
27. Калоев Б.А. Земледелие народов Северного Кавказа. М., 1981. С. 63; Агларов М.А. Сельская община в Нагорном Дагестане в XVII – начале XIX вв. (Исследование взаимоотношения форм хозяйства, социальных структур и этноса). М., 1988. С. 47; Народы Кавказа. Серия «Народы мира. Этнографические очерки». Т. I. М., 1960. С. 470; Мухитдинов И. Особенности традиционного земледельческого хозяйства припамирских народностей в XIX – нач. XX в. Душамбе, 1984. С. 150–152.
28. Шенников А.А. Крестьянские усадьбы среднего Поволжья и Прикамья с XVI до начала XX в. // Этнография народов Восточной Европы. Л., 1977. С. 4.

29. Массон В.М. Поселение Джейтун (Проблемы становления производящей экономики) // МИА. 180. Л., 1971. С. 190.

30. Тапицкий Н.Е. Очерки Карачая // СМОГМПК, Тифлис, 1909 г. С. 47; Иванов М.А. В горах между реками Фортангой и Аргуном // Изв. КОИРГО. XVII. № 1. Тифлис, 1904. С. 45; Тепцов В.Я. По истокам Кубани и Терека // СМОМПК. XIX. Тифлис, 1892. С. 84; Народы Карачаево-Черкесии. Историко-этнографические очерки. Ставрополь, 1957. С. 21; Ган К.Ф. По долинам Терека, Уруха, Ардона // СМОМПК. XXV. Тифлис, 1889. С. 52.

31. Волкова Н.Г. Переселение с гор на равнину на Северном Кавказе в XVIII–XIX вв. // СЭ, 1971. № 2. С. 38; Соболев Ф.Я. Верхняя Сванетия. М., Л., 1933. С. 47; Робакидзе А.И. Жилище и поселения горных ингушей // КЭС. II. Очерки этнографии горной Ингушетии. Тбилиси, 1968. С. 92, 94, 95.

32. Невская В.П. Социально-экономическое развитие Карачая в XIX в. (до реформенный период). Черкесск, 1960. С. 45; Калоев Б.А. Осетины. М., 1971. С. 71; Карачаевцы. Историко-этнографический очерк. Черкесск, 1978. С. 72; Соболев Ф.Я. Указ. раб. С. 52 и др.

33. Робакидзе А.И. Некоторые черты горского феодализма на Кавказе // СЭ, 1978. № 2. С. 17.

ГЛАВА II.

ТИП ЗЕМЛЕДЕЛИЯ: ХАРАКТЕРИСТИКА, КОМПОНЕНТЫ, РАЗНОВИДНОСТИ

В первой главе мы попытались определить понятие, а также сущностное и компонентное содержание типа земледелия, уточнить четкие границы объема и содержания, установить номинативные рамки и соответственным образом сформулировать научное определение. Адекватность и точность формулировок, их научную достоверность и состоятельность должна была показать конкретная характеристика (и описание) компонентов земледелия (земледельческой культуры), с выявлением и описанием местных территориальных, ареальных проявлений – разновидностей.

В процессе предыдущих изысканий мы пришли к выводу, что компоненты типа земледелия, связка пахотное угодье – пахотное орудие являются главной константой земледелия, земледельческой культуры.

В связке угодье–орудие определяющая роль принадлежит угодью, основные параметры (характер, площадь, поверхность, состав и структура почвы и т.п.) которого определяются ландшафтом, рельефом, и в целом экосистемой (биогеоценозом). А поскольку эти последние сильно варьируют в разных регионах, географических областях, природно-географических зонах и поясах, то эта их вариативность сказывается соответственным образом и на угодьях, в том числе пахотных.

§ 1. Пахотные угодья

Главным структурообразующим элементом угодья является поверхность земли, ее ровность или наклонность относительно по-

требностям (и практической возможности) земледельческой обработки. Уклон уже в пределах 10 градусов создает трудности для вспашки и других последующих операций земледельческого цикла.

Но форма поверхности, как говорилось, только одни из элементов, влияющих на земледельческое освоение территории. Важное значение имеет поверхностная структура почвы, наличие в ней (и на ней) предметов и ингредиентов, являющихся результатом засорения, вырождения, эрозии, в том числе эоловой, засоления, природных катастроф (например, наводнение, селевые потоки, обвалы, камнепады, оползни ит.п.), человеческой деятельности. Например, Терско-Кумская низменность имеет идеально ровную поверхность, но полупустыни Прикумья с песками и солончаками в совокупности с аридностью территории, дают мало возможностей для использования земли в земледельческих целях.

Сказанное выше о соотношении обоих компонентов типа земледелия позволяет говорить о безусловной приоритетности первого компонента в сложении разных вариантов или разновидностей типа земледелия. Однако, сложившиеся стереотипы номинации земледельческой культуры наподобие определений «мотыжные земледельцы», «плужные земледельцы» и др. свидетельствуют о том, что и пахотное орудие является существенным и важным компонентом типа земледелия (хотя, признаем в скобках, что названные определения носят больше стадийный, чем конкретно-исторический номинирующий характер).

Пахотное орудие отражает прогрессирующий эволюционный ряд обрабатывающих землю (угодье) орудий (палка, мотыга, рало, соха, плуг), хотя немало исследователей считают, что оно нередко выступает в качестве основного признака и сущностно-характеризующего элемента земледельческой культуры (D. Grigg, E. Hahn, Н.И. Вавилов и др.)¹, однако в конкретно-исторической ситуации земледельческой отрасли, экономики, даже культуры определяющим, диктующим технические параметры орудий, действия земледельца по обработке земли, технологические параметры земледельческой отрасли и культуры, состав (выбор) высеваемых культур, выступает пахотное угодье.

Экосистема или биогеоценоз, то, что обычно называется природно-географическими условиями, определяет основы ландшафта и рельефа, последние обуславливают особенности поверхности терри-

тории (следовательно, и угодий) структуру почвы и характер растительности (являющейся прямой результатной и творцом – «кирпичиком» почвы одновременно), поверхностный характер, величину (площадь) цельных пахотных угодий (один из важнейших параметров обрабатываемой земли, определяющий во многом наравне с рельефом и структурой почвы технику и технологию обработки земли, а следовательно и технико-конструктивные и технологическо-операционные особенности пахотного орудия), условия, удобства и неудобства, сопутствующие процессу обработки угодий, облегчающие или затрудняющие технологические действия земледельца, работу животных и т.д. и т.п.

Даже этот далеко не полный перечень показывает, что угодья, в том числе обрабатываемые, пахотные должны существенно различаться в разных природно-климатических поясах, гео-морфологических областях, природно-географических (естественно-исторических) зонах. По общепринятому разделению на Кавказе имеются, в основном, три основные природно-географические зоны: равнина, предгорье, нагорье. С учетом земледельческих ресурсов, возможностей земледелия и его специфики, зоны можно подразделить на подзоны: в предгорье – нижнее и верхнее, в нагорье – среднегорье, высокогорье, горные долины. В каждой из зон основные компоненты типа земледелия, особенно угодья, имеют характерные специфические особенности, которые классифицируются по своей сущности, характерным признакам, по соотношению и взаимоотношению основных компонентов, и взаимодействию характеризующих свойств и функциональных признаков компонентов, т.е. по совокупности характеризующих и дифференцирующих параметров.

Попытаемся охарактеризовать признаки угодий с целью определить степень специфичности этого компонента по отдельным зонам и подзонам.

Первое, бросающееся в глаза четкое различие в пахотных угодьях касается их поверхностной (в первом, основном значении этого слова) характеристики, т.е. степени ровности или неровности поверхности угодья, наличия уклонов, склонов, поднятий, впадин, оврагов, ущелий, косогоров, всхолмленностей, взгорий и т.п. По этому признаку угодья равнины оправдывают название зоны, площади их ров-

ные, размеры площадей с точки зрения их обработки любыми вспахивающими средствами практически неограниченны.

Целинные и залежные угодья равнины отличались толстым и плотным почвенным покровом, характеризующимся еще и задернованностью. Угодья предгорья по многим параметрам близки к равнинным, в особенности это касается нижнего предгорья. Тем не менее, разница, и весьма значительная, существовала. Рельеф здесь более расчленен, отчего больших сплошных ровных площадей было мало, поэтому преобладающим видом угодий становятся склоны, косогоры холмов и невысоких гор с покатыми, преимущественно луговыми склонами. Пахотные угодья уже не такие обширные, их площади прерываются переходом пахотных косогоров в крутые склоны, оврагами, лесными массивами или отдельными рощами, кустарниковыми зарослями и чащобами.

Кроме того, относительное малоземелье вынуждало культивировать более интенсивные системы земледелия (пар, севооборот) и поэтому в обработке было мало залежных и тем более целинных земель. Более сложная картина в нагорье. Здесь многие склоны уже настолько круты, что непригодны для обработки без специальной подготовки, т.е. террасирования. К тому же нередко эти склоны являются скалистыми или каменистыми, что исключает возможность обработки пахотным орудием без подготовительных работ. Однако на стыке с верхним предгорьем и в большинстве мест высокогорья здесь имеются и менее крутые склоны и косогоры, на которых возможна технология обработки, сходная с применяемой в предгорье. Отличительная особенность части нагорья, включающей среднегорье и горные долины – террасное земледелие на естественных и искусственных террасах, являющееся одним из крупных достижений земледельческой культуры народов Дагестана и Кавказа.

В нагорных и плоскогорных частях (например, Хунзахское плато, Левашинское плато) и части верхнего предгорья преобладающими являлись естественные террасы, а также искусственные террасы, созданные посредством длительной, многолетней специальной целенаправленной вспашки. Как правило, они не нуждались в подпорных стенах и границами их служили межевые откосы, являющиеся хорошими аккумуляторами влаги. Состав почв этих угодий был самый разнообразный – от каштановых до черноземных, нередко были луго-

вые структуры, но большинство почв были слабыми, с тонким слоем, подчас скелетного характера. Как и в предгорье, для пахотного орудия и процесса вспашки большое значение имели структурные характеристики. Каменные или скалистые склоны, рельеф, величина участков, аллювиальные или частично насыпные почвы создавали разнообразие угодийных характеристик и требовали соответственно приспособления орудия и операциональных приемов особенностей пахоты, к этим характеристикам. Отмеченные в среднегорье террасы с межевыми откосами характеризовали меньшая крутость склонов, а также менее выраженные скалистость и каменистость. В долинах же, встречающиеся местами мощные аллювиальные отложения сочетаются со слабыми почвами, каменистыми, нередко загроможденными крупными камнями и скалами, со скудной ксерофитной растительностью. Достаточно сравнить, например, угодья среднегорных Леваши или Кутиша с землями долинных Хаджалмахи, Куппа, Гергебиль или Кикунь, чтобы убедиться в этом.

И для террас и для других угодий нагорной части характерна незначительная площадь участков, их размеры, простирающиеся ограничивают слишком много всевозможных факторов и обстоятельств: камни, скалы, обрывы, крутые склоны, овраги, ущелья, утесы и т.п.

Даже просто перечень особенностей рельефно-поверхностной характеристики пахотных угодий показывают, что их обработка требует и разных технических приемов и технологий, и разных орудий, отличающихся не только своими конструктивно-технологическо-операциональными характеристиками, но и параметрами своих габаритов и особенностями упряжек.

Но этот признак (свойство) угодий сам по себе не мог бы обусловить (предопределить) главные технологические особенности пахотного орудия, сказывающиеся и на его конструкции, габаритах и особенностях упряжки. К этому признаку (рельефно-поверхностному) должен быть присовокуплен другой, очень важный признак, характеризующий состав, мощность слоя, степень насыщенности инородными вкраплениями и особенно структуру почвы. Причем для почвы, как компонента одного из элементов типа земледелия, не столько важна видовая характеристика – каштановые, черноземные, подзолистые и др. (исключая те видовые параметры которые влияют и на плотность и структуру почвы – болотные, торфянистые, суглинки,

луговые, солонцы), сколько структурная, характеризующая и плотность почвы, наличие непочвенных вкраплений (камни, корни древесной растительности и пр., глубину почвенного слоя, задернованность, естественный или искусственный характер и т.п. В практике земледельцев в операции обработки земли, в выборе обрабатываемого орудия, главную роль играет таким образом не видовой состав почв, а ее структура и параметры (состав почвы, вкрапления, толщина слоя, насыщенность растительностью и особенно ее корневыми системами). Например, каштановые, светлокаштановые, луговые, черноземные почвы встречались во всех трех основных зонах, однако толщина слоя, насыщенность инородными вкраплениями, плотность, наличие задернованности, поверхностные препятствия и т.п. выражены в самой разной степени и всевозможных сочетаниях как по составу ингредиентов так и их удельному весу и степени насыщения (загрязнения) почвы.

Пахотные угодья с учетом указанных параметров (без особой оглядки на видовой состав) имеют существенные даже радикальные различия по отдельным зонам.

Однако на Северном Кавказе, при сходном разделении на природно-географические зоны, имелось существенное отличие от положения в этом плане в Дагестане. Оно касается как общей особенности земледельческой культуры по отдельным зонам, так и качественных параметров угодий (много лесов, богатых почв и т.п.). Особенно это характерно для земель, населенных адыгами.

Вопреки всем закономерностям, проявляющимся на Кавказе, у адыгов (единственных на Кавказе), насельники гор были преимущественно земледельцами, а у равнинных жителей преобладающей отраслью было скотоводство.

Как пишет В.Г. Гарданов: «сложность факторов, влияющих на преимущественное развитие у отдельных адыгских племен земледелия и скотоводства, не позволяет, как это часто делают, делить их в зависимости от места обитания на группу горных племен, занимающихся, якобы главным образом скотоводством, и группу земледельческих племен, живущих, якобы, только на равнине»². Отметим однако, что есть исследователи, придерживающиеся «традиционной» точки зрения: горы – преобладание животноводства, равнины – земледелия, правда, в симбиозе, «на фоне высокоразвитого земледелия»³.

Различие в соотношении отраслей у горцев и жителей равнины адыгов отражено в наблюдении путешественника К. Сталя, который о кабардинцах говорит, что они «мало занимались земледелием, но скотоводство у них в хорошем положении», а потом о горных адыгах замечает, что «черкесы, как и прочие горские племена, народ земледельческий»⁴. Что «адыги издревле занимались хлебопашеством» и оказывали особое внимание «разведению хороших лошадей», свидетельствует и Ш. Ногмов⁵.

Аналогичные свидетельства имеются у Ш. Ногмова⁵, П. Палласа⁶, К. Коха⁷.

Прежде чем переходить к угодьям, вспомним еще об одном обстоятельстве: в развитии обеих отраслей крестьянского хозяйства и их соотношении следует учитывать хронологический фактор, изменение политической ситуации и экономической конъюнктуры в крае на протяжении освещаемого периода. Развитое, максимально-масштабное, с использованием всех возможных ресурсов интенсивное земледелие горцев сильно сдает свои позиции после окончания Кавказской войны, в пореформенный период, а на равнине растут его масштабы и интенсивность, и продуктивность, и товарность, что во многом было связано с усилением экономических связей с другими регионами России⁸. Существенную роль в этом сыграло и массовое переселение горцев на равнину, что увеличивало производительные силы равнинного земледелия, степень земледельческого освоения равнины⁹.

Возвращаясь к пахотным угодьям, полезно вспомнить, как специалисты определяют сельскохозяйственные угодья: это «участки земли, систематически используемые для производства сельскохозяйственной продукции и различающиеся природными свойствами, хозяйственным назначением и технологией использования». Состав угодий – «пашня, залежь, многолетние насаждения, сенокосы и пастбища»¹⁰. Не все в этом определении представляется нам неоспоримым. Например, в приведенном перечне целина вообще не обозначена, но ведь в переложно-залежном земледелии залежь через 15–20 лет превращается в целину, у нее меняется и состав растительности и структура почвы. И потом, пашня означает «вспаханное поле», выходит, не вспаханное еще пахотоспособное угодье (но не залежь, имеющаяся в перечне) не является угодьем.

Вспомнив, что пахотоспособные угодья, их параметры обуславливаются рядом причин и обстоятельств природно-географического, антропогенного и техногенного характера, заметим однако, что главным фактором остается природа – созданный ею облик, параметры радикальным изменением уже не поддаются, скалистый рельеф и каменистую почву никакими усилиями и средствами не превратить в черноземную равнину.

Адыги (в совокупности) занимали территорию, охватывающую все зоны, характерные обычно для географических областей, объединяющих низменные и возвышенные районы, равнины и горы, включая и промежуточные между ними пространства¹¹. Однако и наблюдатели, и исследователи при описании местного земледелия (характер, развитость, угодья, орудия и т.д.) проводят водораздел только между горной и равнинной частью (особенно грешат этим ранние наблюдатели XVIII–XIX вв., которые нередко ограничиваются общим термином «черкес», не уточняя ни природно-рельефной, ни ландшафтной характеристики их местонахождения, ни субэтнических номинаций). При этом все единодушны в том, что предгорья адыгов, их холмистые гряды, носят удивительно мягкие, сглаженные, приятные глазу очертания. Вот как высказывается о них путешественник Э. Кларк, побывавший здесь в начале XIX века: «изящные холмы, покрытые деревьями и плодородные долины, обработанные, как сад»¹².

Таким образом, если учитывать площадь, то равнина с нижними предгорьями и всхолмленностями (наибольшая абсолютная высота их едва доходит до 300 м.), составляют большую часть территории адыгов. И равнины адыгов это не Терско-Кумская или Куро-Араксинская низменности, они достаточно увлажнены, леса предгорий и высокогорий обеспечивают полноводность рек, здесь густые травяные покровы, обусловившие за тысячелетия толстый слой гумуса, превосходные почвы.

Основываясь на сказанном можно определить перечень пахотоспособных угодий адыгов. 1) Равнинные поля Прикубанья, характеризующиеся сильным травяным покровом и соответственно задернованностью, плодородными почвами, с преобладанием черноземов разных видов и мощным гумусным слоем. 2) Косогоры предгорных поднятий, холмистых гряд, всхолмленностей, характеризующиеся

небольшим уклоном, Делятся на два подвида: а) луговые склоны, б) облесенные участки склонов, каких здесь немало. 3) В горной части возделанность значительно ниже, в качестве сенокосов здесь используются многие удобные для распахивания участки, которые, в Дагестане, например, были бы использованы для вспашки. 4) Долинные угодья нередко представляли собой естественные террасы, часто используемые для многолетних насаждений. 5) Круглосклонные горные участки, которые требовали определенных действий по террасированию. Однако оно было незначительное, о террасном земледелии у адыгов очень мало сведений и наблюдений, не случайно в таблице специальной работы Б.А. Калоева по земледелию народов Северного Кавказа террасное земледелие у адыгских народов отмечено очень глухо и только в одном месте, и в тексте о террасах адыги обозначены только одной цитатой из работы И. Клингена¹³.

Совершенно иная картина у соседей адыгов по Кубани – карачаевцев, занимающих верховья реки. По справедливому замечанию И.М. Шаманова сложные хозяйственно-географические условия, затруднявшие ведение земледелия карачаевцам, в то же время «создавали необходимость рационального использования естественных ресурсов»¹⁴. По выражению Ф. Гана земли карачаевцев представляли «крутые каменистые склоны, где каждое удобное местечко отведено под посевы ячменя»¹⁵. О недостатке у карачаевцев «удобной земли для хлебопашества», говорит другой наблюдатель – В.Я. Тепцов¹⁶. Образное описание угодий карачаевцев дает В. Сысоев (1913 г.): «Не найдется клочка земли ... который был-бы пригоден для земледелия без предварительной очистки от камней». «Каждое поле, даже каждый луг в Карачае обнесен стеной из камней» собранных рядом поколений с участков. Иногда курганы этих собранных камней поднимаются посреди поля или луга¹⁷.

Положение изменяется после частичного переселения – сдвига из высокогорья, переселенческие селения (Малый Карачай) составляя всего 23 процента карачаевцев, обеспечивают свыше 80 процентов производства зерна¹⁸.

Характерно, что переселенцы очень быстро становятся земледельцами по преимуществу, и, по словам наблюдателя «никогда не променяют своего хлебопашества на скотоводство»¹⁹.

Одним из средств рационализации ресурсов являлось террасирование склонов и подсека в лесистых местах. В местах произрастания лесов террасирование и подсека сочетались, с образованием террас с подпорными стенами, в кладке которых использовались и стволы деревьев²⁰.

Таким образом, у карачаевцев имелись также несколько видов угодий, главные из них: 1) «удобные местечки» на каменистых склонах, небольшие ровные площадки, 2) участки, созданные путем подсеки, 3) террасы двух подвигов: а) земляные, в безлесных местах, с каменными подпорными стенами, б) созданные в результате двуденной операции подсека-террасирование, с использованием стволов деревьев в подпорных сооружениях, 4) пологие, приближающиеся к равнинным, угодья склонов Малого Карачая.

Сходная ситуация была и у балкарцев. Как замечает А.И. Робакидзе, у них основной отраслью было, как и у карачаевцев, скотоводство, а земледелие было маломасштабным, но интенсивным. При этом он отмечает высокую технику искусственного террасирования в их земледелии²¹. Отдельные авторы определяют террасное земледелие балкарцев как «террасно-ступенчатую обработку земли» иногда очень крутых, неудобных склонов²². Б.А. Калоев также считает Балкарию одним из районов Северного Кавказа с развитым террасным земледелием. Однако обратим внимание на заключение автора, что на Северном Кавказе оно «по сравнению с Дагестаном не достигло большого развития», что искусственное террасирование на Северном Кавказе было незначительно и естественные террасы «имели наибольшее распространение»²³.

Без особого риска ошибиться, можно, пожалуй, отмеченные у карачаевцев виды угодий отнести и к балкарцам. Только вместо пологих склоновых предгорьев, более характерными были для балкарцев следует считать угодья переселенцев на равнину. Хотя следует признать, что, как и карачаевцы, балкарцы, один из наименее затронутых массовым переселением на равнину народов.

Иное положение у осетин, и особенно чеченцев и ингушей, переселение которых было не только массовым, но даже радикальным, особенно у ингушей.

Однако в горной части, как отметил еще Вахушти «малоземелье и суровые климатические условия отвели земледелию в хозяйстве

осетина-горца второстепенное место»²⁴. Н. Дубровин также считал, что «утесы и горы Осетии неспособны к земледелию»²⁵. Современный исследователь М.В. Рклицкий подчеркивает, что в Северной Осетии крестьяне вынуждены были «делать» пашню, и перечисляет их действия – очистка от камней, нанесение принесенной почвы, удобрение, многократное рыхление и др. Он приводит интересную цифру – площадь пашни, «которую можно вспахать за один день» стоила от 90 до 110 коров¹⁶. В связи с этим можно вспомнить свидетельство современника (1884 г.), который сообщает, что такой «сделанный» участок стоил в 100 раз дороже участка соответствующей площади на равнине. Он же (Я. Абрамов) жестко полемизирует с теми русскими авторами, которые «обвиняют горцев в лености», и указывает, что горец создавал «себе на голых скалах землю, исключительно своим трудом, буквально до кровавого пота»²⁷. Однако, как и всегда, когда заходит речь о занятиях горцев, земледелию отводится важная роль. Так, весьма осведомленные авторы Е. Максимов и Г. Вертепов пишут, что «земледелие составляет основное занятие осетин»²⁸.

Относительно видовой классификации угодий можно сказать, что она немногим отличается от классификации у карачаевцев или балкарцев. Однако имеются определенные отличия. Первое – в пореформенный период, к началу XX в. значительная часть осетин уже являлась жителями равнины, что увеличило удельный вес равнинных (ровных, ровнопольных) угодий. Второе – признавая террасовые поля необходимой чертой горного земледелия осетин²⁹, присоединяясь к характеристике данной им наблюдателями («замечательные искусственные террасы»)³⁰, отметим, вслед за Б.А. Калоевым, что террасирование было распространено в Осетии в меньшей степени чем, у балкарцев, карачаевцев, чеченцев и ингушей³¹, и в большей степени сочеталось «с основным подсечным хозяйством»³².

У соседей осетин – ингушей, много сходного со своими соседями, но малоземелье у них было еще более ощутимым. По данным, приведенным А.И. Робакидзе, пашня составляла у них всего 0,5 процента угодий, во многих обществах своего хлеба хватало на 2–3 месяца, и местами даже только на 30 дней³³. Однако, как и почти на всем Кавказе, дело, разумеется, не в лени и нерадении, как считали некоторые русские авторы (например, Н. Дубровин), а именно в ката-

строфическом малоземелье. Характерно мнение по этому поводу уже цитированных нами авторов Е. Максимова и Г. Вертепова: «Земледелие, несмотря на свое относительно малое развитие все-таки является главным занятием ингушей». Показательны цифры относительного количества пахотных угодий приводимые ими: в горной части Ингушетии приходилось 0,2 дес. на душу мужского населения, а в равнинной – 1,7 дес.³⁴ Другой наблюдатель – Н. Грабовский – справедливо увязывая переселение с малоземельем, заключает: Ингуш по преимуществу земледелец»³⁵.

Наблюдатели и исследователи отмечают интенсивное полеводство, масштабность и высокую культуру террасирования у ингушей. А.И. Робакидзе справедливо указывает в связи с этим, что ингуши терминологически различают террасы, образовавшиеся в результате длительной обработки (моГриш), с подпорными каменными стенами (ГЮлу) и укрепленные деревом (ийче). Однако называть террасирование «наиболее типичной чертой горного земледелия ингушей»³⁶, или его «конкретным своеобразием», принимая во внимание наличие террасирования у всех народов Северного Кавказа, было бы преувеличением, даже принимая во внимание, что исследователи связывают террасирование у ингушей с «подсечной технологией»³⁷, но это существенная особенность террасного земледелия многих народов Кавказа, отличающая его от дагестанского.

И, наконец, о чеченском земледелии и угодьях. Как и ингуши, чеченцы в значительной степени продвинулись на равнину. В пореформенный период, когда Кавказская война и во многом спровоцированная эмиграция в Турцию ослабили экономику адыгов, чеченцы, освоившие часть Терско-Кумской низменности, Сунженской и Надтеречной равнин и даже Кумыкской плоскости, стали главной хлебной житницей Северного Кавказа и Дагестана.

Поэтому главным видом пахотных угодий чеченцев в пореформенный период следует считать равнинные ровные и нижнепредгорные пологие участки. При этом подготовка и освоение этих участков под пахоту связано с подсечной технологией. Иными словами, главным образующим материалом для угодий становятся лесные равнины и предгорья, почти так же, как у шапсугов и абадзехов. Вместе с тем, Чечня считается одним из очагов террасного земледелия, причем масштабного и развитого. А.П. Берже писал о землях чеченцев в вер-

ховьях Аргуна, что «вся местность покрыта искусственными террасами», (правда, при внимательном чтении текста оказалось, что большая часть земель, о которых говорит автор, являются террасными полями пограничного с Чечней аварского союза обществ Технуца)³⁸. М.В. Кантария считает террасную систему «конкретным своеобразием» не только Ингушетии, но и Чечни. В целом, если исключить особенности угодий, связанные с большей степенью продвижения на низменные территории, угодья чеченцев такие же, как у ингушей и осетин, с определенной поправкой и на террасирование, которое здесь более масштабно. Последнее нередко связывают, и, по видимому, резонно, с влиянием земледельческой культуры соседнего горного Дагестана. В целом на Северном Кавказе преобладали равнинные степные и лесные пространства, затем идут склоны предгорий и слегка возвышенных частей низменностей, с подразделением на луговые, лесные и лесостепные, горно-долинные участки, нередко в виде небольших плато и террас, часто с аллювиальными почвами, горные склоны, на которых горцы находят «удобные местечки»; подсечные участки; террасы нескольких видов и др.

Закавказье по сравнению с Северным Кавказом в целом более гористая страна, и низменности здесь менее обширны. Большинство авторов считает, что более двух третей территории в Закавказье составляют горные образования. В Грузии равнина, предгорье, межгорные понижения составляют 46,2 процента (низменности до 500 м. н.у.м. – 23,6%); в Азербайджане низменные области охватывают 57,5% территории, в Армении же равнины с предгорьями занимают всего 10% территории⁴⁰, но при этом надо учитывать, что отдельные межгорные пониженные части Армении (например, Араратская долина) представляют собою горные плато-равнины с развитым земледельческим хозяйством..

Поэтому мы солидаризуемся с теми исследователями, которые вполне резонно считают, что при выделении горных территорий необходимо учитывать не только гипсометрию (высотность н.у.м. в метрах), но и другие параметры. Например, специалист в области географии и экономики горных стран Г.Е. Авакян считает, что «для выделения горных территорий необходимо кроме гипсометрии учитывать также степень расчлененности рельефа, крутизну склонов и тем-

пературный режим (изотермы), структуру земельного фонда»⁴¹ – как тут не вспомнить «изящные» горы и обширные нивы горных адыгов.

И по причине того, что, определяя границы гористости, не учитывают этого комплекса факторов, или принимают во внимание только отдельные из них, в специальной литературе встречаются данные по зонально-вертикальному делению горных стран с существенно различающимися между собой параметрами. Г.Е. Авакян указывает, что при определении «нижней границы горных территорий для средних географических широт» в литературе принимают буквально полярные цифры – 200, 300, 400, 500, 600 и даже 800 и 1000 м. н.у.м. (Сам автор считает нижней границей гор 500 м. н.у.м. «ибо именно с этой высоты заметно меняется температурный режим»⁴². К чему приводит такой разноречивой Г.Е. Авакян демонстрирует на примере высказываний участников одного научного форума⁴³. По Азербайджану: «Почти 60% территории Азербайджана расположено в горной и предгорной зонах» (Г.Б. Аллавердиев); «Горные районы занимают 40% территории республики» (З.М. Мамедов); «горных районов Азербайджанской ССР, занимающих 2/3 территории» (Д.Б. Бабаев); «54,5% территории республики является горной» (Э.Г. Мамедов); «около 3/5 территории Азербайджана занимают горы»; из 61 района Азербайджанской ССР 39% – горные.

По Грузинской ССР: 2/3 территории Грузии – «горная зона» (Д.С. Дисамидзе, К.М. Циклаури); горные районы – 39,6% «всей территории республики» (Т.В. Гугушвили). Еще более разительный пример Г.Е. Авакян приводит по Армении – в республике, в которой горная часть занимает до 90% территории, НИИ Госплана Армении включил в число горных районов только 21 район из 37. В число горных (и даже предгорных) «районов не вошел Разданский район, территория которого расположена в пределах от 1700 до 3000 м. н.у.м.»⁴⁴

В свете сказанного, при характеристике земледельческой культуры, ее зональных особенностей, следует, скорее всего, исходить не только из данных гипсометрии, но целого комплекса критериев, включающих расчлененность, крутизну склонов, температурный режим, и даже структуру угодий. Именно в силу этого обстоятельства на «изящных» предгорьях адыгов или довольно высокого расположенных (до 800–1000 м.) горных долинах и равнинах Закавказья (Араратская – свыше 800 м., Внутренне-Картлийская – 750 м., Ши-

ракская степь – 700 м. н.у.м. и др.) земледельческое хозяйство приобретает черты (признаки) равнинного.

Обзор ландшафтных районов Закавказья также начнем с низменных частей. Главной и самой большой равниной Закавказья является Куро-Араксинская низменность, продолжением которой служит Прикуринская наклонная равнина.

Однако, несмотря на обширные пространства и ровный, удобный для обработки рельеф, низменность не стала очагом масштабного земледельческого хозяйства. В данном случае барьерная роль окружающих гор сыграла отрицательную роль, закрыв доступ к низменности западных воздушных влажных течений. Поэтому здесь при мягком субтропическом климате образовались главным образом полупустыни, степи, редколесья аридного характера. Наиболее известные степи – Ширванская, Карабахская, Мильская, Сальянская – использовались преимущественно в качестве зимних пастбищ. В степях происходит засоление почв, развитие солончаковых ландшафтов. Однако места где осадков выпадает несколько больше, или долины рек, где почвенный состав лучше, стали земледельческими очагами. Широкая горно-лесная зона с хорошими почвами и благоприятным климатом обеспечивает возможности для применения подсечного земледелия в сочетании с террасным. Горно-луговые и горно-степные ландшафты среднегорья и предгорий включают в себя не только крутые (но не очень каменистые) склоны для террасирования, но и пологие склоны для склонового (бестеррасного) земледелия.

Однако часть Закавказского нагорья – Джавахетско-Армянская – характеризуется вулканическими горами, почти безлесными лавовыми плато, что обуславливает совсем другой характер пахотоспособных угодий, с большим удельным весом бесподсечного террасирования, в том числе с каменными подпорными стенами.

Что грузины – народ с древней земледельческой культурой – общеизвестный факт. Говоря словами Г.С. Читая, «имеющаяся здесь земледельческая культура представляет сложную цельную систему, отдельные элементы которой вырабатывались и оформлялись на протяжении тысячелетий путем длительных и упорных исканий и испытаний. Эти достижения, накапливаясь веками и передаваясь из поколения в поколение, вошли в качестве составного элемента в основной фонд народной культуры»⁴⁵. В совокупности заселенная грузинами

территория представлена всеми видами зональных ландшафтов от настоящей (ровной, обширной) равнины до высокогорья. Соответственно и набор пахотоспособных угодий должен быть полным, характерным для стран, объединяющих на своей территории горные и низменные ландшафты. Перечень угодий будет ближе к адыгскому, чем к осетинскому или дагестанскому. Он включает луговые, аллювиальные, лесные равнины и долины, холмистые гряды и предгорья, причем тоже луговые; горно-долинные угодья, нередко в виде естественных, порою аллювиальных террас, представляющих хорошую базу для культивирования многолетних насаждений; участки горных склонов, площадки, «местечки», любые площади, обработка которых для ведения земледельческого хозяйства была возможна. В этом виде (горных) угодий возникала необходимость террасирования. Г.С. Читая говорит о «искусственных почвах, создаваемых террасообразно по горным склонам»⁴⁶. М.К. Гегешидзе также считает, что «террасное земледелие, как один из видов земледелия имеет в Советском Союзе наибольшее распространение на Кавказе, особенно в Дагестане, Армении и Грузии. Помимо естественных террас, приспособленных для земледелия, получило развитие искусственное террасное хозяйство в наиболее выгодных для этого областях»⁴⁷. М.К. Гегешидзе приводит «древние грузинские термины для обозначения искусственных террас», причем один из них (кадони) зафиксированный в известном словаре XVII в. С.С. Орбелиани, обозначает «террасу с деревянной фронтальной стеной»⁴⁸. Следовательно, и у грузин террасирование местами (в лесных районах) связано с технологией подсеки. Это не удивительно, если иметь в виду, что треть территории Грузии покрыта лесами и кустарниками.

О ситуации в Сванетии нам уже приходилось упоминать – 0,12 дес. пашни на один двор⁴⁹, причем почти 60% удобных земель здесь занимали леса. Как справедливо отмечает Г.В. Джалабадзе, «малоземелье ограничивало широкое развитие полеводства в Сванетии»⁵⁰. Правда, почвы здесь неплохие, пониже, к долинам даже хорошие. Поэтому террасирование и особенно подсека (а чаще их сочетание) в Сванетии были неизбежны. И преобладающими угодьями здесь были, естественно, неудобные склоны, площади, «местечки», и террасы, в том числе комбинированные (подсека плюс террасирование).

Иное положение рисуют наблюдатели в соседней Раче. Графиня П.С. Уварова констатировала, что Рача горная местность, добавляет, что горы не так уж высоки, а долины широки, и представляют удобные места для обработки полей и разведения виноградников. Однако и здесь в верхней части имеется множество лесов⁵¹. Этот последний факт и упоминание виноградников свидетельствует о бытовании здесь и подсеки и террасирования. А, в общем, картина земледельческих угодий и хозяйства рачинцев во многом напоминает земледельческую культуру горных адыгов-земледельцев.

Юго-Осетия, разделяющая западных и восточных горных грузин, в экономическом отношении относится специалистами к Восточной Грузии. Являясь типичной горной страной, Юго-Осетия, представлена почти всеми природными зонами – от высокогорной до нижнепредгорной: высокогорная луговая зона, довольно скалистая, среднегорная с лесистыми склонами и ущельями, зона речных долин и холмистых предгорий, с включением небольшой периферийной части Внутренне-Картлийской равнины. Наличие свободных предгорий способствовало сосредоточению населения в низменных зонах и расширении речных долин. Южная нижнепредгорная часть – основной земледельческий район Юго-Осетии, и, как и в Дагестане, на аллювиях здесь успешно выращивали кукурузу.

Преобладающие угодья – пологие, почти ровные склоны нижних предгорий, долинные земляные террасы, горные террасы в сочетании с подсекой.

Восточная высокогорная зона Грузии имеет общие черты. Облик ландшафта здесь образуют мощные хребты (Хевсурский, Тушетский и др.) и высокогорные котловины, располагающиеся между Главным и Боковым хребтами и разделенные перемычками.

Соответственно этому делению различались и пахотоспособные угодья. На склонах гор «местечки», площадки, небольшие террасы с подсекой технологией. Главное место здесь занимало скотоводство. Пологие склоны и речные террасы – главный резерв местного земледелия. Но все-таки как и на Северном Кавказе и Дагестане, эта зона не отличается развитостью и особенно масштабностью земледелия. Все наблюдатели побывавшие здесь отмечают это.

Так Н.А. Буш о земле хевсуров пишет, что это «скалистая бесплодная местность»⁵². Ему вторит К.Ф. Ган: «трудно ему (хевсуру –

М.О.) достается обработка полей на крутых склонах»⁵³. То же о пшавках: «А в Пшавии все или в гору или под гору. Ровного места здесь нет»⁵⁴. Однако интенсивность земледельческого хозяйства, как и почти повсюду в горных районах Кавказа, здесь была высокой.

В целом можно сказать, что высокогорья Грузии имеют примерно тот же перечень пахотоспособных угодий, какой мы видели на Северном Кавказе. Отметим, еще, что в высокогорьях помимо рельефно-ландшафтных трудностей, возможности земледельческого хозяйства ограничивают и особенности климата: низкие температуры весной и осенью, избыток осадков, частые выпадения града, связанные с ливнями, градом и снегом сели, лавины, оползни, обвалы и т.п. Чтобы вести в таких условиях земледельческое хозяйство надо быть исконным земледельцем, с древними истоками и традициями, приверженностью к обработке земли и с богатым земледельческим опытом. С другой стороны, земледелие должно быть не только потребностью, но и суровой необходимостью, заключающейся в трудностях приобретения и доставки зерна к месту потребления из богатых житниц равнин и предгорий.

Абхазию называют горно-холмистой страной, хотя здесь между предгорьями и побережьем восточной части (в Абжуйской Абхазии) располагается приморская равнина, расширяющаяся к востоку. Преобладают все-таки холмистые плоскости, перемежающиеся с предгорьями и взгорьями, причем по преимуществу облесенные. Абхазия представляет в земледельческом отношении как раз тот случай (как и у адыгов), когда не равнина, а «земли предгорно-холмистой полосы считались наиболее благоприятными для развития сельского хозяйства»⁵⁵. Более того, наилучшими пахотными угодьями считались «новые участки подсеочно-огневого земледелия с рыхлой почвой и достаточной влажностью»⁵⁶. Поскольку главными угодьями являются пологие склоны и плато предгорий и всхолмленностей, имело место и террасирование, которое в условиях сильной облесенности неизбежно должно было сочетаться с подсекой технологией. Однако террасирование не было масштабным, что подтверждается и отсутствием описания (а иногда даже и упоминания) в специальной литературе.

В отличие от Абхазии, в Аджарии более резкое и четкое разделение на гористую и низменную части – Верхнюю и Нижнюю Аджарию, причем ведущим земледелие было только в низменной части. Однако

ведущее скотоводство Верхней Аджарии «как правило, всегда сочеталось с горным земледелием, с явно выраженным террасированием, представленным в исключительно развитой форме»⁵⁷. Причем, особенности природно-географических условий, конкретнее – сильная облесенность способствовали, как отмечают исследователи, развитию подсечного земледелия. При этом отмечается такая особенность подсеки как «создание почвозащитных преград из лесоматериалов»⁵⁸, в этой несколько неопределенной фразе скрывается, скорее всего, сочетание подсечной технологии с террасированием. Таким образом, пахотные угодья в Аджарии во многом сходны с абхазскими, с одним исключением – у аджарцев более масштабное террасирование.

Обратимся теперь к Азербайджану. Выше мы приводили выдержки из работы Г. Авакяна, иллюстрирующие разноречивость азербайджанских авторов при рельефно-ландшафтной характеристике территории страны. В целом как и весь Кавказ, Азербайджан горная страна, но имеющая обширные низменные территории, причем часть ее (18%) характеризуется даже минусовыми показателями по отношению к уровню моря. Помимо Куро-Араксинской низменности, составляющей больше четверти площади Азербайджана и которая разделяется обычно на пять степей (Ширванская, Карабахская, Мильская, Муганская, Сальянская), имеются и другие, менее крупные понижения.

Куро-Араксинская низменность – это почти ровные степи, с плодородными почвами (луговыми и сероземными), климат мягкий, почти субтропический, все вроде бы благоприятствует земледелию, но вот климат сухой, осадков мало, поэтому такие удобные равнины приходится использовать под зимние пастбища, там, где нет возможности орошения.

Для народов шахдагской группы (будуги, крызы, хиналуги), занимающих горные окрестности Шахдага, преимущественных скотоводов, характерно террасирование склонов. Вообще Малый Кавказ, включающий и Шагдагский хребет, в целом гористая область.

Таким образом, все ландшафтные области Азербайджана имеют предпосылки для существования самых разных пахотоспособных угодий от минусовых (от уровня моря) впадин и понижений до луговых склонов высокогорий⁵⁹.

Несколько слов о пахотоспособных угодьях Армении. Это самая возвышенная страна Закавказья, особенно по сравнению с Азербайджаном. Средняя абсолютная высота здесь достигает 1800 м. (в Азербайджане – 384 м.) и 76,5% ее территории расположена на высотах от 1000 до 2500 м. н.у.м. Однако ее возвышенные плато по комплексу природно-географических условий приближаются к равнинным землям вплоть до субтропиков (сухих). К таким «горным равнинам» можно отнести Ширакское плато, Лорийскую среднегорную равнину, Араратскую равнину, Севанскую котловину⁶⁰. Названные равнины включают до 90% пахотных угодий страны. Остальная территория – хребты и нагорья, причем львиная доля (4/5) остальных пахотных земель приходится на горные районы Даралагез и Зангезур, примыкающие к Севанской котловине⁶¹. Армения слабо облесена (до 10% угодий), горно-лесной зоны здесь практически не существует, зато очертания рельефа, поднятий здесь более мягкие и спокойные, а задернованность, улучшающая пахотные возможности угодий, характерна даже для довольно крутых склонов, что увеличивает и возможности их террасирования.

Подведем некоторые итоги.

Следует признать, что в общем плане картина угодий, их ландшафтно-рельефная характеристика выглядит довольно однообразно для разных регионов, остается уповать на то, что конкретика пахотных угодий при описании систем земледелия будет выглядеть более разнообразной, различительной.

Если начинать с самых качественных, наиболее продуктивных, то следует обратиться к угодьям низменных ландшафтов. Ровные обширные поля больших равнин всех регионов Кавказа, с плодородными почвами, с густой травяной растительностью и задернованностью (на целинных землях) в этом плане выглядят наиболее предпочтительными. А первыми среди них являются пахотные угодья адыгских равнин прикубанья, которые недавно нынешний губернатор Краснодарского края назвал «лучшими в мире черноземами». В этот же ряд можно поставить более или менее ровные и достаточно обширные поля нижних предгорий; например, той же Адыгеи, Дагестана, Чечни, Грузии, Азербайджана. В эту же категорию войдут равнинные, нижнепредгорные и угодья невысоких холмистых гряд, в том числе субтропиков Куринской низменности, Абхазии, Аджарии, Лен-

корани. В разряд равнинных следует включить угодья и больших горных плато, хотя и находящихся на высоте далеко не низменной, но по рельефно-ландшафтным и климатическим условиям приближающиеся к экологическим параметрам низменных равнин.

В особую категорию можно выделить равнинные земли, нуждающиеся в мелиорации – в XIX в. она сводилась главным образом к орошению и частично осушению. Здесь в первую очередь следует назвать степи Дагестана, Терско-Кумской и Куро-Араксинской низменностей, отдельные плато Армянского нагорья. И, наконец, к равнинным угодьям можно отнести широкие речные долины предгорий, такие как Кахетинская, Алазань-Агричайская, Рионская и др.

Угодья верхних предгорий приближаются по своим физико-географическим параметрам к горным. Наиболее удовлетворяющими земледельческому освоению здесь являются луговые ландшафты с относительно пологими склонами, служащие для склонового земледелия.

Для горной части (и высокогорья) характерны неудобные склоны, небольшие площадки, разные «местечки», в большинстве своем очень небольших размеров. Порою они настолько малы, малодоступны, загромождены разными препятствиями (большие камни, обрывы, утесы, камнепады, завалы и т.п.), что к ним невозможно подступиться даже с легким ралом в упряжке с парой волов. Бывали селения, в которых отбирали малорослых быков для обработки таких участков с помощью рала. Иные из таких участков обрабатывали и вовсе без пахотного орудия, с помощью мотыги или заступа. Такие участки, а также и более крупные по возможности подвергались террасированию, имевшему, в зависимости от рельефа и структуры террасируемого участка несколько видов. В этой связи встает вопрос о террасостроительстве в земледелии. Предварительно мы пытались показать, что в принципе, в большей части своих компонентов, по содержательной структуре, в сущности это тип земледелия и к системе земледелия практически отношения не имеет.

Однако террасное земледелие было существенным элементом земледельческой культуры народов всего Кавказа и поэтому нам представляется необходимым еще раз вернуться к этому вопросу, тем более, что в отличие от террасостроительства Дагестана, на остальной части Кавказа у него есть дополнительная существенная особенность

– сочетаемость, взаимная включенность (сочлененность) с подсечным земледелием.

Следовательно, если это не система, и «это» неоспоримый факт в земледельческой культуре народов Кавказа; думается, есть смысл и даже необходимость специально остановиться потом на этом вопросе.

Наибольшая специфичность угодий наблюдается, как и следовало ожидать, в нагорье. Здесь мы видим весь букет элементов экологической среды, которые в той или иной степени являются объективными факторами, препятствующими, мешающими, ограничивающими масштабы, затрудняющими обработку земли, условия выращивания культур, вызревание культивируемых злаков и т.п., факторами обстоятельствами, сдерживающими активное функционирование здесь земледелия как отрасли хозяйства и элемента земледельческой культуры. Это и крутые склоны, и камни, и скалы на поверхности земли, и каменистость самой почвы, и ограниченность площадей, участков пахотных угодий из-за всевозможных естественных преград и препятствий, тонкий слой (и скелетный характер) почвы.

Положение отчасти спасали естественные террасы, которые несомненно послужили основной базой горного земледелия. Но также ясно и то, что ими далеко не ограничивается горное земледельческое хозяйство, хотя, следует предположить с большой долей вероятности, что они послужили прообразом, предтечей и побудительным толчком к искусственному террасированию. И теперь, в процессе многовекового развития террасного земледелия подчас трудно определить, особенно среди террас с межевыми откосами (т.е. без подпорных стенок), какие из террас – естественного происхождения, какие созданы человеком в процессе векового целенаправленного (на выравнивание поверхности пахотного угодья) вспахивания более или менее ровного участка. Террасы это и спасительное средство увеличения обрабатываемой площади горного земледельца, и одно из искусных его творений, и одно из высших достижений горной земледельческой культуры. Отдадим должное нашим предкам, которые в условиях «изначальной хрупкости человека перед лицом колоссальных сил природы» (выражение Ф. Броделя)⁶² проявили сметку и нашли в себе силы и усердие для создания мощной террасной системы, используемой для земледельческого хозяйства.

а) Террасные угодья

Выше, в связи с вопросом о сущности и компонентной структуре типа и системы земледелия, разграничении их содержания, мы высказались за включение террасостроительства (вопреки распространенной традиции отнесения к системе земледелия) в тип земледелия. Поэтому мы включили террасостроительство в раздел о пахотных угодьях и попытаемся обосновать этот шаг.

Как показывают материалы, террасирование в определенной степени решало задачу и увеличения пахотоспособных угодий и облегчения их обработки.

Участки с преобладающими горно-луговыми ландшафтами, конфигурация склонов которых неудобна и невыгодна для склоновой обработки (трудность вспашки и других видов обработки, уборки, возможность смыва почвы) подвергаются специальному вспахиванию склона, способствующего образованию террасы с межевыми откосами. Такое террасирование практиковалось почти повсюду на Кавказе, однако отдельные исследователи называют такие террасы естественными, что противоречит способу и механике сложения этих террас.

На каменистых склонах, а также в местах с маломощными скелетными почвами, или напротив, с мощными аллювиальными и вулканическими почвами, но на крутых склонах, складывается другой вид террас, выстроенных с подпорными стенами. Создание новой пахотной площади путем выравнивания, нанесения дополнительной почвы, строительства подпорных стен (которые служат одновременно и для очистки участка от камней) являлось существенным подспорьем для увеличения пахотоспособных угодий. В связи со строительством каменных подпорных стен отметим в скобках такой факт: если в месте террасного строительства камня оказывалось слишком много, строили более толстые стены, если и это не обеспечивало полную очистку от камня, находили какой-либо непригодный, неудобный, неперспективный для утилизации кусок земли и складывали там огромные штабеля камня, напоминающие приземистые массивные башни.

Еще один вид террасостроительства, бытовавший в лесных нагорьях и предгорьях – сочетающийся с подсекой, с почти обязательным использованием в подпорных сооружениях древесного материала (стволы, ветки, плетень).

Впрочем, в этом виде террасирования подсека играет не менее важную роль, собственно с подсеки только и можно начать создание террасы на покрытых лесом склонах гор.

Террасы, террасное земледелие не стало доминантой горного земледельческого хозяйства Северного Кавказа, как это было в Дагестане. Абсолютно прав Б.А. Калоев, утверждая, что «эта система здесь, по сравнению с Дагестаном, не достигла большого развития»⁶³.

Во введении мы попытались обосновать нашу позицию в отношении характера террасного земледелия, считая его типом, а не системой земледелия. Главный наш довод заключается в том, что террасирование производится не для воздействия на плодородие почвы (что составляет содержание системы), а для увеличения площади, пахотоспособных угодий. Сошлемся на высокий авторитет акад. Н.И. Вавилова, который прямо указывает на подобное целевое содержание террасостроительства. Приведем это замечательное высказывание великого ученого: «Вряд ли можно лучше использовать землю, чем это делают в горном Дагестане ... у нас в Дагестане можно видеть интенсивную террасную культуру, идеальное использование для культуры рельефа гор, максимальное использование каждой пяди земли для земледелия»⁶⁴.

В этой выдержке из работы великого ученого внимательный читатель обнаружит одно немаловажное обстоятельство, одну генеральную идею, заключающую в себе (и объясняющую) основной смысл и назначение террасостроительства. Просто удивительно, что адепты «террасной системы земледелия» не обратили внимание на это, или даже просто проигнорировали ее. Вспомним: в системе земледелия речь идет о действиях по изменению состояния плодородия почвы угодий, имеющихся в распоряжении земледельца. А что подчеркивает в террасах В.И. Вавилов, какое назначение им приписывает? «Лучше использовать землю... Идеальное использование рельефа гор ... максимальное использование каждой пяди земли... умение рационально использовать каждый клочок ценной земли». Яснее сказать невозможно – речь идет о рациональном использовании угодий, их площади, их поверхностных особенностей («рельеф гор»), т.е. фактически речь идет об угодьях как таковых, их площади, их экономии, их приращении, т.е. главный результат террасостроительства видится в увеличении (экономии) площади угодий, путем операций по их

«производству». Ни возделывания, ни изменения плодородия, ни воздействия по варьированию использования угодий во времени и пространстве.

В подтверждение сказанного приведем одно интересное наблюдение, свидетельство (и утверждение) известного географа К.Ф. Гана о террасном земледелии Кахетии и Дагестана в конце XIX в. «В виду замечательной сгущенности (скученности? – М.О.) населения (53,3 жителя на 1 кв.в.) жители всячески стараются увеличить площадь годных для обработки полей. Всюду на склонах гор устраиваются для этой цели террасы. Холмы, переделанные таким образом, издали можно принять за фортификационные сооружения»⁶⁵. Яснее, кажется не скажешь.

В этом же аспекте характерна позиция известных дагестанских исследователей Р.М. Магомедова и В.П. Дзагуровой, компетенция которых общеизвестна. Исследуя земледелие Дагестана они говорят о террасных полях, о том, что «горцы выработали систему террасного земледелия» (в данном контексте слово «система» подразумевает, означает феномен «тип», или «структура», иначе было-бы «террасная система земледелия»), однако, в перечне систем земледелия Дагестана указаны однопольная, двухпольная, трехпольная переложная, залежная «системы севооборотов», но никакого даже намека о включении в этот перечень террасного земледелия⁶⁶.

Аналогичные высказывания о целевом назначении террас имеются и у М.В. Кантария, которая считает, что террасирование «было вызвано нехваткой пахотных земель», что «посредством террас там в условиях малоземелья создавалась возможность искусственного увеличения пахотных угодий», что «посредством террасирования склонов достигалось рациональное использование земель». Подобным образом высказывается и С.-М. Хасиев. Отметив, что «естественно-географические условия горной Чечено-Ингушетии обусловили широкое развитие террасной системы (!) земледелия, перечислив четыре их вида (сложившиеся в результате многовековой обработки; с подпорной стенкой; с насаженными у края деревьями, с наносной искусственной почвой – классификация не совсем удачная и оправданная), он также указывает, что «создание искусственных террас было вызвано отсутствием достаточного количества пахотных угодий» и поэтому с развитием земледелия на равнине они «почти везде были за-

брошены»⁶⁷. Первоначальная и главная задача и функция террасирования заключалась в увеличении годной для обработки земельной площади, т.е. наращивании площади пахотных угодий. Разумеется, при этом могли решаться, и по возможности решались, и другие, но побочные для террасирования задачи, например, то-же улучшение качественного состава почвы террасы путем добавления улучшенного (в том числе и удобрениями) грунта, или-же специальные действия по обеспечению на создаваемых террасах облегчения труда пахаря, хода упряжных животных, маневров пахотного орудия и упряжки. Но это повторяем, побочные задачи. Прямая, главная, основная – создание нового участка пашни, или скажем, улучшение условий эксплуатации пахотного угодия путем относительного выравнивания склона, что в конечном счете опять таки должно было привести к наращиванию обрабатываемого участка. Терраса – то-же угодье, как и равнинное ровное поле, предгорный косогор или высокогорный склон, это вещный, материальный объект, угодье, на котором еще будут осуществляться мероприятия земледельческого цикла и по поднятию плодородия (система земледелия), объект для манипуляций, приложения сил и усилий земледельца с целью получения конечного продукта своего земледелия. Это тот-же кусочек природы, правда в определенной степени подправленный человеком, угодье – данность с точки зрения полного земледельческого цикла, с сопутствующими ему (и в какой-то степени породившими его) геоморфологическими и биоклиматическими условиями, обстоятельствами. Это то-же угодье, объективно (первозданно) открытое для земледельца, готовое для любых его действий, в том числе и по повышению плодородия, улучшению условий и получению урожая, действий, строящихся (исходящих) именно на базе его наличествующих природных свойств, условий и данностей. Но ни одна из этих данностей не имеет по своей сущности, содержанию, не несет в себе более или менее существенных особенностей, решающих ту или иную форму или способ поднятия плодородия почвы (т.е. систему земледелия).

В то-же время, как уже говорилось, тип земледелия как земледельческая категория, может предопределить (хотя и не всегда) выбор определенной системы земледелия.

Из пяти основных видов террас, различающихся по способу образования и структуре (естественные откосные; искусственные от-

косные, созданные преимущественно специально направленным запахиванием некрутых склонов; искусственные с добавленным грунтом и подпорными стенами; приречные; подсечно-террасные) в наибольшей степени имеют объективно данный характер и удовлетворяют признакам типа земледелия естественные террасы, и в наименьшей – террасы с подпорными стенками, ибо в них заключены результаты и определенных усилий (хотя и не основных, побочных) по улучшению плодородящих свойств или качеств почвы. Наиболее распространенные из них и отличающиеся сравнительно большими площадями откосные террасы (и естественные и искусственные (Рис. 1.), характерные преимущественно для среднегорья, отводятся по большей части под зерновые колосовые и бобовые. При этом террасы с мощным почвенным слоем, а также близко расположенные от села или животноводческого хутора (для подвоза удобрений) использовались для интенсивных форм земледелия – пара, севооборота и даже плодосмена (при обязательном обильном удобрении). Если же террасы отдаленные, с маломощными скелетными почвами и к тому же труднодоступные для подвоза удобрений, то на них для получения хотя бы сносных урожаев приходилось применять перелог и даже залежь. Это могло быть исключено (как непроизводительное использование угодия в условиях малоземелья), если была возможность пригнать на постой на террасу отару овец. Из этих примеров видно, что особенности элементов типа земледелия («данность») во многом обуславливают характер системы земледелия, выбор ее вариантов, результату пространственно-временного варьирования способа и интенсивности утилизации угодий. Даже такой элемент неукрепленных террас как межевые откосы, создаваемые с вполне определенным назначением, даже они влияют на выбор определенной системы, ибо, чем мощнее и задернованнее эти откосы, тем в большей степени они служат страховыми аккумуляторами влаги, теньевыми или радиационными экранами и способствуют продуктивности интенсивных форм (напр., паровой или севооборотной). Террасы с подпорными стенами – наиболее трудоемкие, требующие наибольших вложений труда и средств не только при создании, но и в течение периода использования и эксплуатации (Рис. 2). Укрепленная терраса удерживает от разрушения и окультуривает склон, уменьшая его каменистость, способствуя увеличению полезной площади для растительности, предот-

вращает осыпи, размывание, уменьшает разрушительную работу селей, увеличивает полезную площадь для обработки, обеспечивает ровное насыщение влагой посевов и насаждений, аккумулирует влагу, способствует наращиванию и улучшению почвенного слоя, обеспечивает наилучшие условия для утилизации солнечной радиации и т.д. и т.п. Учитывая трудоемкость их создания (иногда можно видеть опорные стены высотой с двухэтажный дом), большую трудозатратность, а также их большие потенциальные производительные возможности, земледельцы соответственно давали им и большую «нагрузку». Поэтому в теплых долинах с имеющимися возможностями даже незначительного орошения, террасы отводили под многолетние насаждения, с максимальным использованием под посевы и междурядий. Так сложилось удивляющее заезжих наблюдателей многоярусное садоводство горных долин Дагестана и Кавказа. О том насколько это был грандиозный труд, какое колоссальное впечатление они производили, какую красоту они создавали на фоне суровых скалистых гор, существует очень много ярких и восторженных высказываний русских и иностранных наблюдателей. Приведем из них лишь одно – замечание немецкого ученого Ф. Боденштедта, наиболее точно и лаконично сформулировавшего экономическое значение террасовых садов для дагестанских горцев, жителей горных долин: «сады составляют главное богатство лезгин, тем, что дают хлеб, дрова для сжигания, вкусные фрукты – короче дают все, в чем нуждаются эти нетребовательные горцы для своего существования»⁶⁸.

Приречные террасы еще более наглядно демонстрируют основной смысл и назначение горного террасостроительства, заключающегося в приращении, увеличении площади пахотоспособных угодий. Их было сравнительно немного, создавались они главным образом по берегам рек, на сближающихся, занесенных толстым слоем ила участках, и пока существовала опасность их затопления капитально не укреплялись. В отдельных селениях, расположенных в верховьях Самура, мы видели огороженные валунами участки со специально устроенным доступом илистой воды, отток которой устроен был таким образом, что она выходила лишь отстоявшись, оставив весь свой ил в этой оригинальной ловушке. На таких участках насаждались по краям влаголюбивые деревья – вербы, ивы, тополя, для того, чтобы укрепляли грунт, крепили его своей разветвленной корневой системой,

которая в перспективе становилась отличной основой для обогащения органикой созданного почвенного слоя. Затем насаждались фруктовые деревья, характеризующиеся ранним сроком плодоношения и недолговечностью (быстрым старением, например, персиковые), руководствуясь несколькими соображениями: такие плодовые деревья создают корневую структуру и скрепляют почву, как и другие, но не вырастают до больших размеров, что нежелательно для сравнительно маломощных создаваемых почв, к тому же меньше урон при неожиданном сильном паводке – селе; этим же объяснялось и пристрастие к высеву в междурядьях таких участков корнеплодных и бобовых – и почву укрепляет и обогащает, и меньше пострадают при незначительных вторжениях воды, от которых колосовые погибли бы.

В других регионах Кавказа хотя мы и приводили высказывания Б.А. Калоева о меньшей, чем в Дагестане, развитости в них террасного земледелия, оно все таки было довольно масштабно, и по древности, техническому уровню, видовому многообразию мало уступало дагестанскому.

Террасное земледелие было по Б. Калоеву в Чечне, Ингушетии, Балкарии, Карачае, Осетии. Адыгов он не называет, хотя приводит замечание И.Н. Клингена по земледелию причерноморских адыгов⁶⁹ о том, что «в местах слишком покатых, но с плодородною почвою, горцы прибегали к искусственной террасовке»⁷⁰. М.В. Кантария, напротив, утверждает, что террасные поля были почти везде в горной части Центрального Кавказа – Балкарии, Осетии, Чечне, Ингушетии, «а также Адыгее»⁷¹. Судя по концовке и она считает террасостроительство у адыгов незначительным. Б. Калоев выделяет два вида террасных полей – естественные и искусственные. Однако в ходе описания выясняется, что, как и некоторые другие исследователи – и весьма компетентные – автор по другому (иначе), не так как это принято у дагестанских авторов, понимает различие между естественными и искусственными террасами. В число последних включаются террасы, для создания которых нужны строительные работы» строительство искусственных террас» – Б.А. Калоев⁷²), а естественные, это «террасы, образуемые в результате обработки почвы»⁷³. Не удивительно поэтому заключение Б.А. Калоева, что естественные террасы «имели наибольшее распространение во всех горных зонах, почти все горное земледелие возделывалось на естественных террасах»⁷⁴ (мы бы доба-

вили – горное полевое земледелие). Это действительно так, но можно ли террасу, которая сложилась (получилась) в результате целенаправленного, технологически специального, рассчитанного на вполне определенный результат воздействия человека⁷⁵ считать естественной? Ведь если верить словарю русского языка, естественный, это «относящийся к природе ... совершающийся по законам природы, обязанный им, а не постороннему вмешательству»⁷⁶.

Заметим, что по этому вопросу мнение М.В. Кантария совпадает с позицией дагестанских исследователей, она считает эти террасы искусственными. Она справедливо отмечает, что естественное начало в них имеется, но терраса «приобретает резко очерченную конфигурацию посредством сознательного вмешательства человека. Ступенчато растеррасированные пологие склоны гор – это культурные слои, созданные руками человека. Поэтому называть эти участки естественными, на наш взгляд, не совсем целесообразно» (это в адрес Б.А. Калоева)⁷⁷. Однако и она, солидарно с Б.А. Калоевым (террасное земледелие – вид занятий), и вслед за ним повторяет, что «одним из древних видов занятий населения горного Кавказа является террасное земледелие»⁷⁸, хотя правильнее было бы говорить о террасах как о форме осуществления, реализации одного из видов занятий. Однако мы вполне солидарны с ней, когда она утверждает, что террасное земледелие «является древнейшим достижением культуры человечества»⁷⁹.

Что касается классификации террас, мы считаем естественными те из них, которые сложились в пригодной для эксплуатации форме без вмешательства человека. Искусственные же делятся, как говорилось, на приречные, подсечные, откосные и укрепленные (с подпорными стенками)⁸⁰. М.В. Кантария делит еще укрепленные террасы по материалу подпорных фронтальных стенок (по дагестанским материалам такая необходимость не возникала): камень, дерево, плетень ит.д.⁸¹ Из классификаций некавказского материала некоторое сходство имеют систематизации М.А. Родионова по Ливану⁸², его «гребневые» близки к откосным, а «ступенчатые» к укрепленным. Относительно продуктивности террасного земледелия есть немало высказываний. Так, например, американский ученый Б.Л. Тернер подсчитал, на примере майя, что террасирование при подсечном земледелии увеличивало возможности пропитания населения в 3–7 раз⁸³. Другой со-

временный исследователь, отечественный, на примере «многоярусного» террасного земледелия типа адыгского, дагестанского и закавказского, утверждает, что «самые скромные расчеты показывают, что даже большие расходы на террасирование окупятся в течение 2–3 лет, тем более, что почти все эти новые земли (!) используются комбинированно: кроме основной культуры, например, плодовых садов, в междурядьях возделываются другие культуры, в основном овощи»⁸⁴.

Особенностью террасного земледелия Северного Кавказа и Закавказья исследователи считают его сочетание с подсечным земледелием. Не случайно наиболее характерные примеры террасостроительства связаны с горными лесными районами. А то, что из этого правила почти выпадают адыги, это тоже объяснимо, уже не раз говорилось, что горы адыгов не были столь крутыми, скалистыми, они имели более округлый, «мягкий» характер и отличные почвы. Естественно, что в двуедином действии подсека-терраса первой шла подсека, прежде чем выравнивать склон требуется его очистить от поверхностных мешающих предметов, в том числе от камней и растительности.

М.В. Кантария утверждает, что «насыпные террасы в Чечено-Ингушетии увязывают с подсечной системой хозяйства, которая широко практиковалась в нагорных районах Чечни» (обратим внимание – именно Чечни, так как Ингушетия была менее облесена), и далее – «таким образом, освоение горных склонов состоит из двух этапов: первый – это подсека, второй-же, обусловленный технической необходимостью – террасирование склонов». Хотя она считает, что «Чечено-Ингушетия входит в орбиту хозяйственно-культурного единства Центрального Кавказа», однако, вслед за А.И. Робакидзе, который считает искусственное террасирование «типичной чертой горного земледелия ингушей», она видит конкретное своеобразие хозяйства Чечено-Ингушетии в террасной системе земледелия⁸⁵. «Искусственно устроенные террасы для посева хлебов» отмечает и осведомленный наблюдатель Н.Ф. Грабовский⁸⁶.

У соседей ингушей – осетин террасирование было менее распространено, чем в Чечне. Б.А. Калоев тоже отмечает это, но связывает с переселением на равнину и ставшим более доступным приобретением равнинного хлеба⁸⁷. В частности, в Осетии было меньше распространено подсечно-террасное земледелие, так как здесь меньше облесен-

ность. Так, известный осетиновед А.Х. Магомедов указывая, что «пахотные участки «создавали» и на откосах, которые расчищали от камней», на которых «сооружались поля-террасы», говоря о подпорных стенках, упоминает только «каменные подпорные»⁸⁸. Им отмечена интересная деталь в строительстве террас – вновь созданный участок сначала «запускали под траву, для скрепления почвы, а до этого напускали воду ручья для образования слоя и цементирования кладки»⁸⁹.

Характерно, что и наблюдатель конца XIX в., отметив у осетин террасы, не говорит о материале подпорных стен, что может свидетельствовать о том, что он был традиционный – камень: «В ауле Тибе, через который мы проходили, замечательные искусственные террасы, на которых разводятся различные хлебные растения»⁹⁰. О террасах на склонах гор Осетии говорит и Б.Ф. Гамкрелидзе⁹¹, более подробно на них останавливается М.В. Кантария, которая отмечает широкое – в Куртатинском и более редкое в Дигорском ущельях террасирование. И здесь она замечает, что террасы обеспечивают эффективную защиту от эрозии почв и увеличивают площадь пахотных угодий, облегчают условия для регулирования орошения, защиты почвенных структур, «интенсивности ведения полеводства»⁹².

Высоко оценивает террасирование в Балкарии, изучавший здесь хозяйство и поселения А.И. Робакидзе, который пишет: «К числу особенностей земледелия балкарцев относится, с одной стороны, умелое использование террас (вспомним, что под таковыми он тоже понимает искусственные откосные террасы – М.О.), а с другой – высокая техника искусственного террасирования, которая применялась во всех (?) случаях хозяйственного использования почвы и носила довольно монументальный характер»⁹³.

Орошаемое террасное земледелие отмечено и у карачаевцев, и хотя в материале подпорных стен указаны и «сосновые деревья», о сочетании с подсекой не упоминается, в то время как упоминаются многие другие агротехнические мероприятия (искусственная почва, создаваемая переносом из долин, очистка участков, рвание о сохранении гумусного слоя, удобрение, орошение), благодаря которым «достигается высокий коэффициент использования земли террасных полей-огородов»⁹⁴.

Отметим еще одну особенность в описаниях террас Кавказа: в отдельных случаях террасированием называется складывание собранных с участка камней на краю поля. В свое время, описывая террасы даргинцев, мы указывали, что одной из предпосылок генезиса террас с подпорными стенками явилась практика складывания собранных камней, которые некуда было девать, по краям участка⁹⁵. Эти кучи постепенно обретали правильные формы, способствовали задержанию наносного ила, смываемых сверху элементов растительности и постепенно перерастали в правильные, уже целенаправленно создаваемые террасы с опорами. Описание именно таких прототеррас мы встречаем в наблюдениях отдельных авторов. Так, в описании Я. Абрамова говорится, что поскольку в горах мало земель «пригодных для земледелия», для пашни могут служить «кочки земли» с небольшим уклоном. Отыскав такой клочок «горец очищает его от камней и устраивает снизу стену, часто из собранных на участке камней». Затем направляет на него ручей, который наносит камешки и песок создавая подпочву и цементирует стену. Затем загоняет скот и удобряет его. Чтобы ускорить, приносит землю из долин. Сначала участок запускает под траву. Такой участок стоит в 100 раз дороже равного по площади участка на равнине⁹⁶.

Современный исследователь Т.Д. Алибердов также говорит, что участки приходилось очищать от камней и ограждать их от разрушения ливнями и т.п. явлениями. «Чтобы привести в порядок участки и улучшить плодородие почвы, адыги на склонах гор вынимали из земли камни и складывали из них прочные стены»⁹⁷. Такие же прототеррасы описаны и в Афганистане Н.И. Вавиловым. «Используется каждая пядь земли. Руками собираются груды камней, чтобы очистить несколько саженей поверхности под культуру. Обычно по краям клеток-полей целые заборы из сложенных камней»⁹⁸. В другом описании (тоже по Афганистану) говорится: «Для ограждения полей от подмыва горными потоками сооружают подобие каменных террас из камней, собранных с пашни». По краям сажают деревья для укрепления почвы»⁹⁹.

Схожие действия с собранными камнями отмечены и в горной Грузии. Так И.Л. Бахтадзе пишет, что в горной Раче в отдельных обществах было на полях много булыжников, и их собирание «первая забота земледельца». Из них «устраиваются изгороди сухой кладки,

окружающие пашни и защищающие их от скота»¹⁰⁰. Даже если это заключение автора верное (полагаем, что это одно из назначений), поперечные стены на склонах могут служить защитой от эрозии, камнепадов, будут способствовать накоплению на участке почвы (наносный ил, кусочки растительности, разной органики).

В Закавказье террасирование было более развито в Грузии, соответственно и исследование этого феномена земледельческой культуры Кавказа поставлено здесь более широко и основательно. Одним из первых исследователей, начавшим специальное исследование террасового земледелия был М.К. Гегешидзе, который рассматривает терминологию террас в рамках всего Кавказа. Он же связал с террасированием «существование раннеклассовой модели социально-экономического развития в некоторых горных странах, в частности на Кавказе». Однако концепция о том, что исходная отправная структура модели террасостроительства заключалась в «коллективном труде» и соответственно «общинной организации труда»¹⁰¹, как показал М.А. Агларов, оказалась, ошибочной¹⁰².

Позднее, в подробной работе, посвященной орошению в Грузии, М.К. Гегешидзе ставит основной акцент в террасировании на борьбу против эрозии и максимальный эффект орошения (уменьшает интенсивность эрозии, опасность камнепада, осыпей, а если сады – и потерю плодов, т.к. они не скатываются). Думается, он делает шаг назад от высказываний М. Кантария и Л. Бериашвили, утверждая, что «террасирование склонов неотделимо от орошения», что «здесь террасное хозяйство было одной из важных форм (!) орошаемого земледелия»¹⁰³. Подобной точки зрения придерживается и другой грузинский исследователь Н.Ш. Чиджавадзе. В генезисе террасного земледелия автор видит с Западной Грузии – меры для защиты почвы от поверхностного смыва (из-за обилия осадков). Здесь она говорит собственно не о террасах, а о «заграждениях из дерева» и земляных валиках (автор называет эту форму «плувиальным» типом). В Восточной Грузии выделены а) ступенчатые, укрепленные камнями террасы и б) с «неукрепленными задернованными стенами». Здесь по утверждению автора террасное земледелие «теснейшим образом» связано с орошением, ирригация требовала создания ступенчатых полей, поэтому этот тип назван «ирригационным»¹⁰⁴. Не говоря уже о том, что наиболее массовый вид террас (с откосными задернованными и покосно-

выпасными межами), образовавшийся в результате длительной обработки земли, практически не орошался, это высказывание будет бесспорным и для террас со стенками, преимущественно орошаемыми.

В ряде своих работ затрагивает вопрос о сельскохозяйственных террасах в Закавказье (как и на Северном Кавказе) и А.И. Робакидзе. В частности, он указывает, что альпийское скотоводство Верхней Аджирии сочеталось «с горным земледелием с явно выраженным террасированием»¹⁰⁵. Однако он повторяет ту-же ошибку, что и в отношении террас Северного Кавказа, называя вид террас в Сванетии, образовавшихся в результате длительной целенаправленной обработки земледельца «естественно возникшими»¹⁰⁶. Мы уже указывали выше, что М.В. Кантария исправил ошибку своих коллег (Б. Калоева, А. Робакидзе и др.) правильно отнеся эти террасы к разделу искусственных (террасированные склоны гор – «это культурные слои созданные руками человека»)¹⁰⁷. Она справедливо указывает на значение эрозийных процессов в генезисе террас: «В Панкиси эрозийные явления были не столь часты, как в остальных частях Кахетии. Видимо, поэтому здесь не прибегали к устройству террас»¹⁰⁸ (и потому, добавим, что не было острого малоземелья).

Большой вклад в исследование террас внесла Л.К. Бериашвили. Одной из первых (возможно, и первой, неясность из-за того, что мы не знаем литературы на грузинском языке), она отметила, что склоновые (откосные) террасы локализовались в верхнем поясе и отводились под зерновые (часто яровые), а террасы с подпорными стенами тяготели к низменным местам, долинам и отводились под многолетние насаждения. Она отмечает «интенсивность использования террасированных участков» в результате сочетания природных и хозяйственных средств – «орошение, очистка, наносы почвы, удобрения и др.». Раньше М.В. Кантария и других авторов она указала, что для зерновых использовали террасы с большей площадью и без «подпорных стен, замененных крутыми покосными полосами – згвари, корди». И – самое главное – их оформление «достигалось веками (!), путем постоянной обработки и эксплуатации выбранных для этой цели гор»¹⁰⁹. Л.К. Бериашвили отмечает универсальные свойства террас: в Восточной Грузии, они способствуют освоению горных склонов при наличии водных ресурсов, а в Западной, напротив «предохраняют

почву от перенасыщения влагой и эрозии». Однако и в самой Западной Грузии она выделяет Месхети (террасы под виноградники) и Аджиарию (сады, пашни). Одна из немногих Л.К. Бериашвили отмечает роль террас в использовании солнечной радиации, а также то обстоятельство, что в горной Грузии «существование форм террас является составной частью» системы подсецкого земледелия, что террасы связываются с этой системой¹¹⁰. Однако подобная сращенность подсецкого земледелия и террасирования, которая являлась типичной особенностью Северного Кавказа, здесь отмечена далеко не во всех местах.

Относительно террас в Армении, как ни странно, нет материала даже в капитальной работе И. Шопена. Однако террасное земледелие в широких масштабах засвидетельствовано в урартских клинописях, в которых в частности указывается, что на искусственных террасах склонов гор, спускающихся в Ванскому озеру, были виноградники¹¹¹.

Интересно отметить, что по мнению исследователей, это известное со времен Урарту «характерное для сельскохозяйственных оазисов Армянского нагорья, террасовое земледелие» было обусловлено «прежде всего борьбой с эрозией» в наносных почвах¹¹². Во всех других местах чаще говорится о создании новых площадей пахотных угодий, возможно, эта особенность террас Армянского нагорья объяснялась спецификой местных вулканических и наносных почв.

Закljučая разговор о террасных угодьях отметим, что материал по всему Кавказу подтверждает, на наш взгляд, интерпретацию террасного земледелия как категории типа земледелия – и по своему целевому содержанию (создание, строительство пахотоспособной площади угодий, а не сохранение плодородия уже имеющегося у земледельца пахотного угодия), так и компонентной структуре (терраса – вещный объект, угодье, частично представляющая овеществленный труд человека (как пахотное орудие), относящееся к довозделывательному этапу, а не совокупности мероприятий, действий).

Террасирование было распространено в исследуемый период по всему Кавказу, в его горной (и отчасти предгорной) зонах, преимущественно в восточной части.

Террасное земледелие в других регионах имело меньший удельный вес чем в Дагестане, еще одно отличие заключалось в том, что оно в большинстве случаев сочеталось с подсецным земледелием, ко-

торое, также в отличие от Дагестана, было широко распространено по Кавказу. Соответственно, здесь в подпорных стенах использовали не только камень (как в Дагестане), но и древесный материал (бревна и даже плетни).

1. *Grigg D.* The agricultural regions of the world: Review and reflections // *Economic Geography*. 1969. Vol. 45. № 2; *Hahn E.* Die Entstehung der pflugkultur. Heidelberg, 1909; Вавилов Н.И. Мировой опыт земледельческого освоения высокогорий // *Природа*, 1936. № 2. и др.
2. *Гарданов В.К.* Общественный строй адыгских народов. М., 1967. С. 58.
3. *Кантария М.В.* Некоторые вопросы земледельческого быта в горной Осетии // *КЭС*. V. 3. Тбилиси, 1980. С. 105; она же. Некоторые вопросы этнической истории и хозяйства адыгов // *Культура и быт адыгов*. VI. Майкоп, 1986. С. 14, 16, 18.
4. *Сталь К.Ф.* Этнографический очерк черкесского народа // *Кавказский сборник*. Т. XXI. Тифлис, 1980. С. 82, 87, 100.
5. *Ногмов Ш.Б.* История адыгейского народа, составленная по преданиям кабардинцев. Нальчик, 1947. С. 33.
6. *Паллас П.С.* Заметки о путешествиях в южные наместничества Российского государства в 1793–1794 гг. // *Адыги, Балкарцы и Карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. (АБКНЭА)* Нальчик, 1974. С. 222.
7. *Кох Карл.* Путешествие по России и в Кавказские земли // Там же. С. 617.
8. Ср. *Калоев Б.А.* Земледелие народов Северного Кавказа. М. 1981. С. 20, 22, 23; *Бесленев А.Д., Шаманов И.М.* Очерки истории хозяйства и хозяйственного быта горцев Кубанской области. Черкесск, 1972. С. 4.
9. *Волкова Н.Г.* Переселение с гор на равнину на Северном Кавказе в XVIII–XIX вв. // *СЭ*, 1972. № 2. С. 41–42.
10. *Сельскохозяйственный энциклопедический словарь*. М., 1989. С. 554–555.
11. *Гвоздецкий Н.А.* Кавказ. Очерки природы. М., 1968; он же. *Физическая география Кавказа*. Вып. 1. Общая часть. Большой Кавказ. М., 1954; *Гарданов В.К.* Общественный строй адыгских народов. С. 24–27 и др.
12. Цитир. по: *Гарданов В.К.* Указ. раб. С. 67.
13. *Калоев Б.А.* Земледелие народов Северного Кавказа. С. 62–64, 226 (таблица-карта № 1).
14. *Шаманов И.М.* Земледелие и земледельческий быт карачаевцев // *Из истории сельского хозяйства Карачаево-Черкесии*. Черкесск, 1971. С. 44.
15. *Ганн К.Ф.* По долинам Терека, Уруха, Аргона // *СМОМПК*. XXV. Тифлис, 1898. С. 52.
16. *Тепцов В.Я.* По истокам Кубани и Терека // *СМОМПК*. XIX. Тифлис, 1892. С. 84.

17. *Сысоев В.М.* Карачай в географическом, бытовом и историческом отношении (из СМОМПК № 42). Тифлис, 1913. С. 88–89.
18. *Шаманов И.М.* Земледелие и земледельческий быт карачаевцев. С. 59.
19. *Иваненков Н.С.* Карачаевцы // *Изв. Общества любителей изучения Кубанской области*. Вып. V. Екатеринодар, 1912. С. 64.
20. *Шаманов И.М.* Земледелие и земледельческий быт карачаевцев. С. 52–53.
21. *Робакидзе А.И.* Формы поселения в Балкарии. Хозяйственные условия поселения // *КЭС*. I. Тбилиси, 1964. С. 45.
22. *Народы Кавказа*. Серия «Народы мира. Этнографические очерки» Т. I. М., 1960. С. 272.
23. *Калоев Б.А.* Земледелие народов Северного Кавказа. С. 62, 63.
24. *Магомедов А.* Вахушти об Осетии и осетинах // *Материалы по этнографии Грузии*. Вып. XII–XIII. Тбилиси, 1963. С. 296.
25. *Дубровин Н.* История войны и владычества русских на Кавказе. Т. I. Кн. 1. СПб., 1871. С. 287. См. об этом также: *Красильников Ф.С.* Кавказ и его обитатели. Географическо-этнографические очерки. Осетины. М., 1904. С. 44.
26. *Рклицкий М.В.* Главнейшие моменты в истории хозяйственного быта Северной Осетии и современная экономика области // *Изв. Сев. Осетин. НИИК*. Вып. II. Владикавказ, 1926. С. 170. Заметим, что подобное измерение земли площадью, «которую можно вспахать парюю волов в один день», было довольно распространенным: римский югер, германский морген, английский акр, грузинский «день пахоты» и др. – Ср. *Струмилин С.Г.* Очерки экономической истории России. М., 1960. С. 11.
27. *Абрамов Я.* Кавказские горцы. Краснодар, 1927 (скопировано из журн. «Дело», 1884. № 1. С. 14–15, 16).
28. *Максимов Е., Вертепов Г.* Туземцы Северного Кавказа. Вып. 1. Осетины. Ингуши. Кабардинцы. Владикавказ, 1892. С. 47.
29. *Магомедов А.Х.* Указ. раб. С. 54.
30. *Дмитриев Н.* Переход через Рокский и Мамисонский перевалы // *СМОМПК*. XX. Тифлис, 1894. С. 29.
31. *Калоев Б.А.* Земледелие народов Северного Кавказа. С. 63.
32. *Кантария М.В.* Агркультурные способы полеводства в Чечено-Ингушетии // *КЭС*. VI. Тбилиси, 1986. С. 42.
33. *Робакидзе А.И.* Жилище и поселения горных ингушей // *КЭС*. II. Очерки этнографии горной Ингушетии. Тбилиси, 1968. С. 94–95.
34. *Максимов Е., Вертепов Г.* Указ. раб. С. 115.
35. *Грабовский Н.* Ингуши (их жизнь и обычаи) // *ССКГ*. IX. Тифлис, 1876. С. 3, 32.
36. *Робакидзе А.И.* Жилище и поселения горных ингушей. С. 96–97.
37. *Кантария М.В.* Агркультурные способы полеводства в Чечено-Ингушетии. С. 41.
38. *Берже А.П.* Чечня и чеченцы // *КК* на 1860 г. Тифлис, 1859. С. 62.

39. *Кантария М.В.* Агркультурные способы полеводства в Чечено-Ингушетии. С. 41.
40. Грузинская ССР. Экономико-географическая характеристика. М., 1956. С. 12; Азербайджанская ССР. Экономико-географическая характеристика. М., 1957. С. 64; Армянская ССР. М., 1955. С. 10.
41. *Авакян Г.Е.* Люди и горы. История, теория, практика. М., 1989. С. 11.
42. *Авакян Г.Е.* Указ. раб. С. 11.
43. Имеется в виду конференция «Проблемы социально-экономического развития горных районов» // Тезисы докладов Закавказской научной конференции 22–24 мая 1985 г. Ереван, 1985.
44. *Авакян Г.Е.* Указ. раб. С. 9–10.
45. *Читая Г.С.* Земледельческие системы и пахотные орудия Грузии // Вопросы этнографии Кавказа. Доклады на сессии Института истории им. И.А. Джавахишвили. Тбилиси, 1952. С. 99.
46. Там же. С. 99–100.
47. *Гегешидзе М.К.* Террасное орошаемое земледелие на Кавказе // VII МКАЭН. М., 1964. С. 1.
48. *Гегешидзе М.К.* Указ. раб. С. 8.
49. *Соболь Ф.Я.* Верхняя Сванетия. М.-Л., 1933. С. 47.
50. *Джалаладзе Г.В.* Полеводство в Сванетии // К этнографическому изучению Сванети. Тбилиси, 1970. С. 35.
51. *Уварова П. С.* Кавказ. Рачи, Горийский уезд. Горы Осетии, Пшавия, Хевсурети и Сванетия. Путевые заметки. Ч. III. М., 1904. С. 2.
52. *Буш Н.А.* По горам и ущельям Хевсурии и Тушетии. Петрополь, 1904. С. 600.
53. *Ган. К.Ф.* Путешествие в страну пшавов, хевсур, кистин и ингушей. Б.М. и Г.И. С. 10.
54. *Шкловский В.* Горная Грузия. Пшавия. Хевсурия. Мухевия. М., 1930. С. 10.
55. Земледелие и скотоводство у абхазов (Материалы к историко-этнографическому атласу Грузии). Тбилиси, 1986. С. 9.
56. *Бжания Ц.Н.* Из истории хозяйства и культуры абхазов (Исследования и материалы). Сухуми, 1973. С. 151.
57. *Робакидзе А.И.* Традиционные формы поселения в Аджарии // Очерки этнографии Аджарии. Тбилиси, 1982. С. 5.
58. *Чиджавадзе Н.Ш.* Подсечное земледелие в Аджаре // Быт и культура населения Аджары. Тбилиси, 1967. С. 71, 72.
59. Народы Кавказа. II. М., 1962. С. 38–40; Азербайджанская ССР. С. 64–70.
60. Народы Кавказа. II. С. 435–437; Армянская ССР. С. 10–13.
61. Армянская ССР. С. 86–87.

62. *Бродель Ф.* Материальная цивилизация, экономика и капитализм. XV–XVIII вв. Т. I. Структуры повседневности: возможное и невозможное. М., 1986. С. 62.
63. *Калоев Б.А.* Земледелие народов Северного Кавказа. С. 63.
64. *Вавилов Н.И.* Мировой опыт земледельческого освоения высокогорий. С. 80.
65. *Ган. К.Ф.* Путешествие в Кахетию и Дагестан (летом 1898 г.) // СМОМПК. XXXI. Тифлис, 1902. С. 78–79.
66. *Магомедов Р.М., Дзагурова В.П.* К истории земледелия в Дагестане. Махачкала, 1969. С. 8–9.
67. *Кантария М.В.* Экологические аспекты традиционной хозяйственной культуры народов Северного Кавказа. Тбилиси, 1989. С. 43, 49; она же. Агркультурные способы полеводства в Чечено-Ингушетии. С. 41; она же. Некоторые вопросы земледельческого быта в горной Осетии. С. 107; *Хасиев С.-М.А.* Земледелие чеченцев и ингушей в XIX – первой четверти XX в. (К проблеме истории земледелия народов Северного Кавказа). Автореф. канд. дис. М., 1973. С. 6–7.
68. *Bodenstädt F.* Die Völker der Kaukasus und ihre Freiheitskämpfe gegen die Russen Berlin, 1855. S. 303.
69. *Калоев Б.А.* Земледелие народов Северного Кавказа. С. 63.
70. *Клингген Н.И.* Основы хозяйства в Сочинском округе. СПб., 1887. С. 47.
71. *Кантария М.В.* Агркультурные способы полеводства в Чечено-Ингушетии. С. 42.
72. *Калоев Б.А.* Земледелие народов Северного Кавказа. С. 62–63.
73. *Робакидзе А.И.* Жилище и поселения горных ингушей. С. 97.
74. *Калоев Б.А.* Земледелие народов Северного Кавказа. С. 63.
75. Об этом воздействии, технике создания этих «естественных» террас см.: *Агларов М.А.* – Техника сооружения террасных полей и вопросы эволюции форм собственности у аварцев (до XX в.) // УЗ ИИЯЛ. Т. XIII. Серия историческая. Махачкала, 1964. С. 180–181. С этой техникой создания искусственных террас, которая воссоздана им очень убедительно и четко, М.А. Агларов связал формы земельной собственности у аварцев; ему же принадлежит плодотворная попытка показать взаимосвязь между террасной системой и зоной domestikации растений. См.: *Агларов М.А.* Террасная система земледелия в зоне domestikации растений // Хозяйство народов Дагестана в XIX–XX вв. (этнографические исследования). Махачкала, 1979.
76. *Ожегов С.И.* Словарь русского языка. М., 1973. С. 173.
77. *Кантария М.В.* Экологические аспекты традиционной хозяйственной культуры народов Северного Кавказа. С. 45. Справедливости ради заметим, что подобную ошибку раньше Б.А. Калоева допустил маститый грузинский этнограф А.И. Робакидзе, который в 1968 году писал, что «ингуши и терминологически различали естественные террасы, образуемые в результате длительной обработки почвы и именуемые ими моґриш, от искусственных – ґюу, создаваемых

ими в садах, пашнях, покосах, вдоль дорог посредством возведения каменных оград». Робакидзе А.И. Жилище и поселения горных ингушей. С. 97 (как мы видим, речь идет о откосных (с межевыми откосами) и укрепленных (с подпорными стенками), но безусловно искусственных террасах).

78. Калоев Б.А. Земледелие народов Северного Кавказа. С. 62; Кантария М.В. Экологические аспекты традиционной хозяйственной культуры народов Северного Кавказа. С. 45.

79. Кантария М.В. Экологические аспекты традиционной хозяйственной культуры народов Северного Кавказа. С.42.

80. См.: Османов М.О. Хозяйственно-культурные типы (ареалы) Дагестана (с древнейших времен до начала XX века). Махачкала, 1996. С. 145–146.

81. Кантария М.В. Агркультурные способы полеводства в Чечено-Ингушетии. С. 46.

82. Родионов М.А. Террасное земледелие в Ливане (к проблеме хозяйственно-культурной типологии) // Проблемы типологии в этнографии. М., 1979. С. 175.

83. См.: Сколько было майя? // Природа, 1977. № 4. Взято из: Science News, USA, 1976, V. 109. № 4. P. 58.

84. Авакян Г.К. Люди и горы. С. 140–141.

85. Кантария М.В. Агркультурные способы полеводства в Чечено-Ингушетии. С. 41, 48; она же. Экологические аспекты традиционной хозяйственной культуры народов Северного Кавказа. С. 49; Робакидзе А.И. Жилище и поселения горных ингушей. С. 96–97.

86. Грабовский Н.Ф. Экономический и домашний быт жителей горского участка Ингушевского округа // ССКГ. III. Тифлис, 1970. С. 10.

87. Калоев Б.А. Земледелие народов Северного Кавказа. С. 64.

88. Магометов А.Х. Культура и быт осетинского крестьянства. Орджоникидзе, 1963. С. 12.

89. Магометов А.Х. Культура и быт осетинского народа. Историко-этнографическое исследование. Орджоникидзе, 1968. С. 54.

90. Дмитриев Н. Переход через Рокский и Мамисонский перевалы. С. 29.

91. Гамкрелидзе Б.В. Система скотоводства в горной Осетии // КЭС. V. 3. Тбилиси, 1980. С. 26.

92. Кантария М.В. Грузино-осетинские этнокультурные контакты в земледелии. // Проблемы исторической этнографии Осетии. Орджоникидзе. 1987. С. 78–79.

93. Робакидзе А.И. Формы поселения в Балкарии. Хозяйственные условия поселения. С. 45; См. также: Балкарцы // Народы Кавказа. I. М., 1960. С. 272.

94. Шаманов И.М. Земледелие и земледельческий быт карачаевцев. С. 52–53.

95. Гаджиева С.Ш., Османов М.О., Пашаева А.Г. Материальная культура даргинцев. Махачкала, 1967. С. 22.

96. Абрамов Я. Кавказские горцы. С. 14–15.

97. Алибердов Т.Д. Из истории земледелия у адыгов // УЗ Адыг. НИИ ЯЛИ. Т. VIII. Этнография. Майкоп, 1968. С. 49–50.

98. Вавилов Н.И., Букин Д.Д. Земледельческий Афганистан // Избр. труды акад. Н.И. Вавилова. Т. I. М.-Л., 1959. С. 109, 136.

99. Народы Передней Азии. Серия «Народы мира. Этнографические очерки». М., 1957. С. 110.

100. Бахтадзе И.Л. Экономический быт государственных крестьян Рачинского уезда Кутаисской губернии // МИЭБГКЗК. Т. II. Ч. 1. Тифлис, 1886. С. 51.

101. Гегешидзе М.К. Террасное орошаемое земледелие на Кавказе. С. 6–7.

102. Агларов М.А. Техника сооружения террасных полей и вопросы эволюции форм собственности у аварцев. С. 180–181, 185–189; он же. Сельская община в Нагорном Дагестане в XVII – начале XIX в. (Исследование взаимоотношений форм хозяйства, социальных структур и этноса). М., 1988. С. 47–50.

103. Гегешидзе М.К. Орошаемое земледелие в Грузии (опыт историко-этнографического исследования). Тбилиси, 1990. С. 52.

104. Чиджавадзе Н.Ш. Террасное земледелие в Грузии (на груз. яз.). Резюме на русском. Батуми, 1976. С. 110–111.

105. Робакидзе А.И. Традиционные формы поселения в Аджарии. С. 5.

106. Робакидзе А.И. Основные черты хозяйственного быта в Сванети. Тбилиси, 1990. С. 44.

107. Кантария М.В. Экологические аспекты традиционной хозяйственной культуры народов Северного Кавказа. С. 45.

108. Кантария М.В. Из истории хозяйственного освоения Панкисского ущелья кистами // КЭС. VII. Тбилиси, 1988. С. 31.

109. Бериашвили Л.К. Некоторые вопросы полеводства в Месхети // Вопросы этнографии Грузии, «Материалы по этнографии Грузии». Т. XIV. Тбилиси, 1968. С. 42; она же. Террасное земледелие в Месхети. Резюме // Там же. Т. XV. Тбилиси, 1970. С. 67–68; она же. Полеводство в Месхети (по этнографическим материалам). Автореф. канд. дис. Тбилиси, 1973. С. 13–14.

110. Бериашвили Л.К. Традиции освоения и защиты земли в Грузии. Автореф. докт. дис. Тбилиси, 1991. С. 16, 18, 20, 26, 27, 28, 31, 38, 59.

111. Гегешидзе М.К. Террасное орошение земледелия на Кавказе. С. 3.

112. Народы Кавказа. Т. II. С. 464.

§ 2. Пахотные орудия

Другой элемент связки – пахотное орудие, в свою очередь, также по многим параметрам, характеризующим конструкцию и технологию, обуславливается природно-географической средой, ландшафтом, рельефом, почвой и структурой угодий и т.п. Подобной позиции придерживаются многие исследователи (Ю.Ф. Новиков, Д.В. Найдич-

Москаленко и др.), хотя разумеется, безоговорочная абсолютизация ее недопустима. Речь идет главным образом о конструктивных и технологических особенностях и свойствах орудия: главная технологическая идея, задача и соответственно основные конструктивные, технические, технологические и операционные особенности, свойства и признаки орудия. Что касается этнической традиции и особенно культурной инерции и аккумуляции, она несомненно должна была иметь место в решениях компоновки орудия, в параметрах реализации второстепенных (не основных) технических и технологических задач, а также в создании общего облика орудия, его внешностных (экстерьерных) и отчасти художественных форм, в пределах параметров, не нарушающих основную конструктивную и технологическую идею и операционные способы ее осуществления. Такая постановка вопроса, думается, будет более удовлетворительной, чем крайние интерпретации «экологистов» и «этнокультуристов», тем более, что последние в определенной степени признают, что приоритетность культурной (или культурно-этнической) традиции возможна в условиях реализованных общих принципов «требований к конструкции»¹.

Прежде чем переходить непосредственно к пахотным орудиям сделаем несколько небольших предварительных замечаний.

Одно из них касается принятых в этнографической литературной традиции зональных определений и характеристик земледельческой отрасли и культуры, их компонентов. Несмотря на то, что существует объективно существующее разделение по природно-географическим условиям не несколько зон и множество микрозон, земледельческую культуру традиционно делят только на равнинную и горную. Все то, что по своим земледельческим параметрам близко к равнине (угодые и земледелие нижних предгорий, больших долин гор и предгорий, холмистых гряд и плато и т.п.) обычно относятся к равнинной земледельческой культуре, все остальное, в том числе земледельческое хозяйство высокогорий, верхних предгорий, среднегорий и т.п. рассматривается просто как горное.

Очень редко можно встретить определение «предгорный плуг», «высокогорное рало», «предгорная» или «высокогорная» земледельческая отрасль, «предгорная борона» и т.п. Как, например, в скотоводстве, хотя существуют четыре категории сезонных пастбищ (весенние, летние, осенние, зимние), основным и наиболее принятым в

употреблении является деление на летние и зимние, так и в земледелии многие параметры переходных зон или подзон ввиду своей близости и обусловленности главными, полярными зонами, включают в параметры главных и фигурируют под их номинациями.

Достаточно взять любую из кавказоведческих работ, и мы найдем в ней при описании отраслей хозяйства или занятий населения почти исключительно определения «горный» и «равнинный». Например, в специальной работе по земледелию Б.А. Калоева мы встречаем такие выражения: «вопрос о соотношении горного и равнинного земледелия», «наибольшее развитие земледелие получило у них в горной зоне», (о горных адыгах), «существование у чеченцев земледелия не только в горах, но и на равнине», «упадок земледелия в горных районах Кавказа», «малоземелье и безземелье были характерной чертой и всей нагорной Осетии» (ясно, что здесь объединены и среднегорье, и высокогорье и даже верхнее предгорье), «наиболее распространенным пахотным орудием в горной полосе» и т.п. Подобные примеры можно продолжить. И что особенно знаменательно с точки зрения нашей темы, тенденция эта особенно отчетливо наблюдается при рассмотрении пахотных орудий. Например: «каждая зона региона имела определенные типы орудия. Рассмотрим горные пахотные орудия»².

Наши дагестанские материалы показывают, что, действительно, четкие, отчетливые, разделительные (и различающие, отделяющие) признаки проглядываются только в двух главных полярных зонах, а в прилегающих и переходных зонах встречаются только их варианты и дериваты.

В продолжение (и соблюдение) этой традиции мы также будем придерживаться основного принципиального деления – равнинный – горный, не забывая, разумеется о возможности существования других зональных и микрозональных (и культурно-традиционных и культурно-этнических) вариантах (вариациях).

Другое предварительное замечание касается упряжки пахотного орудия. Обычно наблюдатели, а нередко и исследователи, уделяют мало внимания упряжке, ограничиваясь порою, лишь указанием на количество пар упряжных животных в связке. Между тем, это количество бывает далеко не случайным и определяется не наличием или отсутствием достатка в упряжных животных. Каждая пара быков, добавленная земледельцем, имела определенное назначение, связанное

как с необходимостью ускорения вспашки, так и особенностями обрабатываемого угодья. Залежь, целина, поля под пар, севооборотные участки, подсечные угодья или лесостепные и кустарниково-лесные пространства – каждый из видов угодья требовал не только выбора определенного орудия, но и соответствующего количества (и качества) упряжных животных. Ровные аккуратные пласты на подготовленном, многие годы обрабатываемом поле могли обеспечивать и две пары волов, но для подсечной делянки нужен был уже не только опыт, но и большая сила, резкость, способность к большим тяговым нагрузкам. И, естественно, чем большая требуется сила, тем больше пар волов приходится припрягать к упряжке. Материалы по Дагестану, полевые записи, сделанные со слов старых опытных хлеборобов, показывают, что на равнине вопрос о рабочих волах в период пахотной страды приобретал большую остроту. Нехватало рабочего скота, приходилось искать партнеров для супруги, прибавление пар животных в упряжке требовало соответствующего увеличения числа погонщиков. Одним из выходов из таких ситуаций было в Засулакской Кумыки, южном равнинном Дагестане использование в упряжке буйволов.

Причем вполне определенно говорится, что буйволы требовались при тяжелых целинных почвах, освоении новых участков, особенно в лесокустарниковой полосе, а также при поливном земледелии. В Дагестане буйвол в упряжке плуга почти стопроцентный показатель равнинного поливного земледелия. Буйвол снимает многие трудности связанные с обработкой трудных участков, создавая возможность образования для этого сильной упряжки и управления ею.

Так, например, один из наблюдателей говорит о 10 парах быков, виденных им в упряжке в Севанской долине³. Чтобы управиться с упряжкой в 10 пар нужно минимум три погонщика. Чтобы слить воедино тяговые усилия стольких животных одновременно, например, при поворотах, тяжелом препятствии (большой камень и т.п.) довольно трудная задача. Вот почему во многих низменных местах и в Закавказье при освоении левокустарниковой целины, подсеке, плантажной пахоте с одновременной корчевкой, при наличии возможности использовали буйволов – две их пары могли тянуть плуг при любой вспашке, а при плантажной вспашке (кумыки плуг для такого рода вспашки называли «большой плуг» – «уллу сабан») можно было до-

бавить еще пару. Буйвол в работе нетороплив, но устойчив, ритмичен, постоянен, не сбивается и не шарахается, медленно-монотонен, и эту неторопливую инерцию держит и при возникновении внезапных препятствий, так как обладает большой силой.

Известный знаток скотоводства Кавказа А.А. Калантар очень высоко отзывается о буйволах, отмечая в них силу, неутомляемость, устойчивость к жаре; они менее страдают от мошек и насекомых, телятся летом (удобство для выращивания молодняка), дают высококачественное молоко (много), не боятся болот и стоячих вод, добавим от себя, не боятся хищников. Отмечает он и неудобства его содержания – неуклюжесть, грубость (ломает заборы), требует большого ухода, не переносит холод, не годится для зимних работ, почти беспомощен на каменном или мерзлом грунте, требует много корма, грубое мясо⁴. Многие из указанных недостатков делают невозможным его содержание и использование в горах, что касается мяса, крестьяне, в частности в Дагестане, отпускают на всю теплую половину года постаревшего буйвола на вольный выпас и осенью режут, причем все мясо идет на колбасы, которые сушат на зиму (и интересно, что выпущенные по одиночке, даже из разных селений, они сразу сбиваются в стадо и больше не расстаются; к такому стаду волки и приближаться не станут).

Буйволов не везде можно было разводить. Поэтому местами, где требовались их особые упряжные качества, а собственных буйволов не было, специально закупали рабочих буйволов на стороне, иногда довольно далекой. Так, известно, что на ярмарки Засулакской Кумыки, например, в Эндирее, приходили из равнинных областей Грузии, (Кахетии, например) специальные закупщики буйволов и закупали их десятками по довольно хорошей цене.

Еще одно предварительное замечание (соображение) касается классификации пахотных орудий. Следует сказать, что в кавказоведческой литературе нет развернутой классификации орудий с четко сформулированными и обоснованными критериями. Такие классификации были созданы на материалах европейских, русских и вообще восточнославянских пахотных орудий, и они в определенной мере послужили основой для систематизации кавказских пахотных орудий. В одной из первых из них⁵ орудия были разделены на два рода – сохи и косули, причем в группу последних вошли и рала и плуги, в том

числе украинский плуг. В классификации Г.Ф. Фирстова плуги уже составляют самостоятельную группу (украинский плуг и сабан), причем украинский плуг районирован им и на Кавказе. Рала у него тоже не выделены и входят в группу косуль (всего три группы – плуги, сохи, косули)⁶. Более известна и принята исследователями классификация известного ученого Д.К. Зеленина, который делит орудия по способу (методу) обработки земли орудием. Первая группа – черкающие орудия, в которую входят несколько видов рал и сох; вторая – пашущие орудия – сохи с плицею и сохи – односторонки; третья – роющие пахотные орудия, это плуги (украинский, татарский сабан) и косули⁷. К сожалению, все эти классификации не были четко дифференцированными, в одну группу могли войти рало и соха, соха и плуг и т.д. Возможно, помимо рабочих признаков следовало ввести и отдельные предметные, формальные признаки. Более четкой выглядит классификация П.Н. Третьякова⁸, но он выделяет только плуги и сохи. Разделяет их форма обработки почвы – с одной стороны, бороздящие и разрыхляющие – сохи, с другой – оборачивающие пласт – плуги.

По иному подходит к группированию пахотных орудий Д.В. Найдич-Москаленко, которая считает, что «место прикрепления тяговой силы определяет главную функцию пахотных орудий и должно, поэтому лечь в основу их классификации». Они делятся на «1) орудия с низким прикреплением тяговой силы, применявшиеся на дернистых и тяжелых черноземных почвах, при обработке целины, залежи и перелога; 2) орудия с высоким прикреплением тяговой силы, применявшиеся на каменистых и легких лесных почвах, при подсеке и лесном перелоге». К первым относятся rado и плуг, вторым – борона-суковатка, соха, косуля⁹. Выглядит это интересно и заманчиво, только трудно представить себе рало взрывающее дернину тяжелых черноземов, это было под силу только плугу.

Авторы (Л.М. Сабурова, М.Д. Торэн) раздела «Пахотные и разрыхляющие орудия» в историко-этнографическом атласе «Русские» производят классификацию орудий в связи с системами земледелия. Для трехполья указаны соха, косуля, плуг; для перелогов и целины – рало, плуг; для лесопольной системы – суковатки, мотыги и сохи без полицы¹⁰. Можно приветствовать увязывание авторами форм пахотных орудий с особенностями угодий, но наши материалы не подтверждают такого четкого деления орудий в зависимости от характе-

ра пахотного поля и системы земледелия. Особенно не подходящим представляется нам предназначение рала для задернованной целины, в то же время для разработанных многолетними вспахиваниями участков трехполья более приемлемыми представляются рала.

Один из самых убежденных «экологистов» Ю.Ф. Новиков, считает, что зависимость техники земледелия «от ландшафтно-климатических условий наряду с социально-экономическими, должна рассматриваться, безусловно, в первую очередь», что землепашец должен выполнять «различные требования к земледельцу», которые природа предъявляет в каждом конкретном случае, «закрепляя отвечающие им навыки, приемы и орудия в форме традиции»¹¹. (Сходной позиции придерживается и известный исследователь земледельческой культуры Северного Кавказа М.В. Кантария, которая считает, что сходство орудий обусловлено одинаковыми природными и хозяйственными условиями; так как «известно, что существование различных орудий вообще обусловлено географическими и климатическими условиями, качеством почвы, «определенной системой земледелия»¹². Соответственно своим положениям Ю.Ф. Новиков выделяет четыре типа старинных орудий у которых имеются некоторые взаимосвязи между конструктивным типом орудия и областью его распространения, характеризующейся теми или иными экологическими условиями». Это – рало, средиземноморский плуг, македонский плуг, средневропейский плуг¹³. Правда, плуги эти весьма сходны с разными формами рал, известными нам по дагестанским материалам. Можно сказать, что точка зрения Ю.Ф. Новикова и его единомышленника Г.Г. Громова¹⁴ носит несколько односторонний характер, мы склонны к другому положению, разделяемому многими исследователями, о немалой роли в земледельческой культуре и культурно-традиционных и культурно-этнических факторов и обусловленностей. Как об этом пишут Н.Н. Чебоксаров и Я.В. Чеснов: «особенности земледельческой культуры разных народов складываются в определенных исторических условиях, и детерминируются, прежде всего, социально-экономическим развитием и природной средой. Однако эти особенности закрепляются традицией и становятся характерными для отдельных народов на длительный период»¹⁵. В этой связи интересно отметить эволюцию взглядов М.В. Кантария, которую чуть выше мы цитировали как убежденную «экологистку». В значительно

более поздней работе, солидаризуясь с исследователем А. Черенцовым, она пишет, что «соответствие формы и конструкции орудия природной среде, системе и технике земледелия не абсолютно, а относительно». Поэтому она считает возможной вариативность («в известных пределах») орудий «на одних и тех же землях «в одинаковых условиях», при условии сохранения «в конструкции следов генезиса и культурно-исторических традиций». Одну из сторон этих традиций она объясняет (тоже по А. Черенцову) отмиранием при «медленном эмпирическом поиске» неудачных форм «в силу экономических причин, а удачные мало-помалу совершенствовались»¹⁶.

Небесполезно остановиться на классификации орудий, предлагаемой в книге «Русские» (автор И.В. Власова) из серии «Народы и культуры», как одной из последних, а потому и наиболее выверенных. Основным орудием автор очерка считает соху четырех видов (север, центр, а также север, и северо-восток Черноземной полосы), плуги и рало (юг и юго-восток), причем в основном это малороссийский (украинский) плуг, включая Новгородскую губернию, где был распространен так называемый Любанский-Денисова легкий плуг, а также косуля (северо-восток Сибири)¹⁷.

Определенный интерес в свете наших материалов представляет классификация молдавских пахотных орудий этого же времени (XIX – начало XX в.). Здесь выделяются два типа «старинных тягловых пахотных орудий» – рало и плуг. Первый тип делится на три подтипа (рало без полоза с прямым грядилем, рало с полозом, прямым грядилем и стойкой, рало с изогнутым грядилем), второй тип на два (плуг с прямым грядилем, соединенным с рабочими частями стойкой, плуг и его разновидность сабан с изогнутым грядилем, конец которого соединен с рабочими частями на стыке ручек и полоза)¹⁸.

В процессе работы над дагестанским материалом, особенно учитывая множественность форм рала, представленных здесь, мы пришли к заключению, что наиболее аргументированной и адекватной фактическому материалу, лучше других классификаций решающей задачи дифференциации орудий, имеющей наиболее четкие критерии классификации, является типологизация Ю.А. Краснова. Сила его построений в сочетании формально-типологического метода с функционально-производственным (операциональным). Разделенные на три формы (или типа) пахотные орудия (рало, плуг, соха), имеют ка-

ждый, наряду со сходными признаками и функциями, и такие, которые свойственны только каждому из них. У рала это симметричность конструкции корпуса и производимой работы, у плуга – отвал, оборачивание пласта, колесный передок, у сохи – двузубость, частичный оборот пласта, соединение припрягающей части посредством мягких связей (у рала и плуга оно осуществляется с помощью стойки или бруса).

Разделение по характеру рабочей операции у Ю.А. Краснова также более четкое и ясное, чем у предшественников: бороздящие (по Д.К. Зеленину – черкающие), пашущие, оборачивающие или плужного типа (у Д.К. Зеленина – орющие)¹⁹.

Четкая и ясная классификация предложена Ю.А. Красновым для группировки рал: рукояточное – рабочая часть – ральник, составляет одно целое с рукоятью, образуя единую конструкцию – рукоять-ральник; полозное – ральник самостоятельная деталь, горизонтальный полоз, с которым соединяются грядиль и рукоять, каждый по отдельности; грядильное – ральник и грядиль составляют одно целое, обычно из одного ствола, который служит ральником, а сук-грядилем, может быть и наоборот – ствол-грядиль, сук-ральник.

Классификация Ю.А. Краснова оказалась очень эффективной в группировании и интерпретации дагестанских (и всекавказских) рал, она помогла не только четко классифицировать рала, но и выяснить некоторые вопросы их генезиса эволюции и районирования, с учетом зональных (экономических, хозяйственных) и местных культурно-этнических факторов и обусловленностей.

Таким образом, к настоящему времени исследователи пришли к почти единодушному мнению, что существует три типа (вида, формы) пахотных орудий, выявляемых по функционально-операциональным и формально-типологическим особенностям: рало, соха, плуг (иногда выделяется и косуля).

Но как выяснили исследователи, соха орудие специфическое, сложившееся сравнительно поздно в определенных физико-географических условиях лесостепной полосы восточной Европы и для Кавказской историко-культурной области она не свойственна. Традиция с привязыванием сохи к кавказской культуре началась с наблюдателей XVIII–XIX вв., с недостаточно квалифицированных их

описаний, и, по-видимому, такого же качества переводов работ иностранных и местных авторов на русский язык.

Материалы по областям Кавказа убеждают нас, и мы хотим еще раз это подчеркнуть, что на Кавказе не было сохи, что она орудие другого типа, чем кавказские горные пахотные орудия. Мы возвращаемся к этому вовсе не из-за каких-то престижных соображений, дело обстоит как раз наоборот, соха более позднее, более совершенное (можно сказать: усовершенствованное) орудие, чем рало. Последнее является древнейшим орудием, оно предшествовало и сохе, и тем более плугу, но оно соответствовало природным, технологическим условиям горного земледелия, и поэтому дольше сохранилось именно здесь, в горах.

Приведем несколько примеров с упоминанием сохи. Так, например, цитированный нами выше автор, видевший в Севанской долине упряжку из 10 пар быков пишет, что «для паханья служат безобразный и грубо устроенный плуг и затем такого же качества соха»²⁰. Автор большого очерка о чеченцах, сам чеченец, У. Лаудаев, также говорит о «горных сохах»²¹. О сохе с наконечником пишет автор специальной работы о земледельческой культуре бжедугов М.З. Азаматова²². О орудии «типа сохи» у кабардинцев говорит серьезный исследователь М.В. Кантария, «деревянную соху» у балкарцев констатируют Г.Х. Мамбетов и К.Г. Азаматов, карачаевское рало «каладжюх» называет первобытной сохой и Умар Алиев, а у осетин А.Х. Магомедов, у армян А. Тер-Сархисянц²³. Даже такие маститые исследователи как Л.И. Лавров и А.Г. Аутлев именуют пахотное орудие абадзехов «легкой деревянной сохой»²⁴.

Чтобы больше не возвращаться к этому вопросу, уясним, чем соха отличается от рала. Характерные признаки сохи, отличающие ее от рала заключаются в следующем: двузубость рабочей части, наиболее характерный признак, брус, соединяющий рабочую часть с припрягающим элементом (оглоблями), расположен перпендикулярно движению орудия (у рала все части соединяются по одной линии, совпадающей с направлением движения орудия); рабочая часть и оглобли соединяются мягкими связками (у рала – стойкой). Еще отмечают, что соха производит частичный оборот пласта, но подобное действие, хотя и в меньшей степени, совершает и рало, снабженное «ушками».

Справедливости ради отметим, что в большинстве случаев здесь происходит просто подмена номинаций – описывая рало, авторы говорят о сохе. Возможно, это было связано (в советское время) с бытующими пропагандистскими штампами того времени, когда, желая показать скачок от старого к новому, от примитивных орудий к механизированным, от положения крестьянина к вершинам образования, науки, искусства, власти и т.п. применяли выражения с упоминанием сохи, как символа прошлого, отсталого, примитивного (например, «от сохи к трактору», «от сохи в наркомы» и т.п.).

С удовлетворением отметим, что в специальных этнографических исследованиях возобладала правильная постановка вопроса о бытовании сохи на Кавказе. Б.А. Калоев в работе по земледелию народов Северного Кавказа вот что пишет по этому поводу: «И до сих пор во всех кавказоведческих изданиях, в том числе и специальных этнографических работах, (включая тома «Народы Кавказа») горное орудие Северного Кавказа ошибочно именуют «сохой». Между тем хорошо известно, что русская соха, прекрасно описанная в работе Д.М. Зеленина, совершенно не соответствует конструкции этого горного орудия. Единственное, что их роднит – это простота конструкции»²⁵.

После этих предварительных замечаний можно, наверное, переходить к описанию пахотных орудий. Начнем, как всегда, с равнинных.

а) Равнинные пахотные орудия

На широких и ровных полях равнинного Дагестана всеобщее распространение получил передковый плуг сабан, кутан. Характерно, что за исключением отдельных деталей и особенностей конструкции и компоновки он един и однотипен не только на всей дагестанской равнине, у всех народов, но он близок к плугу южнорусских равнин, народов Поволжья (напр., татарскому сабану), северокавказскому (напр., адыгскому), украинскому и другим плугам. Угодья равнины требовали глубокой вспашки, с уничтожением сорняков и разрушением дернины, с последующим их загниванием. Это достигалось глубокой вспашкой и переворачиванием пласта, что осуществлялось режущей частью, лемехом с отвалом. Объемные параметры этого плуга с упряжкой настолько велики, что ни о каком физическом использо-

вании его на горных угодьях не могло быть и речи. Громоздкий тяжелый плуг, упряжка в 3–5 пар волов последовательно (до 12 м. в длину), каждая со своим ярмом уже одно это исключало применение его в горной зоне.

Главное же заключалось в том, что почвы большинства пахотных угодий в горах, и особенно террасных, с их маломощными слоями исключали вспахивание плугом. Опыт советского времени показал, что обработка плугом в горах нарушает структуру почвы, уносит в глубину гумусный слой и поднимает наверх «мертвый», что радикальнейшим образом губит пахотное угодье. Производительность сабана была достаточно велика и превышала выработку горного рала в несколько раз (плуг – примерно одна десятая за световой день, рало – 0,18–0,22 дес.), что, конечно же, было необходимо при масштабах равнинного земледелия. Не случайно на равнине в XIX в. и раньше были постоянны «ножницы» между параметрами возможности исполнения вспашки (и посева) с одной стороны и уборки урожая – с другой. Население аула посредством различных коопераций – супряг (волы–орудие–рабочая сила) вспахивало посредством плуга и мощной упряжки площадь угодий, достаточную для получения необходимого на нужды питания и обмена зерна, но поскольку такого мощного и большого орудия, которым к тому же можно было использовать кинетическую энергию сильных животных, для уборки не было, с жатвой колосовых всегда были проблемы. Отсюда и массовое привлечение горцев-отходников в период уборочной отрады (для вспахивания они не требовались и не привлекались).

Характерно, что в связи со структурой и задернованностью почв и особенностями вспашки, связаны и особенности вспаханной земли и последующих операций по ее обработке. Крупные задернованные, вывороченные наружу пласты и большие комья земли пахоты были мало пригодны для высева семян (зерна) и необходимо было довести пахоту до такой кондиции, чтобы можно было распределить семена более или менее ровно по поверхности вспаханной земли и при этом надежно укрыть их. Это достигалось операцией боронования.

И еще одна особенность равнинной вспашки и орудия ее выполнения. Немалое удивление вызвал у нас во время сбора полевого материала рассказ о бытовании в прошлом у кумыков равнины так называемого «большого плуга» (улла сабан). Оказалось, это самый на-

стоящий плантажный плуг, предназначенный для подъема целинных лугов с вкраплениями кустарниковой растительности. Естественно, что после него земля нуждалась в дополнительной обработке и обычным плугом и тяжелой бороной, ведь плантажный плуг захватывал более глубокий пласт с дерниной и корневой системой кустарников. Можно себе представить, что натворил бы этот плуг на почвах нагорья, если бы его каким-то чудом удалось бы туда завезти и задействовать.

Зафиксировали мы его у засулакских кумыков, имевших наиболее обширные пахотные угодья в Дагестане и сильные земледельческие традиции. У них же было в наибольшей степени распространено использование при вспашке буйволов, более пригодных для упряжек в условиях поливного земледелия. В начале XX в. треть рабочего скота засулакских кумыков составляли буйволы²⁶. Поскольку для упряжки повозок они не использовались в массовом порядке (медлительность, для большинства грузов их большая сила не требуется), ясно, что они нужны были для вспашки, ведь волы явно не осилили-бы волочение «улла сабана», а на орошенной земле и обычного сабана. Как отмечалось, засулакцы продавали рабочих буйволов даже грузинам (пара волов стоила 16 руб. (лучший вол – 12–13 руб.), а рабочий буйвол стоил 25–30 руб.)²⁷.

Отметим, что разведение буйволов прежде всего как упряжного для вспашки животного, практиковалось не только у засулакцев. Например, в лезгинском селе Ашага-Стал для земледельца считалось чуть ли не нонсенсом и даже позором, если он впрягал в плуг не буйволов, а волов, причем разводили здесь именно буйволов, а не буйволиц, которых в ряде мест, где они были, тоже использовали в упряжке плуга²⁸. Однако для транспортных нужд больше использовался (и ценился) вол, так как помимо указанных выше причин (часто большая сила буйволов не нужна, медлительность), были еще и другие, немаловажные (они хуже идут по дороге, выталкивают друг друга, непригодны для использования зимой – бояться холода и не приспособлены идти по мерзлой дороге)²⁹.

Поэтому подчеркнем еще раз, что рассматриваемое орудие это именно равнинный плуг, и только здесь он представлял собой иско-мое, найденное, подходящее для местных угодий и экологической

среды, и поэтому необходимое средство производства, инструмент обработки, орудие труда (вспашки).

Для иллюстрации этого нехитрого утверждения приведем такой факт из практики землепашцев нижнего предгорья Дагестана. В некоторых селениях этой подзоны в пределах сельской округи имелись и обширные ровные пахотные угодья равнинной части и неровные, косягорные склоновые поля, что вполне объяснялось стыковым характером этой части предгорья. И, как и следовало ожидать, в этих случаях применялись оба вида пахотных орудий – равнинный плуг и горское рало, соответственно для ровных (и больших) и склоновых участков. Жители этих мест нашли еще одно применение этому обстоятельству: поскольку им все равно приходилось заводить рала (правда, в предгорье это было не очень трудно), они приспособили их для боронования участков, вспаханных плугом, и довольно успешно.

Вряд ли есть необходимость описывать это обрабатывающее орудие равнины, существует много его описаний и оно было довольно однотипным в разных регионах и у разных народов. Не случайно отдельные русские авторы характеризую, например, адыгский плуг, сближали его с украинским³⁰, дагестанский с грузинским или татарским, отмечая сходство в конструкции, компоновке, операционной специфике.

Плуг состоял из трех главных частей, и каждая из них имела особенности, отличающие равнинный плуг от горского. В рабочей части радикально отличаются лемех, резак-бороздильник, отвальная доска, в колесной – колеса, передок, в яремной – сложная многоступенчатая система дышла и нескольких ярем. Тяжесть и массивность обеспечивали крепость конструкции, необходимую при глубокой пахоте, тяжелых выворачиваемых пластах и глыбах, создающих большие нагрузки давления и натяжения для элементов орудия. Громоздкость – от материала, которому приходится испытывать такие большие нагрузки давления и натяжения. Особенности конструкции (лемех, отвал, резак-бороздильник) для мощных задернованных залежных и целинных земель. Рис. 25.

Естественно, что все «плюсовые» для равнинных угодий особенности равнинного плуга были и нереальны, и невозможны в горных условиях, и практически бесполезны, а в некоторых отношениях даже вредны. Известны случаи из практики колхозного производства, ко-

гда отдельные руководители в своей тяге к современной технике, убыстрению и облегчению обработки земли, применяли современный тракторный плуг на более ровных площадях горных пахотных угодий. Результат – загубленные почвы из-за чрезмерного зауглубления («погребения») гумусного слоя и перемещения на его место «мертвых» слоев почвы.

В других областях Кавказа положение с пахотными орудиями было почти аналогичным. В XIX в. на Северном Кавказе, как известно, наибольшие равнинные просторы и обширные предгорья занимали адыги. И наибольшее распространение на Северном Кавказе имел и адыгский (его называли и черкесским) плуг. Как отмечает Б.А. Калоев, даже осетины, имевшие в средневековье свой (аланский) плуг и потерявшие его после вытеснения в горы, возвращаясь в XVIII–XIX вв. на равнину, не восстанавливали свой плуг, а заимствовали адыгский у соседей кабардинцев и украинский у казаков³¹. Описание адыгского плуга дано Т.Д. Алибердовым и Б.А. Калоевым.

Следует отметить, что он во многом напоминает сабан у кумыков. Вообще следует заметить, что кавказские равнинные плуги имеют много общего, как между собой, так и с украинским плугом. Не случайно наблюдатели, описывая (или упоминая) адыгский плуг, уподобляют его грузинскому или украинскому³² и даже утверждают, что он является заимствованным вариантом украинского. Так, например, сам Хан-Герей, адыг и знаток местной культуры пишет, что адыги пахут плугом наподобие украинского³³. И.Ф. Бламберг (30-е гг. XIX в.) также свидетельствует, что плуг кубанских черкесов похож на украинский³⁴. Однако некоторые детали адыгского плуга и свидетельства путешественников (например, И. Гюльденштедта), побывавших здесь раньше переселений украинцев на Кубань, и описавших адыгский плуг свидетельствуют о его местной природе. Как и кумыкский сабан, адыгский плуг, состоял из рабочей части (плуга) и передка. Плуг состоял из полоза, лемеха, отвала, стояка, рукоятки, грядиля, резака. Рукоятки закреплялись в задней части полоза, стояк, на который насаживался грядиль и закреплялся отвал – посередине. Передок состоял из оси (деревянной), дышла и двух разновеликих (большое – бороздковое) колес³⁵ (рис. 31, в).

Когда в XVIII–XIX вв. горцы Северного Кавказа стали переселяться и осваивать равнинные земли, то они и не подумали переносить

сидеть сюда свои горные орудия – рала и стали использовать адыгский плуг, а те, кто был поближе к украинским и русским переселенцам, казакам – украинский плуг. Как указывает Б.А. Калоев, адыгский плуг был у абазин и ногайцев, «а также переселившихся с гор на равнину осетин, балкарцев, карачаевцев, отчасти ингушей и чеченцев»³⁶. У. Лаудаев подтверждает это в отношении чеченцев: «чеченцы прежде жили в горах и только в начале прошлого столетия появились на плоскости. Здесь они сразу воспользовались выгодами новых обстоятельств: заменили горные сохи плугами, производят правильное хлебопашество». Характерная симптоматичная деталь: вчерашние горцы, обретя на равнине достаток, стали подчеркивать свое преимущество, презрительно называя горцев «ламорой» – горцы (вспомним кумыкское «тавлу»). Горцы им отвечали – орлы являются с гор³⁷. Карачаевцы свой плуг называли черкесским. Вот что пишет о нем И.М. Шамапов: на плоскости употребляли исключительно тяжелый передковый плуг для тяжелых и дернистых почв, луговых участков и залежей. «В горах он использовался редко, так как он выворачивал подпочвенные камни и приводил пахоту в негодность»³⁸. Часть исследователей, напротив, полагает, что адыгский плуг подобен грузинскому. Авторы «Народов Кавказа» определяют плуг чеченцев как «типа грузинского», А.Д. Бесленев о плуге черкесов и карачаевцев говорит «наподобие грузинского»³⁹. Более близок, по-видимому, к истине Г.Х. Мамбетов, который тяжелый деревянный плуг кабардинцев и балкарцев считает близким украинскому и грузинскому⁴⁰. М.В. Кантария сторонник компромиссного решения о факторных обусловленностях в земледельческой культуре (она буквально повторяет цитированную нами фразу из статьи Н.Н. Чебоксарова и Я.В. Чеснова по этому поводу)⁴¹ считает передковый плуг чеченцев и ингушей близким не адыгскому, а грузинскому орудию («соответствующим грузинскому деревянному плугу»)⁴². Однако, более близок к истине, на наш взгляд, С.-М. Хасиев, который считает, что в притеречье плуг чеченцев и ингушей имел много общего с адыгским (регулятор глубины вспашки – стойка, соединяющая грядиль с полозом), восточнее Наура – с кумыкским (регулировка глубины вспашки производилась «не стойкой, а при помощи соединения плуга с передком»). Автор принимает во внимание факт позднего переселения чеченцев и ингушей на равнину и его общее заключение об их плугах представляется нам бесспорным

– «Исследование показывает, что чеченцы и ингуши плоскостной зоны широко применяли деревянные плуги кумыкского, украинского, кабардинского, отчасти русского типов»⁴³. Адыгский плуг М.В. Кантария считает близким грузинскому («Именно кабардинские и, скажем, грузинские четырехсторонние передковые плуги были орудиями одного типа»)⁴⁴.

Что касается украинского плуга (в то время он назывался «малороссийским»), то наблюдатели, особенно имеющие лишь общее представление об элементах земледельческой культуры, были правы, уподобляя адыгский плуг украинскому, у малороссийского плуга те же детали – полоз, дышло (грядиль), стойка, ручка, составлявшие одно целое с плугом, резак, лемех, отвал. Резак состоял из ножа и рукоятки, лемех из пера и трубицы для насаживания, и устанавливался так, чтобы обух (левая сторона) был на одной линии с левым боком полоза. Отвал прикреплялся при помощи гвоздей (или веревок) с правой стороны плуга к стойке (передним краем) и правой рукоятке (задним краем). К передку плуг прикреплялся с помощью хомута (кольца из веревки), набрасывавшемся на колышек в переднем конце дышла и крюка правила. Перестановкой этого колышка регулировалась глубина пахоты⁴⁵. См. рис. 29 (2) и 31 (г). Д. Зеленин пишет, что он тяжелый, в него запрягали 16 волов, и пахать им «очень тяжело». Считается, что особенностью украинского плуга является сдвоенный полоз (нижняя часть обоих образует полоз, а верхняя представляет две самостоятельные рукоятки). Ю.А. Краснов вполне резонно считает, что «основу таких плугов как бы составляли два одорукояточных прямоугольных рала, объединенные одним наконечником»⁴⁶. Однако такая особенность свойственна и адыгскому плугу (см. рис. 26 б (9)), поэтому неудивительно, что их часто сравнивают, уподобляют друг другу и даже выводят адыгский из украинского. По характеру нашей работы нас мало интересует вопрос об их «первородстве», для нас имеют значение другие стороны: сходны ли их конструкции и основные детали, подобны ли их функциональные и операционные свойства, сходен ли перечень пахотоспособных угодий, для которых они являются наиболее подходящими, пригодными, эффективными и поэтому предназначенными. Уже одно то, что их уподобляют, смешивают, выводят один из другого и т.п. служит существенным дока-

зательством того, что ответы на эти вопросы являются положительными.

Следовательно, мы можем констатировать, что для всех народов Северного Кавказа, населявших равнинные районы, нижние предгорья, подножья и нижние склоны холмистых гряд, для всех пахотных угодий этих мест, характеризующихся мощными, в том числе черноземными и глинистыми почвами, с густой дерниной и большим удельным весом целинных и залежных земель, для всех был характерен тяжелый передковый плуг, с многопарной упряжкой волов или буйволов. Плуг этот благодаря своим высоким конструктивным и особенно технологическим качествам, исключительной приспособленности к возделыванию местных равнинных угодий сохранился до начала XX века. Рис. 26 (9, 10), 29 (3), 30. Еще в 1910 г. их было на Северном Кавказе больше 13 тыс., из них во Владикавказском уезде 524, Грозненском – 2609, Введенском – 3533, Назрановском – 649, Нальчинском – 246, Пятигорском – 32, Екатеринодарском отделе – 4527, Баталпашинском – 703, Майкопском – 490⁴⁷. Обратим внимание, что больше всего их осталось именно в тех уездах, которые являлись в то время житницами для всего Северного Кавказа и Дагестана (Грозненском, Введенском, Екатеринодарском). Что же касается того, что крестьянским хозяйствам трудно было в одиночку иметь такой плуг и столько пар рабочего скота, то они находили выход в традиционной супряге.

Теперь остановимся коротко на пахотных орудиях низменных (равнинных, плоскостных) областей Закавказья.

Базовой классификацией для пахотных орудий Грузии считается систематизация Г.С. Читая. Так, например, М.В. Кантария, высказываясь о ней, утверждает: «мы имеем дело не с терминологией, а с классификацией и типологией орудий, разработанных на грузинском материале Г.С. Читая, которые получили всеобщее признание в науке»⁴⁸.

Г.С. Читая делит грузинские пахотные орудия на 5 групп, две из них (яремные и грядильные) – это орудия рального типа, третья – рала с передком, четвертая – плужного типа, передковое с отвалом, пятая – тот же передковый плуг, но с железным полозом, отвалом и стояком (мухранский плуг), т.е. поздний вариант четвертой группы (Рис. 29 (1), 31 а, б, 37, III, IV, V).

Яремное орудие (кавцера, сацера) он связывает с высокогорьем Грузии (тушины, хевсуры, сваны), другой его вид (ачача) районирован и для равнинной Грузии («для вторичной распашки перед севом»). Грядильное орудие (орхела) также было распространено в гористых районах, в частности, в Раче.

Передковое орудие третьей группы (джилга гогора) он также называет грядильным и привязывает также к горным районам, например Месхети и Джавахети. Таким образом, для равнинных (плоскостных) областей остается только одна группа – передковое пахотное орудие с отвалом – анеулис гутани (озимый плуг) (Г.С. Читая называет его «большой грузинский плуг»)⁴⁹, так как мухранский плуг, как оказалось, лишь усовершенствованный, «ожелезившийся» вариант «озимого» плуга.

Выше нам уже приходилось говорить, что наблюдатели и исследователи часто уподобляют адыгский плуг не только украинскому, но и грузинскому. Б.А. Калоев местами даже называет передковое орудие северо-кавказцев «деревянным плугом смешанного южнорусско-грузинского типа»⁵⁰. Совсем не случайно Б.А. Калоев в своей монографии об осетинах поместил в одной иллюстрации «Орудия вспашки» три плуга – грузинский, адыгский и украинский, причем все три имеют осетинские названия⁵¹. См. рис. 31. В грузинском плуге несколько иначе построены рукоятки, и поэтому он не производит впечатления, как украинский, что состоит из двух однорукояточных грядильных рал и больше напоминает усложненный вариант полозного рала. В связи с этим вспомним очень характерное замечание исследователя Г.В. Джалабадзе, что в результате прибавления к орудью типа джилга (полозное) резака и отвала получается «так называемый большой плуг»⁵². Грядиль его более изогнутый, доска отвала больше по размерам и менее вогнута, чем в украинском плуге, диаметры колес более отличаются между собой по размерам, чем в украинском и особенно адыгском. Но принципиальных отличий от адыгского или украинского плуга ни в конструкции, ни в технологии, функциональных назначениях и операциональных возможностях и особенностях найти трудно. Обычный деревянный тяжелый передковый равнинный плуг, применяемый (используемый) в равнинных (плоскостных), а также ниже-предгорных областях страны. В имеющихся описаниях он состоит из подошвы (треугольной), грядиля, лемеха, резака, цепи и

рукоятки с ответвлениями. «Это передковое пахотное орудие, работающее с 8–10 парами волов, предназначенное производить глубокую вспашку». «Плуг отрезал пласт земли в размере 60–80 см. ... употреблялся в основном в плоских низменностях» (Картли, Кахетия, «нижняя полоса Пшави», южной Осетии и др.)⁵³.

Наиболее полные и документальные классификации пахотных орудий Азербайджана принадлежат Г.А. Гулиеву и Г.Д. Джавадову⁵⁴. Первый считает более приемлемой из действующих, классификацию пахотных орудий Г.С. Читая, «в которой учитывается функциональная целесообразность и конструкция пахотных орудий. На ее основе мы выдвинули свою классификацию пахотных орудий»: яремное (хыш) по всему Азербайджану, грядильное (уламалы, хыш), передковое (дирчек, котан) и передковое с отвалом (гара котан)⁵⁵. Классификация Г.Д. Джавадова носит более систематизированный характер. Он делит орудия на две группы: «хыш», не переворачивающие пласт, безотвальные и «котан», передковый плуг с отвалом и ассиметричным лемехом. Автор придерживается комплексного подхода в оценке обуславливающих факторов – учет как функциональных так и конструктивных особенностей, сложившихся под воздействием естественно-географических условий, почв, локальных способов применения. Передковый плуг (гара котан), как указывает Г.Д. Джавадов, «применялся в основном в предгорных и низменных районах Азербайджана»⁵⁶.

Первый же взгляд на «гара котан» убеждает в том, что он той же семьи, что и грузинский, немного отличаясь от адыгского и украинского⁵⁷. См. рис. 34, 35. Приведем по этому поводу характерное высказывание одного наблюдателя, побывавшего здесь в середине XIX в.: «Плуг тот самый, который известен в Закавказском крае под названием грузинского, он также тяжел и неуклюж, требует так же много рабочей силы, как в Кахетии и Карталинии»⁵⁸. А вот другой автор, знаток хозяйства крестьян Закавказья, П.В. Котлеровский считал, что азербайджанский передковый плуг «очень похож на обыкновенный малороссийский»⁵⁹. Таким образом, к цепочке адыгский – украинский – грузинский можно, без особого риска ошибиться присоединить и азербайджанский передковый плуг «гара котан». У него та-же конструкция, те-же детали, тот-же принцип вспашки, он также тяжел и требует больших тяговых усилий, некоторые авторы говорят даже о

12 парах волов, запрягаемых в этот плуг. Как и у грузинского плуга у него изогнутый грядиль, но рукоятка только одна (другой рукой пахарь держал отвал). Нет никаких сомнений, что это равнинный плуг (и передковый) и может быть поставлен в ряд других кавказских орудий плужного типа, используемых на тяжелых задернованных или орошаемых землях равнин, покатых склонов предгорий, широких долин.

Перейдем к равнинным пахотным орудиям Армении.

Как пишут авторы «Народов Кавказа» «в низменной зоне и реже в нагорной пахали сложным, громоздким плугом (гутан), с резалом и широким лемехом, в который запрягали от 6 до 8 пар волов»⁶⁰. Рис. 38 (11, 12). Наблюдатель 70-х гг. XIX в. М. Сагателов характеризует его как «безобразный и грубо-устроенный плуг» и говорит о упряжке «до 10 и более пар быков и буйволов». Он районирует его «в низменных местах»⁶¹. Впрочем, возможно он использовал определение более раннего источника – описание И. Шопена. Последний пишет: «К огромному безобразному плугу запрягаются иногда до 14 пар быков и буйволов», управляют с плугом 4 погонщика и один плугарь⁶². Отметим одну ошибку И. Шопена, который избрал неправильный принцип различения способов употребления плуга и рала (сохи в его описании): плуг, он считает, предназначен для озимых, а рало для яровых⁶³. Доля истины в этом есть, так как в высокогорье, где сеяли яровые, применялось только рало. Но не потому, что яровые. А потому, что рельефные особенности угодий и структурные качества почвы позволяли применять здесь только легкое, маневренное, неглубоко вспахивающее орудие. С другой стороны, озимые сеялись в верхнем предгорье, среднегорье, горных долинах, но плуга здесь не было, употребление его было практически невозможно. Если сравнить армянский плуг с грузинским, то сходство очень большое. Не говоря о том, что детали все те же, конструкция та же, внешний облик, зрительный образ удивляют своей схожестью. И изогнутость грядиля, и способ соединения рабочей части с передком, и сведенные воедино рукоятки, и только один левый держак, поскольку правой пахарь держится за отвал. Можно отметить, что отвал армянского плуга несколько более массивен и в отдельных вариантах имеет держак, чтобы пахарю было легче держаться за отвал. Рис. 38 (11, 12).

Что касается несовпадения числа упряжных животных, мы уже говорили, что оно зависело от особенностей обрабатываемой почвы – при обработке лавовых (вулканических) и аллювиальных почв их нужно меньше, а задернованные покатые склоны нуждаются в применении большей тяговой силы.

Такое единообразие конструкции (и технологии) передкового плуга не может быть случайным, оно должно свидетельствовать о единых истоках предмета, тем более, что почти у всех народов в основе его названия лежит один корень (гутон, кутан, гутан и др.)⁶⁴. Не могло быть так, что у представителей таких сильно различающихся языковых групп, как например азербайджанцы, грузины, абазинцы, осетины, даргинцы, армяне и др. оказалось одинаковое название предмета, если бы речь не шла о едином корне. Можно ли считать случайным тот факт, что отвальный плуг и у азербайджанцев и у грузин содержит в своем наименовании определение «черный» (азерб. – гара котан) и груз. «шави гутани» – «черный плуг»)⁶⁵. Для предмета нашего исследования вопрос об истоках не имеет особого значения и потому мы не будем особенно об этом распространяться.

Отметим только, что вопрос пытались разрешить квалифицированные специалисты, и при этом каждый видел исходное начало предмета и названия в языке своего народа. Грузины, как это часто бывает, нашли грузинские истоки, осетины – скифские, азербайджанцы – тюркские и т.д.⁶⁶

Таким образом, на низменных, плоскостных, платообразных поднятиях, пологих склонах предгорий и холмистых грядах всего Кавказа мы видим очень ограниченное количество вариантов фактически одного (по конструкции, технологии, операционности и способу организации упряжки и тяговой силы) пахотного орудия, деревянного, передкового, отвального, тяжелого и громоздкого, с упряжкой от 4-х до 28-ми голов рабочего скота, в зависимости от поверхностных (ландшафтных) и структурных параметров обрабатываемого угодья.

Это вовсе не означало того, что крестьяне, применявшие передковый плуг, не знали рала. Напротив, во-первых, исходные (начальные) образцы плуга довольно определенно указывают на преемственность этих орудий, во-вторых, во многих местах распространения плуга в качестве второго, дополнительного орудия называется рало.

Его применяли для повторной неглубокой вспашки, в частности, во время посевных работ⁶⁷. В Дагестане, в предгорных селениях мы встречали и другой вариант сосуществования обоих орудий – верхние склоновые участки вспахивали ралами, нижние, ровные – плугом.

Это обстоятельство лишней раз подтверждает факт соотносительной связи в конкретной экологической нише между качественными параметрами пахотного орудия и выбором пахотного орудия из имеющихся, известных пахарю форм.

б) Предгорные (верхнее предгорье) и горные пахотные орудия

В соответствии с параметрами количества угодий и их качества (рельеф, дефицит пахотных угодий, слабые скелетные, террасные, каменистые и т.п. почвы) структура почв и техника их обработки в предгорье (и нагорье) были другими. Эти обстоятельства сделали для предгорья плуг в качестве обрабатывающего орудия мало подходящим операционально и невыгодным с точки зрения хозяйственных, экономических соображений. Усмотреть в этом неприятии плуга какие-либо этнические или культурно-инерционные моменты не представляется возможным, ибо даже в соседних, представляющих один этнос аулах, и даже в одном селе бытование плуга или рала регулируется только рельефными характеристиками имеющихся угодий, характером и особенно структурой почв и достатком пахотных угодий.

На особенности пахотного орудия предгорья – рала, оказали влияние не только особенности угодий, но и обилие поделочного материала, благодаря относительному богатству зоны лесами. Как справедливо отмечает Ю.А. Краснов, ссылаясь на данные этнографии, «границы распространения особенностей земледельческой техники редко совпадают с границами этносов, показывая более тесную сопряженность с границами хозяйственно-культурных типов или историко-этнографических областей». Касаясь непосредственно традиционных пахотных орудий, автор заключает, что генезис орудий является «сложным и длительным историческим процессом, обусловленным комплексом различных факторов. Ведущую роль среди последних играли факторы социально-экономического и физико-географического порядка, оказавшие свое влияние на историческое развитие пахотных орудий главным образом через системы земледелия, а также технические и культурно-исторические традиции раз-

личного происхождения, среди которых известную роль могли играть традиции этнические»⁶⁸. Мы привели такую большую выдержку не только потому, что это очень взвешенная и продуманная позиция, но еще по той причине, что Ю.А. Краснов, несомненно, крупный специалист и знаток традиционных пахотных орудий, несколько смягчил свою интерпретацию (объяснение, выведение) особенностей пахотных орудий в значительной мере культурно-исторической традицией⁶⁹, перенеся акцент на факторы социально-экономического и физико-географического порядка.

Достаточность и доступность материала способствовали определенной консервации предгорных пахотных орудий, сохранению более старых конструкций, характерной особенностью которых являлись максимальная цельность и упругость орудия, способность выносить большое давление сил натяжения, тяги, качество незаменимое в условиях лугово-лесных угодий. По классификации Ю.А. Краснова, большая часть этих орудий может быть отнесена к классу, который он определил как глядильный (32 случая) или рукояточный (46 сл.).

В основе классификации лежат три основные части рала – а) рабочая часть (ральник, пята, полоз), б) грядиль, обеспечивающий соединение рабочей части с ярмом, упряжкой, и переходящий (впоследствии соединяемый) в дышло, в) рукоять, с помощью которой пахарь управляет орудием,

Таким образом, рала группируются в три группы: рукояточные, полозные, грядильные, причем принцип классификации заключается в том, что констатируется в какой позиции, соотношении с рабочей частью (ральником) находится одна из основных частей рала. Поскольку в каждом классе (группе) основой для классификации служит отношение к ральнику другой части, группа получает название этой другой части, исключая основную группу, полозную, в которой каждый из трех основных элементов представляет самостоятельную деталь, но объединяет их рабочая часть – полоз, в который они вставляются и которая поэтому называется по главной детали (ральнику, полозу).

Однако в предгорье сохранились в изучаемое время и единичные экземпляры более архаичных конструкций рала, цельные (17 сл.). Местные жители почти единодушны в объяснении этого феномена – была возможность выбрать в лесу подходящий цельный материал –

дерево, и причем, как правило, добавляют – у горцев такой возможности не было.

Это довольно правдоподобное объяснение, ведь в самом деле, такие орудия сохранились именно в лесном предгорье. Были, однако, и другие обстоятельства. Одно из них – такая конструкция больше других удовлетворяла местным рельефным и почвенно-климатическим условиям. Не случайно в отдельных районах высокогорной зоны, приближающихся к предгорью по характеру рельефа, растительности и структуре почв, также сохранились орудия подобной конструкции, хотя и не в таком масштабе. Отметим, в связи с этим, что население высокогорных селений лакцев, агулов, даргинцев, лезгин, аварцев постоянно получали в порядке обмена готовые пахотные орудия из лесного предгорья, и по большей части в этих селениях называют в качестве источников происхождения своих рал Кайтаг, Табасаран, Салатавию, даргинское лесное предгорье.

В классификации Ю.А. Краснов, взятой нами за исходную, нет места орудью этой конструкции. Если исходить из того, что все три основные части этого орудия (полоз, грядиль, рукоять) составляют один кусок дерева, одно специально выбранное дерево, то можно в качестве первого и основного его признака указать цельность, и назвать его цельнотелым (цельнопредметным) комплексом полоза с грядилем и рукоятью. Почти все сохранившиеся его экземпляры приходятся на Кайтаг и Табасаран (сс. Джибахни, Варсит, Джавгат, Гулли, Хуриг, Гуми, Аркит, Рука, Чумлы, Тама, Куг, Карацан), однако отдельные экземпляры сохранились и в высокогорье (сс. Урари, Мюхрек, Шииназ, Ашты). Рис. 5 а,б.

Этот вид орудия сочетает сверхпрочность с крепостью и упругостью, простоту конструкции с надежностью, долговечностью.

Его сложность имела как-бы допроизводственный характер, приходилось долго искать исходный материал, заготовку, а найденные формы ее не были, разумеется, однотипными, идеально пригнанными, конструктивно и операционально безупречными.

Труднее всего было найти в естественных заготовках при более или менее удачном сочетании полоза и грядиля, – что являлось главным для конструкции, – подходящий компонент для рукоятки... Поэтому первым «чужеродным» элементом в этой форме орудия (цельнотелого) явился небольшой кусок дерева (ветки), который в виде

отростка – держак вставлялся в коленную часть грядила, цельность, таким образом, естественно нарушалась и орудие принимало форму грядильного рала (Рис. 5 в).

Поскольку управление (манипулирование) полозом (ральником), расположенным в этой части держакom оказалось неудобным, следующим шагом в этой конструкции явилось бы создание отдельной небольшой стойки-рукоятки (ручки), вставленной непосредственно в саму рабочую часть (полоз), сразу позади вертикальной части грядила-колена. Такая форма, довольно простая, отвечала бы основным конструктивным и операциональным требованиям, проста в изготовлении и управлении в процессе вспашки. Однако подобная конструкция оказалась трудно осуществимой, так как в цельнотелом рале проще где-либо в грядиле пристроить небольшой держак, чем целую рукоять, ибо на полозе (пяте) позади грядильного изгиба у основания полоза почти во всех случаях не бывает места для того, чтобы вставить рукоять. Поэтому этот вариант устройства рукоятки отодвинулся на более поздний этап, когда полоз стал самостоятельным и основным элементом, к которому крепились и грядиль и рукоять. Пока же более приемлемым и естественным оказался другой вариант развития – рукояточное рало.

Подобрать заготовку пята-рукоять из сочетания ствол-ветка было не очень трудно, а грядиль-дышло получалось из любой толстой жерди. Правда, в этом варианте ухудшается управляемость грядилем, но пахари и мастера-изготовители нашли выход из этого положения – грядиль-дышло своим сочленяющимся концом опускается почти к основанию рукоятки, близко к границе между рукоятью и полозом (условной, поскольку это цельная заготовка). Этим решается также задача удержания рабочей части (полоза, ральника) в горизонтальном положении, чтобы он не зарывался в землю. Но поскольку в этом случае регулирование положения ральника относительно поверхности обрабатываемой почвы становится трудно регулируемым, а грядиль-дашло как-бы висит и несколько выпадает из конструкции и из операции вспашки, была придумана стойка, которая закрепляла грядиль в полозе, а следовательно и в конструкции. Однако стойка, закрепленная наглухо, ограничивала бы маневренность орудия, фиксируя ральник в раз навсегда заданной позиции, что при неравномерности поверхности пахотного угодья и разной структуре почв было

нецелесообразно и даже неразумно. Поэтому стойка из препятствия была превращена в конструктивно-операциональный элемент орудия – с помощью дополнительного клина в пазу, где она крепится в грядиле, стали менять высоту ее крепления, чем достигалось изменение угла наклона грядила и соответственно ральника. Рис. 6 б, г. В дальнейшем, в полозном рале эта система была усовершенствована, и стойка стала непременным и очень важным элементом не только в конструктивном, но и в операциональном плане. О важности роли стойки свидетельствует такой факт – и в сохранившихся экземплярах и в описаниях орудий, особенно рукояточных, рало без стойки встречается не чаще одного на 20–25 орудий (в наших материалах нет ни одного грядильного рала со стойкой, а в рукояточных, наоборот встречен только один экземпляр без стойки (из 37).

Отметим, что рукояточная конструкция вместе со стойкой-регулятором, замечательно оправдавшей свое назначение и ожидания пахаря, стала основой дальнейшей эволюцией орудия, в частности, послужила прообразом (или предтечей) полозного рала.

Роль стойки-регулятора при этом сохранилась, и поздние варианты рала этой конструкции непременно имеют стойку-регулятор, особенно в условиях неровного рельефа и террасного земледелия. Но этот процесс нам легче будет показать на примере среднегорья и горно-долинной подзоны, где существенную роль в связке угодья-орудия играли террасы – естественные и искусственные.

Однако, до того как перейти к особенностям орудий этих подзон, отметим еще одно интересное обстоятельство. Уже говорилось о том, что цельнопредметное рало в XIX в., не было редкостью. Но что интересно, стойка-регулятор стала появляться и в этих архаических типах, становящихся к XX в. культурным анахронизмом. Стойка появляется в таких экземплярах цельного орудия, в которых грядильная часть очень отдаленна (в просвете) от рабочей. Конструкция в таком случае трудноуправляема, координация обеих частей – рабочей и грядильной разлаживается, конструкция как-бы разболтана (но такова была заготовка), и тогда пахарь (или мастер) находит простой выход – скрепляет эти обе части вертикальной планкой и этим самым усиливает координацию частей орудия. Рис. 5 б. Какая из конструкций была раньше – цельнопредметная со стойкой, или рукояточная со стойкой, удачный опыт которой мог навести на мысль об использова-

нии стойки и в более архаичной модели, в конструкции которой подобная деталь не предусмотрена – сказать трудно. Этому мешает малочисленность сохранившихся цельных конструкций со стойкой. Однако, учитывая общий недостаток цельных конструкций, связанный с особенностями прилегания веток деревьев к стволу, особенно в листовенных лесах дагестанского предгорья, можно предложить, что стойка, вначале именно глухая, только ужесточающая конструкцию (не регулирующая, а скрепляющая) сложилась именно в цельнопредметном рале. От него она перешла к рукояточному, а затем и полозному орудью. Но полностью исключить и вариант первичности рукояточного рала со стойкой пока что не представляется возможным. Не исключена и возможность появления различных вариантов в разных местах, как одновременно, так и в результате диффузии.

Подоытоживая сказанное о пахотных орудиях в предгорной земледельческой культуре можно констатировать, что они существенным образом определяются физико-географическими особенностями зоны, рельефом, климатом, характером растительности, достатком земельных угодий и т.п. В целом можно считать, что в предгорье в исследуемое время в большей степени чем в горной части сохранились грядильное орудие и рукояточное рало с отдельной стойкой-регулятором, вставленной в полоз и грядиль позади наральника. Рис. 6 б, г. Это подтверждает принятое многими исследователями положение, что «каждая зона региона имеет определенные типы орудий»⁷⁰. Вспомним, что и при инзональных перемещениях население не следует в хозяйственных традициях своим исконным культурно-инерционным и этническим стандартам и традициям, а усваивает, перенимает, выработавшиеся на вновь осваиваемой земле и свойственные местному населению. Так, например, У Лаудаев говоря о чеченцах, переселившихся на равнину, замечает, «здесь они сразу воспользовались выгодами новых обстоятельств, заменили горные сохи плугами, производят правильное хлебопашество»⁷¹. В.П. Невская отмечает то-же самое у карачаевцев – переместившись в равнинные места (Малый Карачай), они заимствовали, как только познакомились с ним, черкесский передковый плуг с колесами и отвалом⁷². И, наконец, Б.А. Калоев, напомнив общее положение о том, что «географические условия (особенно рельеф местности) определяли основные типы земледельческих орудий», затем указывает, что переселившиеся на

равнину осетины, чеченцы, ингуши, балкарцы, карачаевцы, а также ногайцы и абазинцы заимствовали адыгский равнинный плуг⁷³.

В свете сказанного, нет ничего удивительного в том, что формы предгорного рала Кайтага и Табасарана, выработавшиеся в определенных физико-географических и социально-экономических условиях, оказались (и стали) близкими формами схожих физико-географических районов. И хотя они в немалом случае имели происхождение кайтагское, табасаранское или салатавское, ни с какой этнической группой не связывались и поэтому соответственно и не номинировались. Из Кайтага, из Табасарана, из Салатавии, из ВацIа хIяра (Лесогорья, Лесокогорья – название даргинского лесного предгорья), вообще из лесных районов и мест – но не кайтагское или салатавское.

В целом отметим, что для предгорной зоны были свойственны рала, и что удельный вес сохранившихся здесь цельнопредметных («цельнотелых»), грядильных и рукояточных орудий со стойкой – регулятором глубины пахоты, был довольно высок.

Характеристику особенностей пахотного орудия нагорья следует начать с признака, свойственного всем его подзонам и районам – здесь преобладает полозное рало, т.е. наиболее расчлененное из всех видов рал, в котором отдельный полоз (пята, ральник) выступает в качестве и роли центральной, основной части орудия, к которому и крепятся и грядиль и рукоять. Рис. 12, 13, 14, 15. Респонденты, в том числе и предгорные, обычно объясняют меньшую цельность горных орудий отсутствием необходимых заготовок (безлесье), и это, действительно имело место, и против этого трудно что-либо сказать. Однако, имеются факты, подтверждающие, что более цельные формы имели распространение в высокогорье, тоже в безлесных местах (безлесными, с точки зрения изготовления пахотных орудий являются и многие горные места с маломерными березовыми и сосновыми лесами, стволы которых не «дотягивают» до габаритов рал, особенно полоза), причем в нередких случаях информаторы указывают на их предгорное происхождение. Следовательно, должна была быть и другая, довольно веская причина пристрастия в нагорье к полозным, скомпонованным конструкциям. Эта причина заключалась в особенностях конструкций рал цельных и скомпонованных с одной стороны, и своеобразии поверхностно-рельефных и почвенно-структурных параметров пахот-

ных угодий нагорья – с другой. Цельнотелые (или цельнопредметные) рала имеют один существенный объективный недостаток – они конструктивно, а следовательно и функционально (и операционально) несовершенны, естественная (выбранная в лесу) заготовка может иметь не очень удачное сочетание трех основных частей – полоза, грядила и ральника, которые могут быть не очень конструктивно подогнаны, углы их соединения могут оказаться не совсем соответствующими операциональным назначениям, а отдельные детали не соответствовать функциональным нагрузкам или, напротив, оказаться слишком громоздкими для своего назначения и для общих параметров объема, тяжести и конструктивной ладности (подогнанности) орудия. Полозный вариант в значительной степени лишен этих недостатков, ибо, поскольку каждая его основная часть подбирается отдельно, существует возможность выбора, взаимной подгонки частей, подбора соответствующих параметров деталей из нескольких образцов-заготовок, не говоря уже о том, что мастер может строго и выверено подобрать пропорции размеров и объемов, продумать и выбрать наиболее конструктивно и функционально удовлетворяющие пахаря параметры орудия и варианты композиции, компоновки.

Характерно, что если даже здесь встречались варианты со сращенными (цельными) основными деталями, то это не касается основной части орудия – полоза. Хотя и не очень часто, в нагорье встречались орудия, в которых кусок (ствол) дерева образовывал цельную связку – рукоять-грядиль. Рис. 12 в. В принятой классификации такой вариант не предусмотрен, поскольку она основана на принципе цельного соединения одной из трех основных частей (фактически двух), с основной, рабочей (третьей) частью. Учитывая необычность связки цельносоединенных частей, и то, что их довольно мало (всего несколько случаев), видимо можно предположить, что мы имеем дело с остатками грядильной конструкции (а еще раньше цельнопредметной), сохранившейся в таком «частично цельном» виде в отдельных местах нагорья с определенным достатком леса и соответственно лесо-луговыми почвами. Случайность это или нет, мы пока не можем определить, но чаще такие орудия встречаются у аварцев – возможно это определенная культурная инерция или отголосок этнической традиции.

Еще одна особенность рал нагорья – сочлененный характер грядила в его упряжной части, т.е. появление присовокупленного отрезка жерди, ствола в качестве дышла. Причем в нагорье это чаще делается жестким креплением, с помощью обручей (из кожи, крепких веревок, позже железных). Пожалуй, другого объяснения, кроме предлагаемого респондентами – отсутствие естественного сырья, позволяющего подобрать грядиль с достаточно длинным концом-дышлом, – мы не можем предложить, поскольку других закономерностей (или обусловленностей) обнаружить не удалось. Рис. 16, 17, 18.

Теперь относительно стойки-регулятора. Уже указывалось, что ее появление диктовалось необходимостью усилить скоординированность полоза с грядилем, а придаваемая ею конструкции орудия жесткость и «мертвая» заданность глубины пахоты была нейтрализована ее вертикальной подвижностью, регулируемой с помощью клиньев.

Подчеркнем еще раз – стойка-регулятор по своей первоначальной заданности и конструктивному решению несомненно является особенностью (генетической принадлежностью) рукоятчного (или цельнопредметного, но не грядильного или полозного) рала. Именно ему требуются конструктивные и операциональные решения, обеспечивающие скоординирование работы всех трех основных частей орудия, и особенно повышение степени задействования («привлеченности») грядила к процессу вспашки. И только после дробления рукоятчной цельной конструкции, стойка-регулятор стала таким же необходимым элементом полозного рала, как и рукоятчного. Что это было действительно так, доказывается имеющимся в нашем распоряжении материалом – львиная доля орудий со стойками представляет собой рукоятчные конструкции 45 из 46, цельно-предметные 15 и 21, и лишь незначительная часть 33 из 162 – полозные, грядильных нет. Отметим еще, что стойка-регулятор, в отличие от цельной связки рукоять-грядиль не имеет этнической или культурно-традиционной окрашенности или ориентированности – она бытовала в орудиях и аварцев, и даргинцев, и лакцев и др.

Остановимся теперь на детали пахотного орудия реальной конструкции, свойственной только ей и называемой обычно «ушками». Это два небольших отростка (или кусок крепкой ветки, кривая чурка) вставляемых в задней части полоза (сквозь него или прикрепленных у

основания грядила), иногда и поближе к передней части, но обязательно после наральника, естественно, и стойки. Рис. 6 в 13. Большинство информаторов и в предгорье, основном поставщики ральных орудий, и в нагорной части, считают «ушки» сравнительно поздним новшеством (может быть – это влияние отвальных орудий, тогда это могло случиться и раньше). Многие информаторы считают, что причина их появления кроется в сужении рабочей части (из-за отсутствия соответствующего материала) и как следствие меньшей обозначенности приведенной борозды. Ясно, разумеется, что «ушки» должны были несколько расширить борозду, четче обозначить ее границы, устранить, если таковые имеются, препятствия, мешающие образованию достаточно прорезанной, относительно широкой и правильной (не скрытой, не закрытой, не «спрятанной») борозды. Во многих случаях «ушки» не просто отростки, а цельная, выгнутая довольно массивная планка (Рис. 22 а), представляющая собой настоящий бороздильник. Если судить по эволюции других элементов рала и прямому назначению ушек, они зародились, скорее всего, в предгорье, или луговых естественных террасах нагорной части. Дело в том, что образованию борозды больше всего препятствует дернина, остатки корневой системы убранных культур, мелкой древесной растительности. А такие почвы характерны именно для предгорья. Не случайно именно здесь уже в XIX веке сложился вариант рала с расширенными, расходящимися веером и вверх ушками, опирающимися своими концами на отростки вроде распорок, идущие от полоза. В результате образуется что-то вроде отвала, и борозда при таком «отвале» получается почти такой-же законченной и четкой, как и при вспашке плугом. Характерно что этот вид рала получил точно соответствующее его назначению название – «бороздильник», «борозду выводящий», борозду пробивающий» (кьилбитI – даргин.). Рис. 8 г.

Отметим, что именно этот вариант рала получил большое распространение у кумыков (у которых были и плуги) предгорных аулов, которые вынуждены были применять на угодьях косогорно-склонового характера вместо плугов орудия ральной конструкции.

Относительно районированности ушек по зонам или подзонам, или, тем более определенных этнических привязанностей мы не можем высказать каких-либо категорических утверждений. По нашим материалам ушки в рале в принципе встречались во всех зонах и у

всех этносов или этнических групп. Поэтому высказывания отдельных исследователей об отсутствии ушек в ралах Южного Дагестана (например, М.А. Агларов)⁷⁴ представляются нам не совсем корректными и не в полной мере подтверждаются нашими материалами. Сам автор тоже уже на следующей странице описывает рало агулов, в котором имеются «прижатые ушки»⁷⁵. У лезгин и табасаранцев орудия ральной конструкции с ушками встречаются в большом количестве, почти повсюду (перечислим некоторые селения – Джули, Атрик, Ляхля, Ашага-Ярак, Кужник, Межгюль, Хурцатиль, Тураг, Туруф, Гурик, Кандик, Зильдик, Хуриг, Гуми, Хустиль, Мискинджа, Ашага-Аркит и др.). Иначе и не могло быть, поскольку ушки генетически восходят к таким угодьям и почвам, которые были свойственны предгорной зоне.

По-другому обстоит положение в высокогорной части Южного Дагестана: здесь положение об отсутствии ушек в орудии частично оправдывается, в немалом числе селений, материал об орудиях которых оказался нам доступен, ушек в орудиях, действительно не было. Это такие селения лезгин, рутулов, цахуров и агулов как Хрюг, Маза, Гельхен, Хпюк, Шимихюр и др. (лезгин), Михрек, Шиназ (рутул.), Гельмед, Миких (цахур.), Гоа, Хпюг, Кураг (агул.) и др. Рис. 10 а, 11 в, г. Совершенно очевидно, что этот список возрастет, если будут изучены материалы и по другим селениям высокогорного Южного Дагестана. Однако, с другой стороны, имеются вполне очевидные, визуальное установленные примеры пахотных орудий с ушками именно из этого региона и у этих же народов, и именно в высокогорье.

Ссылаться на возможность того, что это готовые импорты из предгорья вряд-ли оправдано, так как орудия для импорта обычно выбираются по существующим в данном месте стандартам, и, кроме того, ушки это небольшая подсоединяемая деталь орудия, которую легко убрать, если она не соответствует местным вкусам, традициям или условиям. Перечислим высокогорные селения с установленными орудиями с ушками – Куруш, Фий, Микрах, Луткун, Зрых, Гдым, Ашар, Смутул (лезгин.), Лучек, Ихрек, Хнов (рутул.), Цахур (цахур.), Усуг, Рича, Буркихан (агул.) и др. (Рис. 16 г, 17 а, 18 б., 19 а, б, в).

В этой противоречивой картине должны быть свои резоны и объяснения. Так, например, явно бросается в глаза незначительность орудий с ушками у цахуров. В связи с этим можно вспомнить одно

обстоятельство. На цахурских землях многие пахотные угодья представляют собой сланцево-мергелистые образования. Их почвы представляют собой настолько крепкую монолитную твердь, что целинные мергели практически невозможно вспахать с помощью рала. Поэтому, как нам объясняли в некоторых цахурских аулах (например, в сс. Мишлеш, Джиных и др.)⁷⁶, такую целину сначала как-бы взламывали с помощью кирки, и лишь затем вспахивали с помощью рала. Ясно, что для такой тверди, неодолимой даже для наральника, ушки не только были-бы непригодны и бесполезны, но и даже послужили бы препятствием, помехой для процесса вспашки, ибо цепляясь за твердые боковые стенки борозды затрудняли бы движение орудия и упряжки, а слабые, тонкие из них ломались, а толстые, мощные служили бы сильными тормозами. Конечно, распаханная однажды целина уже не могла быть такой твердой, как до первой вспашки, но свойства мергелей таковы, что оставшись невзрыхленными хоть какое-то время, и особенно при этом каким-то образом обводненными, они вновь начинают отвердевать, путем сцепления своих отдельных частей, вновь обретая, хотя и в не в такой степени, свойства тверди – ведь мергели обладают сцепляющимися, цементирующими свойствами, как настоящий (хотя и слабый) цемент.

Отсюда и расширяющийся к задней части полоз, он как-бы раздвигает взрытую наральником почву, обозначивая и расширяя борозду, отсюда и «прижатые ушки», которые тоже хоть как-то обозначивают борозду. Рис. 19 а. Возможно, такой структурой почв объясняются странные, непонятные для наблюдателя «одноухие» рала с небольшим ушком на одной стороне полоза (пяты). Рис. 19 б. При сборе материала мы не обратили на это внимания, и лишь при его обработке, разбираясь с ушками, условиями и обстоятельствами их наличия при отсутствии в орудии, открыли для себя эту странную деталь орудия. Полагаем, что ушко с одной стороны, это бороздильник обращенный к вспаханной (предыдущая борозда) стороне, с этой стороны он может и должен рыхлить уже разорванную твердь и обозначивать борозду, с другой же, еще не взрытой стороны ушко только мешало бы процессу вспашки. Разумеется, при этом возникали определенные операционные технические трудности, но они были вполне разрешимы (разворотом рала, перестановкой «ушка» на другую сторону).

Конечно, многое из сказанного относится к области предположений, но есть надежда, что дальнейшие изыскания помогут прояснить многие неясности.

Однако, прежде чем заканчивать с этим «ушковым» вопросом, обратим внимание еще на одно обстоятельство: странным (даже загадочным) образом, места (небольшие ареалы, селения) характеризующиеся отсутствием в пахотном орудии ушек (или с одним «ухом»), почти совпадают с местами (аулами), в которых обязательны накладные дышла, но скрепленные не обручами, а шарнирным способом, на втулках-занозах. Рис. 19 б, в, 20. Совпадение можно сказать буквальное – все рала этой части высокогорья не имеющие ушек, с расширяющимися в задней части полозом, с «прижатыми» ушками, «одноушковые» характеризуются шарнирным соединением грядиля с дышлом. К этому добавляется еще одно обстоятельство – все они не имеют стойки-регулятора (Рис. 19, 20)⁷⁷. Как говорилось, стойка придает жесткость конструкции рала и регулирует угол наклона рабочей части – ральника, к обрабатываемой почве, т.е. регулирует глубину пахоты. Однако на мергелистых почвах жесткость оборачивается затрудненностью вспашки и большей вероятностью поломок, поэтому надо было находить другой способ регулировки. Таким образом, шарнирное соединение решало сразу несколько конструктивно-операционных задач: перестановка соединения решала задачу регулировки глубины пахоты; свободное соединение на втулках-занозах решало задачу необходимого на жестких почвах свободного маневрирования, любых поворотов, разворотов, переходов ит.п.

Кстати, отметим, что реальные конструкции без ушек были в значительной степени свойственны и селениям высокогорной Аварии (Рис. 12 б, в, г; 18 д)⁷⁸.

Таким образом для среднегорья оказались более характерными орудия ральной конструкции полозного типа. В горно-долинных селениях в орудиях также преобладает полозный тип, но здесь больше удельный вес конструкций со стойкой.

В высокогорной подзоне по особенностям основных компонентов выделяются две подгруппы. Первая из них, в местах с преобладающими луговыми и лугово-лесными склоновыми угодьями и определенным количеством откосных террас, больше естественных (Рис.

3, 4) представляет собой большей частью ползозные и рукояточные рала со стойкой-регулятором.

Во второй подгруппе, в местах с резко отличающимися угожьями со специфичной структурой почв, со сланцево-мергельными или смешанными с ними структурами почв, выработались особые конструкции ральных орудий, приспособленных к твердым сланцево-мергельным образованиям. Их особенности: уменьшение жесткости и бороздящих свойств орудия, максимальное увеличение маневренности, достигаемые отсутствием стойки-регулятора, ушек и шарнирным (посредством втулок-заноз) соединением грядила с дышлом.

Обратимся к другим областям Кавказа. Как и в Дагестане, в отличие от орудий плужного типа, рала обнаруживают большее разнообразие, можно сказать многообразие видов и форм. Они отражают, с одной стороны, эволюцию рала, его движение от самых простых, первичных форм к более сложным, усовершенствованным. С другой стороны, разные формы являются результатом приспособления в основном уже сложившихся форм орудий к разным категориям пахотоспособных угожий (аллювиальные, вулканическо-лавовые, задернованные, лугово-кустарные, отработанные в результате многолетних вспашек, каменистые, террасные и пр.).

Как и в случае с плугами, начнем с адыгов. Так же часто, как говорилось о адыгском (черкесском, кабардинском) плуге о рале адыгов не упоминают, но не потому, что их не было, они были, особенно в среднегорье и высокогорье, а потому, что они являлись местными, привязанными к определенной области (району) или субэтносу, и не имели всеобщего общерегионального распространения как плуги. Так, например, М.В. Кантария утверждает, что в Кабарде, «вопреки существовавшему в литературе мнению» применялось орудие типа сохи⁷⁹ (мы указывали выше, что многие авторы называют рало сохой). О сохе с наконечником у бжедугов пишет и М.З. Азаматова, о легкой деревянной сохе у абадзехов – М.Г. Аутлев и Л.И. Лавров⁸⁰. Хан Гирей, правда, говорит о малом плуге «жителей ущелий и гор» Черкессии⁸¹. В «Народах Кавказа» у кабардинцев, черкесов и адыгцев наряду с плугом указано и рало⁸². В специальном описании земельных орудий Г.Д. Алибердова также указаны плуг и рало, с составными частями – дышло, крючок, резак, стояк, рукоятка, держак, полз, сошник (точнее наральник)⁸³. Б.А. Калоев считает, что в общем

плане для Северного Кавказа «каждая зона региона имела определенные типы орудий», и в горной зоне – рало⁸⁴. В.К. Гарданов также, констатируя наличие плуга и рала напоминает, что местами бытовали оба орудия, что рало служило в этом случае «для вторичного перепахивания». Особенно знаменательно его замечание о том, что «где позволяла местность горцы – адыги, пахали и тяжелым плугом того же типа, что был у адыгов, живших на равнине»⁸⁵ (при этом он ссылается на свидетельство Лапинского, побывавшего здесь в середине XIX в.).

Подобные наблюдения, утверждения имеются и в отношении других народов Кавказа горной полосы. Б.А. Калоев говоря о осетинах указывает, что «географические условия (особенно рельеф местности) определяли основные типы земледельческих орудий», что наряду с равнинным тяжелым плугом в горах было орудие типа рала⁸⁶. Об этом же пишет А.Х. Магометов и авторы «Народов Кавказа»⁸⁷. Подробное описание осетинского рала, которое он называет плугом и считает свойственным и «другим жителям Кавказских гор» дает наблюдатель начала XIX в. Ю. Клапрот: «изогнутый кусок дерева, обе лопасти которого имеют полтора фута длины и удалены друг от друга лишь на 8 дюймов». Далее он перечисляет треугольный лемех, шест длиной 6 футов, «к концу которого припрягают двух быков с ярмом», ручку управления. Еще раньше него описание подобного пахотного орудия в Имерети (с добавлением «осетины также пользуются этим плугом») приводит И. Гюльденштедт: плуг похож на немецкую соху; треугольный лемех наклонно установлен к толстой продолговатой доске в виде лопасти. Сзади находится ручка, а спереди дышло, за которое тянут два бука (правда, наклонный лемех указывает на орудие типа плуга, но тогда неправдоподобно выглядят только «два быка».

Почти такие же высказывания мы встречаем в работах об ингушах и чеченцах, причем о чеченцах прямо говорится, что, переселившись на равнину, они заменили свои горные рала на плуги⁸⁹. Т.А. Исаева также считает, что трем земледельческим зонам Чечено-Ингушетии соответствовали три типа пахотных орудий: яремное – горы, грядильное – предгорье, передковый плуг – равнина⁹⁰. К вопросу о яремном мы еще вернемся, скажем только, что это очень неудачное определение, а насчет районирования двух других полностью согласны с автором. О балкарцах Г.Х. Мамбетов замечает, что в горах

они использовали рало, но ближе к равнине, в предгорье, пользовались кабардинским тяжелым плугом⁹¹. А карачаевское пахотное орудие В.П. Невская называет примитивным грубым деревянным плугом с железным наральником, легким плугом он назван и в очерках истории Карачая и Черкессии, а в «Народах Кавказа» о пахотном орудии сказано, что оно сходно с балкарским и осетинским, резко отличаясь от развитых форм Адыгеи и Кабарды (т.е. от адыгского плуга)⁹². И.М. Шаманов считает карачаевское рало подходящим «для песчано-каменистых но рыхлых почв», подчеркивает его маневренность. Характерно его замечание, что передковое орудие использовали «исключительно на плоскости»⁹³. А. Умар Алиев, описывая рало карачаевцев (правда, назвав его сохой) выделяет в нем 3 части: плоская доска (т.е. полоз), лемех на ее остром конце, «коленообразное основное тело сохи (луккур) прочно прикрепленное к доске и тонкой жерди» – грядиль⁹⁴. Хотя он называет грядиль «основным телом», это полозное орудие, ибо именно грядиль прикреплен по его описанию к «доске», т.е. полозу. Впрочем, это очевидно и по приведенному им рисунку рала.

Классификация орудий рального типа Северного Кавказа осуществлена Б.А. Калоевым, при этом он опирался на систематизацию пахотных орудий предложенную Г.С. Читая (Карты 9, 10). Первую форму он определяет как рало с длинным грядилем, вторая – это с усеченным грядилем с ремнем или вальками, и третья – большое рало.

Последнее, по описанию, это полозное рало, на заднем конце его вставлена массивная согнутая стойка, соединенная с дышлом-грядилем. Дышло скрепляли с ярмом посредством штифта. Одинарная рукоятка с держаклом служила для регулирования глубины пахоты. Для залежи и целины добавляли резак. Судя по иллюстрациям (рис. 4. № 2, 3) словосочетание дышло-грядиль употреблено автором не случайно, укороченный грядиль соединен на двух штифтах с дышлом.

Однако и первая форма является полозным ралом (он причисляет его к первому типу Г.С. Читая – ярмному (сам он употребляет термин – «ярмочный»). Вторую он называет грядильной, но она тоже полозная, и отличается только укорочением грядиля. Получается, что если грядиль – дышло цельный и доходит до ярма – это ярмное, если

не доходит – грядильное. Но ярмо ведь есть и у него, и не ярмом эта форма отличается от другой.

Яремное орудие выделено и чеченским исследователем С.-М. Хасиевым, которое, по его мнению, было характерно для высокогорья. Для горной зоны он считает характерным грядильное рало, причем для Чеберлоя он констатирует вариант, сложившийся под влиянием аварцев (пуруш). Однако полозное рало в его перечне отсутствует⁹⁵.

Другое противоречие классификации Б.А. Калоева касается степени распространения форм – вначале сказано, что «первый подтип имел абсолютное преобладание по всей территории региона», а через несколько страниц говорится, что «наибольшее распространение в горной зоне имело большое рало»⁹⁶.

В целом, с учетом иллюстративного материала можно констатировать бытование разновидностей рал: грядильных; полозных с длинным грядилем, полозных с укороченным изогнутым грядилем, шарнирно соединенным с дышлом, полозных со стойкой, с грядилем, вставленным не в полоз, а в рукоять и пропущенной через него стойкой (Рис. 26 а, б; 27, 28).

В отношении Закавказья мы, несколько нарушив принятую нами последовательность, начнем с Грузии, так как именно грузинской этнографической школе (самой сильной на Кавказе) принадлежит одна из первых классификаций орудий рального типа. Классификация Г.С. Читая (рис. 36) многие годы оставалась основополагающей для этнографов-кавказоведов. Выше мы приводили высокую оценку, данную ей М.В. Кантария. Классификация эта базируется на материалах всей Грузии и, по мнению грузинских этнографов, носит, в конечном счете, общекавказский характер. Сам Г.С. Читая докладывая о результатах своей работы писал, что «выявлены разнообразные виды пахотных орудий со всеми им присущими конструктивными и функциональными особенностями ... зафиксированы и те приемы, посредством применения которых пахотное орудие легко приспособлялось к различным почвам и различным заданиям распашки». При этом он подчеркивает, что пахотные орудия надо делить не по форме, а по функции⁹⁷. С ним солидаризуются грузинские исследователи Г. Джалабадзе: «Разнообразие типов орудий и их вариаций по нашему мнению, вызваны микроспецификой хозяйства отдельных уголков» и Д. Мегреладзе: «Пахотные орудия Западной и Восточной Грузии за-

метно отличались друг от друга, что было вызвано различием почв, климатических условий и рельефа»⁹⁸. Л. Бериашвили различает пахотные орудия «по своей конструкции, по назначению и происхождению», и считает, что «многообразие земледельческих орудий порождено: «разнообразием и особенностями геоклиматических условий и высокого развитой земледельческой культурой»⁹⁹.

Высказывание Г.С. Читая о функциях ставит его в ряд убежденных «экологистов», хотя в целом, ни ему, ни грузинской этнографической школе это не свойственно. В данном случае он во многом опережает высказывания Г.Г. Громова, Ю.Ф. Новикова и особенно А.А. Шенникова, позиция которого привлекает своей четкостью и определенностью: «Форма средств труда определяется их функциональным назначением и теоретически должна зависеть, по меньшей мере, от двух важнейших факторов: от физико-географической среды и от уровня развития производства. Для любых других влияний, в том числе этнических, остается очень мало места»¹⁰⁰. Замечательное высказывание, но признание хотя бы «маленькой» роли культурной инерции и этнической традиции в сложении и особенно развитии орудий труда, и в частности пахотных, здесь не помешало бы. Автор признает подобную роль только для нефункциональных деталей (например, для орнамента на орудиях)¹⁰¹.

Деление орудий на 4 группы, предложенное Г.С. Читая не очень четкое, в одной группе оказываются так называемая черкушка и яремные орудия, передковые разделены на 2 группы, хотя особенность у них указана одна – «предназначены отваливать пласты», правда, для второй группы передковых добавлены складывание пластов и глубокая вспашка; из этой же группы выводится мухранский плуг с железной подошвой и отвалом¹⁰². В более ранней работе по абхазским орудиям автор высказал положение, что основой всех разновидностей пахотных орудий на Кавказе является орудие с изогнутым дышлом, всаженым в подошву, восходящее к шумерскому орудю¹⁰³. Первая группа – это то, что он назвал «черкушей», это три орудия, их можно отнести к первоначальным цельнопредметным суковаткам, т.е. примитивным орудиям. Затем идут 5 орудий, у которых грядиль и ральник также составляют одно целое, это четко выраженные грядильные орудия (по классификации Ю. Краснова, которую мы считаем наиболее предпочтительной). Затем идет большая группа по-

лозных рал с вставленным грядилем и рукоятью, часть из них со стойкой.

В эту группу входят и полозные рала с изогнутым грядилем, в таких орудиях стойка не нужна, ее задачи решает изогнутость грядиля. Еще одну группу в полозных ралах составляют орудия с грядилем, вставленным не в полоз, а в укрепленные в полозе стойку и рукоять.

Затем следует самая замечательная, на наш взгляд группа – полозные передковые рала – предтеча передкового отвального плуга. И, наконец, передковый плуг, с его модернизированным вариантом – мухранским плугом¹⁰⁴.

Позднее Г.С. Читая вернулся к этой советской классификации (Рис. 37) и хотя особых изменений в нее не внес, но она стала более четкой и определенной. Из этой таблицы ясно, какие орудия автор называет яремными: в группу входят и цельно-предметные и грядильные, и полозные, в том числе со стойкой, т.е. фактически все встречающиеся формы рал. Во вторую группу – грядильные, вошли те же полозные рала, отличие их в том, что грядиль укороченный и не доходит до ярма, поэтому нужна мягкая связка. Значит в группу яремных включены все орудия типа рал, у которых длинный, достигающий до ярма грядиль. Возможно, именно это обстоятельство послужило толчком к определению орудий этого типа как «яремных», поскольку в них корпус орудия соединен непосредственно с ярмом. Остальные группы совпадают с группами предыдущей (первой) его классификации.

Таким образом, по классификации Г.С. Читая выделяются следующие группы: 1. Грядильные, подразделяющиеся на подгруппы – а) первичные примитивные черкушки-суковатки; б) взрывающие почву грядильные рала; 2. Полозные рала – а) полозное рало без стойки; б) рало со стойкой, в) рало с изогнутым укороченным грядилем, без стойки, г) рало с грядилем, вставленным не в полоз, а в укрепленные в нем стойку и рукоять, д) полозное передковое рало; 3) Плуг – а) передковый плуг, б) с мухранским вариантом. Как видим, самая многочисленная группа это полозные рала, и именно это рало Г.С. Читая считает основой, основным типом кавказских пахотных орудий¹⁰⁵. В русле традиций грузинской этнографической школы исследователи отмечают и отдельные этно-локальные варианты орудий. В частности, у пшавов кроме общего типа – яремного, отмечена и «четырёхколесная соха «кави», которая имела еще «шпажник», «со-

единяющий дышло с подошвой», приподнимающий подошву» (это то, что мы называем «стойкой», которая укрепляет конструкцию орудия и регулирует глубину пахоты).

В хевсурской «черкуше» указана рукоятка, которой нет в тушинской, у них отмечено рало со стойкой («пшавское»). В Картли, Кахети помимо плуга отмечены «кави» и «орхела» (с коротким дышлом), большой плуг без передка (аджилга). В Сванети также «черкуша» и рало без стойки («сванское»). В Мегрелии зафиксирован «простейший» вид рала, черкуша, которая «вырезалась из цельной ветки дерева, длиной в 220 см. и согнутой под углом в 90°», которая применялась во всех горных (и низменных) районах Грузии «для проведения борозд, для прочерчивания пахотного поля», и из которой вышли трехгранные рала (хевсурское, мегрельское, имеретинское). В Южной Осетии было рало (дзыбар), по рисунку это полозное рало, в полоз вставлены рукоятка и стойка, а составной грядиль вставлен в стойку и рукоятку¹⁰⁶. Относительно абхазов Н. Дубровин, вообще отличающийся нигилизмом ко всему местному, кавказскому, пишет, что абхазец «не имеет понятия что такое плуг» и вспашку производит «или просто заступом, или сохой», которую он описывает как дерево с изогнутым пеньком, который заострен клином, с приспособлением из веревок для тяги¹⁰⁷.

У исследователя Р. Чанбы мы находим вполне внятное его описание. Констатируя, что «земледельческие орудия абхазцев были приспособлены к местным специфическим условиям», он называет два их вида: из цельного дерева с крюком, с лемехом (наральником) или без него; и из двух частей – дышла–грядила и подошвы из твердой породы (полозное рало), выросший из первого¹⁰⁸. Другой современный исследователь Ц. Бжания также говорит о суковатке кривулине (атцзахе) и сохе – рале (ацематса)¹⁰⁹.

Несколько слов о группе яремных орудий. Хотя она обозначена не очень отчетливо, но существует, и к тому же взята на вооружение и другими авторами. Мы разделяем недоумение Г. Джавадова по поводу этого признака группирования, но не согласны с его доводом, что тогда надо ввести градацию на двухъяремные, трех, четырех и т.д. орудия¹¹⁰. Ведь речь идет о орудиях рального типа, а они, насколько нам известно, многоупряжными не бывают. Резоннее поставить другой вопрос – разве существуют пахотные орудия не яремные? Ведь

яремная непременная составная часть любого упряжного орудия и такой критерий вряд ли может стать таксоном для четкой классификации.

Обратимся теперь к армянским орудиям реального типа, которые очень близки к грузинским. Они представлены главным образом полозными орудиями, встречаются и грядильные (Рис. 38). Отметим один вариант, который, как ни странно, не встречен в таблице Г.С. Читая, в том числе в ее позднем варианте в «Народах Кавказа»¹¹¹. Однако в Грузии они, по-видимому, имелись, их описывает Г. Джалабадзе. Автор считает вслед за Сесиль Курвен (Cecyl Curwen Pflaugs und Fields, London, 1943. P. 157), что «соха (?) с надвязанным грядилем» развивалась в результате «удлинения рукоятки мотыги (путем надвязки)». Эволюция по автору – египетские составные мотыгообразные орудия – египетская соха (рало?), шумерская соха (рало?). Однако как бы спохватившись, автор справедливо добавляет, что в исходном ряду эволюции орудий ему предшествует цельное орудие типа черкушки (как «кавцера» тушинов), являющееся «наиболее простым»¹¹². Но зачем древнему земледельцу от (при) уже имеющегося цельного орудия (возможно, происшедшего от мотыги) возвращаться обратно к «удлинению рукоятки мотыги»? Автор противоречит самому себе, чуть раньше он считал, что «наращенный грядиль», распространенный по автору в Грузии, Сев. Осетии, Чечне, Ингушетии, Дагестане, Карачае, Армении, с аналогичными в Италии, Испании, входящий к Шумеру, Вавилону, древней Греции «вызван удобством управления орудием» в условиях гор и склоновых участков¹¹³. Речь идет о рале, которое на дагестанском материале мы определили как полозный высокогорный вариант, довольно распространенный в высокогорной зоне Дагестана: с шарнирно соединенным с дышлом укороченным грядилем, обеспечивающим орудью более высокую маневренность. Отметим большую распространенность в армянских орудиях стойки, а также наличие передкового полозного рала¹¹⁴. Упомянутый нами выше М. Сагателов (1870-е гг.), который охарактеризовал плуг как «безобразный и грубо-устроенный», добавляет – «такого же качества соха», которую он районирует в «нагорных местах»¹¹⁵. Ясно, что речь идет о рале, но не ясно, какими принципами руководствовался автор, и по сравнению с какими образцами он считал армянские орудия «грубо-устроенными» и «безобразными», ведь такими они

были на обширных пространствах Азии и Европы (с некоторыми местными вариациями и особенностями, разумеется).

Вообще, надо сказать, что несмотря на кажущуюся пестроту в обликах орудий рального типа, они также, как и плуги, обнаруживают схожесть в основных элементах конструкции и способах их соединения между собой. С этой точки зрения выделяются всего несколько групп, общих для всего Кавказа. Различия проявляются в отдельных деталях, их массивности, правильности форм, угловатости, округлости, местоположении стойки, оформлении рукоятки и державки, степени изогнутости грядиля и т.п.

Как уже говорилось, наиболее подробная и развернутая классификация азербайджанских пахотных орудий принадлежит Г.Д. Джавадову. В очень подробном, скрупулезном описании, обильно снабженном иллюстрациями, автор выделяет 4 типа (или формы) рала, весьма схожих с теми, которые известны по другим регионам (Рис. 32, 33). Отметим, что как и в Дагестане, здесь сохранилось немало образцов простейшего орудия (хыш), который мы назвали цельнопредметным¹¹⁶. Как пишет И. Серебряков он «делается из цельного дерева, ствол которого вытесывается для укрепления лемеха, а ветвь служит грядилем или дышлом»¹¹⁷. Вторая форма (гурама хыш), это рало, собранное из отдельных частей – грядиль, полоз, рукоять, которые, соединяются подошвой, т.е. полозное рало. Третья – (диавджуту) разновидность второго – со стойкой, и четвертая (улама хыш) – это рало с укороченным грядилем, шарнирно соединенном с дышлом, т.е. высокогорный вариант, как правило без стойки.

Таким образом выясняется, что если исходить из единой, достаточно четкой классификации, базирующейся на группе единых критериев, включающих как формально-типологические, так и конструктивно-технологические таксоны, то все кажущееся запутанным и бессистемным многообразие пахотных орудий рального типа сводится к нескольким конструктивным формам – рукояточные, грядильные, полозные (прямоугольные; с усеченным изогнутым грядилем; составным шарнирным грядилем – дышлом; со стойкой, передковые, предтечи плуга).

Обращает на себя внимание очень незначительный процент рукояточных рал. Это можно считать специфической особенностью кавказских орудий. Возможно, при генезисе орудия, и в частности

при переходе от цельнопредметного орудия к составному, эволюция пошла по пути поиска более целесообразного соединения всех частей рала и особенно рукоятки, с рабочей частью, а это лучше достигается в грядильном и позднее полозном варианте. Рукояточное рало требует почти такой же толстой рукоятки, как и полоз. Иначе, с менее объемной (тонкой) рукоятью управлять орудием будет довольно трудно, что подтверждается быстрым появлением у рукояточного рала стойки (вспомним, без стойки они встречаются единицами, в Дагестане, например, одно из 46). Далее. Поскольку один из путей образования рала связывается с мотыгой, то нетрудно заметить, что первобытная цельная деревянная мотыга это прообраз суковатки – грядильного рала в миниатюре. И еще. Грядильное рало генетически очевидно связывается с цельнопредметным ралом, выступающего в качестве его предтечи.

Рукояточное же рало, возможно, представляет собою один из боковых путей эволюции рала, не случайно оно так редко на Кавказе, особенно вне Дагестана. Возможно, в этом не исключен и отзвук определенной этнокультурной традиции.

Больше всего сохранилось орудий полозного типа во многих его вариантах и модификациях. Из имеющихся у нас 78 единиц (без Дагестана) иллюстративного материала орудий рального типа цельнопредметных ни одного, 13 грядильные, 1 – рукояточное и 64 – полозные (Из них ушки имеются в 16 ралах, стойки – в 26, 15 – с усеченным изогнутым грядилем, 13 на втулках, 2 – на обручах, 5 – с цельным грядилем и рукоятью, 25 с вделанным в рукоять грядилем). Заметим, что по сравнению с соотношением видов (и разновидностей) рал в Дагестане имеются существенные различия. По имеющимся у нас материалам, в основном полевых, по Дагестану зафиксировано 261 орудие рального типа, из них: цельнопредметных – 21, грядильных – 32, рукояточных – 46, полозных – 162. Из общего числа орудий – с ушками – 188, со стойками – 93, причем, в подтверждение наших слов – 45 из них (стоек) в рукояточных ралах, т.е. они имеются почти во всех рукояточных орудиях (в 45 из 46). Комбинация усеченного грядиля с дышлом (87 орудий) более распространена в высокогорье, из них 57 на обручах и 30 на втулках. С цельным грядилем и рукоятью – 10 образцов, с грядилем в рукояти – 73, причем 45 из них в тех же 45 рукояточных со стойкой, из общего числа в 46.

Орудие полозного типа наиболее совершенное из них, оно позволяет к тому же использовать более доступный и разнородный древесный материал. Его разные модификации являются результатом приспособления различного рода к задачам, возникающим при вспашке горных угодий – задернованность, корневые остатки кустарников и деревьев, каменистость, аллювиальный или лавово-вулканический характер почв, скелетные тонкослойные почвы, подсечные земли и т.п. Прямогрядильное полозное орудие обеспечивает вспашку разработанных почв, изогнутый грядиль сподручнее, когда нужны повышенные тяговые усилия, усеченный грядиль увеличивает маневренность орудия, вторая стойка служит укреплению конструкции и регулировке глубины пахоты.

Что оказалось неожиданным, так это незначительность количества орудий с ушками у полоза, столь характерных для Дагестана (в наших иллюстрациях есть пять случаев по Северному Кавказу, три в Азербайджане, семь в Грузии, один в Армении), причем многие из них не представляют собой четко, ярко выраженного образца ушек, наподобие дагестанских). Одно из немногих описаний подобия ушек в Азербайджане имеется у Г. А. Гулиева: «Полоз сзади имел массивные выступы, с помощью которых можно было расширить борозду и легко взрыхлять почву»¹¹⁸. Возможно причина здесь – большая протяженность (хронологическая и пространственная) подсечного земледелия, при котором ушки бесполезны, а потому и не могли появиться. Мы не станем входить в описание орудий рального типа отдельных субэтносов или этнорегионов. Привлеченные материалы по Азербайджану, Аджарии, Сванетии, шахдагской группе народов, этнографическим районам Армении и даже Закатальским аварцам и цахурам или отдельным субэтнологам адыгов, убеждает нас в том, что базовые конструкции рал почти везде одинаковы (или везде почти одинаковы), различия связаны преимущественно с характером и особенностями обрабатываемых угодий. Разумеется, определенные особенности накладываются культурной инерцией, этническая окрашенность, специфика могут быть связаны с особенностями ремесла, быта, с этноконтактами, с исполнительскими способностями отдельных мастеров, с определенными идеологическими представлениями; разного рода запретами и предпочтениями и т.д. и т.п.

Однако, даже сложившиеся в этнорегионах орудия, получившие определенное этническое название (адыгский, украинский, абхазский и т.д.) на поверку, оказываются конструктивно близкими. Не случайно русские наблюдатели уподобляли адыгский плуг украинскому (малороссийскому) и даже считали его заимствованным (подражанием) украинскому, а грузинские этнографы видят другой путь – из Закавказья на Северный Кавказ и оттуда на север, в южнославянские степи. Грузинские этнографы в подтверждение грузинского происхождения плуга (гутани) ссылаются на изображения плуга на надгробных памятниках XI–XII вв. и появление самого термина в XII–XIII вв. Затем сказано, что «в XII–XIV вв. оно из Закавказья распространилось на юг (Иран) и на север (Украина). По всему Кавказу это орудие обозначилось грузинским (!) термином «гутани». А турецко-монгольским является термин «сабан», «вероятно распространившийся в монгольскую эпоху»¹¹⁹.

Так что всеобщие классификации грузинских и азербайджанских этнографов, которые идут под маркой орудий титульной нации, с точки зрения конструктивной, технологической, операциональной не так уж беспочвенны, и отражают общую закономерную объективную реальность единства основ (критериев) классификаций пахотных орудий Кавказа.

Возвращаясь непосредственно к пахотным орудиям, вынуждены признать, что на основе их классификации и проведенной систематизации пахотных угодий невозможно создать всеобщую, критерийно обеспеченную, обозначенную и обоснованную систематизацию всех возможных объективно существующих типов земледелия, как, например, в системах земледелия, пахотных орудиях или сельскохозяйственных культурах. Поэтому; следует по-видимому, говорить о классификации видовой, или, родовой, или разрядной, или классификации первого заглавного ряда. Ее элементы могут стать названиями родовых или видовых групп, или разновидностей. В пределах групп можно определить в зависимости от параметров местных угодий и пахотных орудий, конкретные типы земледелия.

Но прежде вспомним, что объективная сущность компонентов типа земледелия обуславливает их тесную, плотную зависимость от природно-географических условий, экологической среды (экосистемы), особенно это относится к первому компоненту, угодью, которое,

в свою очередь обуславливает основные конструктивные, функциональные и операциональные характеристики орудия. Так образуется сложная системная цепь зависимостей и обусловленностей от экосистемы к угодью и далее к орудью, системе земледелия, земледельческому циклу, набору сельскохозяйственных культур.

Учитывая эти обстоятельства можно предложить в качестве видовых групп типов земледелия (которые, в свою очередь будут делиться на конкретные «местные типы») зональные типы земледелия, что совпадает и с районированием хозяйственно-культурных ареалов.

Одним из главных типов земледелия на протяжении веков был равнинный или равнинно-плужный тип, который вписывался в хозяйственно-культурный ареал равнинных пашенных земледельцев и стационарных скотоводов. Главные его черты – обширные ровные пахотные угодья с мощными задернованными почвами и деревянный тяжелый передковый (отвальный) плуг. Как сопутствующая обязательно передковому плугу тяжелая борона также является характерным признаком этого типа.

В предгорье, не считая переходных типов, примыкающих к равнинному или среднегорному, выделяется, предгорно-лесной тип земледелия, который, имея общее со среднегорьем орудие (рало), тем не менее, должен быть классифицирован как самостоятельный, т.к. характеризуется своеобразными признаками основного компонента типа, а именно угодий. Представляя собой лесогорные, лесолуговые, кустарниково-луговые угодья, они характеризуются своеобразной структурой почвенного покрова, в котором много дернины и корневых остатков, в том числе живых. И, как и следовало ожидать, это сказалось на конструкции орудий, в которых преобладали цельнопредметные образцы, эволюционировавшие в рукояточные, удовлетворявшие условиям обработки местных почв (упругие, устойчивые к сильному натяжению орудия).

В среднегорном типе принципиально отличаются от равнинного оба компонента: террасы (преобладающие) с межевыми откосами, в том числе естественные и рало, преимущественно полозное.

В горно-долинной зоне имелось существенное отличие – преобладают укрепленные, с подпорными стенками террасы, основа развитого садоводства, цельнопредметных рал нет вообще, рало полозное, характеризуется жесткостью конструкции и многоэлементностью.

И, наконец, высокогорный тип земледелия: склоновые пахотные угодья и естественные террасы, искусственные террасы (откосные и подсечно-террасные). В ралах имеются приспособления, призванные улучшать маневренность орудия (шарнирное соединение грядила с дышлом) и облегчить операцию вспашки на жестких мергелистых почвах (снятие ушек, «одноухие» рала, во многих местах вне Дагестана почти полное отсутствие ушек и т.п.).

* * *

Подведем некоторые итоги. Наше обращение к рассмотрению связки компонентов земледельческой культуры – пахотное угодье-пахотное орудие – было продиктовано (вызвано) тем, что в процессе исследования ХКТ обнаружилось, что они, составляя важнейшие, нередко определяющие компоненты ХКТ, особенно земледельческих (и земледельческо-скотоводческих) не имеют в них, и даже в самой земледельческой культуре ни родовой, ни видовой классификации и номинации, не были сгруппированы, их органическая связь (сплетенность, сочлененность) и единство не были обозначены.

В своих попытках выделить эти элементы, как-то номинировать их, картографировать и тем более очертить изофункциональные ареалы, мы натолкнулись на трудности терминологического и номинационного характера, затрудняющие возможности классификации.

Поскольку в науке существует более или менее принятое и утвердившееся понимание основного содержания системы земледелия, нам показалось целесообразным действовать «от обратного» – выключить из объема понятия системы земледелия, вошедшие в номенклатуру компонентов ХКТ элементы земледельческой культуры, которые по своим сущностным и функциональным особенностям не укладываются в содержательные и операциональные рамки системы земледелия, и потому явно в нее не вписываются, и ввести их (оба компонента) в другой (новый) класс (аспект) систематизации.

Учитывая наименования и понятия хозяйственной, в том числе земледельческой культуры, принятые в науке и отраслях хозяйства, исходя из того, что нельзя менять ни номинации, ни понятийного содержания имеющейся терминологии, мы сочли целесообразным выбрать для вводимой в научный оборот категории земледельческой культуры объединяющей оба элемента наименование «тип земледелия». Принимая во внимание многосложность этого компонента (от-

ношения между самими элементами – объектами категории и их свойствами и признаками взаимоотношения с сопредельными, соприкасающимися экологическими и земледельческими структурами с их набором особенностей) мы сочли необходимым произвести характеристику и идентификацию типа земледелия способами и приемами типологической классификации.

В совокупности феноменов земледельческой культуры основные компоненты типа земледелия – пахотное угодье и орудие вспашки, отличает несколько особенностей, позволяющих четко выделить их от других компонентов, и что особенно важно, от содержательных компонентов системы земледелия, ибо в исследовательских традициях системе нередко приписывались отдельные признаки, черты, компоненты типа земледелия.

Главные из этих особенностей: а) вещный характер компонентов, это объекты, и что важно – объекты, являющиеся средствами производства: угодье – объект обработки, средство труда, орудие – инструмент обработки, орудие производства; б) в качестве подобных объектов они представляют вещную данность, существующую до начала работ земледельческого цикла, в довозделывательный период, являясь и природным объектом (иногда частично преобразованным человеком) и объектом – овеществленным трудом человека; в) их функциональные и операциональные назначения и возможности существуют в потенции и реализуются в возделывательный период, через систему земледелия и цикл земледельческих работ, т.е. перед ними не ставится конкретная земледельческая задача, достижение определенного результата (например, изменить состояние плодородия, вывести сорняки, повысить урожайность и т.п.).

Варьирование использования угодья будет означать начало системы земледелия (например, оставить угодье под перелог), начало работы орудия, вспашку, уже следует считать моментом цикла земледельческих работ.

Несмотря на такую кажущуюся пассивность, инертность, компоненты типа земледелия являются главными, важнейшими элементами земледельческой культуры и отрасли. Их «активность», определяющий «судьбоносный» характер заложен в самом их содержании, сущности, в вещи, в материале. Без угодья вообще нет земледелия, а его

характер, особенности (черты, признаки, свойства) определяют чуть-ли не всю структуру земледелия, его облик, направление, систему земледелия, способы обработки, основные культуры и т.д. и т.п. Земледельцу нужен пахотный участок (угодье) чтобы получить урожай, его надо взрыхлить, вспахать, а это делается пахотным орудием, и только после этого можно делать все остальное.

В самой связке угодье–орудие определяющим выступает первое, в соответствии с его особенностями складываются главные функциональные, конструктивные и операциональные характеристики орудия. А поскольку основные черты, признаки и свойства самого угодья определяются экосистемой (биогеоценозом), получается цепь зависимостей от природы к угодью, и далее к орудию, системе земледелия, циклу земледельческих работ, сельскохозяйственным культурам. Так выделяются природно-географические зоны, развитие хозяйства и обмена (и общественно-политическое) делает их природно-хозяйственными, естественно-историческими, взаимодействие хозяйственной и материальной культуры, вкуче с духовной, в процессе социально-экономического развития приводит к сложению хозяйственно-культурных ареалов. Сложившись на базе особенностей экологии, хозяйства» элементов культуры они в свою очередь, оказывают определяющее воздействие на сложение и развитие отдельных компонентов хозяйства и культуры; взаимодействие, взаимовлияние и взаимопредопределение здесь постоянны и степень взаимодействий зависят от многих причин и обстоятельств самого разного характера, от проявления буйства стихии и иноземного нашествия до удачной производственной находки и хорошего урожая.

Естественно, что типы земледелия, являющиеся компонентами ХКТ, подчиняются определенным общим закономерностям развития природы, хозяйства и культуры, и поэтому их сущность и компонентное содержание, признаки и особенности, в основном, в главном, районированы соответственно хозяйственно-культурным ареалом. Рис. 3.

Так, равнинный тип земледелия имеет распространение, бытует в пределах равнинного ареала пшеничных земледельцев и стационарных скотоводов. Вспомним, как мы охарактеризовали земледельческий компонент этого ареала: «пашенное земледелие на обширных равнинных полях (господствующее), передковый плуг, борона, преобла-

дание переложной системы при отсутствии удобрения, развитое орошение, значительное садоводство и виноградарство, пшеница как преобладающая культура, специфические земледельческие культуры (рис, марена) и т.д.»¹²⁰. Если взглянуть в этот перечень заинтересованным взглядом, можно обнаружить, что компоненты типа земледелия не только занимают в нем важное место, но и в значительной степени определяют параметры и особенности других компонентов ареала. Но, играя столь важную роль, они обычно не обозначались, не номинировались, а их роль подчас проходила под маркой других компонентов земледельческой культуры. В качестве дополнительных признаков-компонентов равнинного типа земледелия, обусловленных особенностями главных компонентов, выступают борона и гидротехнические сооружения, первая выступает как инструмент-придаток основного орудия, вторые – в качестве компонентов, призванных реализовать другую объективную данность – воду в естественных водоемах. Главными же, определяющими остаются обширные ровные поля с мощными почвами и передковый плуг.

В предгорье влияние леса существенным образом сказалось на компонентах типа земледелия. Для него характерны лесо-горные, лесолуговые, кустарнико-луговые угодья с почвами со специфической структурой, в которой много дернины и корневых остатков, и тяготение к цельно-предметным орудиям, эволюционировавших в ручные, наиболее приемлемым здесь как по наличию исходного материала, так и особенностям конструкции (цельность, упругость, устойчивость на силы давления и натяжения).

В среднегорном ареале (оседлых пашенных земледельцев и отгонных скотоводов) основные компоненты резко отличаются от равнинных: почти в каждом пункте – антитеза; обширные ровные поля и террасы (с межевыми откосами, с преобладанием естественных, плуг с бороной и рало (отличие от предгорья – меньше цельнопредметных и преимущественное бытование полозных).

В горно-долинном подвиде основное отличие заключалось в значительном перевесе террас с подпорными стенками, являвшихся основой развитого садоводства, в орудиях же можно отметить преобладание полозных рал без стойки. Еще одно отличие – здесь были ирригационные системы, не такие большие как на равнине, но довольно сложные в инженерном отношении и очень трудоемкие.

В высокогорном ареале, в котором земледельческие традиции менее выражены, основное отличие – преобладание склоновых пахотных угодий, из террас здесь преимущественно бытуют естественные и откосные. Нередко оба вида угодий образуют в одном урочище, рельеф которого сочетает склоны с естественными террасами, своеобразный совокупный комплекс обоих видов угодий. В ралах высокогорья появляются особенности, призванные увеличить маневренность орудия и уменьшить сопротивляемость почвы при вспашке (устранение ушек, «одноухие» рала, соединение грядила с дышлом на втулках-занозах, шарнирно).

В масштабах всего Кавказа можно сказать, что одним из главных типов земледелия, распространенным в его главных хлебных житницах был равнинный плужный тип, почти безошибочно он может быть назван равнинно-нижнепредгорным, а для отдельных областей и равнинно-предгорным и даже плато-польным.

Наибольший удельный вес в нем занимает равнинно-степной тип, включающий большие равнинные пространства низменностей Северного Кавказа и Закавказья.

Равнинный плужный тип может включать многие подтипы; кроме главного лугово-степного можно назвать лесопольный подсечный, лесостепной, кустарниково-степной, долинный, долинный аллювиальный, долинный вулканических (лавовых) почв, прибрежных субтропиков, нижне-предгорных субтропиков, покатых равнин, платообразных холмистых гряд, склонов с небольшим уклоном, холмов и подножий гор и т.д. Естественно, что все эти разновидности были распространены главным образом в пределах низменностей, равнин, плато, долин, побережий др.

При этом, в каждом отдельном случае может иметь место не только специфика параметров местных пахотных угодий, но и применение разных вариантов плуга – кумыкского (сабан), украинского, а также закавказских – грузинского «гутани», азербайджанского «гара кутан» и армянского «гутан», а также мухранского; т.е. железного плуга.

Другой аспект. Почти во всех регионах, где применялся плуг типа «гутан», т.е. отвальный плуг, был известен и горский плуг (рало), так же как горцы были отлично осведомлены о том, что в равнинных местах существуют тяжелые отвальные плуги. На равнине были не-

редки случаи, когда рало употребляется для повторного вспахивания, в частности, во время сева, т.е. оно выполняло роль бороны. Поэтому эта роль рала существенно упала когда появились фабричные тяжелые железные бороны.

Со своей стороны горцы, имевшие угодья на равнине, жители стыковых селений предгорья даже использовали оба вида орудия – плуг и рало. На «верхних» участках использовалось рало, на «нижних», просторных – плуг. Нередко в этой проблеме выбора немалую роль играл и социальный момент – использование плуга и соответствующей упряжки требовало значительных средств и без кооперации производственных ресурсов (супруга) это было, затруднительно. Во всяком случае господствующим на всех равнинных просторах, широких долинах и плато являлся плужный равнинный тип земледелия.

В горных ральных типах многообразие значительно больше, так как разнообразнее рельефы (ландшафты), обуславливающие как характер и особенности пахотных угодий, так и формы (виды) рал, большинство особенностей которых вырабатывались именно в процессе приспособления к этим ландшафтным особенностям. В горных областях на первый план также выдвигаются луговые более или менее ровные склоны, естественные террасы, всевозможные площадки «кочки», «местечки», покатоности, небольшие речные наносы-террасы, лесные подсечные делянки, искусственные террасы (приречные, откосные, с подпорными каменными стенами, террасы подсечного земледелия с использованием в подпорных стенах древесного материала), горные впадины и др.

Соответственно следует говорить о конкретных типах горного рального земледелия – склоновом; террасном, подсечном, подсечно-террасном, откосно-террасном, долинно-террасном, лавово-склоновом, долинно-аллювиальном, лиманном и др.

В конкретных случаях грядильное рало свидетельствует о тяжелых почвах (дернина, кустарники), подсеке, прямогрядильное рало достаточно для более легких и многократно обработанных почв, вторая стойка придает крепость полозному ралу и свидетельствует о необходимости более тщательного регулирования глубины пахоты и т.д. и т.п.

Таковы результаты наших попыток исследовать типы земледелия народов Дагестана и всего Кавказа. Отметим при этом, что наши ма-

териалы не являются полными или исчерпывающими (например, недоступность литературы на национальных языках, наличие полевого материала только по Дагестану).

* * *

На этом можно, по-видимому, закончить разговор о типе земледелия.

Полагаем, что нам удалось в известной мере подтвердить наши соображения о типе земледелия – необходимости его включения в число категорий земледельческой культуры; о его месте в земледельческой отрасли и культуре; о его особенностях и основных признаках (основные средства земледельческой отрасли, вещность (в противоположность действиям), данность до возделывательного периода), о ведущей роли пахотоспособного угодья в связке типа угодье-орудие; о функциональной и операциональной взаимозависимости обоих элементов связки, откладывающейся и на конструкции орудия.

Таким образом, тип земледелия, вписываясь в орбиту (рамки) хозяйственно-культурного ареала, являясь одним из его органически связанных, слагаемых, занимает в нем важное место, т.к. служит определяющей константой земледельческого компонента ареала, формируя и регулируя его параметры, и в конечном итоге формируя лицо (облик) земледельческого компонента, а в ряде случаев и самого ХКА.

Думается, отдельные неясности, нерешенные вопросы касательно феномена (категории) типа земледелия могут проясниться при исследовании систем земледелия.

1. *Агларов М.А.* Очерк этнографии земледелия Южного Дагестана // ДЭС. I. Махачкала, 1974. С. 221; Конструкции и генезису пахотных орудий (рал), посвящена специальная статья *М.А. Агларова* – О происхождении пахотного орудия // Хозяйство народов Дагестана в XIX–XX вв. (этнографические исследования) Сб. статей. Махачкала, 1979.

2. *Калоев Б.А.* Земледелие народов Северного Кавказа. М., 1981. С. 22, 23., 30, 34, Ю 112 и др.

3. *Сагателов М.* Экономические очерки Эриванской губернии и озера Гокча. Тифлис, 1879. С. 36.

4. *Калантар А.А.* Задачи и способы исследования скотоводства // МУКЛЗПИСК. I. Тифлис, 1887. С. 130.

5. *Фрибе В.* Ответ на задачу 1804 года о сравнительной доброте пахотных орудий в России // Труды вольного экономического общества. Т. XI. СПб., 1808.
6. *Фирстов Г.В.* Грубые пахотные орудия восточной полосы России // Записки Казанского экономического общества. Казань, 1954. Кн. 3.
7. *Зеленин Д.К.* Русская соха, ее история и виды. Вятка, 1907; он же. Восточнославянская этнография. М., 1991.
8. *Третьяков П.Н.* Подсечное земледелие в Восточной Европе // Изв. Гос. Академии истории материальной культуры. Т. XIV. Вып. 1. Л., 1932.
9. *Найдич-Москаленко Д.В.* О принципах классификации русских пахотных орудий (Место прикрепления тяговой силы как основной признак классификации) // СЭ, 1959. № 1. С. 41–42.
10. Русские. Историко-этнографический атлас. Земледелие. Крестьянское жилище. Крестьянская одежда (середина XIX – начало XX века). М., 1967. С. 34–59.
11. *Новиков Ю.Ф.* Генезис плуга и этнография // СЭ, 1963. № 2. С. 99, 100, 102, 103–104.
12. *Кантария М.В.* Полеводство в Кабарде (по этнографическим материалам). Автореф. канд. дис. Тбилиси, 1969. С. 11.
13. *Новиков Ю.Ф.* Указ. раб. С. 100, 101, 103–104, 110.
14. *Гром Г.Г., Новиков Ю.Ф.* Некоторые вопросы агроэтнографических исследований // СЭ, 1967. № 1. С. 80–93.
15. *Чебоксаров Н.Н., Чеснов Я.В.* Некоторые вопросы агроэтнографии Юго-Восточной Азии // СЭ, 1967. № 3. С. 67.
16. *Кантария М.В.* Некоторые вопросы земледельческого быта в горной Осетии // КЭС. V. 3. Тбилиси, 1890. С. 135. Ср. также – *Черенцов А. К.* изучению генезиса восточно-славянских пахотных орудий // СЭ, 1975. № 3. С. 73.
17. Русские. Серия «Народы и культуры» (раздел *Власовой И.В.* Традиционная земледельческая и промысловая культура). М., 1997. С. 175, 178–179.
18. *Демченко Н.* Земледельческие орудия Молдавии XVIII – начала XX в. Кишинев, 1967. С. 44.
19. *Краснов Ю.А.* Древнейшие упряжные пахотные орудия. М., 1975. С. 29–31; он же. Древние и средневековые пахотные орудия Восточной Европы. М. 1987. С. 72–196. К сожалению работы зарубежных авторов на иностранных языках оказались для нас недоступными. В утешение (и оправдание) себе заметим, что, судя по имеющимся переводам и отечественной литературе, материалов по Дагестану в них очень мало. Развернутая библиография, включающая зарубежных исследователей, имеется в указанных исследованиях Ю.А. Краснова.
20. *Сагателов М.* Указ. раб. С. 36.
21. *Лаудаев У.* Чеченское племя // ССКГ. VI. Тифлис, 1872. С. 22.
22. *Азаматова М.З.* Материалы к земледельческой культуре бжедугов // Материалы по этнографии Грузии. Вып. XII–XIII. Тбилиси, 1963. С. 253.
23. *Мамбетов Г.Х.* Материальная культура сельского населения Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1971. С. 20; *Азаматов К.Г.* Основные черты хозяйствен-

ного и общественного строя балкарцев в первой половине XIX в. // УЗ. КБГУ. Вып. 32. Нальчик, 1966. С. 136; *Тер-Саркисянц А.* Армяне. История и этнокультурные традиции. М. 1998. С. 41; *Кантария М.В.* Из истории хозяйственного быта Кабарды // КЭС. I. Тбилиси, 1964. С. 100; *Магомедов А.Х.* Культура и быт осетинского народа. Историко-этнографическое исследование. Орджоникидзе, 1968. С. 68; *Алиев У.* Очерки о быте карачаевцев (оттиск из книги «Карачай»). Ростов н/д, 1927. С. 6.

24. *Аутлев М.Г., Лавров Л.И.* Прошлое и настоящее Шовгеновского аула // Культура и быт колхозного крестьянства Адыгейской автономной области. М., Л., 1964. С. 17.

25. *Калоев Б.А.* Земледелие народов Северного Кавказа. С. 14; он же. Осетины. Историко-этнографическое исследование. М., 1971. С. 76.

26. *Османов М.О.* Формы традиционного скотоводства народов Дагестана в XIX – нач. XX в. М., 1990. С. 71.

27. Полевой материал автора (в дальнейшем ПМ) 1989 г. С. 166 сл.

28. ПМ 1987. С. 205; ПМ 1988. С. 141.

29. ПМ 1989. С. 161.

30. Ср., например, у Хан-Гирея. Он прямо указывает, что плуг адыгов на равнине подобен украинскому – Записки о Черкесии. Нальчик, 1978. С. 256. Также и Г.Х. Мамбетов тяжелый деревянный плуг кабардинцев считает близким украинскому и грузинскому – Указ. раб. С. 20; Тяжелый деревянный передковый плуг типа украинского отмечает у равнинных осетин и Б.А. Калоев – Моздокские осетины. Хозяйство и хозяйственный быт // КЭС. Вып. VII. М., 1980. С. 70; А тяжелый деревянный плуг чеченцев авторы «Народов Кавказа» сближают с грузинским («типа грузинского») – Народы Кавказа. Серия «Народы мира. Этнографические очерки». I. М., 1960. С. 349. Поэтому можно, по-видимому, отмеченный в отечественной этнографии двуединый процесс взаимобратной «циркуляции» внутриэтнической культурной информации (от локальных форм к общенациональным, обеспечивающей стереотипизацию локальных, и от общенациональных к локальным, дающей конкретизацию, «местной специфике») в условиях Дагестана и всего Кавказа носил и характер межэтнической, межзональной циркуляции, и не только в формах пахотных орудий. См. *Паин Е.А.* Система территориальных общностей и ее роль в формировании и воспроизводстве этнокультурных традиций в условиях урбанизации // СЭ, 1987. № 1. С. 22–23.

31. *Калоев Б.А.* Земледелие народов Северного Кавказа. С. 118.

32. Так С.М. Броневский пишет, что «черкесы пашут плугом наподобие украинского, в который впрягают несколько пар быков». *Броневский С.* Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. Ч. II. М., 1823. С. 133–134.

33. *Хан-Герей.* Указ. раб. С. 256.

34. *Бларамберг И.Ф.* Историческое, топографическое, статистическое, этнографическое и военное описание Кавказа // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XII–XIX вв. Нальчик, 1974. С. 369.

35. *Калоев Б.А.* Земледелие народов Северного Кавказа. С. 119–122; *Алибердов Т.Д.* Адыгейские земледельческие орудия XIX и начала XX в. УЗ Адыгейского НИИЯЛИ. Т. IV. Краснодар, 1965. С. 111.

36. *Калоев Б.А.* Земледелие народов Северного Кавказа. С. 118.

37. *Лаудаев У.* Указ. раб. С. 22, 50.

38. Карачаевцы. Историко-этнографический очерк. Черкесск, 1978. С. 76; *Шаманов И.М.* Земледелие и земледельческий быт карачаевцев // Из истории сельского хозяйства Карачаево-Черкесии. Черкесск, 1971. С. 65–66.

39. Народы Кавказа. Серия «Народы мира. Этнографические очерки». Т. I. С. 349. *Бесленев А.Д.* К вопросу развития сельского хозяйства горцев Кубанской области (пореформенный период) // Из истории сельского хозяйства Карачаево-Черкесии. Черкесск, 1971. С. 27–30.

40. *Мамбетов Г.Х.* Указ. раб. С. 19–20.

41. *Кантария М.В.* Экологические аспекты традиционной хозяйственной культуры народов Северного Кавказа. Тбилиси, 1989. С. 99, 100.

42. Там же. С. 109.

43. *Хасиев С.-М.А.* Земледелие чеченцев и ингушей в XIX – первой четверти XX в. (К проблеме истории народов Северного Кавказа). Автореф. канд. дисс. М., 1973. С. 12, 13.

44. *Кантария М.В.* Экологические аспекты традиционной хозяйственной культуры народов Северного Кавказа. С. 122.

45. См. Русские. Историко-этнографический атлас. С. 51–53; *Зеленин Д.* Русская соха, ее история и виды. С. 83–87; он же. Восточно-славянская этнография. С. 41–42; *Краснов Ю.А.* Древние и средневековые пахотные орудия Восточной Европы. С. 127–129.

46. *Краснов Ю.А.* Древние и средневековые пахотные орудия Восточной Европы. С. 128.

47. Сельскохозяйственные машины и орудия в Европейской и Азиатской России в 1910 г. 1913. С. 90.

48. *Кантария М.В.* Экологические аспекты традиционной культуры народов Северного Кавказа. С. 105.

49. *Читая Г.С.* Земледельческие системы и пахотные орудия Грузии // Вопросы этнографии Кавказа. Тбилиси, 1952. С. 110–111; Народы Кавказа. II. М., 1962. С. 235–240.

50. *Калоев Б.А.* Осетины. С. 77.

51. Там же. С. 78.

52. *Джалабадзе Г.В.* Полеводческая культура Грузии (Историко-этнографическое исследование). Автореф. канд. дисс. Тбилиси, 1972. С. 51.

53. *Гаглоева З.Д.* Земледельческие орудия у южных осетин // Изв. Юго-Осет. НИИ. Вып. VIII. Сталинир, 1957. С. 207–208; *Джалабадзе Г.В.* Указ. раб. С. 24; *Бериашвили Л.К.* Полеводство в Месхети (по этнографическим материалам). Автореф. канд. дисс. Тбилиси, 1973. С. 17; *Мегреладзе Д.Г.* Грузинское

крестьянство в XVI–XVIII вв. (по материалам Восточной Грузии). Автореф. докт. дисс. Тбилиси, 1989. С. 21.

54. *Гулиев Г.А.* О пахотных орудиях и системах земледелия в Азербайджане // Азерб. этнографический сборник. Вып. 2. Баку, 1965; *Джавадов Г.Д.* Народная земледельческая техника Азербайджана. Баку, 1989.

55. *Гулиев Г.А.* Земледельческая культура Азербайджана (Историко-этнографическое исследование). Автореф. докт. дисс. Баку, 1968. С. 16–17.

56. *Джавадов Г.Д.* Указ. раб. С. 215.

57. Там же. С. 257, 260. Табл. XXV, XXVIII.

58. *Серебряков И.Д.* Сельское хозяйство в Елисаветпольском уезде. Тбилиси, 1862. С. 103.

59. *Котляревский П.В.* Экономический быт государственных крестьян северной части Кубанского уезда Бакинской губернии // МИЭБГКЗК. Т. II. Ч. 2. Тифлис, 1885. С. 351.

60. Народы Кавказа. Т. II. С. 464.

61. *Сагатов М.* Экономические очерки Эриванской губернии и озеро Гокча. С. 36.

62. *Шопен И.* Исторический памятник состояния Армянской области в эпоху ее присоединения к Российской империи. СПб., 1852. С. 737.

63. Там же. С. 737–738.

64. Например, настоящий адыгский плуг, имеющий свое самобытное название абазины называют, однако, кватан – Народы Карачаево-Черкесии (Историко-этнографические очерки). Ставрополь, 1957. С. 89.

65. *Бериашвили Л.К.* Указ. раб. С. 17.

66. Об этом ср. *Кантария М.В.* Экологические аспекты земледельческой культуры народов Северного Кавказа. С. 109, 110, 118, 130, 131; *Джавадов Г.Д.* Указ. раб. С. 92–94; *Абаев В.И.* Историко-этимологический словарь осетинского языка. М.-Л., 1958. Т. I. С. 527; *Генко А.Н.* О названиях плуга в северокавказских языках // Докл. АН СССР. 1930. № 7. С. 128.

67. Как указывает Т.Д. Алибердов, у адыгов оно «на равнине использовалось для перепашки полей перед севом» – *Алибердов Т.Д.* Указ. раб. С. 110.

68. *Краснов Ю.А.* Древние и средневековые пахотные орудия Восточной Европы. С. 202.

69. См., например, *Краснов Ю.А.* Древнейшие пахотные орудия. С. 18–19. Следует заметить, что сукочатка может быть исходной для обоих видов рал – рукояточного и грядильного: все зависит от того, в какой позиции ветка отходит от ствола, что достигается соответствующим приготовлением заготовки: если основная часть ствола (колоды), выполняющей роль полоза (пяты, ральника) оставлена снизу от естественного положения ветки на дереве, то получается рукояточное орудие, если же полоз образуется частью ствола выше места ответвления на дереве, то это грядильное рало. При оценке ситуации с учетом задумки и сообразительности землепашца, а также объективно-технических возможностей реализации идеи, рукояточное должно было предшествовать грядильному.

70. *Калоев Б.А.* Земледелие народов Северного Кавказа. С. 112.
71. *Лаудаев У.* Чеченское племя. С. 22.
72. *Невская В.П.* Карачай в пореформенный период. Ставрополь, 1964. С. 95.
73. *Калоев Б.А.* Осетины (Историко-этнографическое исследование). С. 75, 76, 118.
74. *Агларов М.А.* Очерк этнографии земледелия Южного Дагестана. С. 219.
75. Там же. С. 220. В наших иллюстрациях рис. 19а.
76. ПМ. 1986. С. 90.
- * Ясно, что «кирка» это позднее новшество и для этой цели использовали орудие местного производства, представляющее собой нечто среднее между киркой и мотыгой, что то вроде среднеазиатского кетменя. Такое орудие использовали для рыхления земли, вскапывания (вспахивания) на малодоступных или очень маленьких участках, куда или нельзя было доставить рало, или не было смысла его доставлять из-за карликовых размеров участка. Оно имело свое название (кацца – дарг.) перенесенное затем на кирку. Мы зафиксировали его у даргинцев, аварцев, оно имело у всех дагестанских и северо-кавказских горцев. – См., например, *Гаджиева С.Ш., Османов М.О., Пашаева А.Г.* Материальная культура даргинцев. Махачкала, 1967. С. 24. Рис. 1, 7; *Калоев Б.А.* Материальная культура и прикладное искусство осетин. Альбом. М., 1973. С. 50, 51. Табл. 5, 6.
77. ПМ. 1986. С. 228, 229 и др.
78. Ср. Материальная культура аварцев. Махачкала, 1967. С. 31, 34. Рис. 6; ПМ. 1977. С. 20, 125, 127 (Сс. Мокок, Гиндух, Никар).
79. *Кантария М.В.* Из истории хозяйственного быта Кабарды. С. 100.
80. *Азаматова М.З.* Указ. раб. С. 253; *Аутлев М.Г., Лавров Л.И.* Указ. раб. С. 14.
81. *Хан-Герей.* Указ. раб. С. 257.
82. Народы Кавказа. Т. I. С. 145, 204.
83. *Алибердов Т.Д.* Указ. раб. С. 109.
84. *Калоев Б.А.* Земледелие народов Северного Кавказа. С. 112–113.
85. *Гарданов В.К.* Общественный строй адыгский народов. М., 1967. С. 63, 64, 72.
86. *Калоев Б.А.* Осетины. С. 75; он же. Материальная культура и прикладное искусство осетин. Альбом. С. 14.
87. *Магомедов А.Х.* Указ. раб. С. 68; Народы Кавказа. I. С. 302.
88. *Кларот Ю.* Путешествие по Кавказу и Грузии, предпринятое в 1807–1808 гг. // Осетины глазами русских и иностранных путешественников. Орджоникидзе, 1967. С. 171; *Гюльденштедт И.А.* Путешествие по России и Кавказским горам // Там же. С. 81.
89. Народы Кавказа. I. С. 349, 376; *Лаудаев У.* Указ. раб. С. 22.
90. *Исаев Т.А.* К вопросу о занятиях населения Чечено-Ингушетии в XVII в. // Изв. Чечено-Ингуш. НИИ ИЯЛ. Т. IX. Вып. 1. Ч. 3. Грозный, 1974. С. 31.

91. *Мамбетов Г.Х.* Указ. раб. С. 48.
92. *Невская В.П.* Социально-экономическое развитие Карачая в XIX в. (пореформенный период). Черкесск, 1960. С. 48; Очерки истории Карачаево-Черкессии. Т. I. Ставрополь, 1967. С. 319; Народы Кавказа. Т. I. С. 245.
93. *Шаманов И.М.* Указ. раб. С. 65–66.
94. *Алиев У.* Указ. раб. С. 6.
95. *Хасиев С.-М.А.* Указ. раб. С. 12.
96. *Калоев Б.А.* Земледелие народов Северного Кавказа. С. 112, 113, 116, 120, 121.
97. *Читая Г.С.* Указ. раб. С. 100, 110.
98. *Джалабадзе Г.В.* Указ. раб. С. 61; Мегреладзе Д.Г. Указ. раб. С. 21.
99. *Бериашвили Л.К.* Указ. раб. С. 17.
100. *Шенников А.А.* О понятии «Этнографический комплекс» // Доклады Геог. общ-ва СССР. Вып. 3. Этнография. Л., 1967. С. 41.
101. Там же.
102. *Читая Г.С.* Указ. раб. С. 110–111.
103. *Читая Г.С.* К вопросу о происхождении абхазских пахотных орудий // Сообщ. АН Груз. СССР. Тбилиси, 1941. Т. 2. № 3. С. 293–294; Это мнение разделяют и авторы сборника – Земледелие и скотоводство у абхазов // Материалы к историко-этнографическому атласу Грузии. Тбилиси, 1986. С. 57.
104. *Читая Г.С.* Земледельческие системы и пахотные орудия Грузии. С. 112. Таблица «Схема развития пахотных орудий Грузии».
105. Народы Кавказа. Т. II. С. 236–237. Таблица «Схема развития пахотных орудий Грузии». Полностью поддерживает классификацию Г.С. Читая и приводит в своей книге его таблицу орудий и известный грузинский агроэтнограф *Н.А. Брегадзе* – Очерки по агроэтнографии Грузии. Тбилиси, 1982. С. 81–84.
106. *Джалабадзе Г.В.* Полеводство в Сванети (Резюме) // К этнографическому изучению Сванети. Тбилиси, 1975. С. 35; он же. Полеводческая культура Грузии. С. 24, 29, 47, 51, 60, 61; *Гаглоева З.Д.* Указ. раб. С. 207.
107. *Дубровин Н.* История войны и владычества русских на Кавказе. Т. I. Кн. 2. Закавказье. СПб., 1871. С. 7.
108. *Чанба Р.К.* Земледелие в дореволюционной Абхазии (XIX – нач. XX в.). Автореф. канд. дисс. Л., 1971. С. 14.
109. *Бжания Ц.Н.* Из истории хозяйства и культуры абхазов. Исследования и материалы. Сухуми, 1973. С. 151–152, 181.
110. *Джавадов Г.Д.* Указ. раб. С. 76.
111. Народы Кавказа. II. С. 236–237. Таблица.
112. *Джалабадзе Г.В.* Указ. раб. С. 40.
113. Там же.
114. Народы Кавказа. Т. II. С. 465. Таблица «Разновидности пахотных орудий». См. так же. *Бдоян В.А.* Земледельческая культура в Армении. Автореф. докт. дисс. Тбилиси, 1968. С. 61 сл.
115. *Сагатов М.* Указ. раб. С. 36–37.

116. Джавадов Г.Д. Указ. раб. С. 80, 233 (Табл. I, № 1–3), 234 (Табл. II, № 1), 235 (Табл. III, № 1).

117. Серебряков И. Сельское хозяйство в Елисаветпольском уезде. С. 109. В другом описании «хыш» определен как «деревянный крюк», к одному концу привязывают животных, «другой более короткий, бороздит землю, разрывая ее, но не отваливая и не переворачивая пласта» – Весь Кавказ. Составил и издал Шапсович М.С. Баку, 1914. С. 26.

118. Гулиев Г.А. Земледельческая культура Азербайджана. С. 17.

119. Народы Кавказа. Т. II. С. 239–240 (автор раздела Читая Г.С.).

120. Османов М.О. Некоторые вопросы изучения хозяйственно-культурных типов // СЭ, 1991. № 2. С. 58.

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

ГЛАВА III.

СИСТЕМА ЗЕМЛЕДЕЛИЯ (ПОНЯТИЕ, ХАРАКТЕРИСТИКА, ПОДВИДЫ)

Вопрос о системе земледелия, о понятии и содержании системы, и, наконец, о определении и формулировке, представляется, на первый взгляд, менее затруднительным, чем проблема типа земледелия. Во-первых, имеется давно сложившееся в практике и литературе понятие системы и ее определение. Во-вторых, имеется много описаний системы, много терминологических разработок и классификаций, и это, естественно, представляет неплохие стартовые возможности и исследовательский фон для дальнейших изысканий.

К сожалению, эти плюсы проблемы в известной мере являются и минусами, т.к. порождают новые вопросы и неясности, разночтения и трудности, связанные с несовпадением определений, нечеткостью, а порой и множественностью или противоречивостью приводимых признаков феномена, приводивших, в свою очередь, и к недостаточной аргументированности и несовпадением в классификациях, к большому разнообразию перечней систем земледелия. Поэтому слово «описаны» подходит в данном случае больше чем «исследованы». Недостатки в изучении систем земледелия во многом были вызваны разными методологическими подходами исследователей, занимавшихся этим вопросом, отсутствием единого понимания содержания и даже формулировки системы.

При изучении типов земледелия мы сделали попытку расширить, хотя бы отчасти, в небольшой степени, некоторые из имеющихся проблем относительно системы земледелия, однако остается еще немало нерешенных вопросов, неясностей, противоречий. В частности еще предстоит окончательно прояснить вопрос о четкой разделительной грани между системой и типом земледелия; остаются определен-

ные неясности (недоговоренности) относительно точного определения сущностного содержания системы (использование, восстановление, сохранение, повышение плодородия почвы или производительности пахотного угодья? и т.п.) Это касается и определения классификационного места террасостроительства между типом и системой земледелия, а также и в отношении подсечного земледелия. В процессе исследования также возник и пока не решен вопрос о сущностной (содержательной и функциональной) и компонентной роли ирригации в системе земледелия, которая отвергается отдельными исследователями.

Как говорится, многое достаточно ясно, но и неясностей хватает. С одной стороны мы имеем сложившееся представление о совокупности действий земледельцев, имеющих целью наилучшим способом использовать свои имеющиеся ресурсы, средства производства да получения хороших результатов своей земледельческой работы, не повредив им при этом, не истощив потенциальные возможности этих средств, в первую очередь угодий. Эта совокупность действий получила определенное место в земледельческой отрасли и нет никаких оснований менять ни нарицательное имя (определение) совокупности, ни названий ее разновидностей, классифицированных по набору и сочетанию отдельных действий.

Однако, между существующими в практике и народной (и отчасти и книжной) традицией понятием и номинацией (терминологии) системы с одной стороны и научным толкованием этого феномена – с другой, сложились определенные несоответствия, противоречия, существуют несогласованности и даже прямо противоположные мнения относительно содержания понятия, системообразующих критериев и соответственно перечня самих систем.

Отсутствие четкости в определении целевого содержания системы привело соответственно к расхождениям в понимании и определении компонентной структуры, что приводит нередко к расширительному, размытому ее пониманию и толкованию. В частности, отсутствие в описаниях, вообще в науке такой категории земледельческой культуры как «тип земледелия», привело к включению в содержание системы отдельных компонентов типа, например террасостроительства.

По-видимому, положение с уточнением содержания понятия и перечня систем надо будет постараться решить с помощью четкого выделения признаков-критериев на фоне (и базе) существующих в земледельческой и научной практике самих систем земледелия, по возможности не затрагивая существующей номинации, лишь уточняя степень соответствия как общего названия (определения), так и наименований отдельных систем, общей заданности системы земледелия как земледельческого действия с определенно поставленной целью.

Для этого, не вступая в область догадок и предположений, надо попытаться уяснить себе какую же цель преследовал земледелец, занимаясь всеми этими мероприятиями, касающимися в основном, способов использования имеющихся пахотоспособных угодий. Речь не идет об общей, конечной цели – тут все ясно – получить возможно больший урожай, больше конечного продукта. Речь идет о том, какого конкретного результата добивался земледелец, оставляя землю под перелог или пар, – ведь конечный результат в этом случае не улучшается, он даже что-то теряет, имея в виду объем урожая на данный момент. Иными словами вопрос о определении содержания и номинации системы земледелия во многом зависит, по нашему мнению, от выяснения целевого содержания системы.

С момента перехода от экстенсивного «сплошного» земледелия, когда земледелец вместо многолетней распашки имеющихся угодий, созданных подсекой или освоением целины, начинает предоставлять «отдых» своим участкам, с тем, чтобы через определенный промежуток времени снова к ним вернуться (если нет массивов целины или леса для почти бесконечного освоения), с этого времени совершенно явно проглядывает цель земледельца, которой он добивается при пользовании своими пахотоспособными угодьями – он хочет восстановить (или сохранить) плодородие почвы, сделать ее такой-же, какой она была при первоначальной распашке. А что это достигается именно подобным образом (варьированием), ему должен был подсказать свой собственный опыт земледельца.

Обратим внимание – земледелец пока что не предпринимает никаких специальных действий, он только манипулирует наличными пахотоспособными участками, он придумывает разные комбинации их поочередного использования, т.е. варьирует степень, интенсив-

ность, очередность посезонного (или погодного, многолетнего) за- действия, утилизации своих угодий.

Таким образом, оказывается, что применяется определенная система использования пахотных угодий для того чтобы восстановить или сохранить плодородие почвы этих угодий. Естественно, что в ходе такого манипулирования земледелец мог произвести и такие действия, которые призваны и повысить плодородие. В процессе осуществления разных комбинаций с землей (участками) призванных сохранить и особенно восстановить плодородие, вполне может возникнуть ситуация при которой стирается грань между «сохранить» и «восстановить» – с одной стороны, и «повысить» – с другой. Так мы проходим к положению, что система земледелия заключается прежде всего в определенных способах (методах) использования пахотоспособных угодий, (в варьировании очередности) угодий, призванных сохранить, восстановить, повысить плодородие их почв. Именно близостью этих понятий, обозначающих результат функциональным превращением последних одного и другой в земледельческой практике, и вызван разницей в определении основной задачи системы земледелия в отношении изменения плодородия почвы.

Остановимся на этом (варьировании) более подробно. К сожалению, этот аспект системы земледелия и способов воздействия на плодородие почти не ставился в литературе. В отраслевом словаре содержание системы земледелия рассматривается как «комплекс взаимосвязанных технологических, мелиоративных и организационно-экономических мероприятий, направленный на эффективное использование земли, восстановление и повышение плодородия почвы получение высоких и устойчивых урожаев сельскохозяйственных культур»¹. Таким образом, в систему включены три задачи-действия: эффективное использование земли, восстановление плодородия почвы, получение высоких и устойчивых урожаев. Рассмотрим эти действия.

Для крестьянина главным является получение урожая, причем не один год, а постоянно. Поэтому в формулу эффективного использования земли надо внести поправку – эффективного и рационального, так как крестьянину необходимо принимать меры для того, чтобы эффективность использования была долгосрочной, иначе можно в один год выжать из земли все соки (эффективно?), но лишиться возможности получать с нее урожаи в последующие годы.

Неопытный крестьянин (или бедный, которому нужен скорый урожай) засеет весной участок яровой скороспелкой (например, просом); а осенью – озимой пшеницей. Опытный – оставит участок под пар и осенью тоже засеет озимью. Первый получил два урожая, и истощил почву, на следующий год она уже малопродуктивна, второй получил урожай в меньшем объеме, причем более качественным зерном, и оказался и в экономическом выигрыше, и землю сохранил в нормальном плодородящем состоянии. Уже из этого примера практического земледелия* ясно, что крестьянин думает при своем земледельческом занятии, при обработке земли прежде всего о высоком урожае, с одновременным сохранением плодородящих качеств угодия.

Однако уже первые опыты земледельческой практики показали ему, что для того, чтобы иметь урожай каждый год, чтобы он был устойчивым (погодно, на годы), необходимо заботиться о сохранности плодородия земли и для этого надо давать ей передышку, «отдых». Поэтому-то, первой осознанной системой для земледельца стал перелог, переходящий при недостатке земель в залежь.

Идея удобрения навозом возникла позже, она могла созреть стихийно, при использовании перелогов в качестве выгонов для скота – эффект урожайности, получаемый при этом вполне мог навести на мысль о специальном нанесении навоза на вспахиваемые поля. Точно так же могла сложиться подсечно-огневая система – от положительного эффекта урожайности освобожденных от лесной растительности лесными пожарами участков земли.

Таким образом, первым действием земледельца в своем стремлении иметь устойчивые урожаи была замена истощенных участков другими, не использованными для распашки, и использованными, но затем заброшенными. Иными словами, для получения хорошего урожая земледелец варьирует использование имеющихся у него пахотных (и пахотоспособных) угодий таким образом, чтобы использованный участок отдохнул, а «отдохнувший» был использован для посева и получения урожая.

*Пример привел в своем рассказе опытный потомственный хлебороб из сел. Губден Х.-Г. Гашимов, в качестве иллюстрации преимущества применения паровой обработки земли.

Почему-то, во всех определениях или формулировках системы земледелия не указывается этот важнейший элемент системы, без него и системы – то, собственно, не существует.

Варьирование ставит цель иметь в наличии пахотный участок, с достаточными для получения устойчивого урожая плодородящими возможностями почвы. С этой же целью используется и удобрение. Следовательно, есть главная цель – получение высокого урожая, но чтобы сделать его устойчивым, удерживающимся на средне-нормальном уровне в последующие годы, необходимо поддерживать на определенном уровне и плодородящие возможности наличных используемых угодий.

Первая возможность для этого – варьирование использования участков по: сезонам (и годам).

Теперь подходит очередь важного вопроса и действиях земледельца, имеющих отношение к плодородию почвы, т.е. конкретных производственных операциях. Но эти операции должны быть связаны с теми способами комбинаций и манипуляций с участками угодий, призванными воздействовать на состояние плодородия почвы, т.е. они должны выступать как взаимосвязанные способы (методы) восстановления (сохранения, повышения) плодородия почвы.

Поскольку основной операцией является методика (способы) и степень интенсивности использования земли (варьирование) для воздействия на плодородие, то остальные, дополнительные действия не должны выходить за эти обозначенные пределы, в частности, они не должны вторгаться в сферу земледельческого цикла, являющегося технологической реализацией главной задачи земледелия – возделывания культурных растений для получения урожая, т.е. продуктов для земледельца.

Во многих определениях приводится довольно большой перечень этих действий – технологические, мелиоративные (отдельно еще орошение), организационно-экономические, а также повышение производительности почвы. Большинство из них, характеризующиеся стремлением к обобщающим объемным определениям, сформулированы представителями сельскохозяйственной науки.

Будет целесообразным, если имея в виду высказанное выше положение о взаимосвязанности мероприятий по осуществлению системы, начать с тех из них, которые сущностно, по своему содержа-

нию, функциональному назначению органически взаимосвязаны с операциями по варьированию использования земель для воздействия на плодородие угодий. Большинство исследователей почти единодушны во мнении, что основным целевым содержанием системы земледелия является воздействие на плодородие почвы, но различаются в суждениях о том, как, какими способами, методами осуществляется это воздействие.

Так, например, один из серьезных исследователей системы (систем) земледелия, А.А. Шенников, отразил эту мысль в наиболее четкой и категоричной форме: система земледелия – «совокупность мероприятий по восстановлению плодородия почвы земледельческих угодий»². Все другие имеющиеся и возможные добавления, исправления, дополнения, уточнения и т.п. автор решительно отвергает. Классификация по орудиям механической обработки (мотыжное, плужное), по числу полей находящихся в обороте (например, трехполье, причем сам термин «трехпольная система», он называет «безграмотным»), севооборот (если он без удобрения и перелога), водный режим (орошение), борьба с сорняками, состав культур, даже «его величество» пар категорически отвергаются, т.к. классификации «по признакам, не связанным с восстановлением плодородия пригодны лишь для выделения второстепенных разновидностей»³. Причем А.А. Шенников настаивает на формулировке именно восстановления плодородия, и паровая обработка отвергается потому, что она «лишь замедляет падение плодородия», а восстанавливает лишь в сочетании с удобрением, или перелогом. «Главная задача пара - борьба с сорняками и накопление влаги в почве»⁴. Однако один из главных выводов А. Шенникова о том, что система земледелия – «элемент технологии, ее эволюция не связана ни с развитием механической обработки земли, ни со сменой социально-экономических формаций»⁵ представляется нам вполне логичным и правомерным.

Тем не менее, жесткая позиция автора в отношении градуированности воздействия на плодородие почвы (восстановление) сильно суживает целевое содержание системы земледелия. Ведь в литературе, и в сельскохозяйственной, и в этнографической, и просто в русском языке, быту, обиходе прочно утвердились такие понятия как паровая система или трехполье.

Послушаем специалистов сельского хозяйства: пар – «поле севооборота, не занимаемое посевами в течение всего (или части) вегетационного периода и содержащееся в рыхлом и чистом от сорняков состоянии». «Эффективное агротехническое средство накопления в почве влаги, повышения ее плодородия (!), борьбы с сорняками, увеличения урожайности всех культур севооборота. Чистый пар свободен в течение всего вегетационного периода. Его появление связано «с переходом от переложной системы земледелия к паровой»⁶

Типичным для нее в России названо трехполье (!) – пар, озимые, яровые⁷.

Весь, известный нам опыт дагестанского (особенно) и отчасти кавказского земледелия, все полевые материалы говорят в пользу того, что формулировка восстановление плодородия почвы носит слишком жесткий характер, ограничивает полноту и емкость определения системы, и потому требует определенной коррекции. Нельзя, невозможно исключить из практики и истории земледелия, из перечня систем, номенклатуры, номинаций паровую систему или трехполье (существовавшие веками и почитавшиеся за системы земледелия) только потому, что они не восстанавливают (относительно!) плодородия почвы. Возможно поэтому некоторые исследователи кавказского земледелия (например, Г. Джавадов) в дополнение к «восстановлению плодородия» решили добавить повышение производительности почвы (угодий, участка)⁸. Формула «повышение производительности» позволяет без оговорок включить в содержание системы орошение, важнейший компонент интенсивного земледелия, особенно азиатского и восточного (об этом ниже).

Зато, как мы видели очень большое значение А.А. Шенников придает удобрению почвы, столь большое, что в зависимость от этой операции ставит само существование системы земледелия, классификацию ее разновидностей. Поэтому, например, он делит системы на три группы: 1) переложные, 2) с удобрением и 3) их комбинации, и даже на удобрительные и неудобрительные⁹. Позволим себе заметить по этому поводу, что его группа «переложные» сложилась не в результате удобрения или неудождения, а возникла в процессе стихийного первоначально варьирования наличных пахотоспособных угодий. Конечно удобрение непосредственно влияет на состояние плодородия почвы, оно является одним из важнейших элементов земле-

дельческой культуры, что признается почти всеми исследователями (и практиками, разумеется). Таким образом, первым из мероприятий, имеющих производственный характер, и предусматривающим не просто варьирование использования угодий, а активное вмешательство человека в земледельческий процесс, в технологию производства, включенным в компонентную структуру системы земледелия, по справедливости оказывается удобрение почвы.

Однородность сущностного содержания и заданности удобрения с главным содержанием системы земледелия, обращенной на улучшение состояния плодородия почвы делает это заключение оправданным. И если даже не быть столь категоричным как А. Шенников и не заходить столь далеко как он, следует признать, что в структуре системы земледелия, ее содержании, вариативности, системодифференцирующих возможностях удобрению принадлежит одно из важных мест. Поэтому этот компонент земледелия должен занять одно из важных мест в типологической структуре системы земледелия, как по своему содержанию, так и дифференцирующей (и интегрирующей на систему) роли и значению.

Другой элемент земледельческой культуры, имеющий прямое (или косвенное) отношение к системе земледелия, это орошение (иригация). Оно также отвергается А.А. Шенниковым (по его терминологии «водный режим») в качестве «полноправного» компонента системы земледелия. На первый взгляд, в этом вопросе, кажется, у него больше оснований для неприятия, исключения его из обоймы компонентов системы. Однако многие исследователи придают ему очень важное значение, даже выделяют оросительные системы земледелия. Надо сказать, что позиции ученых по данному компоненту разграничиваются весьма характерным образом: занимавшиеся земледелием стран (народов), например, Азии с традиционно сложившейся высоко развитой культурой орошения уделяют ему большое внимание и придают важное значение в структуре системы земледелия (например, Б.В. Андрианов, Я.В. Чеснов, И. Мухитдинов, Г.Д. Джавадов), и, например, исследующие земледелие регионов со слабыми традициями орошения, посвящают ему гораздо меньше места, а в связи с системами земледелия вообще не упоминают (А.А. Шенников, В.М. Суринов, В.В. Когитин).

Мы уже ссылались на вполне резонное замечание отдельных исследователей (Я.В. Чеснов), что принятое определение (и понятие) системы земледелия больше основывается на материале и опыте восточноевропейского земледелия (и традиционного русского), «и отражает поступательное развитие земледелия в этом районе»¹⁰, в котором большое место занимали перелог, залежь, подсека, и почти не было ирригации. Поэтому в существующих определениях системы, перечнях систем, орошение не было отражено, не нашло места.

Однако, в связи с включением орошения в структуру системы земледелия возникают другие трудности. А. Шенников не случайно игнорировал орошение при постановке вопроса о системе земледелия, ведь по существу оно не является средством, воздействующим на плодородие почвы; можно довести почву поливом до состояния трясины, болота, но плодородящих возможностей это не увеличит, хотя и будет способствовать росту зеленой массы, в т.ч. сорняков. Пример довольно убедительный – орошение, вода не оказывает прямого воздействия на плодородие почвы. В принципе это так и есть. Но тот, кто видел погибающие в летний зной посевы кукурузы, а рядом зеленые поля политой кукурузы с мощными зелеными стеблями должен понимать, насколько способствует увеличению плодородящих возможностей почв орошение. Что такое плодородие? «Совокупность свойств почвы, обеспечивающих урожай сельскохозяйственных растений», или еще определеннее: плодородный включая плодородность, плодородие трактуется как «способный производить богатую растительность, давать обильный урожай(!)¹¹».

Но если так, вода один из важнейших элементов почвы, обеспечивающая плодородящие возможности почвы, какой еще элемент почвы превосходит воду в этом отношении? А если вода с илом? Ведь существует общеизвестная и общепризнанная лиманная система земледелия использующая заливные пойменные земли, на который благодаря этой самой воде обеспечено не только увлажнение, но и удобрение, поскольку вода содержит соли. Очень часто, особенно в лиманном земледелии это не просто вода, это вода с илом, т.е. фактически раствор удобрений. По подсчетам специалистов в иле содержится в зависимости от пород, через которые просачиваются и проходят воды реки: калия – 0,13–0,64%, фосфора – 0,12–0,5%, азота – 0,17–2,16%, карбонатов кальция и магния 5–15%¹². И потом, доста-

точно элементарных знаний о выращивании сельскохозяйственных культур, особенно в местах с недостаточной увлажненностью, чтобы иметь представление о роли ирригации в прибавлении урожая, главной цели и результатны системы земледелия.

Думается, что из этой противоречивой ситуации остается один выход – ввести в понятие и структуру системы земледелия пункт о повышении не только плодородия почвы, но и ее производительности, и отказавшись от слишком жесткого «прокрустового ложа» шенниковского понимания формы и степени воздействия на плодородие почвы, выбрать компромиссную и более приемлемую с нашей точки зрения формулировку – поддержание среднего уровня плодородия почвы и производительности угодия (участка). Но поскольку производительность почвы повышалась и другими способами, имеющими отношение к земледельческому циклу (например, прополка, прореживание, мотыжение), надо постараться произвести введение этого пункта с четко акцентированной оговоркой. Разумеется, если бы не такое существенное значение ирригации в содержании и дифференцировании системы земледелия, можно было-бы столь не утруждаться и не усложнять содержание, определение и понимание формулировки системы земледелия. Но дело именно в том, что ирригация может менять структуру системы земледелия, поскольку существенно увеличивает реализацию плодородящих возможностей угодий.

Особенно справедливо это замечание относительно земледелия регионов, областей находящихся в пределах аридной зоны, каковыми являются многие земледельческие регионы Кавказа, в т.ч. и особенно Дагестан.

Однако не будем при этом забывать и другой стороны: в отличие от варьирования использования; участков, орошение и даже удобрение не всенепременный компонент системы, а как бы элемент второго порядка, носящий добавочный, дополнительный, дополняющий характер. Одна из наиболее распространенных в прошлом, древнейшая система – переложная, и особенно переложно-залежная характеризовалась, как известно, полным отсутствием орошения и удобрения. Поэтому главным в системе, ее основой является варьирование во времени и пространстве (посезонно, погодно) интенсивности использования в земледельческом производстве фонда (совокупности) пахотных и пахотоспособных угодий (участков) земледельца.

В итоге этих предварительных замечаний, напрашивается вывод, что в системе земледелия главным является получение устойчивого (высокого, средне-нормального) урожая на протяжении нескольких лет, и главными средствами (действиями) для достижения этой цели служат использование пахотных (пахотоспособных) участков с поддержанием среднего уровня их плодородящих возможностей (ресурсов) и производительности посредством пространственно-временного (сезонного) варьирования интенсивности их утилизации, а также искусственного удобрения и ирригации. Однако не будем торопиться с окончательным определением и будем считать эту формулировку пока что рабочей гипотезой, предварительной прикидкой, которую можно уточнить после рассмотрения всех систем земледелия, а также разных точек зрения по этому вопросу в литературе.

Чтобы уяснить, уточнить критерии идентификации систем земледелия, определить их компонентную структуру, четко отделяющую их от других критериев сельскохозяйственной отрасли (земледельческой культуры), обратимся к основным определениям систем земледелия, к тем из них, которые относятся к общепринятым или отличаются постановкой вопроса, выбором критериев и компонентной наполненностью, перечнем самих систем. Следует сказать, что несмотря на излишнюю детализированность и отдельные ошибки методологического характера, больше преуспели в этом отношении представители сельскохозяйственной науки. Остановимся на некоторых определениях. Н.П. Макаров считает, что система земледелия является одновременно и агрономической и организационно-экономической категорией, соответствующей местным природным агротехническим и социально-экономическим условиям¹³. Вспомним, что А.А. Шенников считает систему земледелия элементом технологии, не связанной с социально-экономическими формациями¹⁴. Другой автор (С.А. Воробьев) в качестве критерия определения системы предлагает степень интенсивности использования сельскохозяйственных угодий, а В.М. Слободин, выдвигает на первый план прогресс земледельческой техники, совершенствование материально-технической базы¹⁵. И у этого и многих других авторов советского времени, особенно представителей сельскохозяйственной науки, наблюдается эта тенденция – увязывать вопрос о системе земледелия со степенью механизации сельского хозяйства. Из других отметим определение В.П. Нарциссова,

наименее «социализированное» и политизированное из всех, предложенных представителями сельскохозяйственной науки. Кроме того, следует учесть, что ему принадлежит чуть-ли не единственная монография, посвященная специальной научной разработке систем земледелия¹⁶. Приведем его определение: система земледелия «комплекс агротехнических, мелиоративных и организационных мероприятий по наиболее продуктивному и рациональному сельскохозяйственному использованию земли, повышению ее плодородия и улучшению условий развития посевов»¹⁷. Подчеркнем главные моменты: комплекс организационных и агротехнических действий по рациональному и продуктивному использованию земли, повышение плодородия, улучшение условий посевов, т.е. три главных момента. И последнее (обобщающее) из определений этой группы: «комплекс взаимосвязанных технологических, мелиоративных и организационно-экономических мероприятий, направленных на эффективное использование земли, восстановление плодородия почвы, получение высоких и устойчивых урожаев сельскохозяйственных культур»¹⁸. Главные моменты в этом определении во многом повторяют основные стороны предыдущего определения, возможно даже прямое влияние на него формулировки В.П. Нарциссова. Здесь тоже речь идет о комплексе мероприятий, однако имеется важное дополнение о их взаимосвязанности (важное условие типологизации), и о их также (одновременно) экономическом характере; мероприятия также преследуют цель эффективного использования земли, однако относительно плодородия земли добавлен пункт о ее восстановлении, и вместо улучшения условий развития посевов стоит условие получения высоких и устойчивых урожаев. Таким образом, последнее определение более расширенное (и расширительное) в нем, наряду с важным пунктом о взаимосвязанности действий и восстановлении плодородия, имеются моменты, которые скорее относятся к земледельческому циклу.

Теперь обратимся к определениям этнографов.

Относительно кавказоведческой литературы: мы уже упоминали работы В.К. Гарданова, Б.А. Калоева и др., в которых приводятся отдельные перечни систем земледелия, но нет самого определения системы, и следовательно, раскрытия его понятия и содержания. Мы приводили пример с несовпадением перечней систем земледелия в тексте книги и картах – приложениях в книге Б.А. Калоева, вызван-

ном именно отсутствием определения понятия и содержания. Та-же картина в дагестановедческой литературе: мы упомянули почти всех дагестанских авторов, касающихся систем земледелия, и ни в одной из работ (в т.ч. и нашей) не нашли определения системы. Даже в специальной работе, посвященной системе ведения сельского хозяйства, не говорится ничего о системах земледелия, их содержания, не приводится даже перечень, и авторы ограничиваются упоминанием некоторых из них (севооборот, многополье)¹⁹.

Свою постановку и решение проблемы предлагает М.В. Кантария. Отдельные приемы ведения земледелия она называет технологиями и включает в них наравне с подсекой и обработку почвы.

Систему земледелия она определяет как форму земледелия, а в технологию включены способы и средства, которыми осуществляется форма или система, т.е. то, что обычно принято называть работами земледельческого цикла²⁰. Отметим, при этом, что М.В. Кантария выдвигает положение о том, что система земледелия детерминирует ХКТ, в чем мы имели возможность убедиться на примере дагестанского материала. Однако и она не избежала общего заблуждения кавказской этнографии относительно террасного земледелия: «террасная система земледелия является древнейшим достижением культуры человечества»²¹. Характеризуя конкретно земледелие центрального Кавказа она пишет, что оно «базировалось на террасно-подсечной системе земледелия, которая имеет четко сформированную структуру»²². К сожалению, в этой структуре оказались весьма разнородные компоненты, которые могут быть соотнесены и с типом земледелия, и с системой и даже земледельческим циклом. Это— «компоненты: 1) подсечное хозяйство, 2) террасирование, 3) способы удобрения, 4) севооборот или чередование культур, 5) пахота».

Таким образом, в одну систему земледелия введены элементы других систем и типа земледелия, к ним еще добавлены орошение и даже мотыжная культура²³. Рискавя повториться, напомним, что такая разномастность (и разнокалиберность) вызваны нечеткостью определения понятия и содержания системы и типа земледелия, нечеткостью представления о их структурообразующих компонентах.

Еще один пример неудачного, громоздкого и запутанного определения другого автора: «система земледелия в Месхети, представляющая сумму рационального труда человека в конкретных природ-

но-хозяйственных условиях. Отдельные компоненты этой системы – почвы, сорта зерновых, производственные навыки, орудия труда, формы организации труда и производственные отношения, рациональные и иррациональные мероприятия в совокупности составляющие целостную систему земледелия». Очень подробно, но совершенно бессистемно²⁴. Более взвешенные определения мы находим у азербайджанских исследователей. Так, например, Г.А. Гулиев, констатируя многообразие систем, добавляет, что все они «служили восстановлению производительности почвы и рациональному использованию земли»²⁵. Примерно такой же точки зрения придерживается и Г.Д. Джавадов: «Правила пользования почвой, агротехнические меры, применяемые для повышения производительности почвы с сохранением ее плодородия и составляют земледельческие системы»²⁶ (одно из адекватных, наверное, определений).

Возможно, в определении сказались погрешности перевода, т.к. в начале предложения более уместно (и верно) будет сказать «правила пользования землей», а дальше, действительно, речь должна идти о почве. Таким образом, в этой формулировке меняются целевые акценты действий – повышается производительность, а плодородие только сохраняется, но вот «правила пользования землей» это, по-видимому, именно то, что входит в содержание системы земледелия. Вместе с тем, автор считает необходимым добавить, что «правила обработки почвы порождались общественно-экономической структурой эпохи», что немалую роль в развитии систем играли «естественно-географические условия и почвенный покров». Бесспорно, справедливым является замечание автора, что народный опыт и развитие сельскохозяйственной науки «требуют, чтобы земледельческие системы соответствовали конкретным условиям каждого региона, каждой зоны»²⁷.

Такое небольшое внимание кавказоведов к определению системы, ее содержанию и классификации систем необъяснимо, особенно для грузинской этнографической школы, характеризующейся не только высоким научным исследовательским уровнем, но и тщательностью и скрупулезностью этнографических изысканий. Возможно, кавказоведы полагали, что системы земледелия не объект и не тема для этнографических поисков, что в той или иной мере, в какой она представляет интерес для этнографии, она уже изучена, разработана,

на базе восточно-европейской земледельческой культуры, и надо лишь, там, где это необходимо, пользоваться плодами этого изучения.

Однако вполне возможно, что вопрос достаточно освещен и исследован в этнографической литературе на национальных языках, к сожалению, недоступной для нас.

Однако и в русской этнографической литературе системе, вернее ее определению, компонентному содержанию и классификации уделено немного внимания. Даже в работах Д. Зеленина, безусловного классика этнографической литературы по аграрной истории России, в которых подробнейшим образом расписаны системы земледелия в России, их распространение, перечень, эволюция и т.п., нет определения системы, аргументированной, основанной на четких критериях классификации систем²⁸.

Один из маститых представителей отечественной этнографической школы С.А. Токарев дал очень простое определение рассматриваемого феномена: «под системами земледелия разумеются различные способы использования земли под посевы растений»²⁹.

Использование угодия действительно входит в содержание системы, но это использование свойственно земледельческой отрасли в целом, иначе не было-бы ни системы, ни самого земледелия, поэтому следовало бы, наверное, говорить о формах, методах, специфике этих «способов». Например, способы использования для получения урожая, главной цели системы земледелия, посредством воздействия на состояние почвы угодия, ее плодородящие свойства, возможности.

Затем следует полоса определений аграрной науки советского периода, о которых уже говорилось³⁰. Одно из наиболее удачных в научном отношении определений содержится в историко-этнографическом атласе «Русские»: «Под системами земледелия мы понимаем комплекс агротехнических мероприятий, направленных на поддержание и повышение плодородия почвы. Системы земледелия тесно связаны с уровнем развития производительных сил, природными и экономическими условиями и изменяются с изменением способов общественного производства»³¹. Таким образом, в определении указано главное в системе – воздействие на плодородие почвы, остальное можно считать, в известном смысле, данью времени.

Однако, в вышедшей сравнительно недавно капитальной работе с тем же названием «Русские», мы не смогли найти в соответствующем

разделе определения системы, хотя сами системы (по автору – паровая, лесопольная, залежная) выписаны отлично, довольно тщательно и подробно³².

Я.В. Чеснов указывает на другие аспекты содержания системы. В его позиции основная идея заключается в том, что, в общем-то, принятое этнографами определение системы земледелия «как суммы агротехнических мероприятий, направленных на поддержание и увеличение плодородия почвы – узко». Подчеркнув, что основанная на этом признаке и принятая у нас классификация систем земледелия (подсечно-огневая, залежная, паровая, плодосменная) построена на восточно-европейском материале и отражает поступательное развитие земледелия в этом районе³³, он призывает рассматривать системы земледелия с учетом «исторических традиций земледелия, его географического разнообразия, демографических факторов и, самое главное, социальных условий»³⁴. Конкретно он называет, в частности, особенности орошения, демографическую ситуацию, социальное неравенство земледельцев, считает, что система земледелия как исторически сложившийся феномен обнаруживает черты «единообразия и устойчивости во времени и пространстве, что проявляется в частности, в сохранении консервативных традиционных черт, даже вопреки экологической целесообразности»³⁵. Таким образом, признавая основной признак системы – действия по восстановлению плодородия, Я.В. Чеснов предлагает учитывать при этом историческую и культурную традицию, локальную географию, демографическую и социальную ситуацию. Правда, разработанного определения он не предлагает и эта совокупность дополнительных факторов остается на уровне пожеланий. В дальнейшем мы попытаемся рассмотреть эти факторы в конкретных ситуациях определения понятия и содержания системы земледелия. Отметим только, что у Я.В. Чеснова не совсем совпадает с «шенниковским» пункт о воздействии на плодородие почвы. Если у того речь шла о восстановлении плодородия, то у Я.В. Чеснова о поддержании и увеличении плодородия. Об этом нам придется вспомнить при уточнении единого основания идентификации системы.

Весьма близко к позиции А. Шенникова понимает систему земледелия известный знаток земледельческой культуры Ю.А. Краснов, определяющий систему как «совокупность организационных и агро-

технических мероприятий» направленных на использование, поддержание и повышение плодородия почвы»³⁶.

Определение достаточно справедливое и привлекает своей краткостью и четкостью. Несколько неожиданным выглядит в комплексе мероприятий (т.е. действий) неопределенное, неактивное по содержанию словосочетание «использование плодородия почвы». Однако это вполне закономерно, и оно не случайно стоит на первом месте. Ведь «использованием плодородия» и является пространственно-временное (посезонное, годовое) варьирование использования пахотоспособных угодий, о котором говорилось выше как первом и важнейшем действии земледельца в комплексе мероприятий, составляющих систему земледелия.

И, наконец, приведем определение, которое, как и формулировка из сельскохозяйственного энциклопедического словаря для представителей сельскохозяйственной науки, является как-бы последним и обобщающим. Речь идет о определении из свода этнографических понятий и терминов. Оно довольно лаконично и звучит вполне обнадеживающее: «характер и степень интенсивности использования земли, методы восстановления и повышения плодородия почвы»³⁷. Эта формулировка представляется более удачной, объединенные в этом определении моменты – характер использования земли, восстановление и повышение плодородия, представляются наиболее универсальными и строго ограниченными, замкнутыми именно на системе земледелия, т.е. на том комплексе (или совокупности) мероприятий, который называется системой земледелия.

К определению А.А. Шенникова мы обращались уже не раз, и это объясняется тем, что оно является наиболее характерным для этнографической науки, и что важно – четким и недвусмысленным по содержанию. В нем отчетливо выражена основная мысль, главное основание идентификации, и на этом едином основании производится типизация, не допускающая разночтений и отклонений. При этом, что представляется нам особенно важным, он решительно выступает против расширительных толкований ученых сельскохозяйственников и отдельных этнографов (например, В.М. Суринова)³⁸. Напомним его определение: «совокупность мероприятий по восстановлению плодородия почвы земледельческих угодий». Поэтому он отрицает причастность к системе земледелия таких компонентов как водный режим,

борьба с сорняками и т.п., которые не имеют, по его мнению, прямого отношения к восстановлению плодородия³⁹.

Однако, объясняя в другой работе рост стойлового содержания скота, А. Шенников связывает его с ростом потребности в навозе, вызванном «развитием паровой системы (!) земледелия», а главная причина «роста паровой системы» в увеличении плотности населения⁴⁰.

Что это не случайная оговорка, подтверждается его утверждением еще в одной статье, в которой он связывает «распространение стойлового содержания» с потребностью в интенсификации земледелия, распространением паровой системы земледелия (!) и трехполья (!). С одной стороны в содержание системы нельзя включать ни пар, ни тем более трехполье (вспомним его слова: термин «трехпольная система» – безграмотен), но с другой стороны именно они – паровая система и трехполье являются двигателями и выразителями интенсификации и прогресса земледелия⁴¹.

Следовательно, паровая система по А. Шенникову существует, но только если, пар сочетается с перелогом или удобрением. Но сорняки, уничтоженные вспашкой – это удобрение, они гниют, превращаясь в ту же органику. Если нет возможности для второй вспашки – на паровое поле пускают скот – истощающий почву сорняк он уничтожает и возвращает почве в виде навоза – это сопутствующее стихийное удобрение. Далее, землелашец, при малейшей возможности перепахивает паровое поле. Для чего? Одно ясно – для уничтожения сорняков. Но не только. Мы указывали раньше, что в Дагестане это был очень распространенный прием повышения плодородия почвы. Акад. Н.И. Вавилов замечает, что летнее перепахивание с высушиванием, даже, прокаливанием почвы на солнце, служит одним из средств повышения плодородия почвы в засушливых местах⁴². Но, оказывается, такое перепахивание делалось и не в столь засушливой Европе, где «считалось, что повторные вспашки; проветривают почву, избавляют ее от сорной травы и подготавливают обильный урожай... Документы говорят даже о семи вспашках, включая и предпосевные» (совсем как в Дагестане – М.О.). В XIV в. в Англии производили три вспашки (весной, осенью и зимой), в 1328 г. в Артуа (Франция) четыре (одна зимой и три летом), в 1648 г. в Чехии – четыре (под пшеницу) и три раза (под рожь)⁴³. Современный грузинский исследователь Л.К. Бериашвили также, констатируя в Грузии многократно

вую вспашку, замечает: «многократная обработка земли обеспечивала высокий урожай и предотвращала появление сорных трав»⁴⁴.

Многократные вспашки парового поля отмечены и в Азербайджане – 3–4 раза за время нахождения поля под паром⁴⁵.

Добавим к этому, что номинация «пар», «паровая обработка», как и номинация «перелог», «залежь» существует у многих земледельческих народов, мы приводили эти номинации дагестанцев, причем обратили внимание на такой нюанс: номинации «пар» и «перелог» считаются в дагестанских языках одно-порядковыми элементами и в некоторых из них взаимозаменяемы (перелог - годовой пар; пар – летний перелог).

И, наконец, то о чем говорит и сам А. Шенников – пар нередко сочетается с удобрением и перелогом. Если бы пар не увеличивал накопительную силу перелога в качестве аккумулятора удобрения и повышения плодородия, разве дагестанский горец стал бы, преодолевая огромные трудности как физического, так и экономического характера вспахивать под пар свои перелог в высокогорных урочищах?

Прежде чем попытаться установить определенные критерии конструирования системы земледелия, перечня основных компонентов, составляющих ее содержание, перечислим коротко те элементы, которые исследователи включают в понятие (и содержание) системы: естественно-географические условия региона, зоны; социальные условия и неравенство; демографическая ситуация, плотность населения и достаток земельных угодий; взаимосвязанные технологические, мелиоративные и организационно-экономические мероприятия (действия, правила, совокупность действий) по эффективному (интенсивному, рациональному) использованию (и характеру и степени использования) земли; поддержание и увеличение, сохранение, повышение, восстановление плодородия почвы, повышение производительности почвы; удобрение; особенности орошения; улучшения условий развития посевов; получение высоких и устойчивых урожаев и т.п.

Некоторые из перечисленных компонентов мы можем исключить без особых сомнений. Например, естественно-географические условия региона, области или зоны сопутствуют пахотным угодьям, во многом определяют их особенности (рельефный характер, качество и структуру почв, специфику естественной растительности) и поэтому входят в компонентный состав типа земледелия. Разумеется, выбор

системы земледелия во многом регулируется экосистемой, но уже опосредованно, через тип земледелия, составной частью которого пахотные угодья являются. Мы уже указывали выше, что тип земледелия является первенствующим (определяющим) компонентом земледельческой отрасли (культуры) и поэтому обуславливает, предопределяет многие аспекты земледельческой деятельности человека, в т.ч. он является исходной, базовой основой (платформой) для развертывания системы земледелия и земледельческого цикла.

Другой элемент, рассматриваемый исследователями как компонент структуры (или мероприятий) системы земледелия – улучшение условий развития посевов, также введен в структуру без особых оснований. Обеспечение хороших условий развития посевов включает отдельные, частные операции послепосевого периода земледельческого цикла (например, прополка, прореживание, мотыжение и т.п.), когда выбор системы уже определен, и она задействована. Эти операции проводятся в большей или меньшей степени при любой системе, никакая из систем не предопределяется ими, и таким же образом не исключает любую из них. Иными словами, действия по улучшению условий развития посевов нейтральны по отношению к системе земледелия, не являются ее компонентами и не выступают в качестве ее признаков-критериев.

Теперь о других признаках-компонентах, которые обычно принимаются за критерий системы земледелия. Они имеют однородный характер и могут в общем-то считаться социальными (или социально-экономическими) критериями.

Они выступают как факторы-регуляторы воздействия, во многом определяющие извне выбор системы, ее характер и соотносительное бытование систем, их распространение, изофункциональную картину бытования. В этом плане одно из важных мест принадлежит типу земледелия, который обеспечивает исходный материал, экологические параметры, основные средства производства. В связи с последними, особенно количеством и характером угодий, находится следующий фактор – достатка пахотных (и пахотоспособных) угодий и демографической ситуации, иными словами достатка угодий, малоземелья и земельной тесноты, плотности населения. Положение о значении демографического давления в характере и форме (и продолжительности бытования) определенных систем земледелия под-

держивает и такой авторитетный специалист по истории хозяйства как Ф. Бродель. Ссылаясь на суждение Э. Бозерана он утверждает, что к примеру, при подсечно-огневой системе «любое увеличение числа ртов, которые нужно кормить, наталкивая на ограниченность территории, влечёт за собой сокращение времени под залежью, оставляемой ради восстановления леса»⁴⁶. Исследующий земледелие Поволжья В.В. Когитин в обуславливающих бытование систем факторах отдаёт предпочтение экологической ситуации: бытование, определялось, конечно, «природно-климатическим фактором», но при этом признает «определенное воздействие» «социально-экономической и демографической ситуации в регионе»⁴⁷. Даже А.А. Шенников, такой решительный поборник технологической характеристики системы земледелия, вынужден был признать существенную роль фактора плотности населения, в частности, именно с нею он связывает предпосылки роста удельного веса паровой системы земледелия в Европейской России⁴⁸. Почти все исследователи обращают внимание на это обстоятельство, ставя в зависимость от него бытование той или иной системы, или совокупности систем. Довольно настойчиво проводит аргументацию в пользу этого положения Я.В. Чеснов. Действительно, есть определенные, традиционно вполне сложившиеся, общепризнанные системы земледелия, существование, бытование которых определяется именно демографическим фактором, плотностью населения, соотношением между плотностью и количеством пахотоспособных угодий. Такова, например, переложно-залежная система, распространение которой связано (и обусловлено) с обширными степными пространствами с плодородными целинными угодьями с мощными задернованными почвами, открытыми для свободного, неограниченного пользования (как в отношении права пользования, так и отсутствия препятствий, например, кочевого скотоводства).

Помимо чисто природно-географических условий, способствующих (и обуславливающих) эту систему, важное, во многих случаях определяющее значение для нормального и эффективного (результативного) обеспечения ее функционирования (т.е. длительными перелогами, залежами), необходим избыток пахотоспособных угодий, непосредственно сопряженный с невысокой плотностью населения. Стоит ей возрасти, что неизбежно в условиях развивающегося общества, как сроки отдыха» угодий начинают сокращаться и целина пре-

вращается в залежь, последняя – в перелог, а он – в пар-перелог, и переложно-залежная система превращается в удобрительную, или паровую, или оросительную, в зависимости от целого ряда и других обстоятельств, в т.ч. экономических. Дагестанская равнина и предгорье знают много подобных примеров. Такое же перерождение систем земледелия происходило в XVIII–XIX вв. и на обширных равнинах Северного Кавказа и Закавказья.

Обстоятельство подобного воздействия демографического фактора на распространенность систем земледелия общеизвестно и оно часто отмечалось в литературе, в т.ч. этнографической. А поскольку воздействие, влияние, обуславливание существует, постольку возникли и попытки объяснить это влияние, ввести эту обусловленность в перечень критериев-признаков системы земледелия, составляющих ее содержание и структуру. Однако при этом упустили из виду одно существенное обстоятельство – плотность населения влияла на характер земледелия, а не систему земледелия, на распространенность определенных систем земледелия, их бытование, удельный вес в общей совокупности применяемых систем. Изменение внутри системы с ростом плотности населения, правда, происходит, но только количественное (изменение, сокращение срока залежи), но само содержание системы не меняется до определенного предела, и тогда происходит перерождение одной системы в другую, замена одной системы другой. Поэтому, было-бы, на наш взгляд, правильнее рассматривать демографический фактор не как критерий-признак содержания системы, а как фактор, обуславливающий бытование, распространенность, удельный вес разных систем земледелия в данном районе, их соотношение, степень «встречаемости». В свете сказанного представляется, что нет необходимости включать демографический фактор в перечень обуславливающих понятие и содержание системы земледелия признаков-критериев, отведя ему, однако же, роль фактора, регулирующего бытование определенных систем, их удельный вес и соотношение.

В зависимости от последнего складывается ситуация со следующим фактором – экономическая ситуация, достаток собственного хлеба (зерна), общественное разделение труда в масштабах (на уровне) региона, области, района.

Обилие или дефицит хлеба и других основных продуктов и ремесленных изделий у соседей, существенным образом определяют изопрэгму систем земледелия.

Заметим, что в отличие от определений системы многих авторов, особенно советского времени, в которых большое место занимают социальные моменты⁴¹, мы не стали вводить в содержание системы элементы социального порядка. В этом отношении мы полностью солидаризуемся с А. Шенниковым, который, как мы могли убедиться, считает систему только технологической структурой, не имеющей отношения к социально-экономическим формациям⁵⁰.

Однако следует признать важную роль социального фактора в распространенности, соотношении и удельном весе систем: социальное положение земледельца, его экономические, земельные и производственные ресурсы, нередко выступают на первый план и решающим образом определяют выбор и экономическую эффективность системы (например, вынужденная однопольная, плотного использования наличных пахотных угодий система пара и перелога).

Убежденный «социальник» Я.В. Чеснов приводит пример из книги И. Мухитдинова, о том, что паровая система была доступна не всем крестьянам памирских таджиков, т.к. ее распространению препятствовало социальное неравенство, отсутствие экономических возможностей у земельной бедноты оставлять земельный участок под пар, или тем более, перелог⁵¹. И беднота вынуждена была мириться с таким положением, хотя им отлично известно к каким последствиям приводит беспаровое (и беспереложное) земледелие на всей пахотоспособной земле. Часто социальный фактор накладывался на демографический, и тогда он приобретает еще большую остроту, и может нарушить всякие выработанные веками традиции разумного, осмысленного ведения земледельческого хозяйства, с применением наиболее соответствующих данной местности систем земледелия. Подобная острая ситуация была в нагорных областях Дагестана, и части Северного Кавказа и Закавказья, которая усугубилась еще немаловажным обстоятельством необходимости употреблять часть навоза на топливо (кизьяк).

Однако, как и в случае с демографическим фактором, который, кстати, однородного свойства с социальным, «социальный» фактор также не является обуславливающим содержание и характер системы

земледелия, не является ее специфическим, дифференцирующим (интегрирующим на себя) признаком, и поэтому не входит в перечень содержательных критериев систем земледелия. Однако он играет важную роль (как и демографический фактор) в бытовании и степени распространенности разных систем, в их соотношении, удельном весе, изофункциональной картине бытования в районе.

Следует, по-видимому, пояснить наши позиции и по классификации систем. Отчасти мы затрагивали этот вопрос в связи с концепцией системы земледелия А. Шенникова. Фактически (и практически), если не считать довольно подробных классификаций в сельскохозяйственной науке, в этнографической науке научно обоснованной, аргументированной классификации систем земледелия не существует. Есть описания систем, есть перечни, даже описания и исследования систем и их эволюции, но нет классификаций, в которых были бы систематизированные ряды, сформированные на основе определенных критериев, будь то одиночных или их комплексов (критериумов).

Большинство авторов, так же, как они уделяют мало внимания определению системы земледелия, не особенно пекутся и о классификации. Впрочем, это объяснимо, нельзя создать классификационный ряд, не имея четкого определения предмета систематизации.

Остановимся на классификациях (или перечнях) нескольких наиболее компетентных авторов.

В перечне одного из лучших знатоков традиционной земледельческой культуры русских – Д.К. Зеленина мы видим подсеchnую систему (в лесных районах) и залежную – в степных. Он называет их старыми системами, а для XIX в. господствующей называет трехполье (озимые, яровые, пар), в некоторых областях констатирует многополье и севооборот. Из непризнаваемых А. Шенниковым мы видим у него пар и севооборот, о которых он говорит мало, больше внимания уделено подсеке⁵².

У С.А. Токарева указаны в перечне – подсечно-огневое хозяйство, переложная (или залежная) система, «более культурные системы земледелия – паровые, основанные на правильном чередовании посевов и пара» и на применении удобрения. Из них наиболее распространена была у русских трехпольная система» (с XVI в.). Заметим, что трехполье включало не только пар, но и севооборот и перелог. С концом XIX в. он связывает появление многополья и плодосменной

системы, а затем травопольной⁵³. Все в рамках классических описаний земледельческой культуры, даже такие «незаконные» с точки зрения некоторых исследователей системы как паровая, трехпольная и плодосменная приобрели у него «законную силу», так как он увязывает их с удобрением.

Во всех других работах перечни близки, повторяют друг друга. В последней обобщающей капитальной этнографической работе по русским, относительно распространенности («географии» по автору) сказано: «В XIX в. основными системами земледелия оставались паровая, лесопольная и залежная... Самая распространенная паровая система... была представлена трехполем с его классическим набором культур»⁵⁴.

Теперь остановимся на классификации А. Шенникова, одной из немногих, основанной на четком определении и выверенном целевом компонентном содержании, следовательно, и логически обоснованной, Принцип деления очень простой – восстанавливающие плодородие без применения удобрений, и – с удобрениями, иными словами 1) переложные 2) с удобрением и 3) разные их комбинации. В основу классификации положена простейшая и древнейшая система – переложная. Так, для восточной Европы и Сибири в XIX–XX вв. он определяет следующие системы: 1) простые переложные с применением пахоты (залежная в степной и лесостепной полосе, подсечно-огневая в лесах) 2) сложные переложные (залежно-паровая в лесостепной и лесопольно-паровая – в лесной части) 3) комбинированные системы – «часть земли, ближайшая к усадьбе удобрялась, а на более удаленных полях плодородие восстанавливалось перелогом»⁵⁵.

Все довольно ясно, четко и определено. Но только до известных пределов. В России XIX в. трехполье на базе паровой системы (и отчасти перелога) преобладало в земледельческом хозяйстве, а в этой классификации ему не нашлось места.

Далее. Непонятно определение «простые переложные с применением пахоты». Разве бывает система, в которой пахота не применяется? Скорее всего, здесь идет речь о вспаханном перелого, т.е., паровом перелого, явном доказательстве большого значения и роли пара, который применялся даже при перелого.

И еще. Как быть с совокупностью действий, которые предпринимаются в теплых и жарких странах, засушливых местах, где требу-

ется не только паровая обработка, но и орошение? Как охарактеризовать систему, которая невозможна без орошения, или систему, которая сама вызвана к жизни стихийным «орошением», на которой базировалось земледелие крупнейших древних цивилизаций Передней Азии, Китая, Индии Египта и др.?

Вот почему исследователи отмечали узость документальной (объектно-материальной) базы классификационных построений А. Шенникова. Она базируется на земледельческой практике и эволюции восточно-европейского земледелия и по большей части малоэффективна для земледельческого хозяйства и земледельческой культуры других климатических поясов и географических провинций, характеризующихся иным, отличающимся комплексом природно-географических условий.

Еще один вопрос касается комбинированных систем, в которых ближние пахотные участки удобряются, а на дальних, для восстановления плодородия применялся перелог. Но даже по классификации А. Шенникова это две разные системы – удобрительная и неувдобрительная. Система – это, прежде всего, варьирование участками, и в данной комбинации два варианта – пар с удобрением и перелог, и от того, что это делает один хозяин или группа хозяев, они не могут слиться в одну комбинацию, так как не связаны ни территориально, ни организационно, ни структурно, они не являются единым механизмом или организмом. Это две системы, каждая со своей структурой и номинацией, но объединенные в одном хозяйстве или в рамках сельскохозяйственной округи поселения.

Пример этой комбинированной системы лишний раз убеждает нас в том, что в основе системы земледелия лежит варьирование использования угодий, а удобрение и орошение обуславливают разделение систем на виды и разновидности, это как бы дополнительные индикаторы той или иной системы. Так, например, перелог по природе своей не предусматривает удобрения, он относится к неувдобрительным системам, но в высокогорных районах Кавказа практиковался годовой перелог, который при малейшей возможности удобрялся, хотя бы постоем скота (обычно овец). В результате в одной из важнейших базовых систем – переложной, образуется новая разновидность – перелог с удобрением или удобряемый перелог.

Отметим, что для горных стран, характеризующихся, как правило, малоземельем, недостатком пахотоспособных угодий, характерно стремление по возможности максимально унавозить землю. Причем именно для нагорий характерно и косвенное удобрение, обусловленное трудностями доставки удобрений (органики) к труднодоступным участкам. Для этого используется дополнительная вспашка сорняков, специальный зимний полив для превращения сорняков в перегной, выпас скота по пару или перелогу и др. При характеристике систем его надо отличать от прямого удобрения – завоза навоза в поле, специального пастбища овец.

Несмотря на перечисленные недочеты мы должны признать, что группирование систем земледелия А. Шенникова, это наиболее четкая и продуктивная классификация, и нам придется считаться с этим и использовать ее, но с определенными поправками и дополнениями, которые позволят расширить систематизирующие возможности классификации.

В кавказоведческой литературе, как говорилось, было мало попыток сформулировать определение системы земледелия, что естественно препятствовало и созданию классификации систем. А без необходимой первоначальной процедуры определения целевого и компонентного содержания структуры феномена не может быть произведена и классификация.

По этой причине наблюдается разноречивость в номинациях систем, многозначность наименований одних и тех же систем, номинационная пестрота и противоречивость.

Так, например, в капитальной работе Б.А. Калоева по земледелию народов Северного Кавказа приводится такой перечень систем (ни определения, ни классификации нет): подсечная, переложная, трехпольная, чередование культур. Но в таблицах этой же книги перечень отличается: подсечная, плодосменная, переложно-залежная, террасное земледелие⁵⁶. В перечне патриарха грузинской этнографии Г.С. Читая мы видим: залежная (или подсечная), переложная, паровая, глубокая вспашка (!)⁵⁷.

При всем нашем уважении к выдающемуся грузинскому этнографу, вынуждены выразить свое несогласие с отдельными положениями его классификации. Во-первых, нельзя ставить знак равенства между залежной и подсечной системами. При залежи земледелец

просто оставляет участок без обработки, никаких других мер не предпринимая. При подсечной – земледелец тратит много усилий, труда, чтобы подготовить для посева участок, причем, имеется в виду и обязательное сопутствующее удобрение. Правда, на последующем этапе, когда участок истощается, в основной форме подсечной системы следует залежь, с перспективой на новый вырост древесной растительности и повторную подсеку. Таким образом, залежь здесь одна из сторон подсеки, в отличие от другой формы подсечной системы, при которой очищенный подсекой участок сразу же становится составным элементом профилирующей системы, например, паровой, и поэтому характерен для малоземельных мест. Первую форму мы условно называем подсечно-залежной, вторую – подсечно-паровой (или угодийной, так как главное здесь – создать и прирастить новый клочок пахотоспособной земли к имеющимся угодьям), есть и третья форма – подсечно-террасная.

Непонятно также выделение отдельных двух систем - залежной и переложной. Ведь первая является одним из вариантов второй, не случайно существует определение «переложно-залежная», означающее, что в этой системе перелог переходит в залежь, существует в виде залежи.

Некорректно также выделять в качестве системы «глубокую вспашку». Единственное ее отличие от паровой заключается по автору в том, что применяется отвальный плуг.

Вообще мы считаем, что увязывание системы земледелия с определенными типами пахотных орудий наиболее слабое место классификации Г.С. Читая. Например, залежную систему он связывает с «черкушкой» и «яремным» по его классификации орудием, т.е. с ралами, при одной паре быков. Практически это абсолютно невозможно: рало с одной парой быков и сдвинуться с места не сможет по залежи. Единственное используемое здесь орудие – передковый отвальный плуг (с резаком при задерненной целине) с многопарной упряжкой. А паровая система связывается с передковым (без отвала) плугом. Между тем во всех горных областях Кавказа применялась паровая система, и единственным орудием было рало.

Общий недостаток классификации заключается, по нашему мнению, в том, что маститый исследователь не учитывает, что одни и те же системы по необходимости бытовали во всех природных зонах и

разных ландшафтах, и что использование разных типов пахотных орудий связано не с системами земледелия, а с ландшафтными особенностями пахотных угодий, то есть с типом земледелия.

АИ. Робакидзе дает, казалось бы, существенно отличающийся перечень, но он касается земледелия вообще и определение (наименование) «система» не упоминается (подсечное, террасное, навозное и оросительное земледелие), хотя он присоединяется к классификации Г.С. Читая и полностью ее повторяет. Уязвимость этой классификации обнаруживается, когда автор переходит к конкретной характеристике высокогорных районов Грузии, в том числе Верхней Сванетии, и относит господствующую там систему к первой группе, «с преимущественно подсечной системой земледелия и соответствующими пахотными орудиями». Но основное название первой группы, который приводит автор – залежная (система). Если даже допустить, что имеется в виду подсечная, но залежная система, могут быть серьезные сомнения в возможности существования в высокогорной Грузии залежной подсеки, это практически невозможно при изрезанном рельефе лесных пространств высокогорий, а возможна лишь подсечная система, имеющая целью приращение пахотных участков, т.е. «подсечно-угодийная»⁵⁸.

В перечне же М.В. Кантария нечеткость в определении целевого и компонентного содержания системы привела к смешиванию в системе компонентов типа земледелия, системы и сельскохозяйственного цикла.

Присоединившись к классификации Г.С. Читая, она приводит свое толкование его понимания системы земледелия и перечня систем: Г.С. Читая определил «характерные формы горных и равнинных хозяйств и разработав метод их сравнения, установил основные показатели форм культуры, объективно присущие хозяйствам каждой полосы... Тем же сравнительным методом определяет системы земледелия, представляя их в следующем виде: 1. в местах распространения полбы применяется рало, земля взрыхляется без отваливания; 2. в местах распространения безостой пшеницы – большой плуг с отвалом; 3. в местах распространения ржи – яремное орудие и плуг с длинным грядилем, происходит черкание земли»⁵⁹. Вот такие системы, а обширность цитаты вызвана необходимостью полной наглядности в изложении интерпретации автором понятия системы земледе-

лия. Другой, не совсем удачный пример понятия системы и классификации систем мы находим у Т. Алибердова, также находящегося под влиянием интерпретаций Г.С. Читая. Мы читаем, что на основании «данных о сельскохозяйственных орудиях можно установить» системы земледелия: «1. подсечная обработка почвы способом «взламывания» и 2. переложная (в процессе распашки отрезанные пласты земли откладываются в ряд) В связи с этими системами земледелия у адыгов существовали два вида пахотных орудий» – взламывающее почву и передковое с отвалом, производящее отрезание пластов и глубокую вспашку⁶⁰. Интересно получается: на основании данных о орудиях, устанавливаются системы, которые «взламывают» и «отрезают», а в следственной связи с этими системами находятся опять – орудия, которые тоже «взламывают» и «отрезают».

Несколько ближе к действительности подходит перечень Г. Джавадова: подсечная, чальная (лиманная), залежная, паровая с севооборотом⁶¹. Другой азербайджанский этнограф Г. Гулиев приводит такой перечень систем: чальная (лиманная), залежная, переложная, паровая. Заметим, что и он относит к залежной подсечную систему, сделав к ней специальное примечание. «В двух ее модификациях: собственно залежной и подсечной (огневой) в лесных районах». О нежелательности такого смешения мы говорили в связи с перечнем систем Г.С. Читая, полным последователем которого является Г. Гулиев; об этом свидетельствуют и перечень систем, и интерпретация железной системы и заявление о том, что «каждой системе соответствовали свои пахотные орудия»⁶². Можно к упомянутым номинациям прибавить еще несколько наиболее оригинальных, встречающихся в литературе: беспаровая, залежно-переложная, четырехпольная, террасно-подсечная, подсечно-террасная, подсечно-залежная, удобрительная, орошаемая, трехпольная залежная и др.

По-видимому, следует заметить, что подобный разноречивостью не означает многообразия в самих системах, в их целевом и компонентном содержании. Напротив, многое в системах в разных местах и у разных народов имеет сходные черты, делающие их однотипными, дающими право обозначать их одними и теми же номинациями. В этой связи встает вопрос об истоках, причинах и обстоятельствах, обусловивших эту схожесть при достаточно выраженной на Кавказе этнической пестроте.

Иными словами стоит вопрос о том, как и каким образом, под воздействием каких факторов и причин происходил процесс зарождения и интеграции культурных феноменов, через селекцию модификацию и интеграцию к превращению в органическую часть культурной подсистемы⁶³. По этому вопросу мы опять солидаризуемся с А. Шенниковым, который пишет, что культурная традиция любого характера, в том числе получившая название «народной», совсем не обязательно является этнической, она может быть традицией любой группы населения, «выделенной не по языку и этносу, а другому признаку»⁶⁴ например, географическому, хозяйственному, промысловому и т.п. Общность, базирующаяся на хозяйственных связях, приоритетна по сравнению с общностью этнической, и поэтому культура, особенно материальная «имеет сравнительно слабо выраженные этнические черты». Одновременно мы можем видеть дифференциацию культурных феноменов разных частей этноса, обитающих в разных природных условиях, и сходство феноменов разных этносов, со схожей экологической средой и хозяйством⁶⁵. Следовательно, «взаимосвязи человека и среды, в конечном счете, оказываются сильнее этнокультурной традиции»⁶⁶ (согласно нашему делению, которое мы оговорили в начале работы, речь, видимо, идет о культурно-этнической традиции). Отсюда следует еще один вывод – этнографию надо изучать не только по народам, но и по элементам культуры многих народов, в двух основных срезах – вертикальном и зональном⁶⁷ (но обо всем этом мы достаточно подробно говорили во введении и главе о типе земледелия).

Думается, что на этом можно закончить разбор признаков-критериев системы земледелия как категории земледельческой культуры. Эти признаки составляют содержание системы земледелия, определяют объем ее понятия, характеризуют основные, входящие в нее компоненты. Полагаем, что на основе рассмотренных критериев можно попытаться дать определение понятия системы земледелия (ее формулировку). Разумеется, оно не претендует на «истину в последней инстанции», это просто наше понимание этой категории земледельческой культуры, один из вариантов ее этнографической интерпретации. Итак, система земледелия это – совокупность взаимосвязанных организационных, агротехнических и мелиоративных мероприятий земледельца, призванных обеспечить получение устойчиво-

го, высокого (или средненормального) урожая на протяжении нескольких лет посредством рационального и эффективного использования пахотоспособных угодий, с сохранением (восстановлением) плодородия почвы и производительности земли, путем пространственно-временного варьирования способов и интенсивности утилизации угодий и применения удобрений и орошения.

В основе системы лежит варьирование методов и интенсивности использования угодий, это главный способ (средство) воздействия на плодородие почвы, будь это пар, перелог, залежь и даже севооборот или плодосмен. Другое дело, что в самих этих средствах есть и более эффективные, результативные (например, залежь), и менее (например, севооборот). А удобрение и орошение выступают в качестве дополнительных компонентов, не всегда обязательных (как варьирование) для каждой системы, однако, могущие в отдельных случаях приобрести решающий характер, определяющее значение.

Что касается классификации самих систем, пока что на базе дагестанского и известного нам материала из других регионов Кавказа, мы сочли целесообразным выбрать в качестве базовых три системы – перелог, пар и подсеку. Недостаток этого группирования – в нем не задействован такой важный элемент, обеспечивающий плодородие почвы, как удобрение, которому принадлежит решающее место в классификации А. Шенникова. Однако, выше мы указывали на то обстоятельство, что главным моментом в системе земледелия является варьирование использования угодий, которое определяет и основное содержание и номинацию системы.

А выбор, перечень, соотношение, сочетание систем обуславливают фоновые факторы, обстоятельства: тип земледелия (угодье, пахотное орудие) с экологией, демографическая ситуация и достаток земельных угодий, экономическая обстановка и общественное разделение труда, социальное положение земледельца.

Таковы некоторые наши соображения относительно содержания, понятия и определения системы земледелия, классификации и перечня систем. Возможно в процессе описания непосредственно систем земледелия отдельные наши положения окажутся небесспорными и нуждающимися в корректировке.

1. Сельскохозяйственный энциклопедический словарь. М., 1989. С. 502.

2. Шенников А.А. Крестьянские усадьбы среднего Поволжья и Прикамья с XVI до начала XX в. // Этнография народов Восточной Европы. Л., 1977. С. 4.
3. Шенников А.А. Указ. раб. С. 5.
4. Шенников А.А. Указ. раб. С. 5.
5. Шенников А.А. Указ. раб. С. 6.
6. Сельскохозяйственный энциклопедический словарь. С. 376. Примерно такое понимание сущности паровой системы предлагают и армянские исследователи «Задачи парования – очищение полей от сорной растительности и ее семян, а также накопление влаги и питательных веществ (!) в почве» – Система ведения сельского хозяйства Армянской ССР. Ереван, 1975. С. 135.
7. Сельскохозяйственный энциклопедический словарь. С. 260, 378, 502, 596–597.
8. Джавадов Г.Д. Народная земледельческая техника Азербайджана. Баку, 1989. С. 32.
9. Шенников А.А. Указ. раб. С. 5
10. Чеснов Я.В. Социально-экономические уклады и этнические традиции в агроэтнографии // СЭ, 1972. № 4. С. 69–70.
11. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1973. С. 480; Советский энциклопедический словарь. М., 1980. С. 1026.
12. Гегешидзе М.К. Орошаемое земледелие в Грузии (опыт историко-этнографического исследования). Тбилиси. 1990. С. 47.
13. Андрианов Б.В. Конференция по изучению систем земледелия (История и современная практика) // СЭ, 1973. № 4. С. 161.
14. Шенников А.А. Указ. раб. С. 6.
15. Андрианов Б.В. Указ. раб. С. 160–162.
16. Нарциссов В.П. Научные основы систем земледелия. М., 1976.
17. Андрианов Б.В. Указ. раб. С. 160.
18. Сельскохозяйственный энциклопедический словарь. С. 502.
19. Система ведения сельского хозяйства в Дагестане. Махачкала, 1967. С. 131.
20. Кантария М.В. Экологические аспекты традиционной хозяйственной культуры народов Северного Кавказа. Тбилиси, 1989. С. 44.
21. Там же. С. 42, 44.
22. Там же. С. 94.
23. Там же.
24. Бериашвили Л.К. Полеводство в Месхети (по этнографическим материалам). Автореф. канд. дис. Тбилиси, 1973. С. 21.
25. Гулиев Г.А. О пахотных орудиях и системах земледелия в Азербайджане // Азерб. этнографический сборник. Вып. 2. Баку, 1966. С. 22.
26. Джавадов Г.Д. Указ. раб. С. 32.
27. Указ. раб. С. 33.
28. Зеленин Д.К. Восточнославянская этнография. М., 1991. С. 37–39 и др.
29. Токарев С.А. Этнография народов СССР. М., 1958. С. 37–38.

30. См.: Андрианов. Указ. раб. С. 160 сл.
31. Сабурова Л.М., Торэн М.Д. Системы земледелия и сельскохозяйственные культуры у русских крестьян в середине XIX – нач. XX в. // Русские. Историко-этнографический атлас. Земледелие. Крестьянское жилище. Крестьянская одежда (середина XIX – нач. XXв.). М., 1967. С. 17.
32. Власова И.В. Традиционная земледельческая и промысловая культура // Русские. Серия «Народы и культуры». М., 1997. С. 164–174.
33. Чеснов Я.В. Указ. раб. С. 69.
34. Чеснов Я.В. Указ. раб. С. 70.
35. Чеснов Я.В. Указ. раб. С. 69.
36. Краснов Ю.А. Древние и средневековые пахотные орудия Восточной Европы. М., 1987. С. 9.
37. Свод этнографических понятий и терминов. Вып. 3. Материальная культура. М., 1989. С. 43.
38. Суринов В.М. Система земледелия как объект и элемент научно-исторического исследования // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. Таллин, 1971. С. 288 сл.
39. Шенников А.А. Указ. раб. С. 4.
40. Шенников А.А. Необходимые разъяснения // СЭ, 1973. № 4. С. 76.
41. Шенников А.А. Распространение животноводческих построек у народов Европейской России // СЭ, 1968. № 6. С. 104.
42. Вавилов Н.И., Букиннич Д.Д. Земледельческий Афганистан // Избр. труды акад. Н.И. Вавилова. Т. I. М.-Л., 1959. С. 180. Этот способ отмечен и в древнем земледелии. Известный отечественный археолог В.М. Массон отмечает его со ссылкой на еще более известного Г. Кларка, который назвал этот способ «средиземноморским». Способ имел «главной целью сохранение влаги в почве во время летней засухи», и заключался в «частом рыхлении земли, обычно ее частой вспашке» – Массон В.М. Экономика и социальный строй древних обществ (в свете данных археологии). Л., 1976. С. 54. Многократное перепахивание как средство уничтожения сорняков и сохранения влаги, эффективное даже при последующей засухе и способствующее «высокоурожайности посевов» рассматривает и известный агроэтнограф Н.А. Брегадзе – Очерки по агроэтнографии Грузии. Тбилиси, 1982. С. 76.
43. Бродель Фернан. Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV–XVIII вв. Т. I. Структуры повседневности: возможное и невозможное. М., 1986. С. 130.
44. Бериашвили Л.К. Указ. раб. С. 15.
45. Котляревский П.В. Экономический быт государственных крестьян северной части Кубинского уезда Бакинской губернии // МИЭБГКЗК. Т. II. Ч. 1. Тифлис, 1886. С. 347; Ягодинский П.М. Экономический быт государственных крестьян в Бакинском уезде // там же. Т. 1. Ч. 4. Тифлис, 1885. С. 484.
46. Бродель Фернан. Указ. раб. С. 191.

47. *Когитин В.В.* Системы земледелия у русского населения Нижнего Поволжья второй половины XVIII – нач. XX в. // Материальная культура народов России. Новосибирск, 1995. С. 120.

48. *Шенников А.А.* Необходимые Разъяснения. С. 76.

49. *Андрианов Б.В.* Указ. раб. С. 160 сл.

50. *Шенников А.А.* Крестьянские усадьбы среднего Поволжья и Прикамья. С. 6.

51. *Мухитдинов И.И.* Особенности традиционного земледельческого хозяйства припамирских народностей в XIX – нач. XX в. Душанбе, 1984. С. 150–152 сл.

52. *Зеленин Д.К.* Указ. раб. С. 37–39.

53. *Токарев С.А.* Указ. раб. С. 37–38.

54. Русские. Серия «Народы и культуры». С. 175.

55. *Шенников А.А.* Крестьянские усадьбы среднего Поволжья и Прикамья. С. 5, 7, 8.

56. *Калоев Б.А.* Земледелие народов Северного Кавказа. М., 1981. С. 53, 226, 227.

57. *Читая Г.С.* Земледельческие системы и пахотные орудия Грузии // Вопросы этнографии Кавказа. Тбилиси, 1952. С. 109–111. Полностью присоединяется к классификации Г.С. Читая и без изменений приводит его перечень и *Н.А. Брегадзе*. Указ. раб. С. 76.

58. *Робакидзе А.И.* Основные черты хозяйственного быта в Сванети. Тбилиси, 1990. С. 52.

59. *Кантария В.М.* Указ. раб. С. 36. В подтверждение своей интерпретации автор ссылается на работу *Г.С. Читая* – Этнографическая экспедиция в Картли 1948 г. Тбилиси, 1949. Т. I. (на груз. яз.).

60. *Алибердов Т.Д.* Адыгейские земледельческие орудия XIX и начала XX веков // УЗ Ад. НИИЯЛИ. Т. IV. Краснодар, 1965. С. 119.

61. *Джавадов Г.Д.* Народная земледельческая техника Азербайджана. С. 32.

62. *Гулиев Г.А.* Указ. раб. С. 22; он же. Земледельческая культура Азербайджана. Автореф. докт. дис. Баку, 1968. С. 49–50.

63. *Арутюнов С.А.* Инновации в культуре этноса и их социально-экономическая обусловленность // Этнографические исследования развития культуры. М., 1985. С. 41; *Маркарян Э.С.* Соотношение формационных и локальных исторических типов культуры // Там же. С. 21.

64. *Шенников А.А.* Распространение животноводческих построек у народов Европейской России. С. 104–105.

65. *Козлов В.И.* Динамика численности народов. Методология исследования и основные факторы. М., 1969. С. 44–45; Он же. Этнос и экономика. Этническая и экономическая общности // СЭ, 1970. № 6. С. 51; об этом же см.: *Суринов В.М.* К определению этнических традиций в земледелии // СЭ, 1971. № 3. С. 53; *Андрианов Б.* Хозяйственно-культурные типы Средней Азии и Казахстана // На-

роды Средней Азии и Казахстана, I. Серия «Народы мира». Этнографические очерки. М., 1962. С. 34.

66. Этнография питания народов стран Зарубежной Азии. Опыт сравнительной типологии. М., 1981. С. 242.

67. *Шенников А.А.* О понятии «этнографический комплекс» // Доклады Географического общества СССР. Вып. 3. Этнография. Л., 1967. С. 55–56.

instituteofhistory.ru

ГЛАВА IV.

ПЕРЕЛОЖНАЯ СИСТЕМА

Прежде чем приступить к описанию отдельных систем, будет неверное, бесполезно вспомнить формулировку определения, на которой мы остановились выше, в сокращении: совокупность взаимосвязанных действий для получения устойчивого урожая с перспективой, посредством использования и поддержания плодородия участков и их производительности, путем пространственно-временного варьирования способов и интенсивности утилизации угодий, а также удобрения и ирригации.

Что касается классификации систем, мы склонились к традиционным перечням базовых систем: переложная, подсечная, паровая. Все остальные являются производными от них, их вариантами, субсистемами, причем отдельные из них, сочетают в себе признаки и свойства двух, а то и нескольких систем. Мы будем рассматривать их вместе (и на фоне) с базовыми системами. В случае наличия двух исходных базовых систем, будем брать в качестве исходной ту из них, которая в большей степени является по целевому или компонентному содержанию определяющей («материнской») для рассматриваемой субсистемы.

Начнем с переложной базовой системы.

Выбор переложной системы в качестве первого объекта исследования объясняется не только тем, что она древнейшая из систем, но и потому, что она простейшая из них, и заключается только в одном, но главном, определяющем мероприятии из совокупности действий земледельца – в варьировании интенсивности использования угодий, или их участков, ничего другого нет – ни пара, ни зяби, ни повторных вспашек, ни орошения и ни удобрения. Очень простая формула: использовал участок – дал отдохнуть, набраться плодородия, используя

другой, снова использовать первый, давая отдохнуть последующему. На основе имеющихся у нас материалов, в первую очередь мы выделили четыре разновидности этой базовой системы: переложно-залежная, малый перелог, переложно-двухпольная общесельская, переложно-трехпольная. Наиболее «самовыразительная» и характерная из них, самая известная и многократно упоминаемая в источниках и литературе, и не только по Кавказу, это переложно-залежная система, с которой целесообразно, по-видимому, начинать.

§ 1. Переложно-залежная

В сельскохозяйственном энциклопедическом словаре она охарактеризована как примитивная и описана следующим образом: «после снятия нескольких урожаев (6–10 лет) землю оставляли на долгое время без обработки (под залежь) для восстановления плодородия почвы». Распространена в степных районах, где много свободных земель¹. Сама залежь охарактеризована как «пашня, необрабатываемая длительный (20–25 лет и более) период». Обычна в малонаселенных степных местах. При залежной системе земледелия часть пашни оставляли под залежь, а распахивали участки, бывшие в залежи. В степных местах называется перелогом, в лесостепных – залогом². Таким образом, не приходится особо доказывать, что она могла применяться (существовать) в условиях достатка пахотоспособных угодий и отсутствия демографического давления.

В исторической, этнографической литературе переложно-залежная система отнесена к разряду экстенсивных и наиболее архаичных, она рассматривается даже как ступень (этап), следующая за хозяйством первобытного общества (например, «переход от первобытного хозяйства к переложно-залежной системе»)³. Один из лучших знатоков русской земледельческой истории и культуры Д.К. Зеленин говорит о этой системе почти то-же самое: в степях, где было много земли бытовала переложная (или залежная) система земледелия, после 2–3 лет посева земля должна 2–7 лет (раньше даже несколько десятилетий) отдыхать и используется под пастбище или покос⁴. Г.Г. Громов относит перелог наряду с подсеккой (отметим, что в связи с ней он говорит и о лесном перелого) к экстенсивным системам, при которых крестьяне используют плодородие почвы, которое

заложено в ней природой, или восстанавливается в необрабатываемые периоды. Чуть выше он называет степной и лесной перелог «старинными системами», «остатками старинных систем»⁵.

Из этих характеристик, в частности Д.Зеленина, ясно, что обилие, большой недостаток пахотоспособных угодий является даже не просто обуславливающим фактором, это сама основа залежного земледелия, естественное, объективное состояние экологической ниши этноса, и без него (обилия земель) уже никакие другие даже очень важные факторы просто не действуют. Если же главная основа имеется, тогда встает вопрос о других факторах, в том числе экономических, социальных, технологических, технических и всяких иных. Если есть многоземелье обуславливающим фактором может стать экономический (малорасходность, высокая рентабельность системы, которая необходима для производства при существующей дешевизне продуктов), наличие или отсутствие первоначального капитала (орудие, упряжной скот, упряжь), спрос на рынке зерна и т.д., т.е. все, что можно в данном случае назвать «экономической целесообразностью»⁶.

Дагестанская равнина в последние несколько столетий была ареалом безраздельного господства переложно-залежной системы. Обычно земледелец, исходя из общего количества угодий, их площади, делит свою наличность на одногодовые (т.е. с площадью, достаточной на нужды в продукте в текущем году) пай, и в очередной год использует тот пай, который оставлен под перелог раньше всех. В зависимости от резервов пахотных угодий перелог-залежь может длиться от одного–двух до 15–20 лет, когда залежь уже превращается в целину. В Дагестане такие интервалы в XIX в. были, конечно, неизвестны. Наибольшая продолжительность, о которой нам довелось услышать, составляла 7 лет, однако это единичные примеры, и в большей части селений говорят обычно о 2–4-х, или 3–4-х годовом цикле, причем даже в таких селениях где было много свободных земель и пахотоспособные угодья находились на свободном потоке (например, в сел. Утамыш (союз обществ Гамри) продолжительность залежи не превышала 3–4-х лет.

В том же Утамыше, в котором, как и почти повсюду на равнине, все угодья принадлежали общине, оставление под залежь и использование под посев осуществлялось по урочищам: каждое из них пооче-

редно «открывалось» для обработки и сева поселениям, и каждый член общины мог отвести себе для обработки столько земли, сколько он сможет обработать (именно сможет, а не захочет).

Случалось и так, что урочище, отведенное под распашку использовалось не полностью, и тогда для оставшейся невспаханной части урочища срок залежи увеличивался вдвое (естественно, в следующее «открытие» эти земли, хотя они могли быть и подальше других участков, захватывались для распашки в первую очередь). Во многих селениях равнины была такая ситуация: пахотоспособных угодий было много, они делились по урочищам и распределение было открытое, поточное, поэтому нередко залежь оставалась под перелогом два срока, как правило, 6–8 лет. Перечислим селения, в которых мы зафиксировали подобную залежную систему. Поскольку такая система практиковалась и во многих близлежащих селениях, мы укажем и союзы обществ (или владения), к которым относились селения, в которых изучалось земледелие. Это Аксай, Хамамат-юрт (Аксаевское владение), Каякент, Мюрего, Усемикент, Утамыш (Гамри), Костек (Костековское владение), Эндирей, Муцалаул (Эндиреевское владение) Нижн. Казанище (Баммат-улу), Султан-янги-юрт, Улубий-аул, Чонтаул (Шамхальство), Карадаглы (Теркеме), Оруджоба (Чиле) и др.

Интересно отметить, что в части равнинных, и особенно нижне-предгорных селений наблюдалось, как и в типе земледелия, смешение особенностей систем земледелия характерных для горной и равнинной зон. Собственно, ничего удивительного в этом нет, ибо, как творилось, тип земледелия выступает по отношению к системе определяющим, обуславливающим фактором.

Например, в Кара-Кайтаге (Баршамай, Карацан, Джавгат, Рука и др. аулы) – в предгорной части был общесельский перелог, а на равнине земли были на потоке и господствовала залежная система.

Был в нижнепредгорных аулах и годовой перелог, характерный для гористой части сельских угодий. Но пахотные площади под ними были значительные, и характер этого перелога (общесельский, по урочищам) явно свидетельствует о том, что это бывшая залежная система, эволюционировавшая в связи с изменением демографической ситуации. Так, например, в сел. Юхари-Яраг-Каямаляр (союз Чиле) был годовой перелог по урочищам (на неорошаемых землях), причем раскладка площадей была примерно такая: из примерно 10–11 деся-

тин, приходившихся на одно хозяйство (вспомним: в горах не было и одной десятины), 5 дес. оставались под перелог, 4 дес. отводились под пшеницу, 1 дес. под ячмень, 1 дес. под огород и насаждения. А в раятских селениях Табасаранского кадия также был и перелог характерный для горной зоны (перелог – пар), и перелог равнинного типа – везде, во всех селениях, где позволяли условия (был достаток пахотоспособных угодий) перелог неизменно превращался в залежь. Вспахиваемый перелог (паровой перелог, перелог–пар) практиковался и в союзах обществ Картас и Стал. В сел. Ашага-Стал (Стал) на вопрос о залежи отвечали, что для этого земли было мало. Однако отношение к удобрению угодий и в частности к навозу (об этом ниже) свидетельствует, что годовой перелог здесь является переродившимся остатком залежной системы.

Характерно, что и другое свойственное нагорной части сосуществование систем пара и перелога встречается и здесь. Так, например, в сел. Губден (Шамхальство) обладающем; огромными площадями пахотоспособных угодий (больше чем общая площадь округа в ряде горных округов) и являвшемся житницей Даргинии, тем не менее, залежная система перестала быть господствующей, напротив, здесь преобладала уже, к концу XIX в. паровая система (мы приводили пример из рассказа Х.Г. Гашимова).

Однако и они замечают при этом, что перелог эффективней пара, и что они, если это позволяли наличные площади пахотных угодий, применяли перелог. О том, что это тоже реликт залежной системы и здесь свидетельствует отношение к удобрению и навозу.

Такое сосуществование перелога с паром, с переходом перелога в пар или залежь, в зависимости от достатка угодий, мы встретили и в союзе обществ Ахмар.

На равнине было развито и орошение. Орошаемые площади равнины, занимавшие половину пахотных угодий, составляли 90% орошаемых земель Дагестана. Однако это было в пореформенный период, к концу XIX в., и орошение сопутствовало уже паровой системе. Поэтому как всеобщее правило можно рассматривать положение, которое исключало сочетание залежной системы с орошаемым земледелием. Мы уже говорили, что нельзя выделять поливное земледелие в отдельную систему, так как оно сочетается, более того вкраплено, органически входит в другие признанные системы, как, например,

паровую. Обратим внимание на такой факт, что равнинные земледельцы четко отделяют поливное земледелие от залежного (есть возможность орошения угодий (которых сравнительно мало) и перелог, тем более залежь исключается, его место занимает пар.

Сходная ситуация и в отношении удобрения: перелог и тем более залежь абсолютно исключает его. Собственно, это отсутствие удобрения является признаком переложно-залежной системы, и поэтому она включена в группу неудобрительных систем. Обычный ответ респондентов о удобрении при залежи – «не было», «а зачем?».

В других регионах Кавказа наибольшее развитие в XVIII–XIX вв. переложно-залежная система подучила на Северном Кавказе, на обширных равнинах Прикубанья (особенно) и Притеречья. Наибольшее распространение она имела у адыгских народностей, особенно у кабардинцев. Бывшие здесь в этот период путешественники из Европы обращали внимание на этот факт, поскольку в условиях позднесредневековой Европы залежная система была анахронизмом и практически неосуществима прежде всего по причинам демографического и экономического характера.

Например, в XVII в. голландский путешественник Николай Витсен отмечает, что «черкесы никогда не сеют два раза подряд на одном месте»⁷. Ему вторит другой путешественник XVII в. Энгельберт Кемпфер: «Если один год они (черкесы М.О.) засевают поле, то на следующий год они оставляют землю гулять, хотя бы она была и лучшего качества»⁸. Иными словами, перед нами не просто перелог или залежь, а ярко выраженная залежная система, базирующаяся на обширных степных пространствах. Характерно, что ни один из этих авторов-наблюдателей не упоминает о перемещениях с места на место, о перекочевках черкесов (адыгов), что лишний раз подтверждает мысль о том, что одной из побудительных причин для перемещения (не кочевания) было исчерпание ресурсов ближних земель для залежной системы. Некоторые авторы впоследствии сами, даже те, кто говорил о кочевании, подтвердили это, заметив, что перемещения, впрочем, не выходили за границы своих обозначенных земель. Такой порядок варьирования использования угодий подтверждает еще один путешественник XVII в. Ж.Б. Тавернье. Вначале он косвенным образом подтверждает, что земледельческое хозяйство было мощным и продуктивным, указав, что ' черкесы сеют ячмень только для лоша-

дей. Для горцев ячмень основная хлебная культура, и то, что ячмень уходит на лошадей, свидетельствует и о том, что зерна было много и с избытком хватало на питание, и о том, что с залежным земледелием сочеталось развитое скотоводство и особенно коневодство (на Кавказе лучшим фуражным зерном для лошадей считался ячмень, правда, у адыгов равнин его нередко заменяло просо). Относительно же системы земледелия автор не оригинален, он тоже повторяет буквально тоже самое «они никогда не засевают дважды один и тот-же участок, меняя место каждый год»⁹. С одной стороны такое единодушие, причем выраженное почти одними и теми же словами, вызывает определенное подозрение, не было-ли здесь плагиата, взаимного пользования записями? С другой, в XVII в. на Кубанских равнинах были такие просторы свободных степных пространств, что вполне могла сложиться такая своеобразная переложно-залежная система, переходящая в залежно-целинную, ведь за два-три десятилетия залежь превращалась в целину (первые два-три года – однолетние травы (бурьян), последующие пять-семь лет многолетние корневищные (пырей), а затем рыхлокустовые, после них плотнокустовые, и, наконец, с появлением ковыля залежь приобретает свойства и вид целины, с последующим становлением луговой или степной растительности)¹⁰. Интересно отметить, что крестьяне при наличии достаточного резерва земель дожидались именно появления на залежи ковыля, означавшего, что земля (ее первоначальное плодородие) восстановилась, превратившись из залежи в целину, и теперь можно ее обрабатывать под пашню и посевы¹¹.

Путешественники XVIII в. дают уже более пространные и конкретные описания. Так, например Джон Кук указывает: «здесь не отличаются бережливостью: туземцы имеют достаточно земли и употребляют только ту, которая дает обильный урожай, даже после обработки только поверхности земли»¹². Последние слова автора подводят к заключению, что он имеет в виду горных или предгорных адыгов, у которых местами обрабатываемым орудием было рало, что не исключало у них, как отмечалось выше, развитого и продуктивного земледелия. Это развитое земледелие предгорных и части горных адыгов, естественно, не могло сложиться в условиях малоземелья. А избыток пахотоспособных угодий толкал крестьянина к переложно-залежной системе, как самой простой и легко осуществимой, к тому

же более доступной экономически («дешевая»). Так, например, авторы монографии о адыгах свидетельствуют о наличии залежной системы в предгорьях, занимаемых адыгами¹³.

В более высотных местах залежная система осуществлялась, иногда, в комбинации с плодосменом. Пример такого сочетания приводит А. Бесленев: залежь два года используется под кукурузу, затем сеют также два раза пшеницу, и один год просо (залежь–кукуруза–кукуруза–пшеница–пшеница–просо–вновь залежь), причем угодья остаются в залежи 14–15 лет и используются для заготовки сена и выпаса скота¹⁴.

Другой автор середины XVIII в. К. Пейсонель оставил более обстоятельные сведения о торговле, экономике, соотношении отраслей хозяйства адыгов. Его данные по перечню и количеству вывозимых из Черкесии товаров свидетельствуют о мощном многоотраслевом хозяйстве адыгов, включающем даже такие отрасли как пчеловодство¹⁵. Судя по описанию передвижений адыгов, речь опять идет о горных и предгорных насельниках. Его фраза о том, что «лето черкесы проводят обыкновенно на равнине, а зимою возвращаются в горы» свидетельствует; что речь идет именно о земледельцах – отгонных скотоводах, ведущих активное земледельческое хозяйство в нижних поясах и отгонное скотоводство с уводом скота в горы – в верхних. А замечание о том, что «не имея определенных земель для занятий сельским хозяйством, они возделывают те участки, которые покажутся им наиболее удобными для этой цели» говорит о все еще имеющих больших свободных пространствах в степи и нижнем предгорье. Замечательна его фраза о том, что «они кочуют, не выходя, однако, из пределов своего племени»¹⁶ – четкое свидетельство того, что речь идет не о кочевании, а перемещениях, связанных с особенностями системы земледелия. Не исключена, по-видимому, роль особенностей планировки поселения в «кочевании», приводивших в условиях неудобрительного земледелия и недостатка древесного топлива (не заготавливали кизяк) к накоплению навоза внутри поселения. Эта форма содержания всего сельского скота в центре селения – действительно отдает отголосками кочевого образа жизни; немаловажны были для «подвижек» также и особенности феодального быта с его распрями, набегами и захватами поселений.

В этом плане заслуживают внимания еще два свидетельства путешественников. П.С. Паллас пишет, что адыги (черкесы) покидают селения «через определенный промежуток времени, или по причине засорения, или вследствие отсутствия достаточной безопасности; они уносят тогда приготовленный лес и домашнее имущество, сжигая остальное»¹⁷. Другой наблюдатель XVIII в. Я. Потоцкий связывает смену места поселения с тем, что «князья ссорятся со своими соседями, или возникают новые связи, и тогда они отправляются на новое место»¹⁸.

Большинство современных авторов взвешенно подходят к этому вопросу. Не отрицая очевидного факта «подвижности» адыгских (особенно кабардинских) поселений, они, категорически отказываясь связывать его со скотоводческим кочеванием, указывают на комплекс обуславливающих факторов, первое место среди которых занимает переложно-залежная система. Так, например, Е.П. Алексеева указав, что «земледелие у кабардинцев было переложного типа», замечает, что перенос аула был связан с истощением земель «вокруг себя»¹⁹. Подразумевается истощение угодий в пределах возможности рациональной обработки земли (расстояние и для человека, и для орудия, и для скота). В оригинальной и содержательной статье Г. Громова Ю. Новикова показано значение фактора близости (или отдаленности) угодий от места проживания в земледельческом крестьянском хозяйстве²⁰.

К тому же, вспомним, что эти источники почти всегда подчеркивают, что переносы осуществляются «в пределах племени», что «переносят плантации», а не аулы (у того же Тавернье). В качестве главной (наравне с другими) причины, обуславливающей переносы селений, указывают переложно-залежную систему и другие исследователи – М. Меретуков, Е. Студенецкая и др., причем отдельные из них указывают и причину быстрой истощаемости почв, вызываемой, по их мнению, посевами проса²¹.

Один из заслуживающих доверия источников начала XIX века – это Генри Юлиус Клапрот. В его описании залежная система приобретает более знакомые и реальные очертания. «Земледелие черкесов чрезвычайно простое, так как не применяются удобрения. Весной участок земли, который хотят засеять – поджигают, чтобы вся трава сгорела. Это служит удобрением. После этого земля один раз вспахи-

вается, разрыхляется... и производится посев. В течение двух или трех лет используется один и тот же участок земли, и когда он становится непригодным к использованию, черкесы переходят на другое место. Таким образом, обойдя на несколько верст вокруг своей деревни, они переселяются со всем своим имуществом на совершенно новое свободное место»²².

Таким образом, из одной фразы наблюдателя мы узнаем, что была залежная система, что не было удобрения, что перемещения населения (кочевание, как его нередко называют) были связаны с особенностями залежной системы. Буквально такое же описание, в таком же порядке и нередко теми же словами мы находим, у И. Бларамберга, например: «Как только будет облюбована земля вокруг деревни радиусом в несколько верст, жители со своим скарбом перебираются на новое место, на неиспользованные до сих пор земли»²³. По поводу этого утверждения И. Бларамберга и других путешественников (Тавернье, Пейсонель, Клапрот, Гюльдешптедт, Кемпфер) В.К. Гарданов справедливо замечает, что эти авторы связывают передвижение адыгов «с места на место» с «господством на равнине предгорьях переложно-залежной системы земледелия»²⁴.

В связи с вопросом о связи «подвижек» населения с залежной системой небезынтересно отметить, что подобный порядок с «непостоянным возделыванием земли» («не более трех лет») при котором затем «участок оставляют на несколько лет, в зависимости от плотности населения и его прироста») индийские исследователи называют «подвижным» (swidden) земледелием»²⁵.

Как видно из всех этих описаний – свидетельств, эта система – переложно-залежная, действительно «была возможна только при наличии свободных целинных земель»²⁶. Даже в конце XIX в. русские наблюдатели отмечают высокий средний душевой надел у кабардинцев – 8,37 дес., в то время как у их соседей по равнине (переселенцев) он составлял – у осетин – 5,4 дес., у ингушей, – 4,3 дес. Авторы Е. Максимов и Г. Вертепов констатируют, что земледелие у кабардинцев развито меньше, чем у их соседей – ингушей и осетин, что земли у них не под постоянной распашкой как при трехполье в России, а под временным посевом. Через несколько лет участок оставляется невозделанным, зарастает сорными, затем степными травами и становится выгоном или сенокосом. А. для пахоты отводится участок це-

линной земли, или «нови». «Когда он вновь наберет производительных сил, он опять может идти под распашку»²⁷. Названные авторы отмечают и особенности переложно-залежной системы кабардинцев, тесно связанной со скотоводством (коневодство и овцеводство): аульный надел делится на три участка – пахота, сенокос, выпас, через 3–4 года пахота идет под выпас, затем сенокос, а освободившийся клин под пахоту. Все так и должно было быть, но долгосрочность залежи даже по сравнению с первой половиной XIX века, упала в несколько раз. Характерно, что М.Н. Шмелева, констатируя на просторах Южных степей России «залежную или переложную систему» (несколько лет под посевы, а затем определенное время под пастбище или сенокос), добавляет, что позднее стали применять «улучшенно-залежную» систему²⁸, которая весьма напоминает описанную кабардинскую. Особенность же здесь состоит в том, что «вследствие относительно малого развития у кабардинцев хлебопашества и преобладания скотоводства, участки земли, отводимые под сенокосы больше пахотных, а иногда даже значительно превышают их», «громадные пространства земли служат преимущественно выгоном, на котором пасется скот, перегоняемый с места на место»²⁹. Переложно-залежная система чаще всего затрагивается и исследуется именно в связи с хозяйственными занятиями кабардинцев. Так, например, Б.А. Калоев пишет, что она «практиковалась исключительно на равнине, где располагались большие пахотные угодья. Поэтому эта система, можно сказать, характерна для равнинных жителей, и, прежде всего кабардинцев»³⁰. Яснее не скажешь. Начало господства этой системы обычно связывается со средневековьем, так, например, А. Нагоев относит его к послемонгольскому времени³¹. В связи именно с кабардинцами (чаще всего), черкесами, адыгейцами рассматривается переложно-залежная система и в других работах, в том числе общего характера, правда, с указанием на привязанность ее к равнинам³².

Однако при этом исследователи нередко не забывают указать на ее экстенсивный характер, особенно при экономических оценках, например: «земледелие носило натурально-потребительский характер, с рутинной техникой, переложно-залежной системой»³³.

Однако не будем забывать, что производство хлеба (зерна) у кабардинцев в XVII–XIX вв. было не только самодостаточным, но и избыточным. И мы не согласны с теми авторами, которые считают пе-

реложно-залежную систему примитивной, стихийной, чуть ли не самопроизвольной, непродуманной, не спланированной. Использование естественных ресурсов без особых дополнительных мероприятий для достижения определенных, в том числе хозяйственных, земледельческих целей вовсе не означает что эта акция не продумана, не спланирована, не взвешена. На самом деле любая система земледелия, даже самая простейшая из них, плод продуманных решений и действий, – исходящих из наличных объективных экономических реалий, хозяйственных традиций и профессионального опыта земледельца. Иначе это не была бы система, не была бы совокупность продуманных и направленных действий, а был бы просто ряд беспорядочных и взаимно не связанных действий. Например, мы видели, как в этой разновидности системы учитываются и рационально сочетаются с земледельческим хозяйством интересы скотоводства.

Не случайно такой знаток истории и этнографии адыгов, маститый кавказовед В.К. Гарданов считал, что земледелие у адыгов «хорошо сочеталось», со скотоводством, и даже с его преимущественным развитием³⁴. А Б. А. Калоев, написавший капитальные монографии и по земледелию и по скотоводству Северного Кавказа, даже полагает, что сочетание со скотоводством, включающим коневодство, является характерной, даже признаковой чертой северокавказской переложно-залежной системы земледелия³⁵.

Разумеется, переложно-залежная система не могла не изменяться с изменением экономической и демографической ситуации. Основные факторы изменения: рост населения на равнине, увеличение потребности в товарном зерне, прогресс в технической оснащенности. Особенно быстро эти изменения происходят в пореформенный период. Если до этого залежь в 20–25 лет была обычной нормой, и использовались эти залежи для развитого, развивающегося скотоводства, то уже в пореформенный период они сокращаются до 9–10 лет, а в Малой Кабарде, в которой земледелие стало главной, ведущей отраслью, даже до 5–6 лет. Этот процесс минимализации продолжительности залежи усиливается с ростом товарного земледелия на равнине, и к концу века удельный вес ее падает, она постепенно переходит в простой перелог, пар, плодосмен. В связи с последним было бы несправедливым не вспомнить, что он был известен адыгам, особенно в прибрежной части еще в пору безраздельного господства залежной

системы, например: кукуруза–пшеница–просо и затем 14–15 лет залежи (выше мы приводили пример подобного сочетания). Обратим внимание: судя по последовательности смены сельскохозяйственных культур плодосмен был не простой, а сочетался с одновременным севооборотом: от кукурузы (яровой) к пшенице (озимой), от последней – к просу (яровому). Недаром известный русский ученый И. Клинген, изучавший хозяйство причерноморских адыгов так высоко о нем отзывался: адыгский народ за многовековую историю «имел возможность выработать самую практичную систему хозяйства, самые разумнейшие приемы обработки, сделать самый счастливый подбор высших и низших культур»³⁶.

В связи с упомянутыми терминами «плодосмен» и «севооборот» считаем необходимым сделать небольшое отступление и пояснить наше понимание (трактовку) этих терминов.

В сельскохозяйственной литературе вопрос о номинациях «севооборот» и «плодосмен» (чередование посевов сельскохозяйственных культур) достаточно ясен и, во всяком случае, однозначен для пишущих о системах земледелия. В этнографической литературе содержание этих понятий довольно туманно, расплывчато и противоречиво, вплоть до подмены обоих понятий друг другом. Во избежание разночтений и недопонимания, хотим объяснить наше понимание этих терминов. Севооборот – озимая культура сменяется на той же площади, участке – яровой культурой, например, после озимой пшеницы – яровое просо, или кукуруза, и даже яровая пшеница. Плодосмен – когда одна культура на том же участке сменяется другой культурой, не обязательно сезонно-сменной, например яровой ячмень сменяется яровым просо или овощем. На практике земледелец пытается построить структуру системы земледелия таким образом, чтобы плодосмен одновременно явился бы севооборотом, или чтобы при севообороте сменилась бы и сельскохозяйственная культура. Именно эта сдвоенность намного повышает эффективность их воздействия на плодородие почвы, производительность используемых пахотных угодий. На этом принципе сдвоенности построено и известное трехполье – озимые–яровые–перелог и озимые–яровые–пар, при котором (севообороте) пытались сменить и вид (род) сельскохозяйственной культуры (например, озимую пшеницу на яровой ячмень, просо или кукурузу), хотя это не всегда получалось, особенно при малоземелье, меша-

ло то обстоятельство, что почти всегда бывает профилирующая, главная посевная культура, которую приходится сеять чаще и больше (на большей площади) других. Кстати сказать, возможно эта сдвоенность и послужила, скорее всего, и указанному выше обстоятельству смешения в этнографических описаниях понятий «севооборота» и «плодосмена». Этому способствовала и практика именования севооборотом отдельных систем земледелия (паровой севооборот) и их сочетаний, комбинированных систем (переложно-паровой севооборот), т.е. термин «севооборот» применяется как синоним слова «система» или «совокупность систем». Для приведенных примеров применение термина «севооборот» допустимо, но есть такие системы земледелия (или подсистемы) в которых севооборот в его прямом понимании не имеется, или не всегда применяется, например, в залежной, паровой или лиманной системах. Научную терминологическую традицию, разумеется трудно переименовать, да и не получается это в большинстве случаев, но мы все таки попытаемся сделать это, хотя бы в рамках этой работы, «для себя» в целях четкого разграничения дефиниций и определяемых ими объектов (понятий), чтобы не заблуждаться и самому в этих разночтениях, и что главнее, чтобы читатель ясно и четко мог представить себе, что такое «а» и что такое «б» и т.д.

Для этого мы решили ввести в литературный оборот новый термин, заменяющий вариант широкого истолкования обозначения и употребления термина «севооборот». Этот термин – «полеоборот». Он не подразумевает конкретную систему (или их совокупность), но объединяет комплекс мероприятий земледельца (включая главным образом системы) по рациональному использованию угодий. Его преимущество в том, что обозначая или подразумевая любую систему (или любую их совокупность) он не «узурпирует» при этом имеющееся название одной конкретной системы, и потому исключает подмену понятий, из-за использования конкретной номинации не только по своему прямому назначению «севооборот», но и для номинации других понятий (явлений), и оставляет термину «севооборот» его прямое «свое» значение, назначение и применение.

Возвращаясь к описанию залежной системы заметим, что она была известна не только адыгам, она отмечена, например, у абазин и

других обитателей северо-кавказских равнин, в т.ч. переселенцев с гор и др.³⁷

Бытовала она и в Закавказье, но в меньшей степени, так как единственная низменность, сравнимая по наличию равнинных просторов – Куринская по своим климатогеографическим условиям не стала ареалом распространения земледелия. Один из наблюдателей начала XX в. говорит о оставлении значительной площади под паром. Однако из описания (земли «отдыхают» 10 лет) становится ясным, что речь идет о залежной системе. Подтверждают это и приводимые им цифры, характеризующие процент оставляемых «под пар» земель в Европе (Франция – 13%, Германия – 6%? Англия – 2%)³⁸. Ясно, что речь идет о залежах, так как Европа в то время не изжила еще паровую систему в такой степени.

Относительно Азербайджана Г. Джавадов подтверждает, «что залежная система земледелия в той или иной мере была распространена во всех зонах Азербайджана». Он указывает, что это делалось для восстановления плодородия и борьбы с сорняками»³⁹. Другой исследователь – Г. Гулиев говорит о залежной системе (которую он называет «переложной» и особой ошибки здесь нет, ибо залежь один из видов перелога) сходной с кабардинской – после нескольких лет посева участок оставляли под травяную залежь, выгон, лучшие места – под сенокос. Залежь сочеталась с обработкой других участков, поэтому она входила в двух- или трехполье (вспомним, и другие исследователи, например, М. Кантария назвали подобную практику у кабардинцев трехпольем. Однако, применительно к залежной системе нельзя говорить о трехполье, так как оно не имеет залежного участка, и его «три поля» находятся в постоянном полуобороте, и два из них заняты посевами).

Описание, можно сказать, классической формы залежной системы, в Азербайджане сделанное иезуитскими миссионерами в начале XVIII в. приводит Ш. Гусейнов: «земля настолько хороша, что не нуждается в удобрениях, ей дают только один или два года отдыха, после него весной делают первую вспашку»⁴¹ (для озимых). Обратим внимание: один–два года залежи, Г. Джавадов и Г. Гулиев называют 2–3 года⁴². Если вспомнить продолжительность залежи на северо-кавказских (особенно кубанских) равнинах, достигающей 25–30 лет, становится ясным, что особого обилия пахотоспособных угодий в

Закавказье не было и на равнинах. В этой связи отметим, что исследователь экономического быта крестьян в Бакинском уезде П.Н. Ягодынский свидетельствует, что из лучших земель в «отдыхе» была только 1/5 часть, а худших – тоже меньше половины (2/5 части). Другой исследователь – А.Д. Ерицов описывает систему, которую он называет «вольной». При первом знакомстве она напоминает уплотненный полеоборот (это то, что обычно называют «однопольем») – участок сеют «до тех пор, пока дает урожаем», но потом выясняется, что истощенная земля оставляется под выгон (?) надолго, пока по составу сорных трав не станет видно, что плодородие почвы восстановилось⁴³.

Естественно, что залежная система была более распространена в низменных местах (особенно) Азербайджана. Наблюдатель отмечает, что на Куринской равнине в неорошаемых местах был примерный паритет между продолжительностью использования пахотных угодий под посевы и залежь, с повторением циклов⁴⁴.

Интересный вариант залежной системы засвидетельствован в Западной Грузии, на Колхидской низменности. Автор пишет, что поскольку продолжительность использования под посевы и отдых зависела от качеств почвы, то первенствовали в применении залежи плавни, лиманы, как наиболее плодородные, не нуждающиеся в удобрениях и поливе. Порядок здесь был такой: 3–4 года посев, 2–3 года отдых, или же – 5–7 лет посев и 10 лет отдых (это уже поближе к большим промежуткам «отдыха» на Северном Кавказе)⁴⁵. Залежную систему практиковали и русские духоборы (переселились в 1841 г.) в Ахалкалакском уезде (Джаваheti) Тифлисской губернии: залежь чередовали с зеленым паром (т.е. выгонами), после 5–7 лет отводили под пастбища⁴⁶.

О распространении залежной системы в Грузии упоминает и путешественник по Кавказу в XIX в. А. Гакстгаузен, который описывает явный залежный полеоборот: 2–3 года подряд посев пшеницы, 1 год – ячменя и потом несколько лет поле отдыхает. О распространении этой системы в Грузии пишут Н. Брегадзе и Л. Бериашвили, которая указывает, что «существовала и залежная система, когда земля засеивалась несколько лет подряд и после сильного уменьшения урожая оставлялась на определенное время (корди, харсси – бросовая земля)». Интересно отметить ее замечание о том, что при залежной сис-

теме особое значение придавалось унавоживанию, которое производилось путем устройства стойбищ скота, на участках»⁴⁸. Известно, что залежная система не нуждается в унавоживании (вспомним ответы наших респондентов на Кумыкской плоскости), скорее всего речь о стихийном или так называемом залежном «трехполье».

Своеобразно положение в отношении залежной системы в западной Грузии, в частности в Абхазии. Исследователи прямо пишут, что «природным условиям и хозяйственно-экономическому уровню развития Абхазии XIX в. соответствовала господствовавшая (!) залежно-переложная система земледелия». Причем и срок «отдыха» залежи указан довольно солидный – 5–10 лет и более⁴⁹ (это больше чем на дагестанской равнине в это же время).

Залежная система у абхазов описана и З.В. Анчабадзе. Вначале он приводит свидетельство А. Гакстгаузена что «грузины не удобряют своих полей (верный признак залежной системы), а затем описывает полеоборот: «сеют 2–3 года сряду... иногда поле остается несколько лет под паром»⁵⁰ (повторим, что и здесь речь идет о залежи, т.к. многолетнего парового поля не бывает, это уже залежь). Залежная система в Абхазии имела своеобразную особенность, которую условно можно назвать «разнозональной». Жители предгорий и равнин «при истощении холмистых земель их оставляли для выпаса скота и переходили к речным долинам, а затем, через определенное время» возвращались на холмистую полосу⁵¹.

Это очень напоминает упомянутое нами выше «подвижное земледелие» индийского села⁵².

Своеобразная залежная система отмечена у армян. В замечательном труде И. Шопена мы находим описание системы, которую можно охарактеризовать как залежную. Он пишет, что «смотря по удобности поливания и по качеству земли и ее пространству (!) поля оставляются под паром одно, два и даже три лета»⁵³. Характерно его добавление – под пар оставляют земли, где по недостатку воды невозможен полив⁵⁴. Еще одно доказательство того, что речь идет о залежи, ведь только она не поливалась и не удобрялась у всех народов. Ситуация в рассказе И. Шопена полностью совпадает с положением, описанном нами выше на дагестанской равнине: при наличии (появлении) возможности орошения, поливные земли выпадали из цикла залежной системы (она была ведь и до появления возможности поли-

ва) и становились составным элементом парового или уплотненного полеоборота. Наблюдатели обычно переставляют эту последовательность – если невозможен полив, поле идет под залежь, Надо наоборот – возможность полива увеличивает производительность угодий и как следствие эти угодья становятся объектом интенсивной эксплуатации без всяких перерывов на отдых, т.е. без залежи и даже простого перелога. Впрочем, о удобрении И. Шопена высказывается довольно категорично – не было, навоз шел на топливо. Классический пример того, что интенсификация земледелия, рост распашки, орошение и т.п. приводят от залежи к паровой системе. Возможно под влиянием описания И. Шопена находился другой автор (М. Адонц), рассматривая систему земледелия у армян. В начале его описания кажется, что речь идет о плотном полеобороте: «отсутствовал регулярный севооборот; один и тот же участок использовали под посев какой либо культуры несколько лет подряд до полного истощения земли». Это явно уплотненный полеоборот. Однако дальше по автору участок «оставляли под паром, или обращали в выгон для скота, или же через определенный промежуток времени вновь засеивали его»⁵⁵. Отдельные несоответствия описания вызваны неудачной терминологией автора. После истощения, землю оставляли на несколько лет, не «под пар», а под залежь. Его двукратное «или» здесь лишнее, оставленная залежь использовалась для выпаса и после достаточного «отдыха» вновь отводилась под посев. Судя по приведенным им цифровым данным, в конце XIX в. (1894 г.) в Армении на 1 дым было (у государственных крестьян) от 6,4 дес. (Эриванский уезд) до 14,6 дес. (Даралагезский уч-к), и в среднем – 9,2 дес. удобных земель (неудобные у него – пастбища, выгоны, вместе с ним было 16,4 дес.)⁵⁶, что исходя из известной практики земледелия, допускало возможность применения залежной системы. Даже в нагорной полосе в пореформенный период неполивные земли (а их было ни много–ни мало 7/8, т.е. 87,5% всех пахотных угодий) после. 2–3 лет посева «оставляют под залежи от 2-х до 3-х лет»⁵⁷. Это подтверждает и другой исследователь экономического быта крестьян Армении – «в исходе третьего года по уборке хлебов земля не распахивается (!), а оставляется под паром две зимы»⁵⁸ (и здесь смешение терминологии – не «под паром», а под перелог, залежь, не может земля которая «не распахивается» называться паром).

Залежная система практиковалась и у горцев, переселившихся на равнину – осетин, ингушей, чеченцев, балкарцев, карачаевцев. Отметим, в связи с этим одно обстоятельство: процесс переселения у осетин, ингушей и чеченцев был и более активным, и более массовым, и это далеко не случайно. Дело в том, что стремились к переселению на равнину в первую очередь самые бедные и безземельные, но имеющие богатые земледельческие традиции, те, для которых земледелие, при всей его маломощности, было главным занятием.

Занятия земледелием для переселенцев обуславливались на равнине, с одной стороны комплексом объективных новых условий и обстоятельств, традициями местного земледельческого хозяйства, той экологической, хозяйственной, демографической и культурно-этнической среды, в которую они вливались, и собственными хозяйственными, в том числе земледельческими традициями. Б.А. Калоев прямо указывает, что горцы Северного Кавказа «познакомились» с переложно-залежной системой «позже, по мере того как спускались с гор на равнину»⁵⁹. Относительно чеченцев в XVII в. это подтверждает Т.А. Исаева.

Правда, она оговаривает свое утверждение словами «надо полагать». И еще отметим, что автор перечисляет в одной «куче», подряд двухполье, трехпольную систему земледелия, подсечное земледелие, «черный пар и зябь», ну а «в горах развито террасное земледелие». Но, как уже указывалось, ситуация на равнине изменилась, рост товарного производства зерна, само переселение, захват земель казной, в частности для обеспечения ими казаков, наделы которых были намного больше, чем у местных насельников, в том числе традиционно здесь проживавших адыгов, сильно сократили земельные ресурсы. Выше мы приводили цифры средних душевых наделов на равнине: кабардинцы – 8,37 дес., осетины – 5,4, ингуши – 4,3, а у казаков он составлял – 21,3 дес.⁶¹ Поэтому на равнине происходит постепенное сокращение продолжительности срока залежей. От былых 15–25–30 лет не осталось и следа. В этих условиях на равнину был перенесен горский опыт разбивки участков угодий, позволявший рационально сочетать интересы земледелия и скотоводства, при увеличивающемся товарном производстве зерна. Например, в осетинских аулах равнины сельские угодья делили на несколько естественно разделенных урочищ с профилированными назначениями: распашка, сенокос, выпас

скота, меняющимися каждый год. После пашни следовало использование под выпас, который превращался затем в сенокос, и снова вспашка. В зависимости от земельных ресурсов так продолжалось 4–6–12 лет, а потом, если есть другие залежные угодья, эти, использованные, идут «под выпас и сенокос» на тот-же срок⁶². Б.А. Калоев также отмечает, что у равнинных осетин господствовала издавна переложно-залежная система, которая в пореформенный период стала уступать место более экономным на землю системам. При характеристике (описании) переложно-залежной системы у осетин Б.А. Калоев приводит традиционную для адыгов разбивку залежной системы: распашка, выпас скота, сенокос. Но М.В. Кантария, например, называет эту систему кабардинцев «трехпольной залежной системой»⁶³, но ведь залежная система не значит трехполья, она в нее переродилась через малый перелог и пар. Подобную ошибку допускает и Б.А. Калоев по отношению к новой системе, называя ее трехпольем, но, судя по его расшифровке, речь идет о плодосменной системе, сочетающейся с севооборотом (просо–пшеница–пшеница–просо, или просо–просо–пшеница–пшеница), с последующим перелогом или краткосрочной залежью⁶⁴. У равнинных ингушей был почти такой же распорядок, но продолжительность цикла составляла уже только 3–6 лет. У чеченцев этот срок был еще меньше – 2–4 года. Подобное деление пахотных участков, при котором два из трех отходят в оборот скотоводческого хозяйства, но поочередно выполняют и, свою основную функцию – поступают под вспашку, подобен традиционному масштабному (и площади, и сроки) земледелию кабардинцев, тесно, симбиозно, органически сочетавшегося с господствующим на равнине скотоводством. Впрочем, ни им, ни остальным народам, естественно, не удалось сохранить залежную систему при растущем производстве товарного зерна, росте технической оснащенности земледелия и плотности населения.

Однако надо сказать, что у горцев-переселенцев в новых условиях хозяйствования их земледельческие занятия и продукция были на самом высоком, соответствующем своему времени уровне. Не случайно один из самых осведомленных о земледелии Северного Кавказа авторов Е.В. Максимов отмечает, что чеченская равнина «по общепринятому мнению, на всем Кавказе уступает плодородием только Кахетии»⁶⁶. Здесь стоит сделать небольшую поправку – не плодородием, а продукцией.

дием, а возделанностью и продуктивностью, ведь кубанские равнины по плодородию выше терских, не случайно о них говорят – «лучшие в мире черноземы».

Возвращаясь к упадку залежной системы отметим, что к концу XIX в., когда сроки залежи стали катастрофически сокращаться, когда стало уже невозможным трехчленное деление, ведущее в свою очередь к невыполнению залежью своего назначения – поддержания плодородия почвы, когда залежь фактически перестала быть залежью, переродилась, тогда для горцев настало время использовать свой собственный опыт горского малоземельного земледелия.

Сокращение залежи до одного года превращает ее в малый (годовой) перелог, который, в условиях растущего равнинного земледельческого хозяйства превратился в перелог-пар, а затем и пар, с использованием севооборотов и чередования культур (плодосмена) Со всем не без оснований, в литературе высказывались мнения, что чеченцы и другие горцы, в свою очередь, как бы в обмен на знакомство с залежной системой, принесли на равнину паровую систему земледелия⁶⁷. Таким образом, происходит постепенное вытеснение залежной системы более интенсивными, рациональными и продуктивными системами, с включением пара, многополья, плодосмена и севооборота, а также удобрения и орошения. На примере России этот процесс кратко и четко обрисован А.С. Ермоловым: «Отправляясь, таким образом, с одной стороны, от трехполья, а с другой – от старой залежной системы, мы в обоих случаях приходим к результатам совершенно одинаковым и получаем многолетние, плодотворные севообороты, в которых сливаются отличительные черты обеих первоначальных систем»⁶⁷. Лучше не скажешь. Переложно-залежная система, пожалуй, единственная из систем, которая является как-бы «самодостаточной», она реализуется только варьированием использования угодий, никаких других дополнительных приемов, призванных воздействовать на состояние плодородия почвы она не знает. Поэтому эту систему называют экстенсивной и даже примитивной, но с последним определением трудно согласиться. В Дагестане, когда в беседе с опытными хлеборобами, в ответ на вопрос о удобрении или орошении пахотных угодий, находящихся в обороте переложно-залежной системы, в ответ неизменно звучало: «Нет», или еще более категорическое – «А зачем?» Некоторые даже добавляли, особенно в Засулак-

ской Кумыки (где земледельцы могли позволить себе долгосрочные залежи) «От навоза только вонь и мухи». В связи с этим вспомним, что у терских казаков, имевших возможность после 3–4 лет обработки оставить участок под залежь на 15–20 лет, было распространено убеждение, что «унавоживание земель понижает их урожай». Представление подобного рода было и у поволжских крестьян, применявших залежную систему, которые «никогда не удобряли свои пашни навозом, считая, что унавоженные поля больше страдают от засухи»⁶⁹. Залежная земля копит плодородие, увеличивает запасы влаги, улучшает структуру почвы, она набирается сил для новых посевов, новых урожаев. Никакие другие приемы, средства, мероприятия не действуют на почву так благотворно как залежь (длительная). Особенно если на ней выпасался скот, ведь это дополнительное удобрение. Однако специального удобрения не было, как не было и орошения. Залежная система очень щедра на использование земли, во всем остальном ее главный принцип – поменьше лишних мероприятий, поменьше расходов – и физических и экономических.

Можно сказать, что введение удобрения или орошения в комплекс переложно-залежной системы фактически означало бы перерождение системы, ибо их отсутствие, самодостаточность системы как мероприятия, обеспечивающего поддержание плодородия только за счет варьирования использования участков, и является главной особенностью и признаком этой системы.

Подытоживая сказанное о переложно-залежной системе отметим, что она была распространена на больших степных и отчасти предгорных пространствах Кавказа вплоть до 80-х гг. XIX в. Ее вытеснение начинается в пореформенное время, с ростом товарного производства зерна, технической оснащенности и агрономической обеспеченности земледельческого хозяйства, а также ростом плотности населения.

В условиях наличия объективных условий для зарождения и развития, залежная система была отчасти обусловлена быстрой истощаемостью почвы при монокультуре проса, риса, табака, а также интересами отгонного скотоводства, с которым залежное земледелие находилось в симбиотическом сочетании и единстве.

Главное мероприятие и главный признак переложно-залежной системы – варьирование использования пахотных угодий, с целью восстановления плодородия почвы, путем превращения перелога в

длительную залежь. Чем больше ресурсов пахотоспособных угодий, тем продолжительнее залежь, и тем эффективнее и продуктивнее ее воздействие на плодородие угодий. Низведенная до уровня продолжительности меньше трех лет залежная система намного снижает свой потенциал, теряет смысл и превращается в другую систему (малый перелог, пар), со всеми вытекающими отсюда последствиями (например, необходимость дополнительных приемов, действий – удобрения, орошения). Подобное происходило к концу века по всему Кавказу, и это естественно, приводит к уменьшению практики залежной системы, сокращению площадей, пахотных угодий, отводимых под залежный перелог, превращению его в другие, более интенсифицированные системы, через кратковременный перелог к пару. Так рост товарности зерна и его производства вкупе с изменением демографической ситуации (рост плотности населения), привели к вытеснению к концу XIX в, переложно-залежной системы паровой, с возможным удобрением и орошением, а затем и многопольем.

§ 2. Малый перелог

Малый перелог по всем статьям является абсолютной противоположностью переложно-залежной системы ее полным и безусловным антиподом. Залежная характерна и господствует на обширных пахотных угодьях равнин, а малый перелог свойственен, в первую очередь высокогорью с его малоземельем, «клочками» нив. Залежь, естественно, сложилась на базе достатка доступных угодий, малый перелог – вынужденная мера на грани отчаяния, вызванная трудностью освоения и утилизации малодоступных угодий. Залежь «отдыхает» годами, накапливая плодородящие силы и возможности, малый перелог имеет в своем запасе только один год, который, к тому же, местами следует за 2–3 летним посевным циклом, что обусловлено было малоземельем. Перелог не свойственен малоземельным местам в которых стараются использовать каждую пядь пахотоспособной земли. И причем еще пытаются создать новые площади для вспахивания под посевы, путем освоения бедлендов, террасостроительства, расчистки от кустарников, подсеки и т.п. Можно сказать, что, например, в Дагестане перелог был вынужденным, выбранным по причинам (обстоятельствам) маргинального характера, возникшим на фоне

острого малоземелья: в 1886 г. в равнино-нижнепредгорной части Дагестана было 5,7 десятин пахотных угодий, и 1,7 дес. сенокосов на 1 хозяйство, причем статистика как правило не учитывала залежные пахотные земли, в предгорье – 1,8 дес. и 0,2 дес., а в горной части соответственно 1,1 дес. и 0,4 дес. (в высокогорной – 0,7 дес. и 0,3 дес.). См. Таблицу 2 Приложений. Однако, несмотря на острый недостаток угодий, жители высокогорья практикуют эту неэкономную на использование угодий систему – перелог. В ряду причин и предпосылок обусловивших подобный парадокс, следует назвать отдаленность и малодоступность пахотных участков, создающие трудности в обработке участка, осуществлении мелиоративных мероприятий по улучшению угодий, агротехнических работ и ухода за посевами и т.п. Все эти трудности хотя и нелегко преодолеть, но, вспоминая гигантские усилия и работы, производимые горцами, например, в подсечном земледелии и террасостроительстве, следовало ожидать, что и эти препятствия их не остановили бы. Однако было одно обстоятельство, объективное, которое никакими трудовыми усилиями и затратами невозможно было устранить, преодолеть, исправить. Дело в том, что эти участки, располагаясь в высокогорных труднодоступных местах, соответственно имели и худшие почвенные качества, они характеризовались скалистостью, каменистостью, тонкослойным скелетным характером почв и поэтому нуждались в обильном удобрении. Даже почвы, образовавшиеся в результате подсеки, были в этих местах маломощными, ибо, как известно, леса крутых склонов высокогорий Кавказа имеют тонкий почвенный слой. Но проблема удобрения почвы имела свои, почти непреодолимые трудности. Первая – это трудность их доставки в отдаленные и малодоступные места. Порою земледельцу просто не хватало ни сил, ни времени, ни транспортных средств, чтобы одновременно с уходом за основными, ближними угодьями производить необходимые работы и особенно завозить навоз и на отдаленные участки.

Поэтому эта форма переложной системы не была повсеместной, массовой, она не могла быть характерной для всего селения в целом и выступала лишь в качестве дополнительной формы, практикуемой наравне с основной системой, осуществляемой на большей части пахотных угодий (ближних) поселения. Но и эта проблема могла быть решена, хотя бы частью хозяйств, имеющих достаточно рабочих рук

и транспортных животных. Но была вторая и главная трудность, заключающаяся в том, что навоза, являющегося главным, фактически единым удобрением, не хватало. Нам уже приходилось говорить в связи с проблемой удобрений в горном Дагестане, что одной из причин этого являлась необходимость заготовки кизяка в качестве топлива Крестьянин в безлесных местах постоянно находился в положении бурданового осла, пытаясь решить трудно разрешимую дилемму – как обеспечить хозяйство в достаточном количестве и топливом (зимой в горах это тоже острая потребность) и удобрением (без него не получить сносный урожай). На Северном Кавказе, где лесов было намного больше (вспомним: в Дагестане конца XIX в. леса занимали 4% территории, а в Кубано-Черноморье, например – 21%, Карачаево-Черкесии – 23%, Кабардино-Балкарии – 9%) и в Закавказье, где даже в считающейся безлесной Армении леса составляли 11,7% ее площади, в Азербайджане – 14,5%, в Грузии же все 35,6%⁷⁰, эта проблема не была столь острой. Однако в части высокогорий Осетии, Ингушетии, Чечни она тоже была достаточно злободневна. На это обратил внимание даже исследователь скотоводства высокогорий Кавказа В.Н. Гевевский, отметивший, что «вследствие употребления навоза на топливо не все участки (!) удобряются, а только ближайшие (!) к селениям»⁷¹.

Отметим, что наблюдатели не останавливают своего внимания на том обстоятельстве, что на этих отдаленных, худших участках применяется система земледелия, отличающаяся от практикуемой на основных площадях пахотных угодий поселения. В лучшем случае авторы производят деление пахотных угодий на ближние и дальние (отдаленные). Б.А. Калоев указывает, что пахотные участки делились на ближние, с более плодородными почвами и хорошими урожаями (хъугом) и дальние, худшие, с плохими урожаями, засеиваемые второстепенными культурами (карон заххыта)⁷². Отметим, однако, что эти «второстепенные» культуры (например, горох) далеко не были таковыми для этих тощих почв, и высевались целенаправленно, так как выполняли роль обогатителя и улучшателя почв (их корневые системы генерируют азот). Одни из наиболее осведомленных и компетентных наблюдателей хозяйственной жизни народов Северного Кавказа Е. Максимов и Г. Вертепов воспроизводят более определенную картину положения с «ближними» и «дальними» участками. Они

указывают, что ближние участки готовятся раньше, так как доставка к ним «перегноя менее затруднительна», у них почти горизонтальная площадь, рыхлая, легко удобряемая почва. Удаленные участки, по их словам, по дальности и большому уклону мало пригодны для удобрения.

Однако горцы стараются удобрить и их, и потому еще с зимы переносят на них перегной (на себе или ослах).

Но это делается не всеми и не всегда (а по возможности, имея в виду наличие и рабочих рук, и транспортных животных). Поэтому они добавляют, что если участок не могут удобрить, его засевают «через год и реже через два года»⁷³, иными словами оставляют участок в качестве перелога. Буквально то-же самое мы встречаем и в отдельной работе Г. Вертепова: «За невозможностью удобрять и хорошо обрабатывать участки, расположенные на крутизнах, они часто остаются без удобрений и в таком случае засеваются через год и реже, через два года»⁷⁴.

Однако горцы никогда не теряли надежды удобрить свои участки и находились в постоянном поиске возможностей, средств, способов осуществить это столь необходимое и желанное мероприятие. В этом плане, отдельным хозяевам удавалось использовать для этого близость своих дальних участков к местам содержания и выпаса скота

Наилучшим средством удобрения этих неплодородных и истощенных участков считался постой овец на участке на некоторое время. В Дагестане это был распространенный способ, отмечен он наблюдателями и на Северном Кавказе. Так, например, он засвидетельствован Н.П. Тульчинским у карачаевцев, причем именно на «дальних» участках: «Для полей, удаленных от жилых мест и расположенных вблизи пастбищ, владельцы полей, чтобы скопить навоз, устраивали конюшни для загона на ночлег скота или баранты»⁷⁵. Обратим внимание: названы конюшни, но загоняют не лошадей, а скот, и это правильно, ибо помет лошадей (и ослов) в качестве удобрения, как правило, не применялся (считался слабым, неэффективным).

Преимущества постоя овец заключались в нескольких обстоятельствах, представлявших несомненную удобность и выгоду для земледельцев, владельцев отдаленных участков, являющихся одновременно и малоплодородными. Во-первых, отпадала трудная проблема доставки навоза на участок, овец можно пригнать на любой

трудно доступный участок. Во-вторых, овечий помет считался сильным, эффективным удобрением, намного более сильным, чем навоз крупного рогатого скота. В третьих, время малого перелога совпадало с пребыванием овец на летних пастбищах, или частью на хуторах зимнего содержания, т.е. сравнительно близко к высокогорным малоплодородным пахотным участкам поселаян.

Хозяева участков старались максимально использовать это обстоятельство, не жалея на это ни больших усилий, ни затрат. Известны случаи, когда за постой средней отары (300–500 гол.) на 12 ночей хозяин участка отдавал половину будущего урожая. Но это все таки крайний случай (особенно плохие участки), более близка к среднеобычной плата в одного баранчика или одной меры зерна за пребывание отары (600–900 гол.) на участке две ночи. При этом следили за тем, чтобы масса навоза-удобрения не превысила необходимой потребной нормы. Так, например, средне-достаточной считалась продолжительность поста отары овец в 300 гол. в течение 10 ночей, при величине участка в 0,5 га. Это предел, превышение которого, по словам опытных хлеборобов, приводит к «сгоранию» почвы и соответственно ее бесплодию. Из сказанного можно сделать вывод, что горцы считали постой овец на труднодоступных неплодородных (тонкий скелетный характер почвы, каменистость и т.п.) отдаленных участках радикальной мерой улучшения их плодородия.

Характерно, что земледельцы и здесь, в высокогорных местностях, в которых малоземелье является бичом земледелия, тем не менее считают, что отдых пахотному угодию необходим и даже обязателен, будь это перелог, пар, севооборот (желательно с плодосменом).

Крестьяне очень хорошо осознавали необходимость, даже неотвратимость такого выбора для сохранения плодородия на этих землях. То есть, они отлично представляли себе, что если они не будут делать этого (оставлять перелог), их участки, и без того не плодородные, с тонким слоем почвы и гумуса, истощаются и вообще не будут давать никакого урожая. Даже в части селений предгорья, испытывавших недостаток в пахотоспособных угодьях, применялся перелог для угодий, расположенных в отдаленных труднодоступных местах (объяснение – то же: труднодоступность, трудность доставки удобрений).

Так, например, в предгорном Табасаранском сел. Гурик (Чуркуль) нам говорили, что пара многополья не было, т.к. земли было мало, и тут-же выясняется, что на дальних малодоступных местах практиковался годовой перелог. Также поступали в даргинском сел. Урахи (союз Урахи), лезгинском сел. Хпюк (Котур-Кюра) и др. Поэтому у даргинцев годовой невспаханный перелог, в отличие от залежи (барлахъ), назывался хъубаркъ (буквально – «делание поля»). В сел. Кабир (союз Кабир) уже прямо и непосредственно связывают перелог о удобрениями: если навоза для удобрения всех участков не хватало, его не возят на дальние участки и оставляют их под перелог (годовой). В сел. Мочох (Наха-Хиндалал), примерно такая же картина: пара не было, т.к. сеяли только яровые (зять была, если была возможность вспахать), а вот перелог (ракури), и опять на дальних и неудоверяемых участках, обязательно практиковался (отметим, что для обозначения перелога имелся специальный термин). И это при таком безземелье, когда в ответ на вопрос о паре или перелогере нередко отвечают, как, например, в сел. Обода (союз Хедолал): откуда столько земли, чтобы оставлять незанятый (незасеянный) участок. Упомянутая «антитеза – удобряемый – неудоверяемый очень часто встречается в беседах о земледелии на любую тему. Она свидетельствует о очень большом значении, которое придавалось удобрению угодий в горном Дагестане, Оно и понятно, поскольку во многих районах нагорья почвы были, как отмечалось, слабые, скелетные, каменистые, бедные гумусом и поэтому удобрение приобретало чуть-ли не решающее значение. Не случайно в выдержке из А. Калантара, которую мы приводили, говорится, что земледелие в Дагестане обуславливается удобрением (с оговоркой, что имеется в виду горный Дагестан).

Например, в Согратле (Андалал) для увеличения своих удобрительных ресурсов даже содержали бесплатно чужой скот (как плата остается навоз). В этом же плане следует рассматривать и использование выбросов из туалета (в сел. Тануси (Хедолал) нам объясняли, что это очень сильное удобрение), они сильно выручали земледельцев, особенно в тех местах, где большую часть навоза приходилось пускать на топливо (кизяк), как, например, в союзе обществ Кули. Кстати, каждодневное высыпание в туалет золы и домашнего мусора с пылью имело не только удобрительное (в том числе и от поедания червями), но и санитарно-гигиеническое значение (от запаха). В мес-

тах, где готовили много кизяка, (например, союз обществ Вицхи) собирали на удобрения и конский и ослиный помет, поскольку для кизяка он не использовался (не подходит). В некоторых селениях перелог применяли в случае истощения, ночвы в результате плотного использования угодий, причем одновременно старались и хорошо удобрять участок, как например, в сел. Гуми (Кухрук).

Довольно распространен был перелог в высокогорье, главным образом на отдаленных малодоступных неудобряемых участках. Например, в сел. Гельмеп (Цахур), если на ближних участках использование угодий было уплотненным (пар–озимые–зять–яровые–озимые – уже сразу, без пара), то на дальних угодьях был полноценный годовой перелог. Такая же двойственность (применение двух систем земледелия в разных местах одной сельскохозяйственной округи села) наблюдалась и в сел. Джиных (Цахур) и Зрых (Рутул). На ближних практиковалась паровая система с уплотненным варьированием угодий: яровые – этой же осенью после их уборки – озимые – опять озимые, а на отдаленных неудобряемых (так их определяют респонденты) – перелог. Точно такой же порядок был и в Куруше (Ахты-пара), Мишлеше (Цахур), Смугуле (Ахты-пара), Кабире (Кабир), Чирахе, Ашты, Худуце (все Бурун-Дарга), Дуакаре (Сирха), Кутлабе (Анцросо), Мочохе (Наха-Хиндалал), Ицари (Ицари).

Разумеется, общая обстановка безземелья диктовала необходимость более полной утилизации пахотных угодий, но эта вынужденная необходимость – перелог, отчасти смягчала процессы истощения почв и деградации угодий. Однако в большей части нагорья даже этот малый перелог был недоступен и преобладала практика плотного использования угодий. Поэтому, близкой к общему положению была обстановка с применением систем земледелия, обрисованная нашими респондентами в дагестанском (агульском) сел. Хпюг. По их словам пар (кичабан) и перелог (кьюгьар) были хорошо известны сельчанам и применялись ими, но из-за нехватки пахотных земель, использовались ограниченно. По их (группы респондентов) подсчетам перелог в ауле применяли около 20 хозяйств, пар – около 40, а остальные 80 хозяйств не знали (т.е. не могли задействовать) ни того, ни другого. Судя по остальным нашим материалам, особенно по центральному известняку Дагестану, положение было даже более стесненным, и выбор систем земледелия, особенно щадящих почву, эффективных и

экономичных был еще более ограниченным. Характерным в этом плане является ответ на наш вопрос информатора из Ирганая (Хиндалал): не было ни пара, ни севооборота, ни трехполья, ни плодосмена, т.к. было мало пахотных угодий. Например, в союзах обществ Гидатль и Наха-Хиндалал также применяли плотную утилизацию угодий, перемежая озимые с яровыми, без пара. Единственная передышка у пахотного поля была зимой, когда поднимали зябь, это в определенной степени восстанавливало плодородие почвы (за счет гниения растительных остатков, особенно когда зябь удавалось полить). А вот в союзе обществ Келеб не было не только перелога и пара, но и севооборота, и даже плодосмена (не позволяли масштабы высева основных и дополнительных культур, как озимых и яровых, так и разных культур – ржи, пшеницы и ячменя), даже зябь здесь не всегда была из-за нехватки рабочего скота.

В отдельных местах для сохранения плодородия почвы угодий применяли периодический перелог (часть участков оставляли под перелог на третий год), так делали, например, в некоторых селах обществ Андалал, Кухрук, Буркун-Дарго и др. в Дагестане

Поскольку крестьяне не всегда могли себе позволить длительного перелога (залежей), то искали другие средства интенсификации перелога, усиления его свойств, улучшающих плодородящие возможности почвы. Одним из таких средств было вспахивание перелога.

В высокогорном сел. Ицари (союз Ицари) ближние удобряемые участки засевались каждый год, а дальние (именно так их определил информатор) оставляли под перелог, который вспахивался при малейшей возможности. Это оказалось характерной (хотя и не повсеместной) чертой горного земледелия. В результате получался, таким образом, «паровой перелог». Более того, этот перелог, если была возможность вспахивали еще раз летом, когда подрастала трава, чтобы заделывать сорняки в землю для образования удобрения.

Подобное делалось и в отдельных местах высокогорий Осетии, Чечни, Ингушетии, горной Грузии и Азербайджана в которых были сносные условия для содержания тяглогового скота.

В этом случае малый перелог приобретает свойства и паровой вспашки, что удваивало средства (способы) повышения плодородия участка.

Излишне доказывать, что пар, с зябью или без нее прибавляет возможности увеличения перегноя в почве, азотистых соединений, не случайно крестьяне-земледельцы считали что паровой перелог равноценен обильному унавоживанию почвы. Правда, подобную меру хлеборобам удавалось применять нечасто, ведь одна из причин малого перелога была в трудности доставки скота и инвентаря к отдаленным труднодоступным участкам. Поэтому малый паровой перелог был возможен при наличии нескольких благоприятных условий: сравнительная доступность участка, достаток тяглового скота и рабочих рук, возможная незначительность ближних, более плодородных пахотных угодий у хозяина-земледельца, а также такие особенности рельефа, при которых возможна доставка упряжного скота, но трудно транспортировать достаточное количество удобрительного навоза.

В связи с паровым перелогом хотелось бы привести одно разъяснение. Отдельные вполне компетентные авторы, описывая паровой перелог, казалось бы, вполне резонно, относят его к паровой системе. Например, Б.А. Калоев, ссылаясь на вышеприведенные слова Г. Вертепова о том, что невозможность удобрения участков «на крутизнах» вынуждала горцев засеивать участок «через год и реже», добавляет: «одновременно с этим паровая система применялась и на тех землях, которые отличались высоким урожаем». Конечно, вспашка изменяет характер перелога, но пар предполагает вспашку только и именно на лето («пар, поле оставленное на одно лето незасеянным, для очищения от сорняков и удобрения (!) почвы»⁷⁷ – так он характеризуется в словаре русского языка). Как уже говорилось, большинство этих неудобных, дальних (отдаленных) и неплодородных участков оставались незасеянными, под перелог именно вследствие трудности обработки и подвоза навоза. Все что осуществлялось дополнительно, это были действия, которые являлись единичными, далеко не всегда возможными, в содержание системы не входящими, осуществляемые отдельными хозяевами земледельцами именно в качестве дополнительных мер к основной системе (перелог), в надежде и ожидании улучшить состояние плодородия почвы своих участков. Вспомним, что этот перелог иногда, в зависимости от комплекса условий экологического и экономического характера, мог превратиться из непродолжительного («малого») перелога в продолжительный, в залежь, о

чем говорится и у процитированного нами Г. Вертепова, а ведь паровая система не может иметь залежей.

Таким образом, мы можем считать, что на Кавказе практиковался в изучаемое время вид перелога, который характеризовался весьма своеобразными особенностями, прямо противоположными переложно-залежной системе. Он непродолжительный («малый»), вынужденный, по невозможности применить другие более интенсивные или выгодные системы, иногда обрастает чертами, несвойственными перелогу и являющимися признаками других систем.

Однако; как оказалось, на Кавказе был еще один вид малого перелога, который, как это не покажется странным и даже парадоксальным, является детищем переложно-залежной системы, порожденный ею, или сложившийся на ее обломках, по причине перипетий закономерностей крутых поворотов развития зернового хозяйства кавказских равнин (рост потребностей в зерне и его производстве, переселение с гор и России и уплотнение населения и т.п.). В разделе о залежной системе мы упомянули об этом процессе-интенсификации земледельческого производства, роста населения, которые объективно приводили к неуклонному сокращению площадей и сроков залежной системы. Урезанная до двух-одного года залежь равнин на тучных плодородных землях, уже не выполняет своих функций, краткосрочная залежь не успевает пройти этап бурного роста сорняков и земледелец в тех условиях не мог с ними справиться – сорняки забивали посеvy. Поэтому, хотя залежная система и переродилась фактически (и практически на первых порах) в малый перелог, но он не стал самостоятельным этапом в эволюции систем земледелия на равнинах, так как, убедившись в его практической малопригодности и бесперспективности, земледельцы стали искать более приемлемые и эффективные варианты варьирования использования угодий. Этот аспект причин кратковременности использования малого перелога и его последовавшей отринутости, не прошел мимо внимания наблюдателей и исследователей. Так, например, этот процесс отмечен Б.А. Калоевым, но на промежуточный период между залежью и паровой системой в форме малого перелога, он обращает мало внимания. Между тем у цитируемого им автора, исследователя систем земледелия А.С. Ермолова он обозначен довольно четко: «сокращение перелога, при соответственном возрастании площади земель под хлебной куль-

турой, достигает такого предела, когда дальнейшее сохранение переложной системы представляется уже невозможным». И далее: при таком краткосрочном перелог почва не успевает восстановиться, и «только зарастает сорными травами, с которыми потом земледельцы не в силах бороться?»⁷⁸.

Учитывая сказанное о перелог в горной части мы можем, по-видимому, считать что переложная система в нагорьях Кавказа безусловно тела место. Нужно только оговорить, что корни ее, обстоятельства сложения и существования, генезис совершенно отличаются от условий зарождения и бытования на равнине, во-первых, и она безусловно не является залежной, во-вторых, и ее характеризует по возможности дополнительный паровой и удобрительный характер, в-третьих.

§ 3. Переложно-двухпольная общесельская

От двух полярно противоположных видов переложной системы, в основе которых лежат исключаящие друг друга предпосылки (достаток земель и острое малоземелье), которые по ряду природно-географических и экономических обстоятельств вызвали к жизни одну и ту же систему, перейдем к более обычным, имеющим большее распространение в аспекте разнозональности, горского земледелия и горского хозяйственного и общественного быта. Речь идет о переложно-двухпольной системе. Это как-бы усеченный вариант залежной системы («минизалежь»). Если в той несколько участков с меняющимися ролями и «отработавшие» свое пахотные участки, могут отдыхать помногу лет, пока остальные участки попеременно поступают под пахоту, то в двухполье участков (или их совокупностей) только два – примерно одинаковых по площади и качеству, и они попеременно используются под посевы, необработанная часть отдыхает и готовит силы (копит плодородие) для посевов будущего года. Причем отдыхающая часть используется под выпасные выгоны, что способствует, в результате стихийного удобрения, повышению плодородия угодий.

Таким образом, в ее основе лежит перелог, но не горный вариант, когда под перелог отводится часть более отдаленных, трудных для вывоза удобрений участков, и не равнинный, являющийся залежным,

а вариант, при котором под перелог отводится половина пахотных угодий поселения, становящихся выпасными выгонами, вместе со всеми окружающими их угодьями других категорий, в том числе и пастбищных. Встречалось два варианта двухполья, условно их можно назвать предгорно-равнинным и горным. Особенность первого – двухполье является остатком, дериватом залежной системы, в условиях когда стало экономически невыгодным оставлять угодья под «неработающую» залежь, когда залежь стала превращаться в перелог, а рост вспашки привел к дефициту выпасов. В этих условиях использование перелога под выпас стало необходимостью, и поскольку «накопительная» сила перелога намного меньше, чем у залежи, заодно сделать его и накопителем удобрений (выпасом скота). Второй же вариант характеризуется изначальностью основной особенности – он вызван недостатком угодий (в т.ч. выпасных), навоза для их удобрения, чтобы применять более интенсивные системы, а также дефицитом удобрений, вызванным необходимостью употреблять большую часть навоза для приготовления кизяка.

Обратимся к равнинному варианту. Так в Дагестане в райатских селениях табасаранского кадия наравне с залежью использовался и вариант перелога, причем перелог распахивали, превращая его в перелог–пар, но выпас на нем все-таки осуществляли, имея в виду главным образом удобрение пахоты. Характерно добавление информатора: если была хоть малейшая возможность в смысле достатка угодий, то крестьянин обязательно превращал перелог в залежь.

Двухполье с отведением под перелог половины пахотных угодий практиковали в союзе обществ Котур-Кюра. А вот в союзах Сувак, Ахмар, Хараг более дифференцированный подход – двухполье практикуют если угодий хватает, с отводом их половины под перелог – выпас.

Горный вариант двухполья хотя и имел другие корни, по структуре мало отличался от равнинно-предгорного, хотя, разумеется, он был менее масштабен и выпас на перелог в нем является безусловно обязательным (необходимым).

Опыт двухпольного полеоборота показывал, что несовпадение в отдельных хозяйствах очередности посевного и выпасного использования участков приводило к увеличению случаев потрав, а следовательно, и конфликтов.

Такое положение, в условиях дефицита также и выпасных выгонов, привело общину к решению об установлении общесельского двухполя – половина всех пахотных угодий поселян в один год отводится под посевы, другая – под выпас.

Так, например, в селениях союза Муги (Нижн. Мулебки, Гапшима и др.) применялся последовательный общесельский перелог, с обязательным использованием его под выпас скота. Хотя, в отличие от многих мест, он здесь не был принудительным, однако если в год перелога и выпаса какой-то хозяин решал засеять свой участок, то он вынужден был его охранять, так как община снимала с себя всякую ответственность за потраву участков, засеянных в нарушение общесельского распорядка. Примерно такой распорядок был и у цудахарцев, но более острое положение с выпасами привело их к практикованию принудительного перелога на богарных землях (приречные угодья использовались в другом уплотненном варианте с паром и плодосменом). Например, в сел. Хаджалмахи вся совокупность пахотных угодий (кроме приречных орошаемых) и выгонов делилась погодно на две половины – посевную и выпасную и границей их служило ущелье «Хинцла хьадти» (яблочное ущелье). Деление это было жестко принудительным.

Помимо ликвидации одного из главных источников конфликтов (что было очень важно для общины), такой полевой оборот позволял рационализировать хозяйство аула, уравновесить интересы обеих отраслей, облегчить использование и общинных угодий, а также прочих земель-неудобий, бедлендов в общем пастбище-обороте и т.п., одним словом позволял жителям села, общине увеличить степень органичности общего хозяйственного организма, взаимосочетания и симбиотичности главных отраслей – земледелия и скотоводства.

Сущность этой системы очень проста: фонд обрабатываемых угодий поселения делится на две примерно равные половины, и одна из них оставляется под перелог, отводится под сельские выгоны и присоединяется к общему комплексу выпасных угодий поселения – выгонам, пастбищам, всяким неудобьям и бедлендам. Другая половина пахотоспособных угодий поселения отводится под обработку – вспашка под посев, под пар, оставление даже под перелог, зяблевая вспашка и т.п. Иными словами, в пределах отведенной под обработку половины угодий хозяин участка, вправе отвести его под любую

форму обработки, любую разновидность системы. В какой-бы форме участок не был обработан, задействован, община гарантирует неприкосновенность участка, пахоты, посева. На следующий год перелог и обрабатываемая половина меняются ролями и перелог, отдохнувший, набравшийся плодородящих сил, отходит под обработку и посевы.

Этот вид перелога также обусловлен недостатком сельскохозяйственных угодий, но уже не только пахотных, но и выпасных. И в отличие от малого перелога, полярно противоположного залежной системе, имеет с последней одну существенную общую черту: по мнению многих наблюдателей и исследователей переложно-залежная система, например адыгов, и в особенности кабардинцев, прекрасно сочеталась с коневодством и скотоводством, и даже не только сочеталась, но и в значительной степени соподчинялась, и была симбиотична с этими животноводческими отраслями. Этому способствовали обширные залежные земли, которые благодаря продолжительности перелога превращались в разнотравные степи, которые, скотовод-земледелец, используя как пастбища, тем самым, постоянно унавоживал (в результате выпаса скота и лошадей) подготавливал к земледельческому использованию. Сходным образом, хотя и с совершенно различающимися исходными данными (достаток, даже обилие земли, там и безземелье, притом острое, здесь) переложно-двухпольная общесельская система сочетала в себе и соподчиняла интересы земледельческого хозяйства и скотоводческой отрасли поселения, причем и здесь эта связанность носит безусловно симбиотический характер. Отведенная целиком одна половина сельских обрабатываемых угодий охватывает не только эти угодья, но и пограничные межи, откосы, разного рода неудобья и бедленды, образуя, таким образом, единую открытую для выпаса территорию, на всей площади которой ни один хозяин не имел права закрыть для выпаса даже пядь собственной владельческой, мулковой земли. Сообразуясь с этим непреложным общинным установлением, каждый житель селения по возможности уравнивал свои пахотные участки на обеих половинах, прибегая для этого к покупкам, обменам, арендам, супрягам, использованию вакуфных участков и т.п.

Из организации этой системы видно, что для ее реализации нужна организованная сельская администрация, а она была возможна в селениях где была сильная сельская община. Не случайно эта система

была наиболее распространена в горной части (например Дагестана), особенно в союзах сельских обществ, в которых общины были достаточно монолитны и сильны, чтобы быть в силах заставлять своих членов выполнять установления, необходимые (полезные, выгодные, приноровленные) для интересов единого хозяйственного организма общины.

Еще одно отличие данной системы от малого перелого – проблема удобрений. В малом перелого трудность заключалась не только в недостатке навоза для удобрения участков, но и в недостатке транспортных средств и малодоступности участков для их доставки, в двухпольном же проблемы с доставкой не было, но не было в достаточном количестве и самого навоза, ввиду того, что значительная его часть уходила на кизяк. Отсюда ясно, что такая система была свойственна безлесным районам, поэтому она была столь распространенной в горном Дагестане, особенно в горных долинах и была малотипична для всего Кавказа.

Например, в отдельных селениях союза Курах и Ахтыпара в Дагестане применение перелого с выпасом прямо связывают с недостатком удобрений (из-за кизяка). Нам уже приходилось отмечать эту неразрешимую дилемму земледельца большей части горного Дагестана (и отчасти всего Кавказа) – малоземелье, ограниченность пахотоспособных угодий, их невысокие качества (тонкий слой почвы, каменистость, скелетный характер и т.п.), очень небольшие возможности для орошения и пр. требовали обильного удобрения пахотных угодий, но настоятельная потребность в топливе, при бедности лесными угодьями, требовала использования для топлива навоза в виде кизяка. Имеется интересное суждение одного из ведущих отечественных этнографов С.А. Арутюнова о связи сакрализации коровы в Индии с потребностью в кизяке, сложившейся (возникшей) в результате обезлесения. Сакрализации коровы на Кавказе, правда, не произошло, но связь зарождения производства кизяка с обезлесением прозрачно очевидна. Вид большей части горных аулов Дагестана еще в довоенный период наглядно демонстрировал, что кизяк занимал важное место не только в топливном балансе дагестанских горцев, но и в их быту, культуре (штабеля кизяка на крышах имели такие причудливые архитектурные формы, узорчатость, изящество, что поражало воображение наблюдателей и даже подвигли грузинских кинематографов на

создание чудесного романтически-приподнятого фильма о этих штабелях).

Значительная обусловленность двухпольной системы нехваткой удобрений подтверждается тем обстоятельством, что поливные земли поселения (если они имелись) этой системой не охватывались, для них была другая система, другие полеобороты, чаще всего паровая и уплотненного варьирования пользования угодьями.

Поэтому в литературе встречается мало описаний подобной системы, и неудивительно, что многие, имеющиеся из них относятся к Северной Осетии, самой малоземельной области Северного Кавказа (например, в экспедиционных материалах А. Робакидзе и Б. Гамкрелидзе по поездке в Северную Осетию они констатируют «поочередное использование различных участков пашни»)⁷⁹. Имеются примеры распространенности подобной системы не только в Дагестане или Осетии, но и в Грузии. Так, например, А.И. Аргутинский, серьезный исследователь экономического быта крестьян Закавказья, свидетельствует, что дойный и рабочий скот в Кахетии выпасался круглый год на паровых землях вблизи селений. Поскольку скотоводство по его словам, «служит только подспорьем земледелию»⁸⁰, то скот как-бы соподчинялся интересам земледелия (не отдалялся от полей, стихийно удобрял их и т.п.). Такое чередование на полях сева и выпаса было и в горных областях Грузии. Так, о пшавях в Панкисском ущелье говорится, что они делили землю на «две половины, и каждая из них вспахивалась через год»⁸¹. Исследователи экономического быта крестьян отмечают двухполье в нагорных и предгорных районах Грузии на неудобряемых (или неудобренных) землях по принципу – посев и выгон. Известный грузинский исследователь Б.М. Шамиладзе также пишет о том, что «в некоторых горных ущельях удостоверяется превращение паров и залежных участков в сельские пастбища, что свидетельствует о народных традициях попеременного использования двух этих видов хозяйственных угодий»⁸³. В Азербайджане П.Н. Ягодзинский констатирует разные варианты двухполя, обусловленные качеством почвы и достатком земли: самый простой – год – посев, год – пар (скорее всего это годовой перелог); два года – сев, один год – выгон; год посев – два года выгон. Однако он отмечает, что из-за увеличения населения двухполье в пореформенный период стало сокращаться, превращаясь в трехполье и уплотненный полеоборот⁸⁴. Этот процесс отмечает и другой исследователь – А.Д. Ерицов – в гор-

ной части нарастающая нужда заставляет отказаться от привычного двухполья. Последнему принадлежит одно из немногих правильных описаний двухполья – «год обработки и год отдыха под залежью (!) чередовались аккуратно»⁸⁵.

Отметим, что подобное деление угодий было свойственно, как ни странно и отдельным равнинным селениям, особенно в местах, где весь комплекс сельскохозяйственных угодий находился во владении общины и она пыталась упорядочить их использование, принимая во внимание разнородность интересов членов общины в их использовании, принимавших временами чрезмерно своекорыстный, расходящийся с интересами рационального и перспективного общесельского хозяйствования характер (например, член общины мог пожелать сделать пахотную заимку в отдельном урочище общинных земель и тут же выпасать свой скот, что могло мешать интересам пашенного хозяйства его соседа и т.п.).

Таким образом, жесткая принудительность общесельского двухполья в масштабах всей совокупности сельских угодий была продиктована жизненными интересами общесельского хозяйственного организма.

Зададимся теперь вопросом можно ли считать описанное двухполье системой земледелия? Есть ли в нем воздействие на состояние плодородия почвы и в чем оно заключалось? Поскольку основной компонент двухполья» перелог, вопрос оказывается чисто риторическим, не говоря уже о том, что здесь есть элементы и севооборота, и даже пара. Но в таком случае есть ли необходимость выделять отдельную самостоятельную систему, хотя и имеющую свое сложившееся понятие, определение и номинацию? Целесообразнее (и правильнее) включить ее в группу переложных систем, прибавив к тем двум (малый перелог, переложно-залежная).

§ 4. Переложно-паровая трехпольная

На первых порах исследования систем земледелия мы назвали ее переложно-трехпольной комбинированной системой и это вполне справедливо и адекватно ее историческому содержанию.

Однако, в практике земледельческого хозяйства и его описания и исследования, трехполье рассматривалось главным образом в контексте паровой системы, и поэтому нам приходится считаться с этим, во

избежание смешения понятий и путаницы. Сущность трехполья заключается в делении наличного фонда пахотных земель на три части: под основную озимую культуру, под яровую культуру, под перелог. На следующий год роли участков меняются, причем изменение их назначения должно быть строго определенным и последовательным: за перелогом должна следовать основная культура (озимая), за основной культурой – дополнительная (яровая), за ней должен быть перелог. В качестве основной культуры, как правило, выступала пшеница, дополнительной – яровые ячмень, горох, бобы. Непреложный принцип – исключается высев пшеницы подряд на одном и том-же участке, и она должна следовать перелогу. Это двуединое обязательное правило обеспечивает наиболее комфортные условия для основной, важнейшей, наиболее полезной и ценимой в питании культуры, которая является к тому-же и наиболее нуждающейся в высоких плодородных кондициях почвы, и уже, поэтому и более других истощающей почву. Поэтому она следует за перелогом, поэтому если есть возможность внести удобрения, они вносятся на участок под перелогом, чтобы почва успела хорошо усвоить внесенное удобрение перед посевом основной культуры.

Теперь сделаем попытку разобраться с характеристикой и номинацией этого трехполья, которое обычно связывают с паровой системой. Для начала вспомним определение пара, о котором мы уже говорили, но теперь уже в изложении специального словаря: пар, «поле севооборота, свободное от посевов сельскохозяйственных культур в течение всего вегетационного периода»; или другой вариант: «поле севооборота, не занимаемое посевами в течение всего (или части) (!) вегетационного периода и содержащееся в рыхлом и чистом от сорняков состоянии»⁸⁶. Обратим внимание – в течение всего или даже части вегетационного периода. Но, как общеизвестно, вегетационный период – это теплое время года, период, «в который возможны рост и развитие (вегетация) растений»⁸⁷. Далее, даже не занимающиеся сельскохозяйственной тематикой люди знают, что поле, отведенное под «отдых» бывает рыхлым и свободным от сорняков только в период распашки, под паром, но не в течение всего года, всех его четырех сезонов, т.е. опять в теплое, время, в вегетационный период. В том же словаре говорится, что в полеобороте паровой системы главную роль играют чистые пары, и типичным в России было трехполье (пар, ози-

мые, яровые)⁸⁸. Аналогичное утверждение мы находим у признанного знатока русской крестьянской культуры Д.К. Зеленина – в настоящее время господствует трехполье – озимые, яровые, пар⁸⁹. В историко-этнографическом атласе «Русские» также подтверждается, что при паровой системе в России в XIX в. «наиболее распространенным был трехпольный севооборот» (в нашей интерпретации – полеоборот), в котором три поля – озимый хлеб, яровой, третье «находилось в пару», смена полей, как говорится, классическая – после озимого, яровое, после него пар, после пара – озимое и т.д.⁹⁰ В последней капитальной работе по этнографии русских также говорится, что преобладание трехполья наблюдается с XIV в., что на западе, юге и юго-востоке России в XVI-XVII вв. «господствовал пар с трехпольным севооборотом», и что и в XIX в. «самая распространенная паровая система... была представлена трехпольем с его классическим набором культур»⁹¹. И в другой обобщающей работе по культуре восточных славян утверждается, что в XIX в. у русских в наиболее распространенной «паровой зерновой системе» чаще применялся «трехпольный севооборот»⁹². Отметим, однако, одно обстоятельство: в очерках по этнографии земледелия украинцев и белорусов этой же работы, случайно это или нет, но трехполье просто названо «основной системой» (украинцы) или «господствующей системой» (белорусы) без пояснений о какой-либо причастности оной к паровой системе⁹³.

В русле русской научной традиции складывались и исследовательские направления и изыскания кавказской этнографии, и особенно северокавказской. В упомянутой выше обстоятельной монографии по земледелию Северного Кавказа Б.А. Калоев справедливо отметил, что переложно-залежная система к концу XIX в. переросла на равнинах Северного Кавказа в паровую, указывает при этом, что это выразилось и в том, что многолетняя залежь переродилась в «отдых» поля до одного года, что паровая система выражалась в трехполье – озимые, яровые, отдых⁹⁴. Обратим внимание на то обстоятельство, что третье поле автор чаще называет «отдыхом», «отдыхающим», а не «паровым», что явно свидетельствует о его стремлении не отступая от принятых канонов (трехполье – выражение паровой системы), быть ближе к действительности: не просто пар, а отдых, и не просто отдых, а полугодовой отдых. Традиционная интерпретация (паровая система выражается трехпольем с паром) отражена и в работах М.

Шаманова по земледелию карачаевцев, Г.К. Мартросиана по нагорной Ингушии, Д.Д. Бесленеева по земледелию горцев Кубанской области, Е.Н. Даниловой (абазины)⁹⁵. Аналогичной трактовки придерживается и Т. Б. Тургиев, который считает, что «трехполье, основывающееся на возделывании яровых и озимых культур, с оставлением земли под пар было одним из достижений средневекового земледелия»⁹⁶.

Автор очерка о Сванетии А. Стоянов, тоже, отметив, что несмотря на очень неблагоприятные условия «все таки сванеты с необыкновенным усердием занимались хлебопашеством», добавляет, что они использовали трехпольный полеоборот (яровые–озимые–пар)⁹⁷. Только относительно Армении Л. Бабаян замечает, что даже в средневековье из-за недостатка воды «и относительно малоземелья трехпольная система в полеводстве не могла получить широкого распространения» (только на ограниченных территориях)⁹⁸.

Аналогичное высказывание мы встречаем и у автора работы по сельскому хозяйству Северного Кавказа В.Н. Ратушняка: «В некоторых селениях, например горной Ингушетии использовалась паровая система земледелия с ее классическим трехпольным севооборотом и применением черного пара»⁹⁹. М.В. Кантария также указывает на «подсечное хозяйство с трехпольной залежной (!) системой» в ущельях Осетии. Правда, в ее описании вначале говорится о распространении севооборота (картофель на унавоженную землю, ячмень, пшеница), и лишь при наличии возможностей «участок делили на три части»: картофель, ячмень или пшеница, «третья часть же оставалась неспаханной» (обратим внимание – «неспаханной», т.е. не под паром и систему она называет «трехпольной залежной»¹⁰⁰.

Не вносит четкой ясности и свидетельство наблюдателя XIX в. А. Гакстгаузена, который пишет, что «в низменных сторонах Осетии... сколько я заметил, трехпольное хозяйство»¹⁰¹. Однако из его описания не совсем ясно, то-ли это трехполье, то-ли плодосмен с годовым перелогом (1-й год – пшеница, 2-й – ячмень, 3-й – отдых). Правда, поскольку во время «отдыха» где-то должен быть посев (а то останешься без хлеба), то это, скорее всего, нечетко выписанное трехполье.

Даже один из самых компетентных специалистов по горному земледелию Средней Азии И. Мухитдинов также называет землю ос-

тавленную под перелог – паром. Указав на то, что пар «способствовал повышению урожайности сельскохозяйственных культур даже на богарных землях» (это «даже «очень убедительно свидетельствует о том, какое значение придавалось в Средней Азии орошению»), автор описывает два способа оставления земли под паром, из которых интерес для нас представляет первый «сафора» – поле после жатвы оставляют невспаханым (!) до весны следующего года, а более состоятельные весной производили полив и летом только вспахивали (томыси). Сорные травы или скармливали на корню, или (если скот на летовке) скашивали. Считалось, что их корни и листья под гжучим солнцем после вспашки превращаются в хорошее удобрение¹⁰² (это еще один довод в пользу того, что паровая обработка повышает плодородие почвы). А сам этот способ, как мы видим, начинается не с пара, а с перелога (причем даже без зяблевой вспашки), который длится значительно дольше, чем период паровой вспашки. При этом обратим внимание, что в отношении «сафоры» автор уточняет, что его практиковали бедные крестьяне, «которые не имели пахотных орудий и волов». Более того, говоря об этом способе (сафора) автор употребляет и выражение оставление земли «на отдых», и даже добавляет, что «срок оставления поля «на отдых» только годичный»¹⁰³, но ведь пар не может быть годичным, годовым, он летний, весенне-летний, продолжительностью охватывающей только вегетационный период.

Однако надо иметь в виду, что в кавказоведческой этнографической литературе термин «трехполье» употребляется и в значении, далеком от истинного, принятого в русской этнографической традиции. Так, например, М.В. Кантария говорит о «трехпольной залежной системе» в Кабарде, подразумевая залежную систему кабардинцев, при которой залежная земля отводится под сенокос и под выпас (посев-сенокос-выпас). Б.А. Калоев также говорит о «распространении трехпольной системы в конце XIX в. у равнинных (моздокских) осетин»¹⁰⁴.

Но настоящее трехполье подразумевает одновременную разбивку имеющихся пахотоспособных угодий на три поля, с различающимся назначением каждого из них, но таким назначением, которое нацелено на обеспечение (подготовку) хорошего урожая на участке при его использовании с последующим назначением. Мы уже говорили о том,

что система земледелия, совокупность мероприятий, составляющих ее, включая варьирование использования участков и все агротехнические действия, носит не разовый, односезонный или даже годовой характер; если в пространстве она охватывает весь комплекс угодий, то во времени она как-бы перманентна, охватывает многогодовые промежутки времени, и может при этом даже переходить из одного состояния в другое, одной структуры в другую, видоизменяясь и преобразуясь даже за сравнительно короткий промежуток времени. Так, например, трехполье задействованное с обычным перелогом, может обрасти паром (паровой перелог), стать удобрительным или, скажем оросительным, стать многопольным. Однако не будем заходить так далеко, и остановимся на живом трехполье, имевшем в конце XIX в. на Кавказе большое распространение.

Каким же было трехполье в это время, паровым или переложным? Почему отдельные исследователи не признают его в качестве самостоятельной системы земледелия. Попробуем разобраться в этом на полевом материале.

Естественно, земледелец, особенно в горной части, не имеет трех одинаковых по площади и качеству (плодородию) участков. Поэтому лучший из них он отводит под основную озимую культуру, худший – под перелог, т.к. надеется за время перелога провести ряд агротехнических действий для улучшения его качеств, в дополнение к естественному накоплению почвой плодородия за счет минералов, органики и солнечной энергии. Оставшийся участок пойдет под яровые. Обычно распределение участков производилось осенью, когда крестьянин уже точно знал, что он получил со своих участков и что он хотел бы получить в следующем году. Озимая культура (пшеница, рожь) высевается на участке, который от июля-сентября прошлого года (в зависимости от зональной расположенности) был свободен от посевов. Поскольку трехполье – усеченный вариант переложно-залежной системы, ее переродившийся остаток, то соответственно этот участок является просто перелогом, годовым (иногда двухгодовым), но именно перелогом, и как таковой включал в себя все сезоны года, а не только теплое время (как пар), или холодное время (как зябь). И он как перелог, не удобряется, не подготавливается для орошения, не вспахивается ни под пар, ни под зябь.

Но как упоминалось выше, годовой перелог уже не залежь, он не успевал пройти период буйствования сорняков и подойти к разнотравному, луговому состоянию, и земледелец, вспахав его только, перед посевом, сталкивался с таким засильем сорняков на хлебном поле, что не мог справиться с ними. И поскольку паровая обработка земли уже была известна (в Дагестане., например, она, скорее всего, внедрилась с XV в., в период, перераспределения географического разделения труда: равнина – преобладание земледелия, горы – скотоводства), причем и как эффективное средство борьбы с сорняками, не требовалось больших усилий и длительного опыта, чтобы земледелец превратил свой просто-перелог, остаток залежи в паровой перелог. Но в этом перелог, кроме пара вегетационного периода, существует и промежуток времени в полгода, когда участок ничем не занят и отдыхает (зима, часть весны), поэтому вряд-ли будет правомерным считать подобное трехполье паровым: Разумеется, пар играет значительную, а порою, в зависимости от обстоятельств, и решающую роль в воздействии на плодородие этого участка, но не единственную и не всегда решающую роль и поэтому мы считаем предпочтительным называть это трехполье не паровым, а переложно-паровым. При этом мы учитываем еще одно обстоятельство: в трехлетнем цикле трехполья именно перелог считается главным структурным, обязательным в течение всего цикла компонентом системы, в его роли должен побывать в период трех лет каждый из задействованных участков-полей трехполья. И потом: учтем еще один немаловажный момент – именно пар является составным элементом перелога, он занимает его площадь (или ее часть) только на определенный промежуток времени, в остальное время, до наступления сева, или паровой вспашки участок остается в своем основном, первоначальном («переложном») качестве. Паровой вспашки еще нет, еще неизвестно, сможет-ли земледелец, хозяин трехпольной структуры вспахать землю под пар, но перелог на котором вспашка состоится: (если такая возможность появится, т.е. пар не неизбежен), уже существует, он уже стал важной частью трехпольной структуры, трехлетнего цикла. Именно этим обстоятельством вызвана интересная ситуация с номинацией «пара» и «перелога» в дагестанских языках, в части которых пар и перелог или не различаются, или определяются: одно посредством другого: «летний перелог» (пар), «годовой пар» (перелог). Думается не случайно компе-

тентный исследователь М.В. Кантария, в приведенных выше выдержках о земледельческой культуре осетин говорит о трехпольной залежной системе и невспаханном третьем участке. Очень интересный материал на этот счет приводит другой грузинский этнограф Г.В. Джалабадзе. После традиционного выражения «земля под паром один год» (год!) автор приводит грузинское наименование этой «земли» – «камири», означающее ни много ни мало – «целина». А «почву, отдохнувшую (!) два года и больше» «камирис камири» – ясно и без перевода – «целина целин», так что здесь нет и намека на пар. А С.В. Мачабели прямо говорит, что во многих местах на неудобренных и неполивных землях было распространено трехполье, с зеленым паром, т.е. выгоном, фактическим перелогом.

А вот перелог, напротив, никак не может быть частью пара, так как последний по своей сущности односезонен, существует только в теплое время, в вегетационный период, и выйдя: за эти пределы (например, оставшись по каким-либо причинам незасеянным осенью), он перестает быть паром и превращается в перелог. Не существует, «переложного пара» и поэтому и соответствующая номинация бессмысленна, в то время как «паровой перелог» реален, существует и имеет право на специальную номинацию.

Разумеется, в земледельческой практике встречались ситуации, когда перелог в трехполье замещался паром, но в этом случае удобрение считалось обязательным, так как «укоротив» перелог и переместив на сезон время сева, земледелец сокращал время отдыха участка, прерывал процесс накопления ингредиентов плодородия и потому должен был возместить этот ущерб внесением искусственного удобрения, и в этом случае утверждение А. Шенникова о паре как системе, оказывается справедливым.

Второй участок, который земледелец осенью выбирает – для основной, яровой культуры. Но она будет высеваться весной, поэтому участок, освободившийся от озими, будет свободным от посева весь конец осени, зиму и начало весны. Это своеобразный усеченный перелог, полуперелог. В зависимости от экономических и физических ресурсов у крестьянина есть несколько способов увеличить за это время плодородящие возможности почвы. Например, осенне-зимний зарядковый полив, рассчитанный на уничтожение и гниение всех сорняков и паразитов в результате промерзания обильно пропитанной

водой почвы. Другой способ, если позволяет рельеф и чересполосица сельскохозяйственных угодий – выпас скота, с выеданием сорняков и вытаптыванием их остатков и с сопутствующим удобрением почвы навозом. Третий способ, настоятельно рекомендуемый при наличии возможности – зяблевая вспашка, не всем, правда, доступный. Обратим внимание: у яровой культуры гораздо более худшие исходные данные относительно плодородия почвы, по сравнению с озимой. Во-первых, холодное время года и зябь несравнимы по накопительности микроэлементов и органики с вегетационным периодом и паром. Во-вторых (скорее, даже, во-первых), озимь высевается после основательно отдохнувшей после годового перелога (порою и с паром) и накопившей производительных сил земли, а яровая культура принимает, поле, основательно истощенное энергоемкой озимой культурой. И, наконец, третий участок: осенью эстафету от яровой культуры предыдущего года принимает перелог, который (в XIX – нач. XX в.), в зависимости от многочисленных обстоятельств и предпосылок, связанных с экономическим положением хозяина-землепашца, симбиотичности земледельческой и скотоводческой отраслей его хозяйства, достаточности рабочего (упряжного) скота и рабочих рук, удобства расположения участков и т.п. может приобрести и дополнительные, несвойственные ему свойства и функции (пар, удобрение, зябь, орошение и др.). В этой универсальности (универсализме) и состоит особенность рассматриваемого трехполья, ведь по сути он может приобрести свойства и признаки (вместе с функциями) разных систем – и переложных, и паровых. Отсюда и популярность, распространенность этой системы, предпочтительность по сравнению с другими. Этот универсализм позволяет нам, даже на условиях строгих требований А. Шенникова называть трехполье системой: есть перелог, есть система, перелог видоизменился в пар, тоже система, поскольку пар, как правило, удобрительный.

Отсюда же исходит и определенное смешение в номинации, возможно, в этом сыграл роль возросший удельный вес в трехполье паровой обработки, а также то, что это наиболее заметное агротехническое действие в системе, к тому же номинация «переложные» закрепилась за залежной системой, с которой был связан достаток земель, и не были свойственны никакие дополнительные агротехнические

действия, в том числе и вспашка, ни повторная, ни под пар, ни под зябь.

Притягательность переложно-паровой системы заключается именно в этом ее универсализме, в том, что ее разные поля, используемые одновременно, позволяли при сравнительном малоземелье произвести целый ряд агротехнических действий, воздействующих на плодородность участков, на конечный результат действий хлебороба – урожайность.

Приведем некоторые конкретные материалы. Хотя трехполье характерно для селений с недостатком пахотоспособных угодий и поэтому больше свойственно нагорной части, однако и в низменных районах, в которых рос дефицит пахотных угодий, в XIX в. трехполье было нередким элементом земледельческой практики. Так, в нижнем предгорье, в отдельных сел. союза Чили (например, Ашага-Яраг) было самое настоящее стопроцентное трехполье. Причем респонденты замечают, что если земли (пахотной) мало, то приходится отказаться и от трехполья, того ее элемента, который дает «отдых» земле. В этом ауле трехполье включало перелог, основную культуру и неосновную, и речь шла именно о возможной необходимости отказа от перелога, с оставлением пара с обильным удобрением и плодосмена. Другой пример трехполья: в уже известном нам селении Губден. Нам пришлось указывать, что несмотря на большие массивы пахотоспособных угодий, здесь не практиковалась залежная система, а предпочиталась паровая. Однако губденцы подчеркивают – если есть какой-то резерв, пар немедленно переходит в перелог. Поэтому третьим компонентом трехполья здесь мог быть и пар, и перелог. Несколько неожиданным оказалось трехполье на просторах Засулакской равнины в Аксаевском владении (сел. Карлан-юрт). Но, как в двухполье, это остаток залежной системы в условиях роста запашки. Разбивка здесь своеобразная: пшеница, кукуруза, перелог, выступающий в виде сенокоса. Для пшеницы черный пар, кукурузы – зябь, перелога – сено. В предгорье в большинстве мест был твердо установившийся единый стандарт трехполья: перелог, основная культура (почти везде озимая пшеница), неосновная яровая культура (ячмень, картофель в др.). Причем для озими обязателен черный пар, для яровых – зябь. Так было в сел. Атрик (Сувак), Туруф, Межгюль (Нитриг), Кана-Сираги (Урахи), причем в атом последнем само трехполье и последователь-

ность участков были общесельскими принудительными. В сел. Кандик (Дырча), одном из хлебных сел предгорья (старожилы утверждают, что аульский колхоз собирал в год 700 тонн зерна), разбивка трехполья была такая же: перелог, основная культура (озимая пшеница), неосновная (яровая). Пшеница должна была следовать за перелогом. Было удобрение навозом – вывозили на перелог и яровое поле попеременно. Здесь респонденты указали на такую деталь: по целине сеяли только рожь – она прорастает и через комья, забивает сорняки (быстрее растет). На обязательность черного пара для озимых при трехполье в перелогом указывают респонденты и в сел. Куг (Нитрит). В части сел в качестве неосновной культуры выступают бобовые (например, в сел. Ляхля, союза Сувак). В отдельных местах респонденты оговаривают, что на ближние хорошие участки трехполье не распространялось, на них было уплотненное использование угодий с обильным удобрением и по возможности орошением (например, сел. Тураг, союза Нитриг).

В среднегорье, с более выраженным малоземельем, место перелога мог занять пар (переложно-паровое). Причем оговаривается обязательный выпас скота на паре – для уничтожения сорняков и унавоживания (союз Ганк). Принудительное трехполье (общесельское) было и в соседнем с Ганком союзе обществ – Гапш. Здесь перелогу сопутствуют озимая пшеница и голозерный ячмень, озими предшествует пар, и на нем (и перелог) можно выпастать только волов, запряженных в этот день, однако хозяину, не имеющему своих волов разрешалось выпастать здесь корову. Заинтересованность в выпасе объяснялась тем, что стерня голозерного ячменя (наиболее ценная в ряду зерновых), предшественника пара или перелога, вспахивалась не сразу, а после того, как она была достаточно хорошо выедена.

Трехполье с обязательным перелогом на трети пахотоспособных угодий было и в союзе Усиша. В высокогорье тоже трехполье занимало немалое место. В союзе обществ Курах (например, в сел. Ашар, Бурши-мака, Икра и др.) трехполье имело классическую форму – перелог, озимые, яровые, причем все это сопровождается паром, и зябью, и удобрением всех трех сменяющихся участков. Это, можно сказать, идеальный вариант трехполья, и по отношению к нему, вопрос о том, является ли оно системой или нет, не возник бы, наверное, даже у А. Шенникова. И такой же пример мы находим у даргинцев союза

Сирха – по полной программе – перелог, пшеница, неосновная культура, пар, зябь, удобрение. Напомним, что пар изначально был частью перелога, который оставался им весь год, как и зябь он был включенным в перелог дополнительным действием в рамках основного, т.е. перелога. Это то, что мы называем паровым перелогом. В качестве второй культуры здесь применяло бобы, картофель, голозерный ячмень. Было трехполье и в других местах предгорья, среднегорья и высокогорья, так что распространенность довольно значительная. Теперь, после знакомства с конкретным фактическим материалом, уточним еще некоторые вопросы относительно трехполья. Первое – воздействует ли оно на восстановление (повышение) плодородия почвы, способствует ли повышению производительности угодий. Даже с точки зрения самых строгих требований к содержанию и структуре системы, действия и приемы охватываемые трехпольем (перелог, пар, удобрение), способность которых восстанавливать (повышать) плодородие общеизвестна, дает безусловное право считать трехполье действием, структурой подходящим под определение системы. Однако возникает другой вопрос – это система или комбинация систем? Перелог – система, пар с удобрением – система, севооборот с удобрительным паром – система, все они могут быть частицей трехполья. По-видимому, надо исходить из постановки вопроса о главном в трехполье. Главным профилирующим в трехполье является перелог, по нему строится порядок чередования участков и культур на них, он обеспечивает главную задачу восстановления плодородия, по нему земледелец определяет где и когда быть пару, севообороту, плодосмену, зяби и даже удобрению. Без перелога нет трехполья, а в тех случаях, когда перелог замещается паром, систематизирующим элементом становится удобрение.

Поэтому, являясь главным, сущностным, стержневым, во многом определяющим компонентом трехполья, перелог не является в нем единственным, как в малом перелог, или переложно-залежной системе. Такие элементы как пар особенно о удобрением, являются признанными самостоятельными системами. Поэтому, чтобы быть ближе к точной характеристике системы, и в то-же время не умалять ведущего значения перелога, лучше всего будет, по-видимому, назвать ее переложно-паровой трехпольной – и главное, ведущее отражено и

многокомпонентность отражена, и отличающая ее от других переложных систем особенность (трехполье) тоже отражена.

Таким образом, перелог является основой еще одной подсистемы. Это закономерно. Несколько веков перелог был самым эффективным способом сохранения (или восстановления) плодородия почвы и соответственно производительности (урожайности) угодий в экстенсивном земледелии, и нет ничего удивительного в том, что за много веков сложились самые разнообразные формы, методы и приемы его применения и реализации. Эта реплика относится и к пару, который фактически являлся второй такой основой разных приемов и методов (и их комбинаций) воздействия на плодородие и производительность угодий в течение веков. Эти два способа имеют универсальный характер и в разных сочетаниях с другими компонентами образовывали самые разнообразные, порою неожиданные формы структур, именуемых системой земледелия. Поэтому будет только справедливым, если их основообразующее участие в сложении систем будет отражено и в соответствующих номинациях.

Таким образом, трехполье представляется как самая «полнокомплектная» система, а, следовательно, и наиболее экономически выгодная, с производственной точки зрения, рациональная в отношении производительности и урожайности, перспективная в условиях относительного малоземелья. Поэтому, на равнинных землях Кавказа она стала преемницей переложно-залежной системы, и в свою очередь уступила место паровой системе, в сочетании с многопольем, удобрением полей, а также местами и орошением.

В условиях XIX века, при том уровне агротехнических знаний, технической оснащенности, возможностях искусственного удобрения полей, борьбы с засоренностью полей и паразитами, особенностях землевладения и землепользования, переложно-паровое трехполье была, пожалуй, одной из самых целесообразных и адекватных существующим условиям, систем.

Главным компонентом этой структуры (трехполье) и цикла (процесса) трехлетия, который обуславливает и определяет чередование задействованных участков и культур, выборочность и последовательность удобрения участков, несет основную нагрузку по сохранению и повышению плодородия почвы является именно перелог, что предо-

пределяет и выдвигание на первый план в характеристике и номинации системы определения «переложное».

Именно перелог выступает здесь в качестве базового (и фонового), системообразующего элемента, составляющего в структуре системы определяющий, ведущий; компонент.

А в том, что номинации сложившихся на практике систем земледелия не всегда адекватны их содержанию, порою отражают не самый существенный или главный момент (элемент) структуры, ничего удивительного нет. Ведь номинации складывались стихийно, нередко случайно, по одному подмеченному в определенный момент признаку или свойству, ибо земледельцы не раскладывали свои способы в действия по полочкам и затем именовали их, поскольку номинации (их точность, адекватность) их мало заботили – было бы понятно напарнику, собеседнику, всем тем, с кем он входил в определенные трудовые, бытовые и социальные взаимоотношения.

Что касается распространения переложно-парового трехполья, то уже его название приводит к заключению, что он должен быть свойственен горной полосе. Это так и было, исходные формы трехполья сложились в горной части, так же как и паровая система. Но в течение второй половины XIX в. на равнинах Кавказа стали внедряться и экономные на землю системы земледелия, в том числе и неизвестные здесь ранее. Мы уже приводили выше высказывание Э. Борчашвили о том, что горцы-переселенцы принесли с собой на равнину паровую систему. Кстати, она внедрилась здесь именно через переложное трехполье, являющееся переродившимся остатком переложно-залежной системы и экономным земледельческим отголоском ее земледельческо-скотоводческой реализации через другое трехполье (посев–сенокос–выгон). Малый перелог и общесельское переложное двухполье были достоянием нагорий, в том числе высокогорий, в которых малоземелье усугублялось труднодоступностью пахотоспособных угодий и их низким качеством (скалистость, каменистость, маломощные скелетные почвы с очень тонким слоем гумуса). А переложно-паровое трехполье чем ближе к концу XIX в. тем интенсивнее превращалось в паровое, причем с наращиванием и числа полей – через четырехполье к многополью, удобрительному и, где возможно и оросительному.

На этом мы заканчиваем обзор разных видов систем (подсистем), связанных и обусловленных перелогом. Думается, что предложенная нами классификация (переложно-залежная, малый перелог, переложная двухпольная общесельская и переложно-паровая трехпольная комбинированная) отражают состояние переложной системы в земледелии народов Кавказа в XIX в. Полагаем, что названные разновидности можно считать подвидами переложной системы, или ее субсистемами.

1. Сельскохозяйственный энциклопедический словарь. М., 1989. С. 151.
2. Там же.
3. Максимов Е., Вертепов Г. Туземцы Северного Кавказа. Вып. 1. Осетины. Ингуши. Кабардинцы. Владикавказ, 1892, С. 172.
4. Зеленин Д.К. Восточнославянская этнография. М., 1991. С. 38–39.
5. Громов Г.Г. География пахотных орудий русских крестьян в XIX в. // ГОСССР. Отделение этнографии. Доклады по этнографии. Вып. 5. Л., 1967. С. 29, 30.
6. См.: Пожидаев В.Г. Хозяйственный быт Кабарды. Историко-этнографический очерк. Воронеж, 1925. С. 71; Студенецкая Е.Н. Быт и культура кабардинского народа (XVIII–XIX вв.). Историко-этнографический очерк // Сб. статей по истории Кабарды. Вып. 3. Нальчик, 1954. С. 148; Ратушняк В.Н. Сельскохозяйственное производство Северного Кавказа в конце XIX – начале XX в., Ростов н/Д, 1989. С. 76.
7. Николай Витсен Северная и Восточная Татария или сжатый очерк нескольких стран и народов // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. Нальчик, 1974. С. 87.
8. Энгельберт Кемпфер. Новейшие государства Казань, Астрахань, Грузия и многие другие... // Там же. С. 114.
9. Тавернье Ж.Б. Шесть путешествий в Турцию, Персию и Индию в течение сорока лет // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях... С. 74.
10. Сельскохозяйственный энциклопедический словарь. С. 151.
11. Ср. Когитин В.В. Системы земледелия у русского населения Нижнего Поволжья 2-й пол. XVIII – нач. XX в. // Материальная культура народов России. Новосибирск, 1995. С. 144.
12. Джон Кук. Путешествия и странствия по Российскому государству, Татарии и по части Персидского королевства // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях... С. 175.
13. Аутлев М., Зевакин Е., Хоретлев А. Адыги. Историко-этнографический очерк. Майкоп, 1957. С. 17.

14. Бесленев А.Д. К вопросу развития сельского хозяйства горцев Кубанской области (пореформенный период) // Из истории сельского хозяйства Карачаево-Черкесии. Черкеск, 1971. С. 33.

15. Пейсонель Карл. Исследование торговли на Черкесско-абхазском берегу Черного моря в 1750–1762 гг. В изложении Е.Д. Фелицина. Краснодар, 1927. С. 21 сл

16. Пейсонель К. Указ. раб. С. 20–21 сл.; он же. Трактат о торговле на Черном море. О малой Татарии // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях... С. 201.

17. Паллас Петр Симон. Заметки о путешествиях в южные наместничества. Российского государства в 1793 и 1794 гг. // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях... С. 218–219.

18. Потоцкий Ян. Путешествие в Астраханские и Кавказские степи. Гл. IX. // Там же. С. 233.

19. Алексеева Е.П. Очерки по экономике и культуре народов Черкесии в XVI–XVII вв. Черкеск, 1957. С. 53, 82.

20. Громов Г.Г., Новиков Ю.Ф. Некоторые приемы расчетов хозяйственных ареалов // Математические методы в исследованиях по социально-экономической истории. М., 1975. С. 235–236.

21. Меретуков М.А. Поселения у адыгов // Сб. статей по этнографии Адыгеи. Майкоп, 1975. С. 43; Студенецкая Е.Н. Указ. раб. С. 156; Очерки истории Адыгеи. Т. I. Майкоп, 1957. С. 228.

22. Генри Юлиус Клапрот Путешествие по Кавказу и Грузии предпринятое в 1807–1808 гг. // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях... С. 268.

23. Бларамберг И.Ф. Историческое, топографическое, статистическое, этнографическое и военное описание Кавказа // Там же. С. 367–368.

24. Гарданов В.К. Общественный строй адыгских народов (XVIII – первая половина XIX века). М., 1967. С. 81.

25. Махантра Л., Даш Я. Обстановка вокруг подвижного (swidden) земледелия в Индии // Традиционная этническая культура и народные знания. Материалы междунар. конференции. М., 1994. С. 77.

26. Когитин В.В. Указ раб С. 116. С обилием земельных угодий связывает становление переложно-залежной системы и известный кавказовед Е.Н. Студенецкая. Указ. раб. С. 148.

27. Максимов Е., Вертепов Г. Указ. раб. С. 153–154, 172.

28. Этнография восточных славян. Очерки традиционной культуры. М., 1987. С. 65.

29. Максимов Е., Вертепов. Г. Указ. раб. С. 156, 165. Интересные цифры, характеризующие это положение приводит Б. А. Калоев: в Кабарде из пахотных земель находилось под залежью 60% площадей, а в Черкессии – 66%. Калоев Б. А. Земледелие народов Северного Кавказа. М., 1981. С. 54.

30. Калоев Б. А. Указ. раб. С. 53.

31. *Нагоев А.Х.* Материальная культура кабардинцев в эпоху позднего средневековья (XIV–XVII вв.). Нальчик, 1981. С. 51.
32. *Азаматова М.З.* Материалы к земледельческой культуре бжедугов // Материалы по этнографии Грузии. XII–XIII. Тбилиси, 1963. С. 253, 254; Народы Кавказа. Серия «Народы мира». Вып. I. М., 1960. С. 146, 203; История Кабардино-Балкарской АССР с древнейших времен до наших дней. Т. I. М., 1967. С. 197; Очерки истории Карачаево-Черкесии. Т. I. Ставрополь, 1967. С. 317; История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. М., 1988. С. 179, 376.
33. *Кумыков Т.Х.* Экономическое и культурное развитие Кабарды и Балкарии в XIX в. Нальчик. 1965. С. 64.
34. *Гарданов В.К.* Указ. раб. С 82; Об этом же см. История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. С. 376.
35. *Калоев Б.А.* Указ раб. С. 53.
36. *Клинген И.* Основы хозяйства в Сочинском округе. СПб., 1897. С. 91.
37. *Данилова Е.Н.* Абазинцы (историко-этнографическое исследование хозяйства и общинной организации. XIX век). М., 1984 С. 43.
38. *Аракский И.Ф.* В Закавказье. Очерки. СПб., 1910. С. 118.
39. *Джасадов Г.Д.* Народная земледельческая техника Азербайджана. Историко-этнографическое исследование. Баку, 1989. С. 54; он же. Этнографическая поездка в Шеки-Закатальскую зону // Археологические и этнографические изыскания в Азербайджане. Баку, 1974. С. 67.
40. *Гулиев Г. А.* О пахотных орудиях и системах земледелия в Азербайджане // Азербайджанский сборник. Вып. 2. Баку; 1966. С. 26.
41. *Гусейнов Ш.С.* Сельское хозяйство Азербайджана в первой половине XVIII в. Автореф. канд. дисс. Баку, 1970. С. 20 (сведения взяты им из «Выписок из записок миссионеров» в переводе С. Ашурбейли (Архив Института истории АН Азерб. ССР. Инв. № 333).
42. *Джасадов Г.Д.* Этнографическая поездка в Шеки-Закатальскую зону. С. 67; *Гулиев Г. А.* Указ. раб. С. 27.
43. *Ягодынский П.Н.* Экономический быт государственных крестьян в Бакинском уезде // МИЭБГКЗК Т. I. Ч. 4: Тифлис, 1885. С. 482; *Ерицов А.Д.* Экономический быт государственных крестьян Казахского уезда Елисаветпольской губернии / Там же. Т. II. Ч. 2. Тифлис, 1886. С. 158.
44. *Абелов Н.А.* Экономический быт государственных крестьян Геокчайского и Шемахинского уездов Бакинской губернии // Там же. Т. VI. Ч. 2. С. 129–130.
45. *Носович Д.П.* Экономический быт государственных крестьян в Сенакском и Зугдидском уездах Кутаисской губернии // Там же. С. 282.
46. *Вермишев Х.А.* Экономический быт государственных крестьян в Ахалцихском и Ахалкалакском уездах Тифлисской губернии // Там же. Т. III. Ч. 2. Тифлис, 1886. С. 145.

47. *Гакстгаузен А.* Закавказский край. Заметки о семейной и общественной жизни и отношениях народов, обитающих между Черным и Каспийским морями. СПб., 1857. Ч. I. С. 57.

48. *Брегадзе Н.А.* Некоторые вопросы народной агротехники. Вып. III. (по этнографическим материалам Зугдидского района). Резюме // Вопросы этнографии Грузии. Материалы по этнографии Грузии. Т. XIV. Тбилиси, 1968. С. 31; *Бериашвили Л.К.* Полеводство в Месхети (по этнографическим материалам) Автореф. канд. дисс. Тбилиси, 1973. С. 14.

49. Земледелие и скотоводство у абхазов (Материалы к историко-этнографическому атласу Грузии). Тбилиси, 1986. С. 8, 9.

50. *Анчабадзе З.В.* Очерки экономической истории Грузии первой половины XIX в. Тбилиси, 1966. С. 38.

51. Земледелие и скотоводство у абхазов. С. 8–9; *Чанба Р.К.* Об эмпирических знаниях дореволюционного абхазского земледельца // Изв. Абхаз. ИЯЛИ. Т. II. Тбилиси, 1973. С. 194.

52. *Маханатра Л., Даш Я.* Указ. раб. С. 77.

53. *Шопен И.* Исторический памятник состояния Армянской области в эпоху ее присоединения к Российской империи. СПб., 1852. С. 736–737.

54. Там же.

55. *Адонц М.А.* Экономическое развитие Восточной Армении в XIX в. Ереван, 1957. С. 151.

56. Там же. С. 304, 306.

57. *Марков Ф.Т.* Экономический быт государственных крестьян Эриванского уезда // МИЭБГКЗК. Т. III. Ч. 1. Тифлис, 1886. С. 86.

58. *Хан-агов А.Е.* Экономический быт государственных крестьян в Эчмиадзинском и Сурмалинском уездах Эриванской губернии // Там же. С. 310.

59. *Калоев Б.А.* Указ. раб. С. 53.

60. *Исаева Т.А.* К вопросу о занятиях населения Чечено-Ингушетии в XVII в. // Изв. Чеч.-Инг. НИИ ИЯЛ. Т. IX. Вып. 1. Ч. 3. Грозный, 1974. С. 33.

61. *Ортабаев Б.Х.* Социально-экономический строй горских народов Терек-ка накануне Великого октября. Владикавказ, 1992, С. 111.

62. *Максимов Е., Вертепов Г.* Указ. раб. С. 43–44.

63. *Калоев Б. А.* Осетины (Историко-этнографическое исследование). М., 1971 С. 75; *Кантария М.В.* Экологические аспекты традиционной хозяйственной культуры народов Северного Кавказа. Тбилиси, 1989. С. 86.

64. *Калоев Б.А.* Моздокские осетины. Хозяйство и хозяйственный быт // КЭС, VII. М., 1980. С. 76.

65. *Максимов Е., Вертепов Г.* Указ. раб. С. 109; *Калоев Б.А.* Земледелие народов Северного Кавказа. С. 54. Отметим, что и чеченский исследователь С.-М. Хасиев говорит о системе переложного трехполя на чеченской равнине, с такой же разбивкой, как и у кабардинцев (пашня, выгон, сенокос), что впрочем, объяснимо: переселенцы на первых порах применяли систему старых насельников равнины – *Хасиев С.-М.А.* Земледелие чеченцев и ингушей в XIX – первой чет-

верти XX в. (К проблеме истории земледелия народов Северного Кавказа). Автореф. канд. дисс. М., 1973. С. 7.

66. *Максимов Е.В.* Чеченцы (историко-географический и статистико-экономический очерк) // ТСб., Владикавказ, 1893. Вып. 3. Кн. 2. С. 18.

67. *Борчашивили Э.А.* Социально-экономические отношения в Чечено-Ингушетии в XVIII–XIX вв. Автореф. докт. дисс Тбилиси, 1988. С. 15.

68. *Ермолов А.С.* Организация полевого хозяйства. Системы земледелия. СПб, 1891. С. 20.

69. *Гриценко Н.П.* Социально-экономическое развитие Притеречных районов в XVIII – первой половине XIX в. // Труды Чеч.-Инг. НИИ ИЯЛ. Т. IV. Грозный, 1961. С. 41–42; *Когитин В.В.* Системы земледелия у русского населения Нижнего Поволжья. С. 116.

70. *Надеждин П.П.* Кавказский край. Природа и люди Тула, 1895 С. 260; *Добрынин Б.Ф.* География Дагестанской С. С. Республики. Буйнакск, 1926. С. 56; Народное хозяйство Закавказья в цифрах. Тифлис, 1927. С. 82–85 (подсчеты наши). По Данным середины XIX в. площадь, занятая лесами в Армении была на много меньше – 2,4% – *Шопен И.* Исторический памятник состояния Армянской области. С. 418, 756. Заметим, что и через несколько десятилетий, уже в наше время, эти соотношения мало изменились. Краснодарский край облесенность 22%, Северная Осетия – 19%, Кабардино-Балкария – 15,5%, Чечено-Ингушетия – 6% – *Маслов Е.П.* Производительные силы Северного Кавказа. М., 1966. С. 206.

71. *Геевский В.Н.* О состоянии скотоводства в верховьях рек Терека и Белой Арагвы // МУКЛЗПИСК I. Тифлис, 1887. С. 272.

72. *Калоев Б. А.* Осетины. Историко-этнографическое исследование. С. 71; О ближних и дальних угодьях говорит и А.Х. Магомедов – Культура и быт осетинского народа. Историко-этнографическое исследование. Орджоникидзе, 1968. С. 51.

73. *Максимов Е., Вертепов Г.* Указ. раб. С. 31, 32, 35.

74. *Вертепов Г.* Осетины. Историко-статистический очерк // ТСб., Вып. II. Кн. 2. Владикавказ, 1892. С. 44.

75. *Тульчинский Н.П.* Пять горских обществ Кабарды // ТСб., Вып. V. Владикавказ, 1903. С. 182.

76. *Калоев Б. А.* Земледелие народов Северного Кавказа. С. 55.

77. *Ожегов С.И.* Словарь русского языка. М., 1973. С. 450.

78. *Ермолов А.С.* Указ, раб. С. 135; *Македонов Л.В.* В горах Кубанского края. Воронеж, 1908. С. 85; *Бесленев А.Д.* О земледелии у горцев Кубанской области в 70–90-х гг. XIX в. // УЗ Адыг. НИИ ИЯЛ. Т. XIII. История и этнография. Майкоп, 1971. С. 400.

79. *Робакидзе А.И., Гамкрелидзе Б.В.* Некоторые итоги осетинской этнографической экспедиции Института истории, археологии и этнографии АН Груз. ССР // КЭС, V. 3. Тбилиси, 1980. С. 198.

80. *Аргутинский А.М.* Экономический быт государственных крестьян Телавского уезда Тифлисской губернии // МИЭБГКЗК. Т. V. Ч. 1. Тифлис. С. 116, 117, 118.

81. *Маргошвили Л.Ю.* Культурно-этнические взаимоотношения между Грузией и Чечено-Ингушетией. Тбилиси, 1990. С. 88.

82. *Мачабели С.В.* Экономический быт государственных крестьян Горьковского уезда Тифлисской губернии // МИЭБГКЗК. Т. VI Ч. 1. Тифлис, 1887. С. 210; *Вермишев Х.А.* Указ. раб. С. 145.

83. *Шамиладзе В.М.* Хозяйственно-культурные и социально-экономические проблемы скотоводства Грузии. Тбилиси, 1979. С. 100.

84. *Ягодынский П.М.* Экономический быт государственных крестьян в Бакинском уезде. С. 481; он же. Экономический быт государственных крестьян западной части Бакинского уезда // МИЭБГКЗК, Т. I. Ч. 4. С. 458; он же. Экономический быт государственных крестьян южной части Кубинского уезда Бакинской губернии // Там же. Т. II. Ч. 1. Тифлис, 1886. С. 194. Такую же интерпретацию двухпольной системы (посев–пар) предлагает и *П.В. Котляревский* – Экономический быт государственных крестьян северной части Кубинского уезда Бакинской губернии // Там же. С. 343, 347.

85. *Ерицов А.Д.* Указ. раб. С. 158.

86. Сельскохозяйственный, энциклопедический словарь. С. 376, 596.

87. Советский энциклопедический словарь. М., 1980. С. 202.

88. Сельскохозяйственный энциклопедический словарь. С. 378.

89. *Зеленин Д.К.* Указ. раб. С. 37.

90. *Сабурова Л.М., Торэн М.Д.* Системы земледелия и сельскохозяйственные культуры у русских крестьян в середине XIX – начале XX в. // Русские. Историко-этнографический атлас. Земледелие. Крестьянское жилище. Крестьянская одежда (сер. XIX – нач. XX в.). М., 1967. С. 18.

91. Русские. Серия «Народы и культуры». (Гл. 7. Раздел «Традиционная земледельческая и промысловая культура. М., 1997. С. 164, 166, 173.).

92. Этнография восточных славян. Очерки традиционной культуры. С. 64.

93. Там; же. С. 108, 160.

94. *Калоев Б.А.* Осетины. С. 75.

95. *Шаманов И.М.* Земледелие и земледельческий быт карачаевцев // Из истории сельского хозяйства Карачаево-Черкессии. Черкесск, 1971. С. 69; *Мартуросиан Г.К.* Нагорная Ингушия. Социально-экономический очерк. Владикавказ, 1928. С. 97; *Бесленев А. Д.* О земледелии у горцев Кубанской области в 70–90-х гг. XIX в. С. 400; *Данилова Е.Н.* Указ, раб С. 45; Народы Кавказа. I. С. 302.

96. *Тургиев Т.Б.* О земледелии у алан // УЗ Сев-Осет. ГПИ. Т. 28. Вып. 2. Орджоникидзе, 1968. С. 265.

97. *Стоянов А.И.* Путешествие по Сванетии // Зап. КОИРГО. IX. 1. Тифлис, 1876. С.333–334.

98. *Бабаян Л. О.* Социально-экономическая и политическая: история, Армении в XIII-XIV вв. М, 1969. С. 63.

99. Ратушняк В.Н. Сельскохозяйственное производство Северного Кавказа. С. 75.-+

100. Кантария М.В. Грузино-осетинские этнокультурные контакты в земледелии // Проблемы исторической этнографии осетин. Орджоникидзе, 1987. С. 78; она же. Некоторые вопросы земледельческого быта в горной Осетии // КЭС. Т. V. Вып. 3 Тбилиси, 1980. С. 122.

101. Гакстгаузен А. Закавказский край. С. 111.

102. Мухитдинов И. Земледелие памирских таджиков Вахана и Ишкашима. М., 1975. С. 68–69; он же. Особенности традиционного земледельческого хозяйства припамирских народностей в XIX – начале XX века. Душанбе, 1984. С. 151.

103. Мухитдинов И. Особенности традиционного земледельческого хозяйства припамирских народностей в XIX – нач. XX в. С. 151.

104. Калоев Б.А. Моздокские осетины. С. 76; Кантария М.В. Экологические аспекты градационной хозяйственной культуры народов Северного Кавказа. С. 86.

105. Джалабадзе Г.В. Полеводческая культура Грузии (историко-этнографическое исследование). Автореф. докт. дисс. Тбилиси, 1972, С. 37.

106. Мачабели С.В. Экономический быт государственных крестьян Горьскогоезда Тифлиской губернии С. 210.

107. Вермишев Х.А. Указ. раб. С. 145.

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

ГЛАВА V

ПАРОВАЯ СИСТЕМА

Начиная разговор о паровой системе отметим, что эта система принципиально отличается от так называемых экстенсивных систем, т.к. она предполагает целенаправленные агротехнические, производственные действия земледельца по воздействию на плодородящие качества используемых угодий.

Поэтому паровую обработку следует, как и принято, причислять к разряду «интенсивных». Пар один из наиболее популярных, распространенных и эффективных, доступных для земледельца (и экономичных) способов воздействия на состояние плодородия почвы и получение хорошего урожая, в чем собственно, и заключается смысл мероприятий, объединяемых понятием системы земледелия. Мы уже говорили о том, что содержание действий земледельца, имеющих одну цель (средненормальный урожай посредством воздействия на состояние плодородия), составляют три меры – варьирование (сезонно-погодное, т.е. отделяющее один вегетационный период от другого) угодьями, удобрение, орошение. Проблематичность здесь в том, чтобы вместо шенниковской «восстановление плодородия» применять более универсальную и более адекватную применяемым самими земледельцами способам, в которых преобладают элементы сохранения плодородия и производительности, формулу. Содержание и структуру компонентов – действий системы лучше и правильнее строить не на основе заданной формулы, пусть даже очень продуманной, четкой и хорошей, а исходя из практики земледельцев, из того, что они делают, применяют, придумывают, организуют, претворяют, А то что принято называть паровой системой, именно то, что земледельцы применяли чаще всего, к этому их вынуждала и сложившаяся обстановка на зерновом рынке, в землевладении, ресурсах пахотоспособ-

ных угодий, демографической ситуации, социальном развитии крестьянства и т.п. начиная с позднего средневековья. Паровая система привлекательна прежде всего тем, что при достаточной эффективности в отношении получения продукции с единицы площади угодий, она при этом не требует существенного сокращения посевной площади (годовой). Далее, она дает относительно достаточный «отдых» пахотному угодью, поскольку приходится на самый продуктивный (для поддержания «творения» плодородия) вегетационный период (в отличие например, от зяби), который к тому же является наиболее удобным для «отдыха» промежутком в сезонах года с точки зрения культивирования озимых сельскохозяйственных культур, наиболее выгодных в экономическом отношении. К тому же она дает пашне возможности для аккумуляции не только влаги, но и органических элементов в виде зауглубленных вспашкой растительных масс, а также навоза пасущегося там скота. Она создает также наиболее благоприятные условия для утилизации земной влаги (особенно на теплой равнине), которая более продуктивна в технологии усвоения почвой (постепенное подтаивание) и т.п.

Особенность паровой системы горных областей Кавказа – удобрительный ее характер во всех случаях, когда это позволяют ресурсы удобрений. Характерно, что земледельцы всегда подчеркивают разницу между паром и перелогом (и особенно залежью), обращая при этом внимание на то, что для пара удобрение не обязательно, но желательно, а для перелога совершенно не нужно (исключая малый перелог нагорий).

Преимущество пара еще в том, что он легко сочетается с любыми другими системами, любыми другими способами, направленными на сохранение или повышение плодородия почвы. Также возможны любые комбинации пара, как с разными способами удобрения, так и различными видами орошения (полива), вплоть до канализации и использования дождевой воды летних ливней.

В степени положительного воздействия на плодородие почвы пар уступает перелогу, особенно в его залежной форме, но все таки приближается по эффективности (полезности) к годовому (малому перелогу). А если же пар окажется еще удобрненным, хотя-бы частично, да получит еще осенний послепосевной полив (что часто делалось на равнине и в нижнем предгорье), то он намного превзойдет малый

перелог по практическим результатам (повышение урожайности при большей посевной площади и сохранении, как минимум, первоначального состояния плодородия почвы).

Какова будет степень воздействия на плодородие почвы при применении пара, будет-ли это сохранение поддержание, восстановление, повышение и т.п. плодородия, во многом зависит от разных вариантов паровой запашки, от кратности вспашек, формы и степени удобрения, от предшествовавшей системы, сочетания с другими системами и т.п.

Земледельцы, разумеется, представляли себе, что перелог и залежь более эффективны для поддержания плодородия почв их пахотных угодий, особенно в аридных местах, характеризующихся и связанной с этим безлесностью и дефицитом топливных ресурсов, вынуждавшем употреблять часть навоза на кизяк.

Несмотря на это, в условиях малоземелья паровая вспашка была очень популярна и считалась наиболее полезной, эффективной и экономичной. Нам уже приходилось приводить пример с селением Губден, в котором, несмотря на большие массивы пахотных угодий, к концу XIX в. залежь через перелог (годовой) сменилась паром. По словам нашего респондента, в земледельческой практике его сельчан в выигрыше оказывались не те крестьяне, которые сразу же засевали весной участок просом или кукурузой, а осенью (после унавоживания!) сеяли озимые. Такая ускоренная и плотная утилизация представлялась им наиболее эффективной (продуктивной) и экономически выгодной. Но в выигрыше оказывались не они, а опытные хлеборобы, которые делали паровую вспашку и осенью сеяли озимые, причем без удобрения (урожай их составлял сам 24–26 пшеницы, намного перекрывавший результаты от посева проса (кукурузы) и озимых. Однако и он признал, что при всем этом, пар результативен и выгоден для состояния пахотных угодий в сочетании с перелогом.

Что такое пар? Вспомним определение пара, имеющееся в отраслевом сельскохозяйственном словаре: «поле севооборота, свободное от посевов сельскохозяйственных культур в течение всего вегетационного периода»; другой вариант – «поле севооборота не занимаемое посевами в течение всего (или части) вегетационного периода и содержащееся в рыхлом и чистом от сорняков состоянии»¹. Если руководствоваться этими определениями, а они, безусловно справедливы,

пар легко и четко отграничивается от других базовых систем (переложной и подсечной). Относительно отграничения последней все ясно – тут не потребуется никаких логических построений или доказательств и тем более полемических ухищрений. А относительно перелога также можно найти разделительные критерии: 1. время пара ограничивается вегетационным периодом и даже его частью (что бывает довольно часто), а перелог, время его измеряется не месяцами, не сезонами, даже не периодами года (теплым или холодным), а годами, причем самый малый промежуток составляет целый год; 2. перелог – от слова «перележать», т.е. земля просто «лежит» отдыхая, ее не подвергают (в принципе) обработке, пар же подразумевает вспашку, поле должно быть вспаханным, рыхлым, мягким, без растительности, в перелог же ее естественный рост и погодная смена видов вплоть до задернения и превращения в целину, не прерывается. В тех случаях, когда перелог включается в краткосрочные полевые обороты, он теряет свои признаки, обусловленные многолетним «лежанием» и приобретает новые признаки. Так появляется паровой перелог в трехполье, остаток и «переродок» залежной системы.

Мы уже достаточно говорили о том, что делает паровую обработку земли системой, т.е. совокупностью мероприятий земледельца, призванных улучшить, или, по меньшей мере, сохранить, не ухудшить состояние плодородия почвы: Напомним коротко: повторные вспашки, с заглублением сорняков, для ускорения их гниения и превращения в органическое удобрение; выжигание почвы солнцем в результате этих же вспашек; накопление влаги (благодаря выведению сорняков), также способствующее быстрому гниению и перерождению растительной массы; целенаправленный, сопутствующий, исполняемый в поле, отводимом под пар, с помощью (использованием) скота процесс поедания, и вытаптывания сорняков с одновременным их возвратом в виде навоза для удобрения и т.д.

Надо сказать, что у паровой системы множество ликов, в качестве паровой называют несколько разновидностей комплексов мероприятий-полевых оборотов (то, что обычно называют севооборотом). Об одной из них мы уже говорили – трехпольном полеобороте, который принято называть паровым, и который мы предпочли назвать переложно-паровым. Помимо трехпольного, к концу XIX в. появляется паровое многополье, применялся пар и в однопольной системе.

Паровая система делится на горную и равнинную. Горная имела глубокие генетические корни, образовывала многие разновидности систем, начиная от однопольной уплотненной до трехполья. В основе ее бытования, широкого распространения лежало, разумеется, мало-земелье, ибо она стоит на первом месте в ряду систем земледелия, дающих наибольший эффект результативности (урожайности) в условиях мало-земелья. Вот почему Б.А. Калоев имеет полное право говорить, что «паровая система издавна широко применялась по всему нагорному Кавказу, где ее появление было вызвано теми же причинами, что и в равнинной зоне региона, – крайним мало-земельем и ростом населения»².

Именно с оскудением резервов земель связывается и в российской земледелии процесс видоизменений в системах, при котором «переложный, залежный и подсечный виды, требовавшие много земель, постепенно уступали место классическому трехполью» ставшему со 2-й пол. XVIII в. основой земледелия и, главным в системе земледелия становится «обращение к парам и удобрению полей» (Г.Г. Громов). Относительно автор констатирует уже XIX в. «почти повсеместно господствовавшее трехполье», правда, сочетавшееся «с теми или иными остатками старинных систем»³ («старинные» по его терминологии это – подсека, степной и лесной перелог). Правда, в генезисе, истоках была существенная разница – на равнине рост производства зерна и соответственно посевных площадей, сопровождающийся и увеличением плотности населения, привел к перерастанию, перерождению переложно-залежной системы в переложную с паром (паровой перелог), которая, в свою очередь, переросла в паровую. Следует заметить, что при этом, поскольку паровая система была, в принципе, известна жителям равнины, то ввиду ее превосходства над перелогом в отношении экономного использования пахотоспособных угодий, этап парового перелога благодаря потоку переселенцев с гор на равнину, был кратковременным, он лишь стал промежуточным мостиком, который практически обеспечил безболезненный, результативный, экономически выгодный переход от переложно-залежной системы к паровой, в том числе трехпольной и многопольной.

Несмотря на такие ее достоинства, паровая система, в том числе паровое трехполье не получили достаточного освещения в этнографической литературе. В цитированной работе Б.А. Калоева, несмотря

на утверждение о «широком применении», ей уделено всего несколько строк, в то время как, например, подсечной системе посвящено несколько страниц. Между тем, паровая система, дополненная специальным или сопутствующим- удобрением, обладает почти теми же достоинствами в улучшении плодородящего состояния почвы как и перелог, хотя требует гораздо более меньших земельных ресурсов.

Создавая благоприятные условия для накопления органического удобрения, обеспечивая достаточно весомую аккумуляцию летней влаги и соответствующую ее утилизацию, пар одновременно легко и благотворно для продуктивности земли, сочетается с любой системой, или отдельными их элементами (эпизодами).

И еще одна черта; паровое поле очень чутко и продуктивно реагирует на поливы; летний полив создает запасы влаги и ускоряет загнивание и превращение в удобрение растительных остатков, а осенний, довершая этот процесс, создает также благоприятные условия для кондиционного роста посевов до начала зимних холодов.

Универсализм паровой системы, легкость ее включения, сочленения с другими видами систем, или их отдельными элементами, что бывало частым явлением, благодаря ее возможностям, в сочетании с другими элементами воздействовать на плодородие почвы, сослужил ей плохую службу в аспекте ее описания, номинации, характеристики. Наблюдатели и исследователи с готовностью пишут о ней вообще, о других видах систем, в которых она играет важнейшую роль, о других элементах которые, напротив, усиливают, увеличивают ее возможности на плодородие, но о самой системе, ее основном содержании, основных признаках говорится мало.

Эта универсальность пара, многосочетаемость с другими системами и их компонентами, привела, в частности, в горном Дагестане, даже к тому, что земледельцы не делали большой разницы между паром и малым перелогом, они часто сочетались, переходили один в другой. Там где относительный недостаток угодий, а также и при недостатке удобрений и отсутствии орошения, предпочитали перелог, если же резервы пахотоспособных земель были ограничены, и при этом была еще возможность полива или удобрения навозом, использовали паровую обработку.

Эта «парность», двуединность перелога и пара отразилась (как упоминалось) даже в их терминологии, номинациях, например, в не-

которых местах понятие перелога передавалось словообразованием «годовой пар», и напротив, пар определяли как «летний перелог», «летняя вспашка».

Так, например, у агулов (сел. Рича, союз обществ Рича) понятие черного пара передавалось словосочетанием Гюлин ибХял – летняя вспашка, то-же и в сел. Кураг (Кушан-дере) перелог – ухЯл, а пар – летний ухЯл. В селении Шимихюр (союз обществ Курах) оба понятия – пара и перелога – обозначались одним словом – кьугьар, а в сел. Гоа (Агул-дере) – словом ивХел. Однако, это вовсе не означало, что земледельцы в нагорном Дагестане не понимали и не делали различия между паром и перелогом, в практике они очень четко различались и продуманно применялись в соответствующих условиях. Например, в сел. Усуг (Рича) мы встретили специальное название черного пара – гьумен, а в сел. Хпюг (Рича) пар имел название кичабан, а перелог – кьугьар. Более того, в сел. Шимихюр мы нашли даже специальное определение для одновременных вспашек черного пара. Весенняя вспашка кьугьыр, летняя кичаб, третья, после высева семян, производимая для их закрытия – тум. У даргинцев тоже имелись совершенно четко и определенно различавшиеся понятия и определения (названия) и пара (уръа, гьабгъа) и перелога (уркIбакI, барлахъ).

Характерное ностальгическое и одновременно недоумевающее-осуждающее высказывание о преимуществах пара (и перелога) мы выслушали у одного старого земледельца в высокогорном агульском селении Гоа. Рассказав о том какие способы применялись в прошлом для сохранения пахотных угодий в плодородящем неистощенном состоянии, о обязательных в прошлом паре и перелого, он добавил: – Еще при колхозе у нас сохранилась традиция оставлять часть пахотных земель под пар или перелог, хотя бы и немного. Но теперь, в совхозе, о них совсем забыли, все пахотоспособные угодья засевают каждый год без исключения, почвы истощаются, деградируют, а зерна и соломы стало не больше, а намного меньше. Выглядит неожиданно, на первый взгляд, что о паре, и особенно перелого, говорится в высокогорном селении. Однако ничего сверхъестественного в этом нет.

Как говорилось, дагестанские земледельцы очень хорошо понимали необходимость поддержания или сохранения плодородия своих угодий и поэтому, вопреки, казалось-бы, непреложным обстоятельствам, вопреки здравому смыслу с точки зрения собственной экономи-

ки, жизнеобеспечения, пропитания, оставляли из и без того маленьких угодий участки под пар и перелог. Правда, при этом соблюдалась, разумеется, строгая расчетливость изобретательность и продуманность.

Так, например, в высокогорном селении Гельменц (Цахур) дальние неудобные участки, куда трудно было доставлять навоз, обязательно оставляли под перелог, а на ближних участках был обязателен пар. Однако на самых лучших ближних угодьях, которые получали и больше удобрений – было уплотненное варьирование использования угодий.

Паровая система (с одновременным перелогом на дальних некачественных, труднодоступных и неудобряемых участках) была довольно распространена в дагестанском высокогорье, например, в таких селениях, далеко не хлебных, как Цахур, Ихрек, Гдым, Нижн. Катрух, Гельхен, Шимихюр, Усуг, Гоа, Рича, Ругельда, Бежта. Кутлаб, Вачи, Вихли, Чираг, Кунки, Амух, Нахки, Гинта и др. Характерным убеждением для земледельцев, применявших пар (и перелог) было высказывание нашего информатора из селения Кунки (Бурукун-Дарга); оставить под пар, это все равно, что густо удобрить навозом. Примерно такое же распространение пара имело место и в среднегорье (например, в селениях Мекеги, Нижн. Мулебки, Согратль, Усиша) и предгорье, однако больше в этих зонах мы встречаем паровой перелог трехполья.

В пореформенное время паровая система получает все большее распространение и на равнине. Это довольно убедительный пример в подтверждение нашего высказывания, что демографический, социальный, экономический и т.п. факторы являются не признаками системы земледелия, а условиями, факторами, обуславливающими их бытование, степень распространения, встречаемость. Причем, как и в случае с пахотными орудиями, в одном и том же селении на стыке предгорья и равнины, когда одновременно бытуют рало (на склонах, террасах) и плуг (на ровных больших полях), и в системах земледелия на равнине преобладает перелог, на склоновых полях – пар. Такие сочетания рало–плуг и пар–перелог мы обнаружили, например, в даргинском сел. Мюрего (Гамри), в табасаранском Аркит (Харали-ар), кайтагских сел. Баршамай и Карацан (Кара-Кайтаг), кумыкских Карланюрт (Аксаевское владение), Муцалаул (Эндириевское владение) и

др. На выбор системы влияла часто и возможность орошения. Представлялось слишком большой роскошью отводить под перелог и тем более под залежь угодья, на которых было возможно осуществить орошение, поэтому в равнинных селениях на поливных землях применяли плотные варианты использования угодий, чаще всего пар. Собственно, иначе и невозможно было поступить, т.к. поливные земли в равнинных селениях были на строгом учете и перераспределялись каждый год, а остальная часть пахотоспособных угодий была под перелогом, залежью, а там где их было много, даже на потоке – отведи себе участок и организуй использование земли как тебе выгодно и удобно. Так, было например, в сел. Утамыш, у которого было очень много пахотных угодий, но мало поливных. Пар на орошаемых участках применялся также в селениях Касумкент, Каякент, Мугерган, Мюрего и др.

Естественно, что основу системы составляет пар, паровая вспашка, она, как говорилось, охватывает вегетационный период, теплое время года. Это означает, что поскольку пар является одним из средств экономизации пахотных земель в условиях малоземелья, средством, которое используется вместо расточительной переложной и особенно переложно-залежной системы, постольку пар не должен оставаться в перелог, он должен быть использован для озимого посева. Так оно и было, для этого пар и предназначен. Однако со следующего года паровая вспашка не будет полноценной, ведь до июля–августа, а кое-где и до сентября земля будет занята зерновым полем хлебом, который надо убрать. Это именно то случай, котором в словаре сказано «не занимаемое посевами в течение... части вегетационного периода»⁴. Если хозяин, по состоянию резерва своих пахотоспособных земель может себе позволить, то он не станет в этот кратковременный период производить паровую вспашку под озимые и оставит поле под зябь и яровые в следующем году, а под озимые использует другой участок. Это тот случай, который принято называть паровым трехпольем, и который мы считаем предпочтительным называть переложно-паровым. Собственно паровым же этот вид будет в том случае, если после уборки урожая сразу же будет произведена паровая вспашка и осенью будут посеяны озимые. Именно такого вида паровую систему, скорее всего, имеет в виду А. Шенников, отказываясь считать и называть ее системой, т.е. комплексом мероприятий для

воздействия на плодородие почвы. Поэтому естественно его утверждение, что системой такой пар может считаться только в том случае, если он сопровождается искусственным удобрением.

Паровое трехполье произошло, как говорилось, от годового перелога, который является остатком переложно-залежной системы. Первоначально пар возник на месте перелога, который сохранился в «трехполье» и во времени (весь год, а пар занимает только теплое время года) и пространстве (пар занимает именно то поле, которое изначально было переложным).

Этот вариант сосуществования (и перерождения одного в другой) пара с перелогом мы уже рассматривали (трехпольная переложно-паровая). Тем самым мы приходим, к сожалению, в противоречие с общепринятой, утвердившейся традицией именованья без оговорок изначально и единственно «паровым» третьего поля (участка) трехполья, отведенного под «отдых», и самого трехполья⁵.

В связи с определением «отдых» заметим, что один из авторов монографии «Русские» И.В. Власова включает в его содержание («оставление выпашанной земли на отдых») чередование озимых и яровых культур (т.е. севооборот с паром) и плодосмен. Отметим, что эти действия автор объясняет стремлением земледельца избежать выпашки (!) полей⁶. А Г.К. Мартиросиан – последовательный приверженец пара относит к нему весь период пребывания поля без посева, но понимание пара у него своеобразное: описывая черный пар он упоминает о трёх вспашках: первая – в конце весны или начале лета, когда поднимается трава (это и есть черный пар), вторая – осенью, сопровождаемая удобрением навозом (тоже можно согласиться), но вот третья вспашка – весной перед посевом (?)⁷, но какой посев, ведь паровая вспашка производится в конце весны (для озимых) значит, озимого посева не было, была вспашка под черный пар, была вспашка осенью под зябь, весной перед посевом, но для самого посева не осталось ни времени, ни места. Становится очевидным, что автор или не понял своих информаторов (что часто бывало и бывает), или он принял часто применяемый в горах в условиях малоземелья паровой перелог за черный пар. В описании земледелия карачаевцев И.М. Шаманов приводит описание четырехполья, в котором одно поле является паром⁸. Такая же интерпретация и в сводной работе о карачаевцах⁹. В исследовании Х.А. Вермишева паровая система названа в качестве одной

из распространенных в Западной Грузии¹⁰. Это подтверждает И.Л. Бахтадзе, констатируя паровую систему в одной из частей Грузии – Раче¹¹. Относительно Сванетии сведения наблюдателей противоречивы. Один утверждает, что «такой роскоши как пар не снилось сванской пашне, поэтому без ежегодного удобрения не жди урожая»¹².

Зато современный грузинский исследователь Л. Бериашвили пишет о несомненно паровой системе причем с многократной вспашкой, которая «обеспечивала высокий урожай и предотвращала появление сорных трав», причем, это один из немногих авторов, который пишет о черном паре, который «широко практиковался» и отличался особенно целесообразным на равнинных пашнях¹⁴. В числе мероприятий народной агротехники грузин называет пар и агроэтнограф Н.А. Брегадзе¹⁵.

О системах земледелия в Абхазии Ц.Н. Бжания говорит, что господствующей была подсеčno-огневая, но в качестве второго типа ее выступает пар¹⁶, т.е. это тот тип, при котором созданный в результате подсеки участок оставляется под пар, часто в форме включения в существующий паровой полеоборот. Распространенность пара относительно с высотными поясами (зонами) в Азербайджане описывает П.Н. Ягодынский: поливные земли низменной части – паром занята 1/6 часть общей площади пахотных земель; в предгорье – уже 2/5, а в нагорье – чуть менее половины¹⁷. Тут явно проглядывается тенденция – на поливных землях больше практиковался уплотненный полеоборот.

Таким образом, наши материалы свидетельствуют, во-первых, что способ выдерживания вспаханного угодья от весны и до конца лета с определенной агротехнической целью (целями), заключавшейся в стремлении сохранить и восстановить плодородие почвы, существовал повсеместно на Кавказе, и, во-вторых, что этот способ, судя по материалам, можно и следует называть и считать системой земледелия, согласуясь с основным признаком системы, заключающемся в положительном (сохранение, восстановление) воздействии на состояние плодородия используемых пахотных угодий для получения средненормального урожая. Можно считать системой потому, что этот способ служит именно этой цели, которая достигается совокупностью определенных действий и приемов. Главные из них: не всегда и не везде обязательное (возможное), но часто практикуемое удобрение

самыми разными методами (нанесение навоза, золы, выбросов из туалета, выпас скота, постой овец), неоднократная вспашка, приводящая к зауглублению сорняков и их гниению, орошение, также вызывающее загнивание растительных остатков и повышающее производительность почвы. Отметим при этом также многовариантность паровой системы, распространенную сочетаемость паровой вспашки с элементами других систем (севооборот, плодосмен, уплотненное варьирование использование угодий), ее сопричастность с ними, структурное органическое вхождение, сочленение и отражение этого факта в номинациях других систем (или в номинации самой паровой системы).

Как нам представляется, исходя из наших материалов, наиболее близкой к паровой системе является, скорее всего, севооборотная система.

§1. Паровая севооборотная система

Относительно характеристики севооборотной системы и ее места в группе систем (или подсистем), ее иерархии не все обстоит благополучно. Если следовать букве определения А. Шенникова, то севооборот представляет собой один из приемов земледелия. При рассмотрении паровой системы мы отнесли предварительно севооборот к разновидностям паровой системы. В этом «отнесении» имеются свои трудности. Севооборот фигурирует в литературе и материалах, то как совокупность мероприятий, то как метод действий, то как одна из систем земледелия. Очень распространено в литературе выражение «правильные севообороты», практически подразумевающее оправданные и научнообоснованные способы эффективного использования угодий и повышения их продуктивности.

По научной традиции, существующей в сельскохозяйственной литературе, севооборот это чередование на нескольких участках культур, но таких которые являются разносезонными, с разными периодами сева (севооборот) т.е. озимых и яровых, с обязательным применением пара. Таким образом, севооборот предусматривает и варьирование использования участков, и смену сезонно-посевных культур (озимая-яровая) и применение пара, и все это в пространстве (разные поля) и времени (разные сезоны). И поскольку главное меро-

приятие системы земледелия – варьирование угодьями (участками угодий) налицо, значит перед нами совокупность тех действий по воздействию на плодородие почвы, которые следует (можно) называть системой земледелия. Не случайно многие исследователи считают севооборот основной частью системы, и поэтому в литературе нередко случаи употребления термина «севооборот» в качестве синонима системы земледелия (особенно паровой).

Выше мы уже останавливались на вопросе о правомерности отнесения пара к системам земледелия и предложили положительное решение. Тем более, если пар с несколькими вспашками, выпасом скота, а иногда и специальным удобрением – вывозом навоза. Заметим, между прочим, что поскольку севооборот является оборотом яровых и озимых, то пар автоматически становится признаком севооборота, поэтому не случайно в литературе эта структура (совокупность действий) считается севооборотом лишь при наличии в нем пара.

Севооборот и по нашим полевым материалам включает не только разбивку площадей и смену культур по участкам, но и смену озимых на яровые (оборот) с обязательным включением в производимый оборот пара. Более того, материал показывает, что севооборот не исключает и удобрения отдельных участков, особенно тех, которые отводятся под посевы, не побывав под паром. А пар в горном Дагестане (и всем Кавказе), испытывающем дефицит выпасных угодий обязательно поступает под выпас и тем самым получает свою долю удобрений в виде навоза и твердых остатков выеденной и побитой скотом растительности, в том числе корневых систем.

Мы не говорим уже о том, что практикуемые в большинстве случаев пара повторные вспашки (и часто неоднократные), способствуя зауглублению органики, дополнительно увеличивают повышающие плодородие почвы свойства и возможности пара. Напомним себе еще раз, что пар земледельцев горного Кавказа особенный пар, он заключает в себе такие черты, элементы, которые обычно пару не свойственны, например, пару равнины. В числе этих свойств, как говорилось, выпас скота на паре, неоднократные вспашки и даже вывоз накопленного удобрения в поле. Поэтому любой целенаправленный комплекс мероприятий по варьированию использования угодий, включающий пар, заслуживает пристального внимания на предмет

идентификации в качестве системы земледелия. Но поскольку пар становится, таким образом, стержневым, основообразующим элементом комплекса, который мы намереваемся причислить к категории системы земледелия, будет по-видимому, справедливым, если мы этот комплекс причислим к паровой системе, как одну из ее разновидностей. Характерные ее элементы и черты: чередование участков под разные культуры, в том числе оборот культур (с озимых на яровые и наоборот), обязательный пар, нередко удобряемый. Эти признаки и дают нам основания считать севооборот системой, но именно при таком перечне основных черт. Однако номинация «севооборот» несколько уводит в сторону от главной доминирующей особенности, и поэтому мы ввели в название системы упоминание о паре, определяющем признаке системы: «паровой севооборот» или «паровая севооборотная система».

Она широко представлена в земледелии народов Дагестана и всего Кавказа. В цитированном нами отраслевом словаре севооборот рассматривается (интерпретируется) как чередование сельскохозяйственных культур¹⁸. Но для этого существует вполне определенный и адекватный термин – плодосмен. Выше мы оговаривали наше понимание севооборота как чередования озимых и яровых культур. Без этого условия, просто чередование культур дает намного меньший эффект положительного воздействия на плодородие. Однако точка соприкосновения в обеих (интерпретациях) все таки имеется. В традиционном (и в словаре) толковании чередование сельскохозяйственных культур предусматривается: а) на нескольких полях; б) во времени, в) и, что самое главное, только в сочетании с паром¹⁹. А соблюдение этих трех условий практически невозможно (неосуществимо) без внесения в это чередование попеременности озимых и яровых культур, что обуславливает и паровую распашку. В интерпретации Б.А. Калоева «чередование различных сельскохозяйственных культур, следующих друг за другом и в таком порядке, что одна культура подготавливает почву для другой» названа плодосменной системой²⁰, но в самих описаниях часто речь идет скорее о севообороте, чем плодосмене. Впрочем, подобное смешение часто встречается в литературе, что вполне объяснимо, поскольку содержание их обоих во многом близко. Правильно указав на то, что эта система «своим возникновением» «обязана именно горной зоне региона», автор не совсем спра-

ведливо связывает это с характерным для горной зоны «многообразием культурных растений»²¹. Ясно, что на равнине тоже было это многообразие, и что севооборот–плодосмен скорее связан с дефицитом пахотных угодий, с попытками на таком фоне сохранить на достаточном уровне плодородие засеваемых участков, в том числе и за счет многообразия высеваемых культур, во времени и пространстве. Известно, например, что бобовые, и особенно некоторые виды гороха являются отличными предшественниками для зерновых, так как их корневая система обладает замечательной способностью вырабатывать азот и откладывать в почву, «в запас», Так Б.А. Калоев установил по полевым этнографическим материалам, что в горной Осетии чередование культур включало пшеницу–ячмень–горох (или овес)²². Показательно, что перед главной, наиболее энергоемкой культурой стоит в ряду именно горох (в Дагестане, особенно в южном высокогорном, это было обязательно, для этого использовался особый вид горького и даже ядовитого черного гороха, который требовалось несколько дней отмачивать в проточной воде до употребления для питания. Но он считался сильным восстановителем плодородия почвы, и потому, в отдельных случаях сеялся даже на большей, чем нужно было для питания, площади, т.е. в целях улучшения плодородия засеянных им участков.

Не совсем четко выписанный севооборот отмечен Г. Мартиросианом в Ингушетии: с «отдыхом» после трехлетнего сменного цикла ячмень–пшеница–овес²³. Но вот другой наблюдатель – Н.А. Караулов – констатирует, что у балкарцев «плодопеременного хозяйства за неимением мест не применяют»²⁴ (т.е. речь идет фактически о севообороте). Периодическое «применение севооборотов у адыгов, которых они строго придерживаются», отмечает М.З. Азаматова, причем в перечне культур называет мягкую адыгскую пшеницу, твердую горную, ячмень, просо, рожь. Отметим, кстати, что отличный знаток культуры и быта адыгов В.К. Гарданов прямо указывает на то, что у адыгов «отличные урожаи зерновых обеспечивались определенным севооборотом». Бытование (применение) севооборота отмечено и у карачаевцев, но констатируется его частое нарушение из-за малоземелья²⁶. Многолетний севооборот, внедрившийся, по его мнению, под влиянием русских, отмечает у карачаевцев и И. Шаманов. Заметим, что первым на осваиваемой целине, залежи или паре идет просо, затем

кукуруза–пшеница–горох и потом пар²⁷. Г.Х. Мамбетов, у кабардинцев тоже первой культурой называет просо, затем идут пшеница, кукуруза и ячмень. Иногда первым номером шла кукуруза. Со ссылкой на наблюдателя Е. Баранова, автор приводит и другой порядок чередования: просо–кукуруза–пшеница–ячмень (или овес) – пар²⁸.

В Закавказье была примерно такая же картина. Так, например, И.Л. Бахтадзе, констатируя, что удобряемые земли сеяли ежегодно, добавляет – но с обязательным плодосменом. А, другой исследователь Л. Маргошвили очень четко указывает, что кисты в Грузии применяли плодосмен в сочетании (как правило) с севооборотом²⁹. Классический севооборот, возможно в сочетании с плодосменом и даже уплотненным полеоборотом, описывает И.В. Шаховский в Сванетии (1834 г.): в мае засеяв яровые хлеба, «в августе месяце производится уборка хлеба, а в сентябре засеивается озимая пшеница»³⁰.

Однако относительно горных областей Грузии другой современный исследователь Г.В. Джалабадзе считает, что из-за мелоземелья в Хеви» «весьма затруднено оставление земли под паром и севооборот»³¹.

В Абхазии Р.К. Чанба господствующей называет залежно-переложную, но замечает, что «в конце XIX в. большее распространение получила простая плодосменная система земледелия». Судя по указанным задействованным культурам (просо–кукуруза, обе яровые) плодосмен был уплотненного, а не севооборотного характера³². Несмотря на большие различия в природно-географических условиях сходную картину описывает для Армении Л. Бабаян: «господствующей системой в полеводстве являлась плодосменная система», и судя по сменяющимся культурам (зерно–бобовые–бахчевые)³³ это тоже уплотненное использование угодий, но возможно, плодосмен сочетается с севооборотом. Утверждение Л. Бабаяна о плодосмене у армян согласуется со свидетельством весьма серьезного исследователя середины XIX в. И. Шопена: «плодосменность есть одно из главных условий обильного урожая»³⁴.

Паровую систему именно (и только) в сочетании с севооборотом, причем с многочисленными примерами из практики земледельческого хозяйства, описывает и азербайджанский этнограф Г.А. Гулиев³⁵. Паровую систему с севооборотом констатирует в горной (Шаки-Закатальской) зоне Азербайджана и Г.Д. Джавадов³⁶.

Характерно, что земледельцы Кавказа при севообороте в первую очередь после залежи или пара (после первой вспашки твердой земли) считали необходимым сеять «хлеб с большим корнем» – просо или кукурузу, так поступали, например, адыги (абадзехи)³⁷. А в Дагестане в таких случаях выбирали рожь, которая, как считалось, легко пробивает комья земли и быстро растет, забывая тем самым, все виды сорняков.

Заметим, что во всех описываемых случаях севооборот и плодосмен переплетаются, взаимодополняются, взаимозаменяются и порою трудно бывает разобраться о чем идет речь в описаниях – севообороте или плодосмене. Во всяком случае, должно быть ясно, что плодосмен сам по себе, «чистый плодосмен» системой не является, и не может быть таковым, так как не предусматривает обязательной паровой вспашки. Севооборот же, имеющий в своей основе смену разносезонных культур – озимых и яровых, осеннего сева и весеннего сева, обуславливает и смену механического состояния полей – участков, и между посевами обеих культур вклинивается пар. А это означает, что севооборот включает главное, действие (мероприятие) в комплексе мер, предпринимаемых земледельцем для положительного воздействия на состояние плодородия почвы – а именно – варьирование использования пахотоспособных угодий во времени и пространстве.

Несколько слов отдельно о плодосмене. Без особого риска ошибиться можно считать, что он не является самостоятельной системой, а лишь составляет один из приемов земледельца в процессе реализации системы, избранной им на текущий год. Во многих случаях он фактически (и практически) входит в севооборот и является одним из его элементов – приемов, ибо, поскольку плодосмен заключается в смене вида и сорта культуры, засеваемой на определенной пахотной площади, то севооборот сам по себе уже предусматривает подобную процедуру – смену высеваемых сельскохозяйственных культур на посевных площадях. Однако несмотря на это, и на то, что многие авторы не видят между ними особой разницы и даже подменяют в употреблении их номинаций одно (понятие) другим, различие между ними, и довольно существенное, существует. В плодосмене речь идет о смене культур на одном и том же участке и поэтому он не предусматривает обязательного включения пара, в то время как в севообо-

роте участков (полей) может быть несколько и на них попеременно обязателен пар. Как и во многих других случаях наиболее четкое (недвусмысленное) и адекватное определение мы находим у Вл. Даля: «Плодопеременное, плодосменное хозяйство, когда посевы хлебов, овощей и трав чередуются на одном и том же поле, чтобы не истощать его»³⁸. Речь идет, таким образом, о способе варьирования посева участков с таким расчетом, чтобы на одном и том же участке два года подряд не высевалась одна и та же культура: если был ячмень, то в следующий год обязательно что-нибудь другое. При этом, как правило, имелись соответствующие, более подходящие, более щадящие почву пары; или восстанавливающие истощенную другой культурой почву (например, горох после пшеницы); или более эффективные в паре, дающие больший урожай и т.п. культуры. Иными словами речь идет о чередовании культур. Поэтому, сам по себе, так сказать в одиночестве, плодосмен, действительно (как считают этнографы), трудно считать системой. Он щадит, он меняет состав, структуру, изымаемых из почвы элементов, выбирая на другой год культуру, для которой в почве осталось больше «еды», но он не увеличивает и не восстанавливает общее состояние плодородия почвы, а даже снижает ее, прибегая к своеобразному «обману» почвы, угодия. Поэтому мы воздерживаемся от причисления его к перечню систем, к той совокупности мероприятий, которая путем посезонно-погодного варьирования использования участков угодий, и с помощью удобрения и орошения воздействует на сохранение (поддержание, восстановление) плодородия почвы.

Однако в сочетании, контексте других способов воздействия на плодородие он дает немалый положительный эффект для повышения производительности угодия и поэтому попал в перечень систем земледелия. Исходя из сказанного мы полагаем, что он может быть рассмотрен в составе других систем (например, в паровой, в севообороте и даже усеченной залежной, выше мы упоминали такие примеры) без выделения и обозначения в качестве отдельной самостоятельной структуры.

Приведем несколько примеров, просто для того, чтобы показать их отличие от паровых севооборотов и тем самым отграничить, отделить их от последних. Так, например, А. Бесленев описывает дореформенное пере ложно-залежное земледелие горцев-кубанцев, в ко-

тором явно проглядываются черты плодосмена и севооборота. Отдохнувший в течение многих лет участок подвергался интенсивной эксплуатации несколько лет: сначала, как и следовало по проверенному опыту, по залежи засевали кукурузу (раньше просо), как культуру с сильной корневой системой, затем еще один год – кукуруза, потом подряд два года озимая пшеница, затем – в порядке заключительного аккорда опять просо (проверка степени истощения участка) и после этого на 14–15 лет (раньше – 25–30 лет) следует залежь под пастбища и лес³⁹ (скорее всего и покос). М.В. Кантария подобную систему у кабардинцев называет «трехпольной залежной системой»⁴⁰. Примерно такой же плодосмен отмечен у карачаевцев, про который сказано, что «при залежной системе в первый год сеяли просо или овес, на следующий год ячмень или пшеницу», на третий – те же культуры перекрестно (на теневых участках – картофель)⁴¹. Перекрестные посевы осуществляли не только плодосмен, но и севооборот, что делалось для создания перерывов в эксплуатации участка, для организации его отдыха.

Заключая разговор о паровом севообороте и вообще о паровой системе, заметим, что в свете рассмотренных нами материалов можно считать, что паровая система возникла и сложилась на базе изживающей себя, в связи с изменением экономической (необходимостью роста производства зерна и соответственного увеличения площади посевных площадей) и демографической (рост населения, переселение с гор и России) ситуации, пёреложно-залежной системы земледелия. При этом она прошла этап парового перелога, когда сократившийся до одного года перелог уже не удовлетворял функциям, заложенным в залежи (аккумуляция влаги, удобрений и борьба с сорняками) и стал распаиваться. В горной части этот процесс, произошел задолго до XIX в., поэтому справедливо мнение исследователей о том, что горцы-переселенцы Северного Кавказа принесли с собой на равнину паровую обработку.

Другой путь эволюции залежи к пару идет через плодосмен-севооборот. Когда земледельцы вынуждены были сокращать продолжительность залежи (с 25–30 лет) после интенсивной эксплуатации угодий с использованием плодосмена (4–5 лет), то для создания передышек, кратковременного, «отдыха» угодия, они стали плодосмен

целенаправленно превращать в одновременный севооборот, чередуя озимые и яровые культуры (т.е. паром).

К концу XIX в. паровая система стала преобладающей и в горной части и особенно на равнинах. Ее универсализм, способность сочетаться с любыми системами и их элементами, образуя при этом наиболее выгодные и экономически целесообразные комплексы систем, сделали ее наиболее предпочтительной и желанной и соответственно наиболее массовой и распространенной в регионе, причем и в Кабарде, месте безраздельного господства в прошлом залежной системы, и по всей России. В конце XIX в. она названа в числе трех основных систем – паровой, лесопольной и залежной, причем названа «самой распространенной» (залежи занимали в конце века 14,3 % всей площади пахотной земли, а пар – 21,7 %) ⁴².

Имея в виду эту универсальную совмещаемость паровой системы с элементами других систем, мы не будем выделять другие ее виды по дополнительным признакам таким как орошение, удобрение и др., так как они могут быть элементами и других систем.

О них и влиянии на структуру, целевое и сущностное содержание систем, возможности и степени включенности в разные системы и в свете всего этого – возможного влияния и на номинации разных систем, мы поговорим отдельно. Пока же, перейдем к одной из систем, близкой (иногда весьма) по предпосылкам и сущностному содержанию к паровой системе – а именно – системе уплотненного варьирования угодьями.

§ 2. Система уплотненного варьирования использования угодий

Перейдем теперь к описанию ещё одной структуры, совокупности приемов которая была призвана положительно воздействовать на состояние плодородия почвы, а скорее на её производительность (урожайность) Номинации как таковой у этой структуры не имеется, главный её признак, ведущую, определяющую особенность, имеющую отношение к плодородию почвы, трудно найти, определить и однозначно назвать. Когда нам приходилось о ней говорить, мы называли её уплотненным варьированием использования угодий. На первый взгляд эта структура выглядит безликой, или, напротив, мно-

голикой, поэтому, собственно и трудно подыскать для нее сущностно верную и адекватную номинацию.

Она вроде бы «незаконная», она не номинирована ни в сельскохозяйственной, ни в этнографической, кавказоведческой литературе, она специально нигде не описывалась, не характеризовалась, ее признаки, черты или особенности не отмечались и не формулировались. Ссылок на обстоятельства, на практическое существование, на предпосылки, вызывающие ее к жизни, безымянные описания у наблюдателей и даже в литературе имеются, но как-бы в форме элементов отдельных систем, их неправильных или незавершенных видов (разновидностей), вроде «уродов» или «инвалидов».

Система выглядит очень даже полной, многокомплектной, вроде бы даже многоликой, но в ней трудно улавливается главный, основополагающий, системообразующий компонент, при всей ее многоликости она как бы безлика. Эта ее особенность отразилась и в принятом нами ее наименовании. Если в других системах можно уцепиться за определенную составляющую, основу, или хотя бы характерный, характеризующий, выделяющий признак, то в этом комплексе мероприятий такой признак трудно улавливается. Давая этому комплексу наименование мы руководствовались принятым нами принципом, что в содержании и компонентной структуре системы главным является получение урожая посредством использования угодий, с поддержанием на достаточном уровне их плодородия путем варьирования использования угодий во времени и пространстве и дополнительных средств (действий) – удобрения и орошения. Так вот, в этом комплексе существует своя специфическая особенность – использование угодий является плотным, очень плотным, что требует выражения «уплотненный». Другие номинации систем (или субсистем) комплексу не подходят. Его нельзя назвать ни паровым, ни севооборотным, ни тем более переложным.

Правда, в сельскохозяйственной и отчасти этнографической литературе сходный феномен назван «однополем» «однопольной системой». Но именно сходный, так как множество «клочков» и «местечек» угодий горных земледельцев, на которых, к тому же, применяются на каждом в отдельности разные формы полеоборотов (один клочок – плотно-однопольно озимые, другой – яровые, третий – севооборотный, четвертый – плодосменный и т.д.), как-то некорректно (да

и неадекватно) называть однополем. Термин этот сложился в условиях нечересполосного равнинного земледелия России и был поэтому оправдан, по этой причине он отчасти применим и в отношении «плотного» полеоборота на равнинах Кавказа. Однако, имеется еще одна номинация – «полевое земледелие» Г.Г. Громова, тоже, на наш взгляд, не очень удачное: «систематическое использование под посев одного и того же участка земли, принципиально отличается от экстенсивных систем», тем, что земледелец применяет «целенаправленные усилия для поддержания плодородия полей, внося удобрения, чередуя культуры и т.д.». Интересно отметить, что сохранение в русском земледелии перелога и подсеки автор объясняет нищетой крестьян, не позволяющей предпринять эти усилия⁴³.

Далее отметим, что в этой системе акцент целевого содержания как-бы смещается, она нацелена на максимальное использование производительных сил угодий, извлечением путем их утилизации наивысшей пользы, получение наибольшего количества продукта при имеющемся недостаточном фонде пахотных угодий. И уже как-бы вторым планом идет задача – не обескровить при этом угодье, не истощить почву, сохранить ее плодородие на начальном уровне в условиях такой жестко предельной эксплуатации. О ее запредельности свидетельствуют ответы наших респондентов в некоторых аулах горного Дагестана (подобное, наверно, можно было бы услышать и в нагорной части Осетии или Карачае) – на вопрос о применении в земледельческой практике перелога или пара: «Где столько земли, чтобы делать (позволить себе) это?» Следовательно, наиболее характерные черты этой системы – большая плотность и интенсивность в использовании угодий со всевозможными вариациями маневрирования, манипулирования ими, прямо указывают на основную причину – предпосылку, вызвавшую ее к жизни, и точно районируют ее – это нагорные области, постоянно испытывающие дефицит пахотных угодий, земельный голод.

Впрочем, к концу XIX в. изменения в равнинном земледелии, о которых уже не раз говорилось, создававшие местами ажиотаж в производстве товарного зерна, также приводили к максимализации утилизации пахотных угодий, уплотненным полеоборотам, хотя их удельный вес был здесь, разумеется, несоизмерим с таковым в горной части.

Суть системы состоит, таким образом, в нагромождении, уплотнении использования угодий во времени и пространстве. Например, хлебороб, весной посеяв яровые, сразу после их уборки вспахивает землю и сеет озимые, без всякой передышки. Или же каждый год подряд на одном и том же участке сеет одни озимые или одни яровые культуры (например, просо или кукурузу).

Другой вариант – севооборот на отдельных участках – озимые перемежаются с яровыми, это более щадящий вариант. С массовым внедрением кукурузы стали сеять ее подряд каждый год на одних и тех же участках. При этом горцы-долинники, полюбившие эту культуру за урожайность и особую чуткость к уходу, и особенно поливу, считали, что ее можно сеять таким образом, без плодосмена и севооборота – только вноси достаточно удобрений. Из приведенных примеров видно, что были разные варианты уплотненного варьирования – «жесткий» и «мягкий», более взвешенный. Все они абсолютно исключают перелог. Но, к счастью для земледельца и многострадальных его пахотных угодий, природа распорядилась так, что даже при самом плотном графике посевов имеются хотя бы кратковременные периоды, когда землепашец вынужден дать земле отдых, он просто никак и ничем не может занять ее (относительно конечно, так как он придумал такую «хитрость» как «занятой пар»). Если чередовать одни озимые, то земля отдыхает летом, и имеется возможность произвести паровую вспашку. Если остановиться на яровых, то возможен кратковременный пар (после уборки до поздней осени) и затем зябь. Если применять севообороты, то поле со второго посева на третий будет иметь возможность отдыха в виде пара или зяби. Рассмотрим отдельные примеры из земледельческой практики хлеборобов.

Цикл варьирования системы может начаться, в зависимости от обстоятельств (предпосылок) экономического, бытового, социального характера, или с яровых, или с озимых. Начав весной с посева яровых, земледелец после уборки производил вспашку и сеял озимые, после их уборки в следующем году опять озимые и так несколько лет (но с неизбежной при этом усеченной паровой вспашкой), пока перейдя опять на яровые, земледелец не даст зяблевый отдых. Вариант с началом озимых: озимые, уборка, зябь, яровые, уборка и сразу озимые, и так несколько раз, причем, чтобы полнее использовать поле и

здесь озимые повторяются несколько лет, что делает передышку при паровой вспашке кратковременной.

Поскольку корни этой системы в земледельческом голоде, вспомним коротко картину землепользования в горных областях Кавказа. Во всеподданнейшем ответе генерал-адъютанта Воронцова-Дашкова 1913 г. указывалось, что на Кавказе (включая и низменные части!) только 37% земель являются доходными (пашни, огороды, сады, сенокосы), остальные – леса, кустарники, пастбища. Из 37%–35% заняты сенокосами и пашнями, 1,5% – сады, виноградники, 0,36% – ценные культуры (табак и др.)⁴⁴. В работе Г. Цаголова с характерным названием (Край беспросветной нужды), приводятся такие цифры: на одну мужскую душу пахотной земли у балкарцев – 0,26 дес., горных осетин – 0,4, горных ингушей – 0,3, горных чеченцев – 1,2 и в Салатавии (предгорный Дагестан) – 0,7⁴⁵. Однако по данным Н.П. Гриценко в начале XX в. у ингушей на душу было 0,2 дес., а в Нагорной Чечне – 0,3 дес. (покосов – 0,55 и выгонов – 0,9 дес.)⁴⁶. Более подробные данные имеются у А.В. Фадеева. В конце 80-х гг. в чеченских аулах Грозненского округа приходилось на мужскую душу всей земли, удобной и неудобной, на равнине 4,1 дес., в горах – 1,6 дес., у ингушей соответственно 4,3 и 1,6 дес. (у терских казаков – 21,3 дес.). Пахотной земли на мужскую душу к началу XX в. было: в 23 сельских обществах от 0,1 до 0,4 дес., в 16 обществах – 0,5 дес., в 43 обществах от 1,0 до 9 дес., в 7 обществах – от 2,0 до 4,0 дес. А по заключению самих царских администраторов для удовлетворения потребностей семьи из 5 душ необходимо было иметь не менее 6 дес. пахотной земли, 8 дес. покоса и 4 дес. пастбищ⁴⁷. В Карачае «только 1% земли был пригоден под пашню, 8,8% – под выпасы и выгоны, 15,9% – под сенокосы, 27,2% были под горными пастбищами, а 26,6% под голыми скалами и ледниками». В то-же время по распределению 1865 г на равнине Кубанской области были установлены надель: черкесам – от 7,6 дес. до 16,2 на мужскую душу, абазинам – от 12 до 14 дес.⁴⁸ Истоки несправедливого распределения, шедшего от властей, раскрывает Я. Абрамов. Он указывает, что по положению 23 апреля 1870 г. казаки должны были получить 30 дес. на мужскую душу. Терцы получили чуть менее 24 дес., кубанцы – 30 дес., а туземцы только 12–18 дес. на дым (!), «и притом преимущественно никуда негодными плавнями по Кубани»⁴⁹. По данным извест-

ного отечественного кавказоведа Н.Г. Волковой лишь 5445 дес. из 657748 дес. (т.е. менее одного процента) горной части Карачая, Балкарии, Осетии, Ингушетии и Чечни были пригодны для земледелия. Поэтому, по ее же данным, в 1807–1808 гг. у балкарцев 67% населения было избыточным, у осетин – 88%, ингушей – 89%, чеченцев – 90%, что и порождало отход на заработки и переселение на равнину⁵⁰ (например, если у ингушей в горах показатель пахотных угодий на одну мужскую душу составлял 0,3 дес., а по другим данным даже 0,2 дес., то у них же на равнине он достигал 1,7 дес.⁵¹, у чеченцев соответствующие показатели 0,5 дес. и 7–14 дес. всех угодий на двор⁵², у осетин соответственно 0,82 и 5,1 дес. на душу мужского пола «пригодной для обработки земли»⁵³. Такое же положение относительно достатка земли было и в Закавказье. По данным З.М. Кальвейта и А.И. Робакидзе в Верхней Сванетии в конце XIX в. было земли на один дым от 0,92 дес. до 1,66 дес. в разных селах. Интересны цифры приводимые А.И. Робакидзе: в Сванетии на 1 кв. км. территории жили 7,3 человека, в Грузии – 34, на, сельскохозяйственную площадь приходилось соответственно 30,7 и 91,0 чел. Однако на обрабатываемой площади в Верхней Сванетии на 1 кв. км. приходилось 828 чел., в Грузии – 216⁵⁴.

При этом учтем, что в Грузии в целом было еще много горных этнообластей – Хевсурия, Пшавия, Рача и др., и в случае их исключения из равнинных областей, картина была бы еще более разительной. К тому же, как свидетельствует Р. Эристов, пахотных земель этих (в Сванетии) было не только катастрофически мало, но еще они «большой частью каменистые, тощие и без унавоживания через каждое трехлетье ничего не производят»⁵⁵.

По свидетельству В.С. Легкобытова (1836 г.) в Юго-Осетии «место, на котором может лечь бык, стоило быка», земля, вспахиваемая за один день (это примерно четверть гектара, поскольку здесь, в горах, пахали ралом) стоила от 90 до 108 коров⁵⁶. Ему вторит Н. Дубровин: «Земли удобной для хлебопашества весьма мало», «маленькие клочки пашни, разбросанные между скал и на вершинах гор» (о Хевсурии)⁵⁷. Подобным образом высказывается о Хевсурии и А.А. Зиссерман, знающий Кавказ не понаслышке и прошедший здесь более двух десятков лет: «Земель удобных для хлебопашества весьма мало. Смотри на маленькие клочки пашен, разбросанные между скал, не

хочется верить, чтобы человек мог на такую высокую крутизну взобраться с сохой и парой быков, для посева нескольких зерен ячменя». Далее автор приводит заезжий анекдот о бурке и клочке земли. Но другое его наблюдение о малорослых быках, используемых для вспашки этих участков⁵⁸, заслуживает внимания; подобный факт мы зафиксировали в высокогорном Дагестане (небольшой вес быков должен был предохранять эти «клочки», особенно искусственные террасы, от разрушения). Даже в не столь бедной Абхазии «большинству крестьян малоземелье не позволяло оставлять часть отведенных им земель под залежь» (могли только представители привилегированных сословий и зажиточные крестьяне)⁵⁹.

Приведем еще несколько высказываний на эту тему: «весьма высоко ценят клочок пахотной земли», баснословные цены на нее (до 1000 руб. за 1 дес., это 70-е гг. XIX в.)⁶⁰, для сохранения своих пашен в целости, они строят свои дома в два этажа⁶¹ (о осетинах); пригодных для распашки земель почти нет, разбросаны «миниатюрные нивы»⁶² (о чеченцах); «острый недостаток земли»⁶³ (о балкарцах): мало-земелье, «дорог каждый клочок, удобный для земледелия»⁶⁴, «крутые каменистые склоны, где каждое удобное местечко отведено под посе-вы»⁶⁵, «недостаток удобной земли для хлебопашества» (о карачаевцах) и т.п. Эти краткие оценки хорошо дополняет общая характеристика: «малопригодная для сельскохозяйственной эксплуатации, переполненная камнями почва»; «частые ливни, смывающие целые пахотные и сенокосные участки»; «разрушительные, зачастую, оползания почвы»; «беспорядочная разбросанность возделываемых земельных клочков и их сильные уклоны»; «необходимость интенсивных удобрительных и оросительных работ, как следствие быстрого истощения плодородия малопригодной почвы»; невозможные пути сообщения» – и заключение – «Все эти условия требуют от человека постоянного упорного каторжного труда»⁶⁶.

Вот такие условия и заставляли крестьян-горцев искать пути максимальной интенсификации в утилизации и эксплуатации своих мизерных угодий.

Так, например, в Дагестане в сел. Гулли (Верхн. Теркеме, но само селение вплотную подходит в верхнему предгорью) если на дальних участках, как и во многих местах, был общесельский перелог, то на ближних – уплотнённое варьирование – весной сеют яровые, убрав

их, поле вспахивают и этой же осенью сеют озимые, ни пара, ни тем более перелога, ни даже зяби. Правда, говорил информатор, эти участки очень сильно унавоживали.

Примерно такой-же порядок бил и в сел. Хучни (Джогдиль-дере), Чумлы (Верхн. Теркеме). Правда, перед яровыми здесь отмечена зябь и последовательность выгладит следующей – зябь, яровые, кратковременный пар, озимые – после их уборки снова зябь и яровые. У кого земли было больше, после первого цикла (яровые–озимые), оставляли перелог на один год. Но, повторяем, для равнины и нижнего предгорья это единичные случаи. Как тут не вспомнить кумыкскую поговорку, которую нам привёл информатор из сел. Нижн. Казанище: есть пашня – есть человек.

В предгорье ситуация были ближе к горной, поэтому здесь и примеров плотного полеоборота было больше, Так, в сел. Гурик (Чуркуль) информатор заявил, что многополья не было, т.к. земли было мало, поэтому применяли плотное варьирование, соблюдая по возможности плодосмен. В сел. Джули (Сувак), Кужник (Хараг) земледельцы с относительным достатком пахотоспособных угодий применяли двухполье с годовым перелогом, остальные – уплотненное варьирование три года подряд, и на четвёртый – двухпольный годовой перелог. В сел. Зильдик (Нитриг) такой же порядок, но с обязательным плодосменом. Впрочем, при севообороте (озимые на яровые и наоборот), осуществить плодосмен легко, т.к. среди озимых здесь всегда господствовала пшеница, а среди яровых преобладал ячмень. Думается, такое разделение сложилось именно ввиду необходимости плодосмена для поддержания плодородия почвы и повышения производительности угодий при их уплотнённом использовании.

Плодосмен, причем по урочищам, применяли в сел. Кака-Шура (Мехтулинское ханство), также испытывавшем недостаток в пахотных угодьях.

В сел. Куштилъ (Сувак) указывают на перелог (годовой), как желательный при хотя-бы относительном достатке земли, в остальных случаях ежегодные посе-вы с чередованием культур и обильным удобрением. Точно такой порядок был в сел. Урахи (Урахи), сел. Хпюк (Котур-Кюра) сел. Кабир (Кабир) и др. В последнем правда указывают – если нет навоза для обильного удобрения то участок идёт под перелог.

Подобных примеров ещё больше было в нагорной части. В союзе Гидатль (сел. Гентаб, Мачада и др.) тоже говорят о плотном использовании угодий с чередованием озимых и яровых, а также самих культур. Последовательность была такая: зябь–яровой ячмень – его уборка – вспашка и тут-же посев озимой пшеницы – уборка – опять зябь и т.д. При этом информаторы утверждают, что во время зяби почва получает удобрение в виде сгнивших остатков сорняков.

Кроме того, пахотные угодья удобрялись, причём здесь предпочитали концентрированное удобрение – участки удобрялись один раз в три года попеременно очень густо, обильно. Чтобы иметь возможности для такого удобрения практиковался обмен навоза – за 60 мешков навоза отдавали один ратгал (2,5 кг.) масла, а в некоторых селениях Хиндалала прибегали к ещё более плотной системе: после ранней уборки озимого ячменя сеяли кукурузу, но считалось необходимым обильное удобрение и полив (кукурузы). В части селений союзов Хиндалал, Наха-Хиндалал Цудахар во второй половине XIX в. кукуруза стала господствующей культурой даже на неорошаемых участках. Как сказали нам в сел. Харахи для кукурузы не нужны всякие «хитрости» вроде плодосмена или севооборота, надо только класть побольше навоза (возможно, большая сохранность плодородия при севе кукурузы связана с тем, что у неё бывают большие растительные остатки, включая мощную корневую систему, которые, сгнивая дают эффект удобрения). Однако в других местах (например, в сел. Хаджалмахи) это высказывание харахинца не подтвердили, здесь считают, что кукуруза, особенно на неполивных участках, сильно истощает почву, поэтому горцы приспособились вместе с ней сеять фасоль (один к одному), корни которой вырабатывают азот и отдают его почве.

Однако справедливости ради отметим, что у харахинцев всегда был избыток кукурузного зерна, который шёл у них, по словам респондентов, во многие селения нагорной Аварии в обмен на животноводческие продукты, фрукты, изделия промыслов. Оказывается, Харахи называли за богатство кукурузой «аварской Чечнёй», откуда ее получали в обмен многие села нагорного Дагестана.

Естественно, что при плотном варьировании угодий большое значение придавалось удобрению пашни. Например, в сел. Мегебе (Андалал) информаторы объясняли нам, что при таком плотном ис-

пользовании угодий, которого они вынуждены были придерживаться: севооборот с плодосменом четырёхлетнего цикла (пшеница–голозерный ячмень–ячмень–конские бобы–снова пшеница), необходимо было уделять особое внимание удобрению. При этом они подчеркнули, что введение в плодосмен бобов вызвано именно этими соображениями, т.к. бобы улучшают почву. Отметим, что с ростом земельной тесноты конские бобы занимают место перелога, так было и в Мегебе. Плотный плодосмен без пара, т.к. сеяли только яровые был и на ближних удобряемых угодьях сел. Мочох (Наха-Хиндалал): пленчатый ячмень–голозерный ячмень–бобы. Характерна оговорка информатора и зябь бывала не всегда, т.к. не у всех хозяев была возможность вспахать участок на зиму. Также без озимых осуществлялся плодосмен в Муги (союз Муги), Наказухе (Андалал), Кутлабе (Анц-росо), Гилице (Тлейсерух), Кидеро (Шуратль), Нижн. Мулебки (Мекеги), Обода, Тануси (Хедолал), Харахи (Наха-Хиндалал) и др. Несколько отличался плодосмен (плотный) в союзе Вицхи (сел. Унчукатль, Куба и др.) – здесь оба вида ярового ячменя – голозерный и пленчатый чередовались с озимой пшеницей, четвёртой культурой и здесь были бобы или лён, последний после или до перелога, который был здесь довольно редок. В союзе обществ Кули (сел. Кули, Вихли, Вачи и др.), где удобрением служили главным образом выбросы из туалетов с золой и помёт овец, пригнанных на постой (основная часть навоза уходила на кизяк и поэтому ощущался дефицит удобрений), также использовали в чередующихся культурах бобы для улучшения почвы, причём и здесь преобладали яровые, но по причине зимних холодов (морозы были сильные, а озимь часто оставалась без снежного покрова). В уже упоминавшихся нами сел. Гельмец, Джиных и др. (Цахур), Зрых, Лучек (Рутул), Нижн. Катрух (Ихрек), на ближних землях также был плотный плодосмен, но поскольку было чередование озимых с яровыми, полям выпадало время и оставаться под паром. Вот как выглядел порядок плотно плодосмена и севооборота в упомянутых селениях высокогорья Южного Дагестана: весной поля удобрялись (разбрасывали навоз или выбросы туалетов с золой), потом вспашка (желательно трёхкратная–весенняя–кьугьыр–летняя–кичаб, осенняя после высева семян, для их закрытия–тум), – пар–сев озимых (рожь, меньше пшеница) – летом уборка, потом осенняя вспашка под зябь, весной вспашка и сев яровых (ячмень), его

уборка и тут-же вспашка и сев озимых. Третьей культурой выступал горох. Точно такой порядок был, например, в союзах Ахты-пара (на ближних участках), Алты-пара (озимые-яровые-сразу озимые), Докузпара (на нижних участках, где было и удобрение), Рича и др.

Несколько иное чередование мы находим в другом цахурском селении – Мишлеше. В плодосмене культур рожь, ячмень и пшеница (причём респонденты подчёркивают, что порядок должен быть именно такой и никакой другой, ибо ячмень должен быть между ними, это способствует сохранению плодородия) такое чередование: озимые-рожь или пшеница, уборка, вспашка, зябь, весной яровой ячмень, затем кратковременный пар и сразу же озимые – та культура, которой не было. В сел. Мокок (Шуратль) цикл был четырёхлетний; озимые рожь и пшеница, яровой ячмень, лён. Очень убедительно выглядели объяснения старожил, которые они давали нам при попытках выяснить корни и механику плотного плодосмена в сел. Ругельда (Келеб): пахотных угодий было очень мало и поэтому свободы выбора и манипулирования участками не было никакой. Не было ни перелога, ни пара, ни даже зяби (то специально оставляли для выпаса, то просто не в состоянии были вспахать). Более того и плодосмен они не всегда могли осуществить, т.к. параметры потребностей в видах зерна, и соответственно занятых ими площадей под озимыми и яровыми были разномасштабными, поэтому часть участков оказывалась под одной и той-же культурой несколько лет подряд. О таком положении нам рассказывали и в других местах. Так, например в сел. Кураг (Кушандере) указывали, что поскольку озимые занимали 2/3 площади пашни, часть площади приходилось вновь отводить под озимые, но с сильным унавоживанием.

Сходная картина была и в других, особенно горных областях Кавказа. Так, например, Б.А. Калоев, констатировав паровую систему у ингушей однако добавляет, что «разумеется», многие крестьяне, имея небольшие пахотные угодья, не могли пользоваться такой возможностью и вынуждены были вести непрерывную обработку почвы. В таких случаях пар компенсировался внесением в почву большого количества органических удобрений⁶⁷ (обратим внимание: по контексту получается, что пар не получал специального удобрения – пар компенсировался внесением удобрений!). В другом месте, объясняя необходимость удобрения в горах, А. Калоев пишет: «Потреб-

ность в удобрении здесь была вызвана и (имеется в виду каменистость, плохое качество почвы – М.О.) тем, что пашни в горах обрабатывались беспрерывно, не знали отдыха ввиду острой нехватки земли»⁶⁸. Другой автор (Т. Тургиев) относит такое положение вещей и к более раннему времени; в горной части земледелие «характеризовалось постоянными полями, требовавшими интенсивного ведения хозяйства, т.к. условий для перелога в горах не было», как и для паровой обработки. Т. Тургиев перечисляет мероприятия земледельца, которые он предпринимает в условиях такого малоземелья – террасирование, искусственная пашня, внесение удобрений, орошение и т.д.⁶⁹ Трёхлетний цикл сева ячменя засвидетельствован у осетин хорошо известными уже нам авторами Е. Максимовым и Г. Вертеповым: «участки после удобрения засеваются сряду три года: или все ячменем, или первые два ячменем, затем пшеницей»⁷⁰. Плотное использование угодий отмечено во второй половине XIX в. и у балкарцев: «чтобы иметь возможность ежегодно засеивать эти участки, горцы постоянно трудятся над ними: ежегодно они удобряют эти земли навозом... в течение лета постоянно дают земле необходимую влагу...». Но хлеба собирали все таки мало и «таким образом, несмотря на усердие горцев, недостаток пахотных полей у них весьма чувствителен»⁷¹. Источник начала XX в. характеризуя земледелие всех кубанцев, также отмечает, что «хлебопашество в Кубанской области ведётся первобытным способом, земля обрабатывается небрежно, севооборот отсутствует, и один и тот же хлеб сеется ежегодно на одном и том же месте, удобрение тоже отсутствует»⁷².

Интересное высказывание по этому поводу некоего наблюдателя Г.П. Губанова приводит Б.А. Калоев: «из-за частой вспашки одного и того же участка производительность почвы с каждым годом уменьшается: земля совершенно не отдыхает для возобновления сил; урожай хлебов доходит до минимума... не только хлеб, даже трава перестала родиться»⁷³.

Уплотненное использование угодий отмечено и другими современными исследователями. В.П. Невская отмечает, что у карачаевцев «почвы были истощены непрерывными посевами в течение многих лет», что сеяли из года в год ячмень, что «севооборот отсутствовал совершенно», «вот и сеял он из года в год одно и то-же на каменистом истощенном участке». При этом она ссылается на мнение на-

чальника Эльбрусского округа Кубанской области Н. Петрусевича, который отмечал тогда, что причиной скудости земледелия было помимо суровости климата и бедности почвы то, что земли «бедные по содержанию необходимых для произрастания хлебов веществ, запахиваются из года в год без всяких перерывов, по крайней мере, 300 лет», и что без сильного унавоживания и полива «эти земли сами по себе не дали бы никакого урожая, до того они истощены»⁷⁴.

Почти то-же самое говорит о карачаевцах А. Бесленев: «из года в год засевали один и тот-же участок, старательно удобряя его навозом», а в летнюю пору «усиленно поливали посевы, пользуясь ручьями, стекающими с возвышенностей»⁷⁵. Исследователь сельского хозяйства народов Северного Кавказа В.Н. Ратушняк также отмечает, что еще в начале XX в. в горных районах Северного Кавказа «мизерные надель», как правило, «засеивались полностью, но подвергались тщательной обработке и унавоживанию»⁷⁶.

С.В. Мачабели также связывает уплотненный полеоборот с малоземельем, но указывает, что рациональность его обусловлена наличием в почве достаточного количества перегноя. Характерно, что условием (и предпосылкой) уплотненного полеоборота автор считает именно наличие искусственного удобрения пахотных участков. Даже поливные земли, судя по его описанию, не обеспечивают достаточно плодотворного использования участков под посев много лет сряду⁷⁷.

Другой автор, И.Л. Бахтадзе, в качестве гарантирующих урожайность условий называет помимо обязательности удобрения и необходимость плодосмена (кукуруза–ячмень–пшеница)⁷⁸. Удивительный пример уплотненного использования угодий зафиксирован в Абхазии. Авторы книги по земледелию и скотоводству у абхазов отмечают, что в Абхазии были места (например, по реке Кодор), где земля вспахивалась беспрерывно более 100 лет, с отдыхом не более одного года через каждые 10–15 лет⁷⁹. В западной Грузии (в Гурии) путешественник А. Гакстгаузен отмечает особенно плотное использование пахотных участков: в апреле снимают урожай озимой пшеницы, сразу же сеяли просо или кукурузу, которые поспевают к сентябрю, и опять сев озимой пшеницы⁸⁰. Не случайно уплотненный полеоборот более распространен в Западной Грузии – здесь очень плодородные почвы, достаточная и даже избыточная увлажненность, более легкие работы земледельческого цикла. М.В. Кантария рассказывает о полеобороте в

Панкисском ущелье, который, по ее описанию (убрав озимые, поле оставляют под зябь (она называет его паром), весной сеют яровые, убрав их, снова вспахивают под озимь) можно назвать классическим примером уплотненного полеоборота⁸¹.

Подобную приведенному абхазскому полеобороту систему описывает в Сванетии Ф.Л. Соболев. Отметив, что пашня и приусадебные участки занимают только 1,17% угодий, автор добавляет, что «вынужденное малоземельем на притяжении веков непрерывно эксплуатировать землю, не оставляя ее под паром» население довело землю до сильного истощения⁸².

Такая картина отмечена и в Бакинской губернии – приемы обработки земли примитивны, сеют несколько лет подряд одну и ту-же землю, доведя землю «до полного истощения»⁸³. Современный исследователь Г.А. Гулиев также замечает, что в малоземельных обществах Азербайджана вынуждены бывали отказаться от двухполья и трехполья и засеивать один и тот-же участок 5–6 лет подряд⁸⁴.

В Армении, по свидетельству И. Шопена большая часть полей, «особенно в знойной полосе, при помощи ирригации и плодосменности посевов не требует отдыха и производит неутомимо каждый год». В другом месте, указав на частое возделывание одного и того-же участка, при котором «полив весьма полезен» он подчеркивает, что «плодосменность есть одно из главных условий обильного урожая»⁸⁵. Обратим внимание – говорится о поливе, плодосмене, но ни слова о удобрении. Раньше, в связи с залежной системой он упоминает в перечне таких условий полив, качество почвы и пространство, т.е. достаток пахотных угодий, но не удобрение. Также несколько непонятным выглядит утверждение Хан-агова, что 5–6 лет сряду засеивали участок на неполивных землях (без упоминания удобрения) правда с оговоркой – если земли достаточно, сеяли три года и потом оставляли под зябь (как и многие он называет ее паром)⁸⁶.

Обратим внимание, всегда, когда идет речь о плотном использовании угодий, обязательно добавляются сведения о том, как тщательно ухаживал пахарь за участком, очищал, выравнивал, удобрял, орошал и т.п. Правда, это только о горной части.

Оно и понятно, земледelec равнины в какой-то степени «избалован» традиционным достатком (и даже избытком) сельскохозяйственных угодий, в том числе пахотных, богатыми тучными почвами,

сравнительно достаточной влажностью (особенно в западной части региона), залежной системой, т.е. все как-бы и спланировано, но в то же время самодостаточно, достается без особых усилий, вспомним «а зачем?» старожилы кумыкской равнины в ответ на вопрос о применении удобрений?

Не то положение в горах. Горец по обстоятельствам, по жизни, по своему характеру и даже менталитету привык бороться не только за урожай, но и за землю, за ее улучшение, прибавление, сохранение. Холить землю, всячески ублажать ее он должен был по необходимости, отчаянной нужде – ведь земли было очень мало, и от имеющейся он старался получить как можно больше столь необходимой и вечно недостающей продукции – хлеба.

И во всех действиях хлебороба, подчиненных этой цели разных мероприятиях, операциях, акциях, принимаемых мерах наблюдается, бросается в глаза особая тщательность, дотошность, скрупулезность, даже вездливость, особого рода максимализм – пахать, так по настоящему, помногу (до семи раз), есть какой-то промежуток когда поле не занято – вспаши лишний раз, не можешь вспахать – пусти скот, можешь пустить воду – сделай полив, есть возможность удобрить – вноси удобрение до максимума, есть возможность привести отару на постой – обязательно сделай это, оказалось случайно рядом с участком много людей, выброси с поля несколько больших камней, о чем ты давно мечтаешь и т.д. и т.п.

Эта чрезмерность, ненормированность действий по улучшению механических качеств угодий и сохранению их плодородия была как-бы попыткой хлебороба предпринять действия, которые были бы адекватны той чрезмерной нагрузке, которую он давал своим пахотным участкам. Он как-бы пытается облегчить ей бремя, дать хотя бы немного отдохнуть, восстановить свои силы, плодородящие возможности. В этом аспекте становится понятной и человечески объяснимой, зафиксированная нами традиция дагестанского горца ходить специально на свои пахотные участки, после передачи сыну функций хлебороба (по старости или немощи), чтобы обойти все и сказать «спасибо». Этот обряд так и назывался – «благодарность пашне» (буквально – «пашне спасибо сказывание»).

Можно, по-видимому, подводить некоторые итоги и по этой «плотной» (уплотнённой) совокупности действий земледельца по

воздействию на плодородие почвы. Первый, закономерно встающий вопрос – на что были направлены эти действия? Главная цель земледельца – получение продукции, урожая и естественно, если он старается получить его побольше. Но уже первые шаги с попытками увеличить урожай показали, что для устойчивых урожаев необходимо принимать меры, предотвращающие ухудшение плодородящих возможностей почвы. Так сложилось многообразие комплексов действий, направленных на сохранение и по-возможности улучшение плодородия почвы, которые в русской земледельческой и научно-литературной традиции получили название «системы земледелия». Мы сделали это короткое отступление для того, чтобы напомнить себе, какие действия, осуществляемые с какой целью можно считать системой земледелия. В переводе с греческого «система» означает «оставленное из частей, соединенное». Философы определяют её как «совокупность элементов, находящихся в отношениях и связях между собой и образующих определённую целостность, единство». Далее говорится, что «к наиболее сложным типам систем относятся целенаправленные системы, поведение которых подчинено достижению определённой цели»⁸⁷.

Достаточно вдуматься в это определение, чтобы понять, что материальные системы в первую очередь относятся в целенаправленным и что, и система земледелия относится в число направленных на «достижение определённой цели». Иными словами, правомочность номинирования определенного комплекса действий, имеющих целью воздействовать (положительным образом) на состояние плодородия почвы, должна определяться целью и содержанием этих действий, а не субъективными оценками результатов этих действий. Земледелец вспахивает пахотное угодье для озимой культуры весной, летом он запахивает подрост сорняки, в промежутках выпасает там скот, в результате чего почва получает дополнительное удобрение, вспахивает еще раз, заделывая оставшиеся на поверхности органические остатки. Для чего он это делает? От нечего делать? Из любви к порядку, упорядоченности, чтобы накормить скот (но корм-то скудный!). Он делает это, чтобы получить урожай (стратегическая цель), при этом, не ухудшая плодородящих качеств почвы (тактическая цель, но и стратегическая – сохранить качества своего угодья на будущее). Можно ли отказываться называть все это системой на том основании,

например, что пар, не восстанавливает плодородие, что он уступает в этом перелогу? Да, уступает, но плодородие, пусть и в меньшей степени он восстанавливает, или, на худой конец, его не ухудшает, а сохраняет, поддерживает. Думается, что правильнее будет считать его, и все другие комплексы действий земледельца, имеющие такую чёткую цель-задачу, системой земледелия, независимо от их результативности, или эффективности.

Точно так же следует, по-видимому, относиться и к комплексу действий земледельца, который мы назвали плотным или уплотнённым. Чередование культур, севооборот, местами пар, местами зябь, что очень существенно – удобрение всеми возможными средствами и способами – все это было направлено, имело целью сохранение плодородных качеств почвы в удовлетворительном, если возможно – в неизменном состоянии, при вынужденном максимально плотном использовании пахотных угодий для посевов. Правда имеются трудности в поминании этой системы. Желательно иметь такой определяющий термин, который отражал бы главную особенность варьирования угодьями (главная черта системы).

Как мы могли видеть из нашего материала это не севооборот, так как в рассматриваемой системе не всегда соблюдалось чередование разносезонных культур. К паровым этот комплекс тоже не причислишь, было много случаев вообще без пара, к переложным – тем более.

Руководствуясь этими обстоятельствами мы решили назвать эту совокупность действий системой уплотненного варьирования использования пахотных угодий или уплотненным полеоборотом. Следует подчеркнуть, что в нагорных областях Кавказа это была очень распространенная структура и без идентификации ее, без однозначного определения и номинирования никак было нельзя, если придерживаться последовательной позиции точного и всеохватного описания всех систем земледелия Дагестана и всего Кавказа.

1. Сельскохозяйственный энциклопедический словарь. М., 1989. С. 376, 596.
2. Калоев Б. А. Земледелие народов Северного Кавказа. М., 1981. С. 55.
3. Русские. Серия «Народы и культуры». Гл. 7. «Традиционная земледельческая и промысловая культура». Автор И.В. Власова. М., 1997. С. 169, 170, 171;

- Громов Г.Г. География пахотных орудий русских крестьян в XIX в. // ГО СССР. Отделение этнографии. Доклады по этнографии. Вып. 5. Л., 1967. С. 29.
4. Сельскохозяйственный энциклопедический словарь. С. 376.
 5. Сабурова Л.М., Торэн М.Д. Системы земледелия и сельскохозяйственные культуры у русских крестьян в середине XIX – нач. XX в. // Русские. Историко-этнографический атлас. Земледелие. Крестьянское жилище. Крестьянская одежда (середина XIX – нач. XX в.). М., 1967. С. 18.
 6. Калоев Б.А. Осетины (Историко-этнографическое исследование) М.; 1971. С. 75; Власова И.В. Традиционная промысловая и земледельческая культура // Русские. Серия «Народы и культура». М. 1975. С. 172.
 7. Мартиросиан Г.К. Нагорная Ингушия. Социально-экономический очерк. Владикавказ, 1928 С. 97.
 8. Шаманов И.М. Земледелие и земледельческий быт карачаевцев // Из истории сельского хозяйства Карачаево-Черкесии. Черкесск, 1971. С. 69.
 9. Карачаевцы. Историко-этнографический очерк. Черкесск, 1978. С. 75.
 10. Вермишев Х.А. Экономический быт государственных крестьян в Ахалцхском и Ахалкалакском уездах. Тифлиской губернии // МИЭБГКЗК. Т. III. Ч. 2. Тифлис, 1886. С. 145.
 11. Бахтадзе И.Л. Экономический быт государственных крестьян Рачинского уезда Кутаисской губернии // Там же. Т. II. Ч. 1. Тифлис, 1886. С. 52.
 12. Шаховский И.В. Путешествие в Сванетию и Кабарду. 1834 г. Архивные материалы по географии и этнографии Кабарды (1808–1834). Публик. и примеч. М.О. Косвена // УЗ КБ НИИ. Т. XIII. Нальчик, 1957. С. 400; Ковалевский Б. Страна снегов и башен. Свания. Л. 1930. С. 57.
 13. Стоянов А.И. Путешествие по Сванетии // Зап. КОИРГО. X. Вып. 2. Тифлис, 1876. С. 334.
 14. Бериашвили Л.К. Полеводство в Месхети (по этнографическим материалам) Автореф. канд. дисс. Тбилиси, 1973. С. 14, 15.
 15. Брегадзе Н.А. Некоторые вопросы народной агротехники. (по этнографическим материалам Зугдидского района). Резюме. Вопросы этнографии Грузии. Материалы по этнографии Грузии. Т. XIV. Тбилиси, 1968. С. 31.
 16. Бжания Ц.Н. Из истории хозяйства и культуры абхазов. Сухуми, 1973. С. 151.
 17. Ягодынский П.Н. Экономический быт государственных крестьян южной части Кубинского уезда Бакинской губернии // МИЭБГКЗК. Т. II. Ч. 1. Тифлис, 1886. С. 194.
 18. Сельскохозяйственный энциклопедический словарь: С. 481.
 19. Там же.
 20. Калове Б.А. Земледелие народов Северного Кавказа. С. 59.
 21. Там же.
 22. Там же. С. 60; Одно из средств, предпосылок для интенсификации земледелия на Северном Кавказе, по мнению А.И. Робакидзе и Б.В. Гамкрелидзе нашло «выражение в системе севооборота»... – Некоторые итоги осетинской этно-

графической экспедиции Института истории, и этнографии АН Груз. ССР // КЭС. V. 3. Тбилиси, 1980. С. 198.

23. *Мартirosian Г.К.* Указ. раб. С. 96. О плодосменной системе в речных долинах чеченцев и ингушей говорит и *Э.А. Борчаишвили*. Социально-экономические отношения в Чечено-Ингушетии в XVIII–XIX вв. Автореф. докт. дисс. Тбилиси, 1988. С. 15.

24. *Караулов Н.А.* Болкары на Кавказе // СМОНПК, XXXVIII. Тифлис, 1908. С. 144.

25. *Азаматова М.З.* Материалы к земледельческой культуре бжедугов // Материалы по этнографии Грузии. Вып. XII–XIII. Тбилиси, 1963. С. 253–254; *Гарданов В.К.* Общественный строй адыгских народов (XVIII – первая половина XIX в.). М., 1967. С. 75.

26. *Невская В.П.* Карачай в пореформенный период. Ставрополь, 1964. С. 94.

27. *Шаманов И.М.* Указ. раб. С. 58.

28. *Мамбетов Г.Х.* Материальная культура сельского населения Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1971. С. 13.

29. *Бахтадзе И.Л.* Указ. раб. С. 52; *Маргошвили Л.Ю.* Культурно-этнические взаимоотношения между Грузией и Чечено-Ингушетией. Тбилиси, 1990. С. 88.

30. *Шаховский И.В.* Указ. раб. С. 400.

31. *Джалалабдзе Г.В.* Полеводческая культура Грузии (Историко-этнографическое исследование). Автореф. докт. дисс. Тбилиси, 1972. С. 37.

32. Земледелие и скотоводство у абхазов (Материалы к историко-этнографическому атласу Грузии). Тбилиси, 1986. С. 8, 9, 10.

33. *Бабаян Л.О.* Социально-экономическая и политическая история Армении в XIII–XIV вв. Автореф. докт. дисс. Ереван, 1962. С. 24, 63.

34. *Шопен И.* Исторический памятник состояния Армянской области в эпоху ее присоединения к Российской империи. СПб., 1852. С. 736–737.

35. *Гулиев Г.А.* О пахотных орудиях и системах земледелия в Азербайджане // Азерб. этнографический сборник. Вып. 2. Баку, 1966. С. 27–28.

36. *Джавадов Г.Д.* Этнографическая поездка в Шеки-Закатальскую зону // Археологические и этнографические изыскания в Азербайджане. Баку, 1974. С. 67.

37. *Гарданов В.К.* Указ. раб. С. 75.

38. *Даль Вл.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. III. П. М., 1980. С. 127.

39. *Бесленев А.Д.* К вопросу развития сельского хозяйства горцев Кубанской области (пореформенный период) // Из истории сельского хозяйства Карачаево-Черкесии. С. 33.

40. *Кантария М.В.* Экологические аспекты традиционной хозяйственной культуры народов Северного Кавказа. Тбилиси, 1989. С. 86.

41. Карачаевцы. Историко-этнографический очерк С. 75.

42. Русские. Серия «Народы и культуры». С. 173, 174. Характерное присловье о вытеснении залежей паровой системой сложилось у кабардинцев: овцу выбивала со степи лошадь, а лошадь выбивается быками с плугом – Христианович В.П. Сельскохозяйственные районы Кабарды // Сельское хозяйство и промыслы Кабарды. Воронеж, 1929. С. 220.

43. *Громов Г.Г.* География пахотных орудий русских крестьян в XIX в. // ГО СССР. Отделение этнографии. Доклады по этнографии. Вып. 5. Л., 1967. С. 31.

44. Всеподданнейший отчет за 8 лет управления Кавказом генерал-адъютанта графа Воронцова-Дашкова. СПб, 1913. С. 29.

45. *Цаголов Г.* Край беспросветной нужды. Владикавказ, 1912. С. 253; Об этом же см.: *Умар Алиев*. Карачай (Карачаевская автономная область). Историко-этнографический и культурно-экономический очерк. Ростов н/Д, 1927. С. 56; *Кулов С.Д.* Социально-экономическое развитие Северной Осетии в конце XIX – начале XX в. Орджоникидзе, 1966. С. 9; *Мартirosian Г.К.* Указ. раб. С. 85.

46. *Гриценко Н.П.* К вопросу, о социально-экономическом положении в Чечено-Ингушетии в пореформенный период (поземельные отношения) // Изв. Чеч.-Инг. НИИ ИЯЛ. Т. IV. Вып. 1. История Грозный, 1964. С. 27.

47. *Фадеев А.В.* О некоторых социально-экономических последствиях присоединения Чечено-Ингушетии к России // Изв. Чеч.-Инг. НИИ ИЯЛ. Т. II. Вып. 1. Грозный, 1960. С. 6.

48. Народы Карачаево-Черкесии. С. 21, 62, 106.

49. *Абрамов Я.* Кавказские горцы. Краснодар, 1927. С. 21. (перепечатка из журнала «Дело», 1884. № 1); См. также об этом: *Дзокаев К.Х.* Экономическое развитие осетинского крестьянства. Ч. I. Экономическое развитие осетинского крестьянства от пореформенного периода до 1925 г. // Изв. Сев.-Осет. НИИ. Т. XI. Вып. 1. 1948. С. 4, 5, 7; *Кумыков Т.Х.* Земельная реформа в Кабарде в 1863–1869 гг. // Уч. зап. КБ НИИ. Т. XII. Нальчик, 1957. С. 265, 266.

50. *Волкова Н.Г.* Переселение с гор на равнину на Северном Кавказе в XVIII–XX вв. // СЭ, 1971. № 2. С. 38–39; См. также: «Народы Карачаево-Черкесии (Историко-этнографические очерки). Ставрополь, 1957. С. 21, 23.

51. *Ортабаев Б.Х.* Социально-экономический строй горских народов Терек-ка накануне Великого Октября Владикавказ, 1992, С. 111; См. также: *Максимов Е., Вертепов Г.* Туземцы Северного Кавказа. Вып. 1. Осетины. Ингуши. Кабардинцы. Владикавказ, 1892. С. 115; *Пантюхов И.И.* Ингуши (Этнографическо-антропологический очерк) // Изв. КОИРГО. Т. XIII. Тифлис, 1900. С. 129; *Христианович В.П.* Горная Ингушия. К материалам по экономике альпийского ландшафта // Труды СКНИИ, 36. Ростов н/Д., 1928. С. 26.

52. *Ган К.Ф.* Экскурсия в нагорную Чечню и Дагестан // Изв. КОИРГО. Т. XV, № 4. Тифлис, 1902. С. 218.

53. *Максимов Е., Вертепов Г.* Указ. раб. С. 25.

54. *Кальвейт Э.М.* Очерк сельского хозяйства в Верхней Сванетии // Зап. КОИРГО. XXVI. Вып. 9. Тифлис, 1894. С. 48; *Робакидзе А.И.* Основные черты хозяйственного быта в Сванетии Тбилиси, 1990. С. 32–33, 47.
55. *Эрнстов Р.* Заметки о Сванетии. Тифлис, 1898. С. 24.
56. *Легкобытов В.С.* Обзорение Российских владений за Кавказом. Ч. 1. СПб., 1836. С. 167.
57. *Дубровин Н.* История войны и владычества русских на Кавказе. Т. I. Кн. 2. Закавказье. СПб., 1871. С. 227, 282.
58. *Зиссерман А.Л.* 25 лет на Кавказе. Часть первая. СПб., 1879. С. 206.
59. Земледелие и скотоводство у абхазов. С. 9.
60. *Зейдлиц Н.К.* Поездка в нагорную Осетию // Изв. КОИРГО. Т. П. Тифлис 1873–874. С. 109.
61. *Китцани М.З.* От Казбека до Эльбруса. Владикавказ, 1884. С. 21; См. также: Калоев Б. А. Осетины. С. 71.
62. *Иванов М.А.* Верховья реки Гехи // Изв. КОИРГО. XV. 5. Тифлис, 1902. С. 277; он же. В горах между реками Фортангой и Аргуном // Изв. КОИРГО. XVII. 1. Тифлис, 1904. С. 45.
63. *Мамбетов Г.Х.* Указ. раб. С. 17; Асанов Ю.Н. Поселения, жилища и хозяйственные постройки балкарцев. Нальчик, 1976. С. 26.
64. *Талицкий Н.Е.* Очерки Карачая // СМОМПК XL. Тифлис, 1909. С. 47.
65. *Ган Ф.* По долинам Черема, Уруха и Ардона // СМОМПК, XXV. Тифлис, 1898. С. 52.
66. *Тепцов В.Я.* По истокам Кубани и Терека // СМОМПК, XIV, Тифлис, 1892, С. 84. См. также: *Невская В.П.* Социально-экономическое развитие Карачая в XIX в. (дореформенный период). Черкесск, 1960. С. 45; Карачаевцы // Народы Кавказа. I. М., 1960. С. 245; Карачаевцы. Историко-этнографический очерк. С. 72; *Цаголов Г.М.* Край беспросветной нужды С. 49–50.
67. *Калоев Б.А.* Земледелие народов Северного Кавказа. С. 56.
68. *Калоев Б.А.* Указ, раб С. 72.
69. *Тургиев Т.Б.* О земледелии у алан // УЗ Сев.-Осет. ГПИ. Т. 28. Вып. 2. Орджоникидзе, 1968. С. 265.
70. *Максимов Е., Вертепов Г.* Указ. раб. С. 36–37.
71. *Грабовский Н.Ф.* Экономическое положение бывших зависимых сословий кабардинского округа // ССКГ, III, Тифлис, 1870. С. 6.
72. Весь Кавказ. Составил и издал М.С. Шапсович. Баку, 1914. С. 10.
73. *Калоев Б.А.* Моздокские осетины. Историко-этнографическое исследование. М., 1995. С. 76.
74. *Невская В.П.* Социально-экономическое развитие Карачая в XIX в. (дореформенный период). С. 46; она же Карачай в пореформенный период. С. 90, 94.
75. *Бесленев А.Д.* О земледелии у горцев Кубанской области в 70–90-е гг. XIX в. // УЗ. Адыг. НИИЯЛИ. Т. XIII. История и география. Майкоп, 1971. С. 400. Об этом же см.: – Народы Карачаево-Черкесии. С. 24.

76. *Ратушнж В.Н.* Сельскохозяйственное производство Северного Кавказа в конце XIX – нач XX в. Ростов в/Д, 1989. С. 75.
77. *Мачабели С.В.* Экономический быт государственных крестьян Горьского уезда Тифлиской губернии // МИЭБГКЗК. Т. VI. Ч. I. Тифлис, 1887. С. 210.
78. *Бахтадзе И.Л.* Экономический быт государственных крестьян Рачинского уезда Кутаисской губернии // Там же Т. II. Ч. I. С. 52.
79. Земледелие и скотоводство у абхазов. С. 9.
80. *Гакстгаузен А.* Закавказский край. Заметки о семейной и общественной жизни. СПб., 1857. С. 144.
81. *Кантария М.В.* Из истории хозяйственного освоения Панкисского ущелья кистами // КЭС. VII. Тбилиси, 1988. С. 34.
82. *Соболь Ф.Я.* Верхняя Сванетия. М.: Л., 1933. С. 47, 50.
83. *Котляревский П.В.* Экономический быт государственных крестьян северной части Кубинского уезда Бакинской губернии // МИЭБГКЗК. Т. II. Ч. I. Тифлис, 1886. С. 347; *Весь Кавказ. С. 26;* *Ерицов А.Д.* Экономический быт государственных крестьян Казахского уезда Елисаветпольской губернии // МИЭБГКЗК. Т. II. Ч. 2. Тифлис, 1886. С. 158.
84. *Гулиев Г.А.* О пахотных орудиях и системах земледелия в Азербайджане С. 27.
85. *Шонен И.* Исторический памятник состояния Армянской области в эпоху ее присоединения к российской империи. С. 736–737.
86. *Хан-агов А.Е.* Экономический быт государственных крестьян в Эчмиадзинском и Сурмалинском уездах Ереванской губернии // МИЭБГКЗК. Т. III. Ч. I. Тифлис, 1886. С. 310.
87. См.: Философский словарь. М., 1987. С. 427–428.

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

ГЛАВА VI.

Подсечная (лесопольная) и лиманная системы

§ 1. Подсечная (лесопольная)

В отраслевом словаре система названа подсечно-огневой, но почти с такой же формулировкой приведена и лесопольная система, с таким списанием: сельскохозяйственные культуры несколько лет выращивали на землях, освобожденных от леса путем его вырубки или выжигания. После утраты плодородия почвы участок оставляли и переходили на другой. Плодородие восстанавливалось под воздействием естественной растительности. В определении лесопольной системы указан срок, на который участок оставляли (20–40 лет), за который он зарастал, восстанавливал плодородие и снова шел под подсеку и распаивание.

В другом описании говорится, что после подсечи и выжигания, 10 лет подряд высеиваются зерновые и репа, затем участок снова оставляют под лес¹.

Д.К. Зеленин определяет подсеку «при подсечной системе» как «лесную поляну, на которой вырубили и сожгли лес, чтобы удобрить почву золой и пеплом». Валят деревья в начале лета (май, июнь) и оставляют сохнуть. Высохшие сжигают осенью. Пни помельче выкорчевывают, крупные оставляют, они постепенно сгнивают (вместе с корнями), образуя удобрение². В первые годы слой золы настолько толстый, что обработка (и тем более другое удобрение) не требуется, зерно высевается прямо по золе и заделывается боронованием, или ралом.

Таким образом, система заключается в чередовании подсечи с залежью, с целью, как и в залежной системе, воздействия на плодородие почвы путем оборота участков – подсекы–залежь–подсекы, и

имеющая самостоятельное существование, вне зависимости от других систем, самодовлеющая (самодостаточная), автономная, как и залежная система. Поскольку залежь занимает в ней важное место, мы предложили назвать ее подсечно-залежной (залежная подсекы). Если в других системах проблема воздействия на плодородие решалась запашкой сорняков, добавлением удобрений, оставлением пахотного угодья на «отдых» (перелог, залежь), то тут эта цель достигается внесением удобрений, производимых не гниением органики, а сжиганием древесной растительности. По истощении почвы участок забрасывается и дальше это такая же залежь с тенденцией превращения в целину, которая будет «копить» удобрения за счет воздействия растущей древесной и травяной растительности (и ее гниения вместе с листьями и ветками), и через определенное время, правда, более длительное, чем необходимое для залежи, будет вновь распаивана с «внесением» новой порции удобрений путем сжигания растительности, деревьев.

Но такой порядок и последовательность складываются в тех случаях, когда созданный подсеккой участок используется сам по себе (вне других массивов пахотных угодий на которых, возможно, применяется другая система земледелия), самостоятельно, или в совокупности таких же участков, составляющих отдельный массив, а иногда и урочище в целом.

Однако наш материал свидетельствует о другом варианте утилизации (использования) созданных подсеккой новых площадей пахотоспособных угодий. В такой ситуации будет, по-видимому, справедливым, если мы воздержимся от суждения о способах использования (и номинации) созданных посредством подсечи угодий до рассмотрения фактического материала. Правда, по Дагестану материалов немного, т.к. подсекы не получила здесь распространения из-за крайней незначительности лесной растительности (4% территории). Причем подсекы сложилась только в предгорье, в нагорной же части, в основном в высокогорье, она не получила распространения, т.к. леса здесь были слишком высоко и к тому же росли главным образом на крутых и скалистых склонах, в ущельях, на утесах.

В полосе предгорья подсечная система имела место на севере в Салатавии, в центральном предгорье в отдельных кумыкских и даргинских селениях, и на юге в Кайтаге и Табасаране.

Остановимся на отдельных примерах подсеки. В предгорном сел. Шиляги (Каттаган) мы наблюдали операцию, которая имела целью прирастить к имеющемуся пахотному угодию небольшой отрезок (до десяти соток) очищенного от леса участка. Лес был повален поздней весной, стволы, ветки – все годное для употребления в строительстве, в том числе для плетневых оград и сеников, вывозится летом. Оставшийся, уже сухой хворост осенью сжигают. Первоначально вскапывают специальной мотыгой типа узбекского катменя, затем перепахивают легким ралом и оставляют под зябь. Весной засевали просом (сильная корневая система против растительных остатков, и любит мощные почвы), после жатвы производили паровую вспашку и осенью засевали озимыми (пшеницей). Полученное в результате такой процедуры поле называли «чабар» (от чанкI барес – очистить, оголить). Таким образом, в течение промежутка времени от весны до осени участок леса превращали в пашню, и этот участок включался в общий оборот применяемых хозяином-земледельцем систем земледелия, наравне с другими, имевшимися у него участками, в нашем случае к паровой севооборотной системе.

Такая же подсека практиковалась в сел. Кадар (Шамхальство), причем и здесь полученное в результате подсеки поле называлось чанкIа (голый, оголенный). В табасаранском сел. Туруф (Нитриг) тоже отмечена подсека. Здесь для этого выбирали лес помоложе (не толще человеческой ноги), подрубали в период цветения (считали, что сваленный в это время лес быстро высыхает). Через 2–3 месяца, к концу лета поджигали. На полную очистку, корчевку и т.п. уходило 2–3 года. А после того как участок полностью готов, его присоединяли к общему массиву пахотных угодий и соответственно к функционирующей в ауле трехпольной системе земледелия: основная культура (пшеница) – неосновная культура (рожь, ячмень, полба) – и перелог с трехкратным вспахиванием. Удобрению подвергались все поля, в том числе и получившееся в результате подсеки, поочередно, раз в три года.

Другая форма осуществления подсеки выражалась в создании лесных делянок под хуторское хозяйство (тала). Испытывавший нужду в пахотных угодьях крестьянин договаривался с общиной и подсекал, а то и сразу вырубал лес на выделенном участке и тут же, в этом же году превращал его в пашню и пастбище одновременно. Та-

кой метод позволял ему быстрее освоить землю, вывести остатки леса и кустарника, обработать и осуществить полный полеоборот от делянки к зяби, яровым, пару и озимому посеву. И в этом случае цель та-же самая – создать новый участок пашни, увеличить площадь пахотных угодий, посредством утилизации лесных пространств методом подсеки.

Эти материалы по Дагестану показывают, что участки, созданные в результате подсеки не имеют особого режима варьирования угодьями, иными словами, для них не существует своей особой системы земледелия, и они сразу вовлекаются в оборот доминирующей (практикуемой) в хозяйстве, ауле системы земледелия. А это значит, что в этой подсеке дагестанского предгорья превалирует элемент создания новой площади пахотоспособных угодий, и меньшее место занимает фактор воздействия на состояние плодородия, т.е. это больше компонент типа земледелия, чем вариант системы земледелия (поэтому есть смысл отличать его от залежной подсеки и назвать «угодийной подсекой»). Главный критерий различия заключается в том, что при подсечно-огневой системе полученный участок как-бы имеет самостоятельную жизнь и статус, он используется сам по себе, используя удобрительную силу золы сожженной растительности, в течение нескольких лет, без всякого другого удобрения. Как только почва созданного в результате подсеки участка истощается, он забрасывается, а плодородные пахотные угодья создаются за счет созданного посредством такой же огневой подсеки другого участка.

В наших же случаях вновь созданный участок присоединяется к общему массиву пахотных угодий и вводится в оборот функционирующей системы – паровой, годового перелога, трехполья, причем во всех случаях он не занимает никакого особого положения и входит в общий цикл оборота и чередования участков, культур и удобрений. Последнее особенно показательно и важно, ведь подсечно-огневая система имеет своим главным основанием именно создаваемую огневой подсекой возможность получить удобренное (золой) поле, которое несколько лет подряд можно засевать без удобрения, с тем чтобы через годы, по истощении забросить его и создать новый участок посредством той-же огневой подсеки.

Теперь взглянем на условия и методы осуществления подсеки в других областях Кавказа. Как известно Северный Кавказ, особенно до

Кавказской войны, отличался значительной облесенностью, более сильной в западной части. Это означало, что участки годные для распашки, надо было отвоевывать у леса. Поэтому подсека являлась не только (а местами и не столько) мерой для положительного воздействия по плодородию почвы, но и действием по увеличению пахотоспособных угодий. Все исследователи единодушны в том, что подсечное земледелие было распространено по всему Северному Кавказу. Равнина – степь, там господствует залежь, нагорье – каменистые склоны, там пар, малый перелог, использование террас, а предгорье, наиболее облесенное, не могло обойтись без действий по выведению леса и созданию пахотных угодий. Подсека отмечена у адыгов, в том числе кабардинцев, чеченцев, осетин, балкарцев, карачаевцев. Описывая процесс подсеки, вырубки лесов у чеченцев, Б.А. Калоев пишет: «Горцы, спускаясь в предгорье и равнинные районы, покрытые густыми лесными зарослями, расчищали для себя места для поселения». И далее: «В предгорьях и на равнине региона, где пахотные и покосные земли находились в общинном пользовании, лесные участки для подсеки выделялись только тем семьям, которые остро нуждались в этом, причем делалось это исключительно по решению сельского общества».

О чем идет речь в этой выдержке? Во всяком случае, не о мероприятиях по восстановлению плодородия почвы. Читаем дальше. Информатор из кабардинского селения Заюково Юсуф Гедгафов, 97 лет: «Каждый хозяин стремился расширить (!) свои пахотные и сенокосные угодья за счет лесных». И еще. В Карачае, в сел. Хурзук «фамилии Курбановых, Борлаковых были в числе первых, кто расширил свои пахотные и сенокосные угодья путем подсеки»³. И так почти везде. Но ведь освоение новых земель, пусть и лесных участков, создание новых пахотных угодий, расширение посевной площади не есть совокупность мероприятий по воздействию (сохранению, восстановлению) на плодородие почвы. Можно ли воздействовать на что-то, сохранить или восстановить что-то, в том чего еще нет, которое только еще создается. Пахотных (посевных) площадей нехватает, их надо увеличить, расширить, к ним надо прирастить, присоединить еще площадь. Это вопрос, касающийся угодий, и поэтому он имеет отношение к типу земледелия, объединяющему пахотные угодья и орудия обработки (вспашки). С другой стороны, нельзя игнорировать,

перечеркивать традиции этнографического изучения хозяйства и хозяйственных традиций отечественной науки, сложившиеся научные построения, интерпретации, суждения и номинации. Ведь все это сложилось помимо прочего, усилиями исследователей, авторитет которых не подлежит сомнению.

Поэтому мы не можем не считаться с тем, что понятие подсечной системы существует веками, отражая сложившуюся практику земледелия, просто нам нужно разобраться в вопросе о том, имеются ли основания усматривать в подсеке и определенные признаки, особенности свойственные не только системе но и типу земледелия.

Обратимся к конкретным материалам.

Относительно подсечного земледелия, на Кавказе в сборнике «Весь Кавказ» указывается, что во многих местах сохранилось так называемое лядинное (ляда – термин русского подсечного земледелия – участок из под леса, со второго года – полядка⁴) хозяйство: расчищают участок от леса, сеют несколько лет подряд и затем оставляют без обработки, «вследствие чего он опять покрывается зарослями»⁵.

М.В. Кантария считает, что горное земледелие Северного Кавказа основывалось на подсеке заимок и террасировании склонов, что «полеводство базировалось на террасно-подсечной системе земледелия, которая имеет четко сформированную структуру». Правда, вряд ли ее расшифровку можно считать четкой и тем более сформированной. Так в ней собраны в одно (в структуру, а ведь структура предполагает порядок и взаимосвязь ее элементов) подсечное хозяйство, террасирование, способы удобрения, севооборот или чередование культур и даже, пахота⁶.

Если говорить о отдельных народах, то на Северном Кавказе больше материала по адыгам. Благодаря исследованию крупнейшего отечественного специалиста по истории земледелия; и в частности восточного⁷, И.Н. Клингена, являвшегося и непосредственным наблюдателем, мы имеем отличное описание земледелия причерноморских адыгов. Заметим, что по его свидетельству, даже здесь, на довольно просторных нижних предгорьях, поля подсечного земледелия не занимали сплошных больших площадей. В технике этой системы он отмечает, что «черкесы разрабатывали их из строевого леса подсечиванием или корчеванием»⁸, для которого у них были даже специальные орудия, которыми они корчевали корни в нестрадную пору⁹.

Характерно, что и при залежной подсеке крестьянин пытался как можно скорее приступить к эксплуатации участка, еще до завершения корчевания, которое могло длиться несколько лет: «эксплуатацию земли под пашню начинали через год, не дожидаясь корчевки больших деревьев»¹⁰. Наблюдатели и исследователи не обошли вниманием еще одну особенность адыгского подсечного земледелия: неполноту подсеки на избранном участке.

Так, Дюбуа де Монпере указывает, что «черкес, расчищая землю, окружавшую его жилище, для возделывания проса или пшеницы, заботится о том, чтобы сохранить вокруг своего поля гирлянду деревьев для его защиты и доставления влаги, необходимой в этом климате. Он оставляет даже там и сям, посреди своих полей, самые красивые деревья»¹¹. Дело было, конечно, не в красоте, здесь надо было написать «тенистые».

Учитывая это «оставление» деревьев, В.К. Гарданов считает даже, что термин «подсечное» для адыгского земледелия «неудачен» и склоняется к определению И.Н. Клингена «лесохлабное»¹² (лучше все таки «лесопольное»).

Значительной (можно сказать «большой») облесенностью объясняется подсечное земледелие адыгов Е.П. Алексеевой: «Так как в XVI–XVII вв. значительная часть Черкесии была покрыта лесом, то во многих местах земледелие было подсечным»; при этом она ссылается на свидетельства ряда путешественников-наблюдателей (Шарден, Герберштейн и др.)¹³. С горными адыгами связывают подсечную систему авторы исследования «Адыги»¹⁴, а М.В. Кантария пишет, что «западные адыги, в соответствии с особенностями рельефа применяли подсечно-огневую систему»¹⁵.

Рельеф здесь конечно, не при чем, речь может идти скорее о ландшафте, ведь разговор идет не о совокупности поверхностных неровностей земли, а о географической оболочке, включающей комплекс морфологических частей (местность, урочище) и компонентов (почвы, растительность и др.). В технике подсеки М.З. Азаматова перечисляет: выкорчевывание леса, очистка поля от пней и сжигание сора и ветвей, рыхление ралом с резцом¹⁶. Более четкое описание методов расчистки у адыгов имеется у Т.Д. Алибердова. Первый способ это корчевка при помощи кирки, лопаты и топора, очень трудоемкий, поэтому чаще пользовались кольцеванием или весенней рубкой леса,

после чего ветви равномерно разбрасывали по участку (для сушки) и осенью поджигали. Это наиболее оперативный метод, который давал возможность утилизации участка уже осенью¹⁷.

Е.Н. Данилова, говоря о соседях адыгов – абазинах, также связывает подсечную систему с лесистыми предгорьями и горами, и считает, что такое положение было в аналогичных местностях всего Северного Кавказа¹⁸.

Своеобразно описывает подсечное земледелие адыгов наблюдатель середины XIX в. И. Серебряков. Он пишет, что «лес истреблялся... систематически, в силу принятого ими метода хозяйства, требовавшего уничтожения лесов для удовлетворения нужды главных местных промыслов – хлебопашества, и скотоводства. Расчистка лесов заменяла для туземцев (!) все способы к возвращению плодородности пахотных полей»¹⁹ (автору следовало бы помнить, что подобным «способом» пользовались не только туземцы, но и многие «цивилизованные» народы, в том числе и русские).

Зафиксирована подсека и у карачаевцев. Что весьма показательно, в специальном исследовании о карачаевцах говорится именно о подсечно-залежном земледелии²⁰. О клочках земли у балкарцев, «расчищенных из под леса» посредством вырубki, говорит М.А. Иванов²¹.

Несколько противоречивы сведения о подсеке в Осетии – по одним данным подсека была «кое-где», по другим, в ущельях Северной и Южной Осетии «в основном существовало подсечное хозяйство, с трехпольной системой»²². Правда лежит где-то посередине – в Осетии действительно было гораздо меньше лесов, чем в Адыгее, Карачае или Чечне, и соответственно подсеки было намного меньше, но все хаки не настолько, чтобы быть только «кое-где». А Чечня, действительно, уступала, наверно, по облесенности и развитости подсечного земледелия лишь причерноморским адыгам. Активное заселение нижних предгорий и равнины переселенцами с гор сопровождалось вырубкой лесов под поселения, хутора, пахотные угодья, и соответственно массовым распространением подсеки. М.В. Кантария, специально изучавшая культуру чеченцев и ингушей, считает, что их полеводство «базировалось на террасно-подсечной системе земледелия». Что касается способа (технологии) описанной ею подсеки, она ненамного отличается от адыгской в изложении М.З. Азаматовой: выруб-

ка леса, корчевание пней и кустарников, очистка подсеки (выжигание, сбор камней), обработка почвы (мотыга, борона)²³.

В Закавказье распространенность и значение подсечной системы также радикально отличается от положения в Дагестане и во многом напоминает ее состояние на Северном Кавказе. Ее почти всеобщая распространенность нашла отражение и в большом обобщенном компилятивном труде Н. Дубровина²⁴.

Г.С. Читая в своем обзоре полевого этнографического материала по всей Грузии отмечает, что «особенно искусными оказались использование лесных подсек под пашню и способы их обработки»²⁵. С ним перекликается Л.К. Бериашвили, отмечающая, что «в местном земледелии широкое применение находит подсечная система полеводства, путем вырубki леса в интересах увеличения площади (!) под зерновые культуры»²⁶. Это высказывание автора одно из бесспорных свидетельств того, что одна из разновидностей подсеки имела целью именно «увеличение площади» угодий, и поэтому мы дали ей условное название угодийная. Характерно что наблюдатели в своих описаниях дают довольно весомые доказательства для подобного различения подсеки (залежная и угодийная). Так И.Л. Бахтадзе описывает в Грузии (Раче) систему, при которой производят выжигание леса «при очистке его под пашню», и затем этот участок имеет свой, «самостоятельный» полеоборот: 1-й год – просо, 2-й – ячмень, 3-й – кукуруза, 4-й – пшеница, если земля еще не истощилась – 5-й кукуруза, 6-й пшеница, и затем многолетняя залежь²⁷. При достаточной влажности, особенно в Западной Грузии, залежь за 5–7 лет вновь зарастает деревьями и кустарниками и тогда делается повторная подсека²⁸. Т.е. это залежный (самостоятельный, «неподчиненный» по И.В. Власовой) вариант подсечной системы). Своеобразный вид угодийного варианта, описан П.Н. Ягодынским в Азербайджане, в горных лесных районах: если почва подсечного участка хорошая, он «обращается в обыкновенную (!) полевую пахотную землю», (т.е. присоединяется к другим участкам и общему полеобороту) если нет, забрасывается под залежь через 2–3 года²⁹.

Способы подсеки были хорошо разработаны. Например, учитывалось, что «участок из под ольхи и бука быстрее и легче очищается для пашни, по сравнению с дубовым лесом, а почва лиственного леса считается лучшей по сравнению с хвойным». Другое правило – выби-

рали участок с наиболее густым лесом, там толще слой почвы³⁰. Расчистка леса под пашню была трудоемким делом. Поэтому член общины, получивший разрешение на заимку (лесную делянку), мог безвозмездно пользоваться участком до полного его истощения. По этой причине в отдельных местах (например, в Пшавии), характеризующихся малоземельем, община выступала против вырубki леса, т.к. подсечники, фактически присвоив общинные земли, создавали предпосылки для роста концентрации земельных владений в руках отдельных семей³¹. Наиболее полные описания подсеки мы находим у А.И. Робакидзе, Н.А. Брегадзе, Т.Ш. Геладзе. Выбрав участок, прежде всего отмечали деревья тамгами (называлось «накладывание креста»), затем подсечка для получения сухостоя, вырубka леса, сжигание, корчевание, очищение заимки от остатков леса, обработка почвы мотыгой (через 2–3 года пахотным орудием). Начинали, как правило, весной, чтобы за лето хорошо высохла срубленная растительность. Деревья, если была нужда, вывозили на строительство, чаще сжигали. Как и у адыгов в жарких местах оставляли для тени несколько крупных деревьев (яблоня, липа). Отмечается, что обработка мотыгой в первые годы не наносила ущерба урожаю, т.к. «свежая жирная земля уже не нуждалась в глубокой перепашке, к тому же, застрявшие в почве корневища затрудняли работу пахотным орудием»³².

Добавим еще к свежей жирной земле и свежее сильное удобрение, облегчающее обработку и обеспечивающее урожайность и при слабой обработке. Подсечная система была распространена почти по всей Грузии – в Картли, Кахети, Гудамакари, Верхн. Сванети («Преимущественно подсечная система земледелия»), Южной Осетии («в основном существовало подсечное хозяйство с трехпольной системой»), Абхазии («господствующая система земледелия»), Аджарии («особенности природно-географических условий способствовали сохранению подсечного земледелия»)³³ и т.д.

Хорошее описание подсеки в Абхазии дает И. Аджинджал. Характерно его выражение «обычно обработка полей начиналась с рубки леса» – явное свидетельство массовости подсеки. Стволы, которые шли на стройматериал, подрубали под корень, потом выжигание папоротника, корчевка пней (осенью). Весной вывоз бревен, сжигание всего древесного материала (несгоревший подчищали и после высыхания собирали в кучу и поджигали) К апрелю участок, готов к севу³⁴.

Особенности подсечной системы в Абхазии рассматривает и Ц. Бжания. Самое интересное в этом описании заключается с нашей точки зрения, в том, что автор делит подсечную систему на два типа – 1) с параллельным применением залежи-перелога (на 5–7 лет) и 2) то-же, но с паром. Правда, второй связывается с появлением отвального плуга, хотя правильнее будет считать, что этот плуг просто увеличил возможности сочетания подсеки с паром в низменных местах, когда прогрессирующее сокращение резервов неосвоенных угодий стало приводить к превращению подсеки-залежи в подсеку-пар. Поэтому наше членение подсеки на залежную и угодийную (ускоренного введения подсечного участка в общий полеворот земледельца) представляется нам более адекватным. Ц. Бжания указывает, что, наилучшим пахотным угодием в Абхазии считался «новый участок подсечно-огневого земледелия с рыхлой почвой и достаточной влажностью». Участок эксплуатировался 10–15 лет, до заметного истощения, и потом его оставляли под залежь (или пар). Через 5–7 лет участок зарастал мелкоколесьем, хозяин «расчищал его путем подсеки и огня, и такой оживленный участок начинал давать вновь высокий урожай» (вспомним, мы говорили выше, что залежная подсека более характерна для влажных мест, иначе за 5–7 лет растительность не восстановится в степени, достаточной для новой подсеки; в лесах Дагестана, к примеру, это совершенно невозможно). Операции подсеки по Ц. Бжания – порубка колючек, бодылей, папоротника, деревьев; мелкоколесья, кустарников; очищение граблями; сжигание всего подсеченного³⁵. В последнем мы видим несоответствие описанию И. Аджинджал: там стволы деревьев шли на строительный материал.

В работе другого абхазского исследователя Р.К. Чанба имеются отдельные моменты, отсутствующие у Ц. Бжания. В частности, он несогласен с положением Ц. Бжания о господстве подсечной системы в XIX в. (но там говорилось – до середины XIX в.), считая, что автор при этом утверждении не учел «взаимоотношения виноградарства XIX в. с полеводством»³⁶. При этом он ссылается на свидетельство Н. Дубровина, назвавшего виноградарство «одним из главных богатств абхазских поселян»³⁷ (можно было-бы, наверное, найти и более близкий к объекту рассмотрения источник). В технике подсеки автор упоминает кольцевание, падение и сгнивание деревьев (влажность!), не

сгнившие поджигали. Обработывали в тот-же год, и потом до истощения.

При этом он увеличивает период нового зарастания участка и повторной подсеки до 10–12 лет, и поскольку он называет и виды деревьев, этот срок представляется более реальным. Он приводит также интересный прием абхазских земледельцев, применявших подсеку для распашки целины: поскольку дернина здесь (влажный климат) была трудна для вспашки, особенно для рала, участок огораживали, он зарастал мелкоколесьем и папоротником (опять влажность), тогда дерн в тени сгнивал, земля разрыхлялась и участок очищался подсечно-огневым способом³⁸.

И, наконец, подсечная система в Аджарии, также имевшая ряд особенностей. Так, к примеру, указывается, что в горной зоне она имела целью использование для скотоводческих нужд. Возможно, этим обусловлены и другие особенности системы – «не предусматривала корчевания, первичной обработки земли и полного оголения участка от лесной растительности»³⁹. Все это объяснимо при использовании подсеки в первые годы (отсутствие первичной обработки!) для нужд содержания скота (выпас, стойбище).

Распространена подсечная система и в Азербайджане. Известный специалист земледелия Г. Джавадов в своем перечислении систем земледелия Азербайджана вначале, первой называет чальную (лиманную), в заключительной части ставит на первое место подсечную, однако в изложении первой идет лиманная система⁴⁰.

Так же второй, после чальной описывает подсечную систему его предшественник Г.А. Гулиев⁴¹. Объяснение истоков подсеки очень простое – в связи с малоземельем и наличием лесов, а в XIX в. «большое распространение» связывается с увеличением населения⁴². Заметим, однако, что подсека практиковалась и в относительно неплохо обеспеченных землей местах – она использовалась для приращивания пахотных угодий при наличии открытых для этого участков и физических возможностей у самого земледельца как, например, в Джаро-Белокавказских обществах⁴³. В технике подсеки Г. А. Гулиев называет два способа – вырубку и выжигание (более распространенная). Действия по выжиганию напоминают грузинские – сначала выжигали траву и подлесок, затем у каждого ствола разводили костер, стволы вырубали сразу или после полного высыхания. Пни выкорчевывали

или сжигали, фруктовые деревья не трогали, оставляли для прививки. Использовали участок 3-6 лет, затем оставляли под залежь и делали через несколько лет повторную подсеку⁴⁴. Как мы видим, это залежная разновидность подсеки. Однако, нельзя не прислушаться к мнению Г. Джавадова о том, что «причиной возникновения подсечного земледелия стала потребность в земельных участках», что «главной особенностью подсечного земледелия являлось то, что посевные участки по своему размеру были очень маленькими»⁴⁵, что является признаком того, что подсека не охватывала всего комплекса пахотных угодий земледельца и по мере готовности участка, он подключался к общему полеобороту, на первых порах – к залежной, а затем паровой системе. Поэтому можно считать, что и в Азербайджане подсека выпадает в двух «лицах» – залежной и угодийной.

Очень трудно сказать что-либо о подсечной системе в Армении. Так М. Адонц указывает, что отсутствие удобрения почвы происходило «в большинстве районов Армении из-за отсутствия лесов».

По данным И. Шопена к середине XIX в. леса занимали в Армении площадь в 740 кв. верст из 30 тыс. кв. верст всего ее пространства⁴⁶ – это 2,4%, намного ниже даже чем в Дагестане, характеризовавшемся очень слабым развитием подсечной системы. По данным начала XX в. в Армении было 324,2 тыс. дес. лесных пространств из 2742,6 тыс. дес. – 11,7%⁴⁷, но вряд ли за это время площадь лесов увеличилась (И. Шопен пишет о варварском массовом уничтожении лесов «в особенности под разрушительным зубом коз и овец»⁴⁸; вспомним М. Вилькенса – «из всех животных самые страшные враги леса – это козы, так как они не щадят ничего»)⁴⁹. Но и этот процент далеко недостаточен для значительного распространения подсечного земледелия. В Азербайджане, с его обширными сухими низменностями в это время было 1144,7 тыс. дес. леса при всей площади в 7868,6 тыс. дес. (14,5%), а в Грузии 2264,5 тыс. дес. (35,6%)⁵⁰, именно в таком порядке была соответственно развита в этих странах и подсечная система.

И еще один момент – многие леса Армении были в местах, мало доступных, малопригодных для земледельческого освоения.

Теперь, когда мы ознакомились со всеми доступными нам материалами по подсечному земледелию народов Кавказа, попытаемся уточнить наше положение относительно соотношения элементов типа и

системы земледелия в рассматриваемой структуре, учитывая определенную несогласованность нашего понимания с существующей в литературе традицией.

Мы делаем попытку придти к некоему компромиссу – не затрагивая основной положений о подсечной системе земледелия, попытаемся выделить в самой системе подсистемы, ее виды или подвиды, или разновидности. В этой связи мы привлечем одно интересное высказывание по поводу подсечного земледелия, сформулированное автором очерка по земледелию в монографии «Русские» – И.В. Власовой: «Термин подсека стал применяться с XV в. Тогда уже она была не самостоятельной системой, а подчинена целям парового земледелия»⁵¹. Затем мы обнаружили в перечне систем земледелия Поволжья и Прикамья А. Шенникова «лесопольно-паровую» систему⁵². В кавказоведческой литературе М.В. Кантария находит в подсечно-террасной системе не только «подсечное хозяйство», но и «севооборот или чередование культур»⁵³. В вышеприведенном примере подсеки по Дагестану подсека была «подчинена», соблюдая терминологию И.В. Власовой, именно паровой севооборотной системе. И противоположный пример: Г.С. Читая в своем перечислении систем земледелия называя подсечную, добавляет в скобках «она же и залежная»⁵⁴. Так намечается водораздел, отграничивающий подсеку, направленную на приращение площади пашни, с присоединением нового участка к хозяйственным полеоборотам, в которые включается («подчиняется») и вновь созданная площадь. Поскольку основной древесный материал не сжигается, а вывозится как строительный (или топливный), количество золы здесь незначительно, и она не может служить самостоятельным элементом сохранения или восстановления плодородия почвы. Далее. Объемные древесные материалы не сжигаются еще потому, что за несколько летних месяцев они не могут высохнуть настолько, что их можно будет сжечь не, расщепляя, не раскалывая, не рубя, а площадь участка ввиду скорой нужды в угодье, надо освободить уже этой (первой) осенью (для зяби и весеннего ярового посева). Таким образом, поскольку эта разновидность подсеки не играет самостоятельной роли, как система, присоединяет новообразованную площадь к фонду имеющихся (и задействованных) пахотных угодий, мы не можем считать эту подсеку (кратковременную, годовую, не образующую золу в количестве достаточном для воздействия

на плодородие) системой, и отнесем к разряду мероприятий по наращиванию пахотных угодий, к типу земледелия.

Другой (основной) вид подсеки, главным содержанием которого является использование огневой подсеки для увеличения плодородия почвы, включающий многолетний цикл подсеки, с сжиганием всего древесного материала и образованием толстого слоя золы, используемой как сильный источник удобрения, с оставлением через несколько лет на длительный срок в залежи, с тем чтобы через годы, с восстановившейся растительностью вновь использовать для повторного цикла (оборота) подсеки – этот вид и есть подсечно-огневая система земледелия. И не случайно Г.С. Читая назвал ее залежной, ибо залежь один из ее главных компонентов и признаков, без которой ее трудно представить. Поэтому правильнее было бы назвать ее, в отличие от угодийной подсеки, относящейся к типу земледелия, подсечно-залежной (именно в таком порядке, так как главным элементом воздействия на плодородие является подсека и зола, а залежь лишь подготавливает материал для новой подсеки, хотя свою собственную роль аккумулятора удобрений, она разумеется, тоже сохраняет и кладет ее на «алтарь» положительного воздействия на плодородие). Отметим еще одну черту, которая разъединяет оба вида подсеки. Залежная подсека характерна для лесных мест увлажненных районов, мест, где растительность сравнительно быстро восстанавливается, создавая предпосылки для перманентной подсеки, вечного круговорота – подсека, использование в качестве пашни, залежь и снова подсека. В другом виде (угодийном) новый вырост растительности не имеет значения, поэтому он характерен для менее влажных, сухих мест, в которых новый вырост практически невозможен, нужно немало десятков лет. И еще одна разграничивающая черта – залежная подсека свойственна для ровных мест, с большими лесными массивами равнин и предгорий, которые создают предпосылки для манипулирования большими площадями. Без этого оборот подсека–пашня–залежь–подсека теряет смысл, не имеет экономического оправдания. Угодийный вид – это вариант небольших лесных площадей нагорий, в том числе высокогорий, где существует отчетливо выраженное малоземелье, при котором приращение каждого нового клочка пахотоспособных угодий является насущной задачей земледельца.

В поддержку подобного разграничения можно привести исследовательский материал по русскому земледелию, подсечная система которых практиковалась именно на равнинных лесных просторах. Авторы монографии «Русские» прямо пишут, что «иногда после первого урожая подсека забрасывалась в залежь (на отдых) и подыскивался новый участок».

Весьма характерное подтверждение сказанному мы встречаем у Г.Г. Громова, который наряду с подсекой называет и «лесной перелог». И не случайно, по-видимому, в русской этнографической литературе наравне с определением «подсечно-огневая» (или «лядинная»), употребляется и термин «лесопольная», подразумевающий, что подсека осуществляется для создания «поля»⁵⁵

И еще одна особенность кавказского земледелия (но не свойственная дагестанскому), сочетание подсечной системы с террасным типом земледелия, что также проводит границу между обоими видами подсеки. Террасы – это атрибут горного земледелия, т.е. земледелия, испытывающего постоянный земельный дефицит (голод), поэтому, они никогда не бывают большими, масштабными, имеющими большие площади. Терраса строится для создания нового клочка пахотного (пахотоспособного) угодия, большие масштабы здесь невозможны, и это еще более относится к террасостроительству на покрытых лесом склонах, при котором одна трудность – выравнивания склона, – наслаивается на другую – очищения участка от леса. Поэтому, созданный в результате больших усилий и огромного труда небольшой клочок земли, приращенный к уже имеющемуся более крупному «клочку» или клочкам, не мог выступать в роли самостоятельной системы, он должен был быть присоединен к уже функционирующей системе, и чаще всего это была паровая севооборотная или система уплотненного использования угодий. Иначе говоря, распространенное на Кавказе сочетание подсечного и террасного земледелия относится не к категории комплексов мероприятий по воздействию на плодородие почвы, а к категории вещных элементов земледелия, к вещам объектам, т.е. элементам типа земледелия.

Так примерно выглядит подсечная система на Кавказе.

Главные ее виды: равнинная, не связанная с террасированием, преимущественно подсечно-огневая, горная неогневая, рассчитанная на гниение древесных остатков, в том числе корневых, свойственная

влажным лесным субтропикам (Абхазия, Аджария, Ленкорань); горная, представляющая составную конструктивную и технологическую часть террасирования и др.

К сожалению, при описании этих видов, в представленных материалах трудно, иногда, уловить (выявить) специфические особенности подсеки, связанные со степенью облесенности территории, зональными особенностями рельефа и ландшафта, развитостью других видов систем и их сочлененностью с подсекой; а также отдельные черты, характеризующие полноту системы, продолжительность подготовки пашни и залежи, формы утилизации основного древесного материала.

Из особенностей подсечного земледелия всего Кавказа можно отметить в отличие, например, от Дагестана, его распространенность, даже массовость, порою даже преобладание, господство, как это было, например, у причерноморских адыгов.

Другая его особенность – органическое сочетание с террасостроительством, объясняющееся значительной облесенностью гор и распространением здесь подсеки, что практически вызывало необходимость изыскивать возможности их сочетания, так как террасостроительство тоже атрибут горного земледелия.

Подсечное земледелие всего Кавказа подтверждает наши предварительные суждения о наличии в нем элементов (компонентов) и типа земледелия.

С этой точки зрения подсечное земледелие региона делится на несколько видов, различающихся по целевому содержанию, и компонентной структуре. 1. Первый из них, самый значительный по охвату площадей, самый масштабный, можно сказать, классический вид, это собственно система подсечного земледелия, по характерной, выделяющей черте его можно назвать залежным. Он, действительно, является (наподобие залежной системы) совокупностью действий земледельца, призванных восстановить плодородие почвы. Характерен для больших лесных пространств равнин и предгорий, с достаточной и избыточной увлажненностью. 2. Второй можно назвать угодийным, он маломасштабный, «подчинен», как правило, паровой системе, в целевом содержании главное – не восстановление плодородия, а приращение подсеки к уже существующему участку, прибавление, увеличение пахотоспособных угодий. Существует и в форме хуторской

заимки. Больше характерен для горных и предгорных сухих районов. 3. Подсечно-террасный, также менее масштабный, исключительно горный, главная особенность – органическое сочетание, симбиоз с террасостроительством, также носит угодийный характер и поэтому, как и второй, имеет отношение к типу земледелия (угодье), и оба вида, естественно, не имеют залежи, не рассчитаны на обратное восстановление леса, и, следовательно не заключались в воздействии на плодородие почвы.

Первый – это собственно подсечно-огневая система, сочетающаяся с залежной, вторые два по своему целевому содержанию и компонентной структуре под категорию системы не подходят, и являются элементами типа земледелия, но они маломасштабны. Однако, при рассмотрении подсеки мы не можем изменить применяемую исследователями терминологию и их понимание подсечной системы и поэтому склоняемся к тому, чтобы считать их подвидами основной подсечно-огневой системы. Наверное, для них в большей степени подошла бы номинация «лесопопальная».

§ 2. Лиманная

В литературе обычно не встречается не только определения этой системы, но и упоминания в перечне систем. И здесь мы вновь можем вспомнить о том, что отечественная агроэтнография, особенно в вопросах классификации, определении и установлении перечня систем, базировалась на материалах восточно-европейского и русского земледелия. А раз так, то вполне закономерно, что эта система не вошла в круг разрабатываемых проблем систем земледелия, поскольку для этого не было материала из практики земледелия.

Между тем, даже следуя строгой однозначной формулировке А. Шенникова, ее следует считать системой, вполне удовлетворяющей условиям-параметрам определения системы. Правда, первая часть определения и содержания системы, которая обычно является главной в системе (варьирование угодьями) здесь отступает на задний план, но зато очень большое и решающее значение приобретают другие элементы – удобрение и орошение. Это пожалуй, единственный случай, когда орошение имеет своим главным назначением не полив угодья, а насыщение его удобрениями, для чего используются поло-

время, разливы рек, несущих большое количество ила. Она свойственна долинам крупных рек, особенно известны используемые для лиманного земледелия затопляемые разливами долины великих рек Нила и Янцзы.

Достаточно внимания уделяет этой системе азербайджанский агроэтнограф Г.Д. Джавадов. В частности, он вводит в оборот термин «чальная» вместо «лиманная» считая его более справедливым и точным, основанным на исконном азербайджанском слове «чала, который наиболее полно отражает содержание названной системы»⁵⁶. Однако определения системы у него нет, есть его подобие – «Эта форма земледелия непосредственно была связана с наводнениями и процессом изменения устья рек»⁵⁷. Почему только «устья» тоже непонятно, ведь лиманы (поймы) Куры и Аракса, используемые азербайджанскими и армянскими крестьянами были не только в устьях (здесь было бы более уместно слово «русло», или нижние течения рек).

Заметим, что совокупность действий по использованию лиманов редко называют системой.

Возможно, в этом сыграла роль своеобразность этой системы, главное действие в которой осуществляется не человеком, а природой. Именно это и является главным отличительным признаком системы. Человек может в определенной степени регулировать процесс обводнения, где-то помочь воде пройти (выйти) где задержать, провести обвалование или, напротив, сделать или расширить протоки и т.п., но главным остается природное, стихийное обводнение, которое человек использует для выращивания культур. Иными словами, главный признак системы – используется физическое состояние почвы, вызванное (созданное) проявлениями стихийных сил природы.

Далее. По утвердившимся, в основном определениям, система – совокупность действий по использованию и восстановлению плодородия почвы. Использование есть, а к восстановлению плодородия человек отношения не имеет, об этом позаботится к следующему году природа. Таким образом, сущность, целевое содержание и структуру лиманной системы составляют действия земледельца для получения хорошего урожая сельскохозяйственных культур путем рационального использования плодородных угодий, сложившихся в результате стихийного обводнения разлившимися «водами местного стока», т.е. система заключается в использовании плодородия, получившегося в

результате естественного увлажнения. В этом плане лиманная система подобна залежной, которая также основана преимущественно на использовании готовой «продукции» природы.

Обращаясь к конкретному материалу заметим, что Северный Кавказ, как и Дагестан фактически не знал лиманной системы. Те небольшие клочки приречных террас, создаваемых здесь местами по берегам горных рек, вряд-ли заслуживают специального рассмотрения, тем более, что горцы всегда стремились по возможности превратить лиманы в приречные террасы, защищенные от стихийного вторжения воды. Имевшиеся на Сулаке и Самуре Дагестана лиманы, ввиду их неустойчивости (сегодня есть, а завтра их уже смыло) использовались только для выпаса и выкоса. Глубокие русла дагестанских рек, в большинстве своем небольших, с узкими долинами, не способствовали сложению и развитию лиманного земледелия.

О том, насколько лиманы на Северном Кавказе мало ценились в качестве сельскохозяйственных угодий говорит характерное свидетельство автора очерка о кавказских горцах Я. Абрамова (1884 г.). Рассказывая о несправедливом наделении земель, он указывает, что в Кубанской области казаки получили наделы в 30 дес., а черкесы только по 7 дес., «и притом преимущественно никуда не годными (!) плавнями по Кубани»⁵⁸.

Иначе обстояло дело в Закавказье, и наибольшее развитие лиманная система получила в Азербайджане.

Авторы очерков по экономическому быту крестьян отмечают это. Так например, Н.А. Абелов пишет о хлебопашестве на «затопляемой Курою земле», весьма успешном»⁵⁹. О еще более успешном использовании лиманов говорит С.К. Алифин, который пишет, что Кура и Аракс «при большом половодье далеко заполняют окрестные поля и приносят на них ил, способствующий поддержанию плодородия этих полей», которые дают баснословные урожаи – «до 400 пудов пшеницы с десятины»⁶⁰. О системе земледелия, связанной с наводнением Куры говорит и В. Геевский, который пишет, что благодаря наносному илу эти поля давали богатый урожай – сам 20,40 и даже 50⁶¹ – это примерно 300–600 пудов с десятины, или 5–10 тонн, цифры действительно баснословные для того времени, да и для нашего тоже.

Большое внимание уделено этой системе в фундаментальной монографии Г. Джавадова, работах Г. Гулиева. Последний отмечает ши-

рокое распространение системы в приречных районах, связь с пологом, наносы, плодородие, приводит пример оригинального высева: разбрасывание зерна по трещинам, образовавшимся после спада воды, на поверхности почвы, и затем их запахиванием ралом⁶².

В Грузии лиманная система была не столь распространена, и описаний ее немного. Хотя следует сказать, что у грузин тоже был для лиманного участка термин «чала», который грузинские исследователи считают грузинским⁶³.

Одна из причин меньшей масштабности лиманного земледелия в Грузии состояла в том, что ее равнины менее обширны, а русла рек были более глубоки, это происходило, по-видимому, от того, что уклон стока рек был более крутым, соответственно русла более узки и возможности наводнений менее значительны. Наибольшие площади лиманного земледелия были в Западной Грузии, в Колхидской низменности, по реке Риони. По словам М.К. Гегешидзе, ил реки Риони один из самых богатых по количеству содержащихся в нем минеральных удобрений, превосходящий по удобрительному потенциалу даже ил Нила⁶⁴. По подсчетам специалистов ил Риони толщиной в 1 м. на 1 гектаре содержит: азота – 48 кг., фосфорной кислоты – 1070 кг., оксидов (окисей) кальция и магния – 15000 кг., калийно-натриевых солей – 360 кг. Такое богатое содержание удобрений может обеспечивать, по словам М.К. Гегешидзе, гарантированный урожай в течение нескольких десятилетий⁶⁵. И все таки по его работе трудно получить конкретное представление о распространенности и масштабности лиманного земледелия в Грузии.

В общем можно считать, что Закавказье характеризовалось, в исследуемое время, довольно развитой системой лиманного земледелия, значительно превосходящей ее уровень и масштабы на Северном Кавказе и Дагестане.

1. Сельскохозяйственный энциклопедический словарь. М., 1989. С. 272, 404. Указанный здесь срок залежи в 20–40 лет, это, конечно максимальный вариант, предполагающий наличие большого резерва свободных лесных пространств. Фернан Бродель, ссылаясь на исследования Э. Бозерапа указывает, что при подсечно-огневой системе «любое увеличение числа ртов, которое нужно кормить, наталкиваясь на ограниченность территории, влечет за собою сокращение времени под залежью (!), оставляемой ради возобновления леса» (!) – Фернан Бро-

дель. Материальная цивилизация, экономика и капитализм. XV–XVIII вв. Т. I. Структуры повседневности: возможное и невозможное. М., 1986. С. 191; Этнография восточных славян. Очерки традиционной культуры. М., 1987. С. 65 (автор раздела М.Н. Шмелева).

2. Зеленин Д.К. Восточно-славянская этнография. М., 1991. С. 37, 38; см. также описание подсеки у Л.М. Сабуровой и Д.М. Торэн. – Системы земледелия и сельскохозяйственные культуры у русских крестьян в середине XIX – начале XX в. // Русские. Историко-этнографический атлас. Земледелие. Крестьянское жилище. Крестьянская одежда (Середина XIX – нач. XX в.). М., 1967. С. 20. В описании этих авторов отмечен такой важный аспект огневой подсеки, о котором мало пишут – при сожжении «уничтожался травяной покров и обжигалась почва, что создавало для корней деревьев и мелких растений, имевшихся в большом количестве в лесной почве, условия, способствующие их закисанию и гниению». С. 20.

3. Калоев Б.А. Земледелие народов Северного Кавказа. С. 56, 58. Характерное подтверждение подобной целевой направленности подсеки земледелия мы находим у С.М. Хасиева, который отмечает, что участок подсеки не забрасывался после использования из-за «острого малоземелья», а «использовали его под пашни все время», т.е. буквально то-же самое, что мы наблюдаем в Дагестане – Хасиев М.-М.А. Земледелие чеченцев и ингушей в XIX – первой четверти XX в. (К проблеме истории земледелия народов Северного Кавказа). Автореф. канд. дисс. М., 1973. С. 7.

4. Сабурова Л.М., Торэн М.Д. Указ. раб. С. 21.

5. Весь Кавказ. Составил и издал М.С. Шапсович. Баку, 1914. С. 238.

6. Кантария М.В. Экологические аспекты традиционной хозяйственной культуры народов Северного Кавказа. Тбилиси, 1988. С. 94, 48.

7. См.: Клинген И.Н. Среди патриархов земледелия народов Ближнего и Дальнего Востока. М., 1960.

8. Клинген И.Н. Основы хозяйства в Сочинском округе. СПб., 1897. С. 47.

9. Дьячков-Тарасов А.Н. Абадзехи // Зап. КОИРГО, XXII. Вып. 4. Тифлис, 1902. С. 17.

10. Клинген И.Н. Основы хозяйства в Сочинском округе. С. 48.

11. Дюбуа де Монпере. Путешествие вокруг Кавказа. Сухуми, 1937. С. 87.

12. Гарданов В.К. Общественный строй адыгских народов (XVIII – первая половина XIX в.). М., 1967. С. 69–70.

13. Алексеева Е.П. Очерки по экономике и культуре народов Черкессии в XVI–XVII вв. Черкесск, 1957. С. 51. Один из этих путешественников – Карл Кох справедливо увязывает подсечную систему (с залежной) с отсутствием традиции удобрения почвы: «Об удобрении никто не заботится. Если же почва истощается, то возделывается другой участок земли. Для этого выжигается участок леса и выкорчевываются корни» – Карл Кох. Путешествие по России и в Кавказские земли // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. Нальчик, 1974. С. 617.

14. *Аутлев М., Зевакин Е., Хоретлев А.* Адыги. Историко-этнографический очерк: Майкоп, 1957. С. 17. Об этом же: *Нагоев А.Х.* Материальная культура кабардинцев в эпоху позднего средневековья (XIV–XVII вв.). Нальчик, 1981. С. 51.
15. *Кантария М.В.* Указ. раб. С. 86. См. также: История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. М., 1988. С. 279.
16. *Азаматова М.З.* Материалы к земледельческой культуре бжедугов // Материалы по этнографии Грузии. Вып. XII–XIII. Тбилиси, 1963. С. 252.
17. *Алибердов Т.Д.* Из истории земледелия у адыгов // УЗ Адыг. НИИ ЯЛИ. Т. VIII. Этнография. Майкоп, 1968. С. 44.
18. *Данилова Е.Н.* Абзины (Историко-этнографическое исследование хозяйства и общинной организации. XIX век). М., 1984. С. 43.
19. *Серебряков И.* Сельскохозяйственные условия Северо-Западного Кавказа // Зап. КОСХ, 1867. № 1–2. С. 8.
20. Карачаевцы. Историко-этнографический очерк. Черкесск, 1978. С. 75; Очерки истории Карачаево-Черкесии. Т. I. Ставрополь, 1967. С. 317.
21. *Иванов М.А.* В ущелье реки Баксана // Изв. КОИРГО. XV. 1. Тифлис, 1902. С. 15; см. также: Кумыков. Экономические развития Кабарды и Балкарии в XIX в. Нальчик, 1965. С. 65.
22. *Кантария М.В.* Грузино-осетинские этнокультурные контакты в земледелии // Проблемы исторической этнографии осетин. Орджоникидзе, 1987. С. 78; см. также: Осетины // Народы Кавказа. I. М., 1960. С. 302.
23. *Кантария М.В.* Агркультурные способы полеводства в Чечено-Ингушетии // КЭС. VI. Тбилиси, 1986. С. 48, 49, 65; см. также: *Борчаивили Э.А.* Социально-экономические отношения в Чечено-Ингушетии в XVIII–XIX вв. Автореф. докт. дисс. Тбилиси, 1988. С. 15.
24. *Дубровин Н.* История войны и владычества русских на Кавказе. Т. I. Кн. 2. Закавказье. СПб., 1871. С. 7
25. *Читая Г.С.* Земледельческие системы и пахотные орудия Грузии // Вопросы этнографии Кавказа. Тбилиси, 1952. С. 100.
26. *Бериашвили Л.К.* Полеводство в Месхети (по этнографическим материалам). Автореф. канд. дисс. Тбилиси, 1973. С. 14.
27. *Бахтадзе И.Л.* Экономический быт государственных крестьян Рачинского уезда Кутаисской губернии // МИЭБГКЗК. Т. II. Ч. 1. Тифлис, 1886. С. 52.
28. *Носович Д.П.* Экономический быт государственных крестьян в Сигнаском и Зугдидском уездах Кутаисской губернии // Там же. Т. II. Ч. 2. С. 282.
29. *Ягодинский П.Н.* Экономический быт государственных крестьян южной части Кубинского уезда Бакинской губернии // Там же.
30. *Брегадзе Н.А.* Полеводство в Рача-Лечхуми. Автореф. канд. дисс. Тбилиси, 1963. С. 18; *Геладзе Т.Ш.* Формы коллективного труда и земледелия Восточной Грузии. Тбилиси, 1987. С. 26.
31. *Джалабадзе Г.В.* Полеводческая культура Грузии (историко-этнографическое исследование). Автореф. докт. дисс. Тбилиси, 1972. С. 24, 25.

32. *Кантария М.В.* Из истории хозяйственного освоения Панкисского ущелья кистами // КЭС. VII. Тбилиси, 1988. С. 31, 32; *Робакидзе А.И.* Основные черты хозяйственного быта в Сванети. Тбилиси, 1980. С. 73; *Геладзе Т.Ш.* Указ. раб. С. 26.
33. *Геладзе Т.Ш.* Указ. раб. С. 26; *Бериашвили А.К.* Традиции освоения и защиты земли в Грузии. Автореф. докт. дисс. Тбилиси, 1991. С. 38; *Робакидзе А.И.* Основные черты хозяйственного быта в Сванети. С. 52; *Абаев В.Д.* Экономическое развитие Юго-Осетии в феодально-крепостническую эпоху (1800–1864) // Изв. Юго-Осетии. НИИ. Вып. VII. Сталинир, 1955. С. 60; *Кантария М.В.* Грузино-осетинские этнокультурные контакты в земледелии. С. 78; *Бжания Ц.Н.* Из истории хозяйства и культуры абхазов. Исследования и материалы: Сухуми, 1973. С. 151; *Чиджавадзе Н.Ш.* Подсечное земледелие в Аджаре // Быт и культура населения Аджары. Тбилиси, 1967. С. 71.
34. *Адждинджал И.А.* Из этнографии Абхазии. Материалы и исследования. Сухуми, 1969. С. 315.
35. *Бжания Ц.Н.* Указ. раб. С. 151, 181.
36. *Чанба Р.К.* Об эмпирических знаниях дореволюционного абхазского земледельца // Изв. Абхазского ИЯЛИ. Т. II. Тбилиси, 1973. С. 191.
37. *Дубровин Н.* Указ. раб. Т. I. Кн. 2. С. 6.
38. *Чанба Р.К.* Указ. раб. С. 192, 195, 196; Земледелие и скотоводство у абхазов (материалы к историко-этнографическому атласу Грузии). Тбилиси, 1986. С. 8, 9, 10, 13.
39. *Чиджавадзе Н.Ш.* Указ. раб. С. 71.
40. *Джавадов Г.Д.* Народная земледельческая техника Азербайджана. Баку, 1989. С. 36, 65.
41. *Гулиев Г.А.* О пахотных орудиях и системах земледелия в Азербайджане // Азербайдж. этнографический сборник. Вып. 2. Баку, 1966. С. 24.
42. *Джавадов Г.Д.* Этнографическая поездка в Шеки-Закатальскую зону // Археологические и этнографические изыскания в Азербайджане. Баку, 1974. С. 67; он же. О системах земледелия в дореволюционном Азербайджане. Резюме на русск. яз. // Азербайджанский этнографический сборник. Вып. 4. Баку, 1981. С. 20.
43. *Петрушевский И.П.* Джаро-Белоканские вольные общества в первой половине XIX в. Махачкала, 1933. С. 44.
44. *Гулиев Г.А.* Указ. раб. С. 24–25; *Джавадов Г.Д.* Народная земледельческая техника Азербайджана. С. 44–46.
45. *Джавадов Г.Д.* Народная земледельческая техника Азербайджана. С. 42, 48.
46. *Шопен И.* Исторический памятник состояния Армянской области в эпоху ее присоединения к Российской империи. СПб., 1852. С. 418, 755; *Адонц М.А.* Экономическое развитие восточной Армении в XIX в. Ереван, 1957. С. 151.
47. Народное хозяйство Закавказья в цифрах. Тифлис, 1927. С. 82–85.
48. *Шопен И.* Указ. раб. С. 755.

49. Вилькенс М. Горное хозяйство Швейцарии, Альгау и Западной Австрии. М., 1876. С. 24.
50. Народное хозяйство Закавказья в цифрах. С. 82–85 (подсчеты наши).
51. Русские. Серия «Народы и культуры». Раздел «Традиционная земледельческая и промысловая культура» И.В. Власовой. М., 1997. С. 164 сл.
52. Шенников А.А. Крестьянские усадьбы Среднего Поволжья и Прикамья с XVI до начала XX в. // Этнография народов Восточной Европы. Л., 1977. С. 8.
53. Кантария М.В. Экологические аспекты традиционной хозяйственной культуры народов Северного Кавказа. С. 94.
54. Читая Г.С. Земледельческие системы и пахотные орудия Грузии. С. 109.
55. Русские. Серия «Народы и культуры». С. 170; Громов Г.Г. География пахотных орудий русских крестьян в XIX в. // ГО СССР. Отделение этнографии. Доклады по этнографии. Вып. 5. Л., 1967. С. 209; Этнография восточных славян. Очерки традиционной культуры. М., 1987. С. 65.
56. Джавадов Г.Д. Народная земледельческая техника Азербайджана. С. 37.
57. Там же.
58. Абрамов Я. Кавказские горцы. Краснодар, 1927 (перепеч. из журнала «Дело», 1884. № 1.). С. 21.
59. Абелов Н.А. Экономический быт государственных крестьян Геокчайского и Шемахинского уездов Бакинской губернии // МИЭБГКЗК. Т. VI. Ч. 2. Тифлис, 1887. С. 128.
60. Алифин С.К. Экономический быт государственных крестьян Джевадского уезда Бакинской губернии // Там же. Т. VII. Ч. 1. Тифлис, 1887. С. 304–305.
61. Геевский В.Н. Краткий очерк земледелия за Кавказом. Тифлис, 1887. С. 19.
62. Джавадов Г.Д. Народная земледельческая техника Азербайджана. С. 36–40; Гулиев Г.А. Указ. раб. С. 22–23.
63. Гегешидзе М.К. Орошаемое земледелие в Грузии (Опыт историко-этнографического исследования). Тбилиси, 1990. С. 170–172.
64. Там же. С. 119.
65. Там же. В приведенных расчетах автор ссылается на специальную работу Зунтуриди Н.И. Физико-географический очерк Колхидской низменности и мелиорация ее заболоченных районов. Тифлис, 1928. С. 42.

ГЛАВА VII

УДОБРЕНИЕ И ОРОШЕНИЕ ПОЛЕЙ

Вопросы эти, особенно относительно удобрения, достаточно часто затрагивались нами при описании систем. Однако для полноты картины систем, имея в виду важное, подчас решающее для отдельных из них значение в структуре и функционировании, мы сочли необходимым специально остановиться на этих элементах земледелия.

Начнем с удобрения, как более необходимого и распространенного в практической деятельности земледельцев почти повсюду на Кавказе (и более показательного в качестве критерия, признака).

§ Удобрение полей

Остановимся сначала на системе, в которой удобрение является четким, но отрицательным показателем (признаком), т.е. на переложно-залежной. Здесь все вполне определено и ясно – там, где залежь, там нет удобрения. Разница по сравнению с орошением в том, что это отсутствие абсолютный показатель и не оставляет места для поиска другой разновидности системы. При вопросе об удобрении пашни, в селениях с господством залежной системы респонденты, как упоминалось, отвечали: «не было», или же – «а зачем?». Они твердо знали, что залежь исключает удобрение, что оно не нужно, не надобно. При этом отдельные информаторы утверждали, что от навоза одни болезни (сел. Аксай), от него вонь, мухи, болезни – поэтому его сжигали (сел. Ашага-Стал), а на окраинах селений бывали общесельские свалки навоза, нередко вечно горящие и дымящие (такая свалка была, например, в сел. Губден и место это и разросшийся на этом месте квартал назывались «Декла хъяб» – навозный перешеек). Имея в виду, по-

видимому равнинные области с господствующей залежной системой, где не применялось удобрение, известный специалист по скотоводству А. Калантар пишет, что оно не применялось на большей части Кавказа. Исключение он делает лишь для «нагорной полосы Дагестанской области и прилегающей к ней с запада Грузии», где дорожат «удобрительным значением навоза для садов и пашен»¹. Странно, правда, что такой обстоятельный наблюдатель не включил в эту «полосу» нагорную часть Северного Кавказа и Закавказья, где удобрению навозом придавалось не меньшее значение. Однако его замечание справедливо в отношении равнин и предгорий Кавказа, где применялась залежная система, и на это не могли не обратить внимание и более ранние наблюдатели. Шарль де Бесс, например, называет земледелие черкесов примитивным (каки И. Бларамберг, с чем мы не согласны), так как «они не обрабатывают землю под пары и не удобряют ее, и ограничиваются лишь тем, что весной сжигают траву на участках. Это единственный вид удобрений»². Еще определеннее высказывается К. Кох: «Об удобрении никто не заботится» и Г.Ю. Клапрот (о черкесах)³. И. Бларамберг также подтверждает, что черкесы пашню не удобряли и лишь выжигали траву на участке⁴. Впрочем, сжигание травы, поскольку при длительной залежи вопрос удобрения полей неактуален, имело целью, скорее всего, уничтожение сорняков, особенно их семян, паразитов-насекомых и грызунов. Но наибольшую убедительность положению об отсутствии удобрения пашни у адыгов придает свидетельство Хан-Гирея, местного уроженца, который, естественно, знал хозяйство своего народа лучше пришельцев – наблюдателей. Он пишет, что земледelec – черкес «не заботится об удобрении нив, готовых принять семена и с избытком принести плоды». В другом месте работы это утверждение уточняется – в горах «нередко употребляют и унавоживания, что вовсе неизвестно жителям равнины»⁵.

Не подлежащим сомнению считается этот вопрос и у современных исследователей. Л.И. Лавров, известный знающий кавказовед, говорит о абазинах, также применявшим залежную систему, что у них не было никаких удобрений (и никакого орошения)⁶. Б.А. Калоев в очерке о моздокских осетинах указывает, что «моздокские степи, как и вся равнинная зона Северного Кавказа (за исключением Чечни) не знала ни полива, ни удобрения»⁷.

Оговорка насчет Чечни вполне справедлива: для залежной системы резервы свободных земель здесь были незначительны, поэтому залежь довольно быстро переродилась в малый перелог, пар и местами уплотненный полеоборот. А при таких системах, а, также учитывая, что чеченская равнина наиболее засушливая из северокавказских низменностей, вполне объяснимо, что Чечня раньше других низменных частей Северного Кавказа начала применять удобрение (и орошение).

Вообще-то вопрос о удобрении (и орошении) в практике переложно-залежной системы считается вполне ясным и определенным. Здесь все рассчитано на естественные ресурсы, залежные земли аккумулируют достаточно удобрительной массы и влаги, к тому же северокавказские (особенно адыгские) степи не относятся к разряду засушливых. Отсутствие удобрения и орошения в переложно-залежной системе считается настолько бесспорным, аксиоматичным, что в литературе можно встретить противопоставления, в которых эта бесспорность просто подразумевается. Например: в Кабарде переложно-залежная система, в Балкарии же землю удобряли и орошали⁸; или же – в долинах (у адыгов) – переложно-залежное земледелие, в Карачае – орошаемое и удобрительное⁹.

Теперь рассмотрим вопрос о удобрении в уплотненном полеобороте. Судя по имеющимся в источниках наблюдениям, полевому материалу, известному в частности из капитальной работы Б.А. Калоева по земледелию народов Северного Кавказа, огромному полевому материалу по Дагестану, уплотненное варьирование использования угодий предполагало (было обязательным условием (и признаком) ее применения) внесение удобрений, или путем вывоза в поле, или достаточным для достижения эффекта воздействия на плодородие постоем скота, преимущественно овец. В нашем определении системы главным различительным аспектом (моментом, признаком) является варьирование использования угодий, но не исключается, и даже предусмотрено введение второго дополнительного (уточняющего), обозначающего второе необходимое условие выделения данной системы, признака. Так, например, мы ввели в категорию перелога второй дополнительный (вычленяющий, отделяющий данный вид перелога от других его видов, например, залежного) признак – паровую вспашку, результатом чего явилось появление понятия «парового перелога».

га». Поэтому и в рассматриваемом, случае, может быть есть смысл ввести признак обязательности удобрения, и назвать систему удобрительной, например, уплотненное удобрительное варьирование.

Иначе может возникнуть вопрос, можно ли в данном случае говорить о системе земледелия, в какой мере это будет правомочным, имея в виду главное содержание системы земледелия – воздействие на плодородие и производительность угодий, путем, главным образом, посезонно-погодного варьирования утилизации угодий и дополнительно их удобрения и орошения. Само варьирование, которое должно выступать в качестве главного критерия – признака, не очень способствует в уплотненном полеобороте улучшению плодородящих свойств почвы (вспомним его вариации – сохранение, поддержание, восстановление). И удобрение, осуществленное в любой форме (важен лишь результат – факт повышения в почве органики, гумуса), является тем средством, которое восполняет неполноту воздействия варьирования угодьями на плодородие и придает законченный вид системе земледелия.

Это не означает, разумеется, что удобрение свойственно только уплотненной системе земледелия, паровая система, к примеру, вовсе не исключает удобрения, но оно не является жизненно необходимой мерой, обязательным элементом и признаком этой системы (паровой), напротив, его применение здесь является скорее исключением и обусловлено, как правило, чрезвычайными обстоятельствами.

Вспомним, что система (уплотненная) обусловлена крайним дефицитом пахотоспособных угодий, и поэтому у крестьянина практически не было выбора, не было другого выхода, он вынужден эксплуатировать свою землю без перелога, без пара, во многих случаях даже без зяблевой вспашки, по причине отсутствия физической возможности (упряжный скот, рабочая сила, порою даже инвентарь) вспахать, или же острой необходимости оставить участок для зимнего выпаса скота. Кроме того, во многих случаях был невозможен и правильный (адекватный) плодосмен, так как при таких ограниченных площадях угодий больше посевов (до двух третей) приходилось отводить под главную (основу питания) культуру и поэтому часть имеющихся угодий была занята одной культурой несколько (и даже много) лет подряд. Естественно, что в подобных обстоятельствах хлеборобу

оставался только один выход, стараться увеличить производительные силы почвы посредством внесения удобрений.

Для этого употреблялись все виды навоза и помета, наиболее сильными считались овечий и помет диких голубей, который естественным образом накапливался в башнях. Слабым считался конский (и ослиный) навоз, его даже мало использовали, лишь в тех случаях, когда часть других видов навоза уходила на кизяк. Но дилемма деления навоза на кизяк и удобрение на остальной части Кавказа не была столь острой как в Дагестане, так как облесенность, и соответственно возможность заготовки древесного топлива, здесь была значительно выше, чем в Дагестане (выше мы приводили цифры по этому поводу, в западной части Северного Кавказа процент облесенности выше чем в Дагестане в 3–5 раз).

Остановимся на конкретных материалах практического земледелия.

Например, в Дагестане, в сел. Нижн. Дженгутай (Мехтулинское ханство) пар вспахивали 3 раза, на участок земли площадью в одну десятину вносили 100 арб навоза. А в сел. Хубар (Салатау) одна волокуша навоза (300–500 кг.) приходилась на каждые четыре метра во все стороны, на одну десятину это почти 300 тонн. Так бы современным земледельцам! В сел. Ицари (Ицари), высоко в горах, где навоз на поля могли вывозить только на ослах» на участок в 10 сахов (т.е. примерно 10 соток, 0,1 гектара) вывозили 100 ослиных поклаж. Поэтому, заключил наш информатор, собирали 100 барха (20 кг.) с одного га (т.е. 20 центн.), а теперь собирают 2–5 центн. с 1 га. В сел. Лучек (Рутул) с удобренного участка собирали по словам респондента 1 тонну с 30 соток. Другой пример: в сел. Харахи (Наха-Хиндалал) 1 мешок навоза вываливали через каждый метр во все стороны, и слой навоза должен был покрыть всю поверхность поля так, чтобы земляного грунта абсолютно не было видно. А кроме того, была еще традиция разбрасывать навоз весной и поверх озимых посевов (например, в союзах обществ Андалал, Ухнада, Бохнада), а в некоторых местах считали, что полезно разбрасывать навоз еще по снегу – удобрение лучше проникает в почву вместе с талой водой (союз обществ Капуча). Интересная традиция, вызывавшая даже насмешки соседей была у жителей сел. Цумелух (Тлебель): они, как выражаются соседи, что вечером корова оставит, утром несут в воле. Другая особенность

дагестанского горного земледелия – его традиция, причем довольно распространенная и устойчивая, удобрять перелог. Но это вроде противоречит тому обстоятельству, что перелогам являлись малодоступные и трудные для завоза удобрения участки. Однако и здесь выход был найден. По любым поводам, когда предстояли работы на этих участках, приводили сюда не только рабочий окот, но и всю наличность своего скота – для выпаса, постоя, чтобы он удобрил почву.

Кроме того, поскольку места содержания овец были относительно близко от отдаленных от аула участков, находящихся под перелогом, использовали овец для удобрения этих участков. Постой овец на пахотном участке считался самым сильным удобрением, это подтверждают везде, где такой постой практиковался. Однако из материалов по скотоводству нам известно, что овцы бывали далеко не в каждом хозяйстве, их не имели в разных местах от трети до половины хозяйств села, поэтому постой овец был доступен не всем, т.к. для постоя нужны были сотни овец, а не несколько голов, сколько имели обычно большинство владельцев баранты. На случайно наибольшее распространение постоя овец для удобрения пашни получил в Самурском округе, первенствовавшем по развитию овцеводства, по количеству овец на одно хозяйство (39 гол., при среднем во Дагестану – 18 гол.). Постой овец зафиксирован нами в союзах обществ Ахты-пара, Алты-пара, Цахур, Ихрек, Рутул. Агул-дере, Курах, Кушан-дере, Рича, Буркун-Дарга, Гапш, Ганк, Шуратль и др. Например, в сел. Гдым (Ахты-пара) за постой 500–800 гол. овец в течение 10–12 дней владельцам овец давали половину урожая с этого участка. Однако постой должен быть нормирован, так в цахурских селениях считали, что на площади в 0,5 га 300 гол. овец необходимо продержать 10 ночей, но не больше, иначе, говорит, почва сгорит. В Куруше (Ахты-пара) на участке в один рике (32 кг. посева) 300–400 голов овец оставляли на 2–3 дня, в Нижн. Катрухе (Ихрек) называли несколько меньшую норму – 300 гол. на 5–6 дней на участок в несколько сабу, а вот в Смутуле (Ахты-пара) 500 гол. овец оставляли на 10 ночей на участке площадью в 1 зильбе (16 кг.) посева. И еще один пример: в Шиназе (Рутул) на участке в 10 мер (гебидже – 16 кг.) посева 100 гол. овец должны были побыть 8–10 ночей (это скорее всего минимум необходимо), а за пребывание отары в 700–800 гол. две ночи давали баранчика или одну меру (от 16 кг. и больше) зерна.

Однако поскольку такой способ удобрения был доступен далеко не всем, хозяева, которым остальные эффективные меры не были доступны, довольствовались выбросами из туалета, которые каждый день присыпались золой и домашним мусором (подметенная пыль, органические мягкие остатки, которые за время лежания сгнивали, увеличивая массу перегноя).

В связи с этим средством удобрения позволим себе высказать некоторые соображения, навеянные нашими наблюдениями над средствами и способами удобрения в земледельческих и скотоводческих селениях. Хотя некоторые скептики из городских жителей позволяют себе подтрунивать и даже насмехаться над тем, что в отдельных местах высокогорья нет отхожих мест, позволим себе напомнить, что даже в цивилизованной Европе, ее прославленных своими университетами и просвещением городах отхожие места появились весьма поздно, и, как нам представляется, идея таких мест принадлежала скорее всего сельским жителям-земледельцам, и связано это было с изысканием новых средств удобрения. Вот что пишет по этому поводу один из крупнейших знатоков-специалистов по истории экономики и бытовой культуры Фернан Бродель: «Квартиры не всегда имели уборную на английский лад, а ведь она была изобретена Джоном Харрингтоном в 1596 г. А ночные горшки продолжали выливать в окна, как это было всегда: улицы представляли собой клоаки»¹⁰.

В ходе экспедиционных наблюдений в горных и высокогорных селениях Дагестана, как характеризующихся развитостью земледельческого хозяйства, так и подавляющим господством скотоводческой отрасли, мы отметили весьма характерные детали хозяйствования и домашнего быта.

В аулах с развитым скотоводством и значит, с обилием навоза, незначительностью пахотных угодий и, следовательно, мало нуждающихся в удобрениях (независимо от того, удовлетворяются ли потребности в топливе за счёт кизяка или дров из леса) отсутствует традиция устройства туалетов, или хотя бы простых отхожих мест.

Зато в земледельческих местах, где большая часть навоза уходила на кизяки, имеются отхожие места, где копятя экскременты, постоянно присыпаемые золой, сметённой пылью и мелким (и мягким) мусором. Вначале это просто отведённое место, потом появляются камни, потом дыра-очко на крыше навеса, нередко между штабелями

дров и кизяка, и последний этап-появление на, этом месте будки с очком, накопление происходит внизу. Иногда это размежевание бывает настолько отчетливым и даже резким, что для того, чтобы сразу же определить преобладающую отрасль занятий (земледелие или скотоводство) достаточно бывает поинтересоваться какое положение существует в ауле в этом отношении.

Удобрение полей практиковалось повсеместно и в других областях Кавказа. Б.А. Калоев считает, что в земледелии народов Северного Кавказа удобрения занимали «важное место», но применялись «только в горах, где каменистая почва не могла давать урожая без внесения соответствующих органических удобрений. Потребность в удобрении здесь вызвана и тем, что пашня в горах обрабатывалась непрерывно (!), не знала отдыха ввиду острой нехватки земли. К тому же почвенный покров в горной, местности очень тонок»¹¹. Мы уже ссылались на высказывание А. Калантара о незначительности удобрения на Кавказе, исключая «нагорную полосу Дагестанской области и прилегающей к ней с запада Грузии». Далее, говоря о ряде чеченских (Шамаюрт, Урусмартан и др.) и ингушских (Базоркино и др.) селений, он пишет, что навоз не имеет никакого применения: земля в удобрении не нуждается, а в кизяке нет необходимости – лес рядом¹². Более близкой к истине можно считать оценку автора экономического обзора Северного Кавказа Т.Х. Кумыкова, который, считая роль земледелия второстепенной, по сравнению со скотоводством, добавляет, тем не менее, что горные чеченцы, ингуши, осетины и балкарцы «независимо от больших трудностей, орошали и удобряли землю навозом, строили каменные ограды». Это подтверждает непосредственный наблюдатель, который свидетельствует, что у горцев «почвы удобряются очень тщательно навозом»¹³. Продуманное, расчетливое удобрение полей у ингушей описывает Г. Мартиросиан: «если непрерывно сеется пшеница» то удобряли через два года, если применялся плодосмен (ячмень–пшеница–овес), то через три года. Широкое применение навозного удобрения у чеченцев и ингушей отмечает и Э.А. Борчашвили¹⁴.

Но наиболее убедительную и образную характеристику трудовым усилиям и затратам ингушей, в подготовке пахотного участка и уходе за посевами, мы находим у Н.Ф. Грабовского, который указав, что речь идет о «таких местах, где сама природа отказалась дать что-

либо», говорит о необходимости «расчистить и сравнять» местность и «удобрить ее настолько, чтобы она могла принести желаемую пользу». Вызывает уважение его отношение к труду кавказского горца: «Человеку, первый раз попавшему в горы, придется бесконечно удивляться тем нечеловеческим усилиям, которые употребляет горец для того, чтобы находящиеся в его распоряжении скудные клочки земли служили ему подмогою в средствах для жизни»¹⁵.

У соседей ингушей – горных осетин также отмечено интенсивное удобрение навозом. Так, еще Г.Ю. Клапрот отмечал, что почва на крутых склонах, составляющая тонкий слой желтой глины «нуждается в ежегодном унавоживании»¹⁶. Обязательное удобрение, по возможности каждый год, в том числе постоем скота, отмечено исследователем А. Магомедовым, который описывает как осетины носили навоз даже на своих спинах, не имея другой возможности и сознавая настоятельную необходимость этой операции. Примерно такое же описание мы видим и у Б.П. Берозова, а М.В. Кантария высказывается даже более категорично: «система земледелия с трехпольным севооборотом невозможна без навозного удобрения»; «в горной Осетии было обязательным везде удобрять землю для получения нормального урожая»¹⁷. Ежегодное удобрение у горных осетин констатирует и Б. А. Калоев, однако он же отмечает отсутствие удобрения у равнинных осетин, и не только у них¹⁸.

Поскольку речь зашла о равнинном (и предгорном) земледелии, рассмотрим вопрос об удобрении полей и у адыгов (черкесов). Самое авторитетное и выразительное высказывание об этом Хан-Гирея: мы уже приводили – не было, но в горах «нередко употребляют»¹⁹. К.Г. Алибердов указывает на два способа удобрения: разбрасыванием на участке и постоем скота. При этом он ссылается на свидетельство Я. Абрамова, который, кстати, пишет именно о горцах («в огороженный участок загоняют на ночь скот, который удобряет почву») и авторитет современного исследователя – специалиста Н. Тхагушева («После уборки урожая в осенне-зимний период, на участки на ночь загоняли скот, что обеспечивало накопление органических удобрений»²⁰).

Положение с удобрением и вообще с уходом за пахотными угодьями и посевами у горцев прямо противоположно равнинному и носит как бы противоречивый и даже парадоксальный характер. С одной стороны, в отличие от адыгов предгорий, у карачаевцев и бал-

карцев преобладающая отрасль – скотоводство, и земледелие незначительно. С другой стороны, именно карачаевцы и балкарцы характеризуются на Северном Кавказе наибольшей рачительностью и усердием в сельскохозяйственных работах, вложением огромных физических усилий и затрат на обустройство пахотных угодий и уход за посевами. Так, В.М. Сысоев свидетельствует, что карачаевцы проводили большую работу по очищению пахотного участка от камней, которые складывали на границе участка в качестве ограды, что достоинство поля оценивалось по степени очищенности от камней и укрытости от камнепада, и что они очень дорожат пахотными участками и редко их продают; что участки и удобряются и орошаются²¹. И полив, и удобрение отмечены у карачаевцев и Н.С. Иваненковым²². Эта характерная черта карачаевского земледелия подтверждается и исследованиями. Так В.П. Невская указывает, что карачаевцы всю зиму собирали навоз для вывоза в поле, что удобрение и орошение были неизменными атрибутами сельскохозяйственного хозяйства²³. А.Д. Бесленев также подтверждает, что участок пашни «старательно удобряли навозом», который тщательно убирался и хранился до весны²⁴. Специально исследовавший земледелие карачаевцев И.М. Шаманов также говорит о обязательном удобрении и поливе в земледелии карачаевцев. Он тоже приводит слова начальника Эльбрусского округа Н.Г. Петрусевича о том, что «если бы не сильное уважение и поливки, то эти земли сами по себе не дали бы никакого урожая». Теперь коснемся одного его утверждения, что у переселившихся на равнину (нижнее предгорье) карачаевцев (Малый Карачай) земледелие оставалось богатым²⁵. Б.А. Калоев тоже говорит о осетинах – в горах они и удобрения вносят, причем с затратой больших сил и усердия, и посева поливают, а переселившись на равнину, не делают ни того, ни другого. И так, почти со всеми переселенцами. А ведь они веками вносили удобрения и поливали поля, это стало их традицией, признаком хозяйствования, трудолюбия и характера, и все это разом исчезает, уходит в лету. Это лишнее доказательство того, что обстоятельства, внешние условия, особенности экологии и хозяйства, и потом уже культурная традиция и этнокультурные взаимодействия влияют на становление и развитие элементов культуры, материальной (в первую очередь) и духовной.

Переселившись на равнину, горцы (например, осетины) получали новую среду, приравливаясь к этой среде, они стали создавать свою новую нишу, и в процессе ее создания, в частности в земледелии; сначала имели достаток земель и освоили переложно-залежную систему, исключавшую удобрение и орошение. Столкнувшись с новым надвигающимся дефицитом земель стали вспоминать свой опыт экономной утилизации угодий, паровую систему, а затем и поливки удобрение. А в начальный период, даже столкнувшись с определенной засушливостью занятой ими равнины, они, загипнотизированные местной средой и традицией даже и не подумали о возможностях применения, орошения. Этот факт отмечает Б.А. Калоев: «Равнинные осетины совсем не удобряли своих участков. Не было знакомо им и поливное земледелие, хотя из-за засухи (!) земля нуждалась в поливах (!)²⁶».

И, наконец, обратимся к удобрению пашни в земледелии балкарцев. И опять одно из обстоятельных свидетельств принадлежит Н.Ф. Грабовскому, который указав на ежегодное удобрение навозом и подачу необходимой влаги, описывает (одним из первых) затем операцию, сочетающую удобрение с поливом и дающую превосходный результат в улучшении плодородия: «для более верной надежды на урожай, эту воду пропускают на поля через нарочно сложенные кучи навоза, по направлению канавок. Благодаря этим способам удобрения горцы не знают неурожая, и поля их замечательны в том отношении, что между хлебом не встречается никаких сорных трав»²⁷. Побывавшие здесь позже Б. Миллер и М. Ковалевский также отметили, что «каждый удобный клочок земли тщательно уважен, возделан и орошен канавой»²⁸. Уже в начале XX в. другой наблюдатель – М.А. Иванов тоже говорит о «клочках» взятых у природы и констатирует, что каждый из них «расчищен из под леса, освобожден от камня, удобрен и орошен»²⁹. В исследовании Т.Х. Кумыкова по экономике и культуре Кабарды и Балкарии отмечается, что балкарцы «невзирая на большие трудности, орошали землю и удобряли ее навозом, строили каменные или плетневые ограды», и далее описывает способ удобрительного полива (вода, пропущенная через плотную кучу навоза)³⁰, о котором говорил Н.Ф. Грабовский. Современный исследователь К.Г. Азаматов пишет, что подзолистые и горнолуговые почвы балкарцев «истощались быстро, ввиду отсутствия севооборота (т.е. применения

уплотненного полеоборота – М.О.). Необходимо было ежегодно удобрять поля навозом». Он тоже указывает на два способа: доставка корзинами и разбрасывание и второй – «набивали навозом запруды оросительных канав, топтали его ногами и полученную эссенцию пускали на поля»³¹. В очерке о балкарцах в томе «Народы Кавказа» также упоминается, наряду с обычным удобрением (внесением навоза), постой скота и вышеназванный удобрительный полив³². Буквально то же сказано и в работе С.Н. Бейтуганова: «земля в Балкарии тщательно обрабатывалась, орошалась и удобрялась»³³.

Характерно, что и наблюдатели, и исследователи мало говорят о удобрении золой и особенно о выбросах из туалетов. Это не совсем понятно, зола, особенно в безлесных местах, а такие, хотя и не так широко как в Дагестане, были и на Северном Кавказе, являлась важным элементом удобрения. Речь идет не о золе, поучающей в результате огневой подсеки, это элемент одной системы и место ему в рамках подсечно-огневого земледелия. Мы имеем в виду бытовую золу, материал выгребания пода печи. Например, упомянутый нами известный исследователь земледелия Средней Азии И. Мухитдинов не только называет золу, но приводит и отводимую ей дополнительную роль – высушивание навозной жижи³⁴.

Напомним коротко механику использования бытовой золы – ежедневное высыпание в туалет, для образования удобрительной смеси, более пригодной для вывоза в качестве удобрения с точки зрения как механического состояния консистенции, так и гигиенических соображений. Отметим также, что мы не встретили упоминания о своеобразном удобрении, применяемом в Дагестане, и как оказалось во многих странах. В описании Е.И. Козубского оно готовилось так: сдирали дерн с известковых бугров, складывали на полях в кучи до сажени и более высотой. Подкладывали солому, в центре оставляли проделанное колом отверстие. Спустя год сжигают, полученный красновато-бурый порошок разбрасывают по полю³⁵. Сходное удобрение, применяемое на севере России, Прибалтике, Финляндии описано Н.И. Зибером: «Кубыш есть выжигание дерна на плотной земле, поросшей мелколесьем, мхом, сорными травами, кочками на старых выгонах и пр. Зажигают при помощи хвороста, бурьяна, соломы и поднятого плугом дерна»³⁶.

Относительно Закавказья мы уже приводили заключение А. Калантара, что удобрение полей было развито лишь в прилегающей к Дагестану части Восточной Грузии. Отчасти это компенсировалось тем, что в Закавказье большая часть земледельческих областей получила (как говорит так о большей части Северного Кавказа и Б. Калоев) достаточное количество осадков, особенно в западной части.

Другое объяснение мы рассматривали на примере Дагестана, заключающееся в дилемме стоявшей перед земледельцем – навоз нужен был и для топлива и для удобрения, хотя это положение довольно неожиданное для Закавказья, весьма богатого лесами, исключая разве что Армению. Это противоречие объясняет один из дореволюционных авторов, указывая на недостаточную эксплуатацию лесов. Это имело, по его мнению, «большое отрицательное значение, ею обусловливается недостаток дров, вследствие чего сельские хозяева вынуждены употреблять на топливо навоз». Вызывают интерес приводимые им цифровые выкладки: в губерниях Европейской России на удобрение идет 60% навоза, и такое удобрение является недостаточным, «в Закавказье же на удобрение вряд ли идет даже десятая часть навоза. Можно поэтому представить, сколько теряется производительности земли при таком удобрении». И это при том, что чуть выше речь шла о том, что если бы в России пашни были удобрены как в Западной Европе, то урожайность их повысилась бы в 2,5 раза³⁷. Еще другой автор – В.Н. Геевский – указывает, что в горной Грузии заготавливается много кизяка, и вследствие употребления навоза на топливо, не все участки удобряются, а только ближайшие к селениям³⁸. Раньше него и более категорично пишет об этом А. Гакстгаузен. В начале он утверждает, «что грузины не удобряют своих полей», а затем повторяет это в отношении Западной Грузии (Гурии): «земля не удобряется». Главное объяснение его заключается в том, что навоз служит вместо топлива³⁹. Следует полагать, что неудобряемые пахотные угодья приходится на безлесные, так и равнинные места с плодородной почвой, с достатком осадков или орошаемые.

Современные исследователи, в принципе не отрицая заключений вышеназванных авторов, особенно о Восточной Грузии, дают более разработанную и подробную картину этой стороны земледелия. В подтверждение вышесказанному о Восточной Грузии Т.Ш. Геладзе пишет, что здесь «в земледелии» «большое значение придавали удоб-

рению почвы навозом». Как и в Дагестане, на низменности удобрялись только многолетние насаждения и огороды, а в горах – пашни. «Там в тяжелых для земледелия условиях удобрение было необходимо для получения урожая»⁴⁰. Характерно, что именно «в горных районах Восточной Грузии» зафиксировал М.К. Гегешидзе удобрительное орошение, сходное с северокавказским горным, о котором мы говорили: «орошение раствором в воде навозом, или просто выносом навоза вместе с водой»⁴¹.

Аналогичные утверждения имеются о удобрении полей и в Западной Грузии. Так, И.Л. Бахтадзе считает, что здесь главной мерой для повышения производительности (!) почвы было везде удобрение. Для этого повсюду; особенно в горной части тщательно собирали навоз. Поскольку навоза на все участки нехватало, они удобрялись по очереди, погодно, но считалось, что в три года надо завершить удобрение всех участков, в противном случае (если участок оставался без удобрения, более 3-х лет) участок считался непригодным для посева⁴². Сходным образом говорит о удобрении в Западной Грузии Х.А. Вермишев: удобрение полей распространено, но ограничено из-за нехватки навоза, особенно в безлесных районах, т.к. в них большая часть навоза идет на топливо (например, в Ахалкалакском уезде). По его подсчетам, в названном уезде удобрялось 12,2% общего количества пахотных угодий, в Ахалцихском – побольше – 20,3%⁴³ (полагаем, что, исходя из утверждения предыдущего автора – И. Бахтадзе – это одногодовая часть (из трехлетнего цикла) удобряемых пахотных участков). Другой автор – Г.В. Джалабадзе – отмечает роль удобрения слоя почвы на участках пашни в Хеви («ущельях гор, в горных долинах») «поэтому местное население тщательно берегло навоз, используемый как для удобрения почв, так и как топливо»⁴⁴.

Тему экономии навоза и поиска средств для этой экономии продолжает Л.К. Бериашвили. В частности она указывает, что ввиду трудности завоза навоза на террасы, применялся постой скота («временных кормушек для скота, что способствовало возвращению почве плодородия»). Другой прием, который она описывает, очень распространенный в Дагестане при малоземелье, применение бобовых в полевом обороте для восстановления плодородия («бобовые культуры играли особую роль»)»⁴⁵.

Давая общую оценку земледелия в горах Грузии А.И. Робакидзе пишет – «Горное земледелие Грузии характеризуется тремя основными показателями – оно является орошаемым, навозным и террасовым». Правда, относительно Сванетии он замечает, что она отличается «отсутствием орошения и террасирования участков под зерновыми культурами». Интересно его последнее утверждение – это в общем-то почти повсеместное явление на Кавказе – террасы с подпорными стенами занимали обычно многолетние насаждения. А зерновые культуры занимали откосные террасы (и естественные и искусственные), которые в условиях нагорья в орошении не нуждались, отсюда и отмеченное им «отсутствие орошения»⁴⁶. Важное значение удобрения в Сванетии отмечают наблюдатели Р. Эристов (почвы без унавоживания «ничего не производят»), Б. Ковалевский («без ежегодного удобрения не жди урожая»)»⁴⁷. Правда, побывавший здесь раньше их А. Стоянов заметил, что хотя навозу очень много, «но в дело почти не употребляется»⁴⁸. Это можно объяснить двумя обстоятельствами, он действительно видел много навоза, но это было не время вывоза навоза на поля; он не учел, что часть навоза должна пойти на топливо.

На первый взгляд противоречивые, но объяснимые описания удобрения в Панкисском ущелье дают Л. Маргошвили и М. Кантария. Последняя пишет, что «пашни орошались, а местами даже и удобрялись», а первая начинает с заявления, что «кисты, подобно чеченцами и ингушам, никогда (!) не удобряли поля», но потом добавляет «на приусадебные участки с этой целью завозили навоз»⁴⁹.

Известный специалист по хозяйству Абхазии П.К. Чанба считает, что мнение дореволюционного автора о том, что абхазы не удобряли пашню – ошибочно, что они осуществляли «повышение плодородия почвы путем загона мелкого рогатого скота на место, огороженное щитами»⁵⁰. Относительно Аджарии авторы дореволюционного сборника «Весь Кавказ» отмечают, что «навозное удобрение применяется весьма редко», что объясняют очень слабым развитием стойлового содержания⁵¹. Однако для горной части Аджарии А.И. Робакидзе зафиксировал, как он сам пишет, «своеобразную систему унавоживания приусадебных участков» (выбросное окно хлева выходит на конец склонового пахотного поля, накопленный навоз перед пахотой разбавляют подведенной водой и направляют жижу по уклону участка). Эта система во многом сходна с той, которая была отмечена выше,

например, у балкарцев (мы назвали ее «удобрительным поливом»). А. Робакидзе считает даже, что этот способ определил гребневую линейную форму горных поселений⁵².

О удобрении полей у армян имеется авторитетное свидетельство И. Шопена, что «удобрение земли почти вовсе не нужно и не производится, разве иногда в садах и на бостанах», «навоз необходим лишь только как топливо»⁵³. (бостан – огород, бахча). В унисон с ним высказывается исследователь экономики крестьянского хозяйства Ф.Т. Марков – «удобрение почвы не производится во всем уезде». В холодной полосе мешает нужда в навозе как материале для топлива, в жаркой полосе удобрение получается от ила оросительной речной воды⁵⁴ (заметим, однако, что орошалась незначительная часть пахотных земель). Еще один наблюдатель XIX в. (1879 г.) М. Сагатов также считает, что «нагорные места не подвергаются никаким предварительным удобрениям для посевов»⁵⁵. С ним согласен и автор экономической истории армян М.А. Адонц: «Обычно земля не удобрялась. В большинстве районов Армении из-за отсутствия лесов навоз использовался не для удобрения земли, а из него готовили кизяк и употребляли в качестве топлива»⁵⁶. Однако другой исследователь (Л. Бабаян) считает, что армянский крестьянин «знал и технику удобрения»⁵⁷.

В отношении Азербайджана заключения почти такие же. Например, П.Н. Ягодинский свидетельствует, что пахотные земли не удобряют⁵⁸. Другой исследователь (А.Д. Ерицов) утверждает, что «искусственное удобрение пашен не было здесь применяемо», считали, что навоз способствует размножению сорных трав⁵⁹ (вспомним предубеждение русских крестьян, что навоз сушит почву). При вспашке убранного поля для озимых (уплотненный полеоборот) для удобрения полей выжигали жнивье. Этого не делали, если участок оставляли под залежь (ведь в таком случае он становится выгоном, а выжженное поле это далеко не место для выпаса). В принципе в степной полосе удобряли сады, в высотных районах «отчасти удобряли и пахотное поле»⁶⁰.

Известный знаток земледелия этой страны Г. Джавадов считает, что «население в земледельческом хозяйстве по мере возможности использовало навоз в качестве удобрения»⁶¹.

§ 2. Орошение (ирригация)

Теперь относительно ирригации. Как говорилось часть отечественных исследователей, особенно занимающихся (и хорошо знающих) земледелие на Востоке, в Азии (напр., Я.В. Чеснов) считает, на наш взгляд, небезосновательно, что в категориях земледельческой культуры, в частности в определении содержания системы земледелия, незаслуженно обойдена ирригация, являющаяся для многих регионов на Востоке решающим элементом земледельческого хозяйства и земледельческой культуры. И вообще, считают они, в принятом определении системы земледелия и ее видовой классификации отражены главным образом материал, опыт и эволюция земледелия западных и особенно восточно-европейских стран, в традиционном земледелии которых ирригация занимала небольшое место и поэтому не могла оказать существенного влияния на структуру и облик земледельческого хозяйства, на особенности земледельческой культуры⁶².

Известные нам материалы подтверждают обоснованность этих замечаний. Однако, когда велся этот разговор о недостаточности компонентов, учитываемых при определении содержания категорий земледельческой культуры, еще не заходила речь о понятии типа земледелия и о разграничении содержания и компонентного состава типа и системы земледелия. И в связи с этим закономерно возникает вопрос о том, к какой из категорий земледельческой культуры отнести ирригацию, исходя из положения к которому пришли, что тип земледелия это совокупность объектов, данностей, а система – совокупность мероприятий.

Вода, используемая для орошения это один из компонентов экосистемы, так же, как пахотное угодье, это тоже природная данность, существующая вне земледельца и его конкретных целей, так же, как участок земли, по которой она протекает, как рельеф особенности которого обуславливают ее использование и специфику ее утилизации, как климат и растительность, с которыми она тесно связана и даже обусловлена. Следовательно, это исходный материал, средство производства, объект труда. С другой стороны, для того чтобы использовать полезные свойства воды, ее надо подвести в пахотному участку, посеу, насаждениям, а для этого необходимо произвести подготовительные работы для создания ирригационных устройств, и

следовательно, имеется еще и овеществленный труд земледельца, средство производства и инструмент труда, относящиеся к довозделывательному этапу землепашества, и к типу земледелия. Однако, орошение, ирригация это одновременно и процесс, мероприятие, акт, процедура, и она имеет способы реализации, вполне целенаправленный характер, связанный с другими методами воздействия на плодородие, и в этом смысле следует говорить о системе земледелия. В связи с этим одна необходимая реплика: отдельные исследователи (напр. А.А. Шенников, один из наиболее глубоких исследователей земледельческой культуры), считают неправомерным включение в систему земледелия «водного режима», орошения, ибо они «не имеют прямого отношения к восстановлению плодородия»⁶³. Плодородный – означает способный родить, дать плод, плоды. Вода почти не изменяет качественного состава почвы, почва не становится богаче, жирнее, но однако условия для рождения плодов улучшаются, к тому же в воде тоже есть минералы, металлы, микроэлементы. Вода улучшает условия произрастания, ускоряя разложение органических ингредиентов, обогащает почву, удобряет ее, особенно в тех случаях, когда она несет много ила. Разве вода Нила не служит удобрением для египетских земледельцев?

То-же самое можно сказать о великих реках Индии, Китая, Индокитая и др. Пусть не в такой степени, но и вода Куры, Кубани, Аракса, Риони, всех Койсу, Самура, Улучая и др. рек Кавказа, попадая на обрабатываемые угодья, посевы, насаждения улучшает в целом плодородящие возможности почвы. Разве случайны гидропонные методы выращивания плодов, овощей, цветов? Поэтому мы склонны относить орошение к действию, улучшающему условия произрастания культурных растений, усиливающим плодородящие возможности земли, частично и за счет улучшения качественного состава почвы, увеличения насыщенности органикой и микроэлементами.

И в связи с этим заметим в скобках что земледelec ставит перед собой одну главную цель и задачу – получить наибольший урожай, и для этого он использует все доступные и возможные средства, и пар, и перелог, и залежь, и севооборот, и плодосмен, и удобрение и орошение и т.п. Лишь бы увеличить плодородящие (дающие урожай) возможности почвы земли, а как все это назвать, ему в общем-то все равно. И если орошение возможно, и оно увеличит урожайность его

поля – он его осуществит. И ради того чтобы извлечь с помощью обработки земли наибольший урожай, и чтобы урожай этот был бы наиболее подходящим для его жизненных условий, экономически наиболее целесообразным и выгодным, он пойдет и на дополнительные усилия, труд, жизненные неудобства. В высокогорье горец сеет ячмень, хотя знает, что вкусовые качества его гораздо хуже, но он здесь лучше растет, дает больший урожай, гарантирован от недозревания из-за ранних холодов, дает больше (и более качественную) соломку для скота. В Южном высокогорном Дагестане сеяли горох, который без долгого (целую неделю) вымачивания даже невозможно было употреблять в еду, настолько он был горький и даже ядовитый, но он давал неплохой урожай на самых худших пахотных участках и к тому-же, накапливая азот улучшал качества почвы, увеличивал ее плодородящие возможности для других культур – поэтому он был желанной посевной культурой. Но орошение это все таки действие, мероприятие, поэтому в отношении его мы будем говорить как о элементе системы земледелия, оставляя за типом земледелия воду (водоёмов) для орошения (в потенциале) и ирригационные сооружения, устраиваемые земледельцем задолго до орошения, до мероприятий системы земледелия и работ земледельческого цикла, т.е. в довозделывательный период.

Само же орошение, полив (главное в структуре ирригации) дополняет сезонно-погодное варьирование угодий и тем самым пополняет действия по сохранению или восстановлению плодородия – производительности почвы. Постараемся уточнить наши соображения на конкретных материалах. В Дагестане, поскольку большая часть его территории является аридной, орошение здесь необходимо почти везде, и практиковалось повсюду, где это было возможно, т.е. были источники воды и поливостпособные угодья.

Даже в равнинной части, где господствовала переложно-залежная система, использовалась малейшая возможность для организации полива пахотных угодий. В сел. Аксай, одном из самых обеспеченных угодьями, с господством залежной системы, категорически заявили, что орошение было, причем обязательно. В Ашага-Стале, где перелог сочетался с паром и для залежей земли было мало, также ответили положительно на вопрос о орошении. Категоричен был наш информатор из сел. Гелли (Шамхальство), который ответил,

что если не было воды для полива, вообще не сеяли (имеются в виду поливные участки угодий). Интересную информацию нам сообщили в сел. Джебел (Чиле) – удобрение было, но пар не удобрялся, зато орошение было обязательное, даже на верхних участках. По его словам старик из соседнего сел. Хакикент сказал его деду, что у вас (жителей Джебела) два божества – вода и аллах (именно в таком порядке). Было орошение и в таком земледельческом районе как Теркеме. В сел. Касумкент (Картас) орошение было только на некоторых участках, причем поливался именно пар (после высева зерна), а участки, где был невозможен полив – удобряли, т.е. пар сочетался с удобрением. В сел. Каякент (Гамри) очень четко отделяют угодья с залежной системой и поливные, и где было возможно орошение, залежь не практиковалась, был пар, причем с удобрением. В сел. Мюрего (Гамри) пахотоспособные угодья были на потоке, но орошаемые урочища делились по жребию на половину жителей села по очереди и на них практиковалась паровая система. Точно такой же порядок был и в соседнем сел. Утамыш (Гамри), одном из самых богатых в Дагестане по количеству пахотных земель. Эти примеры показывают, что сам факт возможности орошения снимает вопрос применения залежной системы, почти всегда исключает перелог и делает предпочтительным паровую систему, и в отдельных случаях (в предгорье) уплотненное варьирование использования угодий.

Однако материалы не дают достаточных оснований для того, чтобы сделать полив главным определяющим (разделительным) признаком системы земледелия и по этому признаку подразделять системы. Признак не может считаться дифференцирующим элементом (компонентом) понятия или субстанции на том только основании, что он является главным в одном из объектов (или понятий) в совокупности целого ряда однородных классифицируемых объектов. Однако, то что в каком-то из них он является главным различительным признаком должно быть отражено в классификации. В горной части и особенно в высокогорье орошение было мало распространено, поскольку осадков здесь было достаточно для богарного земледелия. Так нам и отвечали у дидойцев (союз Шуратль). Но была в высокогорье и другая причина – склоновые поля не были приспособлены для полива (почву смывало), даже дождевая вода представляла определенную угрозу в этом плане, поэтому в высокогорных селах при

вспашке участка (склонового), делали специальные зигзагообразные глубокие борозды – канавки поперек склона, чтобы потоки дождевой воды не стекали прямо по вспаханному склону, а огибали бы его несколько раз, производя дополнительное насыщение почвы влагой (просачивание из поперечной канавки) и предупреждая смыв почвенного слоя. Это представлялось необходимым на здешних слабых почвах с тонким гумусным слоем, и особенно на сланцевых землях. Орошение было более распространено, конечно, в горно-долинных селениях по всем Койсу, Самуру и их притокам, Чирахчаю, Курахчаю и др. Например, поливы были в союзах Хиндалал, Гидатль, Цудахар, Андалал, Мекеги Муги, Рутул, Курах, Ахты-пара, Докузпара, Ихрек и др. Но орошение бывало главным образом только в приречных селениях. Из 60 селений нагорья, в которых задавался вопрос о орошении, лишь в 6 ответили положительно о его бытовании. Во всем Даргинском округе только в трех селах имелось орошение. В общей сложности в горной части Дагестана орошалась одна восьмая часть пахотных угодий (на равнине – половина). Однако в отдельных местах нагорья если не общее количество, то процент орошаемых угодий был довольно высоким. Если, например, в равнинно-нижнепредгорном Темир-Хан-Шуринском округе орошалось 43% обрабатываемых земель, в Шамхальстве – 45%, то в союзе обществ Андалал (горном) орошаемая часть, пашни составляла 68%, а в высокогорном союзе Рутул – 48%⁶⁴.

Однако горная часть безусловно первенствовала в отношении технической организации орошения. Здесь строили местами довольно сложную и громоздкую систему ирригационных сооружений, особенно в горных долинах. Эти сооружения горцев вызывали восхищенное удивление приезжих наблюдателей.

Так описывают, например, русские офицеры М. Ковалевский и И. Бламберг подобные сооружения в долинах рек системы Койсу – «Во время летних жаров жители весьма искусно поливают оные (долины – М.О.) посредством пущенных из горных речек водопроводов, которые будучи направлены во все стороны и где нужно укреплены плотинами, совершенно достигают предназначенной им цели»⁶⁵.

О таких сооружениях имеется высказывание другого наблюдателя, известного ученого Д. Анучина: «около аула достоин внимания водопровод, доставляющий воду по трубам и желобам с другой сто-

роны реки на довольно значительное расстояние с гор. Такие искусственные системы орошения устраиваются жителями часто весьма искусно, при помощи простых приспособлений, на общественный счет»⁶⁶. Технику создания оросительной сети в долинном ауле (Хаджалмахи) описывает побывавший здесь в 1914 г. В.А. Аедоницкий – «Обычно в зависимости от наибольшей высоты культурной площадки, перехватывают на соответствующем уровне часть русла реки, отводят в арык и направляют в сады. Таких основных каналов бывает 2, 3 и больше; при вступлении на орошаемые площади они разбиваются на множество мелких рукавов, идущих по земле, то перекидывающихся по воздуху через балки и овраги, образуя воздушные сети». И как один из результатов этого действия – «небольшие вначале терраски сливаются друг с другом, где это можно, и местами получают целые рощи фруктовых деревьев»⁶⁷.

Относительно орошения на Северном Кавказе Б.А. Калоев считает, что оно было распространено «только у балкарцев и карачаевцев, а также в ряде мест Восточной Чечни и что орошение балкарцев и карачаевцев уходит своими корнями «возможно в аланскую эпоху»⁶⁸. Мы не возражаем против такого предположения, тем более, что не располагаем необходимым материалом, однако, непонятно, почему аланские традиции орошения не восприняли их прямые потомки – осетины, которые также обитали в горах по соседству с балкарцами. Далее Б.А. Калоев добавляет: «В других районах нагорного Северного Кавказа, где обычно выпадает большое количество осадков, искусственное орошение отсутствовало»⁶⁹. Это вносит некоторую ясность в вопрос о корнях орошения, но именно некоторую.

При изложении материала, об удобрении мы нередко сталкивались и с упоминаниями об орошении, поливах, поливках, вряд ли стоит возвращаться к ним. Ясно одно: орошение было только в горах, более других у балкарцев и карачаевцев, имевших экономически наиболее слабое, маломощное земледелие.

Относительно равнины тоже понятно – господствовавшая переложно-залежная система исключала орошение, оно появляется на равнине только с ее перерождением в переложно-паровую, а затем (довольно быстро) и в паровую систему.

Обращаясь к орошению в горском земледелии, вновь должны признать, что наиболее яркое описание орошения (у балкарцев) пред-

ставлено в работе Н.Ф. Грабовского: «в удел горцу достались только громады скал да изобилие воды. И вот, с помощью последней, он успел сделать то, что без особенных усилий достается жителям плоскости: у него оказались прекрасные, хотя и небольшие по пространству пахотные поля»⁷⁰. Что особенно необходимо отметить, речь идет не о примитивных напусках и отводах, напротив, констатируется сложная структура каналов и подчеркивается искусство их проведения. Например, уже упоминавшийся нами Я. Абрамов констатируя искусственное орошение у горцев Кавказа, добавляет, что если нет возможности провести водоводы по земле, «тогда их устраивают на воздухе, сооружая из дерева громадные желоба». В качестве примера он приводит Балкарские общества. А К.Г. Азаматов объясняет, чем была обусловлена необходимость орошения: осадки «не задерживались в каменистой почве». «Поэтому горцам приходилось прибегать к искусственному орошению»⁷¹.

Его слова подтверждает Н.П. Тульчинский который пишет, что в ущельях Балкарии «устроена целая сеть ирригационных каналов, искусно проведенных по очень гористым местностям»⁷², а другой наблюдатель замечает, что карачаевцы «опытные инженеры, и сооружение ими оросительных каналов производится по практическим соображениям, и воду они направляют на какую угодно высоту»⁷³.

Чуть позднее Н.А. Караулов говорит о хорошо поставленном орошении у балкарцев⁷⁴. О том какую большую роль играло орошение у карачаевцев и какое важное значение ему придавалось, свидетельствуют такие моменты, связанные с орошением: для наблюдения за состоянием канав и соблюдением порядка, в частности очередности, назначались специальные надзиратели; воду для орошения можно было проводить через чужой участок и даже фундамент дома без разрешения их владельцев; орошаемый участок пахотного угодия ценился в 8 раз дороже неорошаемого⁷⁵. В отношении равнинного земледелия уже говорилось, что на равнине, когда переложно-залежная система, распространенная здесь стала уступать свое место паровой, плодосмену, когда появилась кукуруза, полив посевов стал актуальным. По-видимому, не случайно орошение первым (в XVIII в.) появилось в равнинных аулах Чечни, которая раньше других освоила кукурузу. Е. Максимов (конец XIX в.) пишет, что «чеченская равнина

богато орошена текучими водами многих рек, впадающих в Сунжу»⁷⁶.

Развитое орошение на чеченской равнине отмечает и С.-М. Хасиев, который констатирует наличие крупных каналов из рек Аргун и Хулхулау (Аргунский – 26 верст, Миянтатал – 33 версты, Герменчукский – 10 верст) и разработанную терминологию орошения, татол (основной канал), карсол (отводной канал), харш (канава-арык), хинкорта (головное сооружение, чинг (плотина))⁷⁷.

Относительно Закавказья мы приводили уже суждение А.И. Робакидзе о трех основных показателях горного земледелия Грузии, и первым из них названо орошение. Более того, как отмечалось выше, с особенностями комплексного удобрительного орошения он связывает и особенности поселений (Аджария), и даже расселение по ущельям (Хеви) обусловлено, по его словам, «со значением орошения в сельскохозяйственной деятельности населения». Однако он констатирует «отсутствие орошения в Сванетии»⁷⁸. Подобное замечание относительно Хевсурети мы находим у Г. Джалабадзе (земли не орошались, поэтому время сева подбирали так, «чтобы дождь подоспел вовремя»)⁷⁹. Это означает, скорее всего, что положение с выпадением осадков было более или менее благополучным. Поэтому горное полевое (зерновое) земледелие было преимущественно богарным, а многолетние насаждения поливались (есть тут и фактор высотности, сады и виноградники находятся на нижних высотных поясах, где осадков меньше). Относительно полива многолетних насаждений приведем такой пример: один наш респондент в горно-долинном Дагестане, поливавший свои деревья после вчерашнего дождя, в ответ на мое недоумение сказал, что никакой, самый большой дождь не заменит для больших деревьев полива. Обычно большие деревья на участке поливали в несколько запусков – заполняли приствольный круг, переходили к другим деревьям, когда вода уходила в землю – наполняли круг снова и так до полного насыщения: земли водой. (Поэтому во времена колхозов деревья, в первую очередь большие, например, груша, стали хиреть и деградировать – и на удобрение и на полив были установлены нормы, и их надо было выполнять).

Возвращаясь к орошению в Грузии, отметим общие его особенности сформулированные в специальном исследовании М.К. Гегешидзе: искусственное орошение было почти во всех уголках Грузии;

в предгорье и нагорье была горная ирригация, с помощью родников, ручьев; в высокогорье оно связано с покосами; равнинное основано на больших ирригационных системах⁸⁰. Теперь несколько конкретных его положений: воду на равнине берут из рек на участки, находящиеся почти на уровне рек», в предгорье и горах русла глубокие, вести воду из рек на поля здесь невозможно; на Колхидской низменности чаще приходилось бороться с избытком воды, здесь применялся оригинальный метод осушения: заболоченных почв – напускалась вода из реки, ил осаждался, затем воду отводили и на месте образовывалась очень плодородная почва; делалось также запруживание воды для осаживания ила, помимо естественного осаживания при поднятии и опускании уровня воды в реке⁸¹.

Думается, автор допускает и отдельные натяжки, перенося в XIX в. особенности орошения более позднего времени. Например, по свидетельству Х.А. Вермишева вся Ахалкалакская нагорная равнина и горные села Ахалцихского уезда не имели орошения, полив был только в низменных местах⁸². Более корректными мы считаем особенности, которые считает характерными для Грузии Л. Бериашвили – а) крупные реки находились в глубоких ущельях и для отвода воды были недоступны, в виду чего использовались для этого горные речки и ручьи, б) «в большинстве случаев «лари» (террасы М.О.) не орошались»⁸³, это характерная черта горных откосных трасс с зерновыми посевами, о чем уже говорилось. Орошение в Панкисском хеви («пашни орошались») констатирует М.В. Кантария⁸⁴.

О Армении уже цитированный нами наблюдатель М. Сагателов свидетельствует, что «только в низменных местах производится некоторое орошение». Он говорит «о больших пространствах земель, остающихся бесплодными и безлюдными вследствие недостатка воды для орошения», и о том как десятина степного участка не имевшая до появления полива «почти никакой стоимости, сразу была оценена в 50 руб.»⁸⁵.

Современный исследователь Л. Бабаян также считает, что для Армении во все эпохи «главной предпосылкой развития сельского хозяйства являлось орошение»⁸⁶. Исключительную роль орошения в Армении первой половины XIX в. рисует И. Шопен. Он связывает с ним возможность паровой системы, уплотненного полеборота, он поясняет, что залежь приходится оставлять там, где невозможен по-

лив. Он добавляет, что в знойной полосе (Араксинская низменность с Араратской и др. долинами) «при основании новой деревни – первый, но самый значительный труд посвящается отрытию поливных канав» и последующее создание оросительной сети⁸⁷.

Еще один автор XIX в. (Ф.Т. Марков) говорит о обилии воды в северной части этой (знойной) полосы, которая дает возможность «не рискуя истощением почвы, ежегодно возделывать каждый клочок земли»⁸⁸ (уплотненный полеоборот!). Однако, если оценивать общую обстановку на равнине в то время, более корректной представляется оценка А. Хан-агова, который указав, что в низменной полосе было на хозяйство свыше 4-х дес. пахотной плодородной земли (что совсем немало), добавляет, что их полновесному использованию препятствует «ощутительный недостаток оросительной воды»⁸⁹. Однако, постепенно нижние части ущелий с их аллювиальными и вулканическими почвами становятся центрами орошения⁹⁰.

Как и в Армении, предпосылкой освоения больших степных пространств Азербайджана, например, в Куринской низменности, было орошение. Как пишет Г. Джавадов, «орошаемые земли в Азербайджане составляли большую часть посевных участков». Из 3-х млн. дес. плодородных земель 1700 тыс. дес. нуждалось в орошении. Иными словами, 57–63% годных для посева участков давали урожай благодаря орошению»⁹¹.

Г. Гулиев также отмечает жизненное значение для хозяйства азербайджанских крестьян орошения. О традиционности, распространенности орошения свидетельствует и разработанная народная терминология орошения, с подразделением на системы и способы. Системы: речная (самая характерная и распространенная), родниковая, водосемная, кяхризная, колодезная. Особое значение придавалось сооружению главного канала (баш ганов). Способы: напуском, арычный (архла суварма), затоплением (басма), чальный, т.е. лиманный (чала), подпочвенный (торпаг алты). Однако в средней и нагорной полосе в XIX в. по словам наблюдателей, поля не орошались⁹³.

Таким образом, орошение также явилось одним из тех элементов, которые разрушили залежную систему, и стали составной частью новых систем, или их разновидностей. Так новой разновидностью стала паровая система с применением орошения.

Если вспомнить, что паровой участок с унавоживанием ценился вчетверо дороже обычного, а орошаемый – в 8 раз, чем неполивной, ясно, что вкуче, в комплексе они могли решить задачу сохранения плодородия почвы на уровне среднедолгой залежи. Поэтому орошение, такой важный компонент системы, влияющий решающим образом на степень производительности почвы (угодия), должен повлиять и на номинацию субсистем, хотя и не является критерием разделения (различения) базовых систем. И одной из них стала субсистема, которую обычно называют пароросительной, или паровой оросительной системой. И она надолго, включая и советское (колхозное) время, стала господствующей системой на равнинных просторах Кубани, Терека, Сунжи и Судака, Куры, Аракса, Риони и др.

Таким образом, удобрение и орошение, по существу не являясь разделительными критериями, тем не менее, вносят в качестве дополнительных компонентов радикальные изменения в подвиды системы. В результате они становятся компонентами – преобразователями, а также критериями, разделяющими, отделяющими новообразованные субсистемы в рамках и на фоне основных базовых систем. Так, благодаря обязательному удобрению стала возможной система уплотненного варьирования пользования угодьями, а внедрение орошения на равнине привело к образованию новой субсистемы – пароросительной.

Наш обзор систем земледелия Кавказа показал, что народы региона в рамках земледельческо-скотоводческого и местами скотоводческо-земледельческого хозяйства проявив глубокое понимание экологической и экономической ситуации, проблемы производства и воспроизводства продукции и населения, возможности внешних обменных связей, самодостаточности и взаимной зависимости в своих экологических нишах, показали хорошую изобретательность в выборе наиболее адекватных объективным условиям систем земледелия.

Каждая выбранная система, представляет собой совокупность действий, оптимальную в данных условиях, отвечающую, во-первых, объективным данностям природно-географической среды, и во-вторых, на фоне этих условий обеспечивающую достаточную продуктивность угодий, при рациональной организации и наименьших затратах труда, а также минимальных экономических расходах.

В ходе предварительного уточнения интерпретации понятия системы земледелия, мы пришли к заключению, что положение о положительном воздействии на плодородие почвы (поддержание, сохранение, восстановление) как целевом содержании системы земледелия, является справедливым. Однако в структуре системы главным мы считаем; варьирование использования угодий. В нашем понимании рабочая формулировка определения системы земледелия выглядит таким образом: совокупность действий земледельца, имеющая целью получение устойчивого высокого (или средненормального) урожая на протяжении нескольких лет, посредством использования и поддержания среднего уровня плодородящих возможностей и производительности пахотных угодий, путем пространственно-временного варьирования способов и интенсивности использования пахотоспособных угодий, а также удобрения и ирригации.

Перед рассмотрением систем мы еще раз уточнили соотношение между типом и системой земледелия, их принципиальное различие при органической взаимосвязанности (тип-комплекс вещных компонентов, система – совокупность действий).

Отметим еще, что следуя земледельческой практике и традициям этнографического изучения земледелия, мы ввели в число базовых и паровую систему, и их перечень выглядит, в результате, следующим образом, переложная, паровая, подсечная. Все остальные – это их производные, варианты, subsystemы, комбинации.

Наиболее распространенной в исследуемый период, особенно на Северном Кавказе, охватывающей наибольшие площади, многоликой и многовариантной была переложная система (подвиды – subsystemы: переложно-залежная, малый перелог, переложно-двухпольная общесельская, переложно-паровая трехпольная).

Самой массовой из ее subsystemов была переложно-залежная, распространенная на обширных степных и нижнепредгорных пространствах региона. Суть ее заключалась в частой смене используемых под посевы участков, которые оставались под длительную залежь (до 25–30 лет) для «отдыха», восстановления плодородия. Чем больше пахотных угодий, тем длительнее залежь. Основа системы, таким образом, большой достаток пахотоспособных земель; а обуславливающие факторы охватываются понятием экономической целесообразности: малорасходность, высокая рентабельность, необходимая при су-

ществовавшей в исследуемое время дешевизне продуктов, наличие или отсутствие первоначального капитала (орудие, упряжь, рабочий скот), спрос на рынке зерна и т. п. Была поэтому более распространена на больших пространствах равнин и предгорий, у адыгов, особенно кабардинцев, абазин, кумыков, азербайджанцев, грузин, абхазов и др.

Начала вытесняться в пореформенное время, с ростом товарного производства зерна и плотности населения, технической оснащенности и агрономической обеспеченности земледельческого хозяйства.

Другой вид переложной системы – малый перелог, полная противоположность залежной системе. В отличие от нее, он характерен для малоземельных мест, является вынужденным из-за малоземелья, более распространен в высокогорье, где много малоплодородных каменистых участков, за которыми трудно осуществлять полномасштабный уход, особенно внесение удобрений.

Следующий вид переложной системы – переложно-двухпольная общесельская. Суть ее – в делении всех обрабатываемых угодий поселения на две половины, одна из которых отводится под сельские выгоны. Также обусловлена недостатком угодий, но уже не только пахотных, но и «выпасных». В этом отношении – симбиотичности со скотоводством, сродни залежной системе, органически сочетающейся с коневодством и скотоводством.

И последний вид перелога – трехпольная комбинированная переложно-паровая система. Она заключается в делении фонда пахотных земель на три части: основная озимая культура, яровая и перелог, со строго последовательной сменой их назначений по годам. Это трехполье принято называть паровым, однако мы попытались показать, что в ее основе лежит именно перелог (годовой), а не пар, который занимает только часть этого года, а иногда и только часть площади перелога. Но наличие (хотя и дополнительного) пара требует внесения его в номинацию (перелог с паровой вспашкой, паровой перелог). Перелог выступает здесь в качестве базового системообразующего элемента, составляя в структуре системы ведущий компонент. Это наиболее универсальная и многоэлементная система, способная вобрать в себя многие, увеличивающие эффект повышения плодородия, элементы других систем. Зародившись в недрах горного земледелия, к концу XIX в. вытеснила на равнине залежную систему, постепенно превращаясь в паровое трехполье и многополье.

Другая базовая система – паровая, (субсистемы: паровая, паровая севооборотная и отчасти уплотненный полеоборот) это вспаханное поле, не занятое посевом в течение вегетационного периода (или его части). Мы пытаемся показать, что ряд моментов (повторные вспашки, ускоряющие гниение сорняков, аккумуляция влаги, выпас скота и др.) дают основание считать пар системой. Она универсальна, легко сочетается с другими системами или их элементами, очень продуктивна в сочетании с удобрением или орошением. Именно в силу этой универсальности мы сочли нецелесообразным рассматривать все ее варианты, образуемые сочетанием с удобрением, поливом, плодосменом и др. Поэтому специально рассматривается только паровая севооборотная система, и то потому, что севооборот часто смешивают с плодосменом, который без пара или севооборота системой не является, так же как и севооборот без пара не система.

Немалое внимание уделено системе, которая заключается в уплотненном варьировании использования угодий (уплотненный полеоборот). Несмотря на отсутствие единого базового основания, она может считаться системой, так как это целостная совокупность, имеющая конкретную цель, и заключающая в себе основной признак системы – варьирование использования угодий.

Суть системы в нагромождении, уплотнении использования угодий. Естественно, что она встречается в самых малоземельных местах, и очень даже естественно, что в рамках системы применяются все возможные действия, долженствующие смягчить жесткость эксплуатации угодий (удобрение, кратковременная, паровая вспашка, зяблевая вспашка, полив и др.). В этом ряду главным из них, и в значительной степени условием существования системы, является удобрение,

Подсечная система в принципе напоминает залежную - высвободив от леса участок, используют для сева, как только появляются признаки истощения почвы, участок оставляют и переходят на другой. Использованный участок оставляют на вырост нового леса (растительности) и вновь используют, организуя подсеку. Особенности северокавказского и закавказского подсечного земледелия в отличие от Дагестана: распространенность, сочетание с террасостроительством.

Нами сделана попытка показать на общекавказском материале, что подсечное земледелие имеет элементы, как системы, так и типа земледелия. В связи с этим выделены три подвида системы: 1. классический, с полным залежным оборотом, варьирование которого, имеет удобрительный характер и направлено на восстановление плодородия почвы, характерен для равнинных и нижнепредгорных обширных, относительно влажных лесных пространств; 2. угодийный, или паровой, как правило, вплетается в уже функционирующую паровую систему, нацелен на приращение, увеличение пахотного участка, маломасштабен, встречается и в виде хуторской заимки (Дагестан Карачай, Азербайджан); 3. подсечно-террасный, сочетается с террасостроительством, тоже угодийный, относящийся преимущественно к типу земледелия.

В связи с третьим видом затронуто и террасостроительство. Считаем, что материал подтверждает наше заключение, опирающееся на высокий авторитет акад. Н.И. Вавилова, о том, что террасостроительство направлено на увеличение площади пахотоспособных угодий, и не имеет отношения к мерам по восстановлению плодородия, т.е. это тип земледелия.

Последней рассматривается, лиманная система, суть которой в использовании плодородия, порожденного паводковым увлажнением, более развита в Азербайджане и Западной Грузии.

1. *Калантар А.А.* Состояние скотоводства на Кавказе // МУКЛЗПИСК. II. Тифлис, 1890. С. 28.

2. *Жан-Шарль де Бесс.* Путешествие в Крым, на Кавказ, в Грузию, Армению, Малую Азию и в Константинополь в 1829 и 1830 гг. // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. Нальчик, 1974. С. 343.

3. *Карл Кох.* Путешествие по России и в Кавказские земли // Там же. С. 617; *Клапрот Г.Ю.* Путешествие по Кавказу и Грузии предпринятое в 1807–1080 гг. // Там же. С. 268.

4. *Бларамберг И.Ф.* Историческое, топографическое, статистическое, этнографическое и военное описание Кавказа // Там же. С. 367.

5. *Хан-Гирей.* Записки о Черкессии. Нальчик, 1978. С. 61, 257.

6. *Лавров Л.И.* Абазины (Историко-этнографический очерк) // КЭС. I. М., 1955. С. 19.

7. *Калоев Б.А.* Моздокские осетины. Хозяйство и хозяйственный быт // КЭС. VII. М., 1980. С. 77.

8. История Кабардино-Балкарской АССР с древнейших времен до наших дней. Т. I. М., 1967. С. 197.

9. Очерки истории Карачаево-Черкессии. Т. I. Ставрополь, 1967. С. 317.

10. *Бродель Фернан*. Материальная цивилизация, экономика и капитализм. XV–XVIII вв. Т. I. Структуры повседневности: возможное и невозможное. М., 1986. С. 332.

11. *Калоев Б.А.* Земледелие народов Северного Кавказа. М., 1981. С. 72. С непрерывной обработкой земли связывает удобрение и С.-М. Хасиев: «В горных и высокогорных зонах непрерывная эксплуатация пахотных участков компенсировалась систематическим внесением органических удобрений» – *Хасиев С.-М.* Земледелие чеченцев и ингушей в XIX – первой четверти XX в. (К проблеме истории земледелия народов Северного Кавказа). Автореф. канд. дисс. М., 1973. С. 8.

12. *Калантар А.А.* Состояние скотоводства на Кавказе // МУКЛЗПИСК. II. Тифлис, 1980. С. 28, 197.

13. *Кумыков Г.Х.* Вовлечение Северного Кавказа во всероссийский рынок (По материалам Кабардино-Балкарии, Северной Осетии и Чечено-Ингушетии). Нальчик, 1962. С. 17; Народы Кавказа. I. С. 348; *Абрамов Я.* Кавказские горцы. Краснодар, 1927 (из журн. «Дело» 1884. № 1. С. 15). Подобной же точки зрения придерживается в отношении чеченцев и ингушей и М.В. Кантария. Она даже считает, что одним из определяющих признаков качества пахотного участка, который и определял его цену, была степень и объективно существующая возможность унавоживания. Конкретизируя свое высказывание, она говорит о специальных ямах для накопления навоза, о том, что «на истощенных землях с целью оплодотворения порой устраивали стойбища» для овец, «навоз которых считался особо ценным и высококачественным». Кстати, к последнему утверждению у нее есть очень характерное добавление, имеющее прямое отношение к доставке навоза на труднодоступные участки – этим самым, считает она, снимался «сложный трудоемкий вопрос транспортировки» навоза. Характерно, что положение с унавоживанием у чеченцев и ингушей она уподобляет таковому у адыго-кабардинцев, осетин, балкарцев – *Кантария М.В.* Агркультурные способы полеводства в Чечено-Ингушетии // КЭС. IV. Тбилиси, 1986. С. 61, 63, 64.

14. *Мартиросиян Г.К.* Нагорная Ингушия. Социально-экономический очерк. Владикавказ, 1928. С. 97; *Борчашвили Э.А.* Социально-экономические отношения в Чечено-Ингушетии в XVIII–XIX вв. Автореф. докт. дис. Тбилиси, 1988. С. 16.

15. *Грабовский Н.Ф.* Экономический и домашний быт жителей горского участка Ингушевского округа // ССКГ. III. Тифлис, 1970. С. 10, 11.

16. *Кланрот Г.Ю.* Путешествие по Кавказу и Грузии, предпринятое в 1807–1808 гг. // Осетины глазами русских и иностранных путешественников. Орджоникидзе. 1967. С. 171.

17. *Магомедов А.Х.* Культура и быт осетинского народа. Историко-этнографическое исследование. Орджоникидзе, 1968. С. 55, 56; *Берозов Б.П.*

Переселение осетин с гор на плоскость (XVIII–XX вв.). Орджоникидзе, 1980. С. 23; *Кантария М.В.* Некоторые вопросы земледельческого быта в горной Осетии // КЭС. Т. V. Вып. 3. С. 108, 116.

18. *Калоев Б.А.* Осетины (Историко-этнографическое исследование). М., 1971. С. 75; он же. Моздокские осетины. С. 77.

19. *Хан-Гирей*. Указ. раб. 1978. С. 61, 257.

20. *Алибердов Т.Д.* Из истории земледелия у адыгов // УЗ Адыг. НИИ ЯЛИ. Т. VIII. Этнография. Майкоп, 1968. С. 46; *Абрамов Я.* Указ. раб. С. 15; *Тхагушев Н.* Адыгейские сады. Майкоп, 1956. С. 17.

21. *Сысоев В.М.* Карачай в географическом, бытовом и историческом отношении. Тифлис, 1913. С. 88–89, 92.

22. *Иваненков Н.С.* Карачаевцы // Изв. общества любителей изучения Кубанской области. Вып. V. Екатеринодар, 1912. С. 65.

23. *Невская В.П.* Социально-экономическое развитие. Карачая в XIX в. (до реформенный период). Черкесск, 1960. С. 53.

24. *Бесленев А.Д.* О земледелии у горцев Кубанской области в 70–90 г. XIX в. // УЗ Адыг. НИИ ИЯЛ. Т. XIII. История и география. Майкоп, 1971. С. 400.

25. *Шаманов И.М.* Земледелие и земледельческий быт карачаевцев // Из истории сельского хозяйства Карачаево-Черкессии. Черкесск, 1971. С. 70, 71; *Карачаевцы*. Историко-этнографический очерк. Черкесск, 1978. С. 75, 76; *Калоев Б.А.* Моздокские осетины. С. 77.

26. *Калоев Б.А.* Осетины. С. 75. Отсутствие удобрений на равнине у чеченцев и ингушей отмечает и *С.-М. Хасиев*. Указ. раб. С. 8.

27. *Грабовский Н.Ф.* Экономическое положение зависимых сословий Кабардинского округа. // ССКГ, 1870, III. С. 6.

28. *Миллер Б., Ковалевский М.* В горских обществах Кабарды // Вестник Европы. Кн. 4. СПб., 1884. С. 46.

29. *Иванов М.А.* В ущелье реки Баксана // Изв. КОИРГО. XV. 1. Тифлис, 1902. С. 15.

30. *Кумыков Т.Х.* Экономическое и культурное развитие Кабарды и Балкарии в XIX в. Нальчик, 1965. С. 65.

31. *Азаматов К.Г.* Основные черты хозяйственного и общественного строя балкарцев в первой половине XIX в. УЗ КБГУ. Вып. 32. Нальчик, 1966. С. 136.

32. Балкарцы // Народы Кавказа. I. М., 1960. С. 272–273.

33. *Бейтуганов С.Н.* К вопросу о распространении сельскохозяйственных знаний в Кабарде и Балкарии во второй половине XIX – начале XX в. // Этнография народов Кабардино-Балкарии. Вып. I. Нальчик, 1977. С. 92.

34. *Мухитдинов И.* Земледелие памирских таджиков Вахана и Ишкашима. М., 1975. С. 69, 70.

35. *Козубский Е.И.* Дагестанский сборник. Вып. I. Темир-Хан-Шура, 1902. С. 22.

36. *Зибер Н.И.* Очерки первобытной экономической культуры // Избр. экономические произведения в 2-х т. Т. 2. М., 1959. С. 42.

37. *Аракский И.* В Закавказье. Очерки СПб., 1910. С. 116.
38. *Геевский В.Н.* О состоянии скотоводства в верховьях Терека и Белой Арагвы // МУКЛЗПИСК. I. Тифлис, 1887. С. 272.
39. *Гакстегаузем А.* Закавказский край. Заметки о семейной и общественной жизни и отношениях народов, обитающих между Черным и Каспийским морями. СПб., 1857. Ч. I. С. 57, 144.
40. *Геладзе Т.Ш.* Формы коллективного труда в земледелии Восточной Грузии. Тбилиси, 1987. С. 32.
41. *Гегишидзе М.К.* Орошаемое земледелие в Грузии (опыт историко-этнографического исследования). Тбилиси, 1990. С. 98.
42. *Бахтадзе И.Л.* Экономический быт государственных крестьян Рачинского уезда Кутаисской губернии // МИЭБГКЗК. Т. II. Ч. 1. Тифлис, 1886. С. 51–52.
43. *Вермишев Х.А.* Экономический быт государственных крестьян в Ахалцихском и Ахалкалакском уездах Тифлисской губернии // Там же. Т. III. Ч. 2. Тифлис, 1886. С. 152–153.
44. *Джалабадзе Г.В.* Полеводческая культура Грузии (Историко-этнографическое исследование). Автореф. докт. дисс. Тбилиси, 1972. С. 36.
45. *Бериашвили Л.К.* Традиции освоения и защиты земли в Грузии. Автореф. докт. дисс. Тбилиси, 1991. С. 17, 39; она же. Полеводство в Месхети (по этнографическим материалам). Автореф. канд. дис. Тбилиси, 1973. С. 14.
46. *Робакидзе А.И.* Основные черты хозяйственного быта в Сванети. Тбилиси, 1990. С. 53.
47. *Эристов Р.* Заметки о Сванети. Тифлис, 1898. С. 24; Ковалевский Б. Страна снегов и башен. Свания. Л., 1930. С. 57.
48. *Стоянов А.И.* Путешествие по Сванети // Зап. КОИРГО. IX. 1. Тифлис, 1876. С. 334.
49. *Кантария М.В.* Из истории хозяйственного освоения Панкисского ущелья кистами // КЭС. VII. Тбилиси, 1988. С. 34, 35; *Маргошаили Л.Ю.* Культурно-этнические взаимоотношения между Грузией и Чечено-Ингушетией. Тбилиси, 1990. С. 89.
50. *Чанба Л.К.* Об эмпирических знаниях дореволюционного абхазского земледельца // Изв. Абхаз. ИЯЛИ. Т. II. Тбилиси, 1973. С. 196; Земледелие и скотоводство у абхазов. С. 8, 9, 12.
51. Весь Кавказ. Составил и издал М.С. Шапсович. Баку, 1914. С. 238.
52. *Робакидзе А.И.* Традиционные формы поселения в Аджарии // Очерки этнографии Аджарии. Тбилиси, 1982. С. 19.
53. *Шопен И.* Исторический памятник состояния Армянской области в эпоху ее присоединения к Российской империи. СПб., 1852. С. 735, 736.
54. *Марков Ф.Т.* Экономический быт государственных крестьян Эриванского уезда // МИЭБГКЗК. Т. III. Ч. 1. Тифлис, 1886. С. 86.
55. *Сагатов М.* Экономические очерки Эриванской губернии и озеро Гокча. Тифлис, 1879. С. 36.

56. *Адоңц М.А.* Экономическое развитие Восточной Армении в XIX в. Ереван, 1957. С. 151.
57. *Бабаян Л.О.* Социально-экономическая и политическая история Армении в XIII–XIV вв. Автореф. докт. дисс. Ереван, 1962. С. 24.
58. *Ягодынский П.М.* Экономический быт государственных крестьян в Бакинском уезде // МИЭБГКЗК. Т. I. Ч. 4. Тифлис, 1885. С. 484.
59. *Ерицов А.Д.* Экономический быт государственных крестьян Казахского уезда // Там же. Т. II. Ч. 2. Тифлис, 1886. С. 158.
60. *Абелов Н.А.* Экономический быт государственных крестьян Геокчайского и Шемахинского уездов Бакинской губернии // Там же. Т. VI. Ч. 2. Тифлис, 1887. С. 127.
61. *Джавадов Г.Д.* Народная земледельческая техника Азербайджана. Баку, 1989. С. 60.
62. *Ср. Чеснов Я.В.* Социально-экономические уклады и этнические традиции в агроэтнографии // СЭ, 1972. № 4. С. 69–70.
63. *Шенников А.А.* Крестьянские усадьбы среднего Поволжья и Прикамья с XVI до начала XX в. // Этнография народов Восточной Европы. Л., 1977. С. 4.
64. *Османов М.О.* Хозяйственно-культурные типы (ареалы) Дагестана (с древнейших времен до начала XX в.). Махачкала, 1996. С. 153–154.
65. *Ковалевский М.К., Бларамберг И.Ф.* Описание Дагестана. 1831 г. // ИГЭД. С. 307.
66. *Анучин Д.Н.* Отчет о поездке в Дагестан летом 1882 г. // Изв. ИРГО. Т. XX. Вып. 4. СПб., 1884. С. 430.
67. *Аедоницкий В.А.* Из поездки в Дагестан летом 1914 года. // Естествознание и география. 1916. № 8–10. С. 2.
68. *Калоев Б.А.* Земледелие народов Северного Кавказа. С. 64.
69. Там же. С. 66.
70. *Грабовский Н.Ф.* Экономическое положение бывших зависимых сословий Кабардинского округа. С. 5.
71. *Абрамов Я.* Указ. раб. С. 15; *Азаматов К.Г.* Указ. раб. С. 136.
72. *Тульчинский Н.П.* Пять горских обществ Кабарды // Терский сборник. Вып. V. Владикавказ, 1903. С. 181.
73. *Тюркское племя* // Кубанский сборник. Т. IV. Екатеринодар, 1910. С. 292.
74. *Караулов Н.А.* Болкары на Кавказе // СМОМПК. XXXVIII. Тифлис, 1908. С. 143.
75. *Карачаевцы.* Историко-этнографический очерк. С. 74.
76. *Максимов Евг.* Чеченцы. Историко-этнографический очерк // Терский сборник. Вып. III. Кн. 2. Владикавказ, 1893. С. 12.
77. *Хасиев С.-М.А.* Указ. раб. С. 9.
78. *Робакидзе А.И.* Основные черты хозяйственного быта в Сванети. С. 53; он же. Поселение как источник изучения общественного быта // VII МКАЭН. М., 1964. С. 4.

79. Джалабадзе Г.В. Указ. раб. С. 33.
80. Гегешидзе М.К. Орошаемое земледелие в Грузии (опыт историко-этнографического исследования). Тбилиси, 1990. С. 259, 260.
81. Там же. С. 97, 98, 100–101, 120, 130.
82. Вермишев Х.А. Указ. раб. С. 155–156.
83. Берцишвили Л.К. Полеводство в Месхети. С. 15; она же. Традиции освоения и защиты земли в Грузии. С. 17.
84. Кантария М.В. Из истории хозяйственного освоения Панкисского ущелья кистами. С. 34.
85. Сагателов М. Указ. раб. С. 7, 12, 36.
86. Бабаян Л.О. Социально-экономическая и политическая история Армении в XIII–XIV вв. М., 1969. С. 25.
87. Шопен И. Указ. раб. С. 736–737.
88. Марков Ф.Т. Экономический быт государственных крестьян Эриванского уезда // МИЭБГКЗК. Т. II. Ч. I. Тифлис, 1886. С. 86.
89. Хан-агов А.Е. Экономический быт государственных крестьян в Эчмиадзинском и Сурмалинском уездах Эриванской губернии // Там же. С. 308.
90. Гегешидзе М.К. Указ. раб. С. 169.
91. Джавадов Г.Д. Народная земледельческая техника Азербайджана. Баку, 1989. С. 61.
92. Гулиев Г.А. Земледельческая культура Азербайджана (историко-этнографическое исследование). Автореф. докт. дисс. Баку, 1968. С. 21, 22, 25.
93. Котляревский П.В. Экономический быт государственных крестьян северной части Кубинского уезда Бакинской губернии // МИЭБГКЗК. Т. II. Ч. I. Тифлис, 1886. С. 346.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Попытаемся теперь подвести некоторые итоги нашего исследования.

Как говорилось, первоначально наша работа мыслилась и исполнялась в рамках изучения типов и систем земледелия народов Дагестана. Однако опыт работы над темой показал, что развертывание исследования типов и систем земледелия требует более широкого фона, территориального, этнического, хозяйственного и, разумеется, земледельческого.

Это диктовалось и тем обстоятельством, что некоторые положения и отчасти результаты работы выходили за рамки научных традиций отечественной этнографии и поэтому требовалось их подтверждение на более широком, объемном, разнородном и соответственно представительном общекавказском материале.

Мы считали, что подобная представительность, охватывающая масштабность исследования, включая параметры территориальные и демографические; представленность разных по происхождению, этнической и экономической истории этносов; разнообразие природно-географических зон и экологических ниш этносов; разные сочетания этносов и их экологических ниш, с множеством их соотношений (один этнос – несколько разных зональных ниш, одна зона – несколько этносов, или же разные этносы – разные ниши); степень диффузности элементов земледельческой культуры (между сходными и различающимися зонами с разным составом этносов, между этносами с разными нишами) и т.п. позволит убедительнее, глубже и доказательнее осветить неисследованные (или недоработанные) вопросы (проблемы) о типах и системах земледелия.

Имелось также в виду, что на Кавказе представлены этносы с разными масштабами и уровнями развития земледельческой культу-

ры, в том числе такие народы с древнейшими глубокими сельскохозяйственными традициями, как армяне или грузины.

Некоторые предварительно сформулированные положения работы нуждающиеся дальнейшей разработке и более определенных заключениях (например, о разделительных критериях типа и системы земледелия; о видовом месте террасостроительства, некоторых форм подсечного земледелия и ирригации относительно типа и системы и др.) также требовали более представительного и многообразного материала и соответственно исследовательского фона.

Первоначальным толчком для нашей работы послужили определённые затруднения, возникшие у нас в процессе изучения сельскохозяйственных компонентов ХКТ.

Оказалось, что часть их, будучи важными составными элементами ХКТ, во многом определяющими их компонентный состав, структуру и даже номинацию, в самой сельскохозяйственной культуре не имели своего определённого места и терминологической определённости. Сложилась такая ситуация, что эти важнейшие элементы сельскохозяйственной культуры оказались или обезличенными, или включенными в компонентный состав других элементов сельскохозяйственной культуры, что затрудняло их идентификацию, создавало неясности и путаницу в номенклатуре элементов земледелия. Наибольшие сложности возникли при попытках определить место и видовую номинацию пахотного угодья и пахотного орудия, важнейших компонентов ХКТ, определяющих главное содержание сельскохозяйственных ХКТ. Оказалось, что являясь такими существенными и важными компонентами на более высоком таксономическом уровне, в ХКТ, «так сказать, в гостях», они остались неклассифицированными и безымянными в своей родной отрасли, «у себя дома». При этом оказалось также, что в научно-литературной традиции эти элементы нередко включали в содержание сельскохозяйственной категории «система земледелия».

Между тем самый первоначальный поверхностный анализ вроде бы показывал, что ни угодье, ни орудие по своим сущностным и формальным признакам не вписываются в содержательные компонентные рамки системы земледелия. Таким образом, сопряженная пара угодье и орудие, фактически главная константа земледелия и сельскохозяйственной культуры, выступающая определяющим компонентом сельскохозяйственных ХКТ структур более высокого типового уровня,

сама осталась без обозначенного места и определения. Само по себе это не так уж и страшно, мало ли компонентов составляют сложные структуры не имея «своей» номинационной идентификации.

Но в нашем случае в сельскохозяйственной культуре имеются другие структуры, которые имеют давнюю научно-литературную традицию номинированная, и тогда возможны ситуации, при которых происходит смешение элементов разных структур, и в таких ситуациях структуры, имеющие традиции номинации как бы получают преимущество и поглощают» отдельные субэлементы безымянной структуры. В данном случае такое «преимущество» получила категория системы земледелия, в которую нередко включают названные элементы – угодье и орудие, которые ни по форме, ни по содержанию и сущности, ни по функциональной нацеленности, ни по операциональной нагрузке к системе земледелия отношения не имеют.

Имея в виду важную роль, которую пахотное угодье и пахотное орудие играют в земледелии (и сельскохозяйственной культуре) в содержании и номинации сельскохозяйственных ХКТ, исходя из интересов полноты и законченности исследования как ХКТ, так и сельскохозяйственной культуры народов Кавказа, мы решили сделать попытку внести ясность в категориальную принадлежность названных элементов в рамках сельскохозяйственной культуры, найти им «свое место»

Исходя из того, что оба элемента составляют единую совокупность, соединённую сущностными, функциональными и операциональными взаимосвязями и взаимодействиями и объединённую общим местом в сельскохозяйственной культуре, мы решили соединить их в одну структуру. Поскольку речь идёт о сложной структуре с взаимосвязями на типологическом, почти системном уровне мы дали ей наименование «тип земледелия», ни в коей мере не считая, однако, его наиболее удачным в окончательном.

Заметим, что выбирая номинацию мы руководствовались также стремлением не трогать уже имеющиеся сложившиеся понятия и терминологию, т.к. такое вмешательство только прибавило бы путаницы и неразберихи в номинациях сельскохозяйственной культуры. В этом же плане можно рассматривать и исследовательский метод, которого мы придерживались в своих попытках определить сущностное содержание и место исследуемых элементов (угодье-орудие), не имеющих своего понятийного и терминологического места в сельскохозяй-

ской культуре. Это делалось посредством проверки их содержания и функций на предмет соответствия содержанию, функциям и целям уже имеющихся более или менее разработанных категорий (система земледелия, земледельческий цикл).

В процессе таких сопоставлений определялись их специфические свойства, признаки, особенности, целевые функции операциональные ситуации. При этом, исходя из многосложности рассматриваемой структуры, включающего взаимоотношения: между самыми объектам-компонентами (угодье-орудие), между их особенностями и признаками, между объектами и соприкасающимися экологическими и земледельческими структурами с набором и их особенностей, учитывая всё это мы прибегли при анализе и характеристике новоявленной структуры к методам и приемам типологической классификации. В результате удалось выявить несколько характерных черт-особенностей, свойственных именно типу земледелия, и выделяющих (отличающих) его от других элементов земледельческой культуры. Главные из них следующие: 1) вещный характер компонентов структуры (в системе – действия, в земледельческом цикле – полевые работы), являющихся средствам производства (угодье–средство труда, орудие – инструмент производства) 2) эти вещные компоненты представляют данность, относящуюся в довозделывательному периоду земледелия 3) их функциональные и операциональные назначения существуют в потенция и реализуются в возделывательный период через систему земледелия и цикл земледельческих работ.

Базируясь на этих особенностях, мы сформулировали определение типа земледелия, которое, разумеется, нельзя считать ни достаточно удовлетворительным, ни, тем более, окончательным: совокупность основных взаимосвязанных средств производства земледельца (объект обработки–угодья, инструмент обработки–пахотное орудие), заключающие в себе как объективные природные данные, так и овеществленный труд человека, с сопутствующей им (и продуцирующей) экосистемой.

Инертность компонентов типа земледелия – кажущаяся, ибо они носители суть главных, «судьбоносных» начал в земледелии, ведь без угодья нет и земледелия, а его особенности определяют многое в содержании и структуре земледелия (облик, направление, систему зем-

леделия, состав культур и пр.). А орудие осуществляет главную операцию земледелия, обработку земли.

В структуре типа ведущим является угодье, в основном определяющее главные конструктивные, функциональные и операциональные характеристики орудия. Особенности же самого угодья – от экосистемы, а оба они важнейшие звенья цепи зависимостей от природы через угодье к орудию и далее в системе, циклу работ, сельскохозяйственным культурам.

Другая цепь (чередa зависимостей) идет от экосистемы через тип земледелия к земледельческому типу – хозяйственному типу – хозяйственно-культурному ареалу, ХКТ. Перекрестный анализ основных компонентов и особенностей хозяйственно-культурных ареалов показывает наглядно, что тип земледелия не только занимает в нём важное место, но и во многом определяет параметры и особенности других компонентов ареала, в первую очередь земледельческих. С другой стороны, тип земледелия как компонент ХКТ, подчиняясь общим закономерностям развития природы, хозяйства, культуры и ХКТ развивается и районирован в рамках хозяйственно-культурных ареалов (например, равнинный тип земледелия (основные параметры – обширные ровные поля и передковый плуг, поэтому его можно назвать равнинно-плужным) вписывается в ареал равнинных пашенных земледельцев и стационарных скотоводов. Разновидности типа: лугово-степной, лесопольный, лесостепной, кустарниково-степной, долинный, долинно-аллювиальный, долинно-лавовый и др.

В предгорье, не считая его стыковых районов с нагорьем и равниной, выделяется предгорно-лесной тип (лесогорные и лесолуговые угодья со специфическими задернованными почвами и целью предметными и рукояточными ралами).

Среднегорный (ральный) тип характеризуется террасами (откосными) и полозным ралом, в горно-долинном подвиде – террасы с подпорными стенками и полозное жесткое многоэлементное рало (разновидности – склоновый, террасный (откосных и укрепленных террас), подсечно-террасный, горно-долинно-аллювиальный и др.)

Высокогорный тип – склоновые угодья и откосные террасы, рало более маневренное, с шарнирным соединением грядила с дышлом и с приспособлениями, призванными увеличить проходимость орудия на жестких почвах.

Основные пахотные орудия, таким образом, передковый плуг на равнине и в нижнем предгорье, рало – в горной части. Обращает на себя внимание сильная схожесть, даже однотипность базовых конструкций плуга, даже название которого (кутан, гутан) совпадает у многих народов (дагестанцы, абазинцы, азербайджанцы, грузины, армяне и др.). В его исходных формах явственно прослеживается происхождение от рала, некоторые варианты образуют как бы сдвоенное рало.

Рало, несмотря на многочисленность разновидностей, также имеет немного базовых конструкций, и они легко укладываются в классификацию, предложенную Ю.А. Красновым: рукояточные, грядильные, полозные. Последний – более усовершенствованный вариант, он завершает эволюцию и служит предтечей плуга.

Наблюдается малая распространенность по всему Кавказу рукояточных рал, а также рал с ушками, что мы связываем с длительностью распространенности подсечного земледелия, при котором требуется более надежное и прочное соединение грядиля с рабочей частью (что лучше достигается в грядильном и полезном рале) и нецелесообразностью, практической неприменимостью (непригодностью) ушек из-за характера почвы (твердые, с остатками ветвей и корней).

В XIX в. наиболее распространенным было полозное орудие, оно и наиболее совершенное и универсальное.

Грядильные рала более свойственны подсечному земледелию; изогнутый грядиль, увеличивающий тяговую силу упряжки – для тяжелых почв; прямогрядильные – для разработанных легких почв; стойка в полозном рале – для укрепления конструкции и более тщательного регулирования глубины вспашки и т.д. и т.п.

Обращение к системе земледелия было для нас скорее всего задачей второго плана. Оно было продиктовано вначале необходимостью уточнения компонентной структуры типа земледелия. Однако уже первые шаги в исследовании показали органическую связь обоих элементов земледельческой структуры в производственном плане, и в категориальном отношении, и в номинационном аспекте. В частности, оказалось, что в научно-литературной традиции нередко было принято расширительное понимание системы, с включением в нее элементов (компонентов) и типа земледелия. Это изменило акцент нашего исследования, потребовался обоюдный сравнительный ана-

лиз, который невозможен без исследования целевого содержания и компонентного состава. Собственно, рассмотрение системы земледелия, как говорилось выше, было проще и в то-же время сложнее. Проще, потому, что есть принятые определения, сложившиеся понятия, традиции изучения. Сложнее, потому-что в научно-литературной традиции во-первых, не было единства в формулировании целевого содержания системы; во-вторых, было много расхождений в оценке компонентной структуры системы, и как результат этого, противоречивое ее понимание и толкование; в-третьих, в итоге было много несогласованностей и противоречий в определении перечня систем, в их классификации.

Надо сказать, что народы Кавказа проявили большую изобретательность в выборе наиболее адекватных существующим объективным условиям систем земледелия.

В работе выделено главное различие, отчетливо разделяющее тип и систему земледелия. Если тип – совокупность вещных объектов, то система – совокупность действий (мероприятий), оптимально отвечающая (приспособленная) к имеющимся данностям природы и обеспечивающая достаточную продуктивность пахотных угодий.

Тем самым уточняется и соотношение между типом и системой земледелия.

В принципе принимая традиционное (общепринятое) для этнографии определение целевого содержания системы земледелия (рациональное использование земли и восстановление плодородия почвы), мы в результате исследования пришли к расширительному пониманию цели, включив в нее получение высокого (средненормального) и устойчивого урожая в обозримые годы, и действия, обеспечивающие сохранение и поддержание плодородия, с добавлением также повышения производительности угодия посредством удобрения и орошения.

Главным в совокупности действий земледельца по воздействию на плодородие почвы мы считаем варьирование (маневрирование, тасовку) во времени и пространстве способов и интенсивности использования пахотоспособных угодий. Дополнительными действиями, но в большинстве случаев обеспечивающими полноту системы, являются удобрение и орошение.

На базе этих принципов и изученного материала мы попытались сформулировать определение системы земледелия: совокупность взаимосвязанных организационных, агротехнических и мелиоративных мероприятий земледельца, призванных обеспечить получение высокого (или средненормального) урожая на протяжении нескольких лет, путем рационального и эффективного использования и поддержания плодородия пахотоспособных угодий и их производительности, посредством пространственно-временного варьирования способов и интенсивности утилизации угодий, а также удобрения и орошения.-

В процессе и результате анализа имеющегося у нас материала, руководствуясь при этом нашим пониманием существа системы земледелия, мы пришли к выводу, что в XIX – начале XX в. на Кавказе были следующие системы земледелия: паровая (делится на собственно паровую, паровую севооборотную и отчасти уплотненного полеоборота), переложная (малый перелог, переложно-залежная, переложно-двухпольная общесельская, переложно-паровая-трехпольная), подсечная (подсечно-огневая и менее масштабные подсечно-угодийная и подсечно-террасная, которые по ряду параметров приближаются к типу земледелия).

Выбор, практикование, функционирование, соотношение систем в свою очередь обуславливалось рядом фоновых обстоятельств, главные из которых – местный тип земледелия, дающий исходный материал, экологические параметры угодий, средства производства, а также демографическая ситуация (влияющая на обилие угодий или земельную тесноту) социальное положение земледельца, влияющее на свободу выбора, масштабность и эффективность систем, экономическое положение, состояние обмена с соседними регионами и др.

Эти факторы, точнее отдельные из них (например, социальное положение земледельца) нередко включают в структуру системы, однако они вне сущности системы, ее целевого содержания, они именно внешние, извне воздействующие факторы.

Четкое различие компонентного содержания типа земледелия и системы земледелия привело к необходимости выведения террасостроительства из системы (как принято) и включения его в тип земледелия, как компонента, призванного, в первую очередь, увеличить площадь угодий созданием нового участка (включаемого в задеист-

вованные полеобороты), а не воздействовать на плодородие имеющихся (в этом вопросе мы ссылаемся на высокий авторитет акад. Н.И. Вавилова).

В известной мере ближе к типу, чем к системе земледелия два неосновных (не масштабных) подвида подсечного земледелия – малая подсеча, не огневая, не создающая необходимого зольного удобрения как в основной подсечно-огневой, залежной, и террасная, которые в отличие от основного – залежного, нацелены на увеличение площади угодий и характерны для малоземельных нагорий, с изрезанным рельефом и менее влажным климатом (мы назвали их «подсечно-угодийным», «подсечно-террасным»).

В число базовых, наравне с переложной и подсечной мы ввели паровую систему, в том числе и неудобрительный подвид, считая, опираясь на земледельческую практику, многочисленные полевые материалы, что он оказывает достаточное воздействие на поддержание плодородия почвы.

Переложная представлена, по нашим материалам (и нашей классификации), на Кавказе переложно-залежной (самой масштабной до реформ 60-х гг.), малым перелогом, переложным общесельским двухпольем и переложно-паровым трехпольем.

Переложно-залежная характерна для обширных равнин и нижних предгорий, обязательный элемент ее существования – избыток пахотоспособных угодий, соответственно амплитуда продолжительности залежи простирается от 3–4-х до 25–30 лет. Стала вытесняться в связи с ростом населения и производства товарного зерна в пореформенный период другими, более экономными на землю системами (паровой, трехпольем, многопольем).

Малый перелог сложился в условиях горного (и особенно высокогорного) «клочкового» земледелия, на малодоступных угодьях. Обусловлен низким качеством почв угодий, обработка (и завоз удобрения) которых были мало возможны из-за труднодоступности угодий.

Общесельское переложное двухполье (деление всех угодий поселения на обрабатываемую и выпасную половины) складывается в условиях дефицита не только пахотных, но и выпасных угодий.

Переложно-паровое трехполье – это классическое трехполье (перелог–озимые–яровые на трех участках одновременно, со строгой

последовательностью смены назначений), одна из распространенных и наиболее рациональных систем. В литературе называется «паровым трехпольем», однако анализ ее содержания показал, что в основе ее лежит перелог (от переложно-залежной системы), который стал подвергаться для большей эффективности паровой вспашке (когда это возможно), в которую со временем он перерос. Поэтому мы ввели в номинацию и понятие перелога.

Паровая система редко встречается в «чистом» виде, поэтому, например, в монографии по земледелию народов Северного Кавказа Б.А. Калоева ей уделено всего несколько строк, в то время как подсечной – тоже несколько, но страниц, Наиболее распространенной на Кавказе была разновидность «паровая севооборотная».

В связи с севооборотной паровой субсистемой нам пришлось уточнить и разграничить понятия (и номинации) «севооборот» и «плодосмен», ибо в литературе они часто смешиваются. К примеру, севооборот подается как смена сельскохозяйственных культур (на одной площади), а на самом деле это настоящий плодосмен, а севооборот предполагает смену не культур, а разносезонных культур – озимой на яровую и наоборот. Но в практике они часто сочетаются, комбинируются (например, озимая пшеница заменяется кукурузой, которая бывает только яровой). Поэтому-то и возникает частая подмена одной номинации – другой, этому способствует и земледельческая практика – хлебороб всегда старается, чтобы один из них подкреплялся бы другим, что безусловно способствовало повышению урожайности угодия.

Был в этой терминологии еще один аспект, который пришлось уточнять. Дело в том, что номинация «севооборот» очень любима в описаниях земледельческой культуры и часто подменяет названия систем и даже их совокупностей (паровой севооборот, травопольный севооборот, многопольный севооборот и т.д.). От этого возникает еще большая путаница, и поэтому мы предложили при употреблении выражения «оборот» для наименования систем или совокупностей элементов систем, или их самих, употреблять номинацию «полеоборот».

Это будет и адекватно понятию и содержанию номинируемого явления, и не будет смешиваться с номинацией, обозначающей именно сам севооборот.

В контексте паровой системы мы рассмотрели и систему уплотненного использования угодий (уплотненный полеоборот), которая заключается в максимализации использования угодий и содержит в себе элементы и пара, и севооборота, и плодосмена и даже перелога. Свойственна особенно малоземельным районам горной части, частично перекочевала в равнинные места во времена капиталистического бума производства зерна. Систему характеризует один почти обязательный признак – удобрение угодий.

Удобрение (искусственное) несмотря на всю его важность, мы не ввели, в основной обязательный, различительный признак системы, таковым мы считаем варьирование использования угодий, это особенно наглядно видно по залежной (совсем без удобрения) и паровой (необязательное удобрение) системам. Но удобрение важнейший (иногда определяющий, как, например, в уплотненном полеобороте) дополнительный признак системы, к каковым мы отнесли (тоже вопреки традиции) и орошение. Без учета последнего немыслима характеристика многих систем и субсистем кавказского (и восточного) земледелия.

И, наконец, лиманная (чальная) система, распространенная главным образом в Закавказье (Азербайджан, Грузия, Абхазия и др.). Она мало рассматривалась в отечественной этнографии, так как Восточная Европа и Россия не знали ее. Она заключалась в использовании для посевов освободившихся после весеннего половодья плавней. Суть системы заключается в использовании плодородия почвы, порожденного (вызванного) паводковым увлажнением.

В заключение разговора о системах заметим, что наша классификация систем (особенно субсистем) земледелия не совсем совпадает с имеющимися в этнографической (и сельскохозяйственной) литературе (исключая базовые – переложную, паровую, подсечную) и основывается исключительно на материалах земледельческой практики и собственной интерпретации источниковых и литературных материалов.

Заключая исследование, мы вынуждены признать, что не все задуманное удалось сделать, и не все возникшие в процессе работы проблемы и вопросы удалось удовлетворительно решить или интерпретировать. В какой-то степени это произошло по причинам, не всегда от нас зависящим. В этом плане отметим нехватку источникового,

в частности полевого этнографического материала, особенно по Закавказью; противоречивость, порою некомпетентный характер материалов источников, относящихся к раннему периоду (XVIII–XIX вв.); слабость литературной традиции описания и исследования элементов земледельческой культуры народов Кавказа, отсутствие специальных капитальных исследований, в особенности теоретически оснащенных, что усугублялось для нас и недоступностью большинства из них из-за языкового барьера, поскольку они написаны на национальных языках (особенно в Закавказье – Грузии, Армении, Азербайджане). Не исключена в этом плане и наша относительная некомпетентность, недостаточное знание материала и определенные слабости («недотяжки») в интерпретациях и обобщениях.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ВГО – Всесоюзное географическое общество. Москва.
ГО СССР – Географическое общество СССР.
ГПИ – Государственный педагогический Институт. Орджоникидзе и др.
ДЭС – Дагестанский этнографический сборник.
ИЯЛИ – Институт языка, литературы и истории.
ИГЭД – История, география и этнография Дагестана. Архивные материалы. Под ред. М.О. Косвена и Х.М. Хашаева. Москва. 1958.
ИРГО – Императорское русское географическое общество. СПб.
ИИЯЛИ – Институт языка, литературы и истории. Сухуми.
КБНИИ – Кабардино-Балкарский научно-исследовательский институт. Нальчик.
КК – Кавказский календарь. Тифлис.
КОИРГО – Кавказское отделение императорского русского географического общества. Тифлис.
КОСХ – Кавказское общество сельского хозяйства. Тифлис.
КСИЭ – Краткие сообщения Института этнографии. Москва.
КЭС – Кавказский этнографический сборник. Москва, Тбилиси.
МИА – Материалы и исследования по археологии. Москва.
МИЭБГКЗК – Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян Закавказского края. Тифлис.
МКАЭН – Международный конгресс антропологических и этнографических наук. Москва.
МОИП – Московское общество испытателей природы. Москва.
МУКЛЗПИСК – Материалы для устройства казенных летних и зимних пастбищ и для изучения скотоводства на Кавказе. Тифлис.
НИИ ИЯЛ – Научно-исследовательский институт истории, языка и литературы. Грозный и др.
НИИК – Научно-исследовательский институт культуры. Владикавказ.
НИИ ЯЛИ – Научно-исследовательский Институт языка, литературы и истории. Майкоп, Краснодар.
РГО – Русское географическое общество. СПб.
СКАНИИ – Северо-кавказская ассоциация научно-исследовательских институтов. Ростов н/Д.
СМОМПК – Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис.
ССК – Сборник сведений о Кавказе. Тифлис.
ССКГ – Сборник сведений о кавказских горах. Тифлис.
СЭ – Советская этнография. Москва.
ТСБ – Терский сборник. Владикавказ.
УЗ – Ученые записки.

УЗ ИИЯЛ – Ученые записки Института истории, языка и литературы Даг. филиала АН СССР Махачкала.

УЗ КБНИИ – Ученые записки Кабардино-Балкарского научно-исследовательского Института. Нальчик.

УЗ КБГУ – Ученые записки Кабардино-Балкарского государственного университета. Нальчик.

УЗ Сев.-Осет. ГПИ – Ученые записки Северо-Осетинского государственного педагогического Института. Орджоникидзе.

ЭО – Этнографическое обозрение. Москва.

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

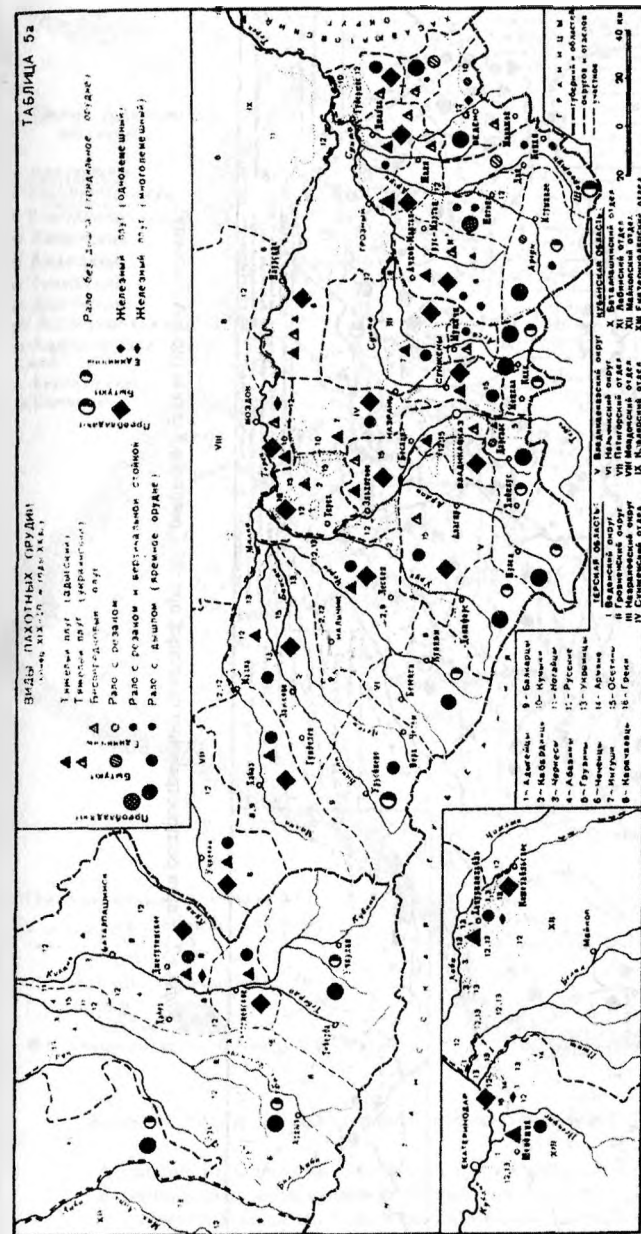
Приложения

Карты 1–9
Рисунки 1–38
Таблицы 1–3

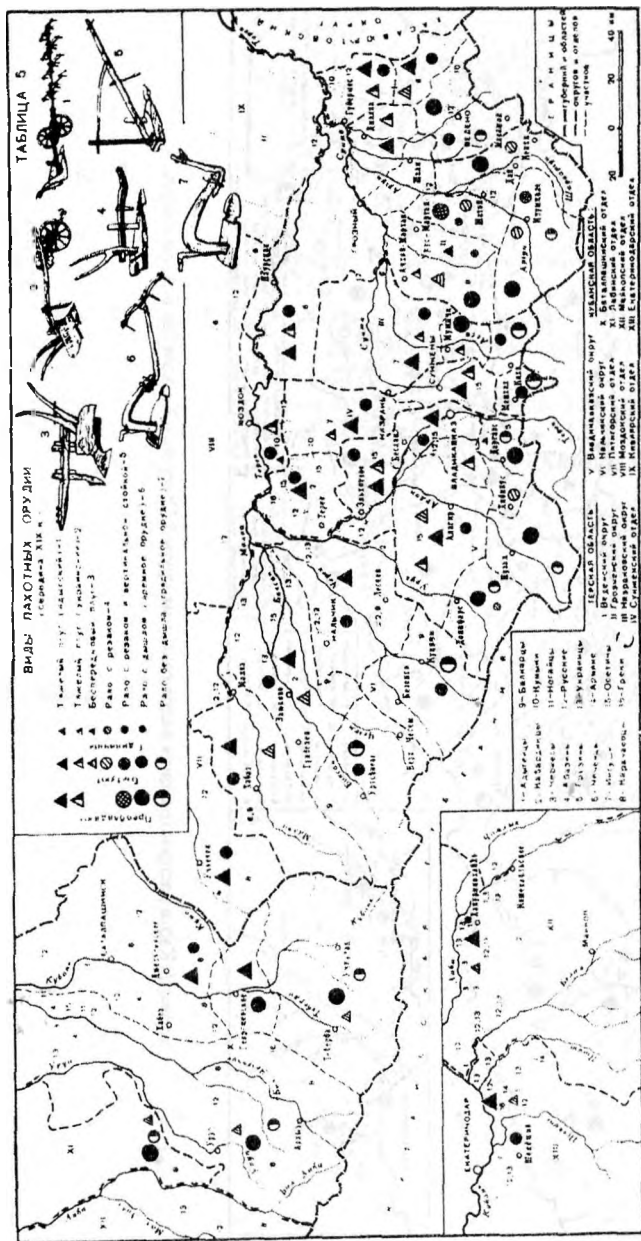
Помимо собственного авторского материала в приложениях приведены:

- Карты 9–10. Калоев Б.А. Земледелие народов северного Кавказа. М., 1981. С. 233, 234.
- Рис. 5 г. Лугуев С.А., Магомедов Д.М. Дидойцы (цезы). Историко-этнографическое исследование. XIX–нач. XX в. Махачкала. 2000. Иллюстрации.
- Рис. 8 а, б, в, г. Гаджиева С.Ш. Материальная культура кумыков. Махачкала, 1960. С. 10.
- Рис. 9 б. Материальная культура аварцев. Махачкала. 1967. С. 32.
- Рис. 10 г. Алимova Б.М., Магомедов Д.М. Ботлихцы. XIX–нач. XX в. Историко-этнографическое исследование. Махачкала. 1993. Иллюстрации.
- Рис. 12 б, в, г. Материальная культура аварцев. С. 31, 34.
- Рис. 14 а, б, в. Там же.
- Рис. 14 г. Ризаханова М.Ш. Указанная работа. С. 19.
- Рис. 15 а, б, в, г. Лугуев С.А., Магомедов Д.М. Указ. раб. Иллюстрации.
- Рис. 16 г. Материальная культура аварцев. Махачкала. С. 32.
- Рис. 17 д. Рамазанова З.Б. Пахотные орудия лакцев в конце XIX нач. XX вв // Хозяйство народов Дагестана в XIX–нач. XX в. (этнографические исследования). Сб. статей. Махачкала. 1979. С. 32.
- Рис. 18 в. Агулы (сборник статей по истории, хозяйству и материальной культуре). Махачкала. 1975. С. 51.
- Рис. 18 д. Агларов М.А. Андийцы. Историко-этнографическое исследование. Махачкала. 2002. рис. На с. 92.
- Рис. 19 а. Агларов М.А. Очерк этнографии земледелия Южного Дагестана // Дагестанский этнографический сборник. Вып. 1. Махачкала. 1974. С. 219.
- Рис. 19 г. Материальная культура аварцев. Махачкала. С. 33.
- Рис. 22 в. Рамазанова З.Б. Указанная работа. С. 33.
- Рис. 22 г. Булатова А.Г. Лакцы (XIX–нач. XX в.) Историко-этнографические очерки. Махачкала. 1971. С. 49.
- Рис. 23 а. Материальная культура аварцев. С. 35.
- Рис. 23 б, в. Лугуев С.А., Магомедов Д.М. Указ. раб. Иллюстрации.
- Рис. 24 в. Гаджиева С.Ш. Указанная работа. С. 9.
- Рис. 25. Там же. С. 8.

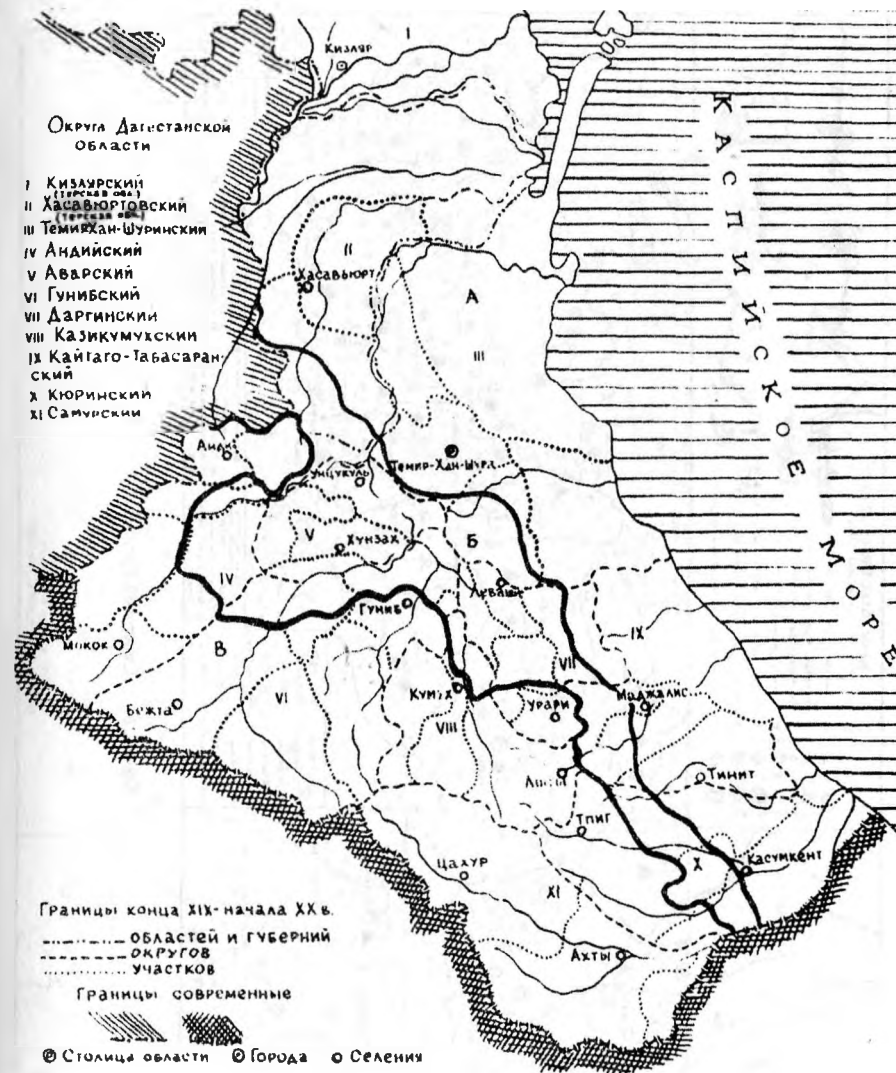
- Рис. 26 а,б. Калоев Б.А. Земледелие народов Северного Кавказа. М., 1981. С.120, 121.
- Рис. 27, 28, 29, 30. Калоев Б.А. Материальная культура и прикладное искусство осетин. М., 1973. С. 46–49.
- Рис. 31. Калоев Б.А. Осетины. Историко-этнографическое исследование. М. 1971. С. 78.
- Рис. 32, 33, 34, 35. Джавадов Г.Д. Народная земледельческая техника Азербайджана. Баку. 1989. С. 233, 234, 257, 260.
- Рис. 36. Читая Г.С. Земледельческие системы и пахотные орудия Грузии // Вопросы этнографии Кавказа. Тбилиси. 1952. С. 112.
- Рис. 37. Грузины // Народы Кавказа. Т. II. Серия «народы мира. Этнографические очерки». М. 1962. С. 236–237. (автор раздела Г.С. Читая)
- Рис. 38. Армяне // Народы Кавказа. Т. II. Серия «Народы мира. Этнографические очерки». М. 1962. с. 465. (авторы раздела Д.С. Вардумян, Э.Т. Карапетян, С.Д. Лисициан).

Карта 1. Карта распространения видов пахотных орудий Северного Кавказа (по Б.А. Калоеву).

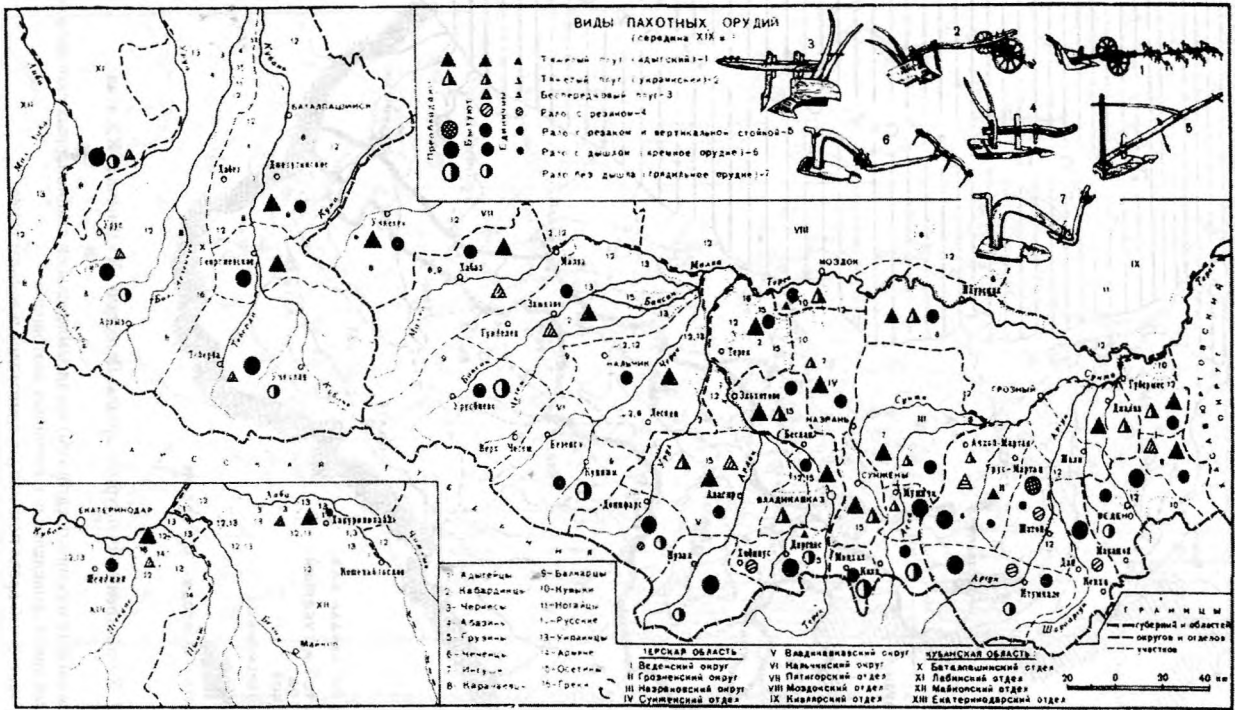

Карта 2. Карта распространения пахотных орудий Северного Кавказа (по Б.А. Калосеву).

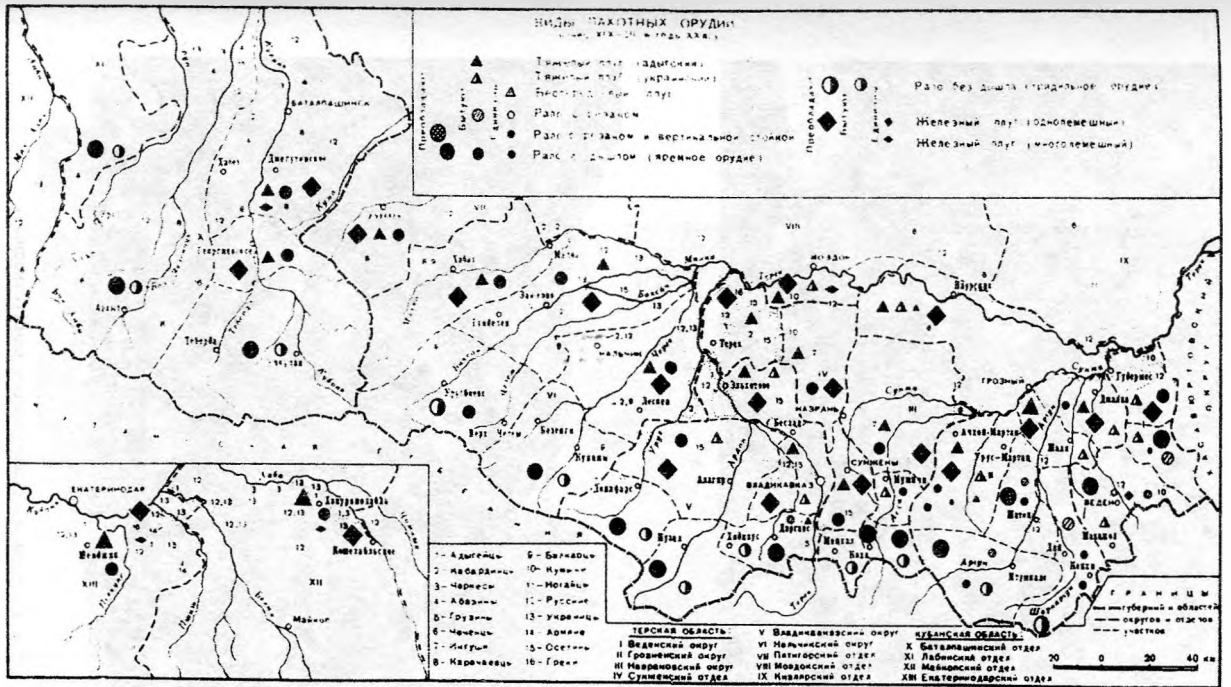

Карта 3. Хозяйственно-культурные ареалы Дагестана (XVII-начало XX века)

А- равнинный (с нижним предгорьем) ареал земледельцев стационарных скотоводов
 Б- горный ареал земледельцев и отгонных скотоводов
 В- высокогорный ареал подвижных скотоводов и земледельцев

Карта 8. (Северный Кавказ)

Карта 9. (Северный Кавказ).

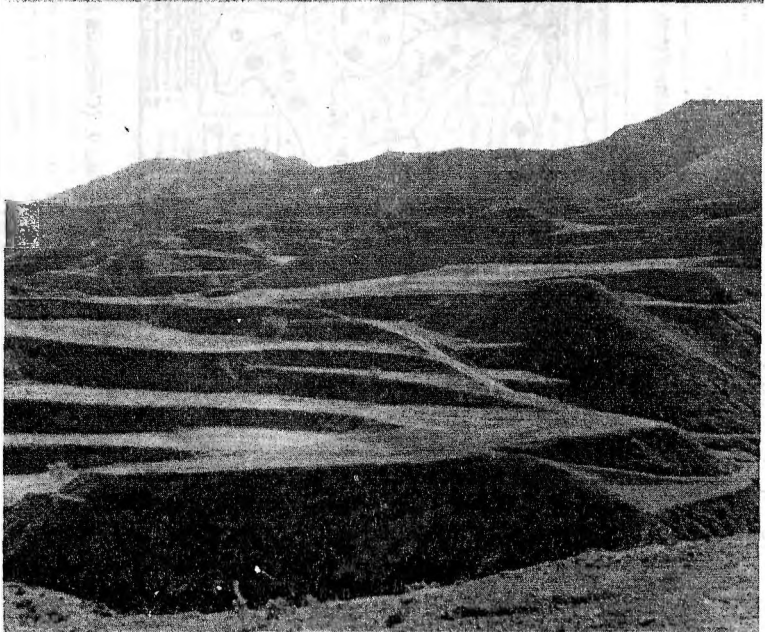

Рис. 1. Террасы с межевыми откосами (откосные).

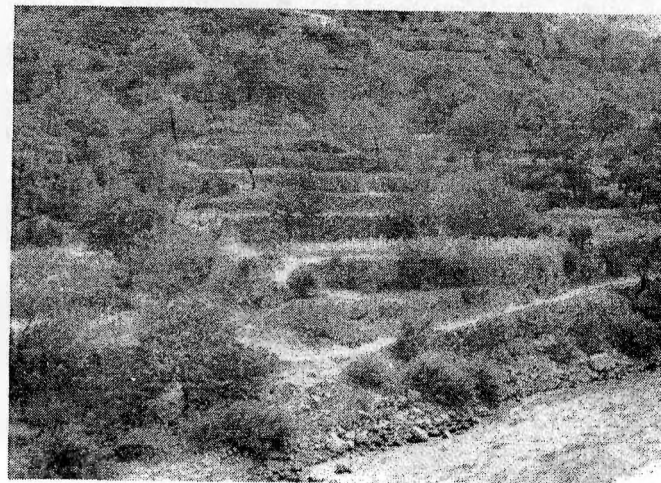
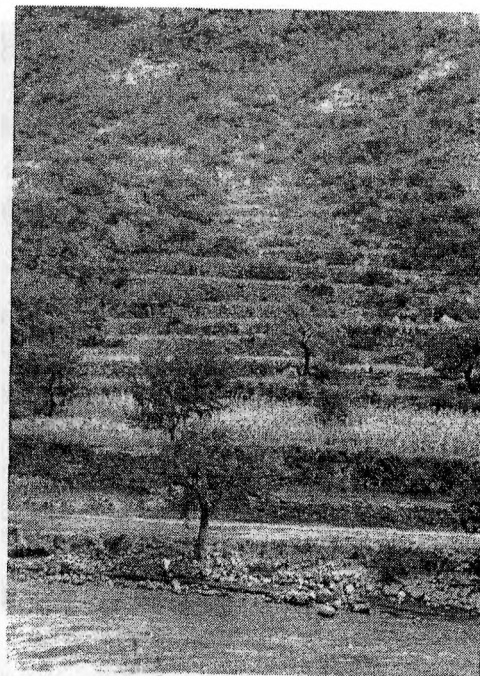

Рис. 2. Террасы с подпорными стенками.

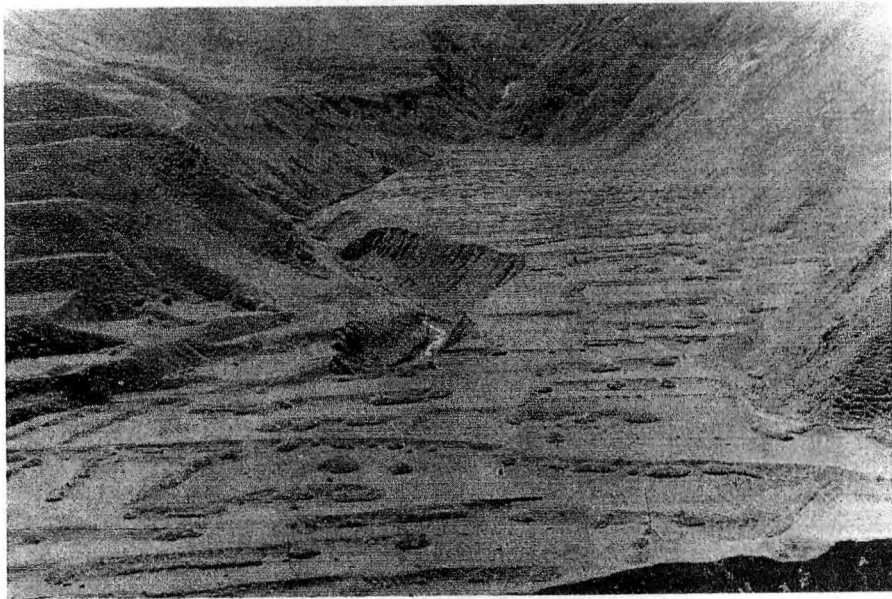

Рис. 3. Склоновые поля и откосные террасы.

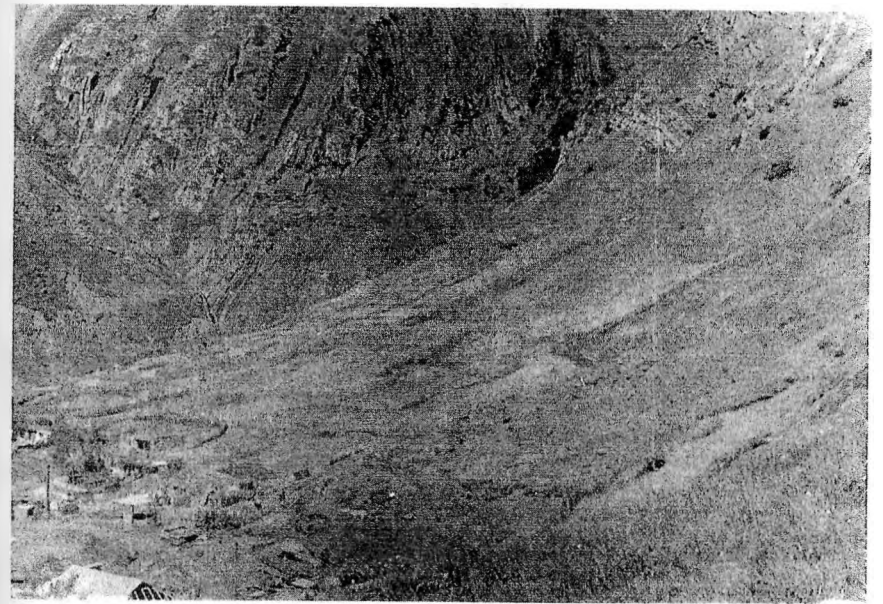
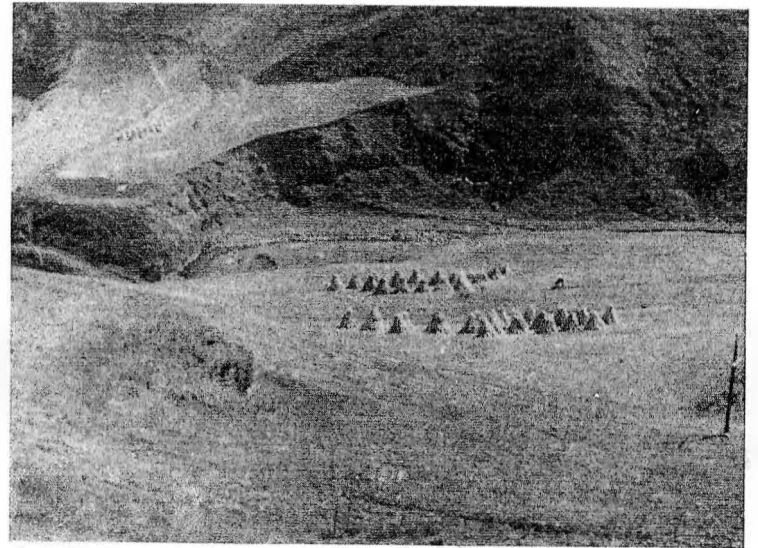

Рис. 4. Склоновые поля высокогорья.

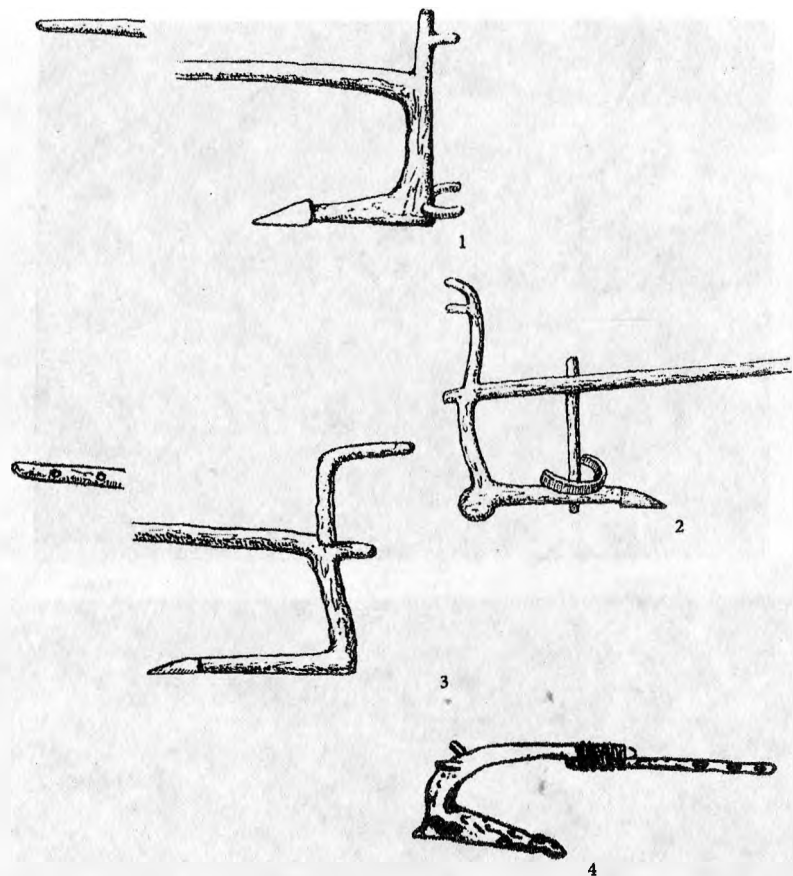

Рис. 5. Цельнопредметные и грядильные рала:

- 1) цельнопредметное рало без стойки, с ушками Сел. Апт. Аналогичные конструкции в сс. Мюхрек, Шиназ, Рича, Шимихюр, Дуакар;
- 2) Цельнопредметное рало со стойкой и ушками, сел. Карацан. Аналогичные конструкции в сс. Варсит, Лиша, Хурик, Кандик, Хурцатиль, Хилок, Кабир, чумлы, Хустиль, Мюрего, Аркит, Кужник, Урахи, Джибахни;
- 3) Грядильное рало со вставленной в грядиль рукояткой, без стойки и ушек. Сел. Варсит. Аналогичные конструкции в сс. Джибахни, Джавгат, Гулли, Хурик, Гуми, Аокит, Рука, Чумлы, Тама, Урари, Урахи, Куг, Лиша, Ашты, Асахо, Кидеро, Мокок, Шаитль, Бежта, Чодоколо, Трисанчи, Ахмедкент, Буртунай, Нижн. Казаници, Кадар, Кошкент, Голотль, Шимихюр, Шиназ;
- 4) Грядильное рало с усеченным грядилем, соединенным с дышлом с помощью обручей, без стойки, с ушками. Дидойское, Бежтинское

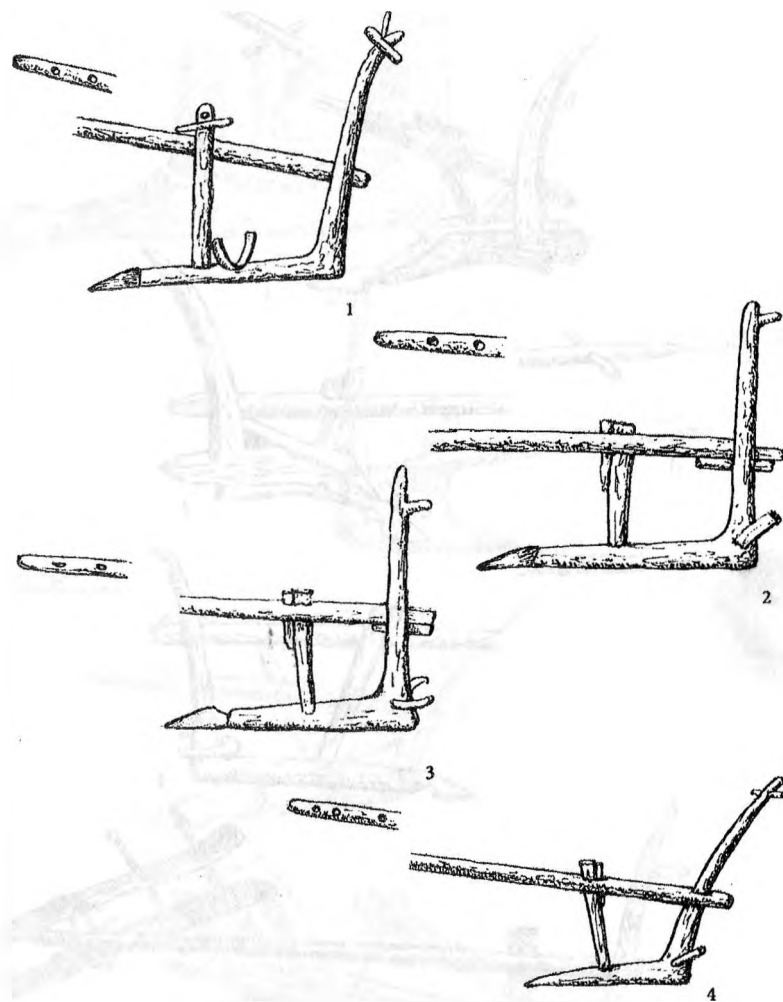

Рис. 6. Рукояточное рало со стойкой и ушками

- 1) Сел. Пугни. Аналогичное рало в сел. Нахки;
- 2) Сел. Акуша. Аналогичные конструкции в сс. Мехельта, Дулакар, Обода, Кандик;
- 3) сел. Акуша. Аналогичные конструкции в сс. Усиша, Верх. Мулебки, Мекеги, Улуая, Урахи, Мюрего, Гапшима, Муги, Нижн. Мулебки, Кана-Сираги;
- 4) Сел. Мекеги. Аналогичные орудия в сс. Улуая, Верхн. Мулебки, Усиша, Гапшима, Согратль, Муги, Урахи, Нижн. Мулебки

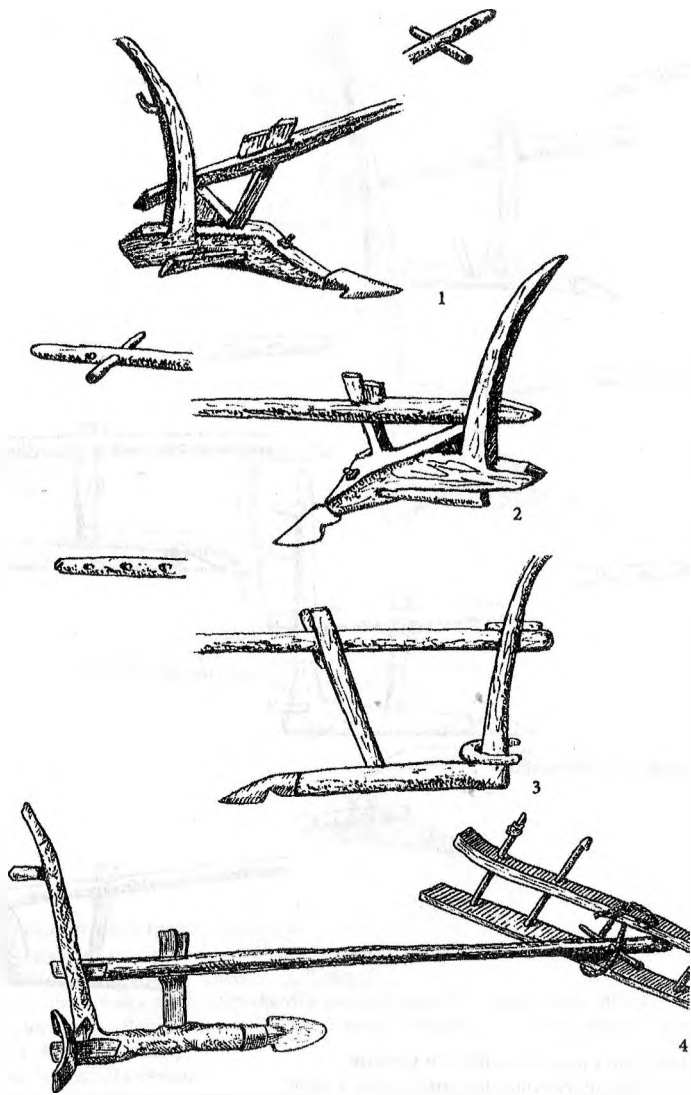

Рис. 7. Рукоятное рало со стойкой и ушками:

- 1) Сел. Урахи. Аналогичное рало в сел. Нижн. Мулебки;
- 2) Сел. Нижн. Мулебки;
- 3) Сел. Харбук;
- 4) Сел. Харбук

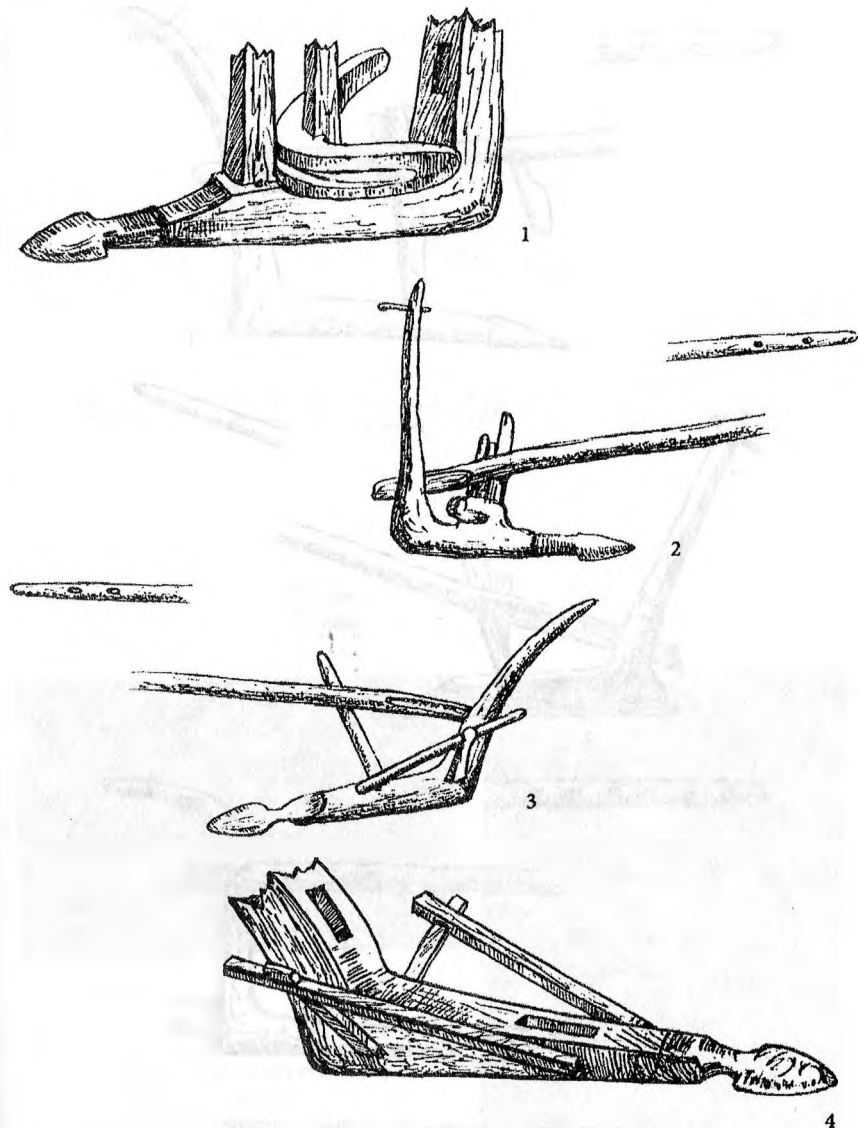

Рис. 8. Рукоятное рало со стойкой и ушками (кумыкское):

- 1), 2) Со стойкой и ушками;
- 3), 4) Со стойками и ушками – бороздильником, наподобие отвала

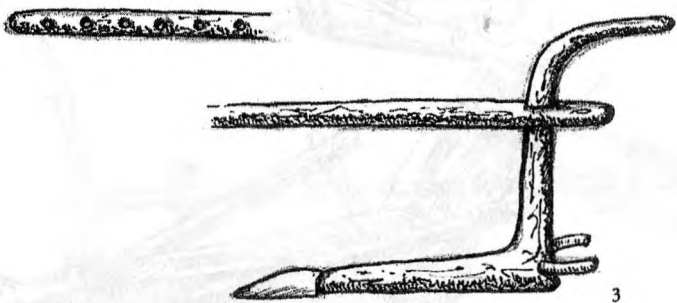
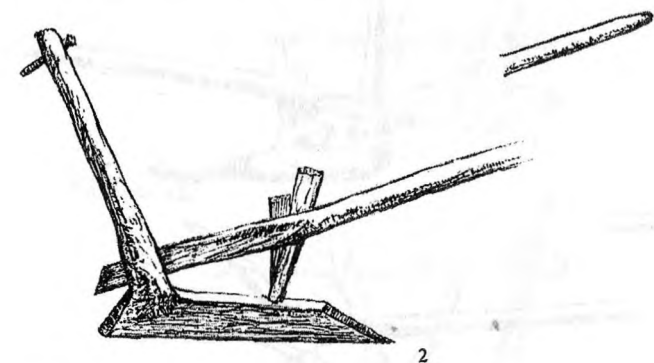
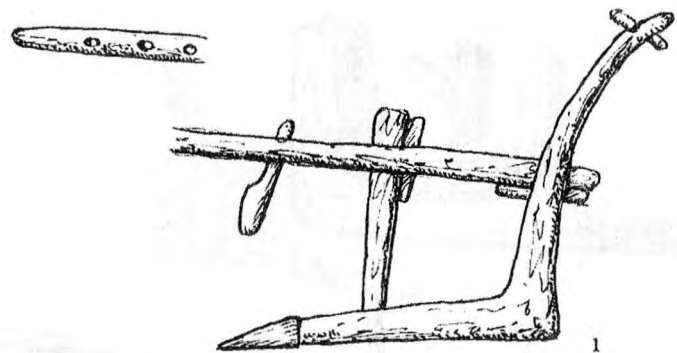

Рис. 9. Рукоятчные рала со стойкой без ушек и без стойки с ушками:

- 1) Рукоятчное рало со стойкой, без ушек. Сел. Усила. Аналогичные конструкции в сс. Цугни, Верхн. Мулебки, Урахи, Мюрего, муги, Кана-Сираги, Нижн. Мулебки;
- 2) Рукоятчное рало со стойкой без ушек. Аварское;
- 3) Рукоятчное рало без стойки, с ушками. Сел. Чумлы

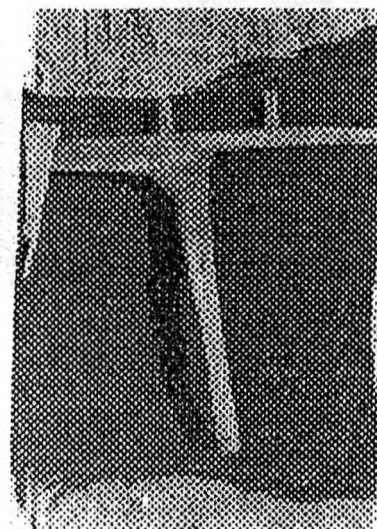
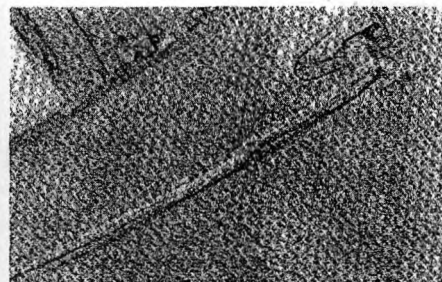
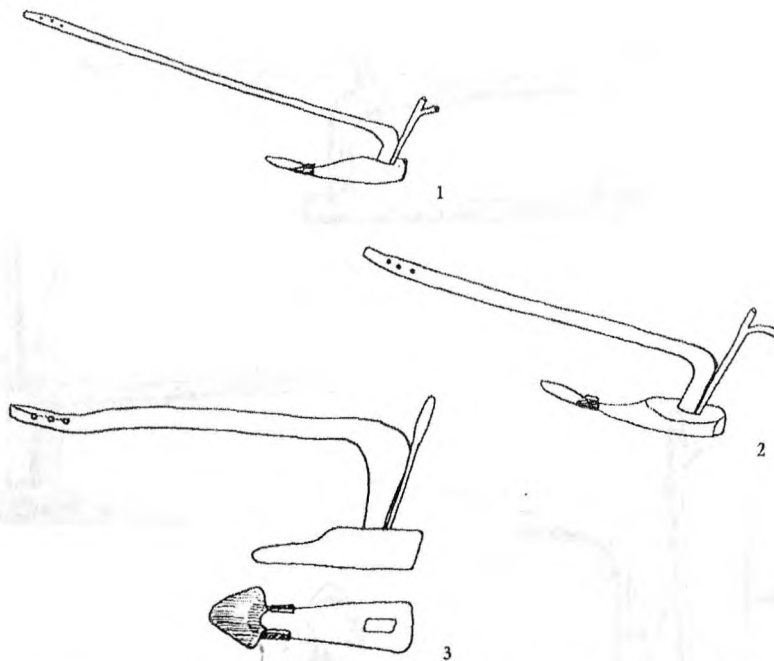

Рис. 10. Ползные рала без стойки и ушек:

- 1), 2), 3) Сел. Хурик;
- 4) Ботлихское;
- 5) Гунзибское

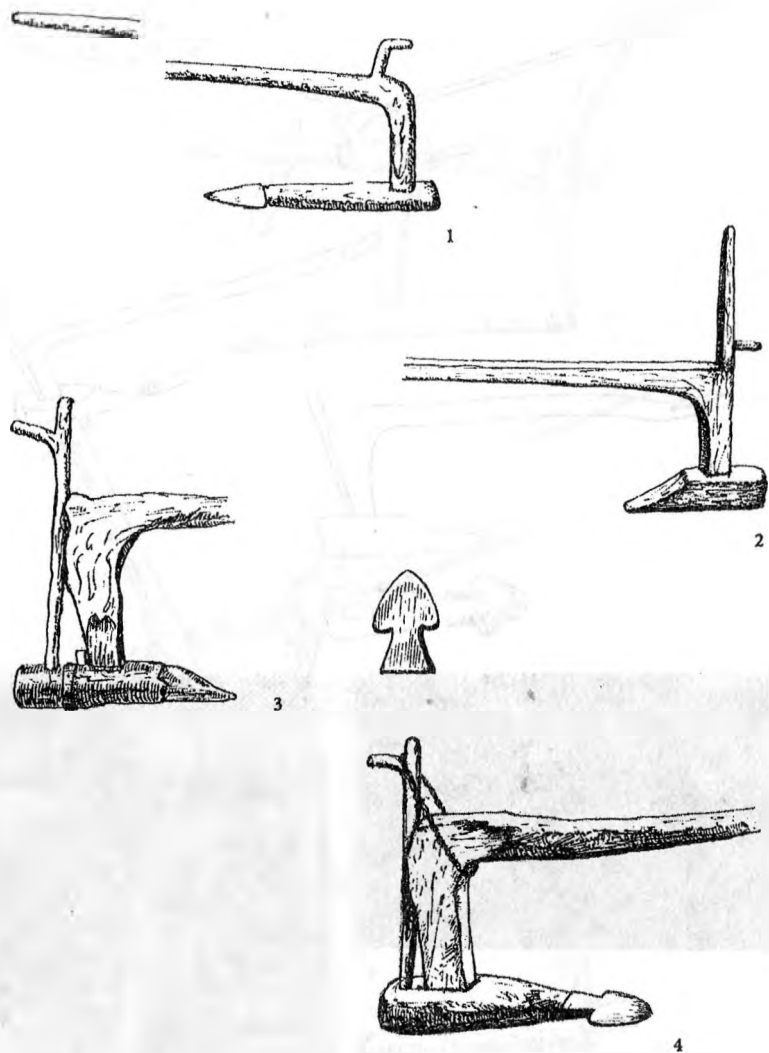

Рис. 11. Полосные рала без стойки и ушек

- 1) Сел. Варсит
- 2) Сел. Тама
- 3) Сел. Чираг. Аналогичное рало в сел. Гельмец
- 4) Сел. Чираг. Аналогичные конструкции в сс. Хпюк, Хпюг, Кабир, Шимихюр, Гоа, Усуг, Рича, Кураг

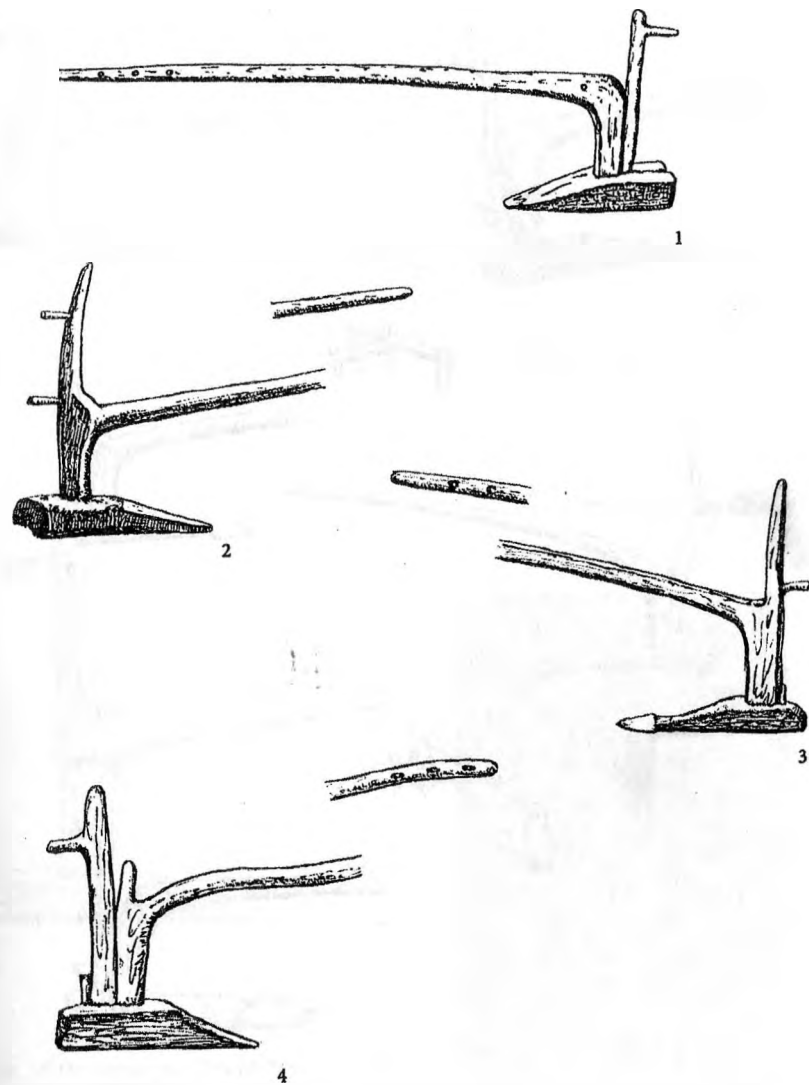

Рис. 12. Полосные рала без стойки и ушек:

- 1) Сел. Микик. Аналогичные орудия в сс. Гельмец, Ихрск, Шиназ, Микрах, Маза;
- 2) Аварское;
- 3) Аварское;
- 4) Аварское;

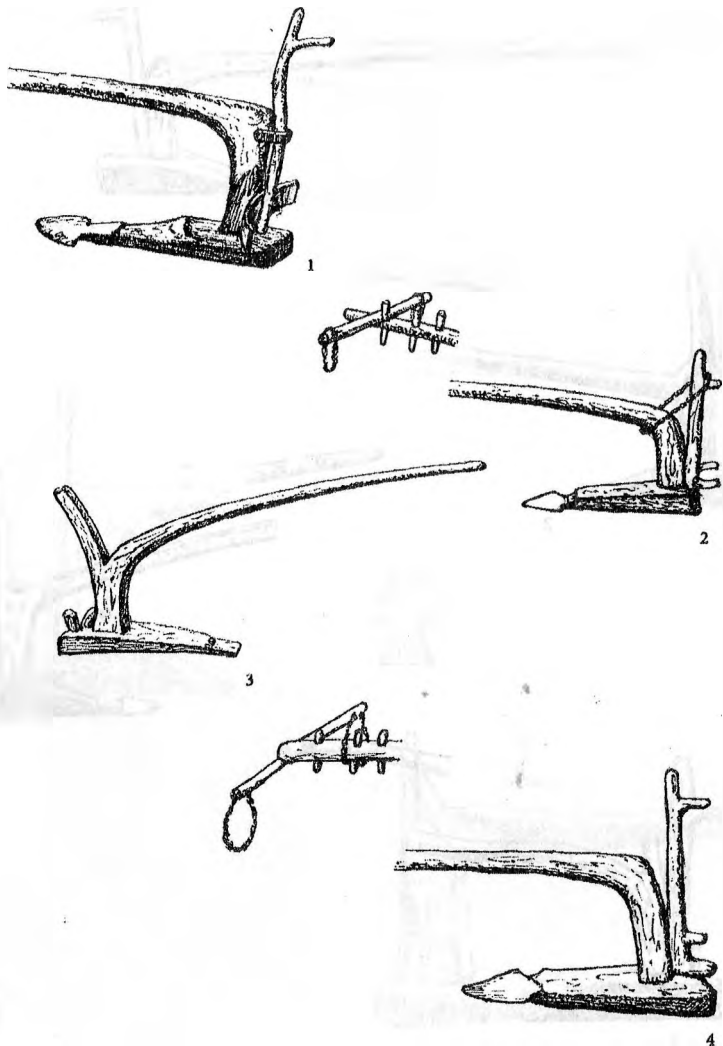

Рис. 13. Полозные рала без стойки, с ушками:

- 1) Сел. Трисанчи. Аналогичные конструкции в сс. Атрик, Ляхля, Ашага-Ярак, Кужник, Межгюль, Хурцагиль, тураг, Туруф, Гурик, аркиг;
- 2) Сел. Урари. Аналогичное орудие в сел. Уркарах;
- 3) Сел. Арчиб;
- 4) Сел. Буцра

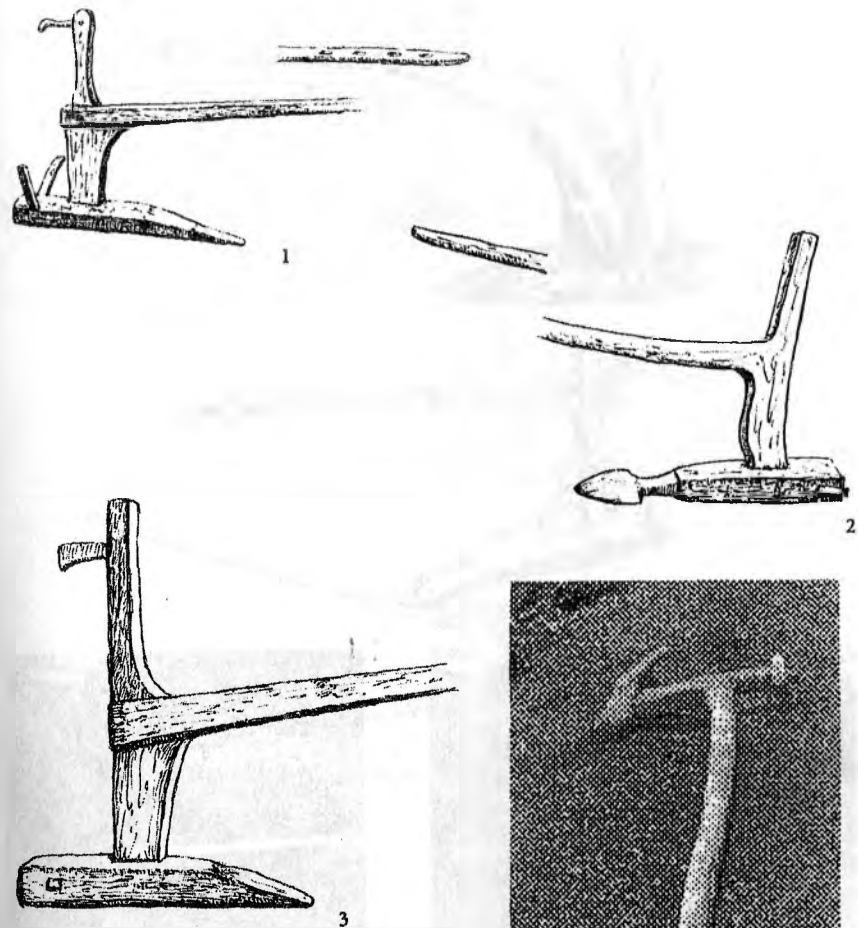

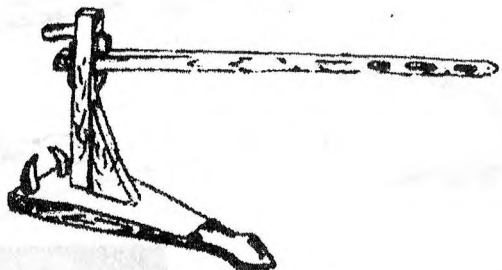
Рис. 14. Полозные рала без стойки, с ушками:

- 1) Аварское;
- 2) Аварское;
- 3) Аварское;
- 4) Гунзибское

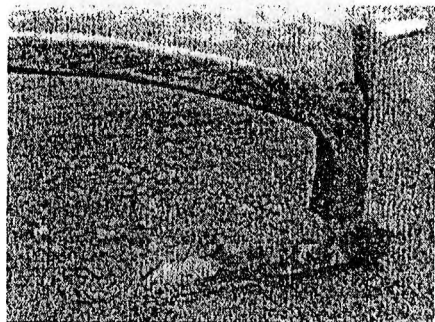

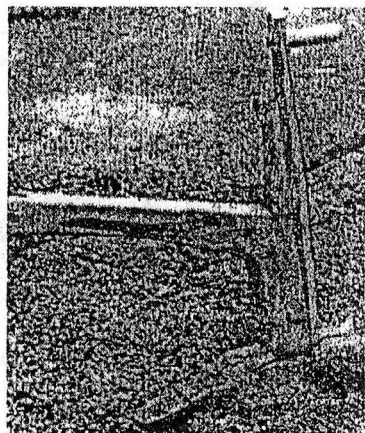
1

2

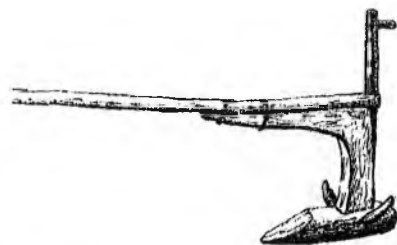

3

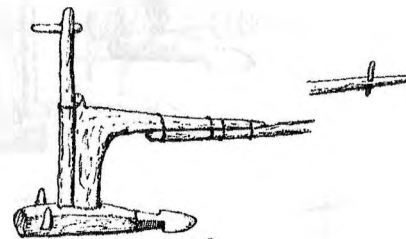

4

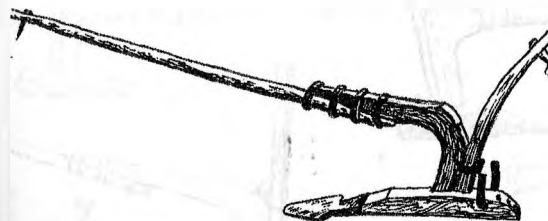
Рис. 15. Полозные рала без стойки, с ушками (дидойские и бежгинские) 1), 2), 3), 4)

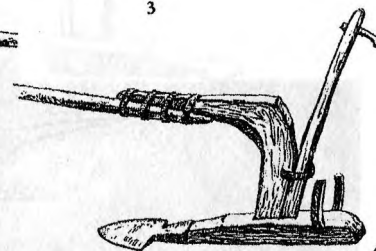
1

2

3

4

Рис. 16. Полозные рала без стойки, с ушками, с усеченным грядилом, соединенным с дышлом с помощью обручей:

- 1) Сел. Игали;
- 2) Сел. Игали;
- 3) Сел. Лологонитль;
- 4) Сел. Лологонитль. Аналогичные конструкции в сс. Ирганай, Тануси, Мочох, Гентаб, Мачада, Урада, Ругельда, Тидиб, Амух, Кидеро, Чох, Куяда, Вихли, Унчукатль, Куба, Киша, Чираг, Верхн. Мулебки, Гилив, Лучек, Цахур, Кошкент

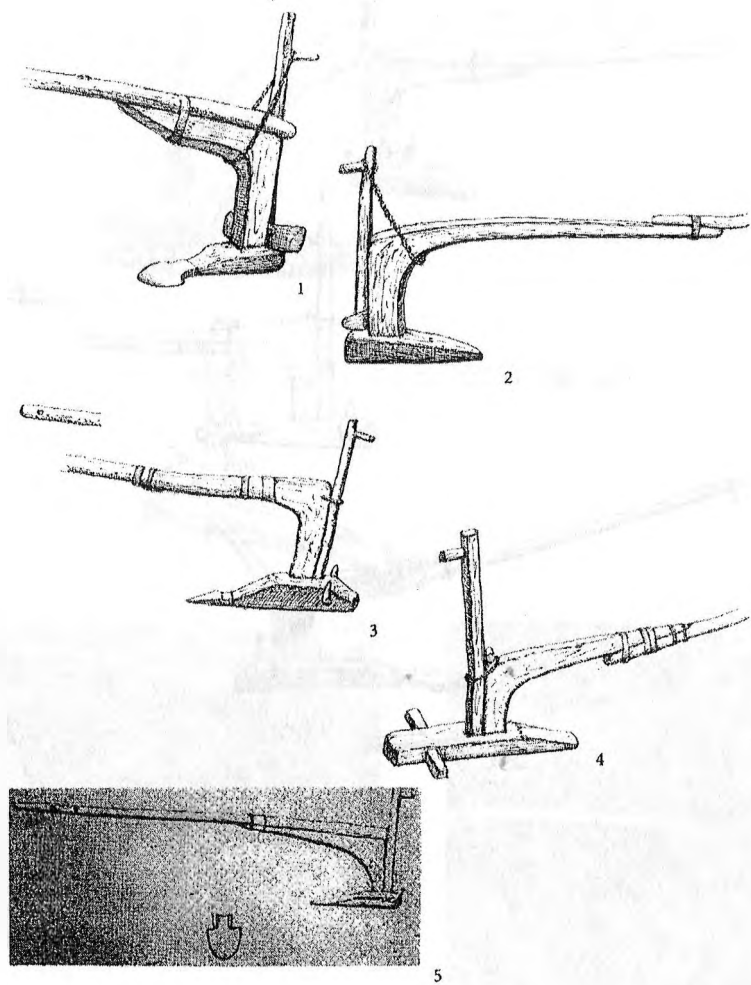

Рис. 17. Полозные рала без стойки, с ушками, с усеченным грядилом, соединенным с дышлом с помощью обручей:

- 1) Сел. Урцаки. Аналогичные орудия в сс. Трисанчи, Урари, чумлы, Шияяги, Уркарах, Гулиб, Нахки, Лучек, Шахур, Кандик, Зильдик, Хурцатиль, Амух;
- 2) Сел. Чираг. Аналогичные конструкции в сс. Хурик, Гуми, Зильдик, Хустиль;
- 3) Сел. Хунгада. Аналогичное орудие в сел. Тинди;
- 4) Сел. Буцра;
- 5) Лакское

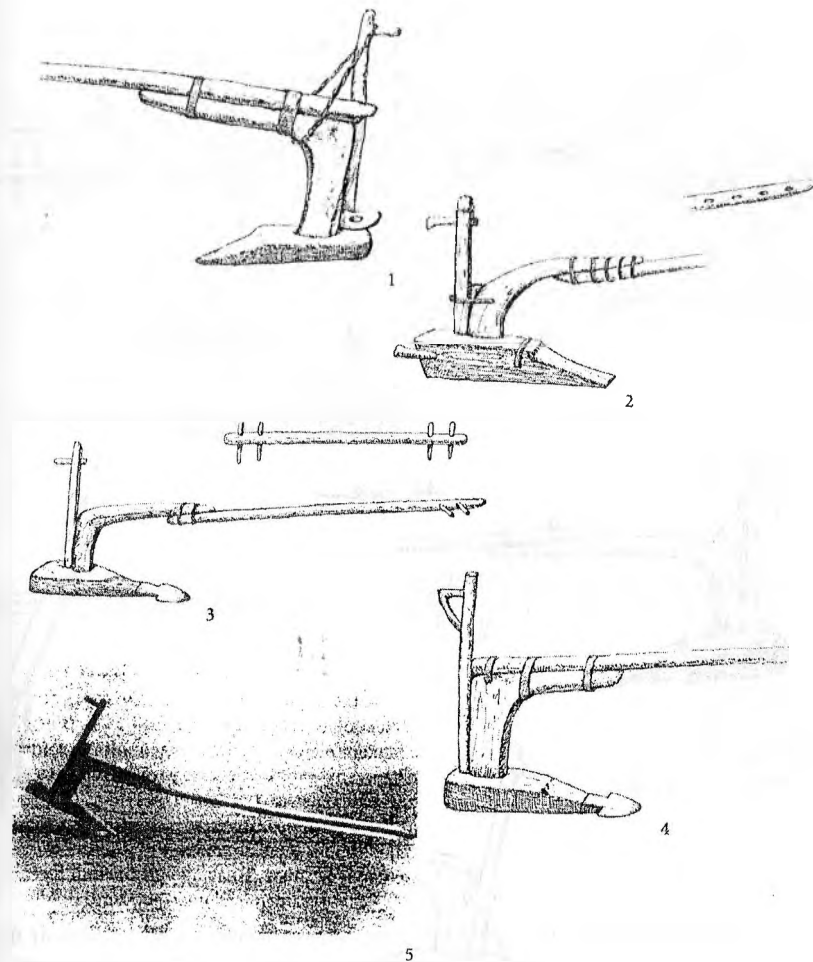

Рис. 18. Полозные рала:

- 1), 2) Рала без стойки с ушками, с усеченным грядилом, соединенным с дышлом с помощью обручей;
- 1) Сел. Апты;
- 2) Сел. Лучек;
- 3), 4) рала без стойки и ушек, с усеченным грядилом, соединенным с дышлом посредством обручей;
- 3) Агульское;
- 4) Сел. Хаджалмахи, Аналогичное орудие в сел. Гельмен;
- 5) Андийское

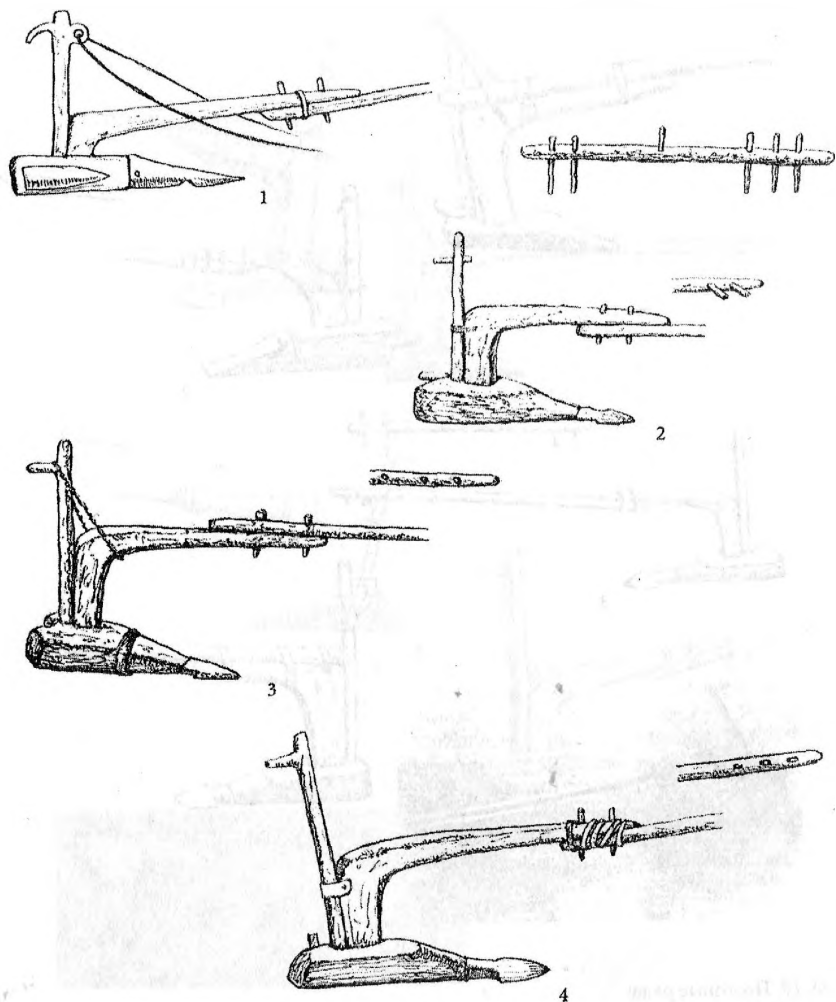

Рис. 19. Полозные рала без стойки, с ушками, с усеченным грядилем, соединенным с дышлом с помощью втулок:

- 1) С «прижатыми» ушками. Сел. Хрюг;
- 2) Одноушковое. Сел. Рича;
- 3) Одноушковое. Сел. Буркихан. Аналогичные конструкции в сс. Смугул, Фий, Усуг, Ихрек, Хнов, Куг, Микрах, Кураг, Гельхен, Кабир, Хног, Гоа, Луткун, Шмихюр, Инари, Кунки, Зрых, Гдым, Мискинджа, Куруш, Ашага-Аркит, Кошкент, Харахи, Ашар;
- 4) Одноушковое. Аварское

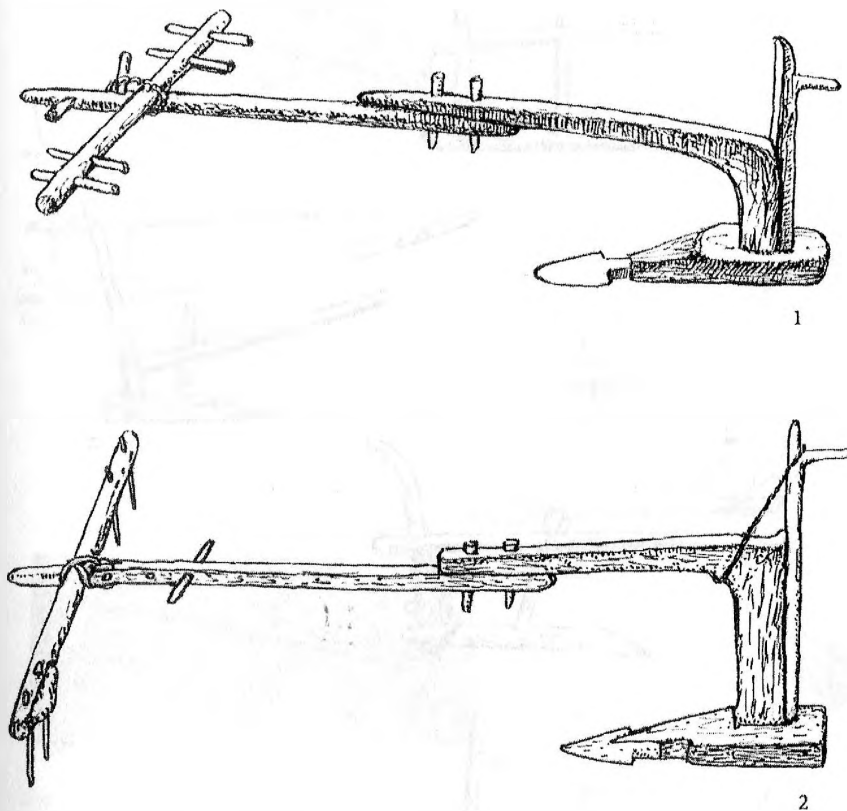

Рис. 20. Полозные рала без стойки и ушек, с усеченным грядилем, соединенным с дышлом с помощью втулок:

- 1) Сел. Куг;
- 2) Сел. Шиназ

Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН

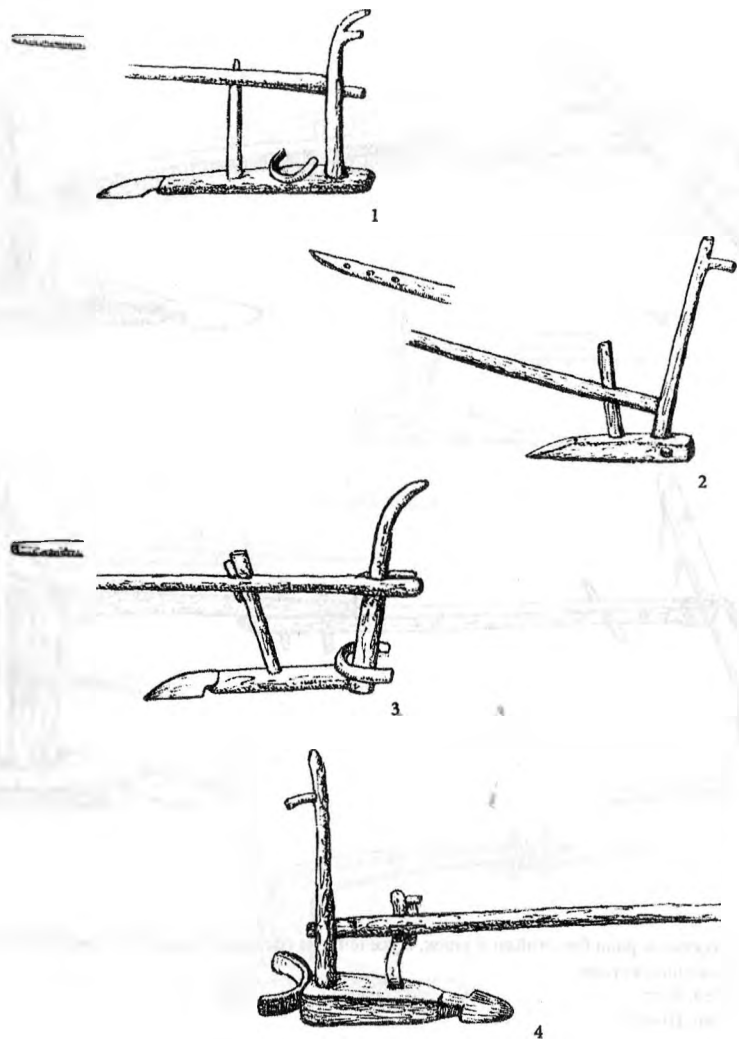

Рис. 21. Полосные рала со стойкой и ушками:

- 1) Сел. Караган. Аналогичные конструкции сс. Улуая, Мекеги, Харбук, Мегеб, Верхн. Мулебки, Ганшима, Джули;
- 2) Сел. Урахи;
- 3) Сел. Усиша;
- 4) Сел. Усиша

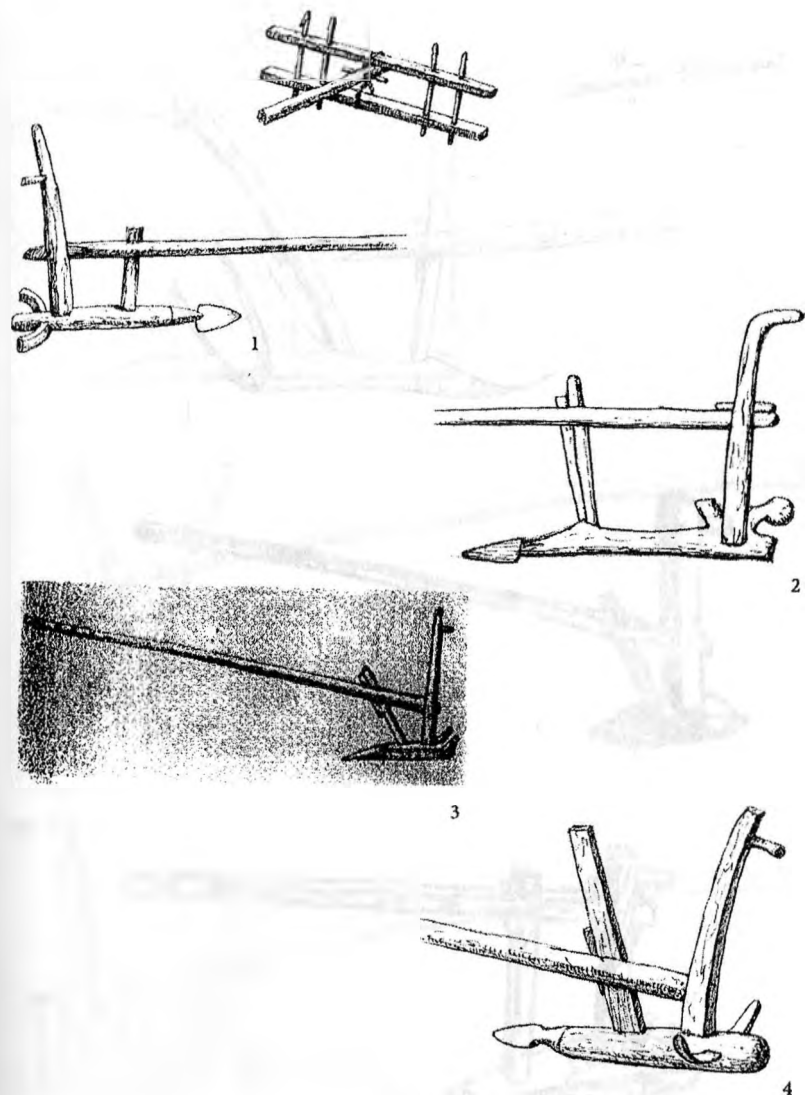

Рис. 22. Полосные рала со стойкой и ушками:

- 1) Сел. Харбук. Аналогичное орудие в сел. Мегеб;
- 2) Сел. Харбук. Аналогичное орудие в сел. Мокок;
- 3) Лакское;
- 4) Лакское. Аналогичные конструкции в сс. Чох, Согратль, Куяда, Наказух

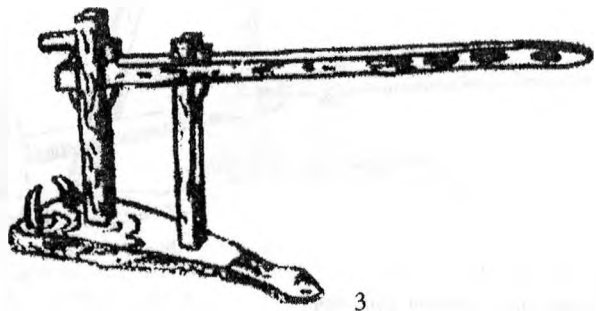
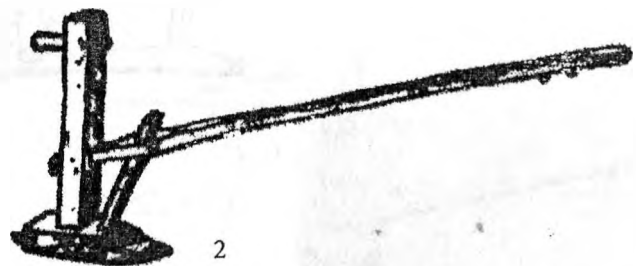
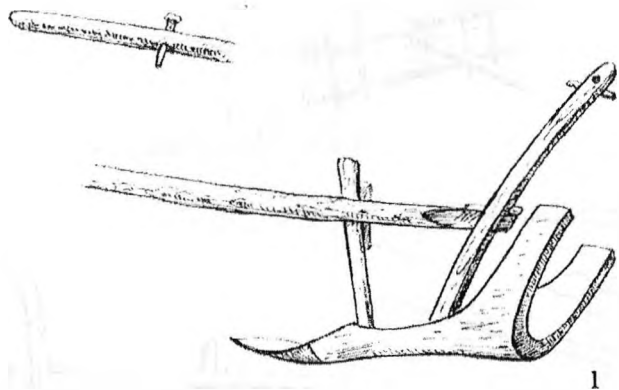

Рис. 23. Полосные рала со стойкой и ушками:
1) аварское;
2), 3) Дидойское, бежтинское

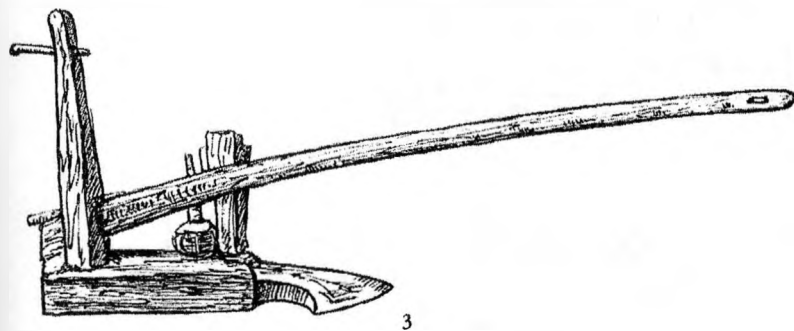
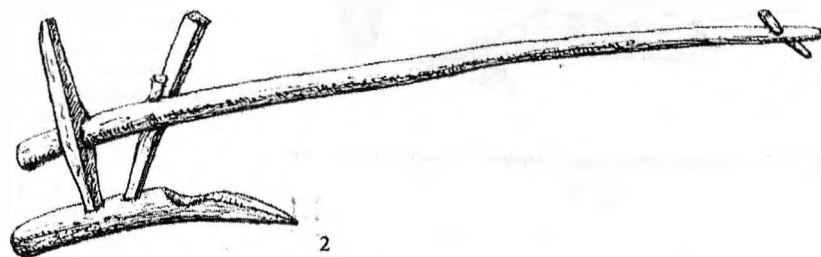
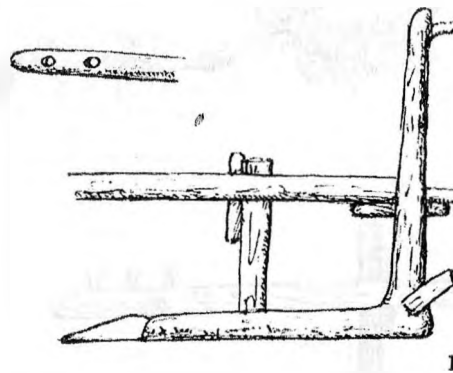

Рис. 24. Полосные рала со втойкой, с ушками и без ушек:
1) С ушками. Сел. Акуша;
2) Без ушек. Сел. Арчиб;
3) Без ушек. Кумыкское

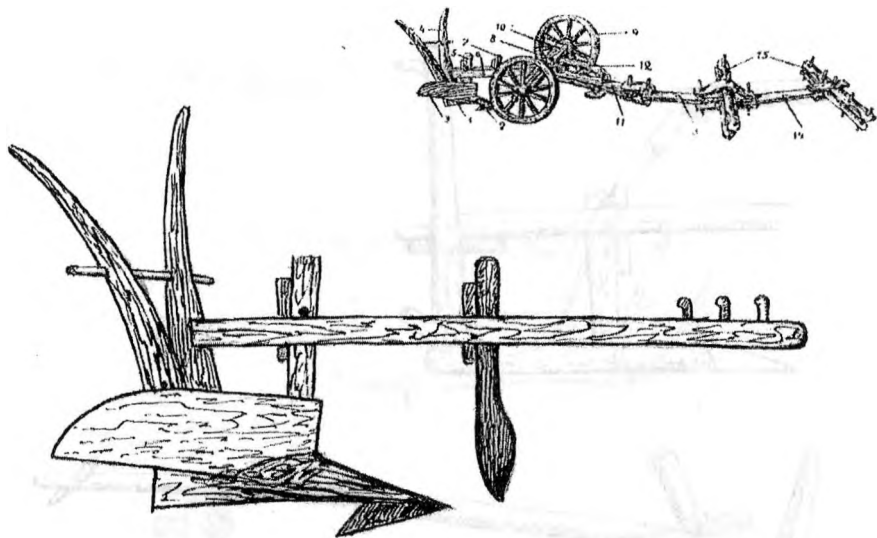
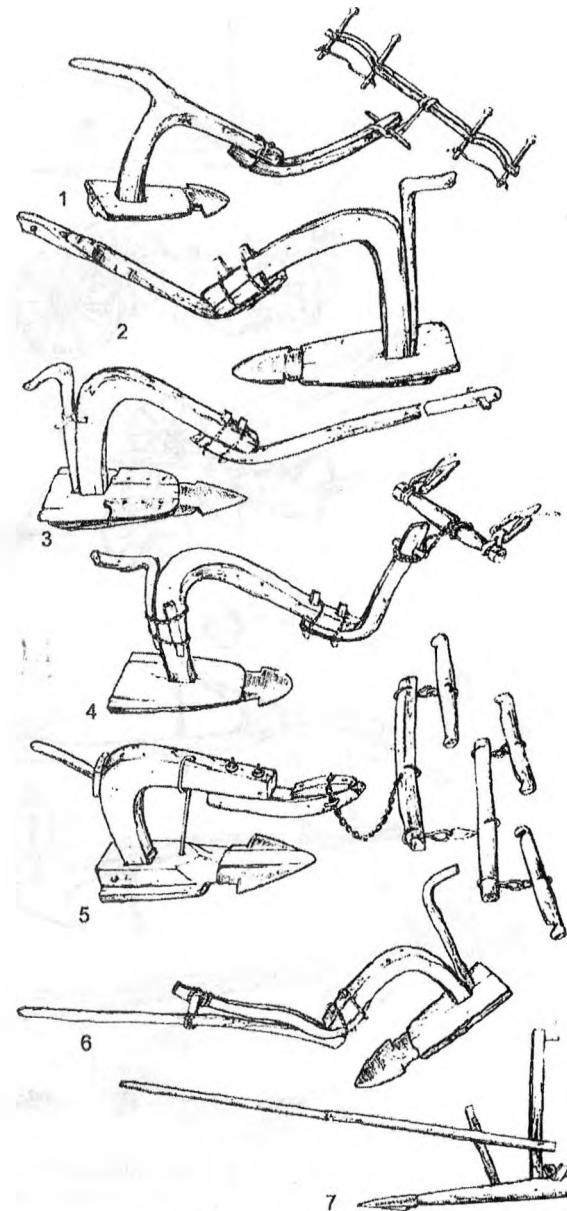

Рис. 25. Равнинный передковый (отвальный) плуг (кумыкский)

Рис. 26. ОРУДИЯ
ОБРАБОТКИ ПОЧВЫ
(Северный Кавказ):

- а) Горные пахотные орудия – рала
- 1 – осетинское орудие. С. Нар;
 - 2 – ингушское орудие. С. Джерах;
 - 3 – осетинское орудие. С. Даргавс;
 - 4, 5 – балкарские пахотные орудия. С. Верхняя Балкария;
 - 6 – карачаевское орудие. С. Учкулан;
 - 7, 8 – чеченские орудия. С. Утумкале;
 - 9, 10 – адыгейские (черкесские) тяжелые плуги (макеты). Адыгейский краеведческий музей;
 - 11–13 – абхазские пахотные орудия. Абхазский краеведческий музей

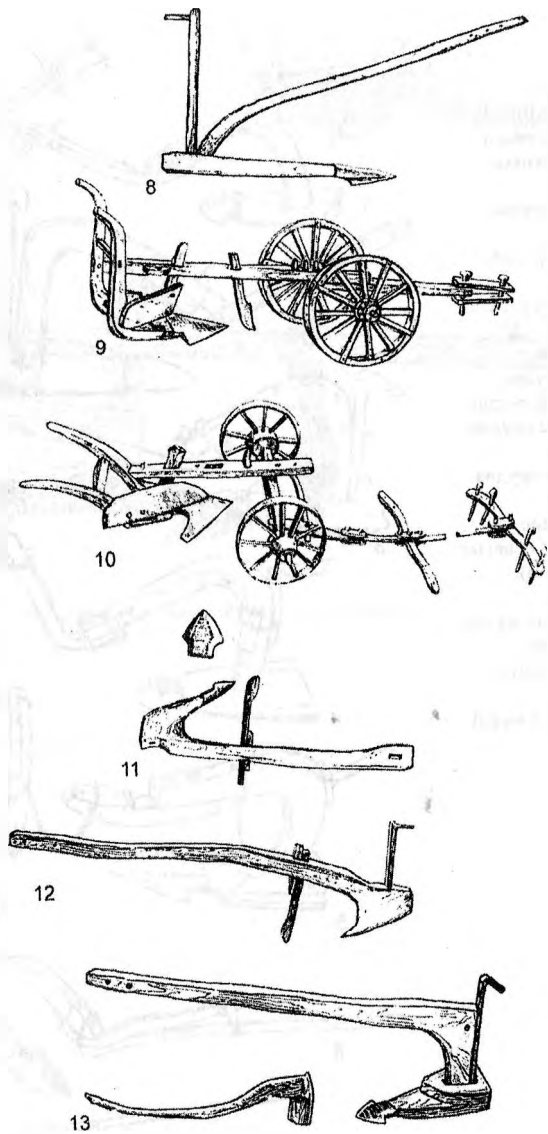

Рис. 26. ОРУДИЯ ОБРАБОТКИ ПОЧВЫ:
б) рала (8, 11, 12, 13), равнинные плуги (9, 10)

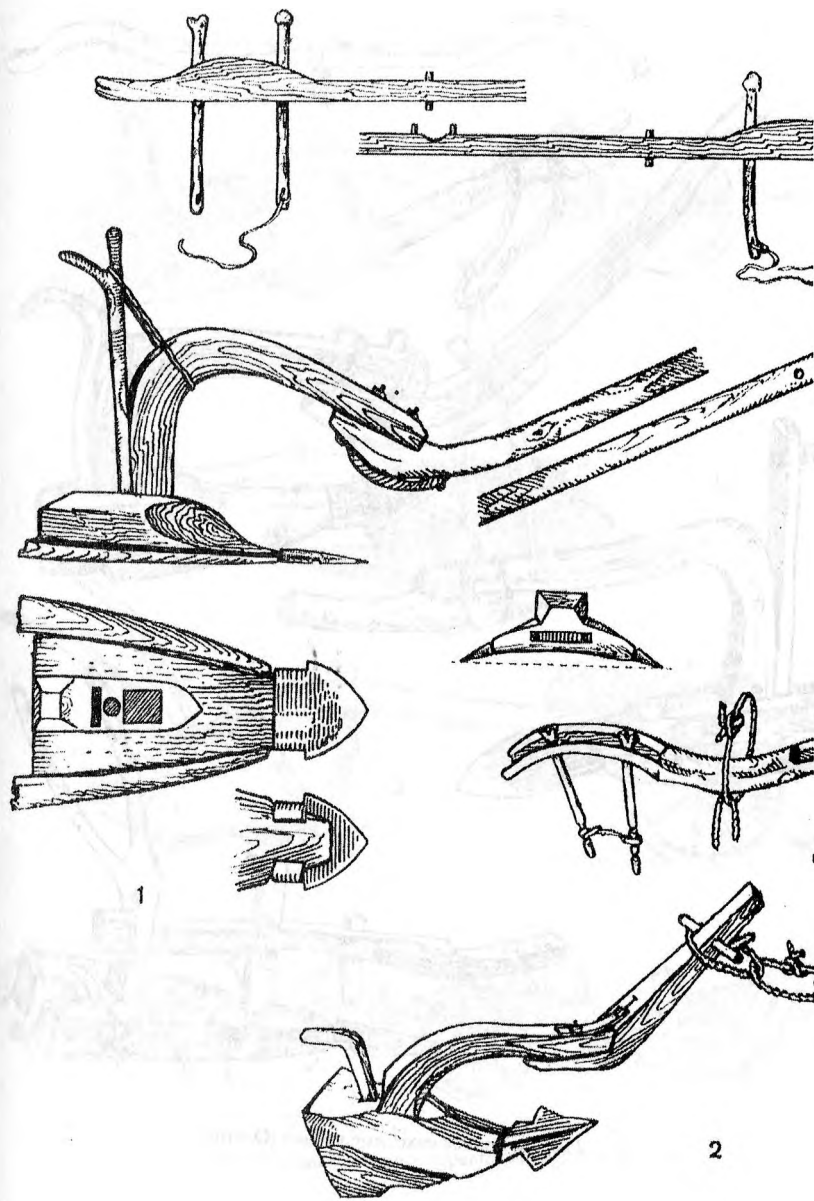

Рис. 27. Горные орудие (Осетия)

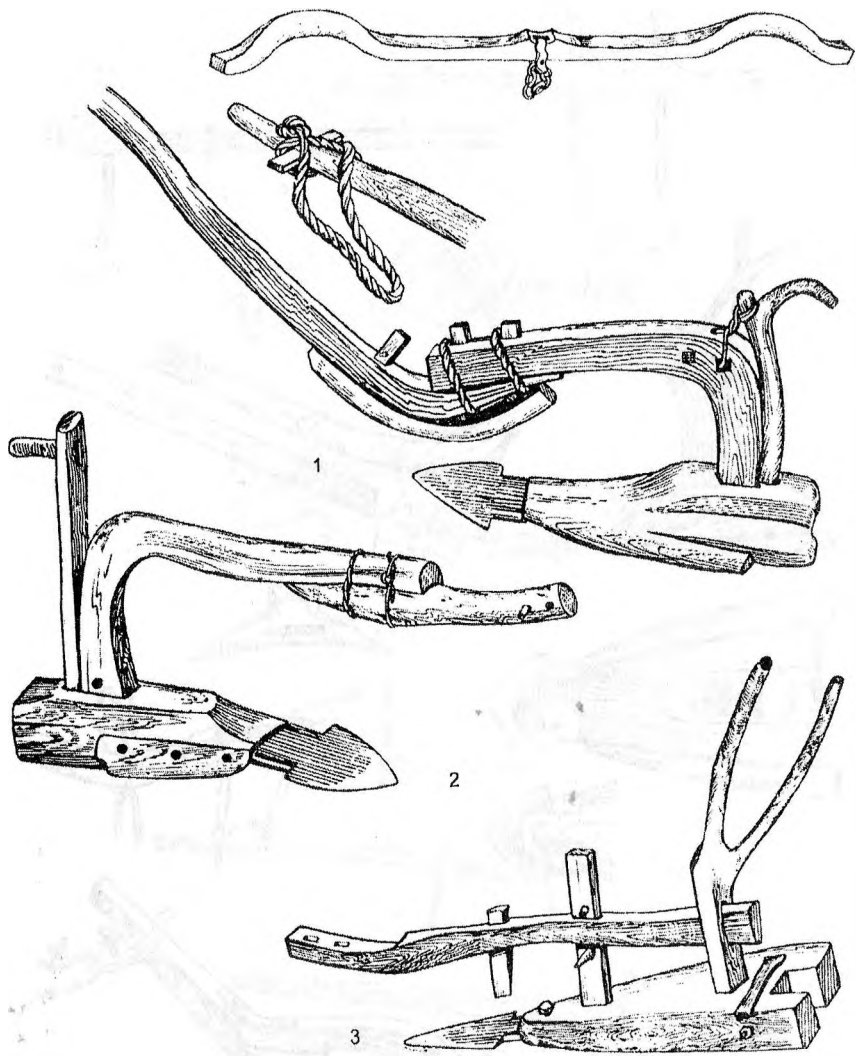

Рис. 28. Горное пахотные лрудия (Осетия)

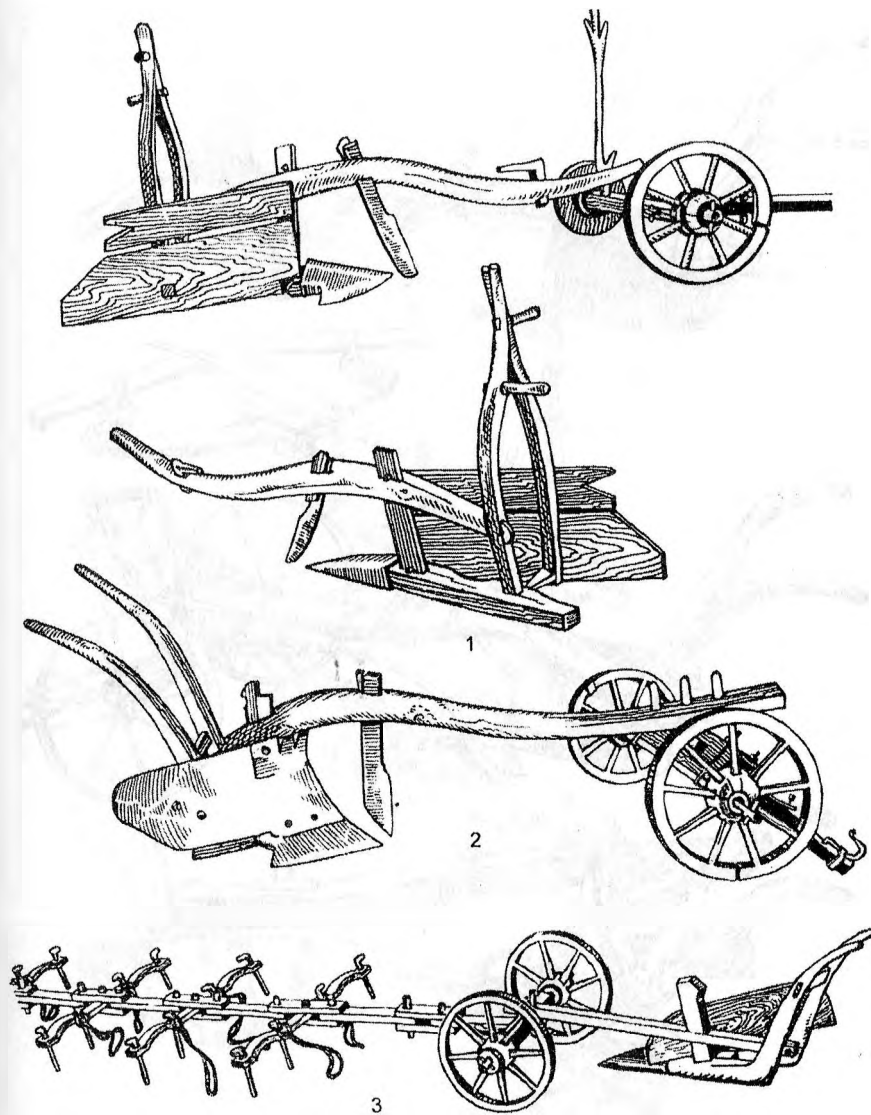

Рис. 29. Тяжелые деревянные передковые плуги (Осетия)

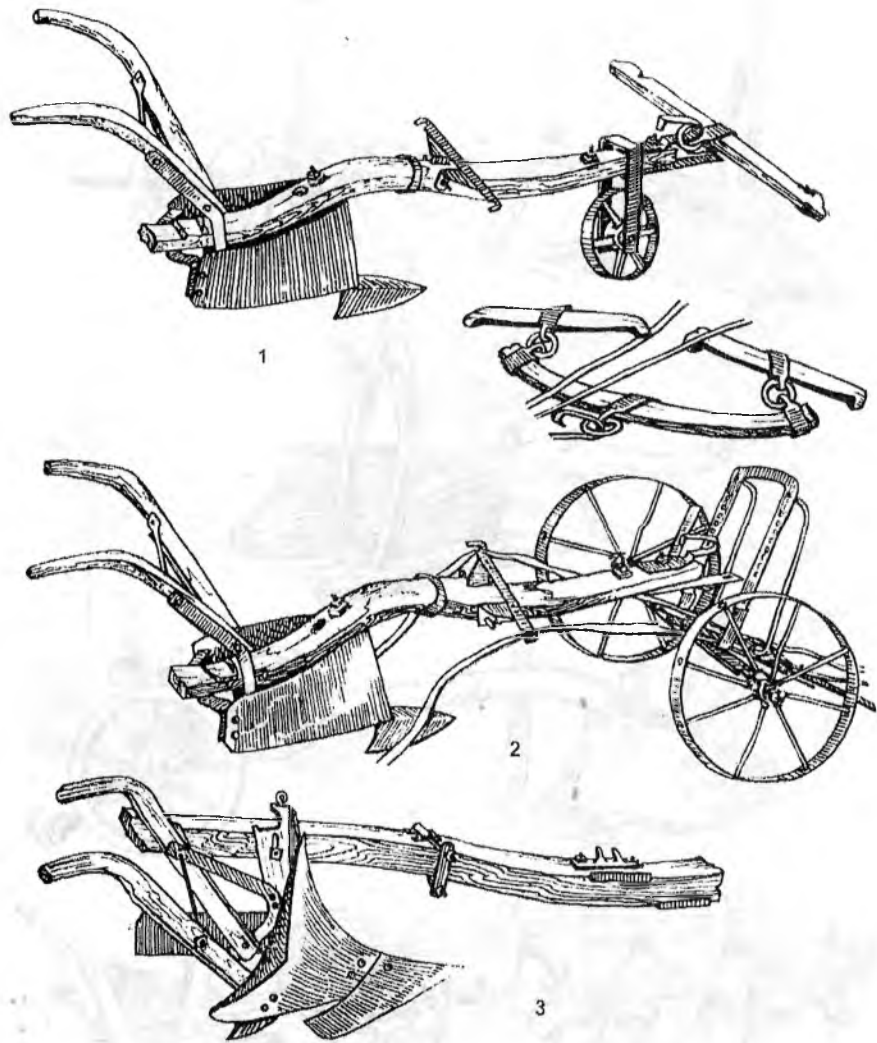

Рис. 30. Орудия для обработки почвы (Осетия)

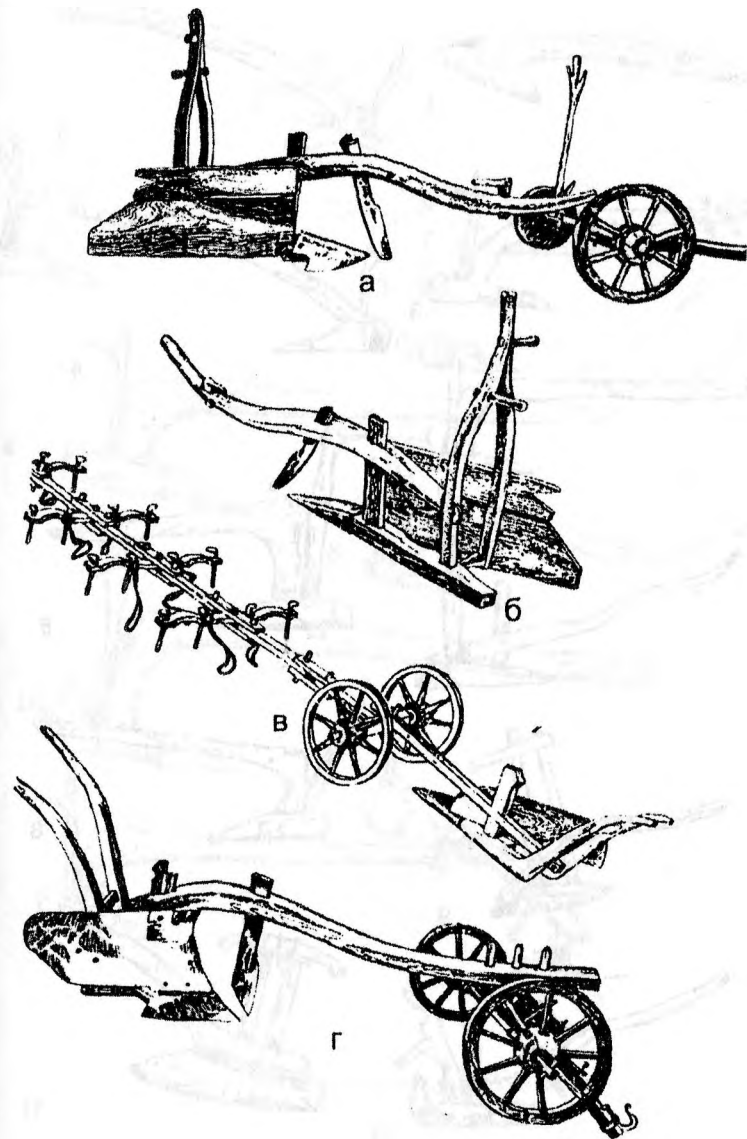

Рис. 31. Орудия вснашки (Осетия):
 а, б – грузинский деревянный передковый плуг (гурзияг гутон); в – адыгский плуг (кагон гутон); г – украинский плуг (украинаг гутон)

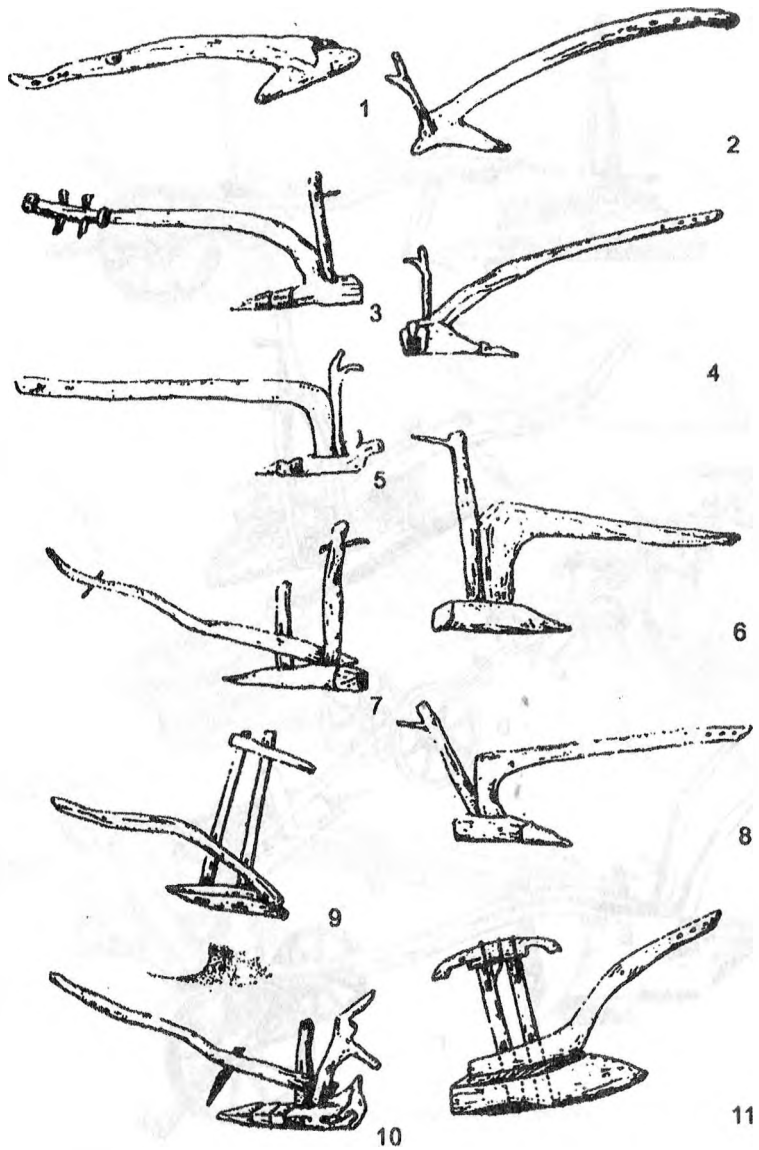

Рис. 32. Грядильные и полозные рала (Азербайджан)

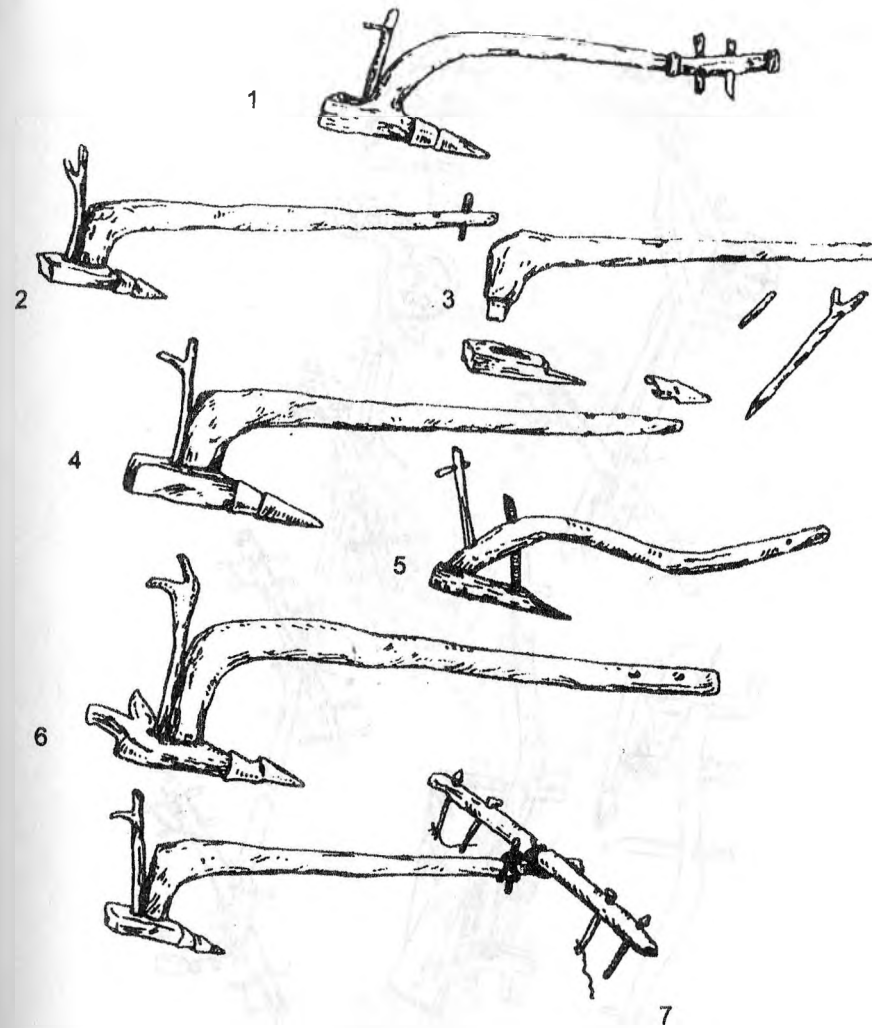

Рис. 33. Грядильные и полозные рала (Азербайджан)

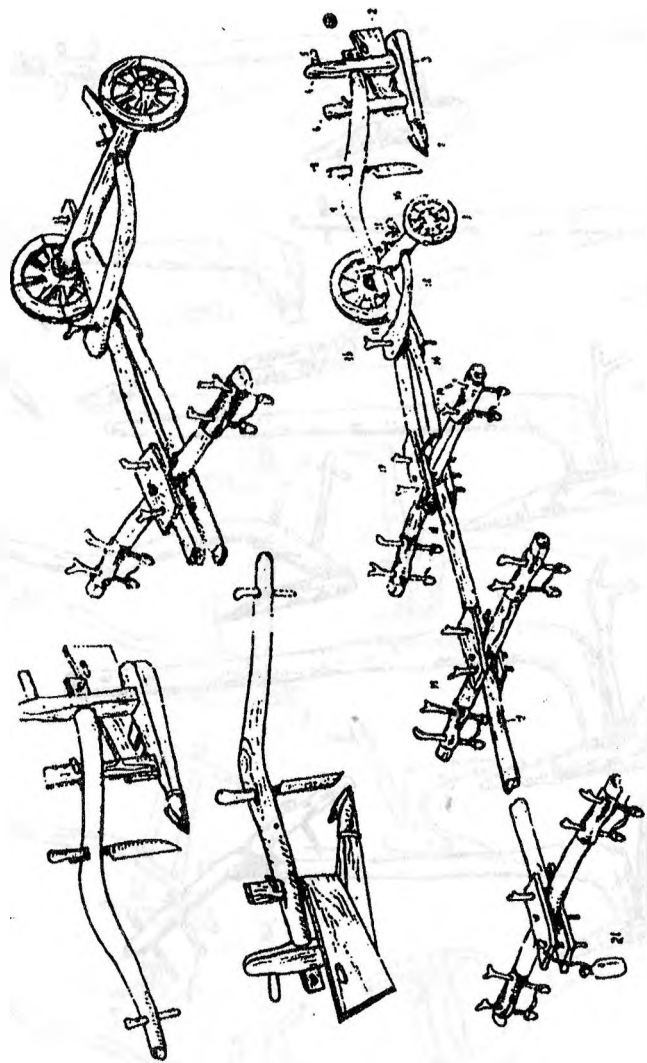

Рис. 34. Тяжелые деревянные плуги (Азербайджан)

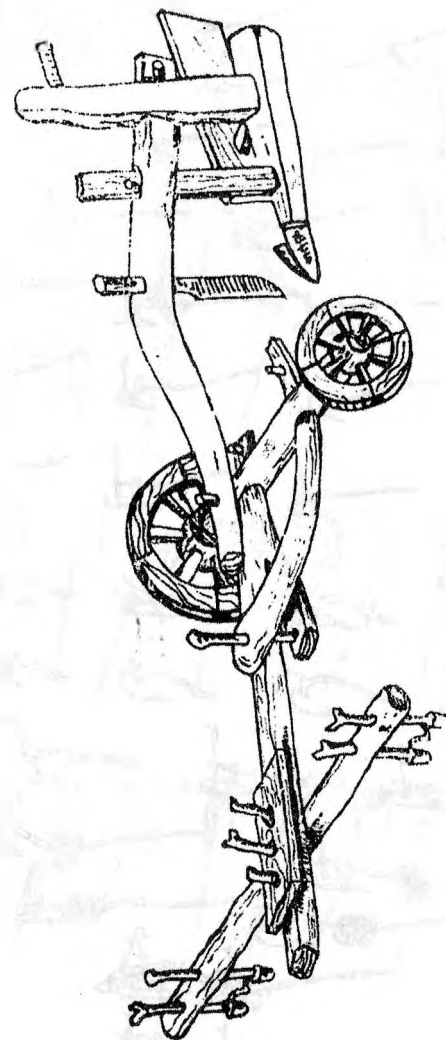

Рис. 35. Передковый деревянный плуг (Азербайджан)

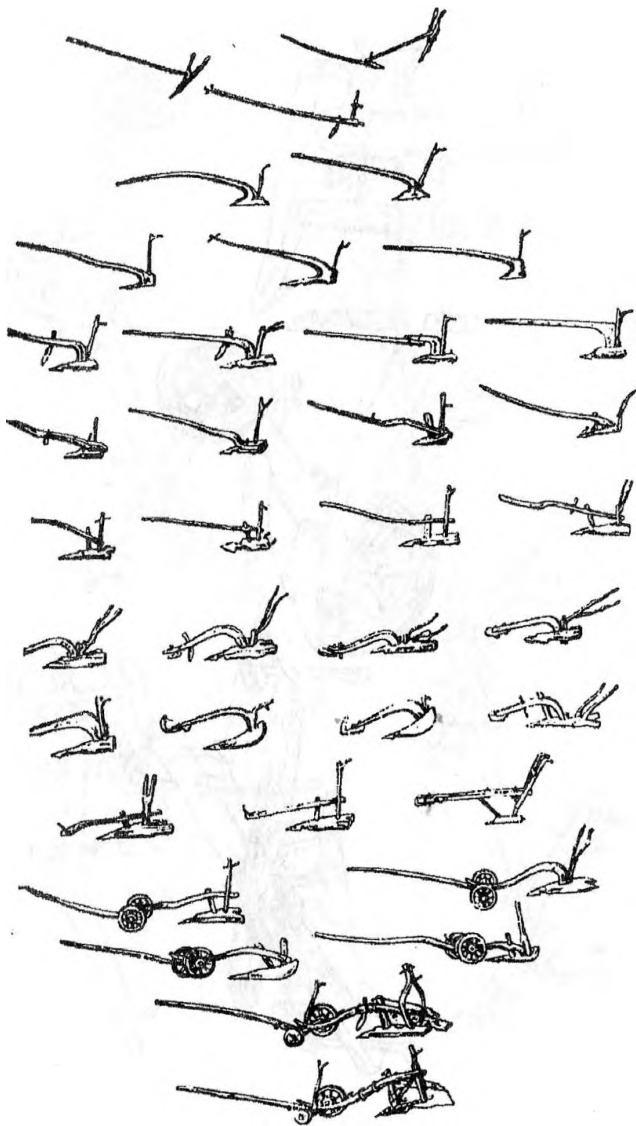

Рис. 36. Схема развития пахотных орудий Грузии: 1) ярменные пахотные орудия, грядильные пахотные орудия; 3) передковые пахотные орудия; 4) передковые с отвалом; 5) мухранский плуг

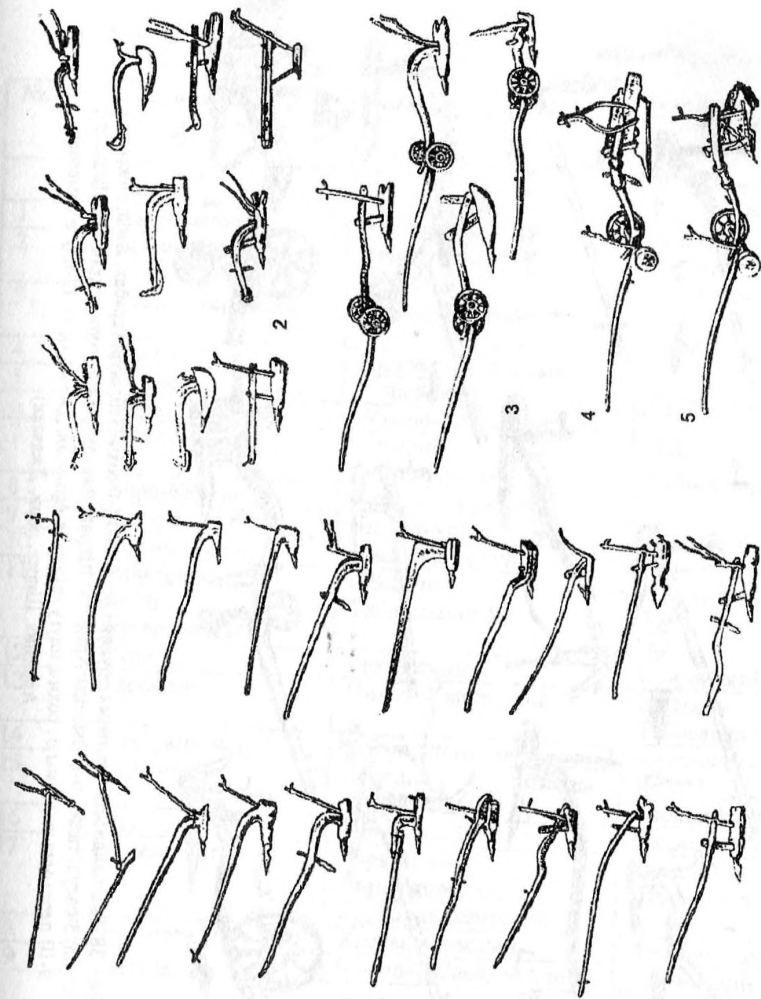

Рис. 37. Схема развития пахотных орудий Грузии: 1-ярменные орудия; 2-грядильные; 3-передковые; 4-передковое с отвалом; 5-мухранский плуг

Список союзов обществ, владений и участков по природно-географическим зонам и округам

№№	Союз обществ, владение	Участок, куда входила территория союза или владения	Округ
I. Равнина			
1	Аксаевское	Аксаевский	Хасавюртовский
2	Баммат-улу	Темир-Хан-Шуринский	Темир-Хан-Шуринский
3	Верхи. Терекеме	Нижне-Кайтагский	Кайтаго-Табасаранский
4	Гамри	Нижнее-Кайтагский	
5	Гюджа	Гюнейский	Кюринский
6	Даре	Южно-Табасаранский	—
7	Джогдиль-дере	Северно-Табасаранский	Кайтаго-Табасаранский
8	Кара-Кайтаг	Кара-Кайтагский	—
9	Картас	Гюнейский	Кюринский
10	Костековское	Хасавюртовский	Хасавюртовский
11	Райятские села кадия Табасаранского	Северно-Табасаранский	Кайтаго-Табасаранский
12	Стал	Гюнейский	Кюринский
13	Терекеме	Нижне-Кайтагский	Кайтаго-Табасаранский
14	Улусский магал	Улусский магал	Кюринский
15	Харали-ар	Северно-Табасаранский	Кайтаго-Табасаранский
16	Чиле	Гюнейский	Кюринский
17	Шамхальство	Таркинский, Чирюртовский, Карабудахкентский	Темир-Хан-Шуринский
18	Эндиреевское	Хасавюртовский	Хасавюртовский
19	Этек	Южно-Табасаранский	Кюринский
II. Предгорье			
1(20)	Ахмар	Котур-Кюринский	//
2(21)	Дырча	Южно-Табасаранский	//
3(22)	Ирчамул	Кара-Кайтагский	Кайтаго-Табасаранский
4(23)	Каттаган	Кара-Кайтагский	//
5(24)	Котур-Кюра	Котур-Кюринский	Кюринский
6(25)	Кухрук	Северно-Табасаранский	Кайтаго-Табасаранский

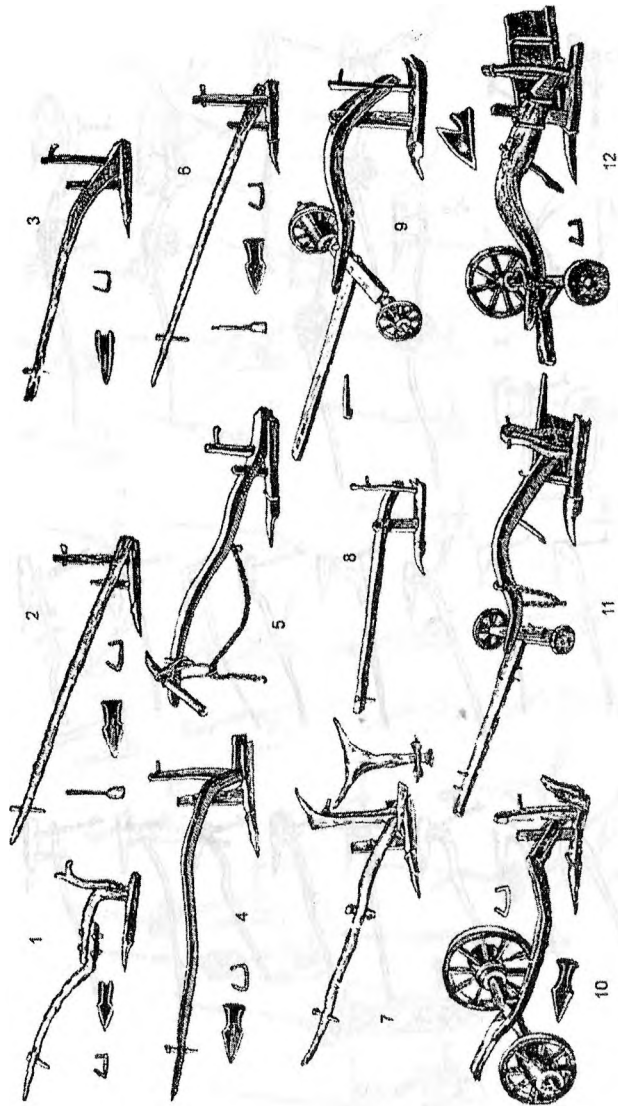

Рис. 38. Разновидности пахотных орудий (Армения) 1-8 сохи (Зангезур, карабах, Лори, илжеван – гануш; 3-сасун, талин; 4-6-Высокая Армения, Ширак, Джавахк; 7-8-Высокая Армения, Джавахк); 9-10-переходные формы от сохи к плугу (высокая Армения, Джавахк); 11-12-плуги (Высокая Армения, Ширак, лори, Джавахк)

7(26)	Кырах	//	//
8(27)	Маджалис-кадта	Уркарахский	//
9(28)	Мехтулинское	Дженгугаевский	Темир-Хан-Шуриинский
10(29)	Муйре	Уркарахский	Кайтаго-Табасаранский
11(30)	Нитриг	Южно-Табасаранский	Кюринский
12(31)	Салатау	Салатавский (нагорный)	Хасавюртовский
13(32)	Аух	-	//
14(33)	Сувак	Южно-Табасаранский	Кюринский
15(34)	Урахи	Мекегинский	Даргинский
16(35)	Хараг	Северно-Табасаранский	Кайтаго-Табасаранский
17(36)	Чуркуль	Северно-Табасаранский	//
18(37)	Шуркант	Кара-Кайтагский	//
19(38)	Эрпелинское	Темир-Хан-Шуриинский	Темир-Хан-Шуриинский

III. Среднегорье

1(39)	Акуша	Акушинский	Даргинский
2(40)	Андадал	Андадалский	Гунибский
3(41)	Бактлук	Бактлукский	Аварский
4(42)	Вицхи	Вицхинский	Казикумухский
5(43)	Ганк	Уркарахский	
6(44)	Гапш	//	//
7(45)	Гидатль	Тилитль-Гидатлинский	Гунибский
8(46)	Ицари	Уркарахский	Кайтаго-Табасаранский
9(47)	Кабир	Котур-Кюринский	Кюринский
10(48)	Карата	Каратинский	Андийский
11(49)	Куяда	Куядинский	Гунибский
12(50)	Мекеги	Мекегинский	Даргинский
13(51)	Муги	Акушинский	-
14(52)	Наха-Хиндалал	Цатанихский	Аварский
15(53)	Технуцал	Технуцальский	Андийский
16(54)	Усиша	Акушинский	Даргинский
17(55)	Хедолал	Хунзахский	Аварский
18(56)	Хиндалал	Койсубудинский	//
19(57)	Хунзахский	Хунзахский	//
20(58)	Цудахар	Цудахарский	Даргинский

IV. Высокогорье

1(59)	Агул-дере	Курахский	Кюринский
2(60)	Алтыпара	Докузпаринский	Самурский

3(61)	Анди	Андийский	Андийский
4(62)	Анцросо	Бохнадальский	Гунибский
5(63)	Анцух	Анцухо-Капучинский	Гунибский
6(64)	Асахо	Дидойский	Андийский
7(65)	Ахтыпара	Ахтыпаринский	Самурский
8(66)	Багулал	Каратинский	Андийский
9(67)	Бохнада	Бохнадальский	Гунибский
10(68)	Буркундарга	Ашты-кулинский	Казикумухский
11(69)	Гумбет	Гумбетовский	Андийский
12(70)	Гунзал	Анцухо-капучинский	Гунибский
13(71)	Джурмут (Тум)	Бохнадальский	-
14(72)	Докузпара	Докузпаринский	Самурский
15(73)	Дусрех	Мукарский	Казикумухский
16(74)	Ихрек	Лучекский	Самурский
17(75)	Казикумухское	Кумухский	Казикумухский
18(76)	Капуча	Анцухо-капучинский	Гунибский
19(77)	Карах	Тлейсерухский	//
20(78)	Мукратль	//	//
21(79)	Келеб	Тилитль-Гидатлинский	//
22(80)	Ратлу-ахвах	//	//
23(81)	Кос	Анцухо-Капучинский	//
24(82)	Кули	Ашты-кулинский	Казикумухский
25(83)	Курах	Курахский	Кюринский
26(84)	Кушан-дере	//	//
27(85)	Мукар	Мукарский	Казикумухский
28(86)	Рича	Курахский	Кюринский
29(87)	Рутул	Лученский	Самурский
30(88)	Сирха	Сюргинский	Даргинский
31(89)	Таш	Анцухо-Капучинский	Гунибский
32(90)	Тланада (Тлен)	Бохнадальский	//
33(91)	Тлебель	//	//
34(92)	Тлейсерух	Тлейсерухский	//
35(93)	Томс	Анцухо-Капучинский	//
36(94)	Тох	//	//
37(95)	Ункратль	Ункратль-Чамалалский	Андийский
38(96)	Ухнада	Бохнадальский	Гунибский
39(97)	Хварши	Тиндальский	Андийский
40(98)	Тинди	-	//
41(99)	Цахур	Лученский	Самурский
42(100)	Цунта-Ахвах	Каратинский	Андийский
43(101)	Чамалал	Ункратль-Чамалалский	//
44(102)	Шнитль	Дидойский	//
45(103)	Шуратль	//	//

Хозяйственные показатели по участкам*

Всероссийская сельскохозяйственная перепись 1917 г. Дагестанская область // Труды Дагестанского статистического управления. Махачкала. 1924. № 1-6; Всероссийская сельскохозяйственная перепись 1916 г. Терская область. Поселенные итоги. Владикавказ. 1919; Дагестанская область. Свод статистических данных, извлеченных из посемейных списков населения Закавказья. Тифлис. 1890; Даргинский округ Дагестанской области. Свод статистических данных, извлеченных из посемейных списков населения Кавказа. Тифлис. 1887; Обзоры Дагестанской области за 1892-1915 гг. Приложения к всеподданнейшему отчету военного губернатора Дагестанской области. Темир-Хан-Шура, 1893-1916; Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. XII. Дагестанская область, СПб, 1905; Статистические таблицы населенных мест Терской области. Т. 2. Вып. 6. Хасавюртовский округ. Владикавказ. 1890; Полевой материал автора (с 1961 г.).

№ № п/п	Уча-сток	Число селе-ний	Число хозяй-ств	Пахот-ные угодыя (в дес.)	Сено косы (в дес.)	КРС	МРС		Лошади		Ослы		Весь скот в переводе на КРС
							Всего	В пере-воде на КРС	Всего	В пере-воде на КРС	Всего	В пере-воде на КРС	
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14

Равнина

1.	Хасав-юртовский На 1 х-во	55	4878	30249 6,2	16361 3,3	21902 4,5	48490 10	8081 1,6	2988 0,6	3884 0,8	6	4	33871 6,9
2.	Аксаевский	52	3654	29690 8,1	23781 6,5	21117 5,8	44228 12	7371 2,0	4007 1,1	5209 1,4	-	-	33697 9,2
3.	Таркинский	8	2444	25061 10,4	749 0,3	11516 4,7	27945 11	4657 1,9	1453 0,6	1889 0,8	-	-	18062 7,4
4.	Чирюртов-ский	4	1220	8145 6,7	4121 3,4	5849 4,8	42711 35	7118 5,8	944 0,8	1227 1	163 0,1	98 0,08	14292 11,7

* По видам схема в таблице приняты соотношения: исходная единица - КРС - 1 гол, лошадь - 1,3, осел - 0,6, овцы - 620.

Равнина

1.	Хасавюртов-ский На 1 х-во	55	4878	30249 6,2	16361 3,3	21902 4,5	48490 10	8081 1,6	2988 0,6	3884 0,8	6	4	33871 6,9
2.	Аксаевский	52	3654	29690 8,1	23781 6,5	21117 5,8	44228 12	7371 2,0	4007 1,1	5209 1,4	-	-	33697 9,2
3.	Таркинский	8	2444	25061 10,4	749 0,3	11516 4,7	27945 11	4657 1,9	1453 0,6	1889 0,8	-	-	18062 7,4
4.	Чирюртов-ский	4	1220	8145 6,7	4121 3,4	5849 4,8	42711 35	7118 5,8	944 0,8	1227 1	163 0,1	98 0,08	14292 11,7
5.	Карабудах-кентский	5	3763	15266 4	269 0,07	10911 2,9	52986 14	8831 2,3	1034 0,2	1344 0,3	107 0,03	64 0,02	21150 5,6
6.	Нижне-Кайтагский	28	5041	35764 7,1	7090 1,4	24157 4,8	21082 4	3513 0,07	2349 0,4	3054 0,6	46	27	30751 6,1
7.	Северно-Табасаран-ский	84	3962	13152 3,3	4081 1	15555 4,0	23327 6	3887 1	1420 0,3	1846 0,4	179 0,04	107 0,03	21395 5,4
8.	Гюнейский	53	3973	16408 4,1	-	12509 3,1	17497 4	2916 0,7	1052 0,2	1367 0,3	81 0,02	48 0,01	16840 4,2
9.	Улусский магал	12	523	4492 8,6	-	1867 3,5	690 1	115 0,2	335 0,6	435 0,8	28 0,05	17 0,03	2434 4,6
Итого		301	29458	178227	56452	125383	278956	46492	15582	20256	610	366	192497
На 1 хоз-во		-	-	6	1,9	4,2	9	1,5	0,6	0,7	0,02	0,01	6,5
% к области		24	22	60	62	26	11	-	26	-	1	-	19

Предгорье

1.	Салаватский На 1 хоз-во	51	4588	7568 1,6	—	20566 4,5	58171 12	9695 2,1	1939 0,4	2520 0,5	207 0,04	124 0,02	32908 7,2
2.	Т-Х- Шуринский	15	3785	6814 1,8	2862 0,7	12325 3,2	73147 19	12191 3,2	1304 0,3	16950,4	255 0,06	153 0,04	26364 7
3.	Дженгутаев- ский	15	6224	14574 2,3	1669 0,3	18942 3	69950 11	11658 1,9	1862 0,3	2420 0,4	265 0,04	159 0,02	33179 5,3
4.	Кара- Кайтагский	49	2528	3843 1,5	1649 0,6	8802 3,5	16185 6	2697 1	949 0,4	1234 0,5	94 0,03	56 0,02	12789 5
5.	Южно- Табасаран- ский	59	2983	10203 3,4	—	13040 4,4	50233 17	8372 2,8	1456 0,5	1892 0,6	2 —	1 —	23305 7,8
6.	Котур- Кюринский	53	4093	12688 3,1	—	14191 3,4	39787 10	6631 1,6	987 0,2	1283 0,3	43 0,01	26 0,006	22131 5,4
Итого		242	24201	55690	6180	87866	307473	51245	8497	11046	866	519	150676
на 1 хоз-во				2,3	0,3	3,6	12	2,1	0,3	0,4	0,03	0,02	6,2
% к области		19	18	18	7	18	12	—	14	—	3	—	15

Среднегорье

1.	Гехнуцальский на 1 хоз-во	12	1731	528 0,3	306 0,2	3414 2	13343 8	2223 1,3	507 0,3	659 0,4	1310 0,7	786 0,4	7082 4,1
2.	Каратин- ский	18	2344	1012 0,4	966 0,4	6348 2,7	41246 17	6874 2,9	566 0,2	735 0,3	1587 0,7	952 0,4	14909 6,3
3.	Хунзахский	39	3454	3478 1	4222 1,2	17480 5	68569 20	11428 3,3	1727 0,5	2245 0,6	2763 0,8	1658 0,5	32811 9,5
4.	Бахтлук- ский	10	833	620 0,7	876 1	5377 6,4	9317 11	1553 1,8	466 0,5	606 0,7	746 0,9	447 0,5	7983 9,6

5.	Койсубу- линский	15	2797	594 0,2	2874 1	13515 4,8	42434 15	7072 2,5	1398 0,5	1817 0,6	2237 0,8	1342 0,5	23746 8,5
6.	Цатаних- ский	17	1642	717 0,4	2848 1,7	7750 4,7	18498 11	3083 1,9	821 0,5	1067 0,6	1313 0,8	788 0,5	12688 7,7
7.	Тилитль- Гидатлинский	25	3236	11567 3,5	580 0,2	15080 4,6	45872 14	7645 2,3	1004 0,3	1305 0,3	2190 0,7	1314 0,4	25344 7,8
8.	Куядин- ский	9	2554	1802 0,7	—	11943 4,6	24075 9	4012 1,6	546 0,2	710 0,3	2210 0,8	1331 0,5	17996 7
9.	Андалал- ский	13	2551	1976 0,8	—	10726 4,2	131911 52	21985 8,6	1199 0,5	1559 0,6	2516 1	1509 0,6	35779 14
10.	Кугишин- ский	18	2682	1614 0,6	18 0,007	5619 2,1	29795 11	4966 1,8	449 0,2	584 0,2	37 0,01	23 0,009	11192 4,2
11.	Цудахар- ский	14	3367	1502 0,4	101 0,03	6625 2	51021 15	8503 2,5	1433 0,4	1863 0,5	1814 0,5	1088 0,3	18079 5,4
12.	Акушин- ский	12	4935	1234 0,2	258 0,05	4471 0,9	46672 9	7778 1,6	1095 0,2	1423 0,3	601 0,1	360 0,07	14032 2,8
13.	Мекегин- ский	18	5273	4251 0,8	542 0,1	10992 2,1	46702 9	7783 1,5	663 0,1	862 0,2	956 0,2	573 0,1	20210 3,8
14.	Вицхин- ский	28	2797	2164 0,8	1389 0,5	4757 1,7	59168 21	9861 3,5	1026 0,4	1334 0,5	1205 0,4	723 0,2	16675 6
15.	Кумухский	26	2604	1545 0,6	917 0,3	4437 1,7	14187 5	2364 0,9	1341 0,5	1743 0,7	1035 0,4	621 0,2	9165 3,5
16.	Уркарах- ский	32	3988	3079 0,7	1267 0,3	9226 2,3	52763 13	8794 2,2	1718 0,4	2233 0,5	1082 0,3	649 0,1	20902 5,2
Итого		306	46788	37683	17164	137760	685573	115931	15959	20746	23611	14166	288609
на 1 хоз-во		—	—	0,8	0,3	3	15	2,5	0,3	0,4	0,5	0,3	6,0
% к области		24	34	13	19	29	27	—	27	—	66	—	29

Высокогорье

1.	Гумбетовский	18	2595	982 0,4	924 0,3	9039 3,5	183900 71	30650 11,8	2113 0,8	2747 1	3678 1,4	2171 0,8	44607 17,2
2.	Андийский	7	1545	428 0,3	191 0,1	1776 1,1	51171 33	8528 5,5	1265 0,8	1644 1,1	209 0,1	125 0,08	12073 7,8
3.	Ункратль-Чамалалский	19	1795	1035 0,6	1003 0,5	8543 4,7	53237 29	8873 4,9	467 0,2	607 0,3	865 0,5	519 0,3	18542 10,3
4.	Тиндальский	10	953	946 1	99 0,1	4265 4,5	16455 17	2742 2,9	93 0,1	121 0,1	587 0,6	352 0,4	7480 7,8
5.	Дидойский	35	993	971 0,7	447 0,4	3275 3,3	31785 32	5297 5,3	406 0,4	528 0,5	167 0,2	100 0,1	9200 9,2
6.	Глейсерухский	41	2444	1437 0,6	785 0,3	11087 4,8	91008 37	15168 6,2	671 0,2	872 0,3	1479 0,6	887 0,4	28734 11,7
7.	Бохнадальский	38	1230	905 0,7	–	7112 5,8	58111 47	9685 7,9	613 0,5	797 0,6	94 0,07	56 0,04	17650 14,3
8.	Анцухско-Капучинский	65	1544	1046 0,7	–	7732 5	50758 33	8459 5,5	833 0,5	1083 0,7	63 0,04	38 0,02	17312 11,2
9.	Сюргинский	16	2550	1197 0,5	924 0,4	12390 4,8	33213 13	5535 2,2	912 0,3	1185 0,4	1650 0,6	990 0,4	20100 7,9
10.	Мукаринский	29	1709	1250 0,7	921 0,5	6262 3,6	38207 22	6368 3,7	725 0,4	942 0,5	865 0,5	519 0,3	14091 8,2
11.	Ашты-Кулинский	21	3230	1778 0,5	1316 0,4	8316 2,6	80423 25	13403 4,1	2020 0,6	2626 0,8	1212 0,3	727 0,2	24712 7,6
12.	Курахский	37	2931	8181 2,8	–	11474 3,9	75127 25	12521 4,3	1589 0,5	2065 0,7	129 0,04	77 0,02	26137 8,9
13.	Докузпаринский	16	3791	2871 0,7	2648 0,7	13746 3,6	138143 36	23024 6	3383 0,9	4398 1,2	–	–	41168 10,8
14.	Ахтыпарин-	23	4029	1596	1095	9104	147831	24638	1764	2293	–	–	36035

	ский			0,4	0,3	2,2	37	6,1	0,4	0,6			8,9
15.	Лученский	41	3572	2474 0,7	356 0,1	14374 4	158569 44	26428 7,4	1963 0,5	2552 0,7	–	–	43354 12,1
Итого		416	35011	26797	10709	129215	1207948	201323	18817	245537	10938	6564	361616
На 1 хоз-во		–	–	0,8	0,3	3,7	35	5,8	0,5	0,7	0,3	0,2	10,5
% к области		33	26	9	12	27	50	–	33	–	30	–	37
Всего по Дагестану		1265	135458	298397	90505	480224	2489950	414991	58855	76511	36025	21615	993398
На 1 хоз-во				2,2	0,6	3,6	18	3	0,4	0,6	0,3	0,1	7,3

Таблица 3

Селения, представленные в работе полевым материалом

№№	Названия селений (литера в скобке – показатель зоны: Р – равнинная, П – предгорная, С – среднегорная, В – высокогорная)	Союз обществ, владения	Участок	Округ
1	Адага (П)	Ирчамул	Кара-кайтагский	Кайтаго-Табасаранский
2	Акуша (С)	Акуша	Акушинский	Даргинский
3	Аксай (Р)	Аксаевский	Аксаевский	Хасавюртовский
4	Алходжамент (Р)	Гамри	Нижне-Кайтагский	Кайтаго-Табасаранский
5	Амух (В)	Буркун-Дарга	Ашты-кулинский	Казикумухский
6	Анди (В)	Анди	Андийский	Анлийский
7	Андрей-аул (Р)	Андреевский	Хасавюртовский	Хасавюртовский
8	Ансалта (С)	Технуцал	Технуцальский	Андийский
9	Анчих (С)	Карата	Каратинский	//
10	Араканы (С)	Хиндалал	Койсубулинский	Аварский
11	Аркин (Р)	Харали-ар	Северно-Табасаранский	Кайтаго-Табасаранский
12	Арчиб (В)	Дусрех	Мукарский	Казикумухский
13	Асахо (В)	Асахо	Дидойский	Андийский
14	Атриг (П)	Сувак	Южно-Табасаранский	Кюринский
15	Ахмедкент (П)	Маджалис-Кадта	Уркарахский	Кайтаго-Табасаранский
16	Ахты (В)	Ахты-пара	Ахтыпаринский	Самурский
17	Ашага-Араг	Чиле	Гюнейский	Кюринский
18	Ашага-Аркин (П)	Котур-Кюра	Котур-Кюринский	//
19	Ашага-Стал	Стал	Котур-Кюринский	//
20	Ашар (В)	Курах	Курахский	//
21	Ашты (В)	Буркун-Дарга	Ашты-Кулинский	Казикумухский
22	Балхар (С)	Акуша	Акушинский	Даргинский
23	Баршамай (Р)	Кара-Кайтаг	Кара-Кайтагский	Кайтаго-Табасаранский

24	Батлаич (С)	Хедолал	Хунзахский	Аварский
25	Башлыкент (Р)	Верх. Теркеме	Нижне-Кайтагский	Кайтаго-Табасаранский
26	Бежта (В)	Капуча	Анцухо-Капучинский	Гунибский
27	Буркихан (В)	Агулдере	Курахский	Кюринский
28	Буртунай (П)	Салатау	Салатавский	Хасавюртовский
29	Бурши-Мака (В)	Курах	Курахский	Кюринский
30	Бутри (С)	Мекеги	Акушинский	Даргинский
31	Буцра (С)	Хиндалал	Хунзахский	Аварский
32	Варсит (П)	Ирчамул	Кара-Кайтагский	Кайтаго-Табасаранский
33	Вачи (В)	Кули	Ашты-Кулинский	Казикумухский
34	Великент (Р)	Теркеме	Нижне-Кайтагский	Кайтаго-Табасаранский
35	Верхн-Мулебки(С)	Муги	Мекегинский	Даргинский
36	Вихли (В)	Кули	Ашты-Кулинский	Казикумухский
37	Гагатль (В)	Анди	Андийский	Андийский
38	Газия (Р)	Кара-Кайтаг	Кара-Кайтагский	Кайтаго-Табасаранский
39	Гапшима (С)	Муги	Акушинский	Даргинский
40	Гведыш (В)	Ухнада	Бохнадальский	Гунибский
41	Гверситль (В)	Томс	Анцухо-Капучинский	//
42	Гдым (В)	Ахты-пара	Ахтыпаринский	Самурский
43	Гелли (Р)	Шамхальство	Карабудахкентский	Темир-Хан-Шуринский
44	Гельмец (В)	Цахур	Лученский	Самурский
45	Гельхен (В)	Рича	Курахский	Кюринский
46	Гениколо (В)	Джурмут	Ботнадальский	Гунибской
47	Гентаб (С)	Гидатль	Тилитль-Гидатлинский	//
48	Гергебиль (С)	Андадал	Кудинский	Гунибский
49	Гигатли (В)	Чамалал	Ункротль-Чамалалский	Андийский
50	Гилиб (В)	Тлейсерух	Тлейсерухский	Гунибский
51	Гимры (С)	Хиндалал	Койсубулинский	Аварский
52	Гиндух (В)	Ухнада	Бохнадальский	Гунибский
53	Гинта (С)	Мекеги	Мекегинский	Даргинский

54	Гоа (В)	Агул-дере	Курахский	Кюринский
55	Годобери (С)	Технуцал	Технуцальский	Андийский
56	Голотль (С)	Батлук	Батлукский	Аварский
57	Гоцатль (С)	Аварский	Хунзахский	//
58	Гочоб (В)	Карах	Тлейсерухский	Гунибский
59	Губден (Р)	Шамхальство	Карабудахкентский	Темир-Хан-Шуринский
60	Гулебки (В)	Сирха	Сюргинский	Даргинский
61	Гулли (Р)	Верх. Теркеме	Нижне-Кайтагский	Кайтаго-Табасаранский
62	Гуми (П)	Кухрук	Северно-Табасаранский	//
63	Гурик (П)	Чуркуль	-	//
64	Дарада (С)	Куяда	Куядинский	Гунибский
65	Дебгаша (П)	Муйре	Уркарахский	Кайтаго-Табасаранский
66	Дейбук (П)	Урахи	Мекегинский	Даргинский
67	Джавгат (Р)	Кара-Кайтаг	Кара-Кайтагский	Кайтаго-Табасаранский
68	Джебел (Р)	Чиле	Гюнейский	Кюринский
69	Джибахни (Р)	Кара-Кайтаг	Кара-Кайтагский	Кайтаго-Табасаранский
70	Джинаби (Р)	//	//	//
71	Джирбачи (П)	Шуркант	//	//
72	Джули (П)	Сувак	Южно-Табасаранский	Кюринский
73	Доргели (П)	Мехтулинское	Дженгугаевский	Темир-Хан-Шуринский
74	Дуакар (В)	Сирха	Сюргинский	Даргинский
75	Дуреги (П)	Ирчамул	Кара-Кайтагский	Кайтаго-Табасаранский
76	Дылым (П)	Салатау	Салатавский	Хасавюртовский
77	Дюбек (П)	Кырах	Северно-Табасаранский	Кайтаго-Табасаранский
78	Ерси (Р)	Райятские кадия Табасарана	//	//
79	Зильдик (П)	Нитриг	Южно-Табасаранский	Кюринский
80	Зрых (В)	Ругул	Луческий	Самурский
81	Игали (С)	Хиндалал	Койсубулинский	Аварский

82	Икра (В)	Курах	Курахский	Кюринский
83	Ингиши (В)	Гумбет	Гумбетовский	Андийский
84	Инхоквари (В)	Хварши	Тиндальский	//
85	Ирганай (С)	Хиндалал	Койсубулинский	Аварский
86	Ириб (В)	Тлейсерух	Тлейсерухский	Гунибский
87	Ицари (С)	Ицари	Уркарахский	Кайтаго-Табасаранский
88	Ихрек (В)	Ихрек	Лученский	Самурский
89	Кабир (С)	Кабир	Котур-Кюринский	Кюринский
90	Кадар (П)	Мехтулинское	Дженгугайский	Темир-Хан-Шуринский
91	Какашура (П)	Мехтулинское	//	//
92	Камелух (В)	Джурмут	Бохнадальский	Гунибский
93	Кана-Сираги (П)	Урахи	Мекегинский	Даргинский
94	Кандик (П)	Дырча	Южно-Табасаранский	Кюринский
95	Карабудахкент (Р)	Шамхальство	Карабудахкентский	Темир-Хан-Шуринский
96	Карадаглы (Р)	Теркеме	Нижне-Кайтагский	Кайтаго-Табасаранский
97	Кала-курейш (С)	Гапш	Уркарахский	//
98	Карата (С)	Карата	Каратинский	Андийский
99	Карацан (Р)	Кара-Кайтаг	Кара-Кайтагский	Кайтаго-Табасаранский
100	Карбучи-махи(В)	Сирха	Сюргинский	Даргинский
101	Карлан-юрт (Р)	Эндиреевское	Хасавюртовский	Хасавюртовский
102	Кассагу-махи (В)	Сирха	Сюргинский	Даргинский
103	Касумкент (Р)	Картас	Котур-Кюринский	Кюринский
104	Каякент (Р)	Гамри	Нижне-Кайтагский	Кайтаго-Табасаранский
105	Кванада (В)	Багулал	Каратинский	Андийский
106	Кидеро (В)	Шуратль	Дидойский	//
107	Кикунь (С)	Андадал	Андадалский	Гунибский
108	Киркия (П)	Ирчамул	Кара-Кайтагский	Кайтаго-Табасаранский
109	Киша (С)	Ганк	Уркарахский	//

110	Костек (P)	Костековское	Хасавюртовский	Хасавюртовский
111	Кошкент (П)	Ахмар	Котур-Кюринский	Кюринский
112	Куба (С)	Вицхи	Вицхинский	Казикумухский
113	Кубачи (С)	Ганк	Уркарахский	Кайтаго- Табасаранский
114	Куг (П)	Нитриг	Южно- Табасаранский	Кюринский
115	Кудияб-росо (В)	Цунта-Ахвах	Каратинский	Андийский
116	Кужник (П)	Хараг	Северно- Табасаранский	Кайтаго- Табасаранский
117	Кулецма(П)	Мехтулинское	Дженгутаевский	Темир-Хан- Шуринский
118	Кули (В)	Кули	Ашты-Кулинский	Казикумухский
119	Кумух (В)	Казид- Кумухское	Кумухский	-
120	Кунки (В)	Буркун-Дарга	Ашты-Кулинский	-
121	Куппа (С)	Цудахар	Цудахарский	Даргинский
122	Кураг (В)	Кушан-дере	Курахский	Кюринский
123	Курах (В)	Курах	-	-
124	Курих (П)	Чуркуль	Северо- Табасаранский	Кайтаго- Табасаранский
125	Куркли (С)	Вицхи	Вицхинский	Казикумухский
126	Куруш (В)	Алтыпара	Докузпаринский	Самурский
127	Кутиша (С)	Акуша	Кутишинский	Даргинский
128	Кутлаб (В)	Анцосо	Бохнадальский	Гунибский
129	Куштил (П)	Сувак	Южно- Табасаранский	Кюринский
130	Куяда (С)	Куяда	Куядинский	Гунибский
131	Леваши (С)	Акуша	Кутишинский	Даргинский
132	Лиша (П)	Шуркант	Кара-Кайтагский	Кайтаго- Табасаранский
133	Лоло- Гонитль(В)	Цунта-Ахвах	Каратинский	Андийский
134	Луткун (В)	Ахтыпара	Ахтыпаринский	Самурский
135	Лучек (В)	Рутул	Лучекский	-
136	Ляхля (П)	Сувак	Южно- Табасаранский	Кюринский
137	Маали (С)	Андалал	Андалалский	Гунибский
138	Магарамкент (P)	Чиле	Гюнейский	Кюринский
139	Маза (В)	Ахтыпара	Ахтыпаринский	Самурский

140	Мачада (С)	Гидатль	Тилитль- Гидатлинский	Гунибский
141	Мегеб (С)	Андалал	Андалалский	//
142	Межгюль (П)	Нитриг	Южно- Табасаранский	Кюринский
143	Мекеги (С)	Мекеги	Мекегинский	Даргинский
144	Местерух (С)	Хедолал	Хунзахский	Аварский
145	Мехельта (В)	Гумбет	Гумбетовский	Андийский
146	Миких (В)	Цахур	Лучекский	Самурский
147	Микрах (В)	Алтыпара	Докузпаринский	//
148	Мискинджа	Докузпара	//	//
149	Мишлеш (В)	Цахур	Лученский	Самурский
150	Мокок (В)	Шуратль	Дидойский	Андийский
151	Мочох (С)	Наха- Хиндалал	Цатанихский	Аварский
152	Мугерган (P)	Чиле	Гюнейский	Кюринский
153	Муги (С)	Муги	Акушинский	Даргинский
154	Муни (С)	Технуцал	Технуцальский	Андийский
155	Муцал-аул (P)	Эндиреевское	Хасавюртовский	Хасавюртовский
156	Мюрего (P)	Гамри	Нижне-Кайтагский	Кайтаго- Табасаранский
157	Мюхрек (В)	Ихрек	Лучекский	Самурский
158	Наказух (С)	Андалал	Андалалский	Гунибский
159	Намки (В)	Сирха	Сюргинский	Даргинский
160	Нижн. Казанище (P)	Баммат-улу	Темир-Хан-Шура	Темир-Хан- Шуринский
161	нижн. Мулебки (С)	Мекеги	Темир-Хан- Шуринский	Темир-Хан- Шуринский
162	Нижн. Батлух (С)	Батлух	Батлухский	Аварский
163	Нижн. Дженгутай (П)	Мехтулинское	Дженгутаевский	Темир-Хан- Шуринский
164	Никар (В)	Бохнада	Бохнадальский	Гунибский
165	Обода (С)	Хедолал	Хунзахский	Аварский
166	Орта-Стал (P)	Стал	Гюнейский	Кюринский
167	Оруджоба (P)	Чиле	Гюнейский	//
168	Параул (П)	Мехтулинское	Дженгутаевский	Темир-Хан- Шуринский
169	Рича (В)	Рича	Курахский	Кюринский
170	Ругельда (В)	Келеб	Тилитль- Гидатлинский	Гунибский

171	Ругуджа (С)	Андалал	Андалалский	//
172	Рука (Р)	Кара-Кайтаг	Кара-Кайтагский	Кайтаго-Табасаранский
173	Рутул (Р)	Рутул	Лучекский	Самурский
174	Санчи (П)	Маджалискадта	Уркарахский	Кайтаго-Табасаранский
175	Сикар (В)	Бохнада	Бохнадальский	Гунибский
176	Сиртыч (Р)	Этек	Южно-Табасаранский	Кюринский
177	Сиух (С)	Хедолал	Хунзахский	Аварский
178	Смугул (В)	Ахты-пара	Ахтыпаринский	Самурский
179	Соградль (С)	Андалал	Андалалский	Гунибский
180	Сулевкент (С)	Ганк	Уркарахский	Кайтаго-Табасаранский
181	Султан-янгиюрт (Р)	Шамхальство	Чирюртовский	Темир-Хан-Шуриный
182	Сурхачи (П)	Муйре	Уркарахский	Кайтаго-Табасаранский
183	Тад-Магигль (В)	Цунга-Ахвах	Каратинский	Андийский
184	Тама (П)	Ирчамул	Кара-Кайтагский	Кайтаго-Табасаранский
185	Тамаз-Тюбе (Р)	Костек	Хасавюртовский	Хасавюртовский
186	Танты (С)	Мекеги	Мекегинский	Даргинский
187	Тануси (С)	Хедолал	Хунзахский	Аварский
188	Тарки (Р)	Шамхальство	Таркинский	Темир-Хан-Шуриный
189	Тебек-махи (С)	Цудахар	Цудахарский	Даргинский
190	Тидиб (С)	Гидатль	Тилитль-Гидатлинский	Гунибский
191	Тинди (В)	Тинди	Тиндинский	Андийский
192	Тинит (Р)	Этек	Южно-Табасаранский	Кюринский
193	Тисси (В)	Тинди	Тиндинский	Андийский
194	Тлядал (В)	Капуча	Анцухо-Капучинский	Гунибский
195	Тлярата (В)	Анцросо	Бохнадальский	//
196	Токита (С)	Аварское	Хунзахский	Аварский
197	Тпиг (В)	Агул-дере	Курахский	Кюринский
198	Трисанчи (П)	Муйре	Уркарахский	Кайтаго-Табасаранский

199	Тураг (П)	Нитриг	Южно-Табасаранский	Кюринский
200	Туруф (П)	//	//	//
201	Уллуая (С)	Акуша	Акушинский	Даргинский
202	Уллубий-аул (Р)	Шамхальство	Карабудахкентский	Темир-Хан-Шуриный
203	Унцукуль (С)	Хиндалал	Койсубулинский	Аварский
204	Унчукатль (С)	Вицхи	Вицхинский	Казикумухский
205	Урада (С)	Гидатль	Тилитль-Гидатлинский	Гунибский
206	Урари (В)	Сирха	Сюргинский	Даргинский
207	Урахи (П)	Урахи	Мекегинский	//
208	Ургани (В)	Сирха	Сюргинский	//
209	Уркарах (С)	Гапш	Уркарахский	Кайтаго-Табасаранский
210	Урцаки (В)	Сирха	Сюргинский	Даргинский
211	Усемикент (Р)	Гамри	Нижне-Кайтагский	Кайтаго-Табасаранский
212	Усиша (С)	Усиша	Акушинский	Даргинский
213	Усуг (В)	Рича	Курахский	Кюринский
214	Утамыш (Р)	Гамри	Нижне-Кайтагский	Кайтаго-Табасаранский
215	Фий (В)	Ахтыпара	Ахтыпаринский	Самурский
216	Фурдаг (П)	Сувак	Южно-Табасаранский	Кюринский
217	Хадага (Р)	Кара-Кайтаг	Кара-Кайтагский	Кайтаго-Табасаранский
218	Хаджалмахи (С)	Цудахар	Цудахарский	Даргинский
219	Хакикент (Р)	Гюджа	Гюнейский	Кюринский
220	Хамамаюрт (Р)	Аксаевское	Аксаевский	Хасавюртовский
221	Харахи (С)	Наха-Хиндалал	Цатанихский	Аварский
222	Харбук (С)	Ганк	Уркарахский	Кайтаго-Табасаранский
223	Хашар-Хота	Капуча	Анцухо-Капучинский	Гунибский
224	Хеботль (В)	Шиитль	Дидойский	Андийский
225	Хнов (В)	Ахтыпара	Ахтыпаринский	Самурский
226	Хорода (В)	Таш	Анцухо-Капучинский	Гунибский

227	Хосрет (В)	Кули	Ашти-кулинский	Казикумухский
228	Хпюг (В)	Рича	Курахский	Кюринский
229	Хпюк (П)	Котур-Кюра	Котур-Кюринский	//
230	Хпюг (В)	Ахтыпара	Ахтыпаринский	Самурский
231	Хубар (П)	Салатау	Салаватавский	Хасавюртовский
232	Худуц (В)	Буркун-Дарга	Ашты-Кулинский	Казикумухский
233	Хужник (П)	Хараг	Северо-Табасаранский	Кайтаго-Табасаранский
234	Хунгия (П)	Каттаган	Кара-Кайтагский	Кайтаго-Табасаранский
235	Хунзах (С)	Аварское	Хунзахский	Аварский
236	Хусеб (С)	Ухнада	Бохнадальский	Гунибский
237	Хуриг (Р)	Этек	Южно-Табасаранский	Кюринский
238	Хурцатиль (П)	Сувак	//	//
239	Хуршни (В)	Сирха	Сюргинский	Даргинский
240	Хустиль (П)	Кырах	Северо-Табасаранский	Кайтаго-Табасаранский
241	Хутрах (В)	Шуратль	Дидойский	Андийский
242	Хучни (Р)	Джогдиль-дере	Северо-Табасаранский	Кайтаго-Табасаранский
243	Хуштада (В)	Багулал	Каратинский	Андийский
244	Цахур (В)	Цахур	Лучекский	Самурский
245	Цекоб (В)	Ратлу-Ахвах	Тилитль-Гидатлинский	Гунибский
246	Цийша (В)	Кули	Ашты-кулинский	Казикумухский
247	Цмур (П)	Котур-Кюра	Котур-Кюринский	Кюринский
248	Цугни (В)	Сирха	Сюргинский	Даргинский
249	Цудахар (С)	Цудахар	Цудахарский	//
250	Цумелух (В)	Тлебель	Бохнадальский	Гунибский
251	Чадакоб (В)	Анцух	Анцухо-Капучинский	//
252	Чираг (В)	Буркун-Дарга	Ашты-кулинский	Казикумухский
253	Чирката (В)	Гумбет	Гумбетовский	Андийский
254	Чонтаул (Р)	Шамхальство	Чирюртовский	Темир-Хан-Шуриный
255	Чох (С)	Андадал	Андадалский	Гунибский
256	Чукна (С)	Вицхи	Вицхинский	Казикумухский
257	Чумлы (Р)	Верх. Теркеме	Нижне-Кайтагский	Кайтаго-Табасаранский
258	Шаитль (В)	Шиитль	Дидойский	Андийский

259	Шиляги (П)	Каттаган	Кара-Кайтагский	Кайтаго-Табасаранский
260	Шнимихюр (В)	Курах	Курахский	Кюринский
261	Шиназ (В)	Рутул	Лучекский	Самурский
262	Эндирей (Р)	Эндирей	Хасавюртовский	Хасавюртовский
263	Эрпели (П)	Эрпелинское	Темир-Хан-Шуриный	Темир-Хан-Шуриный
264	Юхари-Араг (Р)	Картас	Гюнейский	Кюринский
265	Ялак (В)	Ахтыпара	Ахтыпаринский	Самурский
266	Ялцуг (В)	Докузпара	Докузпаринский	//
267	Янгикент (Р)	Верх. Теркеме	Нижне-Кайтагский	Кайтаго-Табасаранский
* Полевой материал автора по теме исследования, собранный во всех районах Дагестана, хранящийся в Рук. Фонде Института ИАЭ ДНЦ РАН				
1	Полевой материал 1961–1962 гг. Ф. 3. Оп. 3. Д. 3020.			
2	Полевой материал 1962–63 гг. Ф. 5. Оп. 1. Д. 6924.			
3	Полевой материал 1964–65 гг. Ф. 5. Оп. 1. Д. 3500.			
4	Полевой материал 1966 г. Ф. 5. Оп. 1. Д. 3500.			
5	Полевой материал 1973 г. Ф. 5. Оп. 1. Д. 5020.			
6	Полевой материал 1974 г. Ф. 5. Оп. 1. Д. 6029.			
7	Полевой материал 1975 г. Ф. 5. Оп. 1. Д. 6824.			
8	Полевой материал 1980 г. Ф. 5. Оп. 1. Д. 6824.			
9	Полевой материал 1981 г. Ф. 5. Оп. 1. Д. 7140.			
10	Полевой материал 1983 г. Ф. 5. Оп. 1. Д. 7542.			
11	Полевой материал 1986 г. Ф. 5. Оп. 1. Д. 8207.			
12	Полевой материал 1987 г. Ф. 5. Оп. 1. Д. 8529.			
13	Полевой материал 1988 г. Ф. 5. Оп. 1. Д. 8715.			
14	Полевой материал 1989 г. Ф. 5. Оп. 1. Д. 8793.			
15	Полевой материал 1991 г. Ф. 5. Оп. 1. Д. 9036.			

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава I. Понятие типа земледелия и его место в земледельческой культуре	40
Глава II. Тип земледелия: характеристика, компоненты, разновидности	62
§ 1. Пахотные угодья	62
а) Террасные угодья	84
§ 2. Пахотные орудия	103
а) Равнинные орудия	113
б) Предгорные орудия (верхнее предгорье) и горные пахотные орудия	125
Глава III Системы земледелия (понятие, характеристика, подвиды)	165
Глава IV. Переложная система	202
§ 1. Переложно-залежная	203
§ 2. Малый перелог	224
§ 3. Переложно-двухпольная общесельская	234
§ 4. Переложно-паровая трехпольная	240
Глава V. Паровая система	261
§ 1. Паровая севооборотная система	272
§ 2. Система уплотненного варьирования использования угодий (уплотненный полеоборот)	280
Глава VI. Подсечная (лесопольная) и лимонная системы	302
§ 1. Подсечная (лесопольная)	302
§ 2. Лиманная	319
Глава VII. Удобрение и орошение полей	327
§ 1. Удобрение полей	327
§ 2. Орошение	343
Заключение	363
Список сокращений	375
Приложения	377

Научное издание

Магомедзагир Османович Османов

ТРАДИЦИОННЫЕ ТИПЫ И СИСТЕМЫ ЗЕМЛЕДЕЛИЯ ДАГЕСТАНА
В XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА
(С ПРИВЛЕЧЕНИЕМ МАТЕРИАЛОВ ПО ВСЕМУ КАВКАЗУ)

Технический редактор Н.В. Эседуллаева
Корректор О.М. Давудов

Сдано в набор 07.08.2008. Подписано в печать 16.09.2008. Формат 60x84¹/₁₆.
Бумага офсетная № 1. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная. Усл. п.л. 27,6.
Тираж 400 экз. Заказ № 160. Цена свободная.

Институт истории археологии и этнографии
Дагестанского научного центра
Российской академии наук 367030. Махачкала, ул. М. Ярагского 75.

Типография Дагестанского научного центра Российской академии наук
367015 Махачкала, 5-й жилгородок, корпус 10

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского НЦ РАН**

instituteofhistory.ru